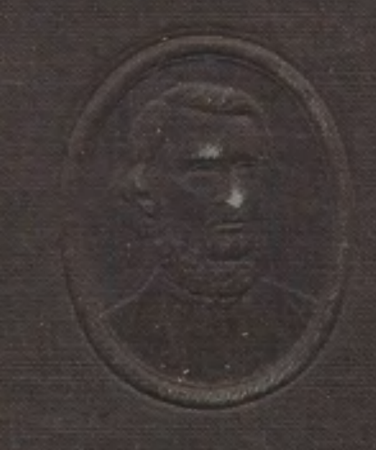
К. Д.
УШИНСКИЙ
СОЧИНЕНИЯ
5
АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
НАУК
РСФСР

К. Д. УШИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Печатается по постановлению
Совета Народных Комиссаров СССР
от 22 августа 1945 г.

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Институт теории и истории педагогики

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*

Редакционная коллегия:
А. М. Еголин (главный редактор),
Е. Н. Медынский
и В. Я. Струминский

*

Москва — Ленинград
1949

К. Д. УШИНСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

5

Методические статьи и материалы к „Детскому миру“

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР

Составил и подготовил к печати
В. Я. Струминский

ОТ РЕДАКЦИИ

Пятый том «Собрания сочинений» К. Д. Ушинского составляет естественное продолжение четвертого. Если в этом последнем дан текст «Детского мира» в его окончательной обработке К. Д. Ушинским, то в пятом томе собраны методические статьи, в которых Ушинский обосновывал содержание и методику работы по «Детскому миру», варианты первоначальных обработок «Детского мира» и некоторые другие, дополнительные материалы.

Методические статьи, обосновывавшие как содержание книги, так и методику преподавания русского языка по материалам этой книги, накоплялись у Ушинского постепенно в период составления книги и переработок ее первых изданий, а также в процессе полемики, возникшей в связи с употреблением книги в школе. Выпуская 5-е издание «Детского мира» в 1864 г., Ушинский извещал читателей, что он приготовляет к печати особую книгу о том, как вести преподавание русского языка по «Детскому миру». Книгу эту он предполагал издать в сотрудничестве с Д. Д. Семеновым, который в течение нескольких лет вел систематическую разработку уроков по материалам «Детского мира».

Подготовлявшаяся книга, в основном уже готовая, по разным причинам не вышла, разрозненные же в разных изданиях методические материалы ни разу не были переизданы полностью. Между тем, ясно, что материалы эти представляют первостепенную важность не только для уяснения методического замысла первой учебной книги, написанной Ушинским, но и для более общих задач изучения его педагогического наследства в целом.

Представляют интерес и варианты первоначальных обработок книги, вскрывающие до известной степени самый процесс работы Ушинского над этой книгой. Такими вариантами являются, с одной стороны, оглавления различных изданий книги, с другой, те первоначальные тексты различных статей, которые затем, на основе учета практического опыта школьной работы были или переработаны, или совсем опущены в последующих изданиях. Учитывая эти тексты, а также оглавления первых изданий, можно представить себе более или менее ясно как структуру и содержание этих изданий, которые давно уже являются мало доступной библиографической редкостью, так и самый процесс переработки книги.

Коренной разработке материал книги Ушинского подвергся трижды: в 1-м, 2-м и в 5-м издании. Это последнее легло в основу 10-го издания, с которого перепечатан и четвертый том настоящего собрания. Материалы пятого тома ставят себе задачей, наряду с переизданием методических статей Ушинского, объясняющих принципы составления и методику преподавания по «Детскому миру», восстановить до известной степени и самый характер разработки Ушинским основ-

ных изданий его книги. История этой разработки показывает, что, имея свой твердый педагогический и методический замысел, отчетливо изложенный уже в предисловии к 1-му изданию, Ушинский внимательно прислушивался как к указаниям школьной практики, так равным образом и к критическим замечаниям печати и, не изменяя своего первоначального замысла по существу, все же тщательно переработал свою книгу с внешней и с внутренней стороны: значительно изменил структуру книги, разделив ее на два отдельных курса (для детей от 10 до 12 и от 12 до 14 лет), многие статьи сократил, некоторые подверг переработке; наиболее одиозные мистические и религиозные статьи снял, увеличив значительно литературно-художественный материал в хрестоматии. Это не значит однакоже, что изменялось существо идеологии, положенной в основу книги: Ушинский только приспособлял ее методически к детскому возрасту. Так, статья «О человеке», заполнившая весь второй отдел 1-го издания, уже во 2-м издании потребовала переработки как весьма трудная для ребенка: статья была сокращена, упрощена и приспособлена к детскому пониманию. Однакоже в ней осталось все то же переплетение материалистических и идеалистических элементов, только философско-психологическая аргументация заменена мистико-религиозной, а в 10-м издании статья завершена мистико-религиозной концовкой под заглавием «Чудный домик».

Органическую составную часть настоящего тома составляют методические разработки уроков по «Детскому миру», сделанные Д. Д. Семеновым, одним из ближайших друзей Ушинского. Именно эти уроки

Ушинский предполагал издать в своем методическом руководстве, предпослав им свои теоретические разъяснения в виде ряда написанных для 1-го издания и вновь составленных статей.

Таким образом, основным содержанием пятого тома являются материалы, собранные и подготовленные Ушинским для предположенного, но не изданного методического руководства для преподавания по «Детскому миру». Эти материалы сгруппированы в четырех основных разделах настоящего тома. В приложениях к нему даны библиографические указания об изданиях «Детского мира» и о тех рецензиях, отзывах и заметках, в которых выразилось отношение педагогической общественности к «Детскому миру». Примечания в конце тома и указатель имен содержат библиографические указания и справки к напечатанным материалам. В соответствующих местах книги даны фотоснимки с первых изданий «Детского мира» и с черновых рукописей Ушинского, относящихся к периоду его работы над «Детским миром».

Методические статьи и материалы к первому изданию „Детского мира“[1]

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В СОВЕТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ОБ ИЗДАНИИ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ [2]

Наглядная и постепенно развивающая метода первоначального преподавания составляет именно то важное приобретение, которое сделала наука воспитания со времени Песталоцци. Эта метода доставляет уже давно самые блестящие результаты в германских училищах как женских, так и мужских. Главное достоинство ее состоит именно в том, что она по возможности наглядно и совершенно незаметно вводит детей в науку через окружающие их и уже знакомые им образы действительности. Она приводит в систему и уясняет детям те сведения, которые уже приобретены ими непосредственно из самой жизни. На этом, так сказать, уже готовом фундаменте мало-помалу строится прочное здание первоначального образования. У нас эта метода, к сожалению, за исключением одного или двух немецких училищ, не вошла еще в употребление ни в общественном, ни в домашнем воспитании. Дети десяти и одиннадцати лет, поступая в наши средние учебные заведения, оказываются по большей части совершенно не приготовленными к правильному и сознательному учению. Внимание их не развито; память привыкла, по большей части, работать бессознательно, а,

главное, книга и действительность кажутся им предметами совершенно противоположными, не имеющими между собой никакого отношения. Такое первое впечатление науки ложится глубоко в восприимчивую душу дитяти и остается в ней надолго, иногда на всю жизнь. Имея превосходные природные способности, дитя часто совершенно не привыкло пользоваться ими и приступает к учению, как к скучному и тяжелому труду. От этого, главным образом, зависит то печальное явление, общее всем нашим средним учебным заведениям, что из числа одновременно вступавших в заведение учеников едва ли одна десятая часть одновременно же и с успехом оканчивает курс учения; а девяти десятым скоро наскучает учение и, отставая мало-помалу, они редко достигают успешного окончания курса. Такой недостаток подготовительного курса, для которого у нас покуда нет ни руководств, ни преподавателей, заставил меня, в особенности имея ввиду вверенную моему надзору учебную часть Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища, заняться составлением *книги для первоначального чтения, с применением к методе наглядного обучения и умственного развития.*

При составлении этой книги я руководствовался лучшими немецкими и английскими книгами для детского чтения и руководствами для наглядного обучения. Но ни в английской, ни в немецкой литературе я не нашел книги, необходимость которой указывается нашими современными педагогическими потребностями. Иностранные руководства для наглядного обучения назначены большею частью для детей от 5 до 8 лет и предполагают детей, вовсе не умеющих читать или

только-что начинающих обучаться чтению: лучшие новейшие книги для детского чтения предполагают уже предварительное наглядное обучение, а потому ни те, ни другие не применимы вполне для наших средних учебных заведений, куда поступают дети десяти и одиннадцати лет, имеющие некоторые первоначальные познания, но в то же время без всякой систематической подготовки к правильному и сознательному учению.

Притом же в наших учебных заведениях нет ни особенных классов для умственного развития, ни особо подготовленных к тому преподавателей; науки разделены между несколькими преподавателями, и за правильным душевным развитием дитяти никто из них не следит в особенности.

Принимая в основание такое положение нашего первоначального воспитания, я решился попытаться пополнить, сколько возможно, такой важный и существенный пропуск. Составленная мною книга для чтения назначается преимущественно *для классов русского языка,* но статьи и под статьями вопросы умственные, словесные и письменные упражнения я старался располагать так, чтобы преподаватель, руководствуясь советами, здесь же изложенными, мог легко, при чтении и после чтения, пользоваться всеми выгодами наглядного обучения и постепенно упражнять и развивать душевные способности детей, приучая их вместе с тем к правильному и точному словесному и письменному выражению мыслей (в чем, конечно, и должны состоять первые уроки русского языка). Такая сложная и обширная задача, конечно, не могла быть мною решена вполне; но надеюсь, что «Книга для чтения»

может и в настоящем своем виде принести весьма значительную пользу первоначальному обучению, тем более, что в настоящее время мы не имеем ни одной книги для первоначального чтения, которая хотя сколько-нибудь была бы применена к постепенному умственному развитию и постепенно вводила детей в серьезный интерес науки. При таком отсутствии предварительных попыток, конечно, я не мог и надеяться составить с первого же раза совершенную *русскую* книгу, для детского чтения, и практика, без сомнения, укажет на те исправления и дополнения, которые могут быть в ней сделаны. Но, во всяком случае, т. к. большая часть статей «Книги для чтения» заимствована мною из лучших германских и английских книг того же рода, а другие составлены по их образцу, или применены к русской жизни, то я надеюсь, что книга моя не будет бесполезна для низших классов средних учебных заведений вообще и для Воспитательного общества и Александровского училища в особенности, т. к. при предполагаемом преобразовании этих заведений весьма жаль было бы не ввести в учение тех новых методов преподавания, которыми так давно уже пользуются учебные заведения Англии и Германии.

Издание приготовленной мною книги, т. к. в ней должно быть помещено более двухсот рисунков, требует весьма значительных издержек, несмотря на то, что рисунки эти выписаны мною из-за границы и, к сожалению, не везде вполне соответствуют тексту. Если же эти рисунки заказать у нас, то книга обошлась бы так дорого, что по цене своей была бы совершенно недоступною для учебных заведений. Даже при выписке рисунков из-за границы, причем они в десять раз

обходятся дешевле того, во что обошлись бы при заказе их в России, издание моей книги, заключающей в себе до 40 печатных листов и до двухсот пятидесяти рисунков, обойдется при отпечатке одного завода не менее тысячи семисот рублей сер. Такая значительная для меня сумма ставит меня в затруднительное положение и заставляет прибегнуть с моею всепокорнейшею просьбою к Совету Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища о сделании мне заимообразно вспомоществования при предполагаемом издании.

Рассчитывая на ту пользу, которую книга моя может принести заведениям, подведомственным Совету, я осмеливаюсь просить его всепокорнейше о разрешении выдать мне заимообразно тысячу рублей серебром, с тем, чтобы я по отпечатании моей книги выплатил эту сумму отчасти экземплярами, насколько Совет найдет необходимым приобресть их для заведения, а отчасти теми деньгами в течение одного года. Во всяком случае, если Совету благоугодно будет оказать мне такое вспомоществование в предпринятом мною труде на пользу общую, я обязуюсь выплатить в течение года всю данную мне заимообразно сумму, причем я буду иметь честь представить Совету весь расчет по расходам издания с тем, чтобы, при уплате экземплярами, назначить за каждый экземпляр такую только цену, которая покрывала бы одни издержки на печать, бумагу и гравюры. В вознаграждение же за труд, я всепокорнейше просил бы только Совет предоставить мне в собственность дощечки гравюр и право последующих изданий.

1 января 1860 г.

Группа преподавателей Смольного института вместе с инспектором классов К. Д. Ушинским (в первом ряду крайний справа). В третьем ряду слева направо: третий с краю — Л. Н. Модзалевский, четвертый — Д. Д. Семенов, шестой — Я. Н. Пугачевский и седьмой — О. Н. Миллер.

ПРЕДИСЛОВИЕ[3]

Появление «Детского мира» вызвано современной потребностью по первоначальному преподаванию русского языка в младших классах наших учебных заведений. Насколько угадал я эту потребность и насколько сумел удовлетворить ей — судить не мне; но так как в системе этой книги, вследствие ее особенного назначения, много своеобразного, то я считаю необходимым вполне уяснить в предисловии основания, руководившие моим трудом.

В настоящее время в нашем учебном мире довольно уже распространена та совершенно справедливая мысль, что, при изучении отечественного языка, знакомству с грамматическими правилами должно предшествовать знакомство с самим языком и практический навык в его правильном употреблении. Сколько мне известно, в младших классах всех учебных заведений (в которые только поступают дети от 9 до 12 лет) обучение отечественному языку начинается *чтением и рассказом прочитанного*. Но при таком занятии сами собой рождаются вопросы: что и как читается и рассказывается, и существуют ли для этого особенная метода и особенное руководство? Конечно, читать для упражнения в чтении можно все; но далеко не все из прочитанного может быть рассказано десятилетними читателями и далеко не все может быть объяснено им учителем с одинаковой пользой. Иная статья, написанная очень красивым языком, в то же

время до того лишена всякого содержания, что ученик не может уловить в ней ни одной ясной и определенной мысли и даже сам учитель нередко затрудняется сделать ученику какой-нибудь вопрос о прочитанном, вопрос, предполагающий возможность положительного и сколько-нибудь дельного ответа. Понятно, что ученик, желая передать содержание такой статьи, поневоле старается, за неимением определенной мысли, вспомнить фразы и слова, и понятно также, что такой рассказ прочитанного не только бесполезен, но даже вреден. Другого рода статьи отличаются совершенно противоположным недостатком — в них слишком много содержания для десятилетнего читателя, или это содержание такого рода, что для уяснения его требуется слишком много толкований со стороны учителя, толкований, заимствованных из разных наук и из разных сфер жизни, вовсе незнакомых маленькому читателю. Если же, наконец, в наших детских хрестоматиях и книгах для чтения можно найти несколько статей, имеющих дельное и притом доступное десятилетнему ученику содержание, то эти статьи, не находясь ни в какой связи между собой, вызывают столь же бессвязные и случайно появляющиеся толкования.

Присутствуя часто при таких чтениях и рассказах, я убедился в необходимости особенной книги, именно назначенной для того, чтобы десятилетний ученик мог читать ее и рассказывать ее содержание, а учитель мог сопровождать эти чтения систематически связанными между собой толкованиями, доступными и полезными для ученика такого возраста.

Но какова же должна быть книга, назначенная для этой цели? Вопрос этот решается различно, смотря по взгляду на самое значение чтений и рассказов.

Одни видят в них только упражнения в языке, соединенные с постепенным практическим изучением грамматики; другие полагают, что чтениями и рассказами должно пользоваться, как средством умственной гимнастики; третьи, наконец, думают, что, достигая двух

упомянутых целей, преподаватель, кроме того, должен при чтениях и рассказах стараться сообщить ученикам возможно более полезных сведений.

Если цель чтений и рассказов прочитанного есть только практический навык в языке, то естественно, что для таких чтений годны всякого рода статьи, которые только по содержанию своему доступны детям и написаны правильным русским языком. Но мне кажется, что такой взгляд на чтение и рассказы не совершенно справедлив.

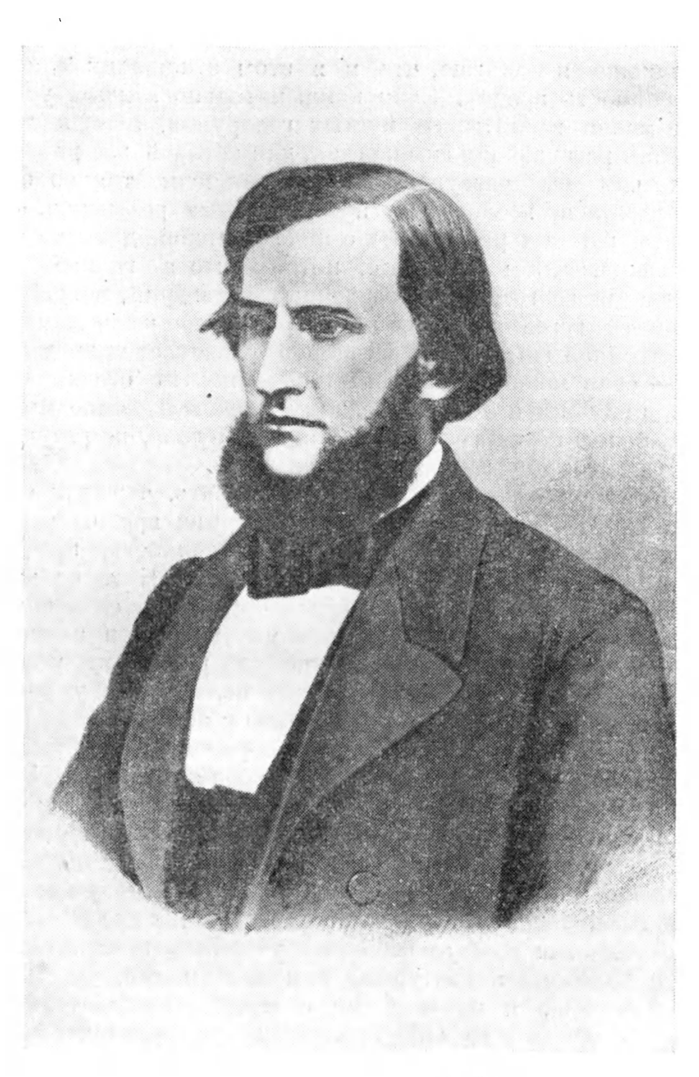
Язык не есть что-либо отрешенное от мысли, а напротив — органическое ее создание, в ней коренящееся и беспрестанно из нее вырастающее; так что тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем прежде всего мыслящую способность. Развивать язык отдельно от мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно пред мыслью положительно вредно. Если при таком исключительно *формальном* направлении и можно достичь каких-нибудь результатов, то только результатов призрачных и даже вредных. Привычка чисто, гладко и изящно болтать всякий вздор и связывать ловкими фразами пустые, вовсе одна из другой не вытекающие мысли, есть одна из самых дурных человеческих привычек и воспитатель должен искоренять ее, а не содействовать ее развитию. В этом отношении много зла приносит самым талантливым детям излишняя снисходительность родителей к детской болтовне и то слишком раннее изучение иностранных языков, при котором обращается все внимание на грамматическую правильность речи, а не на ее логический и фактический смысл.

Кроме того, нетрудно убедиться, что формальное изучение языков противоречит самой природе дитяти. Дитя, если оно еще не испорчено ложным воспитанием, не склонно к фразам: его прежде всего увлекает самая мысль, содержание, явление, факт, а не форма выражения мысли. Нельзя придумать более неприличного для дитяти, более старческого занятия, как

забота об отделке форм. Это роскошь, желание которой приходит уже тогда, когда содержания в уме много, когда новое перестает нас сильно занимать; а для ребенка весь мир еще нов и занимателен.

Я полагаю даже, что одно формальное изучение языка не достигает и своей односторонней цели. Форма мысли тогда только хороша, когда человек создает ее сам, вместе с мыслью, когда она органически вырастает из мысли; а не тогда, когда она выхвачена из какой-нибудь книги, будь это даже сочинение образцового писателя. Преимущественное изучение образцовых писателей, введенное во французских школах, много имело влияния на легкость и красивость изложения, которые так замечательны во всяком французе, получившем хорошее французское воспитание; но не является ли это же самое изучение одной из причин того замечательного бесплодия, которым поражена современная французская литература, и того разлада между фразой и мыслью, который так заметен в современных французских писателях? Бесчисленное множество готовых удачных оборотов, ловких фраз, остроумных сближений, выработанных самостоятельно писателями, наполняя голову ученика, предлагают ему всегда готовую и красивую оболочку для какой угодно пустой или ложной мысли; но потому именно самая эта мысль часто остается бедна, пуста, а скрывающаяся в ней пустота и ложь, прикрытая блестящей одеждой, взятой напрокат, долго не выходит наружу.

Но если одно практическое упражнение в языке оказывается недостаточным при чтениях и рассказах, то не вполне достигнет разумной цели воспитания и тот, кто будет видеть в них одну гимнастику ума. Развивать ум можно также *формально* и *реально*. Умственная гимнастика развивает ум формально; одни только *положительные* совершенно усвоенные умом знания, преобразившиеся в идеи, развивают его реально. Но хотя формальное развитие рассудка, конечно, гораздо полезнее одного формального развития способности языка,

К. Д. Ушинский. 1865 г.

однакоже я полагаю, что и в этом отношении односторонность вредна. Если исключительно *язычное* учение может воспитывать пустых говорунов, то односторонняя рассудочная гимнастика, для которой все равно, над чем бы рассудок ни упражнялся, только бы упражнялся, воспитывает поверхностных резонеров, — людей, готовых рассуждать о каком угодно, даже вовсе им неизвестном предмете, потому что в голове их всегда много готовых рассудочных категорий, могущих принять сегодня одно, а завтра другое содержание. Умственная гимнастика бесспорно развивает силы ума; но — если можно так выразиться — портит его характер; приучает его к бесследному перемалыванию мыслей, целью которого является не самое дело, не результат, а та же умственная гимнастика.

Никто, конечно, не станет доказывать, что упражнения в языке и умственная гимнастика вредны сами по себе: вредна только их односторонность, вредно отсутствие в них реального содержания. Я хотел высказать только, что как умственная, так и словесная гимнастика должны упражнять умственные и словесные силы ученика над каким-нибудь реальным, положительным знанием; что главной целью этих упражнений должно быть полное усвоение и ясное выражение самого знания, причем побочным образом будут упражняться и умственные силы и способность слова. Это мнение мы не выдаем за новое: уже и теперь мы имеем преподавателей русского языка, которые пользуются чтением и рассказами прочитанного не только для практических упражнений в языке, не только для умственной гимнастики, но и для того, чтобы в так называемом *вещественном разборе* сообщить ученикам положительные, полезные и доступные для них знания.

Однакоже я не согласен с теми преподавателями русского языка из этой последней категории, которые видят в самых знаниях цель таких чтений и объяснений. *Не самое знание, а идея, развиваемая в уме дитяти усвоением того или другого знания, — вот что должно*

составлять зерно, сердцевину, последнюю цель таких занятий. Вокруг этого ядра должны органически нарастать логическая и умственная оболочка; так чтобы словесные и логические упражнения не были только правильной постройкой пустых или ложных фраз, ни логической диалектикой без содержания. Составляя мою книгу, я имел ввиду именно такого рода преподавание и хотел облегчить ею труд преподавателей, разделяющих такое воззрение на значение чтений и рассказов в классах; а вместе с тем усилить влияния их полезной деятельности, сохранив системою моей книги их многочисленные объяснения в уме и памяти детей.

Если преподаватель, руководясь случайным сопоставлением читаемых в классе рассказов, толкует ребенку сегодня об огнедышащей горе, завтра о благодарности, послезавтра о крокодиле или железной дороге, а иногда в один и тот же класс, вынуждаемый необходимостью объяснять встречающиеся слова, толкует о множестве самых разнообразных предметов, то, конечно, не имеет он права требовать, чтобы ученики помнили его объяснения, и не может ожидать, чтобы в умах их построилось сколько-нибудь систематическое знание, а тем более систематически развитая идея.

Руководясь той мыслью, что при чтениях и рассказах прежде всего должно быть сообщаемо ученику какое-нибудь положительное знание, дающее ему идею, и вместе с тем упражняема его мыслительная и словесная способность над этой идеей, я задал себе вопрос: какого же рода должны быть эти знания и идеи? Что выбрать из обширной области человеческих знаний и человеческих идей для этих первых упражнений в мысли и в отечественном языке?

Рассказы исторические положительно не годятся для этой цели; десятилетнего ребенка нет возможности возвысить до правильного понимания великих исторических личностей и великих исторических событий; а понижать эти личности и события до уровня детского понимания — значит уродовать историю, что не только

бесполезно, но положительно вредно. Рассказы же исторических анекдотов тоже не имеют никакой цели, потому что самые эти анекдоты имеют значение только по отношению к тем личностям, которые в них играют роль.

Отрывки из путешествий также не годятся для *первоначальных* чтений: каждая местность в том виде, в каком она представляется глазам путешественника, заключает в себе для десятилетнего читателя множество явлений, требующих объяснения. Явления эти, систематически и тоже без труда объясняемые в нескольких отдельных науках, при чтении должны быть объяснены все вместе, в смешении, — или остаться вовсе необъясненными. Но бессознательное чтение и даже поверхностные объяснения, данные кое-как, я считаю вредными: главное назначение первоначальной школы именно состоит в том, чтобы приучить нового ученика к отчетливости и основательности в понимании. Кроме того, вовсе не педагогически поступает тот, кто, стараясь объяснить маленькому читателю каждое слово, навязывает на небольшой и иногда пустой рассказ целый том разнообразнейших словесных толкований. Так объяснять можно разве только Гомера, да и то не десятилетним детям *.

Сцены из детской жизни, хотя их часто помещают в детских хрестоматиях, занимательнее для нас, чем для детей. Умиляясь наивностью детей, мы не имеем никакого основания полагать, что эта наивность также умилительна для самих детей. Мы с сожалением вспоминаем о своем детстве; но дети смотрят вперед, и если оглядываются на самих себя, то вовсе не теми глазами, какими мы на них смотрим.

Вводить начинающих читателей в мир общественных отношений я нашел также бесполезным и затруднитель-

---

* Книга, состоящая из исторических и географических отрывков, равно как и описаний различных технических производств, может быть полезна для детей старшего возраста и как книга для классного чтения, и как пособие при изучении истории и географии.

ным; во-первых, потому, что этот мир вовсе не может служить образцом безыскусственности и истины, а во-вторых, потому, что он есть произведение множества исторических и нравственных причин, объяснение которых часто недоступно, а иногда даже и вредно для ребенка. Здесь поневоле должно было бы допустить ложные толкования или дать место критике и отрицательному направлению. Отрицательное же направление всего несвойственнее человеку в том возрасте, в котором все должно быть создаваемо, а разрушать нечего.

Перебрав таким образом все роды предметов, избираемых обыкновенно для детских чтений, я остановился на предметах естественной истории. К этому побудило меня несколько причин. *Во-первых,* — наглядность предметов. Дитя, начинающее учиться, должно не только понимать то, что читает, но правильно и зорко смотреть на предстоящий предмет, замечать его особенности, словом — учиться не только *думать*, но и *созерцать* и прежде даже созерцать, чем думать. Наглядное обучение должно бы, конечно, предшествовать умственным упражнениям и начинаться в самом раннем возрасте, прежде еще, чем ребенок выучится читать. Но так как этого у нас почти нигде еще нет, и дети, поступающие в уездные училища, гимназии и другие средние учебные заведения, решительно не подготовлены к книжному учению наглядными упражнениями, то я и полагаю весьма полезным, сколько возможно, восполнить этот недостаток в самой школе при первоначальных чтениях. Понимая очень хорошо, что наглядное обучение должно сопровождаться не чтениями, а изустными вопросами и рассказами со стороны учителя, для руководства которого в этом отношении составлено в Германии такое множество книг, я тем не менее полагаю возможным, в случае недостатка подготовительного наглядного обучения, соединить его с первоначальным чтением. Лучше сделать что-нибудь, чем ничего, и когда-нибудь, чем никогда. Самые же чтения, прерываемые рассмотрением предмета, толкованиями на самом

предмете и маленькими опытами, производимыми тут же в классе, выиграют в живости и занимательности. *Вторая* причина, почему я выбрал для «Детского мира» преимущественно предметы из естественной истории, состоит в том, что считаю эти предметы самыми удобными для того, чтобы приучить детский ум к логичности, что и составляет главную цель чтений и рассказов. По моему убеждению, логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для детей.

Но остановившись на предметах естественной истории, должно было еще решить вопрос: каким путем знакомить детей с этими предметами: облечь ли их в детскую, полусказочную, занимательную форму, — или прямо знакомить дитя с серьезным содержанием предмета? Перебрав множество анекдотических и живописных рассказов из отечественной истории, которые ежегодно появляются в Германии десятками, я пришел к тому убеждению, что все они или дают очень мало реального содержания, или предполагают слишком обширные толкования со стороны преподавателя и что, во всяком случае, они годятся для *детской* книги, но не для книги, назначенной для *классного чтения*, которая должна отдавать преимущество реальному содержанию перед живописностью формы. Увлекательность формы должна быть характеристической чертой детской книги, назначенной для классного чтения. Конечно, крайности вредны в обоих этих направлениях, но в книге для классного чтения содержание *нигде* не должно приноситься в жертву занимательности, так что такая книга должна быть только *по возможности* занимательною.

Кроме того, классного времени так мало, что грех тратить его на чтение сказок и побасенок, и вообще я думаю, что детей десятилетнего возраста должно уже приучать к серьезному труду, соразмерному, конечно, с их силами и с их пониманием. Нет сомнения, что прежняя схоластическая метода учения губительно действовала на ум; но причина этого лежала не в серьез-

ности занятия, а в его бессмыслии. Но если зубрение часослова и псалтыря действовало вредно на умственное развитие, то шутливая, *потешающая* детей педагогика разрушает характер человека в самом зародыше. Ученье есть труд и должно остаться трудом, но трудом полным мысли, так, чтобы самый интерес учения зависел от серьезной мысли, а не от каких-нибудь не идущих к делу прикрас. Книга же для первоначального классного чтения должна быть, как мне кажется, преддверием серьезной науки; так чтобы ученик, прочитав ее с учителем, приобрел любовь к *серьезному* занятию наукой.

От учителя зависит оживить серьезный рассказ, во-первых, *наглядностью*, показывая детям самый предмет с тем, чтобы они, глядя на него, могли не только припоминать прочитанное, но и дополнять его из непосредственного созерцания; во-вторых, *разнообразием и живостью вопросов*, извлекая из каждого ученика отдельно и из целого класса вместе содержание всего того, что было прочитано и рассмотрено. Маленький анекдот, шуточный рассказ как минуты отдыха для учеников, конечно, не повредят делу; но они гораздо живее подействуют на детей, если будут услышаны ими из уст учителя, а не вычитаны из книги. Ребенок редко потешается тем, что читает в книге, и даже часто не улыбнется, читая самые смешные рассказы.

Но что же выбрать из обширной области естественных наук? Выбирать ли предметы наиболее занимательные или научно разъяснять те, с которыми уже наглядно знаком ученик? При этом выборе я также руководствовался прежней мыслью и выбирал преимущественно предметы и явления, окружающие дитя и ему более или менее знакомые. Я думаю, что не с курьезами и диковинками науки должно в школе знакомить дитя, а напротив, — приучить его находить занимательное в том, что его беспрестанно и повсюду окружает, и тем самым показать ему на практике связь между наукой и жизнью. Вот на каком основании я охотнее знакомлю

дитя с хвойным лесом, с домашними животными, с самыми обыкновенными металлами, чем с электрическим угрем, тропическими колибри, с мухоловкой и другими диковинками природы, о которых дитя с удовольствием и само прочтет в какой-нибудь детской книжке.

Теперь несколько слов о порядке изложения. Излагать без связи описания тех или других естественных предметов и явлений — значило бы только бесполезно утомлять детскую память: излагать систему естественных наук, не познакомив с ее частностями, значило бы нарушать основное правило здравой педагогики. Между этими двумя крайностями я старался найти средину, т. е., изложив сначала отрывочно несколько естественных предметов, сравнивал их потом между собой и, наконец, сводил эти частности по возможности в одну систему. С этой целью после изложения каждого царства природы я помещал в статье под названием «Кунсткамера», разделенной на несколько глав, небольшую систематику, основой которой служат предметы, уже знакомые ребенку. Если эти небольшие системы только читать, то они, конечно, покажутся скучными и утомительными; но, если при этом дать ученикам образчики земель и минералов, раковин, фигуры или, по крайней мере, картины, изображающие предметы, о которых говорится в этих статьях, и поручить детям привести все это в порядок, то я уверен, что эти скучные в чтении статьи сделаются для детей занимательными. Если ученик сумеет привести в порядок все эти изображения и образчики, объяснив притом, почему он назначает тому или другому предмету то или другое место, то цель этих статей, посвященных системе, будет вполне достигнута. Они не только будут служить очень хорошим повторением прочтенного, но и сообщат ученику наглядное представление о родах и видах, о признаках предмета, случайных и существенных, видовых и родовых, о понятии, определении, суждении и других логических основах не только грамматики, но и всякой другой науки.

Отсутствие изучения логики в наших гимназиях и уездных училищах составляет весьма заметный и значительный пробел. Прежняя схоластическая логика, основанная на аристотелевских категориях, конечно, не достигала своей цели; но и отсутствие изучения всякой логики также оказалось вредным. Вот почему я старался воспользоваться в «Детском мире» наглядной логикой природы с тем, чтобы мало-помалу довести ученика до логических отвлеченностей, и с этой целью поместил в особом отделе несколько образцов логических упражнений. Если ученик непосредственно займется такими упражнениями, то нет сомнения, что они покажутся ему трудными и сухими; но я надеюсь, что они для него будут понятны и легки, если он предварительно привыкнет к ним на предметах конкретных.

Следует предварительно приучить детей отыскивать, перечислять и излагать в порядке признаки предметов, находящихся у них перед глазами, потом сравнивать между собой несколько знакомых уже им предметов, находя между ними сходство и различие, для чего в «Детском мире» представлено несколько образцов, которыми, конечно, преподаватель не ограничится. Когда ученики привыкнут отыскивать и различать признаки, тогда уж можно сообщить им, что такое признак; когда же приобретут навык находить сходство и различие между предметами и вследствие того размещать их по родам и видам, можно уже сообщить весьма легко, что такое сравнение, что такое суждение, род, вид и т. д. Так же точно должно поступить с объяснением явления, причины, следствия, цели, назначения и закона *.

* «Я убежден, — говорит знаменитый *Фаредэ*, — что естественные предметы представляют удивительную школу для саморазвития и самое разнообразное поле для необходимой умственной практики и что тот, кто упражнялся на этом поле, легко приложит приобретенную им привычку мысли к общественной жизни» (Lectures on Education, delivered on the Royal Institution of Great-Britain. London, 1855, p. 65).

Просмотрев оглавление «Детского мира» и обратив внимание на самое изложение статей, преподаватель легко заметит, что они расположены не в том порядке, в котором должны быть читаемы в классе; так, например, нельзя прочитать в порядке всех статей второго отдела, о человеке; но, дойдя до статьи «Внутренние органы», преподаватель должен будет *рассказать* детям самое существенное из следующих затем статей, потом прочесть по две и по три статьи из других отделов и тогда только снова приступить к статьям, излагающим небольшую физиологию человека, и сравнениям между человеком и растением, растением и минералом. Если затем преподаватель заметит, что дети достаточно развиты, чтобы приступить к чтению маленькой психологии, помещенной в том же втором отделе, то, конечно, может приступить к ней; но должно заметить, что она может быть совершенно понятна только в связи с логикой, изложенной в последнем отделе.

В конце почти каждого отдела есть статьи, которые с первого раза могут показаться неудобопонятными для детей; но я убежден, что если «Детский мир» будет прочитан систематически, без излишней поспешности, со всеми толкованиями, которые может вызвать его чтение со стороны преподавателя, то и самые трудные статьи этой книги будут поняты учениками. Впрочем нет надобности читать все, что есть в книге: соображаясь с развитием учеников и временем, назначенным для учения, можно некоторые статьи совершенно выпускать, а содержание других преподаватель может рассказывать.

Расположение статей по урокам могло бы только стеснить преподавателей, потому что условия преподавания почти у каждого преподавателя различны. Вот почему я отделил «Хрестоматию» от «Книги для чтения» и расположил в последней статьи в такой системе, что преподаватель легко может познакомиться с содержанием книги и потом уже свободно распоряжаться с заключающимся в ней материалом. Подробности си-

стемы и цель каждой статьи, помещенной в книге, изложены в оглавлении.

Что касается до языка, которым написана «Книга для чтения», то я старался излагать избранные мной предметы языком простым, не употреблять непонятных для детей слов; но вовсе не думал подделываться под детский способ выражения, потому что считаю всякого рода подделку под народный и детский язык совершенно неуместною как в книгах, издаваемых для народа, так и в детских книгах. Детский лепет занимателен для взрослых, а не для детей, и одна из целей серьезного учения состоит именно в том, чтобы приучить дитя к серьезному научному языку. Сознаю вполне, что слог мой никак не может служить образцовым, и будь он гораздо лучше, то и тогда царствующее в нем однообразие, необходимое в каждой книге, написанной одним лицом, подействовало бы неблагоприятно на первоначальное изучение языка. Вот почему для формального изучения языка я присоединил к «Книге для чтения» небольшую, но довольно полную «Хрестоматию», в которой ученик найдет самые разнообразные образчики слога лучших наших писателей. Там довольно материала для грамматических упражнений, разборов, переложений, заучивания наизусть, декламации и пр.

Между статьями «Хрестоматии» и статьями «Детского мира» я старался удержать некоторую связь, для чего преимущественно помещал в «Хрестоматию» такие статьи, которые могли бы оживить, дополнить и, так сказать, запечатлеть в памяти ученика статьи книги. С этой целью преподаватель потрудится по возможности выбирать из «Хрестоматии» статью, соответствующую читаемой статье «Детского мира»; так, например, при чтении статьи «Яблоня» полезно прочесть или даже выучить наизусть басню Крылова «Листы и корни»; при чтении статьи «Естественные и искусственные предметы» — другую басню Крылова «Цветы»; при чтении статей о временах года — «Зима» Пушкина, «Урожай» Кольцова и др.; при чтении «Поездка из столицы в

деревню» — «Описание Петербурга» Пушкина; при чтении статьи «Рожь» — «Овсяный кисель» Жуковского и т. д. Всякий преподаватель легко оценит пользу таких обдуманно совместных чтений, соединяемых связующими объяснениями учителя. В душе дитяти с логической мыслью будет срастаться прекрасный поэтический образ, развитие ума будет итти дружно с развитием фантазии и чувства; логическая мысль отыщет себе поэтическое выражение, и наоборот, поэзия выражения закрепит самую мысль.

Но если в размещении отделов «Детского мира» и «Хрестоматии» я имел ввиду дать возможность преподавателю вникнуть в систему книги и легко обозреть ее содержание, то в размещении самых статей почти во всех отделах я имел ввиду ученика. В начале каждого отдела, за исключением некоторых отделов «Хрестоматии», помещены самые легкие статьи как по содержанию, так и по изложению; но чем далее, тем они становятся сложнее и труднее. В статьях, назначенных для самого первоначального чтения, я старался выражаться короткими отрывочными предложениями, избегая по возможности предложений придаточных, и в особенности относительных местоимений, столь несвойственных детскому языку.

Что касается до самого способа чтения «Детского мира», то, конечно, в этом отношении не может быть постановлено никаких твердых правил; но я позволю себе выразить мое личное мнение об этом предмете.

Постепенность в чтениях и рассказах должна быть соблюдена не только в выборе статей, но и в способе самого чтения. Преподаватель собственными вопросами о содержании прочитанного должен, как мне кажется, установить такую постепенность сообразно с постепенным развитием читателя. Сначала же должно быть установлено два рода чтения: одно исключительно посвященное логическому развитию, другое — чтению плавному и изящному; для первого назначаются преимущественно статьи «Детского мира, для второго —

«Хрестоматия». Для плавного чтения я бы советовал преподавателю сначала рассказать содержание избранной статьи, потом самому прочесть эту статью вслух и уже тогда заставлять ученика несколько раз читать вслух рассказанное и прочитанное. Что касается до объяснения непонятных слов и выражения главной мысли, то как то, так и другое следует делать прежде чтения; так чтобы ученик, приступая к чтению, мог заботиться только о правильности произношения слов, плавности и выразительности речи. Здесь не время уже прерывать ученика вопросами и объяснениями.

Совершенно другой порядок должно соблюдать при чтении, главное значение которого состоит в понимании читаемого и, так сказать, в логическом разложении мысли на составляющие ее элементы. Здесь преподаватель должен вопросами своими беспрестанно заставлять читателя вникать в смысл читаемого, испытывать и возбуждать его внимание. Вначале вопросы эти должны быть приноровлены так, чтобы ответы на них были как можно легче и чтобы этими вопросами маленький читатель нечувствительно вводился в грамматический и логический состав предложения. «О чем или о ком говорится?». «Что говорится?». «Какие свойства предмета, о котором говорится?». «Где, как, посредством чего, при каких обстоятельствах совершается то, что говорится о предмете?» и т. д. Таким образом ученик входит в грамматический состав предложений и впоследствии легко уже познакомится с грамматическими определениями. Само собой разумеется, что столь подробные вопросы не должны постоянно сопровождать чтений, чтобы не сделать их крайне утомительными для детей. К этим вопросам должно прибегать только по временам или в случае надобности, если понимание читаемого несколько затруднительно. Вместе с развитием детей должны изменяться и самые вопросы, — изменяться так, чтобы ответы на них были все сложнее и сложнее: сначала отдельные слова, потом отдельные небольшие предложения. В ответе непременно должен быть

повторен вопрос, причем также может быть соблюдаема постепенность. Сначала вопрос предлагается так, что ученику остается только прибавить к нему одно или два слова, а впоследствии так, что ему приходится отвечать на вопрос целой речью. Вопросы должны относиться не к тому только, кто читает, но и к другим ученикам и притом так, чтобы сначала высказан был преподавателем вопрос, а потом уже назван ученик, который должен на него отвечать. Этот очень простой прием чрезвычайно поддерживает внимание целого класса: все ученики слушают вопрос, и все мысленно приготовляют ответ.

После отдельных, частных вопросов, относящихся то к тому, то к другому ученику, можно уже предлагать более и более общие вопросы, так, чтобы один из учеников высказал стройно все содержание прочитанной статьи, прибавляя и то, что объяснил преподаватель. После такого рассказа избранная статья может быть вновь прочитана для того, чтобы она отразилась в голове читающего с полной ясностью. Чтение такого рода приносит большую пользу, приучая детей учить уроки без труда и с толком. Выучить дитя учиться — вот главное назначение приготовительных классов.

Для приучения детей к созерцанию предметов я предлагаю следующий способ.

Прежде чтения статьи преподаватель показывает детям самый предмет и своими вопросами заставляет их сделать хотя отрывочное, но подробное его описание. В ответах на эти вопросы должен участвовать целый класс, а в самых вопросах должна быть соблюдаема постепенность сообразно развитию детей; так, напр., преподаватель спрашивает сначала начинающих учеников: каков цвет предмета? из чего он сделан? какова его величина сравнительно с другими предметами? сколько ног, сколько крыльев? и т. п., а впоследствии он уже может задавать такие вопросы: перечислите существенные признаки предмета, расскажите пользу, которую он может приносить человеку, и т. п. После та-

кого осмотра предмета должна быть прочитана статья, и затем преподаватель требует, чтобы ученики в порядке и стройно рассказали все, что было прочитано из книги, замечено самими учениками или рассказано учителем.

В таком же порядке должны следовать одно за другим и письменные упражнения. При первых уроках преподаватель пишет на доске такие вопросы, в ответ на которые ученику следует только переписать вопрос, переставив несколько слов, и прибавить одно или два слова. Последними письменными упражнениями будут такие, в которых преподаватель задает ученикам описать предмет, который они внимательно и подробно осмотрели в классе, но описания которого в книге нет. Написать сравнение двух предметов, описать какое-нибудь физическое явление и т. п. В числе этих последних описаний весьма также полезно ввести описание ландшафтов с картин или с натуры, описание какой-нибудь исторической картинки, содержание которой, если нужно, должно быть заблаговременно объяснено ученикам.

Впрочем, я никак не выдаю приведенные здесь упражнения за единственно возможные. Каждый преподаватель может придумать их множество, и чем они разнообразнее, тем лучше; следует только к каждому упражнению приступать обдуманно и не покидать его прежде, чем ученики приобретут в нем некоторый навык. Больше же всего надобно избегать, чтобы какой-нибудь прием преподавания не обратился в рутину, потому что рутина освобождает ученика от необходимости мыслить. Надобно стараться, чтобы при каждом упражнении ученик должен был подумать, как его сделать, а не только припоминать, как оно делалось.

Стра́нным может показаться, что в книге, назначенной хотя отчасти для наглядного обучения, почти вовсе нет рисунков. Но, *во-первых*, рисунки в книге, возбуждая сначала любопытство детей, скоро им надоедают: осмотрев их быстро и кое-как, они потом не могут

обратить на них должного внимания: *во-вторых*, дурные рисунки только вредны, а хорошие могли бы так поднять цену книги, что она сделалась бы недоступной для большинства учеников. Кроме того, предметы, о которых говорится в «Детском мире», большею частью могут быть показаны детям в натуре. Ничего не стоит приобресть для этой цели кусок гранита, стебель конопли, отрубок сосны, кусок негашеной извести, еловую шишку, намагниченную палочку, колос ржи, яблоко, кусок сургуча и т. п. Нетрудно также приобресть изображение лошади, овцы, слона и десятка два других, вовсе недорогих и нередких картинок*.

Для училищ, обладающих несколько большими средствами, я советовал бы приобрести одно или два из тех немецких изданий картин, которые приспособлены к наглядному обучению. Таковы, напр.: Bilder zum Anschauungs-Unterricht für die Jugend. Stuttgart. Verlag von Schreiber und Schill; или: Wand-Atlas für den Unterricht in der Naturgeschichte, von Ruprecht. Dresden, 1860. В обоих этих изданиях гораздо более картин, чем нужно для наглядности «Детского мира»; но эти издания принесут училищу большую пользу, если преподаватели захотят воспользоваться ими. Что касается до небольших опытов, о которых упоминается в книге, то всякий преподаватель сделает их весьма легко и, вероятно, прибавит к ним еще несколько других. Стакан, чашку, банку, иголку, известковую воду, кусок мела достать нетрудно. Если же ученик сумеет сделать опыт и потом рассказать, что, как и отчего происходит, то это будет признаком значительного развития как его мыслительной способности, так и его языка. Последовательность, основательность, точность в выражениях — вот те качества, которые приобретаются от таких упражнений.

---

* Некоторые необходимые изображения приложены в конце книги; но во время чтений они должны быть нарисованы учителем или одним из учеников на классной доске в большом виде.

«Детский мир», как я надеюсь, изложен так, что ни один учитель русского языка, как бы он ни был мало знаком с естественными науками, не затруднится в его объяснении ученикам. Но для тех преподавателей, которые пожелали бы внести в свои объяснения побольше самостоятельных рассказов, я могу посоветовать обратиться к следующим сочинениям, именно назначенным для этой цели: 1) Theoretisch-practisches Handbuch für den Anschauungs-Unterricht; von F. Harder. Altona, 1858 (прекрасная книга, которой «Детский мир» многим обязан); 2) Leitfaden zu einem Methodischen-Unterricht, von Luben. Berlin, 1854 и старинное, но очень хорошее сочинение; 3) Raff's Naturgeschichte für Kinder, Göttingen, 1854. Преподаватели, незнакомые с немецким языком, могут значительно облегчить свой труд следующими русскими сочинениями: ботаника г. Даля, зоология г. Симашко, химия г. Штекгардта, физика г. Ленца и естественная история г. Горизонтова, в которой очень недурны рисунки.

В заключение я обязан сказать, что редакция «Детского мира» далеко не соответствует моему желанию; но так как эта книга назначена для чтения с преподавателями, то я и не видел большой беды в корректурных недосмотрах. Гораздо важнее те недостатки книги, которые стали мне заметны вполне только тогда, когда она уже была напечатана. Некоторые статьи слишком растянуты, другие изложены не совершенно систематически, третьи могли бы быть заменены новыми. Но я могу ожидать снисходительности к первой попытке подобного рода, тем более, что детская литература наша почти не дала мне готовых статей. В Германии легко составить подобную книгу: у нас же все должно составлять самому. Для «Детского же мира» я мог переводить целиком с немецкого или английского только немногие статьи, потому что особенное назначение книги заставило меня дать и самым статьям особенную своеобразную систему.

Хороший учебник есть по преимуществу дело опыта, и опыт же укажет, принесет ли «Детский мир» ту пользу первоначальному учению, на которую я рассчитывал. Но если хотя только направление и система угаданы мною, то и тогда труд мой не пропадет даром. Желая искренно воспользоваться указаниями опыта, я прошу убедительнейше г. г. преподавателей, которые при самом преподавании откроют те или другие недостатки моей книги, сообщить мне свои замечания, чтобы я мог воспользоваться ими при новом издании*.

С.-Петербург, 4 ноября 1860 года. К. Ушинский.

P. S. Считаю не лишним указать на те немецкие и английские книги, которыми я преимущественно пользовался при составлении «Детского мира»:

1) Handbuch für den Anschauungs-Unterricht, von Harder. Altona. 1858. 2) Denzel's Entwurf des Anschauungs-Unterricht. Altona. 1853. 3) Orbis Pictus von Lanckhard. 4) Der Deutsche Kinderfreund, von Wilmsen. Berlin. 1858. 5) Lebensbilder für die Oberklassen der Deutschen Volksschulen, von Berttelt Jäkel, Peterman und Thomas. Berlin. 1858. 6) Raff's Naturgeschichte, Götting. 1854. 7) Biografien aus dem Naturleben, von Wagner Bielefeld. 1855. 8) Der Mensch und die Natur, von Körner, Leipzig. 1853. 9) Lesson's in General knowledge, by James Mann. London. 1856. 10) Reading's Lesson's, by Edward Hughes. London, 1855. Превосходная книга, которую я желал бы передать русской публике вполне. 11) Moral Klass-Book. Chamber's Educational Course. 12) Erste Nahrung für den gesunden Menschenverstand, von K. Thieme. Zehnte Auflage. Leipzig. 1840.

* Предисловие может быть отделено от тех экземпляров, которые назначаются для учеников.

ОГЛАВЛЕНИЕ[4]

ДЕТСКИЙ МИР

Отдел I. НАГЛЯДНЫЕ РАССКАЗЫ И ОПИСАНИЯ

1. *Дети в роще.*

При чтении этой статьи, в связи с чтением первого стихотворения из «Хрестоматии» и двух или трех легких басен в прозе из второго отдела «Хрестоматии», преподаватель может установить порядок в классном чтении и приучить учеников к исполнению классных требований.

2. *Первый день в училище.*

Эта статья даст повод детям осмотреться в классе и сознать те требования, которые в нем существуют. Здесь уже должны начаться логические упражнения на различных классных предметах; так, например: перечисление предметов одного цвета, одной формы, перечисление признаков одного и того же предмета, легкие сравнения, образец которых дан в статье «Классная и грифельная доска» и т п. Эти умственные упражнения должны сопровождать всякий класс и с классных предметов перейти сначала на тело человека, потом на животных и т. д. Все эти занятия, конечно, должны разнообразиться чтением басен, заучиванием их наизусть, диктовкою, письмом заученной басни и т. п. Для упражнения детского внимания я считаю весьма полезным, если время от времени преподаватель будет спрашивать учеников, что делалось в классе. Эти отчеты будут весьма полезны как для учеников, так и для преподавателя. Само собой разумеется, что в ста-

тейке «Первый день в училище» я не хотел вовсе написать правил классного устройства и классных занятий; но уже одно сравнение описанного класса с действительным будет для детей весьма полезно.

3. *Зима.*
4. *Весна.*
5. *Лето.*
6. *Осень.*

Перемены времен года прежде всех других явлений природы обращают на себя детское внимание, так что в голове десятилетнего дитяти уже находится множество признаков, отличающих одно время года от другого; но эти признаки разбросаны, не вполне сознаны, перемешаны. Назначение этих описаний четырех времен года состоит именно в том, чтобы привести в некоторый порядок понятия и представления, уже существующие в детском уме. Если не каждый ученик в отдельности, то весь класс непременно перечислит все признаки различных времен года, собранные в этих статьях, и прибавит к ним еще много новых. Таким образом, эти статьи дают повод к весьма легким и вместе полезным умственным упражнениям, при которых должны работать и память, и ум, и воображение, и рассудок, а вместе с тем затрагивается и самое чувство. При этих статьях весьма полезно заучивать наизусть те стихотворения, в которых описываются времена года. Чтение «Хрестоматии» продолжается. Если упражнение над классными предметами кончено, то может быть начато вместе с тем и чтение II отдела «О человеке».

7. *Поездка из столицы в деревню.*

Вся эта довольно длинная статья помещена с той целью, чтобы дать возможность ученикам осмотреться за стенами школы. Здесь многое знакомо детям, а многое придется объяснять. Чтение этой статьи должно быть довольно медленно и продолжительно. Я старался написать ее так, чтобы преподаватель легко мог предлагать ученикам вопросы.

Отдел II. О ЧЕЛОВЕКЕ

8. *Пять внешних чувств.*

Мне казалось лучше начать описание предметов природы с описания тела человеческого, а описание человеческого тела с описания пяти внешних чувств, потому что при этом ученик начинает с предметов, которые он не только видит, но, так сказать, чувствует всем своим существом. Статейка «Пять внешних чувств» дает повод ко множеству весьма полезных упражнений. Представляя детям различные предметы, преподаватель спрашивает: какими чувствами он узнает те или другие признаки предмета? Вопросы здесь могут быть разнообразны и постепенны. Прежде чем спросить дитя, что такое слух, следует спрашивать: чем мы ощущаем звук? чем запах? и т. д.; отличие внешних чувств от внутренних, перечисление тех и других и т. п.

9. *Предметы искусственные и естественные.*

Из чего сделана скамейка, из чего печка, из чего сюртук? и т. д. Все эти вопросы заставляют детей говорить, а это едва ли не одна из важнейших задач первых уроков.

10. *Орудие и орган.*

В этой статье органы отличаются от орудий для ясности понимания. Некоторые пытались заменить слово орган словом орудие, но эта попытка не имела успеха.

11. *Вещества, составляющие тело человека.*

12. *Главные части человеческого тела.*

13. *Рука и нога.*

14. *Голова.*

15. *Глаза.*

16. *Уши.*

17. *Нос.*

18. *Рот.*

Все эти описания частей человеческого тела должны, конечно, сопровождаться созерцанием. Весьма полезно показывать при этом и картины, если они есть. Еще полезнее было бы, если бы ученики могли сами изображать тот предмет, о котором прочли.

19. *Внутренние органы человеческого тела.*

Здесь обозначена только необходимость главных внутренних органов; ученики должны сознать эту необходимость. С важнейшими из этих органов ученики на первый раз должны познакомиться из рассказов учителя, потому что дальнейшие статьи будут им еще непонятны.

20. *Питание.*

Довольно сложная и трудная статья, которую ученики поймут вполне только после предварительных чтений и упражнений. Преподаватель поступит лучше, если познакомит с содержанием ее в рассказе, а потом уже заставит учеников прочесть самую статью и вопросами вызовет ее содержание. Здесь представляется повод ко множеству весьма полезных умственных упражнений.

21. *Мозг и нервы.*

22. *Кости.*

Эта статья дает случай повторить все пройденное о человеке.

23. *Животные и растения.*

Предполагается, что ученики уже прошли хотя первые статьи из третьего, четвертого и пятого отдела.

24. *Способности души.*

Эта статья должна быть прочитана одною из последних. Впрочем, я надеюсь, что ученики не встретят больших трудностей в ее понимании.

25. *Сходство между человеком и животным.*

26. *Отличие человека от животных.*

Эти статьи находятся в связи с статьями «Первые уроки логики».

27. *Сотворение человека.*

В связи с последними статьями логики.

Отдел III. О ЖИВОТНЫХ

28. *Лошадь.*

Это первое описание животного, а потому и довольно пространное. После чтения этой статьи можно уже приступить (еще по вопросам, конечно) к сравнению лошади с человеком.

29. *Корова.*

30. *Корова и лошадь.*

Образец сравнения, которым, конечно, не ограничится преподаватель. Как только являются два, три предмета, так и должно их сравнивать. Оба сравниваемые предмета должны быть перед глазами учеников. В начале преподаватель облегчает эти сравнения вопросами, а потом понемногу доводит учеников до того, что они сами привыкают к этой рассудочной деятельности.

31. *Осел.*

Здесь должно обратить внимание учеников на различие двукопытных от однокопытных. Описание осла послужит к уяснению характеристики лошадиной породы. Здесь уже преподаватель незаметно будет вести учеников к пониманию родов и видов, родовых и видовых признаков и т. д. При каждой статье не мешает напоминать общие признаки млекопитающих и чертить маленькую таблицу родов и видов. Из таких таблиц сложится со временем общая классификация животных.

32. *Овца.*

Здесь высказывается с ясностью понятие о животных жвачных, травоядных и т. д.

33. *Кошка.*

Отличие травоядных от хищных; сравнение кошки с коровою.

34. *Собака.*

Отличие псовых от хищных, плотоядных от травоядных, стопоходящих от пальцеходящих.

35. *Собака и кошка* (по Гардеру).

36. *Свинья.*

Описание свиньи помещено с той целью, чтобы наглядно познакомить детей с животными толстокожими и многокопытными. Таким образом, в числе домашних зверей мы уже имеем представителей главных звериных пород. Сравнение свиньи с коровою, собакою и пр. Преподающий не должен забывать подготовлять неболь-

шими таблицами будущую классификацию животных.

37. *Слон.*

Сравнение свиньи с лошадью и т. п.

38. *Одногорбый верблюд, или дромадер.*

39. *Северный олень.*

Перечисление всех домашних зверей; главные характеристические отличия между ними; разделение по породам; польза, которую доставляют домашние животные; где живет каждое из них и почему?

40. *Заяц* (по Гардеру).

Представитель грызунов; сравнение с собакой; устройство зубов у разных животных; устройство зубов у человека.

41. *Лисица.*

Псовое семейство; отличие от грызунов; отличие от травоядных; характеристика волка и т. п.

42. *Лев и тигр.*

Сравнение с кошкой, с лошадью.

43. *Охота за тигром.*

44. *Крот.*

Насекомоядное; сообразность телесного устройства с назначением животного; отличие цели от назначения.

45. *Летучая мышь.*

46. *Обыкновенная обезьяна.*

Сравнение четырехруких, рукокрылых и четвероногих. Эта статья впоследствии даст повод к сравнению человека с обезьяной; но, конечно, после изучения душевных способностей человека.

47. *Тюлень.*

Сравнение ластоногих с рукокрылыми, четвероногими и т. д.; сравнение с рыбою, если статья о рыбе уже прочитана.

48. *Кит.*

Следует сделать общее обозрение животных млекопитающих, причем преподаватель может сообразоваться со статьей «*Кунсткамера*». Ученики должны приучиться чертить маленькую таблицу млекопитающих.

Сравнение с мухой, с шелковым червяком и пр.; отличие от насекомых. Таблица всех пройденных животных.

65. *Дождевой червяк.*

Отличие от насекомого.

66. *Улитка.*

67. *Инфузории, или наливочные животные.*

Недурно, если бы при этом был микроскоп; в противном случае можно довольствоваться изображением капли воды, которое попадается так часто.

68. *Кунсткамера* (статья 1-я).

Эта первая статья помещена для того, чтобы познакомить детей с понятиями о классификации на предметах, им более знакомых.

69. *Кунсткамера* (статья 2-я).

70. *Кунсткамера* (статья 3-я).

71. *Кунсткамера* (статья 4-я).

О значении этих статей было уже сказано в предисловии. Если сравнения были делаемы постоянно и пройденные животные постоянно сводились в небольшие таблички, то детям теперь остается только свести все эти отдельные таблички в одну общую.

72. *Кунсткамера* (статья 5-я). Племена людей.

Отдел IV. О РАСТЕНИЯХ

73. *Яблоня.*

Для общего обозрения частей дерева.

74. *Вишня.*

Для изучения устройства цветка. Изображение вишневого цветка приложено в книге. При случае преподаватель, вероятно, покажет цветок в натуре. Весьма полезно было бы, если бы учитель рисования приучил детей изображать цветок и различные его части. Не лишнее сравнить в натуре цветок яблони и вишни.

75. *Береза и ее семейство.*

76. *Ива.*

Сравнение ивы и яблони, с е р е ж ч а т ы х и р о з о ц в е т н ы х; растения о д н о т о р н ы е (яб-

лоня), растения двуторные, ноодноdомные (береза); растения двудомные (ива, финиковая пальма).

77. *Рожь.*

Первое понятие о растительном процессе, понятие о влиянии растительности на человека, понятие о злаках, сравнение ржи с березой и т. д.

78. *Хвойные деревья.*

Сравнение ели с яблонью.

79. *Белая лилия.*

Семейство луковичных; сравнение с ивой, с рожью, понятие о растениях односеменодольных и растениях луковичных в частности.

80. *Строение растений.*

Рисунки, необходимые для этой статьи, приложены в конце книги; но, конечно, преподаватель потрудится изобразить их на доске в большом виде.

81. *Питание растений.*

82. *Грибы.*

Сравнение с деревом, с рожью, с луковицей; понятие о растениях бесцветковых и сосудистых цветковых; растения чужеядные.

83. *Как и из чего делают полотно и другие ткани для одежды.*

84. *О размножении растений.*

85. *Польза, доставляемая человеку животными и растениями.*

86. *Кунсткамера* (статья 6-я). Классификация растений.

Эта классификация будет сделана детьми очень легко, если они при чтении постоянно сравнивали одни растения с другими и если, кроме того, преподаватель потрудится сам или поручит детям принести в класс, какие возможно, образчики упоминаемых в книге растений: стебель картофеля, крапивы, петрушку, морковь, подсолнечник и т. п.; вовсе не редкие растения достать нетрудно. Преподаватель, приходя в класс, может показать детям всякий раз что-нибудь новое и таким об-

разом приготовить их понемногу к небольшой классификации растений.

Отдел V. ТЕЛА НЕОРГАНИЧЕСКИЕ

87. *Кремень.*

Сравнение с деревом и животным; понятие о неорганических телах.

88. *Глина и что из нее делается.*

Сравнение с кремнем, понятие о землях. Несколько образчиков различного рода земель для всякого преподавателя достать нетрудно, и он весьма легко может познакомить детей с глиной, суглинком, супеском, черноземом, известковою землей и т. д.

89. *Поваренная соль.*

Преподаватель потрудится показать детям насыщение воды солью и кристаллизацию соли.

90. *Сера.*

91. *Известняк.*

Опыт над негашеной известью необходим; он дает детям наглядное понятие о химическом соединении и о происходящей оттого теплоте, что необходимо для объяснения горения.

92. *Производство стекла.*

Самой простой паяльной трубки достаточно, чтобы убедить детей в том, что стекло плавится. Конечно, если возможно осмотреть какой-нибудь стеклянный завод, то это было бы очень полезно.

93. *Грифельная доска.*

Небольшое понятие о геологических переворотах, которое еще больше разовьется в следующей статье.

94. *Гранитный валун.*

95. *Железо.*

96. *Медь.*

Сравнение металла с камнем и землею, сравнение различных металлов между собой и т. д.

97. *Золото.*

98. *Ртуть.*

Показать детям ртуть в натуре очень легко; так же точно показать термометр и рассказать его устройство.

99. *Кунсткамера* (статья 7-я). *Классификация минералов.*

Достать образчики большей части минералов, упоминаемых в статье, весьма нетрудно.

100. *Вода.*

Опыты над водой весьма легко сделать, а между тем описание этих опытов принесет значительную пользу детям. Сравнение воды с различными неорганическими телами. Эта статья находится в тесной связи со статьею логики: *Определение.*

101. *Воздух.*

Воздушный насос не везде есть, но опыты над стаканом, опускаемым в воду, очень легки; пузырь достать нетрудно: бузинный пистолет дети сделают сами; маленький насос из гусиных перьев для переливания воды из стакана в стакан тоже сделать нетрудно.

102. *Тела воздухообразные, или газы.*

Следует детей до очевидности убедить в существовании газа. Опыты над углекислым газом не затруднят, конечно, преподавателя; но следует заставить самих детей выводить определения из опытов. Если преподаватель возьмет на себя небольшой труд добыть кислород из окиси ртути и показать, как горит в кислороде уголь, железо и пр., то доставит детям много удовольствия и много пользы. Азот добыть также нетрудно, причем объяснится состав воздуха.

Отдел VI. ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

103. *Воды.*

104. *Дождь.*

105. *Роса, иней, снег, град.*

106. *Ветер.*

Опыт, описанный в этой статье, нетрудно сделать, а без него дети не поймут ясно причины ветра.

107. *Ручей.*

108. *Магнит.*

Опыты над магнитом весьма удобны для того, чтобы приучить детей к наблюдательности и точности в выражениях.

109. *Горение.*

Статья сложная, но понятная для детей, если они помнят предыдущее.

110. *Гром и молния.*

111. *Звук.*

112. *Свет.*

113. *Тяжесть.*

Отдел VII. ВЗГЛЯД ЗА ПРЕДЕЛЫ ДЕТСКОГО МИРА

114. *Приглашение в даль.*

115. *Вблизи и вдали.*

116. *Земля.*

117. *Глобус.*

Очень полезно заставить детей начертить план класса, план сада с масштабом; потом показать им план знакомого города и его окрестностей и тогда уже перейти к значению карты и глобуса. В Англии для первоначального ознакомления детей с глобусом употребляются особенные шиферные глобусы, на которых легко чертить грифелем. Можно заменить такой глобус, хотя не вполне, шаром, обклеенным белой бумагой. Такой шар совершенно необходим для передачи детям ясного понятия о движениях земли, временах года и фазах луны. В статьях, относящихся к этим предметам, развиты только самые общие понятия. Первоначальное знакомство с глобусом необходимо, чтобы понять следующие дальше путешествия. Несколько исторических понятий, заключающихся в этой статье, следует, конечно, развить.

118. *Христофор Колумб.*

119. *Васко-де-Гама.*

120. *Магеллан.*

Цель этих статей — познакомить детей немного с главными очертаниями поверхности земного шара.

121. *Великие астрономы.*

Небольшие биографии Пифагора, Коперника, Галилея и Ньютона помогут ученикам возвыситься постепенно до понятия небесных светил. Как эту статью, так и следующую за нею, излагающие основные понятия математической географии, быть может, полезно будет прочесть прежде путешествий.

122. *Солнечные часы.*

Весьма нетрудно выучить детей отыскивать меридиан места и даже устроить солнечные часы. Это же маленькое уменье введет их наглядно в понимание главнейших истин математической географии. Выучивая же эти истины из книги, дети как-то им плохо верят, и если понимают их в приложении к глобусу, то не скоро приучаются переносить их на природу. Всякий преподаватель легко оценит, как важны здесь хотя небольшие, приблизительные, но непосредственные наблюдения. Конечно, при чтении этих статей все же необходим глобус или, по крайней мере, шар, на котором можно было бы начертить главнейшие математические копии.

123. *Времена года.*

Для объяснения этой статьи в конце книги приложен чертеж.

124. *Луна.*

Из этой статьи ученики поймут только возможность фаз луны; особенно, если сами сделают опыт с белым шаром и свечкой. Как обращение земли, так и обращение луны очень наглядно объясняется на так называемом теллуриуме. Но этот снаряд дорог и скоро портится. Его легко заменить просто свечею и белым шаром, на котором следует начертить экватор, эклиптику, несколько меридианов и параллельных кругов. Для объяснения же фаз луны можно даже употребить просто шар, половина которого окрашена черной, а половина белой краской.

125. *Телескоп.*

Эта статья, переведенная с немецкого, помещена с той целью, чтобы дать детям хотя слабое понятие о безграничности вселенной.

126. *Капитан Кук.*

Как дополнение к обозрению земного шара. Эта статья доступна уже будет теперь ученикам, которые имеют понятие о климатах.

127. *Эскимосы.*

Опыт описания народности и образец дикого, скитальческого быта. Статья эта переведена с английского.

128. *Голландцы.*

Как противоположность с эскимосами.

129. *Киргизские степи.*

Из соч. Ковалевского «Странствователь по суше и по морям». Образец степного кочевого быта.

130. *Въезд в Лондон с моря.*

Заимствована из «Лондонских заметок» г. Михайлова. Цель этой статьи — представить образчик всемирно-торгового города. Конечно, такие понятия, как доки, верфи и пр., должны быть объяснены детям.

131. *Самоеды.*

Из сочинения г. Максимова «Год на Севере». Образец кочевого быта жителей Севера.

132. *Геркулан.*

133. *Ночь на Везувии.*

Обе эти статьи взяты из сочинения г. Яковлева «Италия». В «Детском мире» нигде не было объяснено, что такое вулкан. Объяснив ученикам, с помощью в конце приложенного изображения, отрывки из путешествия Яковлева, преподаватель прекрасно пополнит наш пропуск.

134. *Иерусалим.*

Заимствовано из «Путешествия ко святым местам» г. Норова.

Отдел VIII. ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ

Статьи, помещенные в этом отделе, не столько назначены для чтения учеников, сколько для того, чтобы представить образчики подобного рода бесед. Форма

этих статей, а отчасти и содержание, заимствованы из книги Тима «*Первая пища здравого человеческого рассудка*». Не бесполезно будет для учеников и прочесть эти статьи, но только после предварительных словесных упражнений. Переложения из разговорной формы в форму рассуждения доставляют, кроме того, одно из удобнейших практических упражнений. Статьи детской логики приспособлены, между прочим, к тому, чтобы ввести учеников в сферу грамматических понятий. Если ученик сумеет разместить по родам и видам все предметы, с которыми познакомится в «Детском мире», и потом дать точное и ясное определение каждому предмету, то это будет лучшим доказательством тому, что чтение «Детского мира» принесло свою пользу.

135. *Роза и гвоздика* (из книги Вильмсена).

136. *Классная доска и грифельная доска.*

Конечно, нельзя ограничиться как этими сравнениями, так и теми, которые изложены на своем месте во 2-й и 3-й главе.

137. *Что такое различие и сходство.*

138. *Различие признаков.*

139. *Суждение.*

140. *Тело.*

141. *Различие предметов.*

142. *Роды и виды.*

Несколько начерченных таблиц, составленных из предметов, уже известных детям, укоренят в их голове необходимые представления о родах и видах.

143. *Признаки родовые и видовые.*

144. *Признаки существенные и случайные.*

145. *Спор.* (Понятие.)

Эта статья требует многих упражнений.

146. *Определение.*

Статья, требующая многих упражнений.

147. *Явление, причина и следствие.*

148. *Существо и явление.*

Слово «явление» так часто употребляется во всех науках и именно в смысле предмета, что мы считали эту статью необходимою.

149. *Цель и назначение.*

Из противоположности этих двух понятий легче, чем каким-нибудь другим образом, познакомить учеников с значением нравственного мира.

150. *Закон.*

151. *Закон естественный и нравственный.*

Все эти последние статьи находятся в связи со статьями второго отдела: «О человеке».

152. *Объяснение рисунков.*

ХРЕСТОМАТИЯ

Отдел I. СТИХИ

1. Птичка. *Пушкина.*
2. Муха. *Дмитриева.*

Стихи напечатаны мною таким образом, чтобы дети не приучались к неприятной скандировке и для сбережения бумаги. Стихи, конечно, должно читать без ударений на рифмах и стопах, как прозу, заботясь только о ясном выражении мысли.

3. Чиж и голубь. *Крылова.*
4. Лисица и виноград. *Его же.*
5. Петух и жемчужное зерно. *Его же.*
6. Мартышка и очки. *Его же.*
7. Слон и моська. *Его же.*
8. Сказка о рыбаке и рыбке. *Пушкина.*
9. Солнце и месяц. *Полонского.*
10. Чиж и зяблик. *Дмитриева.*
11. Мот и ласточка. *Крылова.*
12. Овсяный кисель. *Жуковского.*
13. Песня пахаря. *Кольцова.*
14. Ваня и няня. *Бенедиктова.*
15. Лебедь, щука и рак. *Крылова.*
16. Щука и кот. *Его же.*

Отдел II. БАСНИ И РАССКАЗЫ В ПРОЗЕ

54. Играющие собаки (с нем.).
55. Два козлика (с англ.).
56. Лошадь и осел (с нем.).
57. Подарок к новому году (с нем.).
58. Ветер и солнце (с англ.).
59. Два плуга (с англ.).
60. Брат и сестра (с нем.).
61. Персики. *Круммахера.*
62. Органы человеческого тела (с англ.).
63. Гуси. *Кампе.*
64. Городок в табакерке. *Кн. Одоевского.*
65. Наблюдательность (с англ.).
66. Верная собака (рассказ *Кампе*).
67. Богатство (с англ.).
68. Добросовестный дикарь (с англ.).
69. Два путешественника. *Дистервега.*
70. Раскаяние. *Круммахера.*
71. Паук. *Его же.*
72. Великан и карлики (америк. писателя *Госорна*).
73. Недоконченная сказка. (*Отрывок из сказки Гёте.*)
74. Отцовский долг. *Кокорева.*
75. Пшеница и плевелы. *Денцеля.*
76. Воспитание. *Круммахера.*
77. Пустой остров. *Гердера.*
78. Переправа через реку. *Круммахера.*
79. Смерть и сон. *Его же.*
80. Корона старости. *Его же.*
81. Гостиница в степи (пер. с англ.).

Отдел III. ОБРАЗЦЫ СЛОГА ЛУЧШИХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

82. Что знаешь, о том не спрашивай. *Даля.*
83. Ось и чека. *Его же.*
84. Райская птичка. *Карамзина.*
85. Рейнский водопад. *Его же.*

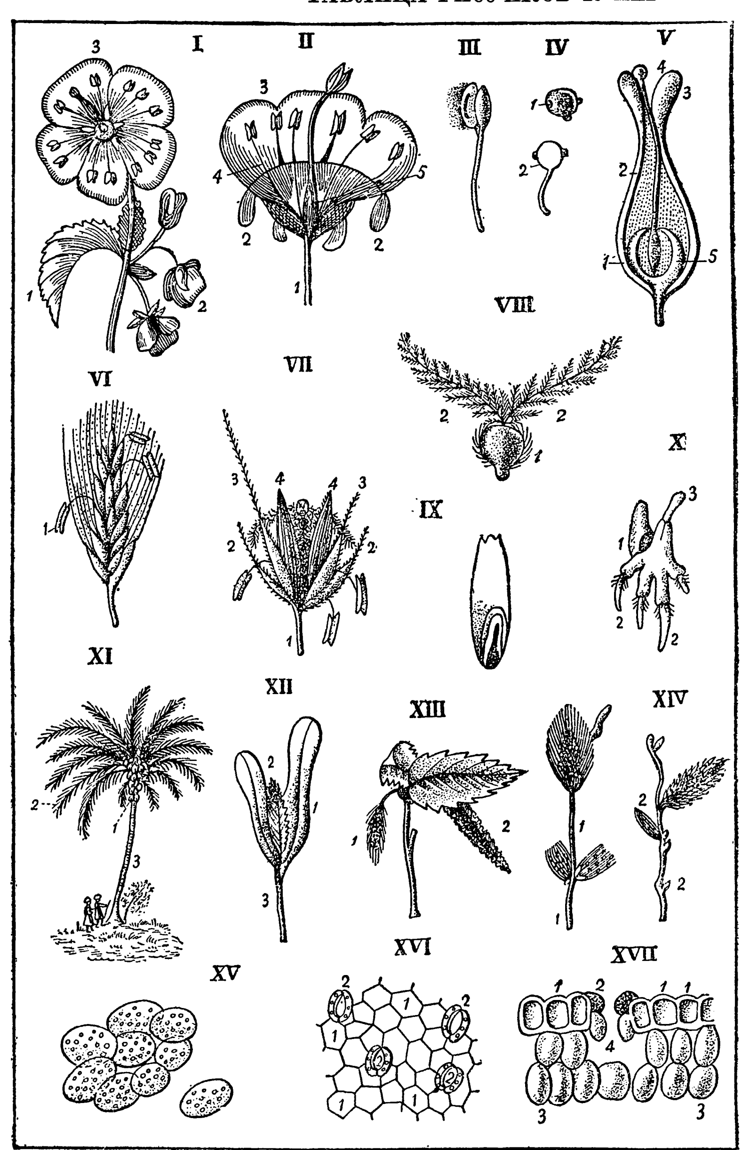
Отдел IV. ОТРЫВКИ ИЗ ИСТОРИИ РОССИИ

В этом отделе помещены почти только отрывки из истории Карамзина. Не полагая вместе с некоторыми, что практическое изучение русского языка и слога может ограничиться изучением одного какого-нибудь классического писателя и по преимуществу Карамзина, мы думаем, однако, что изучение карамзинской речи весьма полезно и что правильные, тщательно отделанные периоды этого писателя представляют прекрасное пособие для более сложных грамматических разборов и для приучения учеников к расстановке знаков. Мы поместили эти отрывки в хронологическом порядке с тою целью, чтобы преподавателю представился случай связать их своими объяснениями и при этом, пройдя словесно краткую историю России до Петра Великого, приучить учеников к связным историческим рассказам. Лучшие первоначальные упоминания в биографических рассказах и удобнейший повод к объяснению пер-

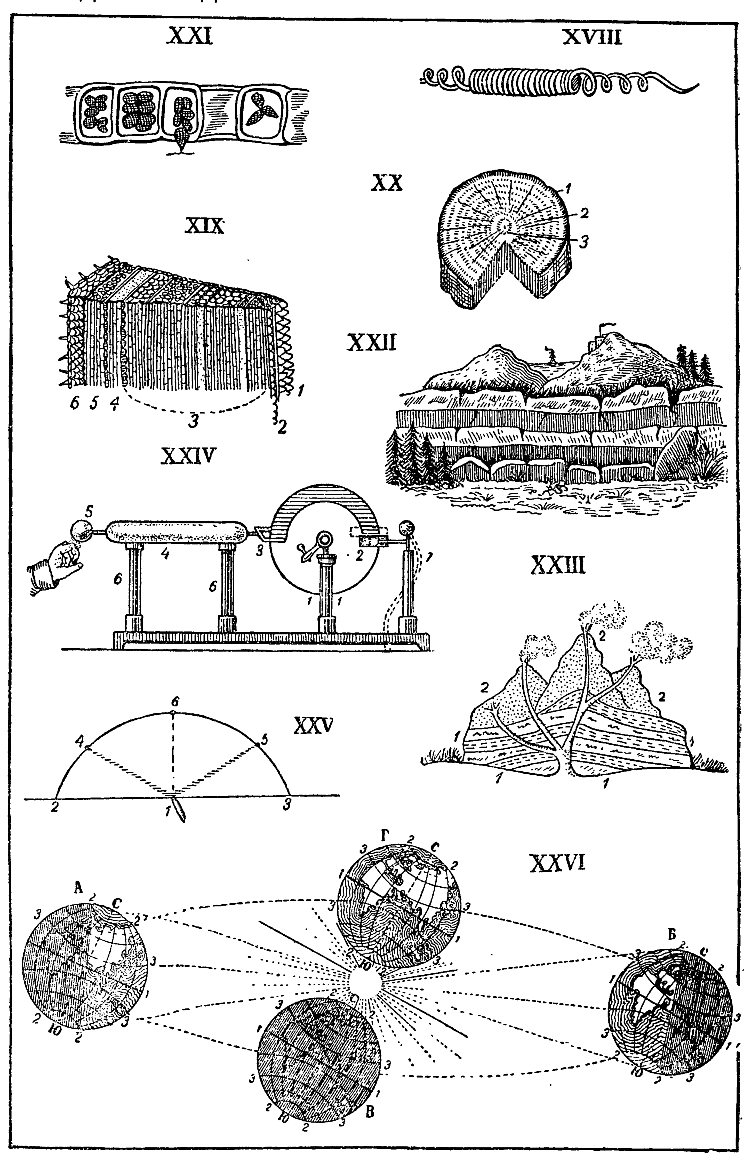
воначальных исторических понятий (как, напр., оседлая и кочевая жизнь, семейство, род, колено, племя, народ, государство, правительство, закон, война, завоевание, территориум и т. п.) представляет, конечно, священная история, которая, по нашему мнению, кроме своего специального назначения, может служить превосходным подготовлением к изучению всеобщей истории. История ни одного народа не может быть проходима в училище с подробностью, как проходима история евреев. И именно эти-то подробности необходимы для того, чтобы ввести ученика незаметно и легко в понимание организма исторического общества и его истории. Если же мы не поместили отрывков из священной истории в «Книгу для чтения», то, во-первых, потому, что священная история в большом числе экземпляров всегда находится в каждом училище, а во-вторых, потому, что преподавание этого предмета лежит на обязанности законоучителя. Но весьма было бы полезно, если бы преподаватель русского языка соединил свои усилия с законоучителем как в изучении церковно-славянского языка, так и в ознакомлении детей через библейские понятия с общими историческими понятиями. При таком только подготовлении к истории возможно сознательное ее изучение, и это подготовление не может быть заменено никаким «введением» в историю, где в коротких определениях слишком отвлеченных для детей предметов, а не в подробных и живых рассказах излагаются предварительные исторические понятия. Чтение отрывков из истории России, связываемых рассказами преподавателя, с возможно полным грамматическим и вещественным разбором каждого отрывка, будет, как нам кажется, не только хорошим упражнением в русском языке для детей, получивших уже некоторый навык в его словесном и письменном употреблении, но и подготовлением к серьезному изучению истории, к которому ученик, по нашему мнению, не может приступить ранее 14-го или даже 15-го года.

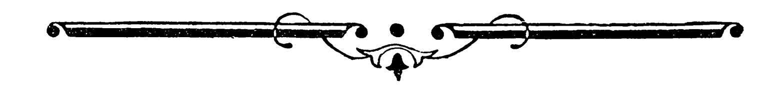

ТАБЛИЦА РИСУНКОВ К ПЕРВОМУ

ИЗДАНИЮ «ДЕТСКОГО МИРА»

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВ[5]

I. Веточка вишни: 1) листочек; 2) цветочная почка; 3) распустившийся цветочек.

II. Цветок вишни в разрезе: 1) цветочная ножка; 2) листочки чашечки; 3) лепестки; 4) тычинки; 5) плодничок.

III. Тычинка вишни, отделенная от цветка. Головка ее состоит из двух гнездышек, из которых одно раскрылось для отделения плодотворной пыли.

IV. 1) Отдельная плодотворная пылинка, сильно увеличенная под микроскопом; 2) возле нее другая такая же пылинка, из которой вытягивается продолговатая трубочка во время оплодотворения.

V. 1, 2 и 3 — плодничок вишни, отделенный от цветка: 1) завязь; 2) столбик с канальцем внутри, после оплодотворения столбик отпадает; 3) рыльце; 4) пылинка, упавшая на липкое рыльце плодничка и вытянувшаяся в трубочку; 5) семенная почка на дне плодничка, в которую входит кончик пылинковой трубочки. Из кончика пылинковой трубочки образуется зародыш; семенная почка обратится в косточку, а стенки завязи в мякоть вишни.

VI. Колос ржи: 1) тычинка от цветка ржи.

VII. Один из колосков ржи: 1) цветочная ножка; 2) наружные пленки (прицветники); 3) пленки, соответствующие чашечке вишневого цветка; 4) внутренние пленки, соответствующие лепесткам; между этими пленками скрывается плодник, нарисованный особо под № VIII.

VIII. Плодничок ржи, увеличенный: 1) самый плодничок, или будущее зерно; 2) ветвистое, раздвоенное рыльце плодничка.

IX. Зерно, или семя ржи, совершенно созревшее: 1) белок; 2) зародыш.

X. Проросшее зерно ржи: 1) белок, который всасывается мало-помалу зародышем; 2) корешки, пущенные зародышем; 3) единственная семенная доля зародыша, превратившаяся в первый всходный листочек, еще свернутый в трубочку.

XI. Пальма финиковая как представитель односеменодольных дерев.

XII. Проросший зародыш клена — представитель двусеменодольных растений: 1) два первые всходные листочка; 2) верхушечная почка с развивающимися листочками; 3) стебель развивающегося зародыша. Корешок не означен.

XIII. Веточка цветущей березы как представительницы односеменодольных растений: 1) сережка с тычинками; 2) сережка с плодничками.

XIV. Две отдельные ветки ивы как представительницы двудольных растений: 1) сережки тычинковые на одном дереве; 2) сережки плодниковые на другом дереве.

XV. Клеточки, составляющие листовую мякоть гвоздики, с зелеными крупинками внутри.

XVI. Тонкая наружная кожица, взятая с листовой пластинки и увеличенная под микроскопом: 1) плоские прозрачные клеточки, расположенные одна возле другой наподобие дощечек в паркетном полу; 2) устьица, т. е. отверстия, ведущие в пещерки, лежащие в листовой мякоти.

XVII. Разрез по направлению толщины листа для показания положения пещерок: 1) клеточки, составляющие наружную кожицу листа; 2) две клеточки, между которыми входит воздух в пещерки (устьица); 3) клеточки, образующие листовую мякоть; 4) пещерки в листовой мякоти, куда входит углекислый газ.

XVIII. Спиральный сосуд, отдельно взятый.

XIX. Продольный разрез стебля клена: 1) сердцевина, состоящая из клеточек правильной формы; 2) спиральные сосуды; 3) древесина, состоящая из слоев, обхватывающих одни другие; 4) заболонь, состоящая из самых новых и мягких слоев древесины; 5) луб; 6) кора, состоящая из нескольких слоев.

XX. Поперечный разрез ствола молодого дуба: 1) кора; 2) слои древесины; 3) сердцевина.

XXI. Нитчатка, увеличенная под микроскопом, состоящая из нескольких клеточек с зародышами новых клеточек внутри.

XXII. Каменоломня. Ломка шифера.

XXIII. Действующий вулкан: 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась из внутренности земли наружу; 2) конусообразные вершины (похожие на сахарные головы), образовавшиеся из вулканических камней и золы, выброшенных действующим вулканом.

XXIV. Электрическая машина: 1) стеклянный круг; 2) подушки, натирающие стекло; 3) медная вилка, собирающая электричество со стеклянного круга и проводящая его на кондуктор; 4) кондуктор, или металлический цилиндр, внутри пустой, по поверхности которого разливается электричество; 5). медный шарик, которым оканчивается кондуктор; из этого шарика является электрическая искра при приближении к нему руки во время поворачивания стеклянного круга; 6) стеклянные столбики, поддерживающие кондуктор и стеклянный круг; 7) медная цепочка, служащая для проведения отрицательного электричества в землю.

XXV. Рисунок, объясняющий нахождение полуденной линии: 1) палка, отвесно воткнутая в землю на ровном месте, освещенном солнцем; 2) и 3) полукруг, описанный на земле, центром для которого служит основание палки; 4) когда тень от палки, укорачиваясь, дойдет поутру до окружности полукруга, то следует на нем отметить эту точку, которая на рисунке означена цифрой 4; когда потом после полудня тень, снова удлиняясь, дойдет до того же круга, то следует заметить и эту точку, отмеченную на рисунке цифрою 5; если дугу, находящуюся между этими двумя замеченными точками, разделить ровно пополам и если точку, обозначающую средину дуги, соединить с основанием палки, то эта линия будет частью меридиана. Для удобства наблюдений проводят не один, а несколько кругов.

XXVI. Рисунок, объясняющий времена года: *А* — положение земли в декабре; *Б* — положение земли в июне; *В* — в марте; *Г* — в сентябре; 1) экватор; 2) полярные круги; 3) тропики; *С* — означает северный полюс; *Ю* — южный; линия, соединяющая их, будет земная ось.

Детский мир

Варианты 1-го издания

ОТДЕЛ I

НАГЛЯДНЫЕ РАССКАЗЫ И ОПИСАНИЯ[6]

ПОЕЗДКА ИЗ СТОЛИЦЫ В ДЕРЕВНЮ

Глава I. Столица и ее окрестности

Володя и Лиза родились и выросли в Петербурге, т. е. выросли настолько, насколько можно в одиннадцать и двенадцать лет жизни. Мать их умерла, когда Володе было только еще три года, а Лизу носили на руках. Отец Володи и Лизы, Александр Сергеевич Громов, был постоянно занят службой и даже летом не мог переезжать на дачу. Вот почему бедные дети во всю свою жизнь ни разу не были в деревне и знали о ней только по рассказам, да по книгам.

Можно себе представить, как удивились и обрадовались Володя и Лиза, когда услыхали от отца, что через неделю они поедут на целое лето в деревню, в настоящую деревню, за 600 с лишним верст от Петербурга. Александр Сергеевич совершенно неожиданно получил в наследство маленькое имение в одной отдаленной губернии и хотел отправиться осмотреть его. Это известие сильно взволновало детей. Каждую свободную минуту маленькие горожане мечтали вдвоем о тех удовольствиях, которые, без сомнения, ожидают их в деревне. Володя купил даже удочку, приготовляясь к рыбной ловле в речке. «Конечно», думал он, «в деревне есть река и в реке множество рыбы». Лиза запаслась двумя корзинками для будущих грибов и ягод.

Наконец, настал день отъезда. К крыльцу большого дома, где Громовы занимали одну из множества квартир, подъехал укладистый тарантас, запряженный тройкою почтовых лошадей. Сам Александр Сергеевич, кухарка Марья и дети дружно принялись укладывать вещи в экипаж. Но как ни торопились, а только к вечеру маленькая семья, за исключением Марьи, уселась в тарантас. Ямщик взлез на козлы, и колеса экипажа запрыгали по каменной мостовой. Но до заставы надобно было проехать почти весь город из конца в конец.

Улицы через две тарантас выехал на набережную Невы и поехал по длинному мосту, с чугунными перилами, сделанными точно из кружев. На широкой величественной реке мелькали сотни лодок, летели один за одним дымящиеся пароходы, а вдали, как лес, стояли бесчисленные мачты стройных кораблей. Великолепная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественные церкви, обширные красивые площади, широкие, богатые, шумные улицы, чудесные памятники — все это дети видали уже часто и все это им было не в диковинку.

За мостом тарантас поехал по одной из лучших улиц столицы. Сплошные ряды громадных каменных домов подымались высокими стенами по обеим сторонам. Тысячи раззолоченных вывесок пестрели на домах. За громадными, зеркальными окнами великолепных магазинов и богатых лавок были выставлены и разложены самые разнообразные и привлекательные товары. Здесь было все, что угодно: золотые и серебряные вещи, чудные изделия из дорогих каменьев, роскошные материи для платьев, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфеты и пирожные, редкие, дорогие фрукты, заманчиво разложенная зелень ... Но у крыльца одного из таких магазинов дети заметили бедняка в лохмотьях, который робко посматривал вокруг, не подаст ли ему кто-нибудь гроша, который, конечно, нужен был ему для куска хлеба, одежды

и найма квартиры, где-нибудь в подвале этих роскошных домов.

Блестящие экипажи с грохотом неслись по мостовой; разряженные толпы народа двигались по тротуарам: беспрестанно попадались навстречу конные и пешие отряды солдат, оружие которых сверкало на солнце. Но Володе и Лизе хотелось поскорее за город: в леса, в поля, в деревню.

Часа через полтора тарантас выехал за заставу и поехал по шоссе, гладкому, прямому, как стрела, с каменными верстовыми столбами. По обеим сторонам его стояли красивенькие дачи с маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здесь было меньше, чем где-нибудь на Невском; но все еще очень и очень много.

Навстречу нашим путешественникам беспрестанно попадались: то громадные почтовые кареты с разодетыми кондукторами впереди, которые то и дело трубили в медные рожки; то блестящие городские экипажи, то длинные, тяжело-нагруженные товарами обозы; даже городские, легковые извозчики с номерами на затылках. Все эти предметы были очень хорошо знакомы детям и мало напоминали собой деревню. Правда, проехали они две или три деревни; но эти деревни не походили на деревни: каменные двухэтажные дома, овощные лавки, вывески портных и сапожников, трактиры и гостиницы для проезжающих, великолепные станции — все это еще очень напоминало город. Вдали от дороги, дети, правда, заметили две или три серенькие чухонские деревеньки; на далеком *горизонте*, правда, раза два выглянул темный большой лес; вместо огородов и кладбищ, окружающих Петербург, стали попадаться поля, зеленеющие под рожью, но облака пыли, стук колес по твердому шоссе, крики кучеров, ямщиков — все это не давало детям возможности живо представить себе, что они уже за городом. Они даже плохо слышали колокольчик, который болтался под дугою, а нарядный ямщик, сидевший у них на козлах, походил более на кучера, чем иной бедный петербургский извозчик. Близость огромного, мно-

голюдного города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечереть. Дети проснулись сегодня чуть ли не в три часа утра, провозились за укладкой целый день, а потому глаза их слипались, головки клонились на подушки, которых было довольно в тарантасе. Скоро наши маленькие путешественники заснули и спали долго и крепко, как спят только усталые дети, на вольном воздухе под открытым небом, при небольшой, убаюкивающей качке экипажа, под усыпительные звуки почтового колокольчика.

Короткая петербургская ночь была светла. Тарантас быстро удалялся от Петербурга. Александр Сергеевич торопился и останавливался на станциях только за тем, чтобы переменить лошадей. Дети, укрытые заботливою рукой отца, спали крепко и сладко. Они, вероятно, видели во сне свою маленькую квартирку, кухарку Марью, свои книги и игрушки, не подозревая, что с каждым часом становятся на десять или на двенадцать верст дальше от столицы.

Солнце уже было высоко, и тарантас успел уехать более ста верст, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшиеся дети насилу могли вспомнить, что с ними делается, где они и что это за колокольчик звенит перед ними. Но едва только мелькнула у них мысль, что они в дороге, на пути в деревню, едут на почтовой тройке и притом еще с колокольчиком, как сна будто и не бывало. Весело и бодро вскочили они и с любопытством стали осматриваться кругом.

Глава II. **Большая почтовая дорога**

Твердое, каменистое шоссе уже исчезло. Экипаж тихо катился по мягкой, простой почтовой дороге, и почтовый колокольчик звонко побрякивал в чистом утреннем воздухе. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжных лошадей: он остановил тройку и слез с козел. Прежде всего поразила детей глубокая тишина,

царствовавшая в полях. Они до этого времени жили безвыездно в многолюдном и шумном городе и не имели понятия о том, что такое сельская тишина. Только где-то высоко пел невидимый жаворонок. Серебряные трели его вольной песни звонко раздавались в прозрачном, чистом воздухе, наполненном благоуханиями полей. По обеим сторонам дороги, по волнистым холмам, подымались полосы разноцветных нив, то покрытых зеленеющими хлебами, то черных, *отдыхающих под паром*. На горизонте, где небо сходится с землей, тянулась синяя, зубчатая полоса далекого леса. В лощине, между двумя длинными холмами, виднелись соломенные крыши большого *села*, разбросанного на скате. Позолоченный крест сельской церкви ярко горел на солнце. С другой стороны дороги можно было заметить вдали небольшую *деревню*, в которой не было церкви. Под самым лесом, верст за десять, блестел чуть заметный крестик другого села. Внизу, впереди—потому что дорога шла под гору — огромное стадо паслось между молодыми кустарниками. Несколько крестьян пахали, таща свои тяжелые сохи, в которые были впряжены небольшие, деревенские лошаденки.

Дети молчали. Новость и прелесть сельской картины глубоко на них подействовала.

Минут через двадцать тарантас застучал по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному через глубокий овраг. На дне оврага, в высокой траве сверкала маленькая речка. За мостом вскоре начался густой, темный лес. Громадные вековые сосны протягивали над дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья, с колючими, всегда зелеными ветвями. Колеса тарантаса врезались в песок — и лошади пошли шагом.

Лес был большей частью сосновый, но кое-где виднелись пирамидальные ели с своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми книзу, как крыши китайских домиков. Там-и-сям белели стройные березы с кудрявыми, ярко-зелеными верхушками; трепетали

вечно дрожащие листочки осины. Внутри леса, между деревьями, царствовали тень, прохлада и тишина. По временам густой лес прерывался полянами. На опушках таких полян, покрытых свежей травой, береза, осина, небольшие елки и тонкий, гибкий орешник, перемешиваясь, составляли красивые группы. В высокой, сочной траве видно было много цветов, а кое-где блестели, как коралл, ярко-красные ягодки вызревшей земляники. Кукушка отзывалась где-то далеко в глуши леса, по временам раздавался звонкий, резкий крик иволги.

Тарантас ехал очень тихо, и наши путешественники пошли пешком. Через четверть часа, когда дети опять садились в экипаж, у них в руках было уже по огромному букету лесных цветов. Правда, эти цветы были не так велики и красивы, как те, которые бывают в садах или цветочных лавках; но зато, как они были свежи! У иных на листьях еще дрожали алмазные капли росы, не успевшей высохнуть. Кроме того, в корзинке у Лизы краснелись горсти две только что сорванной сочной земляники, непомятой, необыкновенно душистой, какой дети никогда не видывали в Петербурге.

Высокий лес тянулся верст на пять, и дети не могли им налюбоваться. Но лошадям трудно было тащить тарантас по глубокому сыпучему песку, и, кроме того, бедных животных беспокоили овода. Наконец, лес стал редеть, и, вместо больших сосен, показались кустарники. Опушка леса продолжалась еще с полверсты; потом колеса экипажа застучали по более твердому грунту. Опять по обеим сторонам дороги пошли бесконечные поля, расстилающиеся по холмам до самого горизонта.

Через полчаса ямщик сильно погнал лошадей и остановился у небольшого домика. У крыльца его стояла толпа ямщиков с медными бляхами на шляпах, две или три телеги и тройка только-что воротившихся лошадей. Это была станция. Володя обратил внимание на большой, полосатый столб, на котором было крупными буквами написано: *от С.-Петербурга 154 версты.*

Станционный смотритель, в чиновничьем сюртуке с светлыми пуговицами, ласково встретил приехавших и спросил их: не хотят ли они напиться чаю? Жена же смотрителя объявила, что у нее есть сливки, молоко и свежие яйца. Здоровый воздух полей, прогулка пешком по лесу и легкая качка экипажа сильно возбудили детский аппетит. Предложение станционного смотрителя было принято с радостью. Большой самовар, правда, давно нечищенный, огромный горшок молока с толстым слоем сливок наверху, тарелка яиц, круглые деревянные ложки и большой ломоть черного хлеба мигом появились на столе. Дети не заставляли себя упрашивать: чай, молоко, яйца и хлеб исчезали быстро.

Самовар, скатерть, чашки, мебель — все на станции было некрасиво и бедно. Простой, грубый, ничем не обитый диван и такие же стулья, голые стены, на которых висели почтовые объявления в рамках, да какая-то картинка, запачканная мухами, — все это далеко не напоминало собою той великолепной почтовой станции, где наши путешественники останавливались вчера вечером, едучи по шоссе. Там стены высоких комнат были обиты дорогими обоями, мебель ясеневого дерева блестела и лоснилась, на стенах висели прекрасные портреты, на стол к чаю был подан великолепный сервиз. Но не знаю почему, детям как-то особенно нравилась скромная станция с ее голыми стенами и скрипучим полом. Приятное впечатление еще более усилилось, когда Александр Сергеевич открыл окно, и свежий деревенский воздух, в котором, казалось, не было ни одной пылинки, хлынул в комнату.

Скоро под окном станции собралась толпа босоногих мальчишек и девочек, в грязных рубашонках, с волосами, не совсем гладко расчесанными, с лицами и руками, не совсем чисто вымытыми. Но в этих грязных детских ручонках, протянутых кверху, видна была очень привлекательная вещь. На деревянных маленьких тарелочках лежала крупная, сочная, совершенно вызревшая земляника. Дети наперерыв предлагали

проезжающим свой товар. Наши маленькие горожане с трудом понимали, что говорили им эти жители села, которые также никогда не покидали деревни, как они никогда не покидали города: так язык деревенских детей мало походил на тот, к которому привыкли Володя и Лиза в столице.

После небольшого торгу, причем объяснилось, что продающие считали еще на ассигнации, тогда как покупающие считали на серебро, несколько тарелочек земляники было куплено. Душистая, сочная ягода, с прекрасными сливками, вполне расположила наших маленьких путешественников в пользу деревенских жителей. Детям не хотелось даже расставаться со станцией: так она им понравилась. Володя взобрался на диван и прочел все почтовые объявления. Лиза раздарила девочкам несколько обрывков лент и лоскутков ситцу. Маленькие дикари были в восторге от таких подарков. Через полчаса новая тройка была уже впряжена в тарантас; новый и звонкий колокольчик побрякивал под дугою. Ямщик-старик, с седою бородою, приправил последние постромки и, перекрестясь, кряхтя, взлез на высокие козлы. Александр Сергеевич заплатил станционному смотрителю прогоны, дал на водку прежнему ямщику, расплатился также с хозяйкой за самовар, яйца и кринку молока, причем, припоминая петербургские цены, удивился, что с него взяли так мало. Потом, простившись с смотрителем и его женою, вся семья уселась в тарантас. Ямщик махнул рукавицей, крикнул на лошадей: «эй, вы, голубчики!» и покатил дальше по большой дороге.

Глава III. Деревня, уездный и губернский город

Меняя лошадей на станциях, останавливаясь только напиться чаю и поесть, ночуя в экипаже, потому что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ехали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое суток; потому что они ехали день и ночь, уезжая в сутки

верст по двести и более. Много они проехали маленьких деревень. В иных всего-то было 10 или 15 домов, низеньких, пошатнувшихся на бок, с почерневшими бревенчатыми стенами, с полусгнившими соломенными крышами. Много проехали они и больших сел, где иногда попадались прекрасные каменные церкви, несколько домов почище других и две-три маленькие грязные лавчонки, в которых деготь и баранки, пряники и колеса продавались вместе. Эти лавчонки были беднее товаром, меньше и грязнее на вид самой жалкой из овощных лавок столицы.

Наши путешественники проехали также три уездные города и даже один губернский. Губернский город походил еще на город. По главным улицам его была каменная мостовая; кое-где попадались огромные каменные дома, но между ними немного было таких, к каким дети привыкли в столице. Только один губернаторский дом, да новые присутственные места, высокий, прекрасный собор и несколько старинных церквей могли бы, как казалось детям, стоять без стыда и на петербургских улицах. Но гостиный двор, посреди огромной, пустой площади, показался им и мал, и беден, и грязен. Тут были, правда, два-три магазина; но какое сравнение с петербургскими магазинами! Было десятка два вывесок, но какое сравнение с петербургскими вывесками! Народу и экипажей на улицах несравненно меньше.

Уездные города были еще меньше и беднее губернского: три, четыре немощеные улицы, обставленные низенькими деревянными домами, длинные иногда полуразвалившиеся заборы, огороды и сады посреди города, деревянные столбики вместо тротуаров, коровы и свиньи, бродящие по улицам, пустота, тишина, — отсутствие движения! Только пять или шесть каменных домов, площадь, на которой помещались десятка два лавок, каменные присутственные места, выкрашенные когда-то желтой охрой, пять-шесть полуистертых вывесок сапожников и портных, вывешенный на палке

крендель булочника, да изредка городские дрожки доказывали, что это не деревня, а город.

Один из таких городков наши путешественники проехали так быстро, что Володя, вспомнив, как они часа полтора тащились по Петербургу, спросил у отца: — Неужели это город?

— Города бывают разные, отвечал ему отец с улыбкой: в Петербурге 500 000 жителей, в губернском городе, который мы проехали, не более тридцати тысяч, а здесь хорошо, если наберется тысячи три. Но есть города больше Петербурга. В Лондоне, столице Англии, два миллиона пятьсот тысяч жителей, то-есть в пять раз больше, чем в Петербурге.

— Вот город, так город! Вот должна быть толкотня на улицах, заметила Лиза.

— Да, сказал отец, говорят, что там по улицам каждый день такое множество народа, как в Петербурге в Лазареву субботу, у гостиного двора. Кто же из уездного города в первый раз заедет в Петербург, тому и в простой день покажется, что он попал на *ярмарку*.

— А сколько жителей в селе? спросил Володя.

— Села, как и города, бывают различные, отвечал Александр Сергеевич: в ином селе бывает жителей тысячи две и больше, а в другом не наберешь и пятисот. В иной же деревне бывает душ пятьдесят и даже менее. Где же мало жителей, там не может быть ни хороших лавок, ни богатых магазинов, потому что магазины и лавки живут покупателями.

— Теперь я понимаю, сказал Володя, почему в маленьких городах нет и хороших вывесок, а в деревнях и совсем их нет.

— К чему в деревнях вывески, прибавила Лиза: в деревне, я думаю, каждый и так знает, где кто живет.

Но, несмотря на бедный вид уездных городов, один из них, не помню уж какой, чрезвычайно понравился нашим путешественникам. Но лучше я расскажу по порядку, как это было.

На третий день пути Александр Сергеевич очень рано поутру, когда солнце только что встало, разбудил разоспавшихся в тарантасе детей, говоря, что нужно выйти из экипажа и итти пешком. Дети встали, дрожа от свежести утреннего воздуха, и начали с любопытством осматриваться вокруг. Тарантас стоял на берегу реки, к которой круто спускалась дорога. На реке моста не было, но с той стороны реки два перевозчика, в синих рубахах, гнали к берегу на шестах небольшой, довольно ветхий паром. На этом берегу столпилось, в ожидании парома, множество крестьян и крестьянок, пешком и в телегах и возов до двадцати с различною кладью. Возы были нагружены сеном, соломой, мешками с мукой, горшками, кирпичом, дровами; на иных телегах мычали телята и бараны или визжали поросята; у других были привязаны сзади крестьянские лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидели и лежали на телегах и просто на земле, хотя трава была покрыта серебристой росой. За плечами у крестьянок висели корзины с яйцами, в руках были кадочки с маслом; иные держали кур, гусей, пучки луку, рыбу в судках и раков в корзинках, наполненных крапивой. Это необыкновенное собрание народа заинтересовало Володю. Ехавши по довольно пустынной почтовой дороге уже два дня, они ни разу не встречали такой кучи людей вместе; хотя, говоря правду, куча была не очень большая, и на каждом перекрестке двух порядочных улиц в Петербурге можно всякую минуту видеть втрое больше народа.

Александр Сергеевич узнал от крестьян, что они отправляются на ярмарку в уездный город, который был виден на противоположном, крутом и высоком берегу реки. Володя видел, какие товары крестьяне везли в город; но ему захотелось узнать, что они будут покупать там. С этим вопросом он обратился к седому старику, который, накрывшись тулупом, сидел на своей телеге, терпеливо дожидаясь перевоза. Старик с тру-

дом понял, о чем его спрашивал Володя; но, понявши, усмехнулся и ласково отвечал:

— Что нам нужно в городе? Как что? да вот, маленький барин, мне нужно купить соли, а соли в деревне не достанешь, нужен мне и топор — мой совсем иступился, нужно еще две косы — уж косовица подходит. Жене куплю в городе ситцевый платок, а детям по прянику. Ведь у нас в деревне, кроме черного хлеба, луку, молока да яиц, ничего не найдешь. Кто может, едет купить себе сапоги, а другому нужна шляпа, кушак или рукавицы. Вот зятьку моему понадобились стекла, замок к дверям и петли: он, вишь, строит себе избу; а стекол-то у нас в деревне не делают и слесарей нет; гвоздей тоже, чай, захватит, потому что и гвоздей у нас не найдешь. А там-от-ко стоит моя сноха с петухом и с корзиной яиц: ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафан; иголки, чай, все вышли, а, может, купит она железный ковш для воды или пару серпов. Да мало ли чего кому нужно? У нас же в деревне, почитай, ничего нету. Что есть, то, как видишь, и везем продавать. Всем же нам, барин, кроме того, нужны деньги...

— А зачем же вам деньги? спросил необдуманно Володя.

— Деньги-то зачем? отвечал крестьянин, засмеявшись: как, зачем деньги? Известно зачем! Надо подати платить, да и про черный день копейку спрятать не мешает.

Пока Володя разговаривал с крестьянином, паром причалил к берегу. Крестьяне засуетились с телегами. Но всех не пустили разом на паром, иначе он мог бы потонуть. Тарантас наших путешественников спустили на руках; кроме того, поставили десятка два возов, пустили тех, которые шли пешком, — и отчалили.

На высоком и крутом берегу живописно был раскидан маленький уездный городок: красные, зеленые и серые крыши его пестрели посреди цветущих садов, позолоченные кресты церквей весело играли на солнышке. Небольшой городок казался издали таким ве-

селым, таким чистеньким, ему было так приютно между цветущими садами! Дети в один голос сказали, что в таком городке жить гораздо приятнее, чем в пышном, красивом, но пыльном, душном и шумном Петербурге.

Напившись чаю в городке и переменив лошадей на станции, наши путешественники отправились далее.

Дорогою Александр Сергеевич расспрашивал Володю, о чем он говорил с крестьянином на берегу и что узнал от него нового. Володя хорошо помнил, что везли крестьяне в город и что хотели купить там. Он рассказал также отцу и свой вопрос о том, к чему нужны деньги и ответ старика.

— Вопрос твой о деньгах, сказал Володе отец: не так прост, как кажется. В самом деле, к чему людям деньги? Нужны человеку пища, одежда, посуда, лошадь и другие предметы, которые он употребляет: денег же он ни на что не употребляет. Однакоже все ищут денег, потому что за деньги все можно достать, хотя сами по себе они никому не нужны и ни к чему не годны. Но подумай хорошенько. Старику, с которым ты говорил, нужны соль, топор и коса, а у него есть сено: вот он и везет сено в город, чтобы променять его на то, что ему нужно. Но сена вовсе не нужно тому купцу, у которого есть соль, ни тому, который торгует топорами и косами. У того же, кому нужно сено, нет ни топора, ни кос, ни соли, а купцу, у которого есть все эти вещи, нужно купить себе товаров, которых нет у мужика. Как же тут быть? Не будь денег, и каждый бы остался при своем товаре и не получил бы того, что ему нужно. Но вот чиновник, которому нужно сено для лошадей, дает за него мужику деньги, за эти деньги мужик покупает себе у купца соли; а купец на полученные деньги покупает, может быть, где-нибудь очень далеко, соли, железа, топоров или кос, всего, чем он торгует, и привозит свой товар в город. Таким образом, ты видишь, что хотя деньги сами по себе никому не нужны; но они необходимы для того, чтобы удобнее было про-

менивать товар на товар, и что без них остановилась бы торговля.

— Да, худо было бы без денег, сказал Володя, подумав, а между тем, вещь, кажется, никуда не годная.

Глава IV. Проселочная дорога

На четвертый день пути наши странники должны были переменить почтовых лошадей на долгих и свернуть с большой почтовой дороги на проселочную. Деревня, куда ехал Александр Сергеевич, находилась верстах в шестидесяти в стороне от большой дороги. Наняли тройку долгих, и ямщик обещал к вечеру же, покормивши лошадей на половине дороги, доставить наших путешественников в Карповку: так называли ту деревню, куда ехал Александр Сергеевич.

На проселочной дороге картина несколько изменилась, да и ехать было гораздо беспокойнее, чем по большой почтовой. Колеса широкого тарантаса не попадали в глубокие колеи, прорезанные узкими крестьянскими телегами. Тарантас ехал как-то боком, и тряска увеличилась. Но дети не обращали на нее большого внимания: так занимало их все, что они видели. По обеим сторонам дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвела, налилась и начинала желтеть. Золотистыми, колеблющимися волнами тянулась она по обе стороны на необозримое пространство. Во ржи синело такое множество васильков, что дети, выйдя из экипажа, мигом нарвали два огромных пучка. Скоро два венка, сплетенные искусными ручками Лизы, свежие, синие и блестящие, перевитые с колосьями ржи, украсили русые головки детей.

На дороге им почти никто не попадался. Изредка только проедет мужик, таща в своей тележенке тяжелую соху, пройдет косарь с блестящей косой или вдали покажется пастух и пестрое стадо. Здесь деревни были уж настоящие деревни: глухие, безмолвные, окруженные полями, лугами и лесами. Подъезжая к деревне, извозчик

должен был несколько раз вставать с козел, чтобы отпирать скрипучие ворота околицы. Утлая огорожа, сделанная из жердей и кольев для того, чтобы скот, выходя из деревни, не вытоптал поля, задолго еще предупреждала наших путешественников, что они приближаются к деревне.

Наступила рабочая летняя пора, и деревни были почти совершенно пусты. Все крестьяне были в поле на работе, только ребятишки играли на улицах, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды в колодце и немилосердно скрипела длинным шестом, опуская бадью в воду.

За деревней опять следовали поля, луга, рощи. Попадались даже такие деревеньки, в которых и всего-то было пять-шесть дворов, но зато вдали виднелись иногда и большие села с хорошенькими церквами и с барскими высокими домами на горе, посреди большого сада.

В полдень путешественники наши остановились кормить лошадей в одной из деревень. Но и в этой деревне, хотя она была побольше других, не было постоялого двора, потому что по проселочным дорогам проезжающих мало. Но странно, что в этой глуши детям было как-то особенно весело, просторно, привольно: Лизе даже захотелось сделаться птичкою, чтоб вечно носиться в этом голубом воздухе, над этими волнующимися полями, а Володя с ужасом вспомнил свою петербургскую квартиру, как улей, сверху донизу набитую жильцами.

Глава V. **Крестьянская изба**

Извозчик остановился кормить лошадей у знакомого крестьянина, изба которого была побольше и почище других. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что недурно было бы напиться чаю, но на вопрос о самоваре старушка усмехнулась.

— Какие у нас, батюшка, самовары, сказала она: мы и чаю-то, почитай што, отродясь, не пивали, а вот,

когда сливочек или яичек милости вашей угодно, так это у нас есть.

Пришлось довольствоваться тем, что было, и дети с удовольствием съели даже засохшую булку, которая одна только и осталась у них от последнего города. Старуха, правда, вынесла краюху черного хлеба, но он был так черств, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здесь в первый раз дети были в настоящей крестьянской избе. Нечего греха таить, она показалась им и грязна, и тесна, и душна. В углу стояла огромная печь, наверху половину избы занимали полати, закоптелые от дыма. Маленькие, запачканные окна мало пропускали света. Земляной пол был грязен. По голым стенам, между почернелыми бревнами которых торчал мох, ползало множество тараканов. Вся мебель избы состояла из двух больших лавок по стенам, скамейки и большого деревянного стола. На столе стояла деревянная же солонка и лежал хлеб, закрытый грубым полотенцем. У печи висел на веревочке глиняный рукомойник. В переднем углу видно было несколько почернелых образов, украшенных засохшими цветами и ветками березы. В другом углу, за ситцевой занавеской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кроме старухи и двух маленьких ребятишек, русые всклокоченные головки которых виднелись с полатей, не было никого; а по словам старухи, семья у нее была большая. Старик — муж ее, двое женатых сыновей, две взрослые, еще незамужние дочери и даже внук, мальчишка лет 10-ти, с ранней зари ушли на косовицу. Там они останутся целый день и воротятся только поздно, поздно вечером, а, может быть, и заночуют в поле. Трудовую и нероскошную жизнь ведут наши крестьяне в деревнях, но трудами их кормится вся Россия. Из таких маленьких, мрачных, курных изб выходят все те копейки и рубли, на которые выстроен и живет пышный Петербург со всеми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящие пароходы и

громадные корабли, которые наши дети видели на Неве, пришли из разных государств, большей частью за хлебом. Но хлеб в столицу собирается из самых отдаленных мест, по рекам, каналам и дорогам, из всех этих маленьких, бедненьких деревень. На подать, которую дает крестьянин, содержатся блестящие войска, строятся корабли и крепости, из нее же платится жалованье чиновникам. Из крестьянского оброка строятся великолепные дома, покупаются блестящие экипажи. Так — маленькие, незаметные, роющиеся в земле корешки питают пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своем тоненьком стебельке. Сорвите розу, вместо ее появится другая; повредите корень, весь куст завянет — и пышная роза не будет больше гордо качаться на тоненькой ветке.

Александр Сергеевич объяснил это Володе и Лизе, и дети, которые начали-было уже неосторожно кричать, что в избе и душно, и грязно, и гадко, — приутихли. Они боялись оскорбить своими замечаниями добрую старуху и с почтением смотрели на ее морщинистое загорелое лицо, на ее иссохшие, черные руки. Видно было, что она довольно потрудилась в свою жизнь, а теперь трудятся еще на пользу общую ее муж, ее дети и внуки.

Володя был мальчик умный и добрый. Он понял, какого уважения, заслуживает эта добрая старая женщина, несмотря на ее истасканный сарафан и босые ноги, и с удовольствием называл ее *бабушкою*. Ему было приятно, когда она своей морщинистой, черной, дрожащей рукой погладила его по русой, курчавой головке.

— Вот такой бы и у меня был теперь парнишко, внучек! сказала при этом старушка и глубоко вздохнула: такой же востроглазый и беленький, да упал с лошади и расшибся.

— Как же это случилось, бабушка? спросила Лиза с участием.

— Вишь-ты, поехал лошадок загонять, а силенки еще не хватало. И падал-то он у нас не раз, кажись, да в

этот раз пришлось головою о камень: раскромсал совсем и на третий денек душу богу отдал. По грехам нашим наказывает нас, видно, господь, окончила старушка и еще раз глубоко вздохнула всей своей сухой впалой грудью.

— Боже мой, какое несчастье! сказала Лиза, и слезы навернулись у ней на глазах: неужели же нельзя было спасти бедняжку? Посылали ли вы, по крайней мере, за доктором?

— Какие уж у нас дохтура, барышенька моя милая, отвечала ласково старушка: дохтура в городе и к нам не поедут. Мочили голову водкой, ажно голосил мой касатик, и ворожею позвали: та шептала, шептала, да не помогло. Видно уж так богу угодно — его святая воля.

— Но зачем же было посылать дитя загонять скот? заметил Александр Сергеевич.

— А как же, барин, не посылать-то, отвечала старуха: старшие на работе в поле, приехал становой, лошадей требует, кого ж послать-то? У нас парнишки не долго балуются, всем хлебушка нужен. Вон на полатях еще лежат пока двое: одному по шестому, другому по пятому году, а годка через три и те пойдут на работу.

— А в школу, бабушка? перебил Володя: когда же они ходят в школу? когда учатся?

— Нет у нас школ, кормилец. Где уж в такой деревнюшке школы! Вон, бают, в Апраксинском-то, на селе,— чай видели, коли мимо ехали,— завели школу и учителя принаняли. Приказано, вишь-ты, детей грамоте учить, да и то невесть зачем. К чему нам грамота? Мы люди темные, работящие, некогда нам книги читать. У нас на деревне и ни одного нетути грамотного, а живем же себе по милости божией не хуже других. Да у нас и выучиться-то не у кого: не в Апраксинское же посылать, ведь это верстов пятнадцать отселева будет, а пожалуй, и больше!

— Как странно говорит эта старуха, подумал про себя Володя: не все и поймешь, и прибавил вслух: вот,

что значит жить в деревне: ни доктора, ни школы, ни учителя, ни книг! Нет, это не то, что у нас в Петербурге: там школ, учителей и книг сколько хочешь — учись только.

— Где уж нам до Питера, батюшка, проговорила старушка, вздохнув: вон уж и в в городе-то нашем и весь-то он невеличек, есть и дохтура, и учителя, а у нас и церкви-то нетути близко, — за шесть верст к обедне ходим. Мы, касатик, коли *Верую* да *Богородицу*, да *Отче наш* знаем, так слава-те, Христос, с нас и будет! Знали бы мы свое крестьянское дело: пахать да сеять, жать да косить, сладить соху, срубить избу, справить телегу, да мало ли что надо знать в нашем крестьянском деле!

— Что же? сказал Александр Сергеевич: это тоже наука; наука не легкая и полезная. У нас в Петербурге ей не выучишься, а без нее и прожить нельзя. Всякому свое. Вы для нас, добрые люди, работаете, а мы должны учиться, чтобы уметь устроить вашу жизнь как можно лучше. Без книг и без ученья тоже жизнь очень дурна, прибавил он, обращаясь к детям, когда старушка ушла: будет у нас больше умных, ученых и образованных людей, тогда и в этой деревеньке, может быть, жизнь сделается лучше, удобнее и приятнее. Образованные люди придумали хорошие дороги, шоссе, паровые машины, каналы, улучшенные земледельческие орудия, фабрики. С помощью их и в эту деревню заглянет когда-нибудь образование, облегчится тяжелый труд крестьянина, выстроится школа и появятся здесь разные удобства и удовольствия жизни, о которых теперь и понятия не имеют. В Германии нет ни одного человека, который бы, по крайней мере, не умел читать и писать. В Англии и в Америке нет такой маленькой деревеньки, где бы не было школы. Там уже начали косить, жать, сеять, даже пахать машинами; а машина облегчает и усиливает труд человека. Надобно, чтобы и у нас все это было так же. Мы, русские, гораздо позже других народов начали учиться и во многом отстали; нам надобно догонять. Учитесь же, дети мои, и помните, что мы должны

чем-нибудь отблагодарить крестьян за тот хлеб, которым они нас кормят, а отблагодарить мы можем только прилежным ученьем и честными трудами в пользу общую. Тот из нас, кто ничего не делает и никому не приносит никакой пользы, — живет на чужой счет, на счет этих бедных людей, трудящихся с утра до вечера в поте лица. Стыдно и грех есть даром чей-нибудь хлеб, а еще более хлеб крестьянский, добытый такими тяжелыми, неусыпными трудами! Не трудясь на полях сами, с утра до вечера и с детства до смерти, как эти бедные люди, имея много свободного времени, которого нет у крестьян, — мы должны употреблять это время на общую пользу. Ты вот, Володя, пойдешь служить, не забывай же никогда, что эти крестьяне поят и кормят тебя, служи честно и заботься о них, сколько станет у тебя сил. Ты, Лиза, вероятно, будешь современем учить детей; дети, которых выучишь ты, будут учить других, и, таким образом, образование, может быть, дойдет и до этой деревеньки, где живут и трудятся наши истинные кормильцы. Пусть всякий делает честно свое дело, и всем будет хорошо. В одиночку человек и простого гвоздя не сделает. Для крестьян нужны образованные и ученые люди, а ученые и образованные люди не проживут без крестьянских трудов. Для бедных деревень нужны города и столицы, где находятся правительство, присутственные места, войско, университеты, гимназии, училища, богатые купцы, фабрики, лавки и магазины, где живут люди, умеющие управлять государством, вести торговлю, устраивать фабрики и заводы, рыть каналы, делать железные дороги и шоссе, строить корабли, заниматься различными ремеслами, чеканить монету. Но для городов и столиц еще более нужны деревни и их трудолюбивые, простые жители. Без деревень столицы и города существовать не могут, без столиц, городов и образованных людей крестьяне остались бы навсегда грубыми дикарями, а вы, верно, читали в ваших книжках, какую жалкую жизнь ведут дикари.

Глава VI. Прибытие на место

Накормив лошадей и попрощавшись с доброй старушкой, от которой дети узнали столько полезного, хотя она сама и читать не умела, наши путешественники отправились далее. До Карповки оставалось верст двадцать, не больше, и извозчик надеялся поспеть туда к вечеру. Верст через семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной речки: она извивалась, как огромная блестящая змея, на дне глубокой лощины, посреди кустов лозы и орешника. По ту сторону речки расстилались далеко луга, на них, в разных местах, видны были косари, сверкающие своими стальными косами. Извозчик с видимым удовольствием смотрел на эти обширные, зеленые луга.

— Вот луга, так луга! сказал он, обращаясь к Володе, который с позволения отца уселся возле ямщика на козлах: какая бы ни была засуха, на них всегда есть трава, и покос всегда хороший.

— Отчего же это? спросил Володя.

— Да оттого, маленький барин, отвечал ямщик, что всякую весну эта реченка разливается куды как широко — вон под те самые лозы, верст, чай, на семь! Как же вода потом сбудет, то и трава пойдет расти шибко да гонко, — да такая зеленая, сочная! Эти луга, барин ты мой милый, *поёмные*, дорогие луга, славные луга! Много они, сердешные, кормят лошадушек, а лошадушки, барин, кормилицы наши. Что бы мы без них стали делать? Они нас и возят, милые, они нам и пашеньку пашут и боронят, а придется ли дровец из лесу привезти — опять-таки за лошадку. Они нам и навоз дают, без навоза наши поля родят плохо. Вот и выходит, барин, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поёмные. Поле везде распахать можно, хоть бы из-под самого густого леса, выруби деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землицу-то, а поёмного луга уже не распашешь! Где бог дал, там он и есть, а где сена много, там и лошадка, и коровка, и овечка сыты... Эй, вы, сердеш-

ные, трогай! — прибавил ямщик, подстегнув слегка правую пристяжную.

Начинало вечереть. Поверхность речки блестела розовым светом. Кое-где чернели на ней стада диких уток. Длинноносый бекас со свистом перепархивал с одного берега на другой, а белые чайки, блестя в воздухе крыльями, с печальным криком носились над водой, зорко высматривали они, не выкажется ли где-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы — так называют этих чаек — большие охотники до рыбы и в этот вечер, наверно, охотились удачно. Рыба то и дело всплескивалась там-и-сям по реке, ловя комаров и мошек, которые, ища сырости и не находя ее вверху, кучами толклись над водой, предсказывая, что и завтра будет такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цветами, золотым, розовым и пурпуровым, серебряные облака, столпившиеся к западу, как будто за тем, чтобы проводить на ночлег своего щедрого владыку — огромное, покрасневшее солнце. Отражая косвенные вечерние лучи, речка сверкала, как растопленное золото. Становилось прохладнее, а под ивами, свесившимися над водой, было уже совершенно темно. Утомленные длинной дорогой дети чувствовали усталость.

— Скоро ли будет Карповка? спросил Володя ямщика.

— Да вот, барин, только переедем на ту сторону, тут сейчас тебе и Карповка будет.

— Но как же мы переедем? опять на пароме? спросил Володя.

— Нет, не на пароме, а по плотине, маленький барин. Вот сейчас плотина будет, слышь, как шумит!

Дети прислушались, и, действительно, до них достиг отдаленный, приятный звук падающей воды. Они никогда не видали плотины, и потому любопытство их было снова возбуждено. Шум все увеличивался. Минут через десять дети увидели, что узкая река разлилась широко, точно пруд или маленькое озеро. Скоро

показалась и самая плотина, а минут через пять тарантас уже прыгал по хворосту, бревнам и соломе. В конце длинной плотины шумела мельница.

— Зачем же здесь не сделали моста? По плотине так тряско ехать! сказал Володя.

— Моста-то зачем не сделали? отвечал, улыбаясь, извозчик: вот и видно, маленький барин, что ты в деревне отродясь не живал. Под мостом-то вода себе, знай, течет, да течет, а тут надо было запрудить воду, чтобы мельницу поставить. Глянь-ка! вишь там, отколева мы ехали и отколева течет речка, вода-то стоит высоко, а глянь-ка на другую сторону плотины, ишь ты в какой глуби течет там та ж речка. Во всю ширину речки насыпали плотину, вода-то поднялась и сперлась, не оставили ей, сердешной, нигде проходу — и некуда ей больше течь, как вот под эвтот мостик, а из-под мостика и льется она на колесо, колесо вертится и вертит жернова, жернова перемалывают рожь на муку, мука же, чай, и сам ты знаешь, к чему годна.

Дети не совсем ясно поняли объяснение извозчика, хотя видели, что он говорит правду, что вода, стесненная плотиной, точно, лилась на большое деревянное колесо мельницы, и колесо вертелось с такой силой, что вся углая мельница дрожала. В мельнице были видны люди и мешки с мукой, а возле мельницы стояло несколько отпряженных телег, на которых также были мешки, вероятно, с рожью.

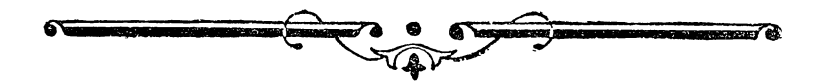
За плотиной началась густая роща, где было уже совершенно темно. Ямщик весело погнал лошадей, и через минуту путешественники наши, миновав околицу, въехали в маленькую деревеньку, в конце которой, на пригорке, стоял небольшой барский дом.

Александр Сергеевич попросил встретившегося мужичка кликнуть старосту, поговорил со старостой, и через минуту наши путешественники были уже в своем новом жилище. Здесь встретила их старушка-ключница и какой-то заспанный мальчишка, который с изумлением таращил глаза на приехавших бар.

Дети так устали, что не могли даже дождаться чаю. Наскоро были постланы им постели, и крепкий детский сон быстро овладел нашими маленькими путешественниками.

На другой день Володя и Лиза проснулись довольно рано, торопливо оделись, торопливо напились молока, которое принесла им старая ключница, и выбежали на крыльцо. С крыльца побежали они в сад, из сада в березовую рощу, находившуюся за садом, из рощи на скотный двор, оттуда в темное гумно, где теперь было пусто и сыро; с гумна побежали на мельницу, которая сильно заняла детей. Они видели в один день столько нового, что все перепуталось в их головках. Все их радовало, все приводило в восторг: и высокая старая яблоня в саду, и развесистые клены, и пчельник, гудящий пчелами, и большое барское стадо, возвращающееся с поля, и широкий двор, поросший травой, и густые конопляники, все, все казалось детям так ново и занимательно! Они теперь только вполне почувствовали огромную разницу между городской и деревенской жизнью, но не вполне еще понимали, в чем состоит эта разница. Прожив четыре месяца без выезда в деревне, испытали дети на себе все удобства и неудобства, достоинства и недостатки деревенской жизни.

ОТДЕЛ II

О ЧЕЛОВЕКЕ

ПЯТЬ ВНЕШНИХ ЧУВСТВ

1. Мы не могли бы ничего узнать о предметах, нас окружающих, если бы творец не одарил нас способностями видеть, слышать, осязать, обонять и вкушать. Все эти способности называются *способностями ощущения*. Всех способностей ощущения пять: способность видеть называется *зрением*; способность слышать — *слухом*; способность осязать — *осязанием*; способность ощущать запах — *обонянием*; способность ощущать вкус — *вкусом*.

2. Зрение, слух, осязание, обоняние и вкус называются также пятью *внешними* чувствами человека. *Внешними* называются эти пять чувств потому, что ими ощущает человек предметы, не внутри, но вне его находящиеся. Ощущая радость, печаль, гнев, благодарность, раскаяние, мы ощущаем то, что совершается внутри нас, в нашей душе; а потому такие чувства называются *внутренними*, или *душевными*.

3. Один и тот же предмет мы узнаем несколькими внешними чувствами: цвет предмета мы узнаем зрением; форму и величину — зрением и осязанием вместе; вкус предмета — вкусом; запах — чувством обоняния; звук, который издают предметы, — чувством слуха. Осязанием, кроме формы предмета, мы узнаем также, тепел он или холоден, тяжел или легок, тверд или жидок.

4. Мы видим глазами, слышим ушами, обоняем носом, ощущаем вкус языком, осязаем всею поверхностью

нашего тела, в особенности концами пальцев. Вот почему пять внешних чувств могут быть также названы *телесными* чувствами человека; хотя собственно ощущает душа, а не тело, и тело без души ничего не чувствует.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ

1. Знаете ли вы, из чего делается суп? Чтобы сделать суп, нужны: вода, мясо, лук, репа, морковь, петрушка или какие-нибудь другие овощи; нужна крупа и соль; нужен огонь, а для огня — дрова; нужно, наконец, и искусство: кто не умеет стряпать, тот супу не сварит. Суп варит повар или кухарка; но воду берут из реки или колодца уже готовою: ее никто не приготовляет; мясо доставляют животные; лук, петрушка, морковь растут на огородах; крупа делается из зерен, а зерна созревают на полях; соль добывают в горах или озерах; огонь разводит кухарка, но дрова для огня вырубаются в лесу. Суп, следовательно, делают люди, знающие поварское искусство; но воды, соли, овощей, гречневых, рисовых или других каких-нибудь зерен, мяса и дерева для дров — люди сделать не могут.

2. Деревянные дома строятся плотниками из дерева; деревья же сами собою вырастают из семян в лесах. Каменные дома строятся каменщиками из кирпичей; кирпичи делаются из глины и песку; но песок и глина выкапываются уже готовыми из земли. Замки, ключи, ножи, топоры, сохи, подковы, шины и другие железные вещи приготовляются слесарями и кузнецами из железа; железо выделывается на заводах из железной руды; но железная руда уже готовою выкапывается рудокопами из земли. Чтобы выстроить деревянный дом, наделать кирпичей, сделать из железа какую угодно вещь, нужно иметь искусство и *материалы*, из которых все это делается. Одного искусства недостаточно; потому что сделать железной руды, дерева, глины, даже мельчайшей песчинки человек не может. Все эти пред-

меты созданы богом, и человек только делает из них то, что ему нужно.

3. Сапожник шьет сапоги из кожи животных. Рубашки шьют из холста, холст ткачи ткут из ниток; нитки прядут пряхи изо льна и пеньки; но лен и пенька вырастают на полях сами собою из семян, которые человек сеет. Не только целого конопляного семени, но даже маленького кусочка его шелухи не сделать человеку.

4. Все предметы, которые делает человек, называются предметами *искусственными*: чтоб сделать какой-нибудь предмет, необходимо искусство. Предметы, которых человек сделать не может.... как, например, дерево, вырастающее из семени, называются предметами *естественными*, или *природными*. Все искусственные предметы человек делает из естественных, или природных....

5. Солнце, луна, звезды, земля, вода, воздух, камни, земли, соли, растения, животные и люди — все это предметы *естественные*, или *природные*. Все природные предметы вместе называются *естеством*, или *природою*. Науки, изучающие природу, — все, что в ней есть и как все в ней делается, — называются *естественными науками*.

Человек также есть *естественный* предмет; но так как бог одарил его разумом и свободною волею, то он из разных естественных предметов может делать множество *искусственных*.

ОРУДИЕ И ОРГАН

1. Перо чинят ножиком, деревья рубят топором; землю пашут сохою; платье шьют иглою; игла, топор, ножик, соха называются вообще *инструментами*, или *орудиями*. Орудием, или инструментом, называется всякая вещь, с помощью которой человек делает из естественных предметов какие-нибудь искусственные.

2. Люди глядят глазами, слушают ушами, обоняют носом, говорят ртом, жуют зубами, ходят ногами, работают руками; следовательно, руки, ноги, глаза, нос, рот, уши, зубы — также орудия. Ножик, пила, игла, соха, топор — искусственные предметы, делаются людьми и существуют отдельно от человека: руки, глаза, ноги, уши, зубы, рот — предметы естественные: они даны человеку богом и составляют часть человеческого тела.

3. Естественные орудия человеческого тела, данные ему богом в отличие от искусственных инструментов и орудий, сделанных людьми, называются *органами*. Голова, глаза, нос, рот, уши, грудь, сердце, желудок, руки, ноги, пальцы, язык, губы, зубы — все это *органы*, необходимые человеку для жизни. Все тело человека состоит из множества необходимых для него органов, а потому все тело называется иногда *организмом*. Орган слово греческое и по-русски значит орудие.

4. Мы знаем уже четыре органа человеческого тела: орган зрения — глаза, орган слуха — уши, орган обоняния — нос, орган вкуса — язык. Осязание не имеет особого органа: мы осязаем почти всею поверхностью нашего тела, в особенности же тонко осязание в концах пальцев. Но, кроме этих органов ощущения, в теле человеческом есть множество других, посредством которых человек дышит, питается, ходит, работает, говорит и делает множество различных движений.

ВЕЩЕСТВА, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА

1. Ощупывая нашу руку, мы чувствуем, что в ней, в середине, есть что-то твердое: это кость. Кость покрыта сверху мягким веществом, которое мы называем мясом; а мясо закрыто еще сверху кожей. Обрезав руку, мы видим, что из нее течет жидкая, горячая, красная кровь. Следовательно, рука состоит из веществ твердых, мягких и жидких.

2. То же самое заметим мы, ощупывая ногу, грудь или голову. Каждая часть нашего тела состоит из различных веществ: везде есть кровь, мясо, кожа и кости. Ощупывая ухо, мы чувствуем, что в нем, под кожей, есть что-то такое, что мягче кости и тверже мяса — это хрящ; хрящ есть также и в носу.

3. Вещества, составляющие наше тело, бывают, следовательно: *твердые, мягкие и жидкие.* Твердые части нашего тела суть кости, ногти и хрящи; мягкие — мясо, волосы, кожа, жилы; жидкие — кровь, слюна, слезы, пот.

ГЛАВНЫЕ ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

1. Тело человека состоит из трех главных частей: *головы, туловища и членов.* Туловище — самая большая часть человеческого тела. Вокруг туловища расположены голова и четыре члена: две руки и две ноги. Каждая из этих частей человеческого тела не простая, но состоит также из нескольких частей.

2. В туловище мы различаем спину, грудь, живот; в голове — глаза, нос, рот, уши, щеки, подбородок. Рука состоит из трех частей: верхней, или *плечевой*, средней, или *локтевой*, и нижней, или *кисти.* Кисть также состоит из частей: в ней мы видим ладонь, пальцы, ногти. Каждый палец тоже есть сложный орган: в нем мы можем ощупать несколько косточек, одетых мясом, а сверху покрытых кожей; если обрезать палец, — потечет кровь; следовательно, и палец орган не простой, а очень сложный. Нога, как и рука, состоит тоже из трех частей: верхней, или *бедра*, средней, или *голени*, и нижней, или *ступни.* В ступне мы различаем: подошву, подъем, пальцы, ногти.

3. Рассматривая глаз, мы видим в нем зрачок, белок, веки, ресницы, брови. Рот тоже не простой, а сложный орган: в нем есть и зубы, и язык, и десна, и губы, и нёбо; а все это вместе называется ртом.

4. Тело человека, следовательно, состоит из множества органов и органов не простых, но очень слож-

ных. Каждый из этих органов доставляет человеку какую-нибудь пользу, и потерять какой-нибудь важный орган очень тяжело: посмотрите на слепого, который потерял орган зрения,— и пожалейте о нем: это уж не то, что потерять какой-нибудь инструмент или какое-нибудь орудие, сделанное руками человека,—карандаш или ножик, пилу или шило.

Рука и нога

1. Членами человеческого тела называются руки и ноги. Они прикреплены к туловищу: одни вверху, другие внизу. Это органы парные: одна рука и одна нога устроены совершенно так же, как другая рука и другая нога; а потому, узнав устройство одной руки и одной ноги, мы будем знать устройство другой руки и другой ноги.

2. Руку не только можно подымать и опускать, но ее можно также сгибать и разгибать; потому что она орган не простой, а состоит из нескольких частей. Она ясно разделяется на три составные части: первая, верхняя, часть, идет от плеча до локтя и называется *плечевою*, вторая — от локтя до кисти и называется *локтевою*, а третья — *кистью*.

3. Ощупывая руку, мы узнаем, что в ней, в середине, должны быть кости. В верхней части руки, между плечом и локтем, одна кость; в средней, от локтя до кисти, две кости: одна из них, потолще, называется *локтевою*, а другая, потоньше, *лучевою*. Мы могли бы их ощупать ясно, если бы нам не мешали твердые *мускулы*, посредством которых мы сгибаем и разгибаем, опускаем и подымаем руку и движем кистью. В третьей части руки, в кисти, костей очень много: в каждом пальце, исключая большого, три косточки. Вот почему мы можем нашею кистью исполнять столько разнообразных движений.

4. То место, где рука соединяется с туловищем, называется плечом; от плеча к спине идет широкая

кость, называемая *лопаткой*. К лопатке прикреплены мускулы, посредством которых мы движем всю руку. Спереди, от плеча, внизу шеи и вверху груди, идет изогнутая кость, которую называют *ключицею*. Лопатку при некоторых движениях руки весьма легко ощупать другою рукою, ключицу также. Ключица и лопатка помогают человеку двигать руку. Плечевая кость связана с ключицей и лопаткой особенными упругими и крепкими *связками*: такими связками соединена, например, в локте плечевая кость с локтевою и лучевою, и разные части ноги между собою. В кисти мы знаем ладонь и пальцы. Та часть кисти, на которой держатся пальцы, называется *пястью*: а та, которою кисть соединяется с локтевою частью руки, — *запястьем*. В каждом пальце, исключая большого, три части и три косточки. Большой палец короче других и состоит только из двух частей. На конце пальцев, сверху расположены ногти. Пясть и запястье состоят из множества отдельных косточек.

5. Такое множество костей составляет одну нашу руку! А сколько в ней еще других, мягких частей, дающих нам возможность исполнять рукою тысячи самых разнообразных движений и делать множество прекрасных вещей! Сильная, гибкая, красивая рука есть прекрасный дар божий человеку, и стыдно ему, если он употребляет этот дар не для того, чтобы делать что-нибудь хорошее, или по лености вовсе его не употребляет. Если бы мы подарили кому-нибудь хорошую гармонию и увидали, что тот, кому мы ее подарили, забросил ее или стучит ею по столам и стульям и портит полезные вещи: неужели бы нас не огорчило, что так поступают с нашим подарком? Может ли создатель быть доволен, если мы ленимся, сидим сложа руки и употребляем их для каких-нибудь шалостей и дурных дел.

6. Нога, как и рука, состоит также из трех частей: верхней, или *бедра*, средней, или *голени*, и нижней, или *ступни*. Бедро и голень соединяются между собою в колене, где для этого есть еще особенная косточка,

называемая *чашкой*. При ушибах часто эти кости расходятся, и тогда происходит *вывих* ноги; но если ломается кость, что иногда случается при сильных ушибах, то это уже не вывих, а *перелом*.

7. Верхняя часть ноги, бедро, состоит из одной кости, средняя — из двух; а нижняя, называемая стопою, или ступнею, из множества костей. В стопе мы различаем: *пятку, подошву, подъем и пальцы. Щиколотком* называется отросток голени, выдающийся там, где ступня соединяется с голенью. Ножные пальцы, хотя не так длинны и гибки, как ручные, но мы замечаем, что можем ими двигать, что дает нам возможность ходить на цыпочках, ступать осторожно и верно; искусники пляшут даже на канате и не падают, если могут сохранить равновесие.

Ногою, точно так же, как и рукою, управляем мы посредством *мускулов*, кусков мяса, упругих, как резина, прикрепленных к костям. Чем крепче мускулы, тем сильнее наши члены. Чтобы сделать мускулы крепкими, должно часто и много их упражнять. У ленивцев, которые не любят ни ходить, ни работать, мускулы вялы, мягки и члены слабы, неповоротливы и скоро утомляются.

Голова

1. Голова — самая важная часть человеческого тела. Она имеет шарообразную форму; но не совсем шарообразную, а скорее овальную, похожую на яйцо, поставленное острием книзу. Она с боков несколько сжата, сзади немного выдалась. Верхушка головы называется *теменем*; выдающийся зад — *затылком*; передняя часть, непокрытая волосами,— *лицом*; впрочем, на лице у взрослых мужчин растут усы и борода. В лице мы различаем: лоб, виски, щеки, скулы, глаза, нос, рот и по бокам головы уши.

2. С туловищем голова соединена посредством шеи; но держится она не на мягкой шее, которая не могла бы удержать головы, а на *хребетном* столбе.

Хребетный столб очень длинная, сложная и подвижная кость, которая идет посредине спины во всю длину туловища и через шею к голове. Эта кость состоит из 33 небольших косточек, одна на другую наложенных, называемых позвонками; почему и весь хребетный столб называется иногда *позвоночным*. Шейные позвонки, на которых держится голова, легко ощупать рукою.

3. Вся верхняя часть головы, исключая нижней челюсти, представляет собою один крепкий костяной ящик, сложенный из нескольких костей, в средине которого скрыл творец очень важный и очень нежный орган — *мозг*. Этот костяной ящик называется *черепом*. Череп сверху покрыт кожею и в некоторых местах волосами. К черепу прикреплены две *челюсти*: одна, верхняя, неподвижна и составляет часть всего черепа, другая, нижняя челюсть, двигается мускулами сверху вниз и с одной стороны в другую, что дает человеку возможность жевать, говорить и делать различные движения ртом; гибкость же шейных позвонков хребетного столба позволяет человеку подымать и опускать всю голову, поворачивать ее направо и налево, склонять ее в ту или другую сторону, выражать одним движением головы согласие или несогласие, уважение или гордость.

4. Из пяти наших внешних чувств четыре имеют свои органы в голове, только одно осязание распространено по всему телу и преимущественно сильно в оконечностях пальцев. Из этого мы уже можем видеть, что голова самая важная часть человеческого тела. Но еще важнее она потому, что в ней заключается мозг — орган, без которого тело ничего не могло бы чувствовать, хотя бы у него были все органы чувств.

Глаза

1. Из всех органов чувств орган зрения самый необходимый для человека. Глаза — это два светлые окна, через которые душа наша смотрит на мир божий. И как премудро устроены эти маленькие окошки!

Глаза расположены в верхней части лица, подо лбом, в особенных углублениях, которые находятся между корнем носа, висками и скулами и называются *глазными впадинами.*

2. Вынутый из глазной впадины глаз представляется нам почти таким же круглым, как яблоко; почему его в этом виде и называют *глазным яблоком.* Глазное яблоко покрыто все белою, роговою оболочкою, которая на наружной части глаза называется белком. Белок в середине глаза прозрачен и выдается вперед выпукло, как часовое стекло. За этой прозрачной частью видны: цветной ободок, называемый *райком,* и в средине его черный кружочек, называемый зрачком; это небольшое круглое отверстие, ведущее внутрь глаза. В зрачке, как в зеркале, отражается все, что находится перед глазами. Зрачок не всегда одинаковой величины: он может расширяться и сжиматься. Чем светлее, когда мы смотрим, тем зрачок более сжимается; чем темнее, тем он более расширяется.

3. Раек у различных людей бывает различного цвета: черный, голубой, синий, карий, серый, зеленоватый, а чаще разноцветный; почему его и называют также *радужною перегородкою.* Когда расширяется радужная перегородка, зрачок становится меньше и наоборот. В глазных уголках мы видим красноватые жилки, которые появляются и на всем белке, когда глаз нездоров: это кровь приливает к глазу.

4. Глаз очень чувствителен, и маленькая мошка или такая крошечная песчинка, что мы ее и не заметили бы на другой части нашего тела, попадая в глаз, производят несносную резь. Самый слабый удар по глазу может его испортить и лишить человека одного из важнейших чувств. Вот почему творец защитил глаза множеством различных средств. Если в темноте мы набредем на дверь, то удар придется по носу, по брови, по скуле, но не по глазу; потому что глаз помещен в углублении между этими не столь чувствительными и нежными частями лица.

5. Для защиты от маленьких предметов, которые могли бы попадать в глаза, и для защиты от света, когда глаз устает смотреть или свет очень силен, есть у каждого глаза по паре *век*; одно веко, нижнее, неподвижно, другое, верхнее, опускается и подымается очень быстро. Чтобы веки смыкались плотнее и лучше прикрывали глаза от света, они по краям опушены *ресницами*. Если опасность и не грозит глазу, то тем не менее верхнее веко часто быстро опускается и так же часто и быстро подымается — *мигает*. В воздухе постоянно носится множество пылинок, которые садятся на открытый глаз, и веко мигает для того, чтобы стирать эти пылинки и держать глаз в постоянной чистоте.

6. Но всех этих средств для защиты и сохранения глаза было еще мало: премудрый творец позаботился и о том, чтобы глаз, для которого так нужна чистота, можно было обмывать. Вверху глаза, под лобною костью, находится особенный маленький орган (*слезная железа*), который постоянно отделяет слезы, и эти слезы, протекая по глазу, обмывают его и стекают по белку в нос, через маленькое отверстие, находящееся в том уголке глаза, который лежит ближе к носу. Когда слез набирается слишком много, то они наполняют глаз и даже льются по щекам, что бывает с нами, когда мы плачем.

7. Но мы забыли сказать еще об одной части глаза: *о бровях*. Брови служат, во-первых, для того, чтобы капли едкого пота, стекающие со лба, не попадали в глаза.... Во-вторых, брови защищают глаз в виде навеса от ярких солнечных лучей, падающих сверху.

Заметим еще, что мы можем, не поворачивая головы, двигать нашими глазами посредством особенных глазных мускулов.

8. Но мы знаем теперь одно только внешнее устройство глаза; внутреннее же его устройство так сложно и так мудро, что должно много учиться, чтобы понять его....

9. Многое вредит глазу, многое ему полезно. Для глаза вредно всякое слишком сильное и продолжитель-

ное напряжение зрения. Не должно держать книгу или тетрадь ни слишком близко, ни слишком далеко от глаз, — и то и другое вредно. Кто видит хорошо только вблизи, того называют близоруким. Иные рождаются с этим недостатком; другие приобретают его неосторожным чтением и письмом. Очень вредно для глаз, если человек усиливается читать в сумерки, когда уже надобно зажигать свечи. Вредно смотреть на солнце, на яркое пламя, на снежные поля при ярком солнечном освещении. Смотреть на предметы зеленого цвета в особенности приятно и полезно для глаз. Должно сохранять глаза в чистоте и тщательно промывать их утром холодною водою. Не должно вытирать глаз грязным полотенцем или грязною рукою. Недостатки зрения поправляют очками; но очками же, если их надевать без нужды или не те, какие следует, — можно очень скоро испортить зрение.

10. Часто бывают случаи, что человек вовсе теряет зрение, хотя глаза у него смотрят попрежнему; бывают и такие, когда жидкость, наполняющая глаз, совершенно вытекает и на место красивого глаза открывается безобразная впадина; тогда некоторые заменяют природный глаз искусственным, сделанным из стекла; но само собою разумеется, что таким стеклянным глазом человек ничего не видит; только безобразие лица от этого уменьшается....

Уши

1. Уши — парный орган и потому расположены по обеим сторонам головы. У человека ухо неподвижно, тогда как многие животные могут шевелить ушами. Формою наружная часть уха напоминает раковину, а потому видимую часть уха называют *ушною раковиною*. Но не должно думать, чтобы весь слуховой орган состоял только в этой видимой раковине.

2. Главная часть слухового органа находится внутри височной кости, и в нее из ушной раковины идет узкая трубочка. Ушная раковина только помогает нам слышать; но мы легко заметим, что у птиц, например

у которых нет ушной раковины, тем не менее, слух очень тонок, следственно, есть и слуховые органы. Но внутреннее устройство слухового органа, как и внутреннее устройство глаза, так премудро, что нужно много учиться, чтобы понять его хорошо....

Нос

1. Глаза и уши — органы парные, и потому они размещены *симметрически*. Нос и рот органы одиночные, и потому они расположены посредине лица....

2. *Нос* — самая выдающаяся часть лица. Он сложен из двух половинок и разделен внутри перегородкою. В носу можно различать несколько частей: *корень*, или основание, носа, лежащее между глазами, *переносье, кончик носа* и две *ноздри*. Одна часть носа — твердая косточка и прикреплена к черепу; другая, полутвердая, состоит из хряща. Внутри нос выстлан кожицею, отделяющею слизь, почему и самую эту кожицу зовут *слизистою оболочкою*.

Посредством этой-то слизистой оболочки мы чувствуем запах, и если она поражена болезнею, как например, при насморке, то мы утрачиваем на время чувство обоняния.

3. Слизистая оболочка, если ее растянуть, гораздо более самого носа, и потому она сложена в нем складками; чем больше в ней складок, тем и чувство обоняния сильнее. У коровы и у собаки, например, слизистая оболочка носа сравнительно гораздо больше, чем у человека; а потому и обоняние у этих животных гораздо тоньше. Собака чует носом след давно уже пробежавшего зайца и посредством обоняния отыскивает своего хозяина, хотя бы он ушел за несколько верст.

4. Нос есть не только орган обоняния, но и орган дыхания. Носом человек дышит гораздо больше, чем ртом, и если при насморке нос у нас заложен, то мы чувствуем, как трудно и неприятно дышать одним ртом.

Нос очень кстати помещен по соседству со ртом: нос обязан различать пищу по запаху, прежде чем она положена будет в рот.

Рот

Рот очень сложный орган и исполняет множество разнообразных служб.

Внешнюю часть рта составляют две мягкие, красные *губы*: верхняя и нижняя. Внутреннюю часть рта составляют: две *челюсти*, нижняя и верхняя, *зубы*, сидящие в челюстях, *язык*, *нёбо* и вообще вся *полость* рта.

Челюсти тверды, потому что они костяные; нижняя — подвижна; верхняя — прикреплена к черепным костям и движется только вместе с головою.

Зубы сидят твердо в челюстях своими корнями. В каждом зубе различаются две части: верхняя — *коронка* и нижняя — *корень*.

Сверху зуб покрыт гладкою, блестящею *эмалью*, которую очень надобно беречь. Если мы, разгрызая какой-нибудь твердый предмет, повредим эмаль зуба, то и самый зуб скоро начнет портиться.

Человек родится без зубов, но через несколько месяцев по рождении они начинают показываться один за другим. Первые зубы называются *молочными*. На 7-м или 8-м году, а иногда позже, молочные зубы выпадают и заменяются другими — *постоянными*.

Зубы имеют различную форму, смотря по тому, где они сидят. Впереди находятся в каждой челюсти по четыре плоских, острых зуба (всех 8); они служат для того, чтобы ими, как ножами, разрезывать пищу; а потому называются *резцами*. По обеим сторонам резцов находится в обеих челюстях по одному острому зубу несколько длиннее прочих; эти зубы служат для того, чтобы ими разрывать пищу, и называются *клыками* (иногда зовут их *глазными* зубами); всех клыков четыре. Далее, по обеим сторонам и в обеих челюстях, идут толстые зубы с плоскими коронками, называемые *коренными*: эти служат для того, чтобы ими раздавливать и размалывать пищу.

Зубы весьма важный орган: размельчая и раздавливая пищу, они приготовляют ее для желудка.

Глотать пищу кусками очень вредно. Кроме того, зубы у человека служат для произношения многих звуков.

Человек, потерявший зубы, говорит невнятно. Вот почему должно очень беречь свои зубы. Разгрызание очень твердых предметов вредит зубам, потому что при этом часто трескается эмаль. Эмаль трескается и тогда, когда, напившись горячего, скоро после того выйти на холод. Если мы в холодный стакан сразу нальем горячей воды, то он треснет: точно так же трескается и зубная эмаль, очень похожая на стекло.

Язык есть орган мягкий, мясистый, красного цвета, весьма подвижной и гибкий. Он прикреплен к особенной косточке, находящейся в верхней части горла и соединенной с черепом. К основанию рта прикреплен язык мягкою перепонкою, которую зовут *уздечкой*. Язык, во-первых, помогает человеку перемешивать и проглатывать пищу; во-вторых, языком человек ощущает вкус предметов, и в-третьих, язык необходим для произношения слов: без языка человек не мог бы произнести ни одного слова и издавал бы только неясные звуки.

На краю нёба, над языком, висит еще маленький *язычок*: он, как занавеска, закрывает собою глотку, чтобы пища не попадала в нее, прежде чем будет пережевана; а потому этот язычок и называется *нёбною занавескою*.

Из полости рта, через шею, во внутренность тела идут два канала, из которых один называется *дыхательным*, а другой *пищеприемным* горлом. Дыхательное горло состоит из твердых, хрящеватых колец, чтобы оно не могло сжиматься, и идет по передней части шеи в *легкие*, наполняющие грудь. Дыхательным горлом и легкими мы дышим. Позади дыхательного горла, через шею и всю грудь, тянется в желудок мягкое пищеприемное горло, или *пищевод*: посредством этого горла мы пропускаем в желудок пищу и питье.

Для смачивания и размягчения пищи необходима еще *слюна*, которая отделяется *слюнными железками*,

находящимися под челюстями и языком. Мы чувствуем вкус только жидких тел или тех, которые приводятся в жидкое состояние слюною.

Рот, следовательно, есть очень сложный орган; но зато он и исправляет множество различных служб: во-первых, мы дышим отчасти ртом, и воздух, проходя через нос и рот, входит в легкие через дыхательное горло; во-вторых, рот приготовляет пищу для желудка, и, в-третьих, через рот, пройдя сначала через дыхательное горло, выходит воздух из нашей груди, что дает нам возможность говорить, кричать и петь.

В верхней части дыхательного горла находится широкое хрящеватое кольцо, внутри которого натянуто несколько тонких перепонок; при проходе воздуха эти перепонки дрожат и издают звуки: это *орган голоса*. Когда вы подуете в маленькую гармонийку, то она издаст звук оттого, что стальная пружинка, закрывающая отверстие, в которое вы дуете, дрожит. То же самое почти делается и в горле, когда мы поем или говорим: но только там не стальная пружинка, а тонкие перепонки, и их не одна, а множество. По нашей воле эти перепонки дрожат, то натягиваются, то опускаются, и нет инструмента послушнее человеческого горла.

Но для того, чтобы звук, вылетающий из горла, мог превратиться в слово, необходимо участие всех различных частей рта: язык, нёбо, зубы, губы и даже нос дружно помогают человеку произносить различные звуки. Букву *а*, например, мы можем произнести одною гортанью; чтобы произнести букву *б*, мы должны употребить наши губы; для произнесения буквы *к* мы прижимаем язык к нёбу; букву *д* выделывают вместе губы и зубы; выговаривая букву *о*, мы делаем из наших губ нечто похожее на эту букву; в произношении буквы *н* принимает участие и наш нос.

Несмотря на такое мудрое устройство горла и рта, несмотря на прекрасный орган голоса, человек все же не заговорил бы, если бы в нем не было мыслящего

духа. У обезьяны рот устроен почти совершенно так же, как у человека; но она не говорит ни одного слова; попугая можно выучить произносить довольно ясно отдельные слова, но он будет произносить их без смысла и невпопад....

* * *

ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

Кроме наружных видимых органов, в человеке есть еще много внутренних, скрытых внутри его тела. Приложив руку к левой стороне груди, мы слышим, что там что-то бьется, как живое, и стучит равномерно, точно часовой маятник. Это — *сердце*, очень важный орган, который движется, бьется во всю жизнь человека, и днем и ночью, не переставая ни на минуту, и останавливается тогда только, когда человек умирает. Но не даром же так неутомимо бьется сердце, не даром же несет такую тяжелую, беспрерывную службу: верно, оно исполняет какое-нибудь важное дело, необходимое для жизни человека.

Вдыхая и выдыхая воздух, мы видим, как поднимается и опускается наша грудь, и если на минуту перестанем дышать, то почувствуем, как это тяжело; прекращение же дыхания на долгое время неминуемо влечет за собою смерть. Почему же дыхание так необходимо? Почему мы должны дышать беспрестанно? Почему, потеряв возможность дышать, человек задыхается и умирает?

Если мы долго не едим, то испытываем неприятное чувство голода, слабеем, теряем силы и знаем очень хорошо, что если бы человеку не дать пищи несколько дней, то он непременно умрет от голода; каждый из нас испытывал также, какое неприятное, мучительное чувство жажда, и всякому известно, что без питья можно точно так же умереть, как и без пищи. Почему же нам так необходимы пища и питье? Почему без них мы не можем жить?

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ И НАГЛЯДНОМУ ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

(Назначается для дѣтей отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ).

составилъ

К. УШИНСКІЙ.

(Съ таблицею рисунковъ)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1861.

ПИТАНИЕ

1. Сколько платья переносит человек в продолжение своей жизни, а между тем иной лет семьдесят, восемьдесят и даже больше носит на себе тело, и оно не изнашивается. Сколько тысяч верст выходит человек в продолжение жизни, сколько сапог истопчет он, из какой бы крепкой кожи они ни были сделаны; а между тем кожа на ногах его останется цела, хотя она гораздо тоньше сапожной кожи. Перчатку поносишь недолго, и она развалится, а тонкую кожу на руках мы носим всю жизнь, и она все не стирается. Если бы человек сделан был не то что из дерева, но даже из железа, — то и тогда в продолжение такой долгой жизни, при беспрестанном движении, он должен бы, кажется, истереться, а все суставы его расшататься и развинтиться, но нет, мягкое тело человека все живет да живет, стареется, морщится, но остается целым.

2. Чтобы узнать, отчего такая разница между предметами не живыми и живым телом человека, должно сначала узнать, отчего не имеющие жизни предметы стираются от употребления, уменьшаются в объеме и весе, а потом распадаются на куски. Потрите напилком кусок дерева или железа, и вы заметите, что от них отскакивают маленькие частички. Частичка отламывается за частичкой, впадина все делается больше и больше, и, продолжая работать напилком, мы всю вещь можем искрошить в порошок. То же самое делается при всяком употреблении вещи, только не так быстро и не так заметно. От беспрестанного трения, которому подвергаются все вещи (даже камень и тот трется ветром), они стираются. Чем мягче вещь и трение сильнее, тем быстрее разрушается она. Даже серебряная ложка, которою долго едят, и та обтирается по краям, становится тоньше и делается, наконец, негодною к употреблению. Но что было бы, если бы каждая, отделившаяся от трения частичка заменялась немедленно новою? Стерлась ли бы тогда вещь?

3. От нашего тела, при его беспрестанных движениях, точно так же беспрестанно отделяются маленькие, едва заметные или даже и вовсе незаметные частички, и их отделяется гораздо больше, чем от железа и дерева; потому что тело мягче и железа и дерева, но в том-то и дело, что в теле нашем эти частички, отделившиеся или сделавшиеся негодными, беспрестанно заменяются новыми, и все оно беспрестанно подновляется, чего не делается с вещами, лишенными жизни. Вещи не *питаются* и потому, стираясь, не подновляются; но тело наше беспрестанно подновляется тою пищею и тем питьем, которые человек, через рот и горло, пропускает себе в желудок.

Пища разжеванная, перемешанная со слюною во рту, проглатывается и пропускается через *пищевод* в желудок. Здесь, с помощью особых жидкостей, отделяемых стенками желудка, поджелудочною железою и печенью *, пища переделывается в пищевую кашицу. Из этой кашицы жидкие, годные для питания части всасываются особыми тоненькими трубочками в кровь, протекающую по нашим жилам; а твердые или негодные извергаются вон.

Кровь есть та красная жидкость, которая окрашивает наши губы, язык, щеки и всему нашему телу придает красноватый оттенок. Кому случалось обрезать себе палец, тот знает, что такое кровь. Она протекает по всему нашему телу в бесчисленном множестве тоненьких, мягких трубочек, называемых *жилами*. Смотря на нашу руку, мы заметим под кожею, какими веточками расстилаются по всему телу жилы. Но мы видим только толстые веточки, а самых тоненьких через кожу заметить нельзя. Но, что жилы, по которым течет кровь, расходятся в бесчисленном множестве по всему телу,

* Печень — тоже железа, только очень большая: она отделяет желчь точно так же, как *слюнная железа* — слюну, а слезная — слезы. Печень лежит внизу под ребрами, с правой стороны.

в этом легко убедиться: где бы мы ни прорезали себе кожу, везде потечет из-под нее кровь. Самый красный цвет мяса происходит оттого, что в нем бесчисленное множество жилок, наполненных кровью. Вот эта-то кровь питает, т. е. подновляет все тело и кости и мускулы и кожу, из нее же выделываются волосы и ногти, которые беспрестанно растут, — слюна, пот и слезы, которые постоянно отделяются. Но как из одной и той же крови выделываются такие разнообразные и разноцветные вещи: это вам объяснить невозможно. Бог так премудро устроил человека, что, даже учившись очень много, нельзя понять всего, что в нем делается. Но дело в том, что кровь, подновив ту или другую частичку тела и заменив отжившую частицу новою, забирает то, что уже сделалось от употребления негодным, и, как хороший работник, унося прочь это негодное, выбрасывает его вон через дыхание и пот или перерабатывает вновь.

Мелкие жилки, в которых течет кровь, не все остаются такими мелкими: соединяясь одна с другою, они становятся все толще и толще и уже в виде толстых трубок сходятся к сердцу и вливают в него кровь.

Сердце для того и бьется, чтобы заставить кровь двигаться. Это мясистый мешок (мускул), пустой в середине, и состоит из двух, разделенных перегородкою половинок, правой и левой. Когда сердце сожмется, то погонит кровь в жилы; когда разожмется, то кровь в него вливается. Жилы, по которым кровь течет к сердцу, называются *венами*, а жилы, по которым сердце разгоняет кровь по всему телу, называются *артериями*.

Кровь в венах темно-красного цвета и не годится для питания. Из вен она двумя толстыми трубками вливается в правую сторону сердца, а оттуда сердце, сжимаясь, выгоняет ее в легкие. *Легкие* наполняют собой грудь, и в них человек, посредством дыхательного горла, вдыхает воздух. Дыхательное горло разделяется в груди на две ветви, а эти ветви разделяются на множество маленьких веточек, оканчивающихся крошечными пузырьками. К этим-то пузырькам легких подходит из сердца *веноз-*

ная кровь, а из дыхательного горла — воздух. Воздух, прикасаясь к крови, очищает ее и из темно-красной делает ярко-красной, а из негодной для питания тела — годною. Вот для чего человек беспрестанно дышит: если он перестанет дышать, то кровь перестанет очищаться; сердцу не над чем будет работать, питание прекратится, и человек умрет. Негодные частицы крови выдыхаются нами вон через легкие, а годная для питания кровь идет по артериям обратно в сердце — только уже не в правую, а в левую его половину. Приняв артериальную кровь, сердце раздуется, потом сожмется и погонит ее сначала по одной очень толстой артерии, а потом по бесчисленному множеству более и более тонких артерий, расходящихся, как ветки, по всему нашему телу. Здесь очистившаяся воздухом кровь опять принимается за свое беспрерывное подновление частиц нашего тела.

Таким образом происходит в нас *кровообращение*, и кровь, беспрестанно обращаясь то к сердцу, то из сердца в легкие, из легких опять в сердце и из сердца опять по всему телу, беспрестанно питает, т. е. подновляет наше тело. Вот почему наше тело не изнашивается.

Беспрестанно питая тело, кровь сама издерживается; надобно, наконец, ее подновить, прибавить к ней материалу. Эту обязанность исполняет желудок. Он, как мы уже знаем, вырабатывает из всего, что мы едим и пьем, материал для крови: без этого кровь скоро истощилась бы, телу нечем было бы питаться и подновляться; оно ослабело бы, обессилило, а потом и совсем замерло. Вот почему пища и питье так необходимы для человека; вот почему при недостаточности пищи тело худеет, силы его слабеют, и если питание совершенно прекратится, то и умирает.

Желудок, вместе с другими пищеварительными органами, сердце и легкие работают над одним и тем же делом. Втроем они заботятся, чтобы из пищи и питья приготовить кровь, сделать ее годною к питанию через соприкосновение с воздухом — и разослать ее по всему

телу. Кровь подновит все, что следует, как добрый работник, унесет все, что сделалось уже негодным, и выбросит вон эти негодные, уже отжившие частицы.

Вся работа, посредством которой беспрестанно подновляется наше тело, называется *процессом питания*, или просто питанием. Питание совершается в человеке посредством трех различных работ, или процессов, дружно стремящихся к одной цели: посредством *пищеварения*, *кровообращения* и *дыхания*. Если хотя одна из этих работ организма остановится, то вслед за ней остановится и другая; а потом прекратится и самая жизнь. Каждая из этих работ выполняется несколькими органами, из которых мы назвали немногие: каждый орган делает свое дело, и все они вместе делают одно — поддерживают жизнь в организме человека. Мы узнали только самые крупные работы организма; а не знаем еще тысячи мелких, из которых, тем не менее, каждая необходима для жизни. Будем учиться, узнаем более, но всего не знают и самые ученые люди....

* * *

МОЗГ И НЕРВЫ

Мы знаем уже, что внешние предметы отражаются в глазу человека, как в зеркале. Если закрыть глаза, то предметы перестанут в них отражаться, и человек перестанет их видеть. Однакоже предметы отражаются не в одних глазах, они отражаются и в зеркале, и в воде, и в полированном куске меди или стали; но ни медь, ни зеркало, ни вода, отражая предметы, не ощущают того, что они отражают, — не видят. Искусственный глаз, который бы отражал предметы, устроить очень легко: но нельзя сделать такого, который бы видел; потому что нельзя сделать тех тоненьких, беленьких ниточек, которые, расстилаясь сеткою за глазом, идут потом к мозгу, находящемуся в черепе. Через посредство этих тоненьких, беленьких, по одиночке едва замет-

ных ниточек, собирающихся потом в черепном мозгу, видим мы предметы, отражающиеся в наших глазах. Точно такие же беленькие, едва заметные ниточки идут от всех других органов наших ощущений к мозгу: от органа обоняния или слизистой оболочки, которою выстлана внутренность носа, от органа вкуса, или языка, от органа слуха, и, наконец, от органа осязания, или от всей поверхности нашего тела. Эти тоненькие, беленькие ниточки, рассыпанные по всему телу и собирающиеся в мозгу, посредством которых человек видит, что отражается в глазу, слышит, что раздается в ушах, чувствует запах, вкус, осязает предметы, — называются *нервами*. Те нервы, которые идут от мозга к глазам, называются *зрительными* нервами, те, которые идут от мозга к ушам, — *слуховыми*; к языку — *нервами вкуса*; к носу — *нервами обоняния*; а те нервы, которые распространяются по всей поверхности тела и посредством которых человек осязает предметы, называются *нервами осязания*.

Мы знаем уже, что члены нашего тела приводятся в движение мускулами. Мускул есть упругий кусок мяса, имеющий способность сжиматься и разжиматься, как кусок резины. Сжимаясь и разжимаясь, мускулы двигают наши члены; так, напр., чтобы поднять локтевую часть нашей руки, мы должны сжать (сократить) мускулы, которыми локтевая кость соединена с плечевою, а если этот мускул расширится, растянется, то и согнутая рука разожмется. Но сам по себе мускул не может ни сжиматься, ни расширяться: надобно, чтобы кто-нибудь его сжал или расширил. Эту важную работу выполняют те же тоненькие, едва заметные, беленькие ниточки — нервы. Их множество в каждом мускуле, и оттуда они опять же идут к мозгу.

Посредством нервов зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, человек, как мы уже знаем, ощущает все предметы а потому и нервы эти называются *нервами ощущения*. Те же нервы, которые идут от мускулов к мозгу и посредством которых человек выполняет

множество самых разнообразных движений, — заставляя растягиваться и сокращаться бесчисленное множество мускулов, расположенных и в его лице и во всех членах его тела, — называются *нервами движения*, или *двигательными нервами*.

Нервы ощущения и нервы движения, где бы они ни находились, собираются к мозгу. *Мозг*, по цвету и составу своему, похож на нервы. Он состоит из мягкой беловатой массы, которая заключается в черепе и внутри того позвоночного хребта, который от черепа, через шею, идет посредине спины, вдоль всего туловища. К этим-то двум костяным хранилищам мозга идут все нервы.

Мозг черепной и мозг хребетный соединены между собою в загылке, и оба составляют вместе один большой, очень сложный орган. Некоторые нервы, как, например, зрительный, слуховой, нервы вкуса и нервы обоняния идут прямо к головному мозгу; другие же, как нервы осязания и нервы движения, идут отчасти к хребетному, а отчасти к головному мозгу, но дело в том, что все нервы, со всего тела, собираются и соединяются в одном центральном органе нашего тела — мозге. Посредством этого-то органа душа, существо невидимое и недоступное ни одному из наших пяти чувств, получает все ощущения и управляет всеми движениями тела.

КОСТИ

Кто понял значение органа, называемого мозгом, тот, вероятно, догадается и сам, что такой важный, чувствительный, нежный и мягкий орган, посредством которого человек и чувствует, и движется, не может остаться открытым и должен быть спрятан очень тщательно. И действительно: творец скрыл мозг в костяном черепе и в костяном позвоночном столбе. Череп и позвоночный столб главные, основные кости в теле человека.

Череп состоит из двух частей: верхней, сложенной из плоских костей, похожих на черепки горшка, и

нижней, которая называется собственно лицом и состоит из множества костей различной формы. Между этими костями мы заметили две челюсти: верхнюю и нижнюю.

Позвоночный столб, поддерживающий череп, идет в задней части шеи и потом по середине спины, вдоль всего туловища. Он состоит из 33-х костяных колец, наложенных одно на другое и соединенных крепкими связками, что дает человеку возможность сгибать и разгибать свой позвоночный столб, поворачиваться в разные стороны и делать множество различных движений. Кольца позвоночного столба называются *позвонками* и, будучи наложены одно на другое своими краями, образуют собою длинную трубку, в которой, как мы уже знаем, находится спинной мозг: между позвонками есть отверстия, откуда выходят нервы и расходятся по всему телу. В черепе есть тоже отверстие, откуда также выходят нервы, так, например, за каждым глазом есть отверстие, в которое проходит зрительный нерв.

К верхним спинным позвонкам прикреплены ребра. Этих ребер по двенадцати с каждой стороны. Они, загибаясь, как дуги, составляют грудную полость, в которой создатель скрыл от повреждений два другие органа — сердце и легкие. Семь пар верхних ребер соединяются между собою напереди груди *грудною костью,* которую каждый легко может ощупать рукою. Пять нижних пар ребер не соединяются между собою и называются *ложными ребрами*. Плечевая кость прикрепляется к ребрам двумя костями: *лопаткой* и *ключицею*. Ключица находится спереди и идет от плеча к грудной кости, лопатка — сзади: эта плоская, треугольная кость лежит на ребрах, и к ней-то, собственно, прикреплены те мускулы, посредством которых мы двигаем всю руку. Из каких костей состоит рука, — мы это уже знаем.

Внизу хребетный столб, поддерживающий в вертикальном положении все наше тело, соединяется с тазовыми костями, к которым внизу прикреплены бедренные кости, или бедра. Бедро, как мы уже знаем, соеди-

няется в колене с голенью, и при этом соединении находится еще особая косточка, называемая *предколенником*, или *чашкой*. В голени идут две кости: одна из них, потолще, называется *большою берцовою костью*; другая, потоньше, — *малою берцовою костью*. Берцовые кости упираются в стопу, которая состоит из трех частей: *предплюсны*, *плюсны* и *пальцев*; точно так же, как кости кисти разделяются на *пясть*, *запястье* и *пальцы*.

Все кости человеческие, вместе соединенные, называются *скелетом*. Скелет составляет как бы фундамент человеческого тела, на котором все оно держится. Кости соединены между собою крепкими *связками*. К костям *сухими жилами* прикреплены мускулы; сухими эти жилы называют для того, чтобы отличить их от тех мягких жил, в которых протекает кровь. Между мускулами и в самих мускулах пробираются *артерии* и *вены*, разносящие кровь по всему телу и собирающие ее потом к сердцу и к легким. Повсюду рассыпаны тоненькие ниточки *нервов*, посредством которых мы чувствуем и движемся и которые отовсюду собираются к центральному органу движения и чувства — *мозгу*. Все же это сверху одето кожею, в которой мы замечаем множество маленьких отверстий, или *пор*, и на которой и у человека есть едва заметные волоски. Кроме того, внутри туловища, как мы уже знаем, скрыты важные внутренние органы тела: *сердце* и *легкие* в груди; *желудок*, *печень*, *селезенка*, *поджелудочная железа* — в животе.

Так премудро устроен человек! Но мы знаем в нем только самые важные, самые крупные органы и не знаем еще множества других. Наука, рассматривающая устройство всех органов человеческого тела, называется *анатомией*; наука, которая показывает, как каждый из этих органов отправляет свое дело и как все они вместе дают человеку возможность питаться, чувствовать и двигаться, называется *физиологией*. Обе эти науки необходимы для медика, который должен знать, как

устроено и как живет человеческое тело, чтобы иметь возможность помочь ему в случае расстройства того или другого органа.

Пользуясь способностями всех органов нашего тела, мы должны с благодарностью и любовью вспоминать того, кто дал нам такой прекрасный и мудрый организм, посредством которого мы питаемся, слышим, видим, осязаем, чувствуем вкус и запах предметов, выражаем наши чувства и желания словами и движениями. Мы так привыкли пользоваться прекрасным устройством нашего тела, что и не думаем о том, каково бы нам было, если бы оно устроено было иначе. Только потерявши тот или другой орган, мы сознаем вполне, как он был для нас полезен. Взгляните на нищего, потерявшего употребление ног, и подумайте, с какою завистью должен он смотреть на наши здоровые ноги; взгляните на слепца, потерявшего зрение, и подумайте, скольких наслаждений лишился он....

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНИЕ

Каждый из нас очень легко отличит животное от растения, но если между животными и растениями есть различие, то есть между ними и сходство. Отыщем сначала сходство.

1. Животные растут и растения также растут, т. е. из маленьких делаются большими.

2. Животные питаются, т. е. принимают в себя пищу и питье и выделывают из них свое собственное тело. Растения также питаются: берут из воздуха, воды и земли те материалы, какие им нужны, и из этих материалов строят свое тело: ствол, кору, листья, цветы и плоды. Каким образом иначе маленькое семечко могло бы сделаться большой липой?...

3. Животное, лишенное долгое время или питья или пищи, умирает: то же самое делается и с растениями: не поливайте цветка, сорвите его, выдерните с корнем из земли, — он засохнет. Лишите животное воздуха, —

оно умрет; для растения воздух тоже необходим: посредством воздуха растение переделывает и сгущает соки в свое тело; точно так же как животное дышит для того, чтобы переделывать негодную для питания кровь в годную.

4. Прорежьте кожу животного, из-под нее потечет кровь: точно так же из-под коры растения потечет сок. Правда, кровь красного цвета, а древесный сок, по большей части, белого, но есть и животные, у которых кровь не красная, а белая, напр., у жука, паука и других насекомых. Правда, кровь у животного теплая, а сок растения холоден: но есть и животные с холодною кровью, как, напр., рыбы.

5. У растения нет сердца, которое бы разгоняло кровь по всему телу и потом опять ее собирало; но соки и в растении также обращаются. Они подымаются сначала от корней кверху, по стволу доходят до листьев, в которых прикасаются к воздуху, делаются оттого годными для питания, сгущаются (листья можно сравнить с легкими животного) и потом спускаются вниз и питают все тело растения. Оттого все растение увеличивается в объеме, делается выше и толще, выгоняет новые ветки, пускает почки, развертывает листья и цветы, дает плоды и семена.

6. У растения нет особенного органа для пищеварения, нет желудка, но оно также переваривает пищу, т. е., взяв материал из земли и воздуха, переделывает его в соки, годные для питания. Особенного желудка растению и не нужно, потому что оно не двигается с места и где растет, там и находит себе пищу; тогда как животное должно отыскивать ее и унести с собою про запас; почему животному и необходим для этого особенный мешок — желудок.

7. У растения нет рта и зубов, но оно всасывает пищу своими корнями, а зубов ему не нужно, потому что оно всасывает пищу всегда в жидком или воздухообразном виде: у тех животных, которые питаются одною жидкою пищей, также зубов нет.

8. От животных родятся другие маленькие животные, которые потом вырастают: растения также производят цветы, плоды и в них семена, и из этих семян происходят новые растения, совершенно подобные тем, от которых произошли семена.

9. У животных есть множество органов, которыми оно питается и живет, у растения также есть органы: корни, листья, кора, цветы, плоды, семена.

10. Способностью питаться, расти, т. е. жить, животные и растения одинаково отличаются от камней, металлов, земель, солей, от воздуха и воды, от земли, солнца, луны и звезд, от всех тех предметов, которые не питаются, не растут и не живут, а потому и не имеют необходимых для этого органов. Все предметы, не имеющие жизни, а потому не имеющие и органов, необходимых для жизни, называются *безжизненными*, или *неорганическими*. Предметы, живущие и имеющие органы, необходимые для жизни, называются *живыми*, *органическими*, таковы растения, животные и люди. Мы говорим: живая муха, живые цветы, и этим отличаем их от искусственных мух и поддельных цветов, которые, хотя с виду очень могут быть похожи на живые, но не живут: не питаются, не растут, не могут умереть или завянуть и не имеют никаких органов, необходимых для жизни.

Вот сколько сходства нашли мы между животными и растениями. Теперь поищем различия; постараемся отыскать что-нибудь такое у животных, чего уже совершенно нет в растениях.

1. У растений нет глаз, нет ушей, нет носа для обоняния запаха, рот, как мы видели, заменяется у растений корнями, но растения не имеют языка, которым они могли бы ощущать вкус. Кора растений напоминает кожу животного; но эта кожа растений ничего не чувствует, следовательно, ее нельзя назвать органом осязания. Итак, у растений нет ни одного из пяти органов чувств, которые есть у животных. Растение, следовательно, не имеет чувства и необходимых для него органов:

вот уже одно очень важное отличие растений от животных.

2. Другое столь же важное отличие состоит в том, что растение не может двигаться по своей воле, как двигается животное. Растения двигает иногда ветер, иногда животное; но по *собственной воле* растение не двигается. Оно, правда, подымается вверх, когда растет, развертывает листья, выгоняет новые ветки, трескается, когда стареет, но и животное и человек и растение растут и стареются *не по своей воле* и даже не замечают, как это с ними делается. Но так как растение не движется по своей воле, то ему не нужны и мускулы, которыми животное приводит в движение свое тело. Тело, которое, пожалуй, можно назвать и мясом, есть у растений; но мускулов у него нет, да ему они и не нужны: вот другое важное отличие растений от животных.

3. Мы знаем, что органы чувства чувствуют не сами собою и мускулы сжимаются также не сами собою; но что для этого необходимы нервы и мозг. Посредством мозга и нервов животное видит, слышит, осязает предметы, чувствует запах пахучих, воздухообразных тел, прикасающихся к слизистой оболочке носа, и вкус жидких веществ, прикасающихся к языку. Посредством мозга и нервов животное сжимает и расширяет мускулы и тем самым двигает всеми членами тела. У растения нет органов чувств и нет органов движения, мускулов, а потому ему не нужны ни мозг, ни нервы. Ни в одном растении нет ни мозга, ни нервов.

4. Но мы знаем, что мозг есть мягкая масса, а нерв — тоненькая, беленькая ниточка, и что ни мозг, ни нерв сами по себе не могут ни чувствовать, ни двигаться. Это органы бесчувственные и неподвижные, посредством которых невидимая *душа* животного ощущает предметы и двигает телом.

5. У растений нет органов чувств, нет органов движения, нет мозга и нервов, нет в них и души. Растения — существа *живые*, но *неодушевленные*: животные — су-

щества *живые* и *одушевленные*; животные и растения — существа *живые* и *органические*. Камни, металлы, земли, соли, воздух, вода, газы (угар, напр.), земля, облако, звезды, солнце, луна, дым, пламя, все искусственные предметы, сделанные человеком (живых предметов человек сделать не может), суть предметы не только *неодушевленные*, но и не *живые* и *неорганические*.

СПОСОБНОСТИ ДУШИ

Душа есть предмет невидимый и недоступный ни одному из наших пяти телесных чувств: ее нельзя ни слышать, ни видеть, ни обонять, ни осязать, поэтому душу называют предметом *бестелесным*. Но хотя ее нельзя ни видеть, ни слышать, ни осязать, именно она-то в нас видит, слышит, испытывает все ощущения и управляет нашими движениями.

1. Мы уже знаем, что душа имеет способность *ощущать* то, что отражается в глазах, раздается в ухе, прикасается к телу. Бездушное тело может сохранять все органы, необходимые для ощущения, но ощущать ничего не будет. Ощущает душа, но не тело. Душа, следовательно, имеет *способность ощущения*.

2. Если мы видели какой-нибудь предмет и потом увидим его снова, то припоминаем, что мы его видели уже прежде. Даже не видя снова предмета, мы можем вспомнить его, если что-нибудь другое нам его напомнит, а иногда и без напоминания. Душа, следовательно, имеет способность не только что-нибудь ощущать, но и *помнить* свои ощущения. Эта способность называется способностью *памяти*, или просто *памятью*. Душа имеет способность ощущения и память.

3. Если мы видели какой-нибудь предмет, то потом, и не видя уже этого предмета, можем по своей воле *представить* его себе; так что он как будто стоит перед нашими глазами: так мы представляем себе лица знакомых нам людей, хотя бы эти люди в это время и не находились перед нами. Эта способность души пред-

ставлять себе живо отсутствующие предметы называется *способностью представления.*

4. Увидев несколько предметов, мы можем составить из них новый предмет, которого на самом деле не существует: так поступаем мы всякий раз, когда составляем какую-нибудь картину. В одном месте мы видели дом, в другом — реку, в третьем — дерево, в четвертом — дорогу, в пятом — гору, в шестом — мельницу: изо всех этих виденных нами предметов, припоминая и представляя их себе, мы составляем такой ландшафт, какого прежде никогда не видали и какого, может быть, нигде и нет. Эта способность из припоминаемых и представляемых нами ощущений составлять какие-нибудь картины на бумаге или только в голове нашей называется *способностью воображения,* или просто *воображением.* Душа наша, следовательно, имеет способность ощущать, помнить свои ощущения, представлять их себе и составлять из них в своем воображении новые картины.

Когда мы спим и видим сны, тогда работает в душе нашей больше всего воображение. Из того, что мы видели и слышали на яву, воображение наше строит такие картины, которых мы никогда не видали и которые иногда пугают нас, а иногда доставляют нам большое удовольствие. Сны, или, как их иначе еще называют, сонные *грезы,* — произведения нашего воображения. Не только во сне, но и на яву воображение часто овладевает нами. Посмотрите на мальчика, который, усевшись верхом на палочку, представляет себе, что он едет на лошади: лошадь существует только в его воображении. Дети часто воображают себя большими героями, большими силачами, потому что они слыхали о героях, о силачах.

5. Видя несколько предметов или припоминая и представляя их себе, мы сравниваем их между собою: находим между ними сходство и различие и выводим из этого свои заключения. Так, например, видя два яблока, мы заключаем, что одно из них больше или меньше, краснее или желтее, лучше или хуже другого; мы

смотрим, например, на два растения, сравниваем их во всем и заключаем, что хотя оба эти растения цветы, но что один из этих цветков — роза, а другой — гвоздика; видя двух животных, мы сравниваем их и заключаем, что оба они животные, но что одно из этих животных — птица, а другое — лошадь, что у лошади нет крыльев, что у птиц две ноги, а у лошади их четыре, и т. д. Сравнивать какие-нибудь различные видимые или представляемые нами предметы между собою, находить между ними сходство и различие, выводить из этого свои заключения — называется *рассуждать;* а самая способность души рассуждать называется *рассудком.*

Душа имеет способность ощущать предметы, припоминать и представлять их себе, воображать новые, находить между предметами сходство и различие и выводить из этого свои заключения; душа имеет способности: ощущения, памяти, представления, воображения и рассудка.

6. Мы не только ощущаем холод, тепло, боль, вкус и запах, но и чувствуем, что одни из этих ощущений для нас приятны, а другие неприятны. Мы испытываем в душе нашей желание избегать неприятного и получать приятное и, кроме того, множество других *внутренних* ощущений и чувств: печаль, радость, гнев, благодарность. Эти внутренние, душевные ощущения, в отличие от тех, которые испытывает душа посредством тела, называются *душевными, внутренними чувствами.* Душа имеет пять внешних телесных чувств и много внутренних, или душевных.

7. Мы уже знаем, что движениями тела управляет душа и что тело без души, несмотря на все свои органы движения, остается неподвижным. Способность души управлять движениями тела называется *произволом.*

Перечислим же теперь все узнанные нами способности души:

1) пять внешних чувств, 2) память, 3) способность представления, 4) воображение, 5) рассудок, 6) несколько внутренних душевных чувств и 7) произвол. Душа

наша получает внешние ощущения, помнит их, представляет их себе, воображает новые картины, чувствует удовольствие или неудовольствие от своих ощущений и представлений, желает избежать неприятного или получить приятное, испытывает при этом разнообразные внутренние чувства: гнев, радость, печаль, надежду, отчаяние, решается избежать неприятного или получить приятное и приводит для того в движение нервы и мускулы, а посредством их и члены тела.

СХОДСТВО МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ЖИВОТНЫМ

Между человеком и некоторыми животными мы находим много сходства. 1) Человек родится от других людей; животное родится от других животных. 2) Человек в детстве питается молоком матери; все млекопитающие животные — также. 3) Человек растет и из маленького делается большим; животное также растет. 4) Человеку, как и всякому животному, для жизни необходимы пища, питье и воздух. 5) Человек имеет пять внешних чувств; бо́льшая часть животных также видят, слышат, имеют осязание, ощущают вкус и запах предметов. 6) Человек имеет способность памяти; животное также помнит: собака узнает своего хозяина, пчела отыскивает дорогу в свой улей и узнает его между десятками других ульев. 7) У человека есть способность воображения; у животных — также. Мы знаем, что сны или грезы производятся воображением; а нет сомнения, что животные видят сны, хотя и не могут рассказать их: собака во сне иногда лает и визжит, — следовательно, ей что-нибудь снится; ослы во сне очень часто ревут и лягаются задними ногами, если бы у этих животных не было воображения, то они не могли бы видеть снов. 8) Человек имеет способность сравнивать предметы и выбирать из них те, которые больше и лучше или почему-нибудь кажутся ему полезнее или приятнее. Животное также имеет способность сравнивать между собою предметы и выбирать из них те, которые кажутся

ему лучше: собака, преследуя зайца, из нескольких дорог выбирает самую кратчайшую; муравьи, строя свои жилища, из многих соломинок и веточек выбирают те, которые им по силам, — следовательно, и у животных есть рассудок, хотя у них его гораздо меньше, чем у человека. 9) Человек чувствует удовольствие и неудовольствие и по произволу управляет движениями своего тела: для животного также одно ощущение кажется приятным, другое неприятным; оно также ищет первого и избегает последнего и управляет по произволу своими движениями; животное, так же, как и человек, имеет способность *произвола*. 10) У человека есть множество внутренних душевных чувств; у животного также мы можем различить их несколько: оно сердится, печалится, боится, любит, ненавидит, ощущает радость и злость, — только выражает все это не словами, а криками, телодвижениями и действиями. У животного, как и у человека, следовательно, есть внутренние, душевные чувства. 11) У человека есть тело и душа; у животного есть также тело и душа; почему мы и называем животных одушевленными.

Но есть нечто такое у человека, чего нет у животных и что составляет отличительную принадлежность людей.

ОТЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕКА ОТ ЖИВОТНОГО

Мы нашли много сходства у человека с животными: покажем же теперь различие между ними.

1. У человека две руки и две ноги: двух рук и двух ног нет ни у одного животного. У птицы две ноги и два крыла, у паука шесть ног и нет рук, у лошади четыре ноги и ни одной руки, у обезьяны четыре руки и ни одной ноги; только человек имеет возможность, ходя на ногах, свободно распоряжаться своими руками. Вот единственное резкое отличие человека от животных по телесному устройству. Другого отличия, столь же резкого и общего, нет. Но зато, какое различие мы видим между человеком и животным в их действиях!

2. Слушая разговор на иностранном, непонятном для нас языке, мы слышим звуки, *но не понимаем их смысла*. Кто не умеет читать, тот хотя и смотрит в книгу, но *не понимает*, что в ней написано. Мы чувствуем, как бьется наше сердце, *но не понимаем*, как и для чего оно бьется, пока нам этого не объяснят. Мы видим, как ветер качает деревья, слышим, как он воет в трубе, ощущаем его движения нашим телом; но почему мы *узнали*, что это воздух, который движется, а почему *открываем причину* движения воздуха? Мало еще видеть, слышать, осязать, — надобно еще понимать то, что мы видим, слышим, осязаем, *узнавать* цель его и причину.

Животное, так же, как и мы, видит, слышит и осязает, помнит, воображает и рассуждает; но ничего *не понимает, не знает* ничему причины и цели, ничего не может узнать, ничему не может само выучиться, хотя человек и может приучить иных животных к различным действиям. Способность понимать то, что мы слышим и видим, узнавать причину и цель того, что делается вокруг нас и с нами, способность учиться и знать все больше и больше — принадлежит только людям: эта способность называется *разумом*. Разума нет у животных.

3. Когда мы сделаем что-нибудь дурное, то хотя нам, может быть, и приятно было это сделать, но мы чувствуем, что сделали не то, что следовало. Когда мы сделаем что-нибудь хорошее, то хотя бы нам и неприятно было его делать, но мы чувствуем, что сделали то, что должны были сделать, и довольны своим поступком. У нас есть способность, которая очень хорошо различает добро от зла: эта способность называется *совестью*. У животных совести нет.

4. Мы не всегда делаем то, что нам приятно: иногда мы принуждаем себя делать и то, что нам не приятно, но что *должно быть* сделано. Животное этой способности не имеет: оно делает всегда только то, что ему приятно. Способность, которую имеет человек, — заставить себя делать то, что должно, — называется *свободной волей*,

или просто *волей*. Животные имеют произвол, но воли не имеют.

5. Животное никогда не наслаждается ни красивым цветком, ни хорошеньким видом, ни прекрасной картиной: оно чувствует удовольствие только от того, что для него полезно или приятно для его телесных чувств. Оно чувствует пользу предметов и то телесное удовольствие, которое ему эти предметы доставляют. Кошка терзает канарейку, не полюбовавшись ее прекрасными перышками; она точно так же растерзает и соловья: ей мало дела до его чудной песни. Осел любит кушать розы, но не имеет способности любоваться прекрасным цветком. Один только человек любуется бескорыстно прекрасными созданиями божьими или прекрасными произведениями других людей. Он наслаждается,смотря на звезды, хотя они не доставляют ему никакой пользы; он любуется чудесной статуей, хотя от этого холодного куска мрамора ему также нет никакой пользы. Эта способность бескорыстно любоваться красотою божьих созданий и произведений человека называется *чувством красоты*. Чувства красоты нет у животных: оно принадлежит только людям....

6. Разуму мы обязаны *даром слова*. Животное, как и человек, выражает удовольствие и неудовольствие, свои желания, свои внешние и внутренние ощущения различными звуками голоса. По лаю собаки можно отличить, радуется ли она или злится; по визгу можно слышать, визжит ли она от радости или от боли; она ворчит и стонет и выражает тем различные ощущения. Но только один человек умел придумать *слова* для выражения своих понятий о предметах и связать эти слова в правильную речь, полную смысла. Обезьяна не говорит, хотя у нее во рту такой же язык, как и у человека: у нее нет разума. Попугая человек выучивает даже произносить несколько слов: следовательно, толстый язык попугая способен к произношению *членораздельных* звуков, но он произносит эти слова без всякого смысла, не понимая сам, что он говорит. Не языку и не

органу голоса, а разуму обязан человек способностью выражать словами свои мысли, обязан *даром слова.*

7. Животное с какими способностями родится, с такими и издыхает; человек может усилить все свои способности, потому что имеет разум и волю над ними. Имея от природы зрение гораздо слабее, чем у многих животных, человек изобрел *телескоп,* посредством которого видит он горы и пропасти на луне, изучает движение звезд, отстоящих от нас на бесчисленные миллионы верст. Человек изобрел *микроскоп,* посредством которого рассматривает таких маленьких животных, которые недоступны ни для какого взора. Человек может, упражняя свою память, усиливать ее и делать ее способною помнить бесчисленное множество предметов; точно так же может он усилить свое воображение и свой рассудок, и люди до того развили в себе эти способности, что их почти нельзя и сравнивать с подобными же способностями у животных; хотя и у животных, как мы знаем, есть способность ощущения, память, воображение и рассудок. У дикаря едва ли более рассудка, чем у слона; но если мы сравним рассудок слона, умнейшего из животных, с рассудком образованного европейца, то нам даже может показаться странным назвать эти способности одним и тем же именем: так человек развил свой рассудок образованием. У животных мы видим признаки воображения; но какое сравнение с воображением человека, которое создало столько художественных произведений!

8. Мы видим, как искусно птица вьет свое гнездо, пчела лепит свои соты и паук ткет свою паутину: так искусно, что и человек при всем своем искусстве не может им подражать.

И замечательно, что пчелка, едва родится, едва выползет из ячейки, как и принимается за работу. Она не учится ни у кого; а как только родится, так и знает, что ей нужно делать. Такое знание, которому животное не учится, но с которым оно родится, называется *инстинктом.* Это еще одна из способностей души, которой мы прежде не заметили....

Пчелка с самого создания мира одинаковым образом делает свои соты, пауки ткут и теперь свою паутину точно так же, как ткали ее семь тысяч лет тому назад. Но сравните дикаря, который умеет только выломать дубину в лесу и выкопать нору в земле, с европейцем, который покрыл землю прекрасными городами, красивыми зданиями, дивными произведениями художеств, железными дорогами, электрическими телеграфами, садами, парками, обработанными полями, изобрел тысячи материй для одежды, наполнил свое жилище множеством искусственных предметов, — и вы представите себе все огромное различие между разумом человека и инстинктом животного....

ОТДЕЛ III

О ЖИВОТНЫХ

КОРОВА И ЛОШАДЬ

(Сравнение)

Сходство. Корова и лошадь — обе принадлежат к числу животных домашних, четвероногих, млекопитающих, травоядных; у обеих есть голова, шея, туловище, хвост и ноги; обе покрыты густою, жесткою шерстью различной масти. И корова и лошадь могут ходить, бегать, скакать и плавать; обе дышат ртом и носом и имеют все пять чувств. У обеих есть позвоночный столб, красная, горячая кровь, сердце, легкие, печень и желудок.

Различие. Лошадь обыкновенно больше коровы, длиннее и выше. Лошадь служит нам для езды и перевозки тяжестей: корова снабжает нас молоком и мясом. По общему впечатлению, которое производят на нас оба животные, лошадь кажется нам животным ловким, быстрым, грациозным; а корова тяжелым и неповоротливым. У коровы голова короче и толще, чем у лошади. У коровы есть рога, которых у лошади нет. У коровы нет зубов в верхней челюсти и недостает клыков. Шея лошади гораздо подвижнее, имеет красивый выгиб и украшена гривою; шея коровы неповоротлива, идет прямо и обезображена подгрудком, или волом. Туловище коровы как-то висит, и кости, особенно задние лопатки, сильно выдаются. Коровий хвост легко отличить от хвоста лошади: у лошади хвост почти весь состоит из волос; тогда как у коровы волоса только на нижней половине хвоста. Ноги у лошади длиннее и красивее. У коровы копыта раздвоенные, плоские, похожие на

башмак: у лошади копыта цельные, круглые, высокие. Волоса на коже коровы несколько длиннее, чем у лошади, лежат не так густо и мало блестят. Лошадь ходит, бегает рысью и скачет гораздо быстрее коровы. Лошадь ржет, а корова мычит и ревет. Корова пережевывает жвачку, и потому желудок ее гораздо сложнее, чем у лошади; у коровы собственно 4 желудка. Лошадь животное чрезвычайно умное, хорошо понимает человека, сильно привыкает к нему, горда и смела; корова гораздо глупее лошади, ленивее, меньше привыкает к человеку и часто бывает упряма.

ЗАЯЦ

Когда охотник возвращается с охоты, то часто из его сумки торчат длинные уши бедного зайчика. Заяц величиной с кошку, только немного подлиннее. Чтобы представить себе форму головы зайца, то стоит согнуть несколько указательный палец руки. Уши у зайца длинны; он пригибает их к спине, когда бежит; шевелит ими от удовольствия, когда кушает. Глаза у зайца расположены более насторону, чем у лошади, а потому и называют его косым. Говорят, будто он не видит ничего впереди себя; но это несправедливо: бедный зайка только труслив до крайности и часто, не видя с испугу, куда бежит, кидается прямо на охотника.

Самый замечательный признак зайца состоит в том, что его задние ноги гораздо длиннее передних, так что он не ходит и не бегает, а только прыгает; но прыгает иногда аршина на три и больше. С таким устройством ног зайцу очень ловко бежать на гору; но если ему случится бежать от собак под гору, то он скатывается кубарем. Другой отличительный признак зайца составляют его зубы. Рот у него очень небольшой, и он не открывает его широко и не кусается; не разрывает пищи, как собака, но грызет ее; а потому и зубы у зайца устроены особенным образом: в нижней челюсти у него два передних зуба, а в верхней — четыре, два впереди большие

и два маленькие — сзади; нижние передние зубы сходятся только с маленькими. Верхними передними зубами заяц упирается в то, что грызет, напр., в молодое деревцо; а нижними подгрызает, как долотом. Клыков у зайца нет: они ему не нужны; но коренные зубы для размалывания пищи есть. Такое устройство зубов само уже показывает, что зайцу суждено грызть свою пищу. Он грызет с охотою капусту, репу, молодой овес, кору деревьев. По этому признаку зайца, равно как и другое знакомое вам животное, белку, у которой зубы похожи на заячьи, причисляют к породе *грызунов*. К этой же породе принадлежат: мышь, крыса, сурок, бобр-строитель, шеншила.

Заяц одно из самых беззащитных животных и полагается только на быстроту своих ног; его немилосердно преследуют собаки, волки, орлы и охотники. Мясо зайца употребляется в пищу, мех идет на дешевые шубы, а шерсть для выделки шляп.

СОБАКА И КОШКА

Сходство. Собака и кошка принадлежат к домашним животным и содержатся в домах для охранения их. Голова, шея, туловище, хвост и члены у них одни и те же. Оба животные принадлежат к четвероногим, ходят, бегают, скачут и плавают; оба ходят на пальцах. Кожа у обоих покрыта густо растущими волосами различных цветов. Оба дышат посредством легких, воздухом, вбирая его ртом и носом; оба имеют голос. Собака и кошка принадлежат к плотоядным животным; но как домашние животные кормятся, по большей части, остатками от пищи людей. Оба принадлежат к животным *живородящим* и млекопитающим; детенышей приносят от 4 до 8, которые родятся слепыми и некоторое время сосут молоко матери. Внутреннее устройство собаки и кошки сходно с устройством лошади и коровы.

Различие. По достижении полного развития, кошки, по большей части, бывают одинакового роста;

рост собак бывает различен, смотря по породе: есть собаки ростом гораздо больше кошек, а есть и меньше. Кошки обыкновенно тонки и гибки; собаки быстры и сильны. Голова у кошки треугольная и отчасти круглая; у собаки же она продолговата, с ясно очерченным носом. У некоторых собачьих пород уши бывают длинные, висячие; у кошек уши всегда маленькие и остроконечные. Глазной зрачок у кошек представляет всегда удлиненный, перпендикулярный разрез; а у собак он бывает обыкновенно круглый. Зубы у собак не только длиннее, но их и числом больше, нежели у кошек. У собаки преимущественно развито чутье, а у кошек зрение. Ноги у кошки короче, чем у собаки. Когти на лапах у собак бывают обыкновенно тупые, несколько загнутые и всегда наружу; у кошки же они — остры, сильно загнуты, наподобие крючков, могут быть спрятаны и выпущены наружу, смотря по желанию животного. Походка кошки тиха и спокойна; имея мягкую подошву, она может подкрадываться очень тихо; кошка ловко лазит, цепляясь своими когтями. Соразмерно росту, хвост у кошки длиннее, чем у собаки, и до самого конца своего покрыт в одинаковой мере волосами. У собаки, по большей части, на конце хвоста бывает пучок волос, и самый хвост часто загнут кверху. Кожа у кошки не совершенно плотно прилегает к телу и покрыта мягкими волосами, которые у нее длиннее, чем у собаки. При трении в темноте кошачьего меха можно видеть отделяющиеся электрические искры. Голосом оба эти животные совершенно различаются: про собаку говорят, что она лает, ворчит и воет; а про кошку, что она мяукает и мурлычит. Собака защищается зубами, кошка — когтями. Лукавая, хитрая кошка на добычу свою бросается обыкновенно из-за засады, делая прыжок, и, в случае неудачи, никогда не преследует своей жертвы; собака, напротив, ловит свою добычу с громким лаем, и ей приходится ее долго преследовать. Собака верна и понятлива; кошка хитра и лукава.

ОХОТА ЗА ТИГРОМ

Большое общество англичан, живших в одной из ост-индских колоний, однажды отправилось на слонах на охоту за тиграми. Не успели еще англичане отъехать далеко от дому, как на поляне перед ними показался огромный тигр. Появление его было так неожиданно и навело на охотников такой страх, что не успели они придти в себя от изумления, как тигр одним прыжком вскочил на спину ближайшего к нему слона, впился своими когтями в одного из охотников, стащил его на землю, схватил зубами за ногу и, перебросив к себе на спину, ввиду целой толпы изумленных охотников, скрылся со своею жертвою в ближайших кустарниках. Придя, наконец, в себя, охотники сошли со слонов и бросились за тигром по кровавому следу, который он оставил за собою: спасти своего товарища они уже не надеялись, но решились, по крайней мере, отомстить зверю. Кровавый след, вначале слишком заметный, мало-помалу начал исчезать и, наконец, исчез почти совершенно. Охотники готовы были уже воротиться, как вдруг увидели перед собою целую лужу крови и в нескольких шагах от нее своего товарища, лежащего без чувств, а у ног его мертвого тигра. Бросившись к товарищу, охотники хотели поднять его с земли, но тут только заметили, что нога несчастного была еще в пасти у зверя; глубоко впившиеся и крепко сжатые зубы делали все усилия охотников бесполезными, и, только разорвав совершенно пасть тигра, могли они освободить ногу несчастного. Когда первые медицинские пособия были поданы, рана перевязана и бедняк уже вне всякой опасности лежал у себя в доме, охотники, обступив его, просили рассказать им, каким чудом спасся он от смерти. Вот что рассказал им раненый: «падая со слона, я, вероятно, сильно ударился о земь головою, потому что потерял всякое сознание и очнулся только от боли на спине у тигра, который мчался со мною в кустарники. Мысленно простившись со всем,

что только было дорогого у меня на земле, я готовился смело встретить близкую смерть; но вдруг вспомнил, что со мною была пара моих верных пистолетов, из которых редко когда случалось мне давать промах. Собравши остаток сил, я вытащил из-за пояса пистолет и, уставив его в животное, выстрелил; но плохо рассчитанный выстрел только ранил тигра, который пришел еще в большую ярость и еще глубже впился зубами в мою ногу. Забыв о страшной боли, думая только о мщении, я вытащил другой пистолет, и, приложив его к сердцу животного, выстрелил. Мгновенно за выстрелом оба мы, тигр и я, лежали уже на земле, — я, страдая от боли, а тигр, мертвый, у ног моих; скоро я потерял всякое сознание и пришел в себя только здесь, на кровати».

ГОЛУБИ И КУРЫ

Голубь и курица птицы: у них, вместо рта и носа, клюв; вместо передних конечностей — крылья; тело покрыто перьями; детеныши их выходят из яиц; но голуби принадлежат к классу птиц *выводковых*, а куры к классу *птенцовых*. Этим, однако, еще не ограничивается различие между голубем и курицей. Как только вырастут и укрепятся молоденькие голуби, так и начинают они летать высоко в воздухе на своих остроконечных и длинных крыльях. Уставая, они редко садятся на землю, разве заметят где-нибудь рассыпанные зерна пшеницы или овса; даже спать садятся они на высокие деревья, выбирая для этого тонкие ветви, которые могли бы они обхватить своими гибкими пальцами. Гнезда вьют под крышами высоких зданий или на высоких деревьях; домашние — в высоких голубятнях. Куры кладут свои яйца по большей части в ямках, вырытых в земле, или в гнездах, устроенных кое-как, весьма неискусно. Родившись на земле, курица почти никогда ее не покидает. У курицы круглые, короткие крылья, вовсе неспособные к легкому, высокому и быстрому полету. Она много-что может

перелететь через забор или взлететь на крышу сарая, и то летит с трудом, шумно, неловко. Спит она, или сидя на земле, или же взмостившись на жердь, на которой долго старается усесться, соблюдая равновесие; но никогда не сядет она на тонкую ветку, потому что пальцы ее недостаточно гнутся для этого. Воздух — родной элемент для голубя, в котором он реет свободно и легко; земля — для курицы, которой она почти никогда не покидает. Голубя можно назвать *воздушной, летающей* птицей; курицу — *земной, бегающей;* точно так же, как утку и гуся — *водяными, плавающими.* Впрочем, не все выводковые птицы летают так плохо, как куры: дикие гуси, дикие утки, журавли, аисты и множество других выводковых птиц перелетают за многие тысячи верст и подымаются так высоко, что кажутся в небе маленькими, движущимися точками.

Голуби кормятся только зернами и пьют воду, всасывая ее: куры также клюют зерно, но, кроме того, клюют червей и насекомых, которых они вырывают из земли своими крепкими лапами и лопаткообразными когтями; пьют они, зачерпывая воду носиком. Голуби живут всегда парами, кладут дважды в год по 2 яичка (домашние иногда по пяти раз в год); на яйцах сидят как самки, так и самцы попеременно. Куры большей частью живут стаями и яиц кладут много, о которых петух вовсе не заботится. Голуби, исключая домашних, принадлежат к перелетным птицам и прилетают к нам весною из теплых стран. Куры, как известно, не летают никуда. Но тогда как курице все равно, где бы ни жить, домашний голубь сильно привыкает к той крыше, под которой родился и вырос.

Не только по образу жизни, но и по устройству тела, от которого зависит и самый образ жизни, голуби и куры много различаются. У голубя клюв прямой, на верхней челюсти две выпуклости, из которых та, что поближе к голове, покрыта мягкой кожицей, и в ней носовые отверстия, закрытые хрящеватой чешуйкой; края верхней челюсти не заходят за нижнюю. У кур

клюв несколько короче, верхняя челюсть длиннее и края ее заходят за нижнюю; весь клюв и крышечки, закрывающие ноздри, тверды. У голубей вся головка всегда густо покрыта перьями; у кур, напротив, перья на голове бывают часто редки, оставляют прогалины, на которых мы замечаем наросты то красноватого, то желтоватого цвета. Иногда эти кожистые наросты бывают очень велики и различных форм, так, напр., у простого петуха они являются в виде гребешка; у индейского петуха (который также принадлежит к куриной породе) в виде длинного, красного, болтающегося носа. Эти наросты у иных куриных пород бывают и на щеках, и на шее. О различии в крыльях мы уже говорили, но и по хвосту голубь и курица не похожи друг на друга. У голубя хвост всегда прямой и довольно короткий, у кур, смотря по различию породы, хвост устроен очень различно: то торчит кверху метелкой, то щитком, то в виде серпа, то в виде красивого веера, который может распускаться и собираться, как, напр., у индейского петуха и павлина (индейский петух и павлин разные роды одного и того же отряда *куриных*). Ноги у голубя не вполне годны для ходьбы, хотя голуби тоже могут ходить, а не прыгают, как, напр., воробьи и вороны, но шаг голубиный короток, и на земле голубь скоро утомляется. Четыре его пальца все расположены на одинаковой высоте, совершенно свободны, т. е. не соединены между собой никакою перепонкой, и так гибки, что могут захватывать (три пальца наперед и один назад) самую тоненькую ветку; когти слабы. У курицы также две ноги и по четыре пальца на каждой ноге, по шаг у нее широкий, спокойный, твердый; нога длинна, мускулиста, вся одета жесткой кожей. Пальцев у курицы на каждой ноге также по четыре. Задний палец расположен несколько выше передних, так что только когтем достает до земли, а три передние пальца при основании соединены крепкой перепонкой; на концах пальцев ногти крепкие, широкие, в виде лопаточек, словом, приспособленные к тому, чтобы разрывать ими землю

и отыскивать зерна и насекомых, но обнять ими тоненькой ветки курица не может. У петухов на задних пальцах бывают довольно длинные и крепкие отростки, называемые шпорами. У голубей, как мы видим, особенно хорошо устроены крылья, а у кур — ноги.

Куриных пород, и диких, и домашних, очень много. К *куриному отряду* птиц принадлежат: обыкновенные куры, индейские куры, павлины, цесарские куры, а также фазаны, куропатки, тетерева, рябчики и др. Голуби тоже очень разнообразны, но далеко не так, как куры. Они сами по себе составляют отдельный *отряд* птиц, *голубиный*. Весь голубиный отряд принадлежит к отделу *птенцовых*, весь куриный — к отделу *выводковых*.

КУНСТКАМЕРА

(Статья 1-я)

Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки!
Одни — как изумруд, другие — как кораллы!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!

И. Крылов.

Положим, что кто-нибудь, чтобы испытать, со вниманием ли читали вы до сих пор эту книгу, введет вас в большую комнату, наполненную множеством самых разнообразных предметов, разбросанных в беспорядке: книгами, игрушками, картинками, конфетами, пирожками, фруктами, поддельными и живыми цветами, раковинками, гнездами птиц, чучелами животных, моделями строений, образчиками костюмов и оружия разных народов и проч. и проч., и скажет вам: «все это ваше; возьмите и делайте с ним все, что вам угодно». Нет сомнения, вы будете довольны таким богатым подарком. Но когда осмотритесь вокруг, когда захотите отыскать

ту или другую вещь и заметите, что в таком страшном беспорядке, к каком находятся все подаренные вам вещи, очень трудно что-нибудь найти, что, вместо книги с картинками, вам попадается под руку русская грамматика, вместо русской грамматики — арифметика, вместо конфеты — раковина, вместо игрушки — курточка или стрелы дикаря, то радость ваша сильно поуменьшится. Вы скоро убедитесь, что хотя вам и подарили все эти вещи, но пока они находятся в таком беспорядке, они не вполне ваши: вы не только не можете отыскать того, что вам нужно, но даже не знаете, что у вас есть и чего нет.

Приходится вам самим установить порядок в этой груде вещей; но как приняться за дело, с чего начать? Подумайте сначала хорошенько, а не то вы провозитесь долго и ничего не сделаете; долго будете держать иную вещь, не зная, куда ее сунуть. Погодите — я вам помогу: отделим прежде всего предметы искусственные от предметов естественных: книги, пирожное, конфеты, платье, картины, игрушки и т. п. положим в одну сторону; камни, металлы, раковины, цветы — в другую. Но куда же мы денем чучела животных? Я советую вам поставить их к предметам естественным, потому что хотя эти чучела обделаны руками человека, набиты и прикреплены к подставкам, но кожа для этого снята с животных; кроме того, живые животные могут быть только в зверинцах: в кунсткамерах же и в зоологических кабинетах они всегда бывают в виде чучел. К естественным предметам я советую вам отнести также и растения, хотя они были бы и поддельные; туда же положим и картины животных и растений, потому что эти изображения назначены заменять собою те естественные предметы, которых мы не могли достать. К естественным предметам отнесем мы также гнезда, раковины, соты пчел, кокон, паутину, куколки насекомых, потому что это работа животных, производящих различные предметы по инстинкту, а не человека, который один только способен производить по воле искусственные предметы.

Хорошо, вот мы разделили все наши вещи на две группы; а порядку все еще мало: конфеты лежат возле сапогов, кусок железа подле чучела вороны. Всего разом сделать нельзя и потому примемся сначала за предметы искусственные. Отделим съестное от платья, платье соберем в одну кучу, книги в другую, игрушки в третью, модели строений в четвертую, оружия в пятую и т. д., давая место каждой вещи по ее назначению. Немного стало получше, а все еще плохо, и если мы захотим отыскать, например, какую-нибудь книгу, то проищем ее очень долго. Примемся же сначала за книги и приведем их в порядок: учебники положим в одно место, сказки в другое; если у нас есть две грамматики, положим их вместе; а если какая-нибудь книга имеет две, три части, то поставим их по порядку. Это будет наша маленькая библиотека, для которой мы назначим особую комнату: в кунсткамерах книг не бывает. Теперь дошла очередь до платья: сапоги поставим к сапогам, курточки повесим к курточкам, и также вынесем все это в особую комнату; потому что обыкновенных, всякому знакомых платьев в кунсткамере держать незачем; в ней находятся только почему-либо для каждого занимательные вещи: кому же охота смотреть на обыкновенную курточку или простые башмаки? Костюмы, оружия, модели жилищ и монеты различных народов — это другое дело; но мы поступим благоразумно, если разложим все эти вещи сначала по частям света, а потом по народам. Тогда, если нас попросят указать шляпу тирольца, чалму турка, стрелы тунгуса или что-нибудь подобное, то нам стоит только вспомнить, где живет тот или другой народ.

Устроившись с платьем, примемся за съестное; пирожки положим к пирожкам, крендели к кренделям, конфеты к конфетам и т. д. Но лучше нам вынести все съестное в другую комнату; потому что съестного в кунсткамерах не бывает, да оно же к тому и портится скоро. Игрушки отправим в детскую: их место там, а не в кунсткамере.

Поработав таким образом часа два-три над группою искусственных предметов, мы приведем их в отличный порядок: будем знать, что есть, чего нет; чего у нас много, чего мало; где что стоит и лежит и, попривыкнув немного, даже ощупью, в темноте найдем все, что нам угодно. Вот теперь эти вещи действительно ваши: вы знаете их и, как угодно, распоряжайтесь ими. Но, боже мой, какой зато еще хаос в группе естественных предметов! Как-то мы успеем справиться с ними? Подумаем, попробуем, авось и удастся.

Отделим сначала предметы неорганические от органических: камни, металлы, земли положим в одну сторону; все растения и изображения их, разного рода семена, орехи и засушенные плоды, чучела и изображения животных — в другую.

Но куда же мы отнесем эти красивые раковины? Мы знаем, что они состоят из извести и что теперь в них нет ничего органического, живого; но знаем также, что они выросли органически, на спинках мягкотелых животных, своих прежних хозяев. Положим же их к группе органической: они будут напоминать нам целый класс животного царства. С ними же рядом положим мы и ветвистый кусочек красного коралла; потому что и коралл есть также произведение особых морских животных, называемых *коралловыми полипами*, которые, собираясь в бесчисленном множестве, строят коралловые острова посреди морей и океанов.

Вот мы и отделили организмы от неорганизмов; все, что принадлежит к царству растений и животных, лежит у нас на одной стороне; все, в чем нет жизни: камни, металлы, земли, соли, — на другой. Теперь возьмемся за органические предметы и разделим их на два царства: одно — царство растений, другое — царство животных.

Но вот, впрочем, кусок обыкновенной губки, которою в классах стирают мел с черной доски? Куда отнести ее? Что это—органическое произведение природы, в этом естествоиспытатели уже не сомневаются; но они еще не решили, признавать ли этот организм за раститель-

ный или за животный. Губка растет в морях, под водою, прицепившись к камню, и ее, конечно, причислили бы к водяным растениям, если бы не заметили, что из скважин губки часто правильно выпрыскивается вода и что это прекращается, когда до губки дотронутся; поэтому некоторые думают, что губка своего рода коралл, образуемый животным; а покрывающая ее обыкновенно слизь — само животное. Но еще неизвестно, справедливо ли это предположение, потому что и в некоторых растениях, как, например, в интересном растении *стыдливая мимоза*, заметно движение: листики его свертываются, когда до них дотронутся рукою или когда на них сядет какое-нибудь насекомое. Но что стыдливая мимоза растение и что оно движется, как машинка, пружинку которой тронули, а не как животное, которое ощущает прикосновение, — в этом уже убедились. Поместим же губку на границе растительного и животного царства.

Вот теперь у нас несколько более порядка; завтра мы займемся исключительно животным царством, тем более, что в нашей кунсткамере оно составляет бо́льшую половину.

КУНСТКАМЕРА

(Статья 2-я)

Прежде всего разделим все царство животных на две большие группы: к одной отнесем всех тех животных, у которых есть позвоночный хребет; к другой — тех, у которых позвоночного хребта нет, и, оставив покуда беспозвоночных в беспорядке, займемся прежде отделом животных *позвоночных*.

В этом отделе мы видим зверей, птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся; а потому и расставим их по этим пяти классам. Таким образом, в отделе позвоночных животных у нас будут:

I. Класс зверей, куда мы отнесем всех животных млекопитающих.

II. Класс птиц, куда мы отнесем всех пернатых.

III. Класс пресмыкающихся, где поместятся все животные, влачащие свое тело по земле и имеющие позвоночный столб; червяк хотя и ползает, но в этот класс не попадет.

IV. Класс составят земноводные, проводящие половину своей жизни в воде, а половину на суше.

V. Класс будут занимать рыбы.

Управившись таким образом с позвоночными животными, мы назначим для них особый шкаф и разместим их по классам, назначая для каждого класса столько полок, сколько придется.

Прежде всего начнем с зверей и дадим первое место четырехруким обезьянам, так как по телесному устройству своему они ближе всех подходят к человеку. За обезьянами поставим, пожалуй, чучелку летучей мыши, у которой, хотя она и не птица, вместо рук, что-то вроде крыльев. Мы знаем, что летучие мыши питаются насекомыми, а потому поставим по соседству с ними других насекомоядных: крота, ежа и маленькую землеройку. Таким образом, у нас уже будут три *отряда* млекопитающих животных: 1-й отряд — *четырехруких*, 2-й — *рукокрылых*, 3-й — *насекомоядных*.

Устроим теперь 4-й отряд из *хищных*, *плотоядных* зверей, где поместим льва, тигра, собаку, лисицу, медведя и волка. Выстроив всех хищных животных в одну линию, мы скоро заметим, что тут могло бы быть более порядка, как и в книгах, стоящих рядом, но не в том порядке, в котором они должны бы стоять; что медведь, например, не должен бы стоять подле тигра, а кошка возле собаки. Соединим же в отдельные *семейства* тех хищных животных, которые имеют между собою более сходных признаков. Таким образом, в отряде хищных зверей составится еще несколько *семейств*. К *первому семейству* будет принадлежать медведь, с его широкою, тяжелою стопою, на которой он ходит, опираясь на всю ступню, а не на одни пальцы, как ходят все прочие хищные животные; к этому семейству принадлежат

также енот, барсук и др. стопоходящие животные. Во *второе семейство* хищного отряда мы поместим собаку и рядом с нею поставим волка и лисицу. Что волк и собака, эти два непримиримые врага, должны стоять на нашей полке рядышком, в этом легко убедиться: не всякий даже отличит сразу волка от дворовой собаки, хотя они очень хорошо узнают друг друга. Только блестящие, жадные глаза, толстая, неповоротливая шея, хвост, который висит, как палка, и вообще какой-то дикий, разбойничий вид изобличают волка. Но лисицу с первого взгляда можно и не отнести к семейству собак, если не обратить внимания на ее кровожадные зубы и большие, невыдвижные когти или не прислушаться к ее лаю, весьма похожему на собачий. Впрочем, между собаками можно встретить много очень похожих на лисиц и почти с таким же длинным, пушистым хвостом. *Третье семейство* хищных мы уже очень легко составим из льва, тигра, леопарда, барса и нашей домашней кошки. Все эти животные, несмотря на разную величину и различный цвет меха, так похожи друг на друга по своим кошачьим приемам, что нет возможности ошибиться; но если бы мы призадумались, то нам стоит только взглянуть на выпускные и втяжные когти зверя, чтобы, припомнив бархатную, но очень опасную лапку кошки, причислить его к кошачьему семейству, какая бы у него ни была физиономия. Таким образом, в отряде хищных зверей будут у нас три семейства: 1) семейство *медвежье*, или *стопоходящее;* 2) семейство *псовое*, или *собачье*, и 3) семейство *кошачье* — с выпускными, острыми когтями. Есть еще несколько семейств хищного отряда зверей, но тех мы с вами не знаем.

Возле отряда хищных поставим другой, опасный только для молодых растений, хлебов и съестных припасов наших кладовых, словом, 5-й отряд — *грызунов*, изобличаемых устройством своих передних зубов, приспособленных к тому, чтобы ими удобно было грызть что попало, и отсутствием клыков, употребляемых другими зверями для разрыва пищи. В этом отряде

мы тоже означим несколько семейств: в 1-м поместим белку и векшу, живущих в дуплах деревьев; ко 2-му семейству отнесем тех грызунов, которые вырывают себе норы под землею и живут в полях: ленивого байбака, сурка, суслика и овражка, который в наших южных степях своими острыми, грызущими зубами уничтожает иногда целые поля пшеницы; 3-е семейство составим из мышей и крыс, полевых и домашних; в 4-е поместим бобров-строителей, прекрасные шкурки которых ценятся так дорого; а 5-е назначим длинноногим, прыгающим зайцам. Таким образом, в отряде грызунов нам известно 5 семейств, а именно: 1) белковых, 2) сурковых, 3) мышиных, 4) бобровых и 5) зайцевых.

У *травоядных* животных зубы приспособлены к пережевыванию травы; у *плотоядных* к разрыву мускулов мяса; у *грызунов* к тому, чтобы грызть пищу, но есть и такие звери, у которых или вовсе нет зубов, или их очень мало, да и те не совсем похожи на зубы: не имеют ни корней, ни эмали: для таких животных естествоиспытатели устроили особый, *6-й отряд*, *беззубых*. Сюда относится несколько похожий на обезьяну *ленивец*, или *ай*. Ленивцем этого зверя зовут потому, что он почти никогда не сходит с дерева, листьями которого кормится, и если ему приходится переменить место, то кричит жалобно: ай, ай. Но не от лености кричит бедный зверь, а оттого, что ему больно и трудно ходить: длинные и крючковатые когти его сильно пригнуты к ладони и приспособлены только к тому, чтобы цепляться за ветки. К этому же отряду относятся *броненосцы*, те странные звери, тело которых покрыто чешуйчатою бронею, и *муравьеды*, у которых вовсе нет зубов, а длинная заостренная морда, с длинным, далеко высовывающимся языком, приспособленным к тому, чтобы, всадив его в муравьиную кучу, вытащить разом целую сотню муравьев.

Вот мы и устроили уже окончательно шесть отрядов млекопитающих животных: 1) четырехруких, 2) руко-

крылых, 3) насекомоядных, 4) хищных, 5) грызунов и 6) беззубых или неполнозубых.

Но вот попалось нам под руки изображение слона; составим же для него и для тех животных, которые похожи на него по своей толстой коже и по числу копыт, особый 7-й отряд, *многокопытных* и *толстокожих*. В этом отряде, возле слона, мы поместим бегемота, носорога, тапира, дикого кабана и нашу домашнюю свинью. Присмотревшись хорошенько к копытам этих животных, мы увидим, однако, что и здесь можно устроить два семейства: *парнокопытных*, каковы домашняя свинья и ее дикая родня, и *непарнокопытных*, каковы великаны звериного царства: бегемот, носорог и слон.

Так как дело дошло до различия животных по копытам, то нам следует теперь возле отряда многокопытных поставить новый 8-й отряд, *двукопытных*. Животные этого отряда, кроме числа копыт, имеют еще тот отличительный признак, что у них желудок устроен особенным образом и что все они жуют жвачку. Сюда, не задумавшись, поместим мы быка и корову, барана и овцу, козла и козу, оленя и верблюда. Сюда же можем мы поместить серну, кабаргу, жирафа и ламу, если когда-нибудь увидим их хотя в чучелах или на картинах; потому что и жираф с страшно длинными передними ногами, и кабарга с двумя своими клыками, торчащими вниз, и красивая, пугливая лама с вытянутой шеей, и легконогая серна — животные жвачные. В этом большом и полезном для человека отряде животных жвачных мы можем также ввести некоторый порядок. Рассмотрев ноги верблюда и быка, мы увидим, что если быка можно назвать *раздельнокопытным* животным, то верблюда скорее следует назвать *мозоленогим*, потому что у него копыта похожи на раздвоенные мозоли. Рассматривая ближе весь отряд животных-двукопытных, мы найдем в них несколько семейств: 1) *семейство бычачьих*, 2) *семейство козловых*, куда по рогам, пустым в середине, причислим и серну, 3) *семейство оленевых*, куда

отойдет и кабарга, 4) *семейство верблюдовых*, куда отойдет и лама. Жираф, или камелеопард, составит особое 5) *семейство камелеопардовых*.

За двукопытными нам следует поместить 9-й отряд, *однокопытных*, в котором мы знаем лошадь и длинноухого осла, а может быть, видали на картинках и полосатую зебру.

Далее мы устроим особый 10-й отряд, *ластоногих*, для зверей, у которых, вместо ног, *ласты*, более способные к плаванию, нежели к движению на суше, почему ластоногие более живут в воде, нежели на воздухе; но тем не менее они дышат легкими, родятся живыми и в молодости питаются молоком своих маток. В этот отряд поместим мы и неуклюжего тюленя с усами, и моржа с его длинными клыками.

Но куда же мы отнесем кита? Он также зверь, а не рыба, дышит легкими, в детстве питается молоком матери; но у него нет задних ластов, а хвост, как у рыбы, только стоит не вертикально, а лежит горизонтально. Для этих зверей-рыб, мы должны устроить особый 11-й отряд, *рыбообразных*, куда отнесем и зубастого дельфина и беззубого кита.

Но, может быть, вы видали на картинах небольшого зверя, у которого нос вовсе не звериный, а совершенно как у утки, и которого потому назвали *утконосом*. Не зная, куда отнести такое странное животное, естествоиспытатели составили для него и ему подобных особый двенадцатый отряд *птице-зверей*. Утконосы имеют на пальцах плавательные перепонки, плавают отлично, отыскивая в воде червей, водяных насекомых и моллюсков; однако, утконос не рыба и не птица, а зверь, потому что покрыт шерстью, дышит легкими, рождает живых детенышей и питает их своим молоком.

Может быть, вам также случится видеть на картинке еще и другого странного зверя, кенгуру, или двуутробку, с очень длинными задними ногами, на которых это животное любит стоять, и с очень короткими передними,— замечательного тем, что на брюхе у него есть особенная

сумка, где двуутробка долго носит своих детенышей после их рождения. Таких животных есть несколько семейств, и для всех их естествоиспытатели устроили особый 13-й отряд, — *животных сумчатых*.

Вот теперь мы расставили, как следует, один класс из отдела позвоночных животных, класс млекопитающих, и, войдя в нашу маленькую кунсткамеру, уже не пропустим нечаянно слона, как сделал это «любопытный» в басне Крылова, зазевавшийся на мушек и таракашек. Теперь мы не только знаем, где у нас что стоит, но и почему одно поставлено здесь, а другое в другом месте, и даже если нам дадут новую картинку или новое чучело млекопитающего животного, которого мы еще не видали, то, рассмотрев его внимательно, мы сами угадаем, к какому отряду оно относится и где должно быть поставлено.

КУНСТКАМЕРА

(Статья 3-я)

Устроив класс млекопитающих животных, примемся за птиц, которых мы очень легко можем отличить от всякого зверя по их перьям, клюву, крыльям и ногам. Прежде всего сделаем из класса птиц два большие подразделения, или два подкласса: I) *выводковых* и II) *птенцовых*; различия между ними вы, вероятно, еще не забыли.

Кроме особенности в выкормке детенышей и в образе жизни, довольно верными признаками выводковых птиц служат тупые, короткие, прямые когти, соединенные иногда плавательной перепонкой, и особенное положение заднего пальца, которого у них или вовсе нет, или он очень мал, и который почти всегда прикрепляется к лапе несколько повыше передних пальцев. При подразделении подкласса птиц выводковых на отряды, мы заметим четыре отряда, и к 1-му, *куриному отряду*, причислим всех тех птиц, которые, подобно курицам, скребут лапами и разрывают землю; сюда

относятся: павлины, индейки, куры, фазаны, тетерева, куропатки, перепелки и другие семейства куриного, скребущего отряда.

Для водных или плавающих птиц, с плавательной перепонкой между пальцами, мы устроим также особый 2) отряд *плавающих*. В этом отряде мы поместим: гусей, лебедей, уток, чайку, нырка и бабу-птицу с ее огромным мешком для складки рыбы.

К выводковым же относится длинноногий 3) отряд *птиц болотных* или *голенастых*, из которых с одной, с аистом, мы познакомились хорошо. В этот же отряд мы поставим чучело журавля, цапли, дрохвы, о которых вы, может быть, слыхали; а также дупеля и бекаса, потому что хотя они гораздо поменьше аиста ростом, но длинный нос и длинные голые ноги говорят ясно, что этим птицам назначено жить в болотистых местах.

В подклассе выводковых есть еще один 4) отряд *птиц бегающих;* к этому отряду принадлежит огромнейшая из птиц, страус, у которого только два пальца и такие длинные и быстрые ноги, что не всякая лошадь догонит его. В крыльях и хвосте страуса находятся белые, красивые перья, которыми часто украшают дамские шляпы. Страусы водятся в африканских степях, делают гнезда на земле,—да и трудно было бы им делать их на дереве, потому что в каждом гнезде бывает до шестидесяти яиц, а каждое яйцо весит до трех фунтов.

За выводковыми следует поставить отряд птенцовых, характеристическим признаком которых могут служить пальцы, прикрепляющиеся все на одной высоте, без плавательных перепонок и с узкими, длинными, кривыми и острыми когтями. В этом *подклассе* птиц мы можем сделать четыре отряда: в 1-й отряд поместим *хищных*: сначала *дневных*, а потом *ночных*; за отрядом хищных поставим 2-й, *голубиный*, в котором только есть один род, голуби, со множеством видов; далее следует 3-й отряд, *воробьиный* — самый обширный, куда поме-

щаются все птицы, не находящие места в других отрядах: здесь и канарейка, и воробей, и чижик, и скворец, и синица, и ласточка; здесь даже сорока и некрасивая ворона; здесь почти все те мелкие пташки, которые населяют наши леса и поля.

Но куда же поставим мы чучело попугая? Странный клюв, толстый язык и ноги с пальцами, устроенными так, что пара их идет вперед, а пара назад, отчего попугай так цепок, заставляют нас назначить для него особый, 4-й отряд, *парнокрылых*, или *лазунов*, т. е. таких птиц, у которых одна пара пальцев наперед, а другая назад. Сюда же мы отнесем дятла, который с помощью особого устройства своих острых когтей так отлично лазит по деревьям и безумолку стучит своим крепким носом в кору дерева, добывая из-под нее червячков. Заметив, как попугай висит вниз головою на кольце клетки и как дятел лазит по стволу дерева, вы и сами догадаетесь, что пальцы у этих птиц должны быть устроены иначе, чем у тех, которые никогда не лазят по деревьям и не висят на ветках.

Рыб в нашем собрании немного, а потому мы положим их без разделения на отряды. Мы поместим к ним и летучую рыбу, хотя у нее есть крылья, по тому же праву, по какому поместили летучую мышь в классе зверей, а не птиц. У летучей рыбы нет ни птичьего клюва, ни птичьих перьев, ни ног, и даже крылья ее не птичьи: это только рыбьи плавники, увеличенные в объеме, что дает летучей рыбе возможность переноситься в воздухе, когда в воде ее преследует жадная акула; жабры же указывают нам ясно, в какой стихии суждено жить этой рыбе-птице.

Из третьего класса, *пресмыкающихся*, мы знаем три отряда: *черепах, ящериц* и *змей*. Из четвертого класса, *земноводных*, мы познакомились с одною лягушкою, которая, подобно насекомым, рождается не прямо лягушкою из яйца, но сначала головастиком и потом уже из головастика превращается мало-помалу в лягушку.

КУНСТКАМЕРА
(Статья 4-я)

Мы покончили с позвоночными животными, но нам предстоит еще много труда с животными, не имеющими позвонков: их очень, очень много, а мы не знаем из них и тысячной доли. Прежде всего разделим животных беспозвоночных на те отделы, которые нам уже знакомы: I-й отдел *суставчатых*, тело которых состоит из маленьких суставцев, или члеников; II-й отдел *червей*; III-й отдел *мягкотелых* и IV-й отдел *инфузорий*; есть еще несколько отделов беспозвоночных животных, но мы о них еще ничего не знаем.

Отдел животных *суставчатых* мы можем еще подразделить на классы, точно так же, как мы разделяли отдел позвоночных на пять классов. Отдел суставчатых имеет четыре класса: 1-й класс *насекомых*, 2-й класс *пауков*, 3-й класс *многоножек* и 4-й *ракообразных*.

К *насекомым* мы причислим всех тех суставчатых животных, которые имеют по шести ног и выдерживают одно или несколько превращений. Насекомых такая бездна и мы знаем о них так мало, что нам трудно с ними справиться. Будем их разбирать по крыльям: в одно место положим тех, у которых верхние крылья жестки, как у жуков; в другое тех, у которых крылья покрыты чешуйками, как у бабочек; в третье — двукрылых, каковы комары, мухи, слепни, овода; в четвертое перепончатокрылых, у которых крылья в виде прозрачной перепонки, куда относятся оса, пчела и муравей, и таким образом устроим некоторый порядок в классе насекомых. Для *пауков* и всех паукообразных мы должны назначить особый класс; для *раков* и всех покрытых, как они, скорлупою, другой. Таким образом, мы будем иметь в отделе суставчатых животных: 1) класс насекомых; 2) класс пауков; 3) класс ракообразных, и если прибавить еще 4-й класс *многоногих*, куда, например, принадлежит мокрица, имеющая множество ножек и появляющаяся в сырых жилищах, то мы перечислим и все классы суставчатых.

В отделе *червей* мы знаем одного дождевого червя, а в отделе *мягкотелых* одну улитку; в отделе же инфузорий мы не знаем ни одного отдельного животного и прочли о них только кое-что вообще; следовательно, мы не можем сделать подразделений в этих отделах. Есть еще два отдела животных беспозвоночных, о которых мы уже ровно ничего не знаем, а именно, отдел *головоногих* и *лучистых*. У *головоногих* все тело заключается в мешочке (или епанче); из мешочка выдвигается голова с двумя глазами и ртом, окруженным щупальцами или ногами, которыми животное движется и хватает пищу, почему его и называют *головоногим*. У *лучистых* животных все органы тела расположены лучами, расходящимися во все стороны, как, например, у *морской звезды*, которую вы, может быть, видали, хотя на картинке: трудно даже и признать ее за животное, а между тем можно заметить, что она движется, что у нее есть желудок и дыхательные органы. К этому отделу суставчатых животных относятся и коралловые полипы, о которых мы говорили, что они отлагают внутри своего тела те красные и белые каменистые ветки, которые мы называем кораллами. К животным головоногим принадлежит и *каракатица*, из спинки которой вынимают ту известковую пластинку, которую называют *канареечною пенкою*, потому что канарейки очень любят клевать ее. Губку мы положим на границе животного и растительного царства, так как сами естествоиспытатели еще не знают, куда ее отнести.

Таким образом, мы разделили всех животных на две группы — позвоночных и беспозвоночных. В группе позвоночных мы нашли один отдел, который подразделили на пять классов: 1) млекопитающих, 2) птиц, 3) рыб, 4) пресмыкающихся и 5) земноводных. Классы мы подразделили на отряды, если они нам были известны, и в некоторых из отрядов находили те семейства, которые нам знакомы. Огромное число беспозвоночных животных мы разделили на шесть отделов: 1) отдел суставчатых, 2) отдел червей, 3) отдел мягкотелых,

4) отдел головоногих, 5) отдел лучистых и 6) отдел инфузорий. С первым отделом животных суставчатых мы познакомились более всего и потому могли подразделить его на классы: 1) класс насекомых, 2) класс пауков, 3) класс многоногих и 4) класс ракообразных. У насекомых мы перечислили даже несколько отрядов; но с классами и отрядами других отделов мы вовсе не знакомы. Кто хочет познакомиться поближе с царством животных, тот должен изучать науку о животных, *зоологию*, в которой описаны все известные животные: их вид, характер, образ жизни, и для каждого животного, как бы оно мало ни было, определено место, которое оно должно занимать: тот отдел, класс, подкласс, тот отряд и то семейство, тот род и вид, к которому оно должно быть отнесено.

Устроившись кое-как с животными, нам приходится приняться теперь за растения и минералы, но так как мы о них еще ничего не знаем, то и оставим их покуда в беспорядке.

ОТДЕЛ IV

О РАСТЕНИЯХ

СТРОЕНИЕ РАСТЕНИЙ

Какое бесчисленное множество листьев рождается каждую весну и умирает каждую осень, утучняя собою землю! Кажется, для природы ничего не стоит произвесть такую пустую вещь, как листок; а между тем, рассмотрев хорошенько устройство листка, мы убедимся, что оно сложнее и труднее устройства самой трудной и сложной машины, сделанной руками человека. Посмотрите, сколько в нем жилок и как эти жилки, разветвляясь все больше и больше, становятся до того мелки, что за ними, без помощи микроскопа, и следить невозможно. Но этого мало: если взять, например, листок садовой гвоздики и ножичком проскоблить его довольно крепкую верхнюю кожицу, то под нею мы увидим зеленую, влажную мякоть. Возьмем немного этой мякоти на кончик ножика и опустим ее в каплю воды, в которой она и расплывется. Если взглянуть теперь в микроскоп на такую каплю воды, то можно увидеть, что в ней плавают маленькие, шарообразные, прозрачные пузырьки, наполненные жидкостью, в которой, в свою очередь, плавают еще меньшие, крошечные зеленые крупинки, и от этих-то крупинок кажется зеленым весь листок. Эти крошечные пузырьки, с крупинками в середине, ботаники называют *клеточками*, или *ячейками*.

Как ни мала эта клеточка, но она имеет большое значение, потому что из подобных клеточек составляется

не только весь лист, его мякоть, жилки и кожица, но все растение: ветки, сучья, ствол, кора, корень, цветок, плод, зерно и самый зародыш. Мы знаем, например, что дома строят из кирпичей и можем в этом легко убедиться, потому что кирпич видеть нетрудно; но видеть клеточки, из которых, как дом из кирпичей, выстроено растение, можно только в сильно увеличивающий микроскоп. Из одинаковых кирпичей люди строят и дома, и колокольни, и мосты, и стены; из одних и тех же клеточек, природа, которая гораздо искуснее людей, строит миллионы самых разнообразных растений и в каждом растении выделывает самые разнообразные части. Трудно представить себе, что, например, красивый цветок розы, вкусная мякоть груши, полено березы или сосны и даже твердая шелуха ореха состоят из одинаковых клеточек; а между тем это истина, — и все, что растет, даже тело всякого животного и все тело человека, состоит из подобных же растительных *клеточек*. Но это, впрочем, объясняется тем, что мягкие клеточки не только могут принимать, смотря по обстоятельствам, самую разнообразную форму, но могут, кроме того, наполняться самыми различными веществами.

Стенки каждой растительной клеточки обладают чудным свойством пропускать внутрь клеточки те частицы различных веществ, находящихся и в воздухе, и в воде, и в земле, которые необходимы растению, и выпускать вон те, которые растению более не нужны. При проходе сквозь стенки клеточки и находясь внутри ее, различные вещества разлагаются на свои составные части, соединяются с новыми и изменяются так, что их и узнать нельзя. Растительная клеточка — удивительнейшее создание божие, и человек не только не может сделать одной клеточки, но даже не может вполне понять, как она работает. В мягких частях растения клеточки, которых ничто не жмет, имеют шарообразную форму или сдавлены друг другом немного и наполнены тою или другою жидкостью; в сухих, твердых ча-

стях они, напротив, сжимаются, вытягиваются, и сами сухи и тверды; в лепестке розы они наполнены розовым веществом, в листьях — зеленым, в картофелине — крахмалом и т. д. Иногда клеточка вытягивается в длинную трубочку, иногда эта трубочка свертывается винтом; разорвите осторожно какой-нибудь мясистый листок, и вы увидите, как между двумя кусками листка потянутся тоненькие, как паутина, курчавые нити: это трубочки, свернутые винтом, или, как говорят, спиралью. Эти вытянутые клеточки, нити и трубочки так тонки, что их на пространстве шириною в палец можно уложить несколько тысяч; они называются *сосудами*, так как в них содержатся жидкости. Сосуды растений бывают глухие, т. е. закрытые с обеих сторон, потому что они не что иное, как вытянутые расплюснутые клеточки.

Когда таких сосудов соберется вместе много, тогда они образуют *волокно*, уже видимое для глаза и слышное под рукою, как, напр., волокно конопли, из которого делаются нитки. Таким образом, и полотно, которое мы носим, все состоит из клеточек или сосудов, сложившихся в волокна. Весь ствол самого толстого дерева, точно так же, как и стебель самой маленькой травки, состоит из таких волокон и клеточек. Волокна в стволе дерева тянутся одно за другим и лежат одно возле другого, вдоль всего ствола; а потому дерево так легко колется вдоль, тогда как поперек его можно только разрезать или распилить.

Есть растение, называемое *первопузырником*, которое все состоит из одной только шарообразной клеточки (пузырька), наполненной жидкостью, со множеством плавающих в ней красноватых крупинок. Эти крупинки мало-помалу растут, разрывают содержащую их клеточку и делаются новыми, самостоятельными клеточками; в них опять появляются крупинки и, в свою очередь, снова растут, снова разрывают содержащий их пузырек и т. д. В этом состоит и вся жизнь первопузырника, простейшего из растений. От красных пер-

вопузырников, плавающих в Красном, или Чермном, море, зависит красноватый цвет его вод, от которого оно получило свое название. Но чем же питается первопузырник, когда у него нет корней? Всей своей поверхностью; тонкие стенки его высасывают из воды и воздуха те частички, которые нужны растению.

Проще первопузырника—растения быть не может; но вот другое, немного посложнее: в нем клеточки уже срастаются одна с другой и образуют длинную, тонкую нить зеленого цвета, который происходит от зеленых крупинок, плавающих внутри каждой клеточки. Это растение называется *зеленой нитчаткой* и покрывает летом поверхность стоячих вод, каналов и прудов, в виде ниток, сбитых в клочья. Как первопузырник, так и нитчатка причисляются к семейству *водорослей,* потому что появляются всегда на водах.

В растениях более развитых клеточки начинают складываться не только вдоль, но в ширину и толщину, несколько сжимая друг друга, но не превращаясь еще в длинные трубочки, или сосуды; таково устройство грибов и других простых растений. В деревьях, в цветах, в травах клеточки находятся уже не в своем первоначальном виде; но, сжимаясь, растягиваясь, удлиняясь, свертываясь, высыхая или наполняясь жидкостями, самых разнообразных свойств и цветов, составляют разнообразнейшие *сосуды,* из которых состоит все растение. Растения, состоящие из клеточек, превратившихся уже в сосуды, называются *сосудистыми*, а растения, только сложенные из клеточек почти в их первообразной форме, называются *клетчатными*, каковы, например, плесень, лишаи, грибы и мхи.

КУНСТКАМЕРА

(Статья 6-я)

Классификация растений

Узнав кое-что о растениях, возвратимся к нашей маленькой кунсткамере и попробуем, не будем ли мы теперь в состоянии распределить те изображения ра-

стений и те засушенные травы и цветы, которые у нас есть. Но как же мы будем их разделять и размещать?

Мы знаем уже, что одни растения состоят из клеточек, превратившихся в разнообразные сосуды; а у других растений сосудов вовсе нет, или очень мало, и они состоят из простых клеточек, сросшихся между собою. Знаем также, что у этих последних растений не бывает ни цветка, ни семян и что они размножаются только крупинками, или спорами. По этому признаку ботаники разделяют все растения на *сосудистые — цветковые* и *бесцветковые — клетчатные*.

Клетчатные растения разделяются, в свою очередь, на листовые, у которых есть листья, как, например, мхи, и безлистные, как, например, грибы, лишаи (ягель), к которым принадлежит и исландский мох, несправедливо называемый мохом, и водоросли, из которых мы познакомились с одной нитчаткой. Так и расположим образчики и картинки растений, находящихся в нашей кунсткамере: сначала положим изображение нитчатки, потом грибы и образчик исландского мха; далее поместим клетчатные листовые растения: различного рода мхи, — и примемся тогда за растения сосудистые, в которых разнообразия гораздо больше.

Мы уже знаем, что все сосудистые растения можно разделить на два класса, по числу семенных долей, или семенных листков зародыша: класс растений *односеменодольных* и класс растений *двусеменодольных*.

Те растения, у которых при разрезе стебля или ствола мы не заметим ни концентрических кругов, ни коры, у которых листья вырастают как бы один из средины другого (почему их и называют *средоростными*), нет главного стержневого корня, а только мочки, как у луковицы и колоска ржи, жилки на листе идут вдоль листка, а не расходятся по нем во все стороны, наконец, растения, которые всходят одним листочком, а не двумя или более, — мы причислим к классу растений односеменодольных. Все прочие сосудистые растения мы отнесем к двусеменодольным.

Отделив таким образом односеменодольные растения в одну группу, мы заметим, что они очень разнообразны: здесь будет у нас и высокая пальма с пучком огромных листьев наверху, и широколиственный банан с его большими хлебными плодами, и луковица, и наши хлебные растения,и сахарный тростник, и луговая травка лисий хвост, и, наконец, осока, которою легко можно порезать руку и которую мы также причислим к односеменодольным растениям, если только хорошенько рассмотрим ее длинные, режущие по краям листья с продольными полосками. Попробуем же, нельзя ли как-нибудь привести в порядок все эти разнообразные растения. При этом удобном случае мы заметим, между прочим, что все большие древовидные односеменодольные растения, как, например, пальмы, принадлежат только жарким странам: в нашем же умеренном климате из односеменодольных растений мы знаем только растения небольшие: злаки, осоки и луковицы. Заметив все эти различия, мы получаем возможность разделить односеменодольные растения на несколько семейств. Начнем с того, что нам больше знакомо.

Первое семейство мы составим из *злаков*, куда отнесем все растения, цветущие колосом. Это семейство мы можем еще подразделить на несколько родов: 1) *хлеба*, куда отнесем все растения, дающие хлебные зерна: рожь, ячмень, овес, пшеницу, маис и рис; 2) *тростники*, куда относятся все растения, похожие на наш тростник, который цветет черными, красивыми султанами; бамбук, этот гигантский тростник жарких стран, который бывает величиною с наши деревья, и полезный сахарный тростник. 3-й род семейства злаков составят *луговые травы*, принадлежащие к злакам: лисий хвост, полевица и другие.

Ко *второму семейству* односеменодольных растений мы отнесем знакомую нам *осоку*, которую зовут иногда также ситником; почему и все это семейство растений называется *ситниковым*. Заметим, между прочим, что к этому же семейству принадлежит и твердый, широко-

лиственный папирус, на котором писали древние египтяне, не зная еще употребления бумаги. По-французски бумагу и теперь еще называют le papier, по-немецки das Papier, от латинского слова papyrus.

За семейством осок поместим *третье семейство луковичных*, или *лилейных*: потому что у луковичных растений, как мы знаем, также одна семенная доля, вместо корней — мочки и листья с продольными жилками. Здесь мы поместим наш простой лук, лилию, тюльпан, ирис, ландыш, спаржу и другие похожие на них растения, если у нас такие найдутся.

За луковичным, или лилейным, семейством поместим картинки пальм и бананов, которые все вместе составят одно *четвертое, пальмовое семейство*. Заметим, между прочим, что пород пальмовых множество, и многие из них дают питательные или вкусные плоды, как, например: финиковая пальма, сладкие плоды которой вы, вероятно, кушали; кокосовая пальма, огромные орехи которой вы, вероятно, видели; саговая пальма, сердцевину которой, в виде саговых круп, вы тоже знаете.

Пальмы имеют несколько сот видов; но на картинке вы почти всегда узнаете это дерево жарких стран по отсутствию ветвей и по пучку листьев, выходящих из вершины дерева.

Гораздо труднее справиться нам с обширным отделом растений двусеменодольных, которых такое множество и которые так разнообразны, что одно перечисление их названий могло бы наполнить толстую книгу. Ботаники насчитывают более полутораста семейств двусеменодольных растений, а в каждом семействе множество родов, и в каждом роде несколько видов. Мы перечислим только те из семейств, с которыми познакомились в нашей книге, и прибавим к ним несколько других, в которых находятся какие-нибудь общеизвестные растения.

1) К семейству *хвойных* принадлежат: сосна, ель, кедр, лиственница, пихта, кипарис, можжевельник.

2) К семейству *сережчатых* растений принадлежат: береза, ива, тополь, дуб, орешник. 3) К семейству *розоцветных* — знакомые нам яблоня и вишня, с розовыми цветами, а также груша, слива, миндаль, персик, малина, земляника, клубника, шиповник и роза. 4) К семейству *мотыльковых*, у которых цветки формою своею напоминают крылья мотылька, а семена заключаются в стручке, принадлежат: горох простой, сахарный и горошек душистый; боб, фасоль, чечевица, акация, трилистник, составляющий одну из самых полезных кормовых трав, и неизвестный нам *индиго*, из стебля и листьев которого добывается самая лучшая синяя краска. Мотыльковое (или бобовое) семейство растений—одно из самых многочисленных: в нем заключается 467 родов и 6500 видов различных растений. Можете представить себе, как трудно изучить одно это бобовое семейство! 5) К семейству *кувшинчиковых* мы можем отнести только одно знакомое нам водяное растение, распускающее на поверхности тихих вод свои прекрасные белые и желтые цветы вроде кувшинчиков. 6) Из семейства *маковых* мы знаем только один мак, цветущий такими яркими цветами. Мелкие семена этого растения идут в пищу и на выделку макового масла; а из сочных маковых головок в жарких странах добывают опий, одуряющее вещество, которое азиатцы употребляют вместо водки. 7) К семейству *камелевых* причисляются красивые деревца камелий, с темно-зелеными, твердыми, зубчатыми и глянцевитыми листьями и роскошными белыми и розовыми цветами; к тому же семейству принадлежит и знаменитый чай, который китайцы разводят в таком множестве кустами на отлично обработанных полях своих. 8) К семейству *померанцевых* причисляют померанец, лимон и апельсин, небольшие деревья, также с прекрасными блестящими, зелеными листьями, с душистыми белыми цветами и с сочными душистыми плодами, кислого, горького и сладкого вкуса. В Италии есть целые апельсинные и лимонные рощи; у нас померанцевые растения могут расти и приносить плоды

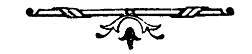
только в оранжереях. 9) Из семейства *крыжовниковых* мы очень хорошо знаем крыжовник и смородину. 10) К семейству *зонтичных* относятся все растения с цветами, расположенными в виде зонтиков, как-то: укроп, петрушка, морковь, анис, тмин и ядовитая цикута, которая по запаху походит на петрушку. 11) К семейству *сложноцветных* относятся такие растения, у которых цветы тесно соединены в одну кучу, так что эту кучу цветов с первого взгляда принимают за один цветок. К этому семейству принадлежит знакомый нам всем одуванчик, желтый цветок которого, вызревши, превращается в пушистый шар. Присмотритесь хорошенько к одуванчику, и вы увидите, что весь цветок его состоит из множества маленьких отдельных цветочков. К сложноцветным принадлежит также подсолнечник, у которого, как и у одуванчика, на одном цветочном донце появляется такое множество цветов, а потом семян, полынь, ромашка, артишок, астра, бархатка, красивенький василек и колючий репейник, все растения, очень хорошо нам знакомые. 12) К семейству *паслёновых* принадлежит картофель. Рассмотрите хорошенько лиловый цветочек и ягодку картофеля, и вы будете иметь понятие о том, что такое паслён вообще. Один из видов паслёна, а именно черный паслён, очень ядовит. К одному семейству с картофелем относится табак и еще более одуряющее растение — дурман. По клубням своим картофель одно из самых полезных растений; но по цветам и ягодам принадлежит к такой семье, где много растений, одуряющих и ядовитых. 13) К семейству *крапивных* растений принадлежат два растения, очень хорошо нам знакомые — конопля и крапива. Из волокон крапивы пробовали также (и довольно удачно) выделывать нитки. К крапивному семейству, кроме того, принадлежат: хмель, шелковица, винная ягода. Винная ягода очень замечательна: это, собственно, не ягода, а целый цветок, или, лучше сказать, множество цветочков, расположенных *внутри* мясистого общего донца. Разорвавши винную ягоду, вы увидите

в ней множество мелких семян и остатки тычинок. К этому же полезному семейству растений принадлежит хлебное дерево, мучнистые, сытные плоды которого составляют для жителей южного океана такую же повседневную пищу, как для нас хлеб из пшеничной или ржаной муки. Из волокон хлебного дерева дикари ткут себе одежду, а листья идут на покрышку жилищ. Но так как за хлебным деревом не нужно никакого ухода и оно очень легко разводится, то дикари, привыкнув легко находить готовую пищу, одежду и жилище, достаточные в их жарком климате, привыкли вместе с тем к лености и остаются до сих пор жалкими, невежественными людьми. Наши же хлебные растения заставили человека трудиться, думать, учиться друг у друга, торговать и образовываться.

Каждое семейство растений делится еще на множество родов и каждый род на множество видов. Так, ива, например, принадлежит к *семейству сережчатых* растений и составляет в этом семействе особый род ивы. Род ивы разделяется на несколько *видов*: ива плакучая, верба, лоза, вётла и другие. Каждое же дерево поодиночке называется *о́собью*. Из множества сходных между собою *о́собей* (отдельных деревьев) составляется вид; из нескольких сходных между собой видов составляется *род*; из нескольких сходных родов составляется *семейство*; из множества семейств составляется *класс* растений; из нескольких классов *отдел*.

Чтобы изучить все эти роды, виды, семейства растений, нужно много заниматься ботаникой, и тогда только мы, взглянув на какое угодно растение, скажем, клетчатное ли оно или сосудистое; а если, например, оно сосудистое, то определим, принадлежит ли оно к отделу растений односеменодольных или двусеменодольных. Узнав же, например, что оно растение двусеменодольное, мы рассмотрим устройство его цветка и определим, к какому семейству оно относится, если будем знать отличительные признаки

всех семейств; а далее определим род и вид. Теперь же покуда мы можем сделать такие определения только для немногих известных нам растений; так, например, мы можем сказать о *вербе*, что она есть один *вид из рода ивы*; а ива по устройству цветка есть *род* из семейства серёжчатых, следственно, родственница ореху, осине, березе и другим. *Семейство же серёжчатых* растений, по устройству всего их организма, принадлежит к *отделу* растений *двусеменодольных*; растения же двусеменодольные принадлежат все к сосудистым. То же самое можем мы найти для сосны или ели, для лилии, для гриба, яблони и вообще тех немногих растений, с которыми познакомились покороче.

ОТДЕЛ V

ТЕЛА НЕОРГАНИЧЕСКИЕ

ИЗВЕСТНЯК

Вы, верно, видали известковый камень, или известняк. Во многих местах из него состоят целые холмы и горы, покрытые травой или лесом. Известняк, добытый из земли, бывает белого, немного желтоватого цвета. Бесчувственным и бессмысленным кажется нам этот камень, и, конечно, в нем нет ни чувства, ни ума, хотя есть одно очень замечательное свойство. Известняк очень любит воду, и в каждом известковом камне, вырытом из земли, почти одну четверть его тяжести составляет находящаяся в нем вода, хотя вы можете разбить камень и не найдете в нем воды ни капли, и даже, рассматривая камень в микроскоп, не отыщете никакой пещерки, где бы вода могла скрыться: вода и известка, соединившись, сделались одним существом, известковым камнем. Но у двух друзей есть общий враг, который может их разлучить. Этот враг — огонь! Он повсюду безустали преследует воду, открывает ее везде, даже в известковом камне, и бьется с ней до тех пор, пока не выгонит ее из ее убежища и не заставит улететь в облака. Мы сейчас увидим, как это делается.

Известковый камень, как и многие другие камни, лежит в земле большими массами. Те места, где откапывают камень и выламывают его, называются *каменоломнями*. Возле каждой известковой каменоломни устраивается огромная печь для *обжигания* извести.

Наломав камня, складывают его в печь кусками, так, чтобы между ними могло свободно проходить сильное пламя. Потом затапливают печь и топят ее несколько дней, до тех пор, пока весь известковый камень раскалится. Тут уже приходится воде невтерпеж, и она поневоле покидает своего друга и вылетает в воздух, в виде пара. Выгнав всю воду, перестают топить печь, и известка, оставшаяся от известкового камня, мало-помалу охладевает; но у нее навсегда остается сильная жажда к воде, и можно было бы сказать, что она страшно тоскует о своем старинном друге, если бы только известка могла тосковать. Приложите кусок выжженной известки к мокрым губам или возьмите его в мокрую руку, и вы почувствуете, с какою жадностью станет она всасывать воду; почувствуете что-то вроде обжога. Где бы ни нашла известка каплю воды, она мигом ее всосет. Люди пользуются этим свойством извести, чтобы извлекать воду отовсюду, где ей не следует быть. Так, например, если нужно очистить спирт от воды, то кладут в ведро со спиртом несколько известки, и хотя вода очень также дружна и со спиртом и разделить их трудно, но с известкой она еще дружнее: оставляет спирт и соединяется с известкой.

Если мы возьмем фунта три такой выжженной извести и нальем на нее воды, то камень, как будто от удовольствия, разгорячится, задымится и, напившись вволю, рассыплется в мелкий порошок. Этот порошок, белый, как снег, совершенно сух; но свесьте его, и вы увидите, что в нем уже не три фунта, а четыре и что, следовательно, в этом сухом порошке есть один фунт мокрой, очень мокрой воды. Точно так же рассыплется выжженная известка, если оставить ее долго на открытом воздухе, потому что в воздухе всегда есть пары воды, с которыми известка соединяется. Известка, в которой нет воды, называется *негашеной* известью; а соединить ее с водою называется погасить известку. Обыкновенно гасят известку не поне-

многу, а разом, наливая на нее много воды; тогда известка дымится, шипит, а вода клокочет и кипит, как будто под ней разложен огонь, с такой горячей дружбой соединяются эти два приятеля. При быстром гашении извести из нее образуется тесто, которым белят дома, а подмешав в это тесто песку, каменщики употребляют эту смесь как *цемент* для того, чтобы связывать (склеивать) кирпичи, из которых складываются наши громадные каменные дома.

Здесь встретились мы в первый раз с весьма любопытным свойством, которое имеют некоторые тела, — например, известка и вода — соединяться друг с другом так крепко и плотно, что из двух тел образуется одно — новое, например, *известковый камень*. Таких соединенных, или сложных, тел множество: даже самая вода, как мы узнаем современем, сложное тело. Сложных тел гораздо более, чем простых, несложных, каковы, например, металлы, уголь и некоторые другие простые тела. Простые тела, из которых слагаются сложные, называются *химическими элементами*. Ученые, занимающиеся исследованием, из каких простых тел и как сложено каждое сложное тело, называются *химиками*; а самая наука о составе тел — *химией*. Стремление одного тела соединиться с другим, как, например, извести с водой, называется *химическим сродством*.

Мы слыхали уже об одном воздухообразном теле, *кислороде*, столь необходимом для дыхания животных. Кислород — простое тело, имеет сродство с железом; а соединившись с ним, образует новое тело, уже сложное, — железную ржавчину. Вы, вероятно, заметили, что кусок железа, долго лежа в воздухе, ржавеет, т. е. поверхность его покрывается красноватою ржавчиною. Эта ржавчина есть новое тело, уже не похожее на железо, которое образовалось оттого, что железо соединилось с кислородом, находящимся в воздухе. Покройте железо слоем масла, и оно не

заржавеет, потому что кислород воздуха будет отделен от железа слоем масла и воздух будет уже прикасаться не к железу, а к маслу.

ТЕЛА ВОЗДУХООБРАЗНЫЕ, ИЛИ ГАЗЫ

Нам часто встречалось слово *газ*, и мы познакомились ближе с одним из газов, который совершенно необходим для нашей жизни и обливает нас со всех сторон, как вода обливает рыбу, плавающую в реке. Но таких газообразных тел, как воздух, много, и если мы мало знакомы с ними, то именно потому, что все они похожи на воздух. Впрочем, различные газы хотя и похожи один на другой своею воздушностью, легкостью и прозрачностью, имеют различные свойства, по которым химики узнали об их существовании: в одном, например, зажженная лучинка горит необыкновенно ярко; в другом, наоборот, потухает; в одном животное может дышать, в другом умирает мгновенно. Некоторые газы имеют запах, другие — без запаха; одни соединяются с такими телами, с которыми другие не соединяются, и проч.

Но не хотите ли сами добыть один весьма замечательный газ, чтобы убедиться в существовании этих невидимых, но очень важных и занимательных воздушных тел? Для этого возьмем высокую и не очень широкую банку; эта банка, как вам известно, не пуста, но наполнена воздухом, и если опустим в нее зажженную лучинку, то лучинка продолжает гореть: в воздухе, следовательно, лучинка горит. Наскоблим же теперь ложки две или три мелу, высыпем его в банку и нальем на него уксусу: мел сильно зашипит и вздуется; начнет подыматься пузырями, которые, лопаясь, будут выпускать газ. Если после этого опустим мы в банку ту же зажженную лучинку, то она быстро погаснет: не вправе ли мы заключить из этого, что в банке над жидкостью, вместо воздуха, собралось какое-то другое воздухообразное вещество, в котором

лучинка гореть не может? Это новое вещество есть *углекислый газ*, или, как его еще называют, *угольная кислота*. Газ этот значительно тяжелее воздуха, а потому-то он, вытеснив воздух из банки, как вытеснила бы его вода, сам из нее не вылетает, хотя она и открыта. Другие газы легче воздуха, и их нельзя так собрать, как угольную кислоту, потому что они стремятся улететь вверх и разлететься в воздухе. Углекислый газ можно даже перелить осторожно из одной банки в другую; но только надобно стараться, чтобы при этом не было ни малейшего движения в воздухе, иначе газ разойдется в нем. Если ко дну банки, в которую переливается газ, прикрепим маленькую зажженную свечу, то убедимся, что газ, хотя его и не видно, действительно переливается: как только дойдет он до огня, то немедленно же и потушит его.

Нальем осторожно воды в банку с угольной кислотой, закроем банку плотнее и взболтаем воду хорошенько: перемешавшись с газом, вода приобретет кисловатый вкус, похожий на тот, который бывает и в квасе, и в шампанском. Вы, вероятно, знаете, что, если нагреть хорошо закупоренную бутылку кислых щей, то они сильно заиграют и пробка вылетит с шумом: это угольная кислота, приобретая от теплоты сильную упругость, стремится найти себе выход.

Если в сосуд, наполненный угольной кислотой, опустить животное, то оно скоро издохнет; из чего мы можем заключить, что угольная кислота хотя и похожа на воздух, но дышать ею нельзя. Близ Неаполя есть пещера, которую назвали *собачьей*, потому что, вбежав в нее, собака быстро издыхает, тогда как человек может безопасно входить в пещеру. Причина этого явления для нас теперь понятна: из известковых камней, составляющих дно пещеры, отделяется много угольной кислоты; но так как этот газ тяжелее воздуха, то он и остается слоем внизу, и собака, входя в этот слой, погибает, тогда как человек, продолжая дышать воздухом, ничего не замечает.

Таким образом, мы имеем в руках тело, которого не видим, но свойства которого мы узнали посредством опытов, оно имеет тяжесть и тяжелее воздуха, почему может переливаться, как жидкость, из сосуда в сосуд; при нагревании расширяется и приобретает сильную упругость, сообщает воде кислый вкус, не поддерживает ни горения, ни дыхания.

Но откуда же взялся углекислый газ? Он находился в мелу в соединении с известью, а уксус выгнал его оттуда, потому что находящаяся в уксусе кислота имеет большее стремление соединяться с известью, чем кислота угольная.

Другие газы имеют и другие свойства, только добыть другие газы без особенных химических снарядов не так легко. Общие же свойства всех газов состоят в том, что все они прозрачны, все, кроме угольной кислоты, легче воздуха и потому постоянно стремятся улететь вверх; все, как и воздух, беспрестанно стремятся расшириться во все стороны и занять каждое пустое место; все упруги и при нагревании расширяются. Кто будет изучать химию, тот узнает, какую важную роль в жизни природы играют газы и что многие твердые и жидкие тела состоят из одних газов, которые, соединившись, составили новое тело, очень хорошо видимое, — узнает, что некоторые газы, если их сильно охлаждать и в то же время сжимать, превращаются в жидкость и что, наоборот, многие жидкие и твердые тела, под влиянием жара, превращаются в газы. Вода, например, состоит из двух газов, водорода и кислорода, химически соединенных, а при испарении сама превращается в невидимый газ. Воздух состоит из *смеси* двух газов: кислорода и азота.

Самый замечательный из всех газов, входящий и в воду и в воздух, есть *кислород*, он находится почти во всех телах, но добывать его очень трудно без особенных химических снарядов. Кислород замечателен тем, что без него невозможно ни горение тел, ни дыхание животных. Зато в самом кислороде все горит необык-

новенно сильно и ярко. Если опустить тлеющую лучинку в банку с кислородом, то лучинка вспыхнет сильным пламенем; железо, которое в огне мы можем только раскалить, в кислороде горит, разбрасывая от себя множество ярких искр; даже алмаз и тот сгорает без остатка в кислороде. Мы знаем уже, что кислород, соединяясь с железом, образует ржавчину. Почти такую же ржавчину образует он, соединяясь со ртутью. Из соединения кислорода со ртутью образуется красный порошок, называемый *окисью ртути*. Из этого порошка, нагревая его, легко добыть чистый кислород; но надобно уметь собрать газ в банку, потому что, будучи легче воздуха, он тотчас же улетит. Кислород получил свое название оттого, что, соединяясь с жидкостями, придает им кислый вкус; а соединение кислорода с твердыми телами называют *окисями*; такова окись ртути, такова же окись железа, или ржавчина. Угольную кислоту зовут кислотою потому, что в ней кислород в соединении с другим телом — *углеродом*. Углерод в чистом виде есть тело твердое — это уголь, графит наших карандашей и алмаз. Не правда ли, трудно себе представить, что уголь и алмаз состоят из одного вещества? Но, сжигая алмаз в кислороде, убедились, что от этого, точно так же, как и от сжигания угля, происходит угольная кислота, т. е. соединение углерода с кислородом.

Другой замечательный газ, из соединения которого с кислородом состоит вода, есть *водород*. Его можно добыть из воды, заставив посредством жара кислород воды соединиться с железом; но этот опыт труден и опасен. Водород тоже газ бесцветный, прозрачный, не имеет ни вкуса, ни запаха. Горячая лучинка, опущенная в этот газ, потухает, и животное в нем тотчас умирает. Водород в четырнадцать раз легче обыкновенного воздуха, и потому им наполняют воздушные шары, которые подымаются в воздухе по той же самой причине, по какой подымается со дна воды пузырь, наполненный воздухом.

Мы сказали, что воздух есть смесь двух газов, кислорода и азота; из этой смеси легко получить чистый азот. Для этого возьмем чашку, наполненную водой, пустим на воду пробку с куском ваты, обмокнутым в спирт, потом зажжем вату и покроем ее стаканом так, чтобы края его несколько погружались в воду. Спирт, продолжая гореть под стаканом, соединяется с кислородом воздуха, который находится под стаканом. Когда кислород истощится, то на место его войдет в стакан вода, которая займет столько места, сколько занимал кислород. Над водою же будет находиться азот, в котором, так же, как и в угольной кислоте, лучинка гаснет и животное издыхает. Животное умирает в этом газе не от вредных свойств его, но от недостатка кислорода, который необходим для дыхания. Если в комнате может поместиться пять бочек воздуха, то, чтобы этот воздух был годен для дыхания, в нем должна необходимо заключаться одна бочка кислорода и четыре бочки азота. Если воздух заключает в себе меньше кислорода, то дыхание в нем затрудняется. Воздух также делается негодным для дыхания от примеси к нему других вредных газов, как, например, угольной кислоты.

ОТДЕЛ VI

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

ГОРЕНИЕ

Потрите крепко два куска дерева один о другой, и вы заметите, что они оба сделаются сначала теплыми в том месте, где они трутся, а потом, если продолжать трение, станут дымиться и могут даже загореться пламенем.

Налейте воды на обожженный кусок извести: известь жадно станет поглощать воду и при этом до того разгорячится, что от воды подымется пар. В этом последнем опыте тепло появляется почти оттого же, отчего и в первом: частицы воды и частицы извести, сильно стремясь соединиться между собой, трутся, теснят друг друга и разгорячаются. По соединении воды с негашеной известью происходит новое тело, которое так сухо, как будто в нем совершенно нет воды. Мы знаем уже, что такое соединение двух или более тел, при котором образуется совершенно новое тело, называется *химическим* соединением в отличие от *механического*, которое мы видели в граните, где отдельные кусочки камней только сплавились друг с другом.

Большая часть известных нам тел природы не простые, но составлены из нескольких простых тел, или веществ. Чтобы разъединить тело на составляющие его вещества, или, как говорят химики, *разложить* тело, чаще всего употребляют жар. Есть, например, красный ртутный порошок, называемый окисью ртути (мы уже говорили о нем). Если положить этот по-

рошок в баночку и сильно нагревать, то он превратится в чистую ртуть. Отчего это? Оттого, что красный порошок был не что иное, как *химическое* соединение газа—кислорода и металла—ртути: от жара кислород отделился и улетел в воздух, а чистая ртуть осталась на донышке сосуда. От жара все частички красного порошка несколько разошлись, а кислород освободился и улетел. Но если жар разъединяет два тела, заставляя их разойтись из тесного химического соединения, то, и наоборот, для того, чтобы сплавить два металла, необходим также жар: надобно сначала разъединить частички обоих металлов так, чтобы они могли перемешаться между собою и, сильно сцепившись одна с другой, составить новый искусственный металл. Мы знаем также, что жар необходим для того, чтобы частички кремня, извести и поташа соединились в новое тело — стекло.

Заметив хорошенько все эти явления, мы постараемся теперь понять, почему два куска сухого дерева, если их долго тереть один о другой, загораются. Но для этого мы должны сначала припомнить еще, как и из чего образовался кусок дерева.

Мы помним, что корни дерева всасывали из земли воду, и в воде, в виде раствора, разные землистые вещества: известь, кремень, соль и др.Мы помним также, что растение своими листочками брало из воздуха угольную кислоту: кислород выпускало назад в воздух, а углерод поглощало и перерабатывало в свое собственное тело. Следовательно, в куске дерева должны быть: *первое* — разные землистые вещества, *второе* — много углерода, угля, и *третье* — много воды.

При трении дерева, оно нагревается, а тепло, как мы знаем, разъединяет частички тела и заставляет их удаляться одна от другой. Если же мы все будем продолжать трение, то те места древесных кусков, в которых они трутся, так разгорячатся, частички их так разойдутся, что кусок дерева начнет разлагаться на вещества, его составляющие, и те из этих веществ,

которые легче воздуха, начнут улетать вверх: дерево задымится. *Углерод* и *водород*, бывшие в дереве, составив один газ, который называется *углеродистоводородным* газом, вылетают в воздух. При усиленном трении жар до того увеличится, что отделяющийся сложный газ начнет разлагаться и соединяться с кислородом воздуха: из водорода и кислорода образуются пары воды, а из углерода и кислорода образуется новый газ — угольная кислота, с которою мы уже знакомы. При этих химических соединениях жар увеличивается до того, что вспыхивает пламя. Но что же такое это самое пламя и откуда оно взялось?

Вы, вероятно, замечали, что когда бьют огнивом о кремень, то выскакивают искры. Мы знаем уже, что эти искры не что иное, как сильно нагретые, раскаленные маленькие частички стали; но нетрудно себе представить, что если бы этих искр было очень много вместе, то они составили бы нечто вроде пламени. Еще ярче блестят частички углерода, или, попросту, угля, если их раскалить. При соединении же водорода и кислорода образуется сильный жар, гораздо сильнее того, который мы заметили при соединении извести и воды, так что частички углерода или угля, освободившись от водорода и прежде своего соединения с кислородом воздуха, сильно раскаляются, а множество таких раскаленных частичек угля, собравшись вместе, образуют пламя. Соединившись же химически с кислородом воздуха, частички угля тухнут, хладеют и образуют с ними новое тело — угольную кислоту.

Что же сделалось с другими составными частями дерева? Сожгите его совершенно, и вы увидите, что от него останутся угли и немножко золы; но если вы будете продолжать раскаливать угли, то от всего древесного куска останется только одна зола, т. е. те землистые частицы, кремень, соль, известь, которые дерево вместе с водой всосало своими корнями из земли. Кусок дерева уничтожился; но ни одна частичка, его

составляющая, не исчезла. В мире, как мы знаем, ничто из ничего не делается; но также ничто в ничто не обращается, ничто не исчезает. Углерод соединился с воздухом и образовал угольную кислоту; из землистых веществ образовалась зола; а пар, образовавшийся из водорода и кислорода, пошел себе гулять в облаках, пока ему не придется превратиться в капли дождя или росы.

Чтобы поверить опытом справедливость всего, что было сказано, зажжем свечку, т. е. нагреем светильню до того, чтобы она вспыхнула; но нагреем, конечно, не трением, а пламенем серной спички, что в сущности все равно. Зажегши свечу, станем наблюдать, как она горит. В свечке почти те же материалы, что и в дереве. Что пламя состоит из частичек раскаленного угля, в этом убедиться легче всего: стоит только охладить эти частички, и они превратятся в черный уголь. Возьмите холодную серебряную ложку, стекло или какое-нибудь другое холодное тело, которое не могло бы загореться, подержите его в пламени свечи, и вы увидите, что на этом теле появится черная копоть, т. е. те же частички черного угля, только в очень мелком виде. Если вы хотите убедиться, что при горении свечки отделяется вода, то стоит подержать над свечкой стакан, и вы заметите, что на стенках стакана появится влага

Землистых частиц в сале нет, а потому золы и не осталось. Но светильня, сделанная из ниток, которые, как мы знаем, сделаны из волокон растения, оставляют после себя немножко золы, или, как говорится, нагара. Светильня же служит для того, чтобы проводить растопленное сало вверх, где оно разлагается на составные части, сильно накаляющиеся. Без светильни одни частички сала охлаждали бы другие, и мы должны были бы растопить всю свечу и накалить сильно все сало, чтобы оно загорелось. Светильня дает возможность сгорать салу понемногу, что для свечи и необходимо.

В печке, при горении в ней дров, совершается то же самое. Труба в печи устраивается для того, чтобы воздух, проходя в дверцы и соединяясь с углеродом дров, мог улетать вверх в виде угольной кислоты; а несгоревший уголь осаждается в трубе в виде сажи или остается в печи в виде кусков угля. Стоит закрыть плотно дверцы и трубу в печке, — и дрова погаснут. Это потому, что кислород не будет более входить в печь: кислород не будет более соединяться с углеродом дров,— и горение прекратится. Если же, наоборот, мы долго не закроем трубы, то в печке не останется ни одного уголька. Угли остаются оттого, что мы не даем им перегореть, закрывая трубу и тем самым прекращая приток кислорода.

Горение, следовательно, есть не более, как разложение тела на составляющие его вещества и новое соединение этих веществ с кислородом воздуха; причем образуется тепло, жар и даже пламя.

Таким образом, мы видим, что кислород совершенно необходим для горения и что там, где нет кислорода, ничто гореть не может. (Припомните опыт над угольной кислотой.) Но если соединение кислорода происходит не так быстро и сильно, то, хотя теплота и будет отделяться, но не будет большого жара и вовсе не будет пламени. Так, при гниении, т. е. при разложении на составные вещества различных органических тел, происходит то же, что и при горении свечи или разложении сала, с той только разницей, что при этом не бывает сильного жара и пламени. Если, например, листья лежат долго в большой куче, то начинают гнить, т. е. разлагаться на составные вещества, причем можно заметить, что от этой кучи идет тепло и даже подымается пар. Стоги свежего, не вполне высохшего сена скоро начинают гнить, т. е. медленно гореть, так что, всунув руку в такое гниющее сено, мы почувствуем сильный жар.

То же самое горение совершается и в наших легких, когда мы дышим. Кровь, притекая к пузырькам

легких, разлагается; углерод, который есть в крови, как и во всяком органическом веществе, соединяется с частью кислорода воздуха, вошедшего в легкие, и улетает вон через дыхательное горло в виде угольной кислоты, которая, как мы знаем, в печке улетает через трубу; другая же часть кислорода соединяется с кровью и делает ее из темной ярко-красной. Почти то же происходит, как мы знаем, когда кислород воздуха соединяется с железом и образует красноватую ржавчину. При химическом соединении кислорода с кровью также отделяется теплота, от которой зависит теплота во всех животных. Чем быстрее происходит оборот крови и, следовательно, соединение с кислородом, тем кровь животного теплее. У животных хладнокровных, например, у рыб, оборот крови и соединение ее с кислородом происходит очень медленно. Вот почему также, когда дыхание прекращается, тело животного охладевает.

Что при дыхании, как и при горении свечи, отделяется вода, в этом легко убедиться, дохнув несколько раз на холодное стекло.

Чтобы увериться, наконец, и в том, что при дыхании из горла улетает угольная кислота, стоит только сквозь соломинку дышать в воду, в которой растворена известь. Вода, вначале совершенно чистая, помутится, и на дно сосуда станет осаждаться мел, который есть не что иное, как химическое соединение извести с угольной кислотой*.

Сообразив все сказанное и припомнив то, что было сказано прежде о необходимости дыхания, мы придем к заключению, что человек живет и сохраняет жизненную теплоту до тех пор, пока продолжается в нем процесс горения.

---

* Во всякой аптеке легко можно получить известковую воду.

ГРОМ И МОЛНИЯ

Мы знаем уже, какое важное значение имеет для нас оконное стекло, защищающее наши жилища от холода и непогоды и свободно пропускающее отрадные лучи света. Но вот искусный работник берет толстое стекло, делает из него большой круг и провертывает в середине стеклянного круга дыру. В эту дыру всаживает он валик с ручкой, а валик утверждает на двух ножках, словом, укрепляет стеклянный круг подобно тому, как точильщик укрепляет свое вертящееся каменное колесо. С одного края стекла, на той же доске, на которой стоят ножки, поддерживающие круг, ставится деревянная подставка и к верхнему концу ее приделываются две дощечки так, чтобы они, как две широкие ладони, обнимали собой один край стеклянного круга. Дощечки эти с той стороны, где они прилегают к стеклу, обтягиваются кожей, а кожа намазывается смесью ртути и цинка. Вся же машина устраивается так, чтобы круг, когда станут вертеть ручку валика, на котором он утвержден, терся о кожу, натянутую на дощечках и намазанную *амальгамой*: так называют эту смесь ртути и цинка. К дощечкам приделывается металлическая цепочка, спускающаяся до земли.

Если теперь начать вертеть стеклянный круг и в то же время поднести палец с краю его, то из стекла перескакивает в палец маленькая голубая искорка, причем слышен легкий треск, и во всем теле, особенно в суставах руки, чувствуется какое-то сотрясение: довольно заметный и быстрый удар. Вот вам гром и молния в самом маленьком виде.

В стекле находятся две различные, невидимые жидкости, которые обе называются *электричеством*; но одна — *положительным* электричеством, а другая — *отрицательным*. Обе эти невидимые жидкости — две старинные неразлучные приятельницы, и где находится одна, там и другая; если же их разделят насильно,

то они жадно ищут первого случая, чтобы вновь соединиться: вот причина искорки, выскакивающей из стекла в палец, а также и причина грома и молнии.

Что такое это за жидкости сами по себе, мы не знаем, потому что не можем их видеть отдельно от тех предметов, в которых они находятся. Но дело в том, что если они находятся в равном количестве в стеклянном круге, то живут между собой так дружно, что их не слышно и не видно; но как только одного электричества станет меньше, чем другого, тогда то, которого более, ищет случая выйти из тела и перейти в другое тело трескучей, блестящей искоркой. Электричество появляется только тогда, когда между различными электричествами нарушено равновесие. Если два мальчика сядут на два конца доски, которая как раз серединой лежит на бревне, и если оба мальчика имеют одинаковый вес и сидят смирно, то и доска и мальчики будут неподвижны. Но стоит только одному мальчику подпрыгнуть, чтобы один конец доски стукнулся о землю, а другой подпрыгнул кверху. Точно так же, если два мальчика с одинаковой силой будут тянуть каждый к себе одну и ту же веревку, то оба останутся неподвижными, но стоит только одному выпустить веревку, чтобы другой шлепнулся затылком о землю. Оба эти явления объясняются нарушением *равновесия*. Точно так же трением стеклянного кружка о кожаные дощечки разделяются два электричества, находящиеся в стеклянном круге, и тогда как одно из них по металлической цепочке сбегает в землю, другое остается в стекле и ищет себе выхода, чтобы опять соединиться с своей приятельницей, ушедшей в землю. Чтобы электричество, сбежавшее в землю, не перебежало опять в стекло, для этого всю электрическую машину утверждают на стеклянной подставке, потому что замечено, что электричество, которое быстро пробегает по металлическим вещам, очень медленно проходит через стекло, смолу и некоторые другие вещества. Но человек стоит на земле, и

потому электричество, пробежавши с цепочки в землю, пробегает и в человека; вот почему, когда человек подносит руку к стеклянному кружку, то два разъединенные электричества опять стремятся соединиться и празднуют эту встречу блестящей, трескучей искоркой.

Но почему же эти странные жидкости назвали электричеством и что это за слово? Слово электричество не русское, а происходит от греческого слова *электрон*, что значит янтарь. Электричеством же, или янтарностью, назвали эту силу потому, что прежде всего ее заметили в янтаре. Если взять кусок янтаря и всякой другой смолы, потому что янтарь есть тоже смола, или даже просто кусочек сургуча, потому что и сургуч делается из смолы, и потереть им о сукно, то хотя искорки и не покажется, но сургуч станет притягивать и отталкивать маленькие кусочки бумажки или дерева; ту же самую силу заметим мы и в кусках серы. Если же куски смолы или серы натирать долго шерстью или мехом, то электричество проявляется в них не только притяжением легких тел, но и трескучими искорками. Не только в стекле, смоле, сере находятся оба электричества, но и в каждом другом теле: в земле, в воде, в воздухе, в камнях и металлах, растениях, животных и людях; но только не везде их так легко разделить, как в стекле или в смоле, а потому не везде они так и заметны.

Оба эти электричества находятся также и в облаках и часто разделяются там во время жара, особенно летом. Отчего происходит это разделение электричества в облаках, с точностью неизвестно; может быть, оттого, что облака, движимые различными течениями воздуха, трутся одно о другое, или, может быть, от обращения водяных паров в капли. Но дело в том, что если сближаются два облака, наполненные двумя различными электричествами, то искра, которая происходит при этом прикосновении, будет молнией, а треск — громом. Если же оба разделенные электричества собираются — одно в земле, а другое в обла-

ках, то тогда электричество из облаков стремится к земле и, конечно, стремится к самому ближайшему предмету на земле: к верхушке скалы, высокому дереву, высокой колокольне или крыше дома. Почуя приближение облачного электричества, другое, скрывающееся в земле, стремится к нему навстречу. И это стремление с обеих сторон так быстро и сильно, что воздух едва успевает давать дорогу электричеству; а от сильного колебания воздуха происходит гром точно так, как происходит слабый свист, когда вы машете палкой по воздуху. Если оба электричества, земное и облачное, соединяются в дереве или в крыше дома, или в каком-нибудь другом подымающемся кверху и не слишком крепком предмете, то он растрескивается и загорается. Если электричества соединяются в песке, то песок сплавляется в стекловидные куски, которые зовут громовыми стрелами; а если, к несчастью, на дороге соединения двух электричеств попадется животное или человек, то погибель их неизбежна, и за мгновенным ударом следует мгновенная смерть.

Если к краю стекла электрической машины мы, вместо пальца, поднесем длинную медную или железную палочку, то искра так же быстро перебегает по палочке в наше тело, как будто бы мы держали палец у самого стекла. Если бы наша металлическая палочка была в целую версту длиною, то и тогда мы не успели бы мигнуть глазом, как почувствовали бы искру в нашем теле. Вот почему металлы называются *хорошими проводниками* электричества. Если же мы поднесем к стеклу электрической машины кусок сургуча, стеклянную палочку или шелковый шнурок, то не заметим, чтобы электричество передавалось нашей руке. Вот почему шелк, смола и стекло называются *дурными проводниками*. Но замечательно, что эти-то дурные проводники и употребляются для добывания электричества; может быть, потому, что электричество в них скопляется и задерживается лучше, чем в хороших проводниках.

Если на верхушке дома или колокольни поставить металлический шпиц и от этого шпица провести металлическую проволоку в землю или в ближайший колодец, то молния, попадая в шпиц, пойдет мимо дома по проволоке в колодец, потому что металл лучше проводит электричество, чем дерево. Таким образом предохраняются здания от ударов молнии. Такие предохранительные орудия называются *громоотводами*.

Вы, вероятно, заметили, что гром всегда раздается после того, как блеснет молния, и чем дальше от нас совершается гроза, тем дольше не слышно грома после молнии. Причина этого очень понятна: свет пробегает в секунду 280 000 верст, а звук — только 157 саженей; следовательно, звук движется гораздо медленнее, чем свет, и свет молнии долетает к нам гораздо быстрее, чем звук грома. Вот почему по продолжительности времени, проходящего от появления молнии до громового удара, можно рассчитать приблизительно отдаленность грозы.

Электричество пробегает в людях и животных с такой же неудержимостью и быстротой, как и в металлической палочке, и если бы тысяча человек взяли друг друга за руки и первый из этой длинной вереницы дотронулся до электрической машины, то последний почувствовал бы электрический удар почти в то же самое мгновение, как и первый, и с той же самой силой. Вот почему случалось иногда, что целое стадо лошадей, испуганное грозой и столпившееся в кучу, было убиваемо одним громовым ударом.

Замечательно также, что молния, попадая в металлические вещи, легко плавимые и особенно блестящие, часто расплавляет их совершенно.

ЗВУК

Если разбить камень на мелкие куски, то каждый из этих кусков можно еще разбить на более мелкие кусочки; но и самую малейшую песчинку можно опять

раздробить на несколько частей, еще более мелких, и кажется, что нет такой маленькой частички, которую нельзя было бы разделить еще на части. Но физики предполагают, что есть такие маленькие частички, которых уже нельзя раздробить более; но что эти частички так малы, что мы не можем ни видеть их поодиночке, ни ощупать рукой. Такие *неделимые* более уже частички физики назвали *атомами* и предполагают, что из атомов состоит всякое тело: твердое, жидкое и воздухообразное. В твердых телах атомы сильно держатся друг за друга, в жидких слабее, в газообразных еще слабее. В телах упругих (как, напр., стальная пружина или кусок резины) атомы, положение которых нарушено какой-нибудь посторонней силой, как только эта сила перестанет действовать, стремятся опять перейти в прежнее положение: кусок резины, если его перестанут растягивать, опять сожмется; стальная пружина, если ее перестанут гнуть, опять выпрямится. Одни тела имеют более упругости, другие менее. Воздух — одно из самых упругих тел.

Если мы бросим камень в воду, то положение частичек воды нарушится: она заколышется, и от того места, где упал камень, пойдут по поверхности воды круговые волны, которые, все расширяясь более и более, становятся все менее заметными и, наконец, исчезают. Если волна дойдет до берега, то ударится о него и несколько отхлынет назад. Долго волнуется река, по которой пролетит быстрый пароход, и долго волны, поднятые им, бьются о берега, всякий раз отражаясь назад. Если маленькая лодочка пойдет по реке вслед за пароходом, то ее долго качает и подкидывает.

То же самое должно делаться и в воздухе, который, как вода, обливает землю со всех сторон, с той только разницей, что волнения воды мы видим, а волнения воздуха мы видеть не можем, потому что не видим самого воздуха. Когда покой атомов, составляющих воздух, нарушен ударом, то эти атомы дрожат, ходят

взад и вперед и приводят в движение соседние атомы, те, в свою очередь, толкают другие, и, таким образом, дрожь атомов воздуха распространяется на большее пространство; но чем далее, тем делается слабее; точно так же, как и волны воды, в которую вы бросите камень. Если же дрожит какое-нибудь другое упругое тело, напр., струна, то и воздух, прикасающийся к этому телу, также начинает дрожать, и эта дрожь воздуха быстро распространяется на значительное расстояние. С воздухом в этом случае делается то же самое, что делается с водой, если вы нальете ее в стакан и начнете стучать по краю сосуда. Дрожь сосуда сообщится воде, и по ней пойдут маленькие волны.

Наоборот, если какое-нибудь твердое тело будет находиться посреди всколыханного, дрожащего воздуха, то волны воздуха будут биться о него точно так же, как волны моря бьются о берега; если же предмет маленький и легкий, то станут колебать его, как колебали лодочку волны реки, по которой пролетел пароход. Повесьте лист бумаги не в дальнем расстоянии от пустого стакана или от струны, начните ударять по стакану или заставьте дрожать струну, и вы увидите, что взволнованный воздух заставит дрожать и лист бумаги. Бумага, конечно, не может чувствовать, что она дрожит; но если, вместо бумаги, мы представим себе слуховой нерв животного, одаренного чувством, то поймем, что животное может ощущать дрожание нерва и, следовательно, дрожание воздуха. Такие именно нервы находятся во внутреннем слуховом органе животных, и кончики этих нервов плавают там в жидкости, которую колышет взволнованный воздух, ударяясь о перепонку, закрывающую эту жидкость, как ударяются волны реки о берега. Ощущение, которое испытывает слуховой нерв, когда дрожащий воздух заставляет его самого дрожать, называется *звуком*.

Струна дрожит и заставляет также дрожать воздух; дрожание воздуха, сообщаясь от атома к атому, доходит до уха и заставляет дрожать натянутую в нем

перепонку; от дрожи перепонки дрожит находящаяся в ней жидкость; от дрожания жидкости дрожат плавающие в ней концы слуховых нервов; а дрожание слуховых нервов кажется животному звуком. В безвоздушном пространстве звуков не бывает, хотя бы язычек колокольчика бился о его стенки или хотя бы натянутая струна дрожала. Кожа барабана звучит, когда по ней бьют; струна скрипки, когда по ней тянут смычком; колонна воздуха, находящаяся внутри трубы, флейты, свистка, — когда на нее сильно дуют. Во всех этих случаях дрожат сначала атомы звучащего тела, от них атомы воздуха, а от них атомы слуховых нервов.

СВЕТ

Теперь мы знаем, отчего происходит звук и что мы не слыхали бы звуков, если бы не было воздуха. Но отчего происходит свет? Мы можем сколько угодно колебать воздух и, хотя будем слышать звуки, но света не увидим; следовательно, свет происходит уже не от колебаний воздуха. Причины, от которой происходит свет, никто вполне не знает, но, чтобы объяснить это явление хоть сколько-нибудь, ученые предполагают, что весь мир наполнен особым, невидимым, чрезвычайно тонким газом, *эфиром*. Эфир, говорят ученые, так тонок и так легок, что его нельзя ни ощупать, ни взвесить; но так же, как и воздух, эфир состоит из атомов, так же упруг, так же может дрожать, и эта дрожь так же распространяется волнами, и волны эти отражаются от всякого тела. Но колебать тонкие частички эфира может только пламя быстрыми движениями горящих частиц: вот почему свет распространяется от горящих тел. Солнце, как думают ученые, постоянно окружено пламенем, и это пламя заставляет дрожать на огромное пространство частички эфира, наполняющего вселенную. Дрожь эфира распространяется несравненно быстрее, чем дрожь воздуха, и в несколько секунд доходит от солн-

ца до земли. Достигая до земли, волны дрожащего эфира отражаются от нее и от всех находящихся на ней предметов, как волны возмущенной реки отражаются от берега; а отраженные волны эфира доходят до глаз человека.

Наши слуховые нервы, а тем более нервы осязания, слишком грубы для того, чтобы ощущать дрожание такого тонкого вещества, каков эфир. Для этого есть у нас особые нервы, одаренные гораздо большей чувствительностью,— нервы зрения, идущие от мозга к глазам. Но прежде, чем мы скажем, как дрожание светового эфира сообщается зрительным нервам, мы должны познакомиться с одним свойством света.

Дрожащий эфир, или свет, имеет свойство проникать сквозь воду, стекло и воздух. Такие тела, сквозь которые проникает свет, называются прозрачными, а такие, сквозь которые свет не проникает, например, дерево, называются непрозрачными. Когда мы закрываем ставнями окна, то дрожание эфира, идущее от солнца, не может проникнуть в комнату, и мы ничего в ней не видим; но если зажжем свечу, то пламя свечи заставит дрожать эфир, находящийся в комнате, а волны дрожащего эфира, отражаясь от стен и всех предметов, находящихся в нашей комнате, будут доходить до нашего глаза. За зрачком глаза находится прозрачное, как хрусталь, вещество, а за этим веществом расположена целая сетка зрительных нервов. Но так как дрожащий эфир свободно проходит сквозь прозрачные тела, то, следовательно, дойдет и до зрительных нервов, заставит дрожать атомы этих нервов, а эта дрожь покажется нам светом.

Каждый предмет мы видим при солнечном свете только потому, что волны дрожащего эфира, отражаясь от каждой точки предмета, доходят до нашего глаза.

Чем сильнее дрожание эфира, тем свет ярче; чем слабее, тем и свет слабее. Если же между освещенным предметом и нашим глазом мы поставим темное, непрозрачное тело, то волны эфира, отраженные от пред-

мета, не будут доходить до нашего глаза, и мы перестанем видеть предмет.

От всякого горящего тела, а, следовательно, и от солнца, окруженного пламенной атмосферой, дрожь эфира распространяется во все стороны лучами, по прямым линиям. Но если луч света попадает из более жидкого прозрачного тела в более плотное, тоже прозрачное, как, например, из воздуха в стекло или в воду, то изменяет свое направление, *преломляется*. Если вы в светлый солнечный день всунете палку в воду, так что половина ее останется наверху, то палка вам представится переломленною, хотя она, конечно, цела.

Но почему же мы видим луну ночью, почему и она распространяет свет, хотя и не такой яркий, как солнце? Нет ли пламени и вокруг луны? Нет, она светит не своим собственным светом, а тем, который получает от солнца; потому что с луны бывает видно еще солнце, когда с той части земли, где мы находимся, его уже не видать больше. Солнечные лучи, отражаясь от луны, доходят до земли, и вот почему луна кажется нам светлой. Точно так же светлым кажется нам всякий предмет, освещенный свечей, хотя самой свечи мы можем в это время и не видеть.

ТЯЖЕСТЬ

Лет за полтораста до нашего времени жил в Англии один гениальный человек и великий ученый, по имени Исаак Ньютон (родился в 1642 г. и умер в 1727 г.). Он был так умен и так много знал, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видел в них то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютон, прогуливаясь по саду, видел, как яблоко, сорвавшись с ветки, упало на землю. Тысячу раз видел он, как падали яблоки, и не обращал на это внимания; но теперь в уме его родился вопрос: почему яблоко, оторвавшись от ветки, упало на зе-

млю, а не полетело кверху или в сторону? Ньютон знал, что каждое явление должно иметь причину, и спросил себя: какая причина, что все тела падают на землю, а не летят кверху или не остаются висеть в воздухе? Подумав хорошенько об этом обыкновенном явлении, на которое до тех пор никто не обращал внимания, Ньютон решил, что в земле, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже заметили люди в магните, с той только разницей, что магнит притягивает железо и сталь, тогда как земля притягивает все тела, и твердые, и жидкие, и воду, которая потому не выливается из морей, и воздух, который потому не разлетается во все стороны.

Ньютон не остановился на таком решении: он стал наблюдать далее и скоро заметил, что не одна земля притягивает к себе все тела, но что всякое тело притягивает к себе другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой в тарелку, бросить несколько маленьких, легких тел, т. е. таких, которые притягиваются землей не очень сильно, то все они мало-помалу сблизятся друг с другом или пристанут к краям тарелки. Маленькая щепка, пущенная на воду, держится у большой барки, а листья и другие легкие тела пристают к берегам. Скоро Ньютон убедился, что все тела притягивают одно другое и что если камень не летит к другому камню, лежащему возле, то только потому, что притягательная сила земли во столько раз больше притягательной силы камня, во сколько земной шар больше самого камня, т. е. в несколько сот миллионов раз. Если один мальчик везет колясочку, а другой станет удерживать ее сзади, то перетянет тот, кто из двух сильнее. Но если тот же мальчик схватится сзади за коляску, которую везет четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуют, что кто-то уцепился сзади. Точно так же, хотя все тела, находящиеся на земле, притягиваются друг к другу; но их взаимная притягательная сила, в сравнении с притягательной силой земли, гораздо ничтож-

нее, чем сила мальчика в сравнении с силой четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тела? Подымая камень с земли, мы чувствуем, как он тяжел, или, другими словами, чувствуем, как сильно тянет его к себе земля: это большее или меньшее притяжение земли и дает бо́льшую или меньшую тяжесть телу. Сравнивая тяжесть тела с какой-нибудь испытанной тяжестью, напр., с тяжестью фунтовика, мы открываем *вес* тела: узнаем, сколько в нем фунтов, пудов и т. д. Но отчего же одни тела тяжелее других? Отчего земля сильнее притягивает кусок железа, чем такой же кусок пробки? Мы уже читали, что всякое тело, по предположению ученых, состоит из атомов: чем больше этих атомов стеснилось в теле, тем сильнее притягивает его земля, чем меньше, тем притяжение земли слабее. Вот почему плотный кусок железа сильнее притягивается к земле, чем кусок пробки такой же величины.

Желая определить тяжесть всех тел, или, другими словами, ту силу, с которой каждое тело притягивается землей, ученые стали сравнивать тяжесть каждого тела с тяжестью совершенно чистой воды и нашли, что стакан воды в тринадцать с половиной раз легче стакана ртути; что железо в восемь с половиной раз тяжелее воды, золото — в девятнадцать с половиной и т. д. Такой вес тел, взятый сравнительно с весом чистой воды того же объема, называется *относительным* или *удельным весом*.

Теперь, подумав немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная в воду, быстро идет ко дну, тогда как большое бревно не тонет. Возьмите столько воды, сколько могло бы поместиться в бревне, если бы оно было пусто в середине, взвесьте ее, и вы увидите, что такая масса воды будет в несколько раз тяжелее всего бревна. Бревно не тонет потому, что *удельный вес* дерева менее *удельного веса* воды. Вода, как мы знаем, превращаясь в лед, занимает более места и разрывает бутылку, если бу-

тылка была полна и крепко закупорена; а потому лед плавает на воде. Масло, наоборот, замерзая, сжимается, и потому кусок замерзнувшего масла потонет в жидком масле; точно так же, как кусок твердого свинца потонет в растопленном свинце. Но все эти наблюдения не удовлетворили Ньютона; он обратил внимание и на то явление, что мяч или камень, брошенные в сторону, или пуля, пущенная из ружья, летят в ту сторону, куда их бросили; но в то же время, склоняясь мало-помалу, понемногу опускаются к земле. Ньютон объяснил это явление следующим образом: здесь, думал он, борются две силы: одна, с которой я бросаю камень в сторону, а другая — притягательная сила земли, которая тянет его книзу.

Ньютон знал уже, что луна обращается вокруг земли и земля вокруг солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетает от земли, а земля не удаляется от солнца. Без сомнения, потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягивает луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадет на землю, а земля не упадет на солнце? Без сомнения, потому, что луна движется вокруг земли, а земля вокруг солнца с необыкновенной силой и быстротой.

Это взаимное притяжение всех небесных тел названо было *тяготением*. Но мало было открыть тяготение: следовало еще показать, как оно действует. Наблюдая, как падают тела различной тяжести, Ньютон убедился, что все они падают с одинаковой скоростью, если им не мешает воздух, несколько задерживающий падающие тела. Кроме того, Ньютон вычислил, с какой скоростью падают тела на землю и как увеличивается эта скорость, по мере приближения тела к земле. Он доказал, что если тело в первую секунду своего падения пролетает 16 футов, то во вторую пролетит 16×3, т. е. 48 ф.; в третью 16×5, т. е. 80 ф.; в четвертую 16×7, т. е. 112 ф., и т. д.

Приложив открытый им *закон* тяготения к наблюдениям над движением земли, луны, солнца и планет, Ньютон открыл законы движения светил небесных, высчитал с величайшей точностью их расстояние от земли, быстроту их движения, их величину и вес, величину кругов, которые они описывают около солнца, — словом, дал прочное основание великой науке астрономии.

ОТДЕЛ VII

ВЗГЛЯД ЗА ПРЕДЕЛЫ ДЕТСКОГО МИРА

ПРИГЛАШЕНИЕ В ДАЛЬ

Кто сидит у себя дома в своей родной деревне или в своем родном городке, тому, может быть, очень хорошо, и не хочется никуда в даль. Но, когда блестящее солнце встает поутру во всем своем величии и скрывается вечером за ближней горой, когда месяц гуляет по небу, или маленьким, бледным рожком, или полным, блестящим кругом, а небо усыпано звездами, из которых одна блестит лучше другой,— то не спрашивает ли себя мирный домосед: откуда выходит солнце утром и куда скрывается оно вечером? зачем гуляет по небу месяц? куда он прячется днем? отчего меняет он свою физиономию? и что это за блестящие точки, которые смотрят на нас с неба тысячами мигающих глазок? И дельно делает тот, кто задает себе такие вопросы.

Небо — великая книга... Можно много занимательного и полезного прочесть в этой книге; но надобно прежде выучиться понимать язык, на котором она написана.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Когда мы стоим у себя в комнате, то под ногами нашими находится пол, а над головою потолок. Но когда выйдем на улицу, в сад или на поле, то под ногами нашими будет земля, а над головою небо: не низ-

кий потолок, до которого иногда нетрудно достать и рукой, но громадно-высокий, чистый, как хрусталь, голубой свод.

На этом высоком, дивно-прекрасном своде мы видим множество замечательных явлений: днем — ярко блистающее солнце, ночью — кротко сияющую луну, мириады весело сверкающих звезд и изредка между ними бродячую комету с ее длинным хвостом, который так пугает суеверных людей. Кроме того, почти всегда носится по небу множество изменчивых облаков, то темных, лиловых или синеватых, то будто вылитых из серебра, то отливающих под лучами восходящего или заходящего солнца пурпуром и золотом. Нередко в облаках мы видим сверкающую молнию, а после дождя часто тешит наши взоры великолепная радуга: будто разноцветная арка каких-то громадных торжественных ворот, протягивается она красивой дугой через весь небесный свод, упираясь концами в края земли, обнятой со всех сторон голубым небом.

Если мы стоим на совершенно ровном поле и ничто не мешает нашему взору — ни дома, ни леса, ни горы, то нам кажется, что везде голубой, высоко подымающийся в средине небесный свод краями своими упирается в землю, как круглая чаша, опрокинутая на стол; а та черта, за которой небо сходится с землей, кажется нам громадным кругом, *посреди* которого мы стоим. Но этот круг — заколдованный круг: идите, куда хотите, летите за тысячи верст, и вы не только не выйдете из этого круга, но будете всегда находиться как раз посредине его. Этот дивный круг ученые называют *горизонтом*.

Не удивительно, что в то время, когда всякий жил больше дома, на родине, люди думали, что небо есть громадный хрустальный свод, стоящий краями своими на земле, как чаша, опрокинутая на стол. Но вот люди стали путешествовать и по морю, и по земле, забираясь каждый раз все дальше и нигде не доезжая до краев

небесного свода. Напротив, куда ни заезжал человек, хотя бы за много тысяч верст, везде он видел небесный свод, подымающийся высоко над головой, и себя в средине горизонта, как раз под самой высокой точкой свода.

Наконец, объехав вокруг весь земной шар, люди окончательно убедились, что нигде небо с землею не сходится и что, следовательно, оно кажется нам только сводом; на самом же деле вовсе не свод, а просто прозрачный воздух, обливающий землю со всех сторон, который в огромной массе (атмосфера имеет верст пятьдесят в толщину) кажется нам голубым. Сквозь этот голубоватый воздух мы видим солнце, луну и звезды; облака же не ходят по небу, а плавают в воздухе.

Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается в землю своими концами, не пьет воды, как думают иногда дети, и есть не что иное, как преломление солнечных лучей в дождевых каплях. Поставьте графин с водою на окошко, в которое смотрит солнце, и вы увидите кусочек радуги на подоконнике. Брызнув водою, можно иногда заметить в солнечный день, как в брызгах сверкнет на мгновение разноцветная радуга. Следовательно, радуга только кажется нам дугою, а небо только кажется нам сводом.

Мы уже знаем, как умные люди убедились в том, что земля есть шар, который нигде не держится на подставках, а несется в пространствах, обращаясь вокруг самого себя и в то же время обходя вокруг солнца.

Но недурно было бы узнать подробнее, как это так вертится земля и что от этого происходит.

Посмотрите, как вертится волчок, и вы заметите, что часто он *вертится, стоя на одном месте*: острие ножки, на котором стоит волчок, места не переменяет; но тем не менее весь волчок вертится, и каждая точка его головки описывает круги и меняет места так быстро, что отверстие, сделанное в головке волчка, ка-

жется нам темноватым пояском. Вы, вероятно, умеете заставить круглую монету вертеться быстро по гладкому столу и, вероятно, замечали, что часто и она, как волчок, вертится на одном месте. Но присмотритесь внимательнее, и вы заметите, что монета при быстром движении кажется нам полупрозрачным шаром, в средине которого протянута темноватая линия. Остановите же монету, и вы не найдете на ней никакой линии. Что же это такое за линия, которую мы видели, когда монета вертелась? Это именно та линия в монете, которая не переменяла места, когда все другие точки монеты описывали круги вокруг этой линии и описывали их так быстро, что вся монета казалась нам вертящимся шаром. Возьмите ту же монету между двумя пальцами так, чтобы, ударяя по одному ее краю, вы могли заставить ее вертеться, и вы увидите, что вся монета вертится, но места своего не переменяет или, лучше сказать, что все точки монеты обращаются, кроме тех двух точек, к которым вы прикасаетесь, удерживая монету между пальцами, и линии, которую можно провести между этими двумя точками и которая казалась нам темноватою линией, когда монета быстро вертелась. То же самое будет, конечно, если вместо монеты мы будем вертеть шарик; только линии, не переменяющей своего места, вы не заметите, потому что она будет внутри шара.

Так как земля есть тоже вертящийся шар, то и в ней, как в каждом вертящемся шаре, должны быть две точки, которые при обращении шара не переменяют своего места. Эти две точки на земном шаре называются *полюсами:* один *северным* полюсом, а другой — *южным*. Линия же, соединяющая эти точки, не переменяющая своего места, как та темненькая линия, которую мы заметили в середине вертящейся монеты, называется *земной осью;* потому что она также не переменяет своего места, как и ось вертящегося колеса. Земная ось соединяет оба полюса, северный и южный, и проходит через самый центр земного ша-

ра. Но разумеется само собой, что если бы вы могли разрезать земной шар вдоль оси на две равные половины, как разрезывают яблоко, то не увидели бы там никакой оси, как не видали и темненькой линии посредине остановившейся монеты. Земная ось только *предполагаемая линия*, вокруг которой вращаются все точки земного шара и описывают круги тем больше, чем дальше отстоят от оси, а на поверхности шара от полюсов, составляющих окончание оси.

Если на краю вертящейся монеты вы сделали прежде несколько меток в разных местах, то убедитесь, что чем ближе метка к одной из тех двух точек, которые прикасаются к вашим пальцам, тем меньше круг будет она описывать при обращении монеты. Самый же большой круг будет описывать та монета, которую вы положите посредине в одинаковом расстоянии от обеих точек, не переменяющих места. Точно так же и на земном шаре: чем дальше отстоит какое-нибудь место от обоих полюсов разом, тем больший круг будет описывать оно при обращении земного шара. Но какая же точка на поверхности земного шара будет дальше всех от обоих полюсов разом? Конечно, та, которая лежит посредине, т. е. в одинаковом расстоянии от обоих полюсов. Таких точек можно, конечно, наставить на шаре множество одну возле другой, но все эти точки вместе составят одну круговую линию. Этот круг, все точки которого находятся в одинаковом расстоянии от обоих полюсов, может быть, конечно, только один. Такой круг на земном шаре называется *экватором*. На глобусе экватор чертят; но на земном шаре, конечно, никто его не начертил, и этот круг такой же *предполагаемый* круг, как земная ось—предполагаемая линия. Так как экватор опоясывает землю в одинаковом расстоянии от обоих полюсов, то, следовательно, и разделяет землю на две равные половины, на два равных *полушария*, из которых одно, где находится северный полюс, называется *северным*, а другое, противоположное, *южным* полушарием. Это

не те полушария, которые произойдут, если мы разрежем землю вдоль оси: те полушария будут уже не северное и южное, а восточное и западное.

Проведите какую угодно прямую линию по поверхности шара,— то тогда эта линия не будет уже совершенно прямая линия, а будет дуга. Если же вы будете вести линию все прямо и прямо по поверхности шара, то, наконец, обойдете весь шар и начертите на нем правильный круг. Заметьте же какую-нибудь точку на экваторе и ведите от нее линию по поверхности шара все прямо к северному полюсу: потом от северного полюса по другой стороне шара, не отклоняясь ни вправо, ни влево, ведите далее, до экватора, и если вы проводили вашу линию верно, не отклоняясь ни направо, ни налево, ни к востоку, ни к западу, то она непременно придет к той точке, от которой вы начали ее вести, и вы начертите совершенно правильный круг, который пройдет через оба полюса и пересечет экватор в двух точках. Такой круг, проходящий через оба полюса, называется *полуденником*, или *меридианом*. Подумав немного, вы поймете и сами, что тогда как экватор можно провести только один, полуденников можно провести бесчисленное множество: все эти полуденные круги, сколько бы вы их ни провели, непременно пересекутся между собою в каждом из полюсов. Вы легко также сообразите, что все эти полуденники будут одинаковой величины.

Не то произойдет, если, вместо того, чтобы проводить круги через полюсы, вы станете проводить их *параллельно* экватору, т. е. так, чтобы все точки проводимого вами круга находились на одинаковом расстоянии от экватора. Вы увидите, что всякий круг, параллельный экватору, будет меньше экватора и тем меньше, чем дальше он будет от экватора и чем ближе к полюсу. Таких кругов, точно так же, как и полуденных, можно провести бесчисленное множество; но, конечно, один никогда не сойдется с другими, как не сходятся никогда две параллельные линии. Такие,

тоже воображаемые, круги называются *параллельными кругами*, потому что они параллельны экватору.

Через всякую точку земного шара можно провести параллельный круг и полуденник, а, следовательно, их можно провести и через ту точку, на которой мы теперь находимся. Станем же на точку, где пересекутся эти два круга, и, оборотившись лицом к *югу*, будем наблюдать, как ходит солнце по небу. Прежде всего мы заметим, что утром солнце покажется из-за горизонта на *востоке* и будет подыматься все выше и выше, а потом станет спускаться все ниже и ниже и, наконец, спрячется за горизонтом на *западе*. Если бы солнце, проходя по небу, оставляло по себе след, то мы увидели бы дугу, подобную дуге радуги, и эта дуга одним концом упиралась бы в горизонт на западе, а другим на востоке. Самая высшая точка этой дуги будет та, поднявшись до которой, солнце начало спускаться. Эта точка будет как раз посредине дуги, так что солнце употребляет столько же времени, чтобы подняться до этой точки, сколько и для того, чтобы спуститься от нее к западу. Следовательно, в этой *срединной* точке солнце бывает как раз посреди дня, т. е. ровно в 12 часов. Если бы мы могли с точностью заметить, когда солнце бывает в этой точке, то нам ничего не стоило бы поверять наши часы. Но следить за ходом солнца и подметить ту точку, с которой оно начинает спускаться, очень трудно.

Однакоже есть одно, довольно легкое средство поверять часы по солнцу. Стоит только на чистом и открытом месте, усыпанном белым песком и которое бы с утра до вечера освещалось солнцем, воткнуть в землю отвесно палку и замечать целый день, как падает на белый песок тень от этой палки. Когда солнце поутру покажется на востоке из-за горизонта, то от палки протянется по направлению к западу такая длинная тень, что трудно даже заметить, где она окан-

чивается *. К западу тень протянулась потому, что солнце светит с востока; длинна же она потому, что солнце очень низко, на самом горизонте, и бросает оттуда очень косвенные, почти скользящие по земле лучи. Мы заметим также мимоходом, что эти косвенные лучи освещают предметы хорошо, но греют мало. Чем выше будет подыматься солнце, тем тень от палки будет становиться короче и подвигаться по направлению от запада к востоку. В полдень тень будет самая короткая и будет падать по направлению от юга к северу. Тень от палки будет направлена к северу, потому что солнце в полдень стоит на юге; коротка она будет потому, что солнце стоит высоко и бросает на нашу палку далеко не столь косвенные лучи, какие бросало утром. При этом мы заметим также, что эти почти *отвесные* лучи греют гораздо сильнее, чем те, косвенные, которые бросало солнце утром. Наблюдая далее, мы заметим, что после полудня тень от палки начнет снова увеличиваться и при закате солнца будет такою же длинною, какою была при восходе, только протянется уже не к западу, а к востоку, и вместе с тем, чем ниже станет спускаться солнце к горизонту, чем косвеннее будут падать его лучи на землю, тем и греть они будут все слабее и слабее. Если же полуденный жар не начинает спадать тотчас после 12 часов, то это, без сомнения, потому, что за день воздух, земля и все тела на земле нагреются сильно и не скоро успеют охладиться; но к вечеру солнце все же станет греть гораздо слабее. Отмечая на песке движение тени, отбрасываемой палкой, мы заметим и ту точку, когда тень была самою короткою и от которой она стала опять увеличиваться и повернула к востоку. В то самое время, когда солнце отбрасывало самую короткую тень, оно стояло на средине своего пути от востока на запад, следовательно, в эту

* Отыскать настоящий меридиан места весьма нетрудно: см. приложенный в конце книги чертеж.

минуту был ровно полдень, т. е. 12 часов. Так, или почти так, устраиваются и солнечные часы, самые верные часы на свете, только очень неудобные, потому что в пасмурный день палка не будет отбрасывать тени. Отметим на песке линиею самую короткую полуденную тень, и эта линия пройдет как раз по направлению нашего полуденного круга, будет небольшим куском меридиана. Вот почему этот круг и называется полуденником, или меридианом: когда солнце станет над ним прямо, тогда бывает у нас полдень.

Теперь предположим себе, что мы обладаем с вами *ковром-самолетом,* на котором в одно мгновение можно перелететь тысячи верст. Поверим свои часы по солнцу и, севши на диковинный ковер, полетим сначала на восток, придерживаясь одного и того же параллельного круга; пролетим несколько сот верст от того места, где мы наблюдали солнце, и остановимся делать новые наблюдения. Здесь над нами будет такой же свод неба, упирающийся в землю краями, вокруг такой же горизонт, и солнце, идя по небу, будет описывать такую же огромную дугу. Устроим опять солнечные часы и заметим на них, когда бывает полдень. Взглянем же теперь на наши карманные часы: что это сделалось с ними? как они страшно отстают? На них всего еще 10 часов, тогда как на солнечных уже 12. Но не браните напрасно ваши карманные часы; они ни в чем не виноваты: они показывали время исправно только для того места, на котором мы их поставили по солнцу. На оставленном нами месте действительно теперь только 10 часов, и только через два часа настанет там полдень. Чем дальше к востоку, тем полдень бывает раньше, и наоборот: чем дальше к западу, тем полдень настает позже. Но если бы мы по тому же параллельному кругу пронеслись в одно мгновение на противоположную точку земного шара, то увидели бы, что часы наши опять показывают верно, только на небе вовсе нет солнца: часы же наши показывают полночь.

Но возвратимся опять на то место, где мы устроили первые солнечные часы, и, усевшись в полдень на ковре-самолете, полетим опять,— только уже не на восток, а на запад. Если мы будем лететь с такою быстротою, с какой солнце ходит по небу, или, что все равно, с какою земля вертится около своей оси, то мы будем постоянно догонять солнце: у нас постоянно будет полдень, хотя бы мы облетели всю землю вокруг.

Того же самого результата достигли бы мы, если бы сумели не вертеться вместе с землею, а поднявшись кверху и остановившись на одной точке в пространстве, смотреть, не двигаясь с места, как обращается земля под нашими ногами. С изумительною быстротою улетели бы из-под нас не только наши солнечные часы, но и вся знакомая нам страна *. Быстро замелькали бы под нами города, целые незнакомые нам страны, реки, горы, моря, океаны, а солнце все стояло бы над нами неподвижно, как раз на полудне. Ровно через 12 часов мы могли бы преспокойно опуститься на противоположной точке земного шара, противоположной той, где мы оставили солнечные часы. Но как же мы доберемся домой? Очень легко: подымемся опять кверху, и ровно через 12 часов наши солнечные часы будут под нашими ногами.

Прекрасно было бы путешествовать так быстро по земле, не трогаясь с места, да то беда, что это невозможно: все, что есть на земле, вращается, вращается вместе с нею и самая атмосфера, которая ее окружает; так что воздушный шар, поднявшись над землею, летит с *запада на восток* вместе с атмосферой, в которой он плавает. Примиримся же с этой невозможностью и станем снова наблюдать наши красноречивые солнечные часы. Они еще далеко не сказали нам всего того, что могут сказать.

---

* Каждая точка экватора при обращении земли около своей оси пролетает более 1500 верст в час.

Вот мы стоим снова на точке пересечения параллельного круга и меридиана. Солнце достигло самой высшей точки своего небесного пути, а на часах у нас полдень. Выше солнце уже не подымется; но оно далеко еще не стоит прямо над нашею головою. Что же случится, если мы полетим прямо к югу, по направлению нашего меридиана? Не долетим ли мы до того места, где солнце будет стоять прямо над нами? Непременно. Как только долетим по меридиану до экватора, то солнце в полдень будет прямо над нашею головою и его лучи, падающие совершенно перпендикулярно, будут страшно жечь нас. Мы очутимся посреди африканской пустыни, где от страшного жара все вымерло вокруг: нет ни травки, ни деревца, и даже дикие звери ходят только по ночам. Не хорошо здесь. Воротимся же поскорее домой и попробуем полететь на север, придерживаясь попрежнему нашего меридиана: посмотрим, не будет ли там лучше? Чем ближе будем мы подлетать к северному полюсу, тем ближе к горизонту будет нам казаться полуденное солнце, тем косвеннее будут падать его лучи и тем менее будут давать они тепла. Но вот мы приближаемся к полюсу: часы показывают полдень, а солнце почти лежит на горизонте; косвенные, почти горизонтальные лучи его чуть задевают землю и греют очень мало. Если же мы совершаем наше воздушное путешествие зимою или поздней осенью, то можем прилететь в такое место, где увидим солнце скрывающимся за горизонт, хотя и на наших часах и па часах тамошних жителей будет полдень. Еще несколько далее к северу — и мы солнца и днем не увидим. Но в какие пустынные места мы залетели! Вокруг также нет ни деревца, ни кустика, ни травки; море покрыто льдом и холод невыносимый. Под экватором в африканской пустыне нет жизни от палящего жара; у полюсов, на берегах Северного Ледовитого моря, нет жизни от страшного холода. Поблагодарим же создателя, который дал нам родину посредине этих двух крайно-

стей и назначил нам жить в *умеренном климате*.

Но если бы климат того или другого места зависел единственно от большей или меньшей близости места к полюсу или к экватору, то во всех местностях, лежащих на одном и том же расстоянии от экватора, между одними и теми же параллельными кругами, должен бы быть и одинаковый климат. Однакоже мы часто замечаем противное, и если мы, например, возьмем какое-нибудь место посредине Сибири, лежащее на таком же расстоянии от экватора, на каком лежит Петербург, то увидим, что в Сибири в этом месте климат будет гораздо суровее, чем в Петербурге, хотя солнце в обеих этих местностях в одно и то же время будет одинаково подыматься над горизонтом и в продолжение одинакового времени будет оставаться на небе.

Это явление зависит от многих причин, из которых мы перечислим главные. *Первая причина — близость моря*. Море у полюсов и зимою и летом загромождено пловучими льдинами, громадными ледяными горами. Во всех же других местах море или вовсе не замерзает или замерзает там, где бывают холодные зимы, и то только у берегов. Незамерзнувшее море летом охлаждает воздух, вбирая из него излишний жар; а зимою согревает воздух, отдавая ему набранное летом тепло. *Вторая причина — ветер*. Мы уже читали о влиянии ветра на тепло и холод. В той стране, которую высокие горы заслоняют от холодных северных ветров, будет всегда гораздо теплее, чем в той, которую горы заслоняют от южных ветров, несущих на север нагретый на юге воздух. Всякое место, лежащее посредине Сибири, находится очень далеко от незамерзающего моря, заслонено от южных ветров Алтайскими горами и совершенно открыто для северных ветров, несущихся от полярного моря, вечно покрытого льдом. Вот почему в Сибири так холодно. *Третья причина — возвышенность места*. Мы уже знаем, что чем выше мы станем подыматься от земли кверху,

тем будет холоднее. Это оттого, что мы, поднимаясь кверху, удаляемся от земли и ощущаем все менее и менее ту теплоту, которую возбуждают в ней лучи солнца и которую мы так сильно чувствуем в теплую летнюю ночь, когда и солнца нет над нами. Вот почему вершины очень высоких гор, лежащих в самом теплом климате, покрыты вечным льдом и снегом, как земли, лежащие у полюсов; тогда как у подошвы тех же гор круглый год не только не бывает снегу, но даже лист не спадает с деревьев, растут померанцы, лимоны, виноград, миндаль и даже пальмы — это растение, свойственное только жаркому климату. Подымаясь на такую гору, мы испытываем все те же перемены климата и будем видеть то же разнообразие растительности, какое заметили бы, если бы полетели от экватора к полюсу. У подошвы мы найдем растения, свойственные только самым теплым климатам, — померанцы, фиги, миндаль, лавр; далее пойдут растения умеренного климата: бук, дуб, каштан, липа; затем покажутся береза и хвойный лес, столь знакомые нам, русским; затем кривая березка и мох, единственная пища северных оленей; а, наконец, растительность вовсе прекратится и начнутся вечные снега и льды, которые напомнят нам вечные льды полярных морей.

ВРЕМЕНА ГОДА

Нетрудно убедиться, что одна свеча может осветить только половину шара и всегда как раз половину, а другая половина его всегда остается в тени и что черта, отделяющая темную половину от светлой, будет правильным кругом. Для таких опытов всего лучше брать шар белого цвета, потому что на белом тень виднее. Но так как земля — шар, то без всякого сомнения ровно одна половина ее всегда освещена солнцем, а другая всегда находится в темноте. На поверхности земной всегда также есть круг, отделяющий светлую половину от темной. Этот круг, по мере суточного обращения земли,

подвигается от востока к западу и обозначает сумерки: на западе — вечерние, на востоке — утренние. Но для нас важно знать, как проходит на шаре этот круг, означающий границу между днем и ночью.

Если мы на шаре, служащем нам для опытов, означим концы оси — северный и южный полюс, экватор, несколько меридианов, несколько параллельных кругов и повернем наш шар так, что ось его будет находиться в горизонтальном положении и один из полюсов, положим, северный, будет обращен прямо к свече, а другой прямо в противоположную сторону, то увидим, что северное полушарие будет все освещено, южное останется все в темноте, а граница между светом и тенью пройдет как раз по экватору. Если бы земля наша находилась в таком положении в отношении солнца, то сколько бы она ни обращалась на своей оси, северное полушарие ее всегда было бы освещено солнцем, а южное всегда было бы в темноте, т. е. на северном полушарии был бы постоянный день, а на южном постоянная ночь. Но так как день у нас сменяется ночью и постоянного дня или постоянной ночи не бывает нигде на земном шаре, то, следовательно, земная ось не в таком находится положении в отношении солнца, в каком мы поставили в отношении свечи ось нашего белого шара.

Поставим наш шар в такое положение в отношении зажженной свечи, чтобы круг, показывающий границу светлого полушария с темным, прошел как раз по какому-нибудь меридиану и, следовательно, через оба полюса. Тогда мы увидим, что этот круг разделит на две равные половины не только экватор, но и все круги, параллельные экватору, так что половина каждого параллельного круга будет светла, а другая темна. Если бы земная ось находилась в таком положении в отношении к солнцу, то на каждой точке ее поверхности день всегда был бы равен ночи.

Но так как мы замечаем, что зимою у нас бывают долгие ночи, а летом долгие дни, то, следовательно,

можем предположить, что ось земная в отношении к солнцу находится не в горизонтальном, не в вертикальном, а в *наклонном* положении, так что один полюс ее не совсем обращен к солнцу, но несколько ближе к нему, чем другой.

Мы поймем такое положение земной оси, если представим себе, что шарик *А*, нарисованный на картинке, представляет собой землю; линия *с. ю.*— ось земную, точка *с.*— северный полюс, а точка *ю.*— южный. Мы видим, что при таком положении земного шара все параллельные круги разделены светом и тенью на две *неравные* половины: в северном полушарии темные половины параллельных кругов будут меньше светлых, а в южном наоборот: только один экватор будет разделен как раз пополам. Но так как земной шар в продолжение суток оборотится вокруг своей оси, то, следовательно, в северном полушарии ночь будет меньше 12 часов, а день больше, и чем ближе к северному полюсу параллельный круг, тем длиннее будет день и короче ночь, и, наконец, вблизи от полюса ночи совершенно не будет.

Однакоже если ось земного шара находится в таком положении к солнцу, то день всегда должен быть у нас гораздо длиннее ночи. И действительно, это так бы и было, и жители южного полушария были бы очень обижены в сравнении с нами, если бы земля, обращаясь вокруг своей оси, оставалась в одном и том же месте; но не забудем, что она не только вращается вокруг своей оси в 24 часа, но обходит вокруг солнца в продолжение года и ровно через полгода станет в том месте и в том положении к солнцу, в каком на картинке нарисован шар *Б*. В этом положении все изменится: южный полюс будет наклонен к солнцу, северный отодвинут; южное полушарие будет гораздо больше освещено, чем северное; ночь у нас будет гораздо длиннее дня,— только для мест, лежащих под экватором, все останется в прежнем положении, потому что как раз половина экватора попрежнему освещена солнцем, а половина нет.

Но земля не разом, а только в полгода перейдет из точки *А* в точку *Б*; следовательно, и день наш уменьшится не разом, а понемногу. В точке *А* земля бывает 10 июля, а точке *Б* — 10 декабря. Посредине между этими двумя точками по дороге от *А* к *Б*, в точке В земля бывает 10 сентября, а по середине пути от *Б* к *А*, в точке *Г* — 10 марта. В эти два последние числа по всей земле день бывает равен ночи.

Теперь мы поняли, отчего с 10 сентября дни начинают уменьшаться, а с 10 марта увеличиваться; отчего 10 июня у нас бывает самый длинный день, а 10 декабря самая длинная ночь, отчего на экваторе день всегда равен ночи и отчего, чем ближе к полюсам, тем разница между днем и ночью бывает больше; так что вблизи полюса зимою целые месяцы не бывает видно солнца, а летом целые месяцы оно не сходит с неба. Но мы еще не знаем, отчего бывает зима, весна, осень и лето.

Мы заметили уже, что чем отвеснее падают лучи солнца на землю, тем более дают они тепла, чем косвеннее — тем менее. Вот почему утром лучи солнца далеко не так греют, как в полдень, и вот почему у полюсов они далеко не так греют, как под экватором. Наблюдая над течением солнца по небу, мы легко заметим, что летом солнце подымается у нас гораздо выше над горизонтом, чем зимою. Летом земная ось наклоняется к солнцу северным полюсом, а зимою — южным, и потому летом солнечные лучи падают на наше северное полушарие гораздо отвеснее, чем зимою, а следовательно, и греют гораздо сильнее. Кроме того, летом день у нас гораздо длиннее, чем зимою, а, следовательно, солнце летом греет наше полушарие не только сильнее, но и дольше. Вот почему в то время, когда земной шар находится в таком отношении к солнцу, в каком нарисован шар *А*, у нас в северном полушарии дни бывают долги, солнце греет сильно, словом, бывает лето; а в то же время в южном полушарии дни бывают коротки, солнечные лучи, падая косвенно, греют слабо, и, словом, царствует зима. Когда же земной шар ста-

нет по другую сторону солнца, как стоит шар *Б*, то все перевернется: у нас, в северном полушарии, будет зима, в южном будет лето.

Но из точки *А* в точку *Б* земля переходит не разом, а в течение полугода; вот почему и лето не разом сменяется зимою, и между летними и зимними месяцами находится несколько осенних месяцев, а между зимними и летними несколько весенних.

Осенью растительность замирает понемногу, весною же также понемногу она возрождается. Осенью люди и все животные понемногу привыкают к холоду зимы, а весною к жару лета. А сколько удовольствий, сколько красоты, сколько чудных явлений мы замечаем на земле именно потому, что на ней день сменяется ночью и зима весной, весна летом, лето осенью и осень зимой! И всех этих великих последствий, всего этого разнообразия явлений, всей этой дивной ежегодной жизни природы достиг творец только тем, что повелел земной оси наклониться к солнцу.

Посмотрев на шар *А*, мы заметим, что небольшая часть его поверхности, лежащая у северного полюса, так освещена солнцем, что все параллельные круги ее находятся на светлой половине шара; тогда как у южного полюса точно такая же часть шара вся лежит в темноте. Заметим же те точки, куда только достигает тень на севере и на юге, и проведем через эти точки два параллельные экватору круга. Эти два параллельные круга называются *полярными*; а страны, лежащие от них к полюсам, называются *полярными* странами. Понятно, что в этих странах, при таком положении земного шара, вовсе не бывает дня или вовсе не бывает ночи; но и в те дни, когда солнце светит, лучи его падают очень косвенно.

Если бы ось земная не была наклонена к солнцу, то жители мест, лежащих на экваторе, постоянно имели бы солнце у себя прямо над головой. Теперь же это выходит уже не так: если мы означим точками все те места на земном шаре, где солнце бывает прямо над головой,

то нарисуем круг, который вкось пересечет экватор, так что половина проведенного нами круга будет в северном полушарии, а половина в южном. Такой круг, означающий на земном шаре места, где солнце бывает прямо над головой, или, как говорят, путь солнца, называется *эклиптикою*. Означим самую южную и самую северную точки эклиптики и проведем через эти точки два параллельные круга: эти два круга называются *тропиками*, или *поворотными кругами*, потому что путь солнца, доходя до них, поворачивает или к северу, или к югу; страны же, лежащие между тропиками, называются *тропическими странами*. Подумав немного, мы легко поймем, что во всякой местности, лежащей между тропиками, два раза в году солнце стоит как раз над головою, да и в остальное время немного отклоняется от этого положения, и что большой разницы между продолжительностью дня и ночи никогда не бывает; поймем также, что лучи солнца падают здесь на землю почти совершенно отвесно, а, следовательно, и греют очень сильно.

ЛУНА

Луна по форме своей также шар, но по величине в 49 раз меньше земли. Она обращается вокруг земли в 28 дней, а вместе с землею обходит и вокруг солнца. Но почему же луна кажется нам то кругом, то полукругом, то маленьким рожком? Необразованные люди приписывают это явление самым странным и невозможным причинам; так, монголы, полудикий народ, кочующий в степях Средней Азии, думают, что какой-то невидимый дракон каждый месяц глотает луну, а потом ее снова выбрасывает. Наш маленький белый шарик, с помощью зажженной свечи и небольшой наблюдательности с нашей стороны, объяснит нам это явление очень просто. Дело в том, что так как луна не имеет своего собственного света, а освещается солнцем, то мы видим только освещенную часть луны. Солнце освещает всегда по-

ловину луны, потому что луна — шар; но мы не всегда, а только в полнолуние видим всю эту освещенную половину луны; в другое же время видим только большую или меньшую часть этой половины, или вовсе ее не видим.

Возьмите белый шарик и, держа его перед глазами несколько повыше головы, станьте затылком к зажженной свече: вы, не видя свечи, увидите тем не менее целую половину шарика, освещенную светом, падающим на него от свечи. Но, ставши к свече боком, вы без труда уставите ваш шарик так, что будете видеть только половину освещенной половины, или четверть шарика. Если бы вы не видали вовсе неосвещенной части шарика, как не видите неосвещенной части луны, и не чувствовали, что держите в руках шар, то вам показалось бы, что перед вами не шар, а половина плоского круга. Подвигайте же шарик все ближе к свече, и эта половина плоского круга будет все уменьшаться и уменьшаться, так что вы, наконец, будете видеть только краешек освещенной половины шарика,— небольшой рожок, каким вам кажется иногда луна. Когда же вы поставите шарик как раз перед свечкою, немного выше или ниже, то хотя пламя свечи и будет вам видно, но тем не менее вы совсем не увидите освещенной половины шарика; по той же самой причине мы иногда не видим луны и ночью, хотя она и бывает на небе. Днем же мы не видим луны потому (хотя она бывает иногда на небе и днем), что солнце светит слишком ярко, так что слабый свет луны вовсе незаметен. Вы, вероятно, видели, как иногда по утрам мало-помалу бледнеет луна, если солнце застанет ее на небе, и, наконец, совершенно исчезает.

Продолжая подвигать ваш шарик далее, вы увидите снова небольшой его краешек, который будет по мере обращения шарика все увеличиваться и увеличиваться, или, как говорится о луне, *прибывать.* Появление маленького краешка луны на небе после того, как она было исчезла на несколько дней, называется *рождением ме-*

сяца; потом из маленького рожка сделается луна половиною круга: это, как говорится, *первая четверть* луны; затем пойдет *полнолуние*. После полнолуния луна снова пойдет убывать, до тех пор, пока опять сделается полукругом: это *вторая четверть* луны. Наконец, эта вторая четверть мало-помалу исчезнет и начнется *новолуние*.

Вы можете так уставить ваш шарик, что он совершенно заслонит пламя свечи. Если луна заслонит собой солнце таким же образом, то произойдет *солнечное затмение:* если же, наоборот, земля заслонит солнце от луны, так что на луне отразится круглая тень земли (отчего круглая?), то произойдет лунное затмение. Но как пугают диких и необразованных людей эти простые, понятные явления! В календарях печатается всегда вперед не только день, час, но даже минута, когда будет солнечное или лунное затмение. Но не со всех мест земного шара видны бывают эти затмения, потому что солнце и луна не в одно и то же время видны на всей поверхности земного шара. Часто солнечное затмение совершается тогда, как у нас бывает ночь, и, следовательно, видно только для тех, кто живет на другой половине земного шара. Часто также лунные затмения совершаются тогда, когда у нас бывает день и, следовательно, мы не видим луны.

Если вы поняли, отчего мы видим иногда то краешек луны, то четверть ее, то половину, то совсем не видим, то поймете также, что то же самое должно совершаться и с теми планетами, которые, обращаясь вокруг солнца подобно земле, находятся к нему ближе земли и, следовательно, могут принимать различные положения между землею и солнцем. Одну из таких планет, хорошенькую утреннюю и вечернюю звездочку, *Венеру*, вы, вероятно, заметили. Убыль и прибыль этой звездочки мы не можем заметить простыми глазами, потому что и вся она кажется нам небольшою ярко-блестящею точкою. Но в телескоп, такую большую зрительную трубу, которую употребляют для того, чтобы рас-

сматривать очень отдаленные предметы, можно видеть, что Венера подвержена тем же переменам, как и луна.

Простыми глазами мы видим на луне какие-то пятна; но только в телескоп можно рассмотреть, что это такое за пятно. В сильный телескоп луна кажется нам такой величины, какою мы видели бы ее, если бы она отстояла от земли не на 350, а только на 30 тысяч верст. В такой телескоп видны на луне огромные горы, обширные долины, глубокие пропасти. Но, как доказывают ученые, на луне нет ни воздуха, ни воды, следовательно, на ней не только не могут жить животные и люди, но даже не может быть и растений, потому что для растений, как мы знаем, необходимы вода и воздух. Впрочем, мы видим только одну половину луны, другою же своею половиною луна никогда к земле не обращается.

ОТДЕЛ VIII

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И ПРИЗНАКИ РОДОВЫЕ

Отец. Ты, вероятно, не забыл, какие отличительные признаки лошади. Сын. У лошади цельные копыта. Отец. Но и у осла также цельные копыта. Сын. Но у осла уши длинны и хвост коровий. Отец. Следовательно, лошадь отличается от других видов лошадиного рода — хвостом и ушами. Но по каким признакам причисляешь ты лошадь к зверям лошадиного рода? Сын. Все звери лошадиного рода имеют цельные копыта. Отец. Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу к зверям, или млекопитающим? Сын. Потому, что жеребенок питается молоком матери. Отец. Следовательно, лошадь на всех млекопитающих похожа тем, что питает своих жеребят своим молоком; а отличается от других млекопитающих тем, что у нее цельные копыта. Те признаки, по которым один предмет отличается от других предметов того же рода как особый вид этого рода, называются *видовыми признаками*, а те признаки, по которым предмет причисляется к известному роду предметов, называются *признаками родовыми*. Скажи мне: к какому роду предметов относятся все искусственные предметы? Сын. К роду предметов телесных. Отец. Какой же видовой признак всякого искусственного предмета? Сын. Тот, что всякий искусственный предмет сделан человеком. Отец. Но какой же родовой признак всякого искусственного предмета, по которому ты причис-

ляешь его к роду предметов телесных? Сын. Всякий искусственный предмет есть тело, занимает известное место и имеет вес.

СУЩЕСТВО И ЯВЛЕНИЕ

Отец. Что ты так пристально смотришь на часы? Сын. Хочу подметить, как движется часовая стрелка. Движение минутной я, кажется, вижу. Отец. Это потому, что минутная движется быстрее часовой: движение же часовой стрелки слишком медленно, чтобы можно было его заметить. Но почему же ты убежден, что она движется? Сын. Потому что через полчаса она будет на другом месте. Отец. Мне приятно, что ты думаешь о том, что видишь. Но скажи мне, случалось ли тебе подметить, как краснеет вишня на дереве и как она из зеленой делается ярко-красною? Сын. Нет, потому что она краснеет очень медленно. Отец. Точно так же не можем мы заметить, как желтеет листок дерева; но, взглянув дня через два или три на листок, который мы видели зеленым, мы находим, что он уже пожелтел. Рост дерева нельзя заметить не только через день или два, но даже через месяц, хотя через несколько лет мы ясно видим, что дерево выросло. Чем медленнее совершается перемена признаков в каком-нибудь предмете, тем больше нужно времени, чтобы заметить эту перемену. Некоторые предметы изменяются до того медленно, что мало человеческой жизни для того, чтобы эту перемену подметить. Крепкое каменное здание кажется нам неизменным; но пройдет несколько сот лет, и оно разрушится. Этого мало: твердые скалы и высокие горы, которые кажутся нам вечными, тоже изменяются; но только изменяются в продолжение многих тысячелетий. Ученые люди доказывают, что песок образовался из скал, которые трескались и рассыпались от действия воздуха и воды; что твердый гранит был когда-то в жидком, а прежде даже в газообразном состоянии; что в течение многих веков образуются

новые горы, новые острова, новые земли; словом, что все на земле беспрестанно изменяется, и только один бог остается неизменным и вечным. Скажи же мне теперь, что мы назвали явлением? Сын. Мы назвали явлением перемену признаков в предмете. Отец. Но так как все телесные предметы изменяются, и все, что существует, беспрестанно, хотя многое и не заметно для нас, переменяет свои признаки, то не вправе ли мы сказать, что всякое существо есть в то же время явление; что весь мир, следовательно, есть одно безграничное и бесконечное явление. Но, как ты знаешь уже, всякое явление имеет свою причину...

Хрестоматия

ОТДЕЛ II

БАСНИ И РАССКАЗЫ В ПРОЗЕ

ПОДАРОК К НОВОМУ ГОДУ

— Павлуша (*с любопытством*). Что это там у тебя в переднике, Лиза? — Лиза. А тебе это очень нужно знать? — Павлуша (*шутя*). Покажи же, а не то я насильно посмотрю. — Лиза. Ничего там нет. — Павлуша. Неправда: ты что-то прячешь от меня. Покажи; пожалуйста, покажи! — Лиза. Не тронь; может быть, это подарок тебе к Новому году. — Павлуша. Как? что? подарок к Новому году? Покажи же, душечка-сестрица, покажи, что там такое (*хочет вырвать передник из рук сестры, но Лиза не дает*). Скажи, по крайней мере, что это такое? Верно, кошелек! Не правда ли, кошелек? — Лиза. Зачем тебе кошелек; разве я тебе не вывязала кошелька? — Павлуша. Что ж бы это было такое? Ах, знаю: ты связала мне шарфик! — Лиза. У тебя два шарфика, на что же тебе третий? — Павлуша. Как ты меня мучишь, сестрица! какая ты скрытная! — Лиза. Какой ты любопытный! — Павлуша. Знаю, знаю! Это верно, батюшка купил мне что-нибудь к Новому году; какая-нибудь игрушка? — Лиза. Может быть, батюшка и купил тебе что-нибудь; но ты знаешь, как он не любит, чтобы угадывали заранее его подарки. — Павлуша. Да я ему не скажу и в Новый год притворюсь, как будто ничего не знаю. — Лиза. Я и не знала, что ты умеешь так притворяться. Покажи же, как ты это сделаешь. — Павлуша. Уж сделаю как-ни-

будь; но помоги мне, пожалуйста, отгадать, что там у тебя такое. Что-нибудь *из царства растительного?* — Л и з а. Нет. — П а в л у ш а. *Из царства животного?* — Л и з а. Нет. — П а в л у ш а. *Из царства минерального?* — Л и з а. Нет. — П а в л у ш а. Теперь же я тебя поймал: конечно, нет в твоем переднике чего-нибудь *из царства духов*. — Л и з а. Конечно, нет! (*Опускает со смехом передник и показывает, что в руках у нее ничего нет.*) К какому царству принадлежит *ничто*? — П а в л у ш а. Ах, ты, плутовка! Зачем же ты так таинственно закрывала руки передником, как будто бы у тебя и бог знает что такое! — Л и з а. Мне просто холодно было без перчаток; а ты сам себя наказал своим любопытством. — П а в л у ш а. Хорошо! хорошо! но знаешь ли, что я скажу тебе, Лиза?.. В другой раз уже ты меня так не проведешь.

ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ

Папенька поставил на стол табакерку. — «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», сказал он. Миша был послушный мальчик; тотчас оставил свои игрушки и подошел к папеньке. Да уж и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, из черепахи. А что на крышке-то! Ворота, башенки, домик, другой, третий, четвертый — и счесть нельзя; и все мал-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотые, а листики на них серебряные; а за деревьями встает солнышко, и от него розовые лучи по всему небу.

— Что это за городок? спросил Миша.

— Это город *Динь-динь*, отвечал папенька и тронул пружинку... и что ж? Вдруг невидимо-где заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не мог понять; он ходил и к дверям — не из другой ли комнаты? и к часам — не в часах ли? и к бюро, и к горке; прислушивался то в том, то в другом месте; смотрел и под стол... наконец, Миша уверился, что музыка, точно, играла в табакерке. Он подошел к ней, смотрит; а из-за дере-

вьев солнышко выходит, крадется тихонько по небу, а небо и городок все светлее да светлее, окошки горят ярким огнем и от башенок будто сияние; вот солнышко перешло через небо на другую сторону, все ниже да ниже и, наконец, за пригорком совсем скрылось — и городок потемнел, ставни закрылись и башенки померкли, только не надолго; вот затеплилась звездочка, вот другая; вот и месяц рогатый выглянул из-за деревьев; и в городке стало опять светлее, окошки засеребрились и от башенок пошли синеватые лучи.

— Папенька! папенька! нельзя ли войти в этот городок? как бы мне хотелось!

— Мудрено, мой друг; этот городок тебе не по росту.

— Ничего, папенька, я такой маленький — только пустите меня туда; мне так бы хотелось узнать, что там делается...

— Право, друг мой, там и без тебя тесно.

— Да кто же там живет?

— Кто там живет? Там живут *колокольчики*. — С сими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? и колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса. Миша удивился.

— Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками? спрашивал Миша у папеньки.

А папенька отвечал: — Не скажу тебе, Миша; сам посмотри попристальнее, да подумай; авось-либо отгадаешь. Только вот этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.

Папенька вышел, а Миша остался над табакеркой. Вот он сидел-сидел над нею, смотрел, думал-думал: отчего звенят колокольчики?

Между тем, музыка играет да играет; вот все тише да тише, как будто что-то цепляется за каждую ножку, как будто что-то отталкивает один звук от другого; вот Миша смотрит: внизу табакерки под шалнером отворяется дверца, и из дверцы выбегает мальчик с золотою головкою и в стальной юбочке, останавливается на дороге и манит к себе Мишу.

«Да отчего же», подумал Миша, «папенька сказал, что в этом городке и без меня тесно; нет, видно, в нем живут добрые люди,— видите, зовут меня в гости; извольте, господа, извольте с величайшей радостью!»

С этими словами Миша побежал к дверце и с чрезвычайным удивлением заметил, что дверца ему пришлась точь-в-точь по росту. Как хорошо воспитанный мальчик, он почел долгом прежде всего обратиться к своему провожатому.

— Позвольте узнать, — сказал Миша, — с кем я имею честь говорить?

— Динь, динь, динь, — отвечал незнакомец: я *Мальчик-колокольчик*, житель этого городка. Мы слышали, что вам очень хочется побывать у нас в гостях, и потому решились просить вас сделать нам честь к нам пожаловать: динь, динь, динь; динь, динь, динь!

Миша учтиво поклонился; *Мальчик-колокольчик* взял его за руку, и они пошли. Тут Миша заметил, что над ними был свод, сделанный из пестрой тисненной бумажки с золотыми краями; перед ними был другой свод, только поменьше; потом третий, еще меньше; четвертый, еще меньше, и так все другие своды, — чем дальше, тем меньше, так что в последний, казалось, едва могла пройти головка его провожатого.

— Я вам очень благодарен за ваше приглашение, — сказал ему Миша: но не знаю, можно ли мне им воспользоваться; правда,здесь я свободно прохожу, но там дальше, посмотрите, какие у вас низенькие своды; там я, позвольте сказать откровенно, там я и ползком не пройду: я удивляюсь, как и вы под ними проходите...

— Динь, динь, динь! — отвечал Мальчик: пройдем, не беспокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. В самом деле, с каждым их шагом, казалось, своды подымались, и они всюду свободно проходили; когда же они дошли до последнего свода, тогда *Мальчик-колокольчик* попросил Мишу оглянуться назад. Миша оглянулся и что же увидел? Теперь тот первый свод, под который он подошел, входя в дверцы,

казался ему маленьким, как будто, пока они шли, он опустился.

Миша был очень удивлен. — Отчего это? спросил он у своего проводника.

— Динь, динь, динь! — отвечал проводник со смехом: издали всегда так кажется; видно, вы ни на что в даль со вниманием не смотрели; вдали все кажется маленьким, а подойдешь — большое.

— Да, это правда, — отвечал Миша, — я до сих пор не подумал об этом, и оттого вот что со мною случилось: третьего дня я хотел нарисовать, как маменька возле меня играет на фортепьяно, а папенька на другом конце комнаты читает книжку; только этого мне никак не удавалось сделать: тружусь, тружусь, рисую как можно вернее, а все на бумаге у меня выйдет, что папенька возле маменьки сидит и кресла его возле фортепьяно стоят; а между тем я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоит возле меня, у окошка, а папенька сидит на другом конце, у камина. Маменька мне говорила, что папеньку надобно нарисовать маленьким, — но я думал, что маменька шутит, потому что папенька гораздо больше ее ростом; но теперь вижу, что маменька правду говорила; точно, папеньку надобно было нарисовать маленьким, потому что он сидел вдалеке. Очень вам благодарен за объяснение, очень благодарен.

Мальчик-колокольчик смеялся изо всех сил. — Динь, динь, динь, как смешно! Динь, динь, динь, как смешно! Не уметь нарисовать папеньку с маменькой. Динь, динь, динь; динь, динь, динь!

Мише показалось досадно, что *Мальчик-колокольчик* над ним так немилосердно насмехается, и он очень вежливо сказал ему:

— Позвольте мне спросить у вас, зачем вы к каждому слову все говорите: динь, динь, динь?

— Уж у нас поговорка такая, — отвечал *Мальчик-колокольчик*.

— Поговорка? — заметил Миша: а вот папенька говорит, что очень не хорошо привыкать к поговоркам!

Мальчик-колокольчик закусил губы и не сказал более ни слова.

Вот перед ними еще дверцы; они отворились, и Миша очутился на улице. Что за улица! что за городок! Мостовая вымощена перламутром; небо пестренькое, черепаховое, по небу ходит золотое солнышко; поманишь его, — оно с неба сойдет, вокруг руки обойдет и опять поднимется; а домики-то стальные, полированные, крытые разноцветными раковинами, и под каждою крышею сидит *Мальчик-колокольчик*, с золотою головкою, в серебряной юбочке, и много их, много, а все мал-мала меньше.

— Нет, теперь уж меня не обманут! — сказал Миша: это так только мне кажется издали, а колокольчики-то все одинакие.

— Ан, вот и неправда! — отвечал провожатый: колокольчики не одинакие. Еслиб мы все были одинакие, то и звенели бы мы все в один голос, один, как другой; а ты слышишь, какие мы песни выводим; это оттого, что кто из нас побольше, у того и голос погуще; неужели ты и этого не знаешь! Вот видишь ли, Миша, это тебе урок; вперед не смейся над теми, у которых поговорка дурная; иной и с поговоркою, а больше другого знает, и можно от него кое-чему научиться!

Миша, в свою очередь, закусил язычок.

Между тем их окружили *Мальчики-колокольчики*, теребили Мишу за платье, звенели, прыгали, бегали...

— Весело вы живете! — сказал им Миша: век бы с вами остался; целый день вы ничего не делаете, у вас нет ни уроков, ни учителей — да еще и музыка целый день!

— Динь, динь, динь! — закричали колокольчики: уж нашел у нас веселье! Нет, Миша, плохое нам житье. Правда, уроков у нас нет; да что же в том толку? Мы бы уроков не побоялись! Вся наша беда именно в том, что у нас никакого нет дела. Нет у нас ни книжек, ни картинок; нет ни папеньки, ни маменьки,— нечем заняться; целый день играй да играй, а ведь это, Миша, очень, очень

скучно. Поверишь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотые деревья, но мы... мы насмотрелись на них вдоволь, и все это очень нам надоело; из городка мы ни пяди; а ты можешь себе вообразить, каково целый век, ничего не делая, просидеть в табакерке с музыкою.

— Да,— отвечал Миша,— вы говорите правду; это и со мною случается. Когда после ученья примешься за игрушки, то так весело; а когда в праздник целый день все играешь да играешь, то к вечеру сделается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься,— все не мило. Я долго не понимал, отчего это, а теперь понимаю.

— Да сверх того на нас есть другая беда, Миша,— у нас есть дядьки.

— Какие же дядьки? — спросил Миша.

— *Дядьки-молоточки*, — отвечали колокольчики, — уж какие злые! То и дело что ходят по городу, да нас постукивают; которые побольше, тем еще реже *тук-тук* бывает, а уж маленьким куда больно достается.

В самом деле, Миша увидел, что по улице ходили какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!

В самом деле, *Дядьки-молоточки* беспрестанно то по тому, то по другому колокольчику *тук да тук*, даже бедному Мише жалко стало. Он подошел к этим господам, очень вежливо им поклонился и с добродушием спросил: зачем они без всякого сожаления колотят бедных мальчиков? А молоточки ему в ответ:

— Прочь ступай, не мешай. Там в палате и в халате надзиратель лежит и стучать нам велит. Все ворочает, прицепляется. Тук, тук, тук! Тук, тук, тук!

— Какой это у вас надзиратель? спросил Миша у колокольчиков.

— А это г. *Валик* — зазвенели они: предобрый человек, день и ночь с дивана не сходит; на него мы не можем пожаловаться. Миша к надзирателю — смотрит: он в самом деле лежит на диване в халате и с боку

на бок переворачивается, только все лицом кверху. А по халату-то у него шпильки, крючечки видимо-невидимо; только-что попадется ему молоточек, он его крючком сперва зацепит, потом спустит, а молоточек-то и стукнет по колокольчику.

Только что Миша к нему подошел, как надзиратель закричал:

— Шуры-муры! кто здесь ходит? кто здесь бродит? Шуры-муры! Кто прочь нейдет? кто мне спать не дает? Шуры-муры, шуры-муры!

— Это я! — храбро отвечал Миша: я, Миша...

— А что тебе надобно? — спросил надзиратель.

— Да мне жаль бедных *Мальчиков-колокольчиков*; они все такие умные, такие добрые, такие музыканты; а по вашему приказанию дядьки их беспрестанно постукивают.

— А мне какое дело! Шуры-муры; не я здесь набольший. Пусть себе дядьки стукают мальчиков — мне что за дело! — я надзиратель добрый, все на диване лежу и ни за кем не гляжу... шуры-муры, шуры-муры...

— Ну, многому же я научился в этом городке! — сказал про себя Миша: вот еще иногда мне бывает досадно, зачем надзиратель с меня глаз не спускает! Экой злой! думал я — ведь он мне не папенька и не маменька; что ему за дело, что я шалю; знал бы сидел в своей комнате! Нет, теперь вижу, что бывает с бедными мальчиками, когда за ними никто не смотрит.

Между тем, Миша пошел далее — и остановился. Смотрит: золотой шатер с жемчужною бахромою, наверху золотой флюгер вертится, будто ветряная мельница, а под шатром лежит *Царевна-пружинка* и, как змейка, то свернется, то развернется и беспрестанно надзирателя под бок толкает.

— Зиц, зиц,— отвечала царевна, глупый ты мальчик! неразумный мальчик! на все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валик не толкала, валик бы не вертелся; кабы валик не вертелся, то он за молоточки бы не цеплялся; кабы за молоточки не цеплялся, молоточки бы

не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенели; кабы колокольчики не звенели, и музыки бы не было! Зиц, зиц, зиц!

Мише захотелось узнать, правду ли говорит Царевна: наклонился и прижал ее пальчиком — и что же? В одно мгновение пружинка с силою развилась, валик сильно завертелся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень — и вдруг пружинка лопнула; все умолкло, валик остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... тогда Миша вспомнил, что папенька не приказывал ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

— Что во сне видел, Миша? — спросил папенька.

Миша долго не мог опамятоваться — смотрит: та же папенькина комната, та же перед ним табакерка, возле него сидят папенька и маменька и смеются.

— Где же *Мальчик-колокольчик*? где *Дядьки-молоточки?* где *Царевна-пружинка*? — спрашивал Миша: так это был сон?

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты порядочно вздремнул; расскажи же нам, по крайней мере, что тебе приснилось?

— Да видите, папенька, — сказал Миша, протирая глаза: мне все хотелось узнать, отчего музыка в табакерке играет; вот я принялся на нее прилежно смотреть и разбирать, что в ней движется и отчего движется; думал, думал и стал уже добираться, как вдруг, смотрю, дверцы в табакерке растворились....

Тут Миша рассказал весь свой сон по порядку.

— Ну, теперь вижу, — сказал папенька, — что ты в самом деле понял, отчего музыка в табакерке играет; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механике*.

Дедушка Ириней.
(Кн. Одоевский.)

ВЕЛИКАН И КАРЛИКИ

Глава I

Житье-бытье великана и карликов

Лет тысяч пять или шесть тому назад, когда на белом свете водилось еще много различных чудес, жил был где-то очень далеко отсюда, посреди жаркой Африки, огромный великан. По соседству с великаном находилось целое царство удивительно маленьких человечков. Великана звали Антеем, маленьких человечков — Пигмеями. Антей и Пигмеи были детьми одной и той же матери, нашей общей старой бабушки — земли. Они считались братьями и жили дружно, по-братски. Пигмеи были такие крошки, жили за такими пустынями и горами, что не удивительно, если и в сотни лет ни одному человеку не пришлось ни разу увидать их. Великана, правда, можно было бы рассмотреть и за сотни верст, но благоразумие приказывало держаться от него подальше.

Пигмей в пять или шесть вершков росту считался между Пигмеями великаном. Из этого вы можете судить, какие это были маленькие человечки. Приятно было бы посмотреть на маленькие города Пигмеев, где улицы были шириною в пять или шесть четвертей, мостовые из крошечных камешков, а самый большой дом не больше беличьей клетки. Дворец пигмейского короля был очень велик,— выше даже нашего стула! Стоял он посредине такой обширной площади, что ее, может быть, не закрыть бы и заслонкой из кухонной печи. Главный пигмейский храм был величиною с детский комод, и Пигмеи смотрели с гордостью на это величественное здание. Вообще Пигмеи были очень искусные строители и строили свои дома почти так же, как птички вьют свои гнезда: из соломы, перьев, яичных скорлупок и других не слишком тяжелых материалов. Все это скреплялось, вместо извести, вишневым клеем, и когда такое величественное здание высыхало на солнце, то карлики находили его и красивым и удобным.

Вокруг пигмейского города расстилались поля. Самое большое из них было не больше нашего цветника. На этих полях маленькие человечки садили пшеничные, ячменные и ржаные зерна, и когда из этих зерен вырастали колосья, то для Пигмеев казались они огромными деревьями. На жатву трудолюбивые крошки выходили с топориками и безустали рубили зрелые колосья, как рубим мы сосны и березы. Случалось иногда, что неосторожно срубленный колос с тяжелой головкой падал на Пигмея, и всякий раз из этого выходила весьма неприятная история: если Пигмей и оставался жив, то, по крайней мере, долго стонал и охал. Вот каковы были отцы и матери Пигмеев: представьте же себе, каковы у них были детки! Целая толпа пигмейских ребятишек могла бы очень удобно расположиться спать в нашем башмаке, или играть в жмурки в старой перчатке; годового пигмейчика вы без труда накрыли бы наперстком.

Забавные малютки, как я уже сказал, жили по соседству с великаном. А великан был действительно великан! Отправляясь гулять, он вырывал целую сосну сажен в десять высотою и помахивал ею, как мы машем тросточкою. Самый зоркий Пигмей без подзорной трубы не мог видеть ясно головы Антея. Иногда же, в туманную погоду, Пигмеям видны были только страшные ножища великана, которые двигались будто сами собою. Но в ясный день, когда солнышко блистало ярко, Антей шутил с Пигмеями очень мило: стоит, бывало, подбоченясь, гора горою, и его широкое лицо ласково улыбается маленьким братцам, а единственный глаз, величиною в каретное колесо, торчавший у Антея посреди самого лба, дружески мигает разом всему пигмейскому народу. Пигмеи любили поболтать со своим братцем. Иной пятьдесят раз на день подбежит, бывало, к ногам великана, задерет кверху головку, приложит кулак ко рту и закричит, как в трубу, изо всей мочи: — «Го-го, братец Антей! Как поживаешь, мой милый?» И если тоненький писк достигал до слуха великана, то он, бывало,

непременно ответит: «Спасибо, братец Пигмей, живу помаленьку», но ответит так, что даже пигмейские дома задрожат.

Большим счастьем было для Пигмеев, что Антей был с ними дружен. Если бы он так же злился на них, как злился на всякое другое живое существо, то одним пинком мог бы он перевернуть все их царство кверху ногами; стоило ему ступить на пигмейский город и следа бы его не осталось. Но Антей любил своих крохотных братцев, насколько мог любить такой грубый великан, а они платили ему такою любовью, какая только могла поместиться в их крошечных сердечках. Великан как добрый брат и хороший сосед не раз оказывал Пигмеям большие услуги. Если ветряные мельницы их переставали вертеться за недостатком ветра, то стоило только Антею подышать на крылья, и мельницы принимались молоть; жгло ли крошек солнце слишком сильно, Антей садился на землю и тень его закрывала все их царство из конца в конец; но вообще Антей был довольно умен, чтобы не мешаться в дела крошек, и предоставлял им самим управляться, как знают.

Пигмеи жили недолго, жизнь Антея была длинна, как его тело. Много пигмейских поколений сменилось на глазах Антея. Самые почтенные и седые Пигмеи не слыхали от своих предков, когда началась их дружба с Антеем. Никто из Пигмеев не помнил, чтобы они когда-нибудь ссорились с громадным братом. Дружба их шла ненарушимо с незапамятных времен. Однажды только Антей по неосторожности сел разом на пять тысяч Пигмеев, собравшихся на великолепный парад. Но это было одно из тех печальных событий, которых никто не может предвидеть, а потому Пигмеи не рассердились на Антея и только попросили его, чтобы вперед он осторожнее выбирал место, где ему захочется усесться; на месте же печального события Пигмеи воздвигнули пирамиду четверти в три вышиною.

Приятно было думать, что существа, столь различные по величине, питали друг к другу такую нежную

братскую любовь. Эта дружба была счастьем для Пигмеев, но она была также счастьем и для великана. Может быть, Пигмеи были даже нужнее своему длинному братцу, чем он Пигмеям. Не будь у Антея его маленьких братьев, и у него решительно не было бы ни одного друга в целом мире. В целом мире не было ни одного великана, похожего на Антея, и когда Антей стоял, как громадная башня, а голова его уходила в облака, то он был страшно одинок. Да и нрава Антей был неуживчивого: встреться он с подобным ему великаном, то, вероятно, начал бы с ним драку не на живот, а на смерть. Им вдвоем показалось бы тесно жить на белом свете. Но с Пигмеями Антей был самым добродушным, ласковым великаном.

Маленькие приятели Антея, как вообще все маленькие люди, были о себе очень высокого мнения и, говоря о великане, принимали покровительственный тон.— «Бедное, доброе созданье»,— говорили они об Антее,— «пропал бы он без нас, бедняга! Ему одному, должно быть, ужасно как скучно. Уделим же минутку нашего драгоценного времени и позабавим милого дружка. Поверьте, что он очень нуждается в нас и далеко не так весел, как мы. Спасибо матушке-земле, что она не создала нас такими же великанами!»

По праздникам Пигмеи превесело играли с Антеем. Он, бывало, растянется на земле и займет собою такое пространство, что для коротенького Пигмея пройти от Антеевой головы до его ног было весьма порядочной прогулкой. Крошечные человечки весело перепрыгивали у него с пальца на палец, смело запрятывались в складки его одежды, взбирались к нему на голову и не без ужаса заглядывали в его широкий рот — страшную пропасть, куда могли бы провалиться сотни две Пигмеев разом. Дети играли в прятки в волосах и бороде Антея, а большие держали пари, кто скорее обежит вокруг его единственного глаза. Иные молодцы со всего размаха даже прыгали с носа Антея на его верхнюю губу.

Говоря откровенно, Пигмеи иногда препорядочно

надоедали своему братцу, как надоедают нам мухи и комары, но Антей принимал их шутки очень добродушно. Смотрит-смотрит, бывало, на все их проказы и расхохочется. Да так расхохочется, что весь пигмейский народ закроет себе уши, чтобы не оглохнуть.

— Хо, хо, хо! — проревет Антей, колыхаясь, как огнедышащая гора при извержении,— право недурно быть таким крошкой, и не будь я Антеем, я пожелал бы быть Пигмеем!

Счастливо жили Пигмеи, но была и у них своя забота. Они вели постоянную войну с журавлями и эта война тянулась так долго, что и великан даже не помнил, когда она началась. Страшные битвы происходили по временам между маленькими человечками и журавлями! Величественны были Пигмеи, когда верхом на белках, кроликах, крысах и ежах, вооружившись мечами и копьями, луками и стрелами, трубя в трубы, сделанные из соломинок, с громким *ура*! кидались в битву. При этих случаях, пигмейские полководцы, возбуждая воинов к битве, не раз говорили им: «помните, Пигмеи, что весь мир смотрит на вас!» Хотя, правду говоря, смотрел на них единственный, несколько глуповатый глаз Антея.

Когда обе враждебные армии сходились к битве, то журавли кидались вперед и, махая крыльями, вытягивая шеи, старались выхватить кого-нибудь из пигмейских рядов своими длинными носами. Грустно было видеть, как иногда маленький человечек, барахтаясь, дрыгая ножками, исчезал мало-помалу в длинном журавлином горле. Но герой, как вы знаете, должен быть готов к случайностям всякого рода, и, без сомнения, слава утешала Пигмея даже в журавлином зобу. Если Антей замечал, что битва становится уже слишком жарка и что его маленьким приятелям приходится плохо, то он только махнет, бывало, своей дубиной и журавли с криком, перегоняя друг друга, убираются восвояси. Тогда пигмейская армия возвращалась домой с торжеством, конечно, приписывая победу

своей собственной храбрости и искусству своих полководцев. Долго после того по улицам пигмейских городов ходили торжественные процессии, горели блестящие иллюминации и фейерверки, задавались великолепные публичные обеды, выставлялись статуи героев во весь их маленький рост. Если же какому-нибудь Пигмею удавалось вытащить перо из журавлиного хвоста, то это перо гордо колыхалось на его шляпе; за три, за четыре такие пера храбрец делался даже предводителем пигмейской армии.

Так-то жили и благоденствовали маленькие Пигмеи возле своего громадного брата, и дружба их, может быть, продолжалась бы и до сих пор, если б не случилось одного печального происшествия, о котором я расскажу вам в следующей главе.

Глава II

«Нашла коса на камень»

Однажды в праздник Антей отдыхал, растянувшись на земле во весь свой рост; голова его лежала на одной границе Пигмейского государства, а ноги далеко выходили за другую. Маленькие человечки кучами лазили по нем, карабкались к нему на голову, заглядывали к нему в рот, играли в прятки в его волосах. По временам великан дремал, и храп его раздавался подобно порывам бури. В такую сонную минуту один пигмейский храбрец взобрался на самый лоб Антея и оттуда, как с высокой башни, любовался окрестностью. Вдруг видит Пигмей вдали что-то такое странное, небывалое — смотрит, смотрит и не верит глазам своим! Сначала Пигмею показалось, что вдали стоит гора на том месте, где ее прежде не было. Но скоро он убедился, что эта гора движется. Еще прошло минуты две, и Пигмей с изумлением увидел, что это вовсе не гора, а огромный человек, не такой, правда, огромный, как Антей, но все же довольно велик для того, чтобы показаться Пигмею страшилищем, да и мы бы назвали незнакомца человеком громадного роста.

Пигмей страшно перетревожился. Сначала он не знал, что ему делать, но потом спустился проворно к уху великана, влез туда, как в пещеру, и закричал что было мочи:

— Го, го! братец Антей: вставай, проворнее вставай! Бери свою дубину, сюда идет другой великан и, должно быть, хочет драться с тобою!

— Эй, братец, перестань! — промычал Антей: оставь дурачиться, я спать хочу. Какие там великаны? прибавил Антей и задремал снова.

Но Пигмей не успокоился: взглянул опять туда, где видел чужого великана, и с ужасом заметил, что он уж очень недалеко, так что можно было ясно рассмотреть его лицо и одежду. На голове у незнакомца был золотой шлем, а латы его ярко блистали на солнце. Он был опоясан широким мечом, львиная шкура развевалась у него на плечах, в одной руке держал он громадную палицу, которая, казалось, была даже тяжелее Антеевой сосны. Теперь уже и весь Пигмейский народ заметил громадного незнакомца, и целый миллион маленьких голосков завопил разом: — Вставай, Антей! проснись, лентяй! Идет другой великан, такой же сильный, как ты, и хочет биться с тобою!

— Вздор, пустяки!— мычал сквозь сон Антей: пусть там идет себе, кто хочет.

Но в это время незнакомый богатырь подходил все ближе и ближе, и Пигмеи видели теперь совершенно ясно, что если он ростом и поменьше Антея, зато в плечах гораздо будет пошире. О, как страшно широки были эти плечи! Пигмеи были преживой, пребойкий народец, гораздо сметливее их тяжелого, глуповатого братца,— и вот они принялись кричать в один голос, толкали Антея чем ни попало и даже кололи своими маленькими мечами его толстую кожу.

— Вставай же! вставай! вставай! — кричали они: поднимай свои ленивые кости! Посмотри, что за палица у незнакомца, гораздо тяжелее твоей, посмотри, что у него за богатырские плечи, гораздо шире твоих.

Антей никогда не мог слышать хладнокровно, что есть где-нибудь существо равное ему по силе. С досадою, нехотя, стал он просыпаться; зевнул раза три, открывши при этом рот сажени на две; потом протер глаза и, наконец, повернул-таки башку в ту сторону, куда указывали ему его маленькие друзья... Но едва увидел он незнакомца, как в ту же минуту вскочил на ноги, схватил свою сосну и, страшно потрясая ею в воздухе, зашагал навстречу незнакомцу.

— Ты кто такой? — прогремел великан: что тебе здесь нужно? Зачем тебя несет сюда, в мои владения?

Я не сказал вам, дети, еще об одной странности, которая водилась за Антеем,— не сказал именно потому, что, услыхав от меня о стольких чудесах разом, вы бы, пожалуй, мне и не поверили. Знайте же, что всякий раз, как этот страшный великан дотрагивался до земли, силы его увеличивались вдесятеро. Мать его — земля, как вы видите, очень любила и берегла своего неуклюжего сына.

К счастью еще, Антей был ленив и не любил двигаться. Не дай бог, еслиб он прыгал и вертелся, как Пигмей, он наверное обрушил бы тогда небо на нас, бедных жителей земли. Но, к счастью, этот неуклюжий малый был громаден, как гора, и почти так же, как она, неподвижен.

Нет сомнения, что всякий другой человек перепугался бы до полусмерти, взглянув на свирепое лицо разъяренного великана, но стоявший перед ним незнакомый богатырь, видно, был не трусливого десятка и едва ли даже знал, что такое страх. Он, преспокойно играя своей палицей, измерял Антея глазами с головы до ног и даже не показал очень большого удивления: казалось, незнакомец видал прежде много великанов даже побольше Антея.

— Говори же, кто ты такой? — заревел Антей снова: как тебя зовут и что тебе здесь нужно? Отвечай сию минуту, бродяга, а не то я попробую своей тросточкой, толста ли у тебя кожа.

— Ты, как я вижу, большой невежа, — отвечал незнакомец очень спокойно: и мне, вероятно, придется поучить тебя учтивости. Ты хочешь знать мое имя?... пожалуй! зовут меня Геркулесом, а иду я в Гесперидские сады за золотыми яблоками.

Услышав имя Геркулеса, Антей рассвирепел еще пуще: даже и в африканскую пустыню достиг к Антею слух о страшной силе, необыкновенном мужестве и чудесных подвигах Геркулеса. Антей же, как вы знаете, не мог сносить равнодушно, чтобы, кроме него, были на свете и другие сильные существа.

— Так знай же, бродяга! — заревел Антей, что ты не пойдешь далее, да и назад не воротишься.

— А как же ты помешаешь мне,— спросил Геркулес,— идти, куда мне угодно?

— Да вот как: дам тебе отведать, вкусна ли моя сосенка! — прокричал великан с злобным хохотом. В эту минуту Антей был действительно отвратительнейшим чудовищем.— Разве ты не знаешь,— продолжал он,— что я в десять, во сто раз сильнее тебя и что мне стоит только поставить ногу на землю, чтоб быть в тысячу раз сильнее? Мне стыдно убивать такое ничтожное существо, как ты, и я хочу живого отдать тебя вместо игрушки моим братьям, Пигмеям. Клади же свою дубину, снимай свой шлем и подай сюда твою львиную кожу: я сделаю себе из нее пару перчаток!

— Приди и сам сними ее с моих плеч,— отвечал Геркулес, подымая палицу.

Скрежеща от ярости зубами, двинулся великан на Геркулеса и занес над ним свою сосну, но Геркулес был гораздо ловче Антея: отвел грозивший ему удар своею палицею и, в свою очередь, так метко хватил Антея по громадной башке, что он, как тяжелая башня, рухнулся на землю. Бедным маленьким Пигмеям и во сне никогда не снилось, чтобы кто-нибудь мог быть сильнее Антея, увидя же такой удар, они не на шутку перепугались за своего неуклюжего брата. Но Антей быстро поднялся с земли и, ставши в десять раз сильнее прежнего, с бешен-

ством кинулся на Геркулеса. Он страшно замахнулся на богатыря своею сосною, но, ослепленный яростью, не попал, куда метил, и ударил в свою же невинную мать-землю, так что та застонала и задрожала. Пока Антей вытаскивал сосну, которая вошла в землю очень глубоко, Геркулес успел ударить его снова палицею между плеч. Великан испустил страшный, оглушительный крик — такой крик, что его, как я думаю, можно было слышать даже по ту сторону африканских степей: от одного сотрясения воздуха при этом крике пигмейская столица превратилась в развалины. Но, вытащив свою сосну, Антей снова стал в десять раз сильнее прежнего — и снова кинулся на Геркулеса.

В этот раз Геркулес так ловко подставил свою дубину, что Антеева сосна, ударившись о нее, разлетелась на тысячи кусков. Воспользовавшись этим обстоятельством, Геркулес снова свалил с ног Антея; но снова только сделал его в десять раз сильнее прежнего. Нужно ли говорить, какая ярость кипела в душе великана? Единственный глаз его сверкал, как раскаленный докрасна круг железа. У Антея не было уже оружия, но оставались еще два кулака, каждый с доброго кабана величиною. Размахивая руками, с пеной у рта, снова кинулось разъяренное чудовище на Геркулеса.

— Погоди же! Вот я тебя! — проревел Антей, не помня себя от бешенства.

Тут Геркулес увидал, что ему не справиться с Антеем, если он будет попрежнему сбивать его с ног. Каждый раз гигант делается сильнее и может, наконец, сделаться сильнее самого Геркулеса. Геркулес был не только силен, но и умен. Он бросил палицу, с которою одержал столько удивительных побед, и приготовился встретить Антея грудь грудью.

— Пожалуй! — закричал он чудовищу: сосна твоя сломалась, попробуем же, кто из нас борется лучше.

— О! Теперь ты уж от меня не уйдешь! — проревел обрадованный великан, который считал себя лучшим борцом в целом свете: давай бороться, я закину

тебя туда, откуда ты уже во веки веков не вылезешь.

Началась страшная борьба. Геркулес, уловив удобную минуту, схватил Антея посредине тела и поднял его над землею. О, какая это была картина! Громадный великан, поднятый на воздух, болтал своими длинными руками и ногами и изворачивался всем своим неуклюжим телом, как маленький ребенок, которого отец поднимает до потолка. Но как только Антей был оторван от земли, силы его начали пропадать. Геркулес скоро заметил, что враг его становится все слабее и слабее, бьется и вертится все тише и тише и, наконец, уже не кричит, а только хрипит: чудовище издыхало. Отделенный от земли, великан не мог прожить и пяти минут: умный Геркулес отгадал эту тайну и одолел гиганта, который казался неодолимым.

Когда великан перестал дышать, Геркулес бросил его бесчувственное тело на землю. Теперь уже и мать сырая земля не могла воскресить своего бездыханного сына. Я полагаю, что громадный остов Антея и в настоящее время лежит на том же самом месте, где бросил его Геркулес. Но если путешественники видели этот остов, то, вероятно, приняли его за кости какого-нибудь громадного допотопного животного.

Глава III

Месть Пигмеев за брата

О, какой жалобный стон подняли бедные Пигмеи, увидав, что сделал незнакомец с их громадным братом! Надобно полагать, что даже Геркулес слышал эти отчаянные крики, но, вероятно, подумал, что это пищали какие-нибудь птички, спугнутые с гнезд стуком оружия и криками Антея.

Геркулес устал: он шел издалека и битва его утомила. Ему захотелось спать, и он, не долго думав, сбросил с плеч на землю свою львиную шкуру и преспокойно на ней улегся.

Пигмеи еще более были оскорблены таким равнодушным презрением пришельца и, убедившись, что он заснул, собрались на народное совещание. Громадная толпа маленьких человечков покрывала собою площадь аршин в 30 квадратных. Один из красноречивейших пигмейских ораторов, который так же искусно действовал языком, как и оружием, взобрался на первый попавшийся красивый мухомор и оттуда повел речь к окружавшей его толпе сограждан.

— Великие Пигмеи, великие маленькие люди,— говорил он: мы все видели, какое страшное общественное бедствие разразилось над нами и какое кровавое оскорбление нанесено величию нашего народа! Взгляните: там лежит Антей, наш друг и брат! Убит, убит в границах нашего государства! Убит ничтожным пришлецом, который застал его врасплох и сражался с ним... Но разве это убийство можно назвать сражением!? О таком сражении не слыхал до сих пор никто: ни великан, ни Пигмей. И теперь, довершая злодейство оскорблением, убийца улегся спать посреди нас так же спокойно, как будто бы он и не заботился о нашем мщении. Подумайте, великие Пигмеи, что заговорит о нас свет, что скажет беспристрастная история, если мы оставим неотомщенным это чудовищное, неслыханное оскорбление? Антей был брат наш, сын нашей матери, от которой мы получили наше тело и наши храбрые сердца; он знал это — и гордился нашим родством! Он был нашим верным союзником и пал, сражаясь за свою честь и за наши народные права. Мы и наши предки жили с ним в дружеских сношениях с незапамятных времен. Вспомните, как часто весь наш великий народ отдыхал под тенью Антея! Вспомните, как наши малютки, играя, прятались в кольцах его волос! Вспомните, как осторожно двигалась между нами его могучая стопа! А теперь, этот добрый брат, этот тихий и ласковый друг, этот храбрый и верный союзник наш, этот добродетельный великан, этот безукоризненный Антей — убит, убит! Лежит бездыханный, бесчувственный, неподвижный, как гора!

О, простите! Слезы невольно льются у меня из глаз, но я вижу, что и ваши глаза также оросились слезами, и не стыжусь плакать. Может ли, смеет ли обвинить нас мир, если мы затопим его нашими слезами?!

— Но к делу!.. — продолжал оратор: не слезы, нет, не слезы, но месть должна быть утешением героев. Великие Пигмеи! Неужели мы стерпим это оскорбление? Неужели мы позволим вероломному чужестранцу уйти безнаказанно из нашего государства, уйти в далекие страны и там хвалиться своим подвигом? Не должны ли мы заставить его сложить свои кости там же, где лежит труп нашего друга и брата? Пусть остов этого злодея вечно свидетельствует миру о силе пигмейской мести. Месть, месть! Я уверен, что решение этого собрания будет достойно нашего народного характера и увеличит, а не уменьшит ту славу, которую передали нам наши предки и которую мы так доблестно поддержали в наших битвах с журавлями!

Речь оратора была прервана взрывом рукоплесканий. Толпа единодушно вопила, что народная честь должна быть спасена. Успокоивши слушателей движением руки, оратор продолжал.

— Теперь нам остается только решить вопрос: будем ли мы сражаться целым народом против нашего общего врага или кто-нибудь один из нас будет избран вызвать на поединок убийцу нашего милого брата? О, как бы радовался я, если бы эта великая честь пала на меня! И поверьте мне, сограждане, что какая бы судьба меня ни ожидала, я не уроню чести нашей родины, чести, завещанной нам нашими храбрыми предками. Никогда, никогда! Если бы даже злодейская рука, убившая великого Антея, уложила и меня на ту же родную землю, на защиту которой я отдаю жизнь мою!

При этих словах мужественный Пигмей выхватил свой страшный меч, величиною с перочинный ножик, и далеко отбросил от себя ножны. Восторженные крики и рукоплескания были ответом оратору; страшный шум продолжался бы долго, еслиб в эту минуту он не был

заглушен сильным дыханием или, попросту, храпом спящего Геркулеса.

После короткого совещания о том, как действовать против общего врага, все воины пигмейского народа взялись за оружие и мужественно двинулись на Геркулеса. А он, несчастный, продолжал спать очень крепко, не видал даже и во сне, какие беды готовятся ему Пигмеями. Впереди шел двадцатитысячный отряд стрелков, наложив стрелы на тетивы, за этим отрядом шел другой, который, вместо оружия, нес лопаты, связки сена и разный мусор: эти храбрецы должны были выкопать глаза Геркулесу и, заткнув ему чем попало рот и ноздри, задушить злодея. Но вихрь, выходящий из носа и рта неприятеля, уносил храбрых воинов, как ураган, что помешало им исполнить возложенное на них поручение.

После такой неудачи Пигмеи держали снова военный совет, на котором было решено сжечь Геркулеса живым. Тысячи пигмейских воинов, работая из всех сил, наносили сучьев, соломы, хворосту и обложили им голову Геркулеса. Между тем, пигмейские стрелки стали в таком расстоянии, чтобы пустить в лицо неприятеля, как только он проснется, целую тучу стрел. Когда все было готово, принесли горящую головню и подожгли хворост. Сильное пламя мигом вспыхнуло, и неприятель непременно бы сгорел, если б остался лежать на месте. Пигмеи, как вам известно, хоть и маленькие люди, но могут точно так же наделать пожару, как и самый большой человек. Но как только Геркулес почувствовал, что его начинают жарить, то вскочил на ноги в ту же минуту и стал тушить свои волосы, которые уже горели.

— Это что еще значит? — закричал он, с изумлением осматриваясь вокруг и не замечая никого.

В эту минуту двадцать тысяч стрел, жужжа, как рой комаров, понеслись прямо в лицо неприятеля, но я полагаю, что немногие из них пробили кожу богатыря, которая, как и следует быть богатырской коже. была очень толста.

— Злодей! — крикнули в это время все Пигмеи разом: ты убил нашего великого брата и союзника, мы объявляем тебе кровавую войну на жизнь и смерть, войну до тех пор, пока не положим тебя на месте!

Геркулес в это время уже успел потушить свои волосы и до слуха его достиг крик миллиона тоненьких голосков. С удивлением осматривался он вокруг, но никого не видал. Наконец, уже случайно взглянул он на землю и заметил, что у ног его копошатся тысячи крошечных созданий. Геркулес видел множество чудес, но таких маленьких людей еще никогда не видал. Он нагнулся, поймал пальцами одного из Пигмеев и, поставив его к себе на ладонь, поднес к глазам, чтобы рассмотреть поближе, что это было такое. Случилось, что этот Пигмей был тот самый красноречивый оратор, который, как вы помните, говорил такую геройскую речь с верхушки мухомора и просил позволения у народа вызвать Геркулеса на поединок.

— Что же ты такое, мой маленький приятель? — спросил Геркулес, с удивлением рассматривая крошечное существо, стоявшее на его широкой ладони.

— Кто я?.. я враг твой! — отвечал мужественный Пигмей: ты убил великана Антея, нашего брата и друга, верного союзника нашего великого народа. Мы решились отмстить тебе и я — я вызываю тебя на смертный бой! Мужественный писк Пигмея и воинственный вид этого крошечного существа, так храбро стоявшего на ладони, поразили Геркулеса. Он разразился громовым хохотом и едва-едва не задушил маленького храбреца, невольно сжимая руку в припадке судорожного смеха.

— Клянусь честью, это чудо из чудес! — вскричал богатырь: я видел гидру с девятью головами, оленей с золотыми рогами, шестиногих людей, трехголовых собак, но здесь, на моей ладони, стоит чудо, превосходящее все, что я только видел. Твое тело, приятель, меньше моего мизинца, но какова же должна быть твоя душа?

— Она так же велика, как твоя! — отвечал Пигмей спокойно и с достоинством. Геркулес был тронут непобедимым мужеством крошечного существа и не мог не почувствовать к нему того уважения, какое невольно чувствует один герой к другому.

— Мой храбрый маленький народ! — сказал Геркулес, осторожно опустив храбреца на землю и отдавая низкий поклон великой нации: ни за что в мире не решился бы я с намерением оскорбить таких храбрых маленьких людей, как вы. Ваши сердца мне кажутся такими великими сердцами, что я решительно не понимаю, как они могут поместиться в таких маленьких телах. Я прошу у вас мира с тем условием, чтобы мне позволено было сделать пять шагов и на шестом очутиться вне пределов вашего государства. Прощайте! Я постараюсь ступать осторожнее, чтобы не раздавить кого-нибудь из вас, что было бы мне очень прискорбно. Но и вы, с своей стороны, потрудитесь посторониться. Го, го, го, го, го, посторонитесь! Я в первый раз признаю себя побежденным!

Некоторые из писателей говорят, будто Геркулес забрал всю великую нацию Пигмеев в свою львиную кожу, принес их домой в Грецию и отдал, вместо игрушки, детям короля Эрисфена, но это ошибка: Геркулес не тронул ни одного из Пигмеев и оставил их там же, где они жили. Может быть, потомки их и теперь продолжают попрежнему жить на том же самом месте, попрежнему строят свои маленькие города, попрежнему обрабатывают свои маленькие поля, убаюкивают своих крохотных детей, дают свои маленькие сражения журавлям, пишут и читают маленькие истории своих великих подвигов. В этих историях пишется, может быть, что много-много столетий тому назад мужественные Пигмеи отомстили за смерть своего брата и друга, великана Антея: принудили славного и могущественного Геркулеса признать себя побежденным и обратили его в бегство.

Методические статьи и материалы ко второму изданию „Детского мира"

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ «ДЕТСКОГО МИРА» [8]

Первое издание «Детского мира» разошлось в продолжение шести месяцев, так что, приступая ко второму, я не мог воспользоваться вполне указаниями педагогического опыта; но тем не менее, руководствуясь сделанными мне словесно и печатно замечаниями, я старался исправить некоторые ошибки и пополнить пропуски. Вместе с тем я желал сделать книгу мою доступною и для самых небогатых училищ, тем более, что Министерство народного просвещения допустило ее к употреблению в уездных училищах и первых четырех классах гимназий. С этой целью я сделал в ней следующие перемены:

1) разделил ее на две части, что дает ученикам возможность приобретать от учебных заведений одну часть за другой;

2) увеличил число рисунков, поместив четыре таблицы вместо одной;

3) вместо отрывков из русской истории как образчиков слога я поместил новый отдел — «Рассказы из русской истории», отчасти руководствуясь для них летописью, отчасти рассказами, составленными по летописям же г. Соловьевым; взял некоторые отрывки из истории Карамзина и пр. (Если исторические рассказы могут быть помещены в детской книге, то разве только в наивной летописной форме. К сожалению, в такой форме могут быть переданы только события древнейшей нашей истории);

4) поместил примерные таблицы для руководства детей при рассказах прочитанного, заменив ими отчасти прежние статьи «Кунсткамера», слишком утомительные в чтении;

5) прибавил много новых статей, особенно по географии;

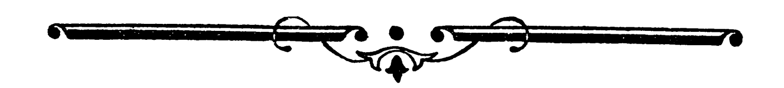
6) многие статьи сократил, другие совершенно переделал и уяснил;

7) назначил более дешевую цену.

К. Ушинский.

1861 г. 15 июня

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА» (2-е изд.)[9]

Отдел IV. ЖИВОТНЫЕ БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ

Отдел V. О РАСТЕНИЯХ

Отдел VI. ТЕЛА НЕОРГАНИЧЕСКИЕ

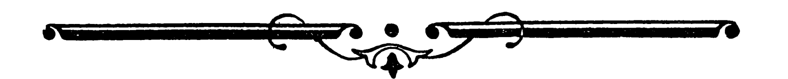
ХРЕСТОМАТИЯ

Отдел I. БАСНИ И РАССКАЗЫ В ПРОЗЕ

Отдел II. СТИХИ

Лисица и осел (Крылова)
Песня бедняка (Жуковского)
Утро (Никитина)
Трудолюбивый медведь (Крылова)
Свинья под дубом (его же)
Волк и кот (Крылова)
Листы и корни (его же)
Всенощная в деревне (Аксакова)
Молитва дитяти (Никитина)
Урок (Беранже, перев. Курочкина)

ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА» [10]

(для преподавателей)

В первом издании «Детского мира» при каждой статье в оглавлении было объяснено, для какой цели помещена статья; но это оказалось не совсем удобным, так как оглавление должно служить и для учеников. Вот почему мы решились поместить эти примечания при предисловии, которое может быть отделено от книги.

Во втором издании статьи, различные, по крайней мере, в первой части, размещены почти в том порядке, в котором они должны читаться в классе, так как мы слышали от многих, что размещение их в научной системе затрудняло при преподавании.

Статья 1-я «*Дети в роще*» (стр. 1) назначена для того, чтобы дать преподавателю случай при чтении совершенно легонькой статейки установить первоначальный порядок в классных чтениях. Одна или две из первых прозаических басен «Хрестоматии» могут служить для той же цели. За каждым параграфом, на которые разделена первая статья, следует остановиться и спросить у детей отчета в том, что они прочли. По прочтении всего рассказа можно потребовать от детей, чтобы они перечислили всех животных, в нем упоминаемых, сказали, чем было занято каждое животное и что оно говорило. Само собой разумеется, что эти вопросы должны относиться не к тому только, кто читает вслух, но и к прочим ученикам; причем вопрос должен быть сначала высказан преподавателем ясно и громко, а потом на-

звана фамилия того, кто должен на него ответить. При первом же уроке следует установить правило, чтобы дети отвечали не одним словом, а целым небольшим предложением, повторив в ответе вопрос учителя. Вопросы, сообразуясь с этой целью, должны быть даваемы очень осмотрительно, имея уже в виду ответ. Для начинающих преподавать мы бы советовали записывать вопросы, потому что от них зависит самый результат урока. Письменные упражнения при этом первом уроке могут состоять в том, что дети напишут названия животных, принимающих участие в басне, или (если дети пишут уже не слишком медленно) в том, что дети дадут письменный ответ на письменный же вопрос, выставленный учителем на доске, причем ученикам придется только переставить два-три слова в вопросе и прибавить одно или два новые.

Второй рассказ «*Дети в училище*» (стр. 2) назначен для того, чтобы дать ученикам возможность осмотреться в классе, узнать назначение в нем каждой вещи и уяснить себе требования класса. Гораздо лучше, если чтение этой статьи будет только *заключением* или *повторением* нескольких словесных бесед с учениками о классе, находящихся в нем предметах и классных требованиях. Для руководства преподавателем в этих первых беседах о классе мы можем рекомендовать известное сочинение знаменитого германского педагога Дистервега «*Начатки детского обучения*», которое в сокращенном виде издается в русском переводе при июльской и августовской книжке «Журнала министерства народного просвещения». После таких предварительных бесед о классе дети не только изложат (конечно, поддерживаемые беспрестанными вопросами учителя) все содержание рассказа «*Дети в училище*», но, главное, сознают свое положение и те небольшие требования, к выполнению которых они должны приготовиться. При чтении этой статьи может быть положено прочное начало умственным, словесным и письменным наглядным упражнениям, каковы: перечисление предметов одного цвета, одной

формы, сделанных из одного и того же материала; легкие сравнения двух классных предметов, как, напр., классной доски и т. п. Все эти занятия, конечно, должны разнообразиться: 1) *чтением маленьких басен* из «Хрестоматии» с целью приготовить будущие объяснения грамматического состава предложений; следовательно, с вопросами: о каком предмете здесь говорится? что об нем говорится? когда, где и при каких обстоятельствах делается то, что говорится о предмете? какие качества приписываются предмету? и т. д., не выдвигая еще наружу таких тяжелых для детей названий, как подлежащее, сказуемое, дополнение и т. п. Пусть дети ознакомятся сначала хорошо с самими понятиями, а потом легко уже усвоят их ученые названия. Говорить детям в этом возрасте о том, что такое суждение, предложение и пр., совершенно бесполезно. 2) *Рассказ прочитанных басен* должен возникать из отдельных вопросов, предлагаемых целому классу, и потом постепенно принимать стройную форму рассказа. 3) *Выучивание наизусть небольших стихотворений* должно почти окончательно делаться в классе и делаться следующим образом: учитель рассказывает детям содержание маленького стихотворения так, чтобы оно было вполне понято и усвоено детьми, в чем можно убедиться вопросами; потом учитель несколько раз читает сам, вслух, стихотворение, ударяя особенно на слова, дающие главный оттенок мысли (логическое ударение); затем учитель заставляет детей несколько раз прочесть стихотворение и, наконец, пересказать его стихами, причем главное внимание обращается на отчетливость произношения каждого слова и выразительность каждого стиха, так как содержание стихотворения вполне уже детьми понято и усвоено. 4) *Письменные упражнения* первых уроков должны быть соображены с привычкой детей к письму и могут состоять в следующем: а) в письме названий классных предметов того или другого рода, как, напр.: письменных материалов, мебели, частей комнаты, частей двери, окна и т. п. Эти первые *сочине-*

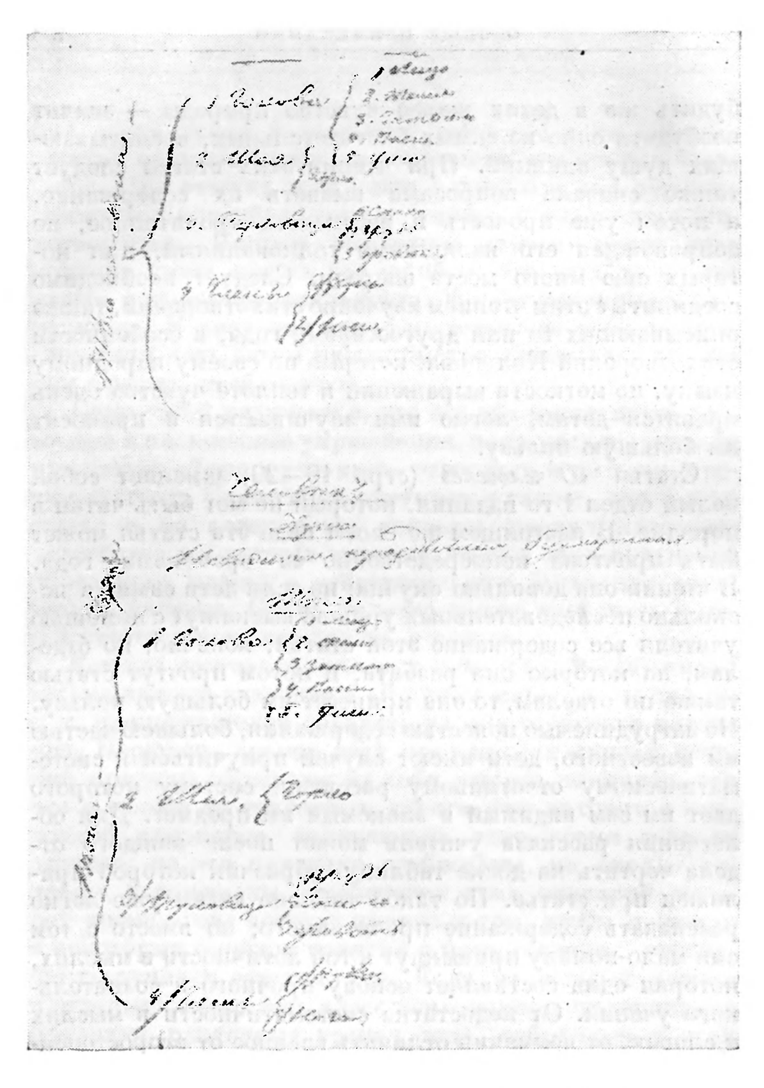
ния очень легки и занимают детей; б) в письменных ответах на письменные же вопросы, о чем сказано было выше. При ответах дети могут в первое время руководствоваться книгой; в) письмо наизусть выученного стихотворения. Каждое выученное стихотворение дети должны уметь писать без ошибок: это даст детям тот навык, которого нельзя заменить вполне никакими объяснениями. К диктовке приучать детей еще рано; но впоследствии дать детям навык быстро записывать то, что они слышат, необходимо.

Само собой разумеется, что все эти умственные, словесные и письменные упражнения, о которых мы сказали при статье «*Дети в училище*», относятся и ко всем прочим статьям. Само собой разумеется также, что в этой статье я не хотел вовсе написать правил классного устройства и классных занятий, но уже одно сравнение описанного класса с действительным будет для детей весьма полезно. Очень полезно также требовать у детей отчета о том, что делать в классе.

Четыре статьи о временах года (стр. 8—19) имеют весьма важное значение в «Детском мире», и мы просим г. г. преподавателей обратить на них особенное внимание. Перемены времен года прежде всех других явлений природы обращают на себя детское внимание, так что в голове десятилетнего дитяти уже находится множество признаков, отличающих одно время года от другого; но эти признаки разбросаны, не вполне сознаны, перемешаны. Назначение этих описаний четырех времен года состоит именно в том, чтобы привести в некоторый порядок понятия и представления, уже существующие в детском уме. Если не каждый ученик в отдельности, то весь класс непременно перечислит все признаки различных времен года, собранные в этих статьях, и прибавит к ним еще много новых. Таким образом, эти статьи дают повод к весьма легким и вместе с тем весьма полезным умственным упражнениям, при которых должны работать и память, и ум, и воображение, а вместе с тем затрагивается и самое чувство. Про-

будить же в детях живое чувство природы — значит возбудить одно из самых благодетельных, воспитывающих душу влияний. При чтении этих статей следует также сначала вопросами вызвать их содержание, а потом уже прочесть и рассказать прочитанное, не сопровождая его излишними толкованиями, для которых еще много места впереди. Следует необходимо соединить с этим чтением изучение стихотворений, также описывающих то или другое время года, в особенности стихотворений Кольцова, которые по своему народному языку, по меткости выражений и теплоте чувства очень нравятся детям, легко ими заучиваются и приносят им большую пользу.

Статья *«О человеке»* (стр. 19—29) заменяет собой целый отдел 1-го издания, который не мог быть читан в порядке. В настоящем же своем виде эта статья может быть прочтена непосредственно за временами года. В чтении она довольно скучна; но если дети сами, в несколько последовательных уроков, выскажут с помощью учителя все содержание этой статьи, конечно, по отделам, на которые она разбита, и потом прочтут статью также по отделам, то она принесет им большую пользу. Не затрудняемые новостью содержания, большею частью им известного, дети имеют случай приучиться к систематическому отчетливому рассказу, систему которого дает им сам видимый и знакомый им предмет. Для облегчения рассказа учитель может после каждого отдела чертить на доске таблицу, образчик которой приложен при статье. По такой таблице детям уже легко рассказать содержание прочитанного; но вместе с тем они мало-помалу привыкнут к той логичности в мыслях, которая одна составляет основу прочного и сознательного учения. От недостатка систематичности в мыслях и словах, от неумения отличить главное от второстепенного больше всего страдают дети при учении уроков и выучить дитя учиться логически — первое назначение младших классов школы. При чтении статьи «О человеке», так как она служит основанием и для следующих

Из черновых рукописей Ушинского к «Детскому миру» (два наброска планов для пересказа статьи «О человеке»)

Из черновых рукописей Ушинского к «Детскому миру» (переработка первого варианта статьи «О человеке»)

за нею статей о животных и растениях, торопиться не следует; а чтобы не утомить детей однообразием, должно сопровождать это чтение изучением басен, стихотворений и т. д. Нам замечали, что напрасно мы начинаем описание с такого сложного организма, как человек; но как ни сложен этот организм, а он знакомее и ближе детям всякого другого, и Песталоцци был совершенно прав, полагая в основание своих развивающих уроков знакомство с человеческим телом.

«Лошадь» (стр. 30) — первое описание животного, а потому оно пространнее прочих. При описании каждого животного должно ограничиваться только удержанием самых крупных черт: более мелкие подробности возникнут при сравнениях одного животного с другим; так, напр., только при сравнении головы лошади с головой человека можно обратить внимание дитяти на отличительные черты той и другой; сравнивая голову лошади с головой коровы, можно выдвинуть наружу еще более мелкие характерные особенности. Это психологический закон, который надобно всегда иметь ввиду: только из сравнения образуются понятия, и только процесс сравнения делает внешний мир достоянием разума. Зоркость, быстрота, верность, способность обнимать разом множество предметов и составляет силу ума; сила сравнивающая и есть сам ум; а потому, заботясь о развитии детского ума, должно беспрестанно учить детей сравнивать сначала два, три, потом десятки, и, наконец, сотни предметов и выводить из этих сравнений общие понятия. Сравниваемые предметы должны быть, по возможности, перед глазами учеников; вначале учитель, конечно, облегчает сравнение беспрестанными вопросами.

За статьею *«Лошадь»* я советовал бы прочитать статьи — *«Яблоня»* (стр. 101) и *«Кремень»* (стр. 125) для того, чтобы вызвать в уме учеников ясное представление животного, растения и камня как представителя неорганической природы. Потом следует снова обратиться к статьям о животных, при сравнении которых между

собой выйдут наружу более мелкие признаки. Само собой разумеется, что преподаватель должен сам прежде хорошо ознакомиться с той книгой, руководствуясь которой, хочет он развивать детей; иначе он будет вести их к неизвестной ему цели.

После статьи «*Слон*» (стр. 41) является уже возможность установить систему и закрепить ею небольшие познания, приобретенные детьми: вот почему здесь помещена статья «*Всякой вещи свое место, всякому делу свое время*». В этой статье дитя получает первое понятие о том, что такое система и для чего она нужна. При чтении этой статьи следует начертить на доске таблицу пройденных животных, и дети должны знать, почему одни животные помещены на одном, другие на другом месте. Когда дети сами привыкнут сознательно чертить эту табличку, тогда уже можно приступить к чтению о хищных животных. Пройти хищных следует, руководствуясь примечанием, помещенным на стр. 52, прибавить к прежним трем отрядам животных новый отряд хищных, разделить его на семейства и т. д. Система животного царства, а затем и всего «Детского мира» должна возникать в уме детей *понемногу*. В первом издании я сделал важную ошибку, собрав всю систематику в одну статью «*Кунсткамера*»: прежде чем ребенок дойдет до системы, он позабудет частности. Конечно, я предполагал, что преподаватель сам мало-помалу подготовит систематику в умах детей; но для составителя книги это легче сделать.

На стр. 61 приложена таблица млекопитающих животных, и здесь можно уже будет повторить все пройденное и оценить, сколько приобрели дети в чтении «Детского мира», если только оно происходило систематически. Сначала дети должны дать ответ, почему каждое животное помещено на том, а не на другом месте и, следовательно, высказать характеристические признаки каждого животного; а после того и сами дети легко начертят такую таблицу. Считаем необходимым предупредить преподавателей, что в этой таблице, на стр. 62,

сделана важная опечатка, поправленная в конце книги.

Всякий опытный педагог поймет, как много приобретут дети, если хоть одна ясная и отчетливая система возникнет и утвердится в их умах. Это первый и лучший урок логики.

Но, могут заметить нам, почему мы ограничились только одной нашей системой млекопитающих,— почему не ввели таких же систем в другие классы животных и царство растений и ограничились только небольшими указаниями на систему, выраженными отчасти в самых статьях, отчасти в примечаниях? Если бы мы изложили остальные классы животных и царство растений с той же подробностью, с какой изложили млекопитающих, то превратили бы книгу для чтения в курс естественной истории: наша же главная цель не естественные науки, а развитие ума посредством наглядной логики естественных наук.

Для объяснения статей к «Детскому миру» приложены рисунки; но преподаватель сделает очень хорошо, если покажет детям, напр., цветок яблони, вишни, одуванчика в разных его видах и пр. в натуре. Для этой цели он может прервать ход своих чтений и весной показать те или другие цвета и прочесть относящиеся к ним статьи; потом, когда дети дойдут до этих статей, в их умах уже будет готово ясное представление предмета.

Мы не говорим о других статьях «Детского мира» потому, что все, сказанное прежде, относится и к ним. Скажем только, что при чтении статей «*Вода*» (стр. 134), «*Воздух*» (стр. 137), «*Ветер*» (стр. 143), «*Магнит*» (стр. 145) преподаватель не только должен показать детям описанные в них опыты, но и приучить самих детей сделать эти нехитрые опыты. Если, напр., дитя сделает опыт над намагниченной палочкой и иголкой и расскажет его ясно и последовательно, то это принесет ему значительную пользу.

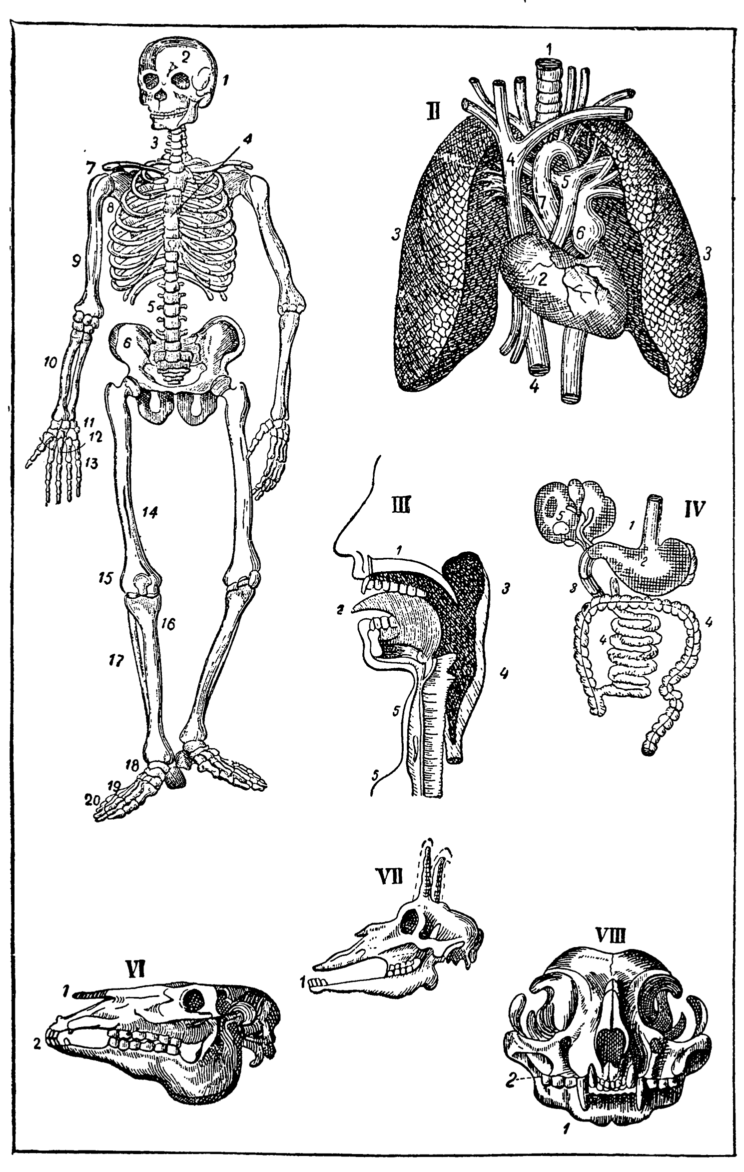
О «Хрестоматии» мы уже сказали в первом предисловии: здесь же остается нам дать ответ, почему, несмотря на сделанные нам замечания, мы не внесли исто-

рических рассказов в *первую* часть «Детского мира», хотя и внесли их во *вторую*. Мы остаемся при том убеждении, что лучшим введением в исторический рассказ могут служить сначала небольшие повести, число которых в «Хрестоматии» увеличено во 2-м издании, а потом *библейские рассказы*, для которых в каждом училище есть священная история. Преподаватель русского языка поступит очень хорошо, если от времени до времени будет спрашивать учеников, что они выучили в классах закона божия, и, воспользовавшись знаниями детей в священной истории, объяснит им на семейной жизни патриархов, что такое семейный быт; при рассказе о жизни Иакова — что такое род и колено; при выходе евреев из Египта — что такое племя; при поселении их в Палестине — что такое народ, территориум, жизнь кочевая и оседлая; при выборе царей — что такое правительство и государство. Поместив библейские рассказы, мы только бесполезно увеличили бы книгу.

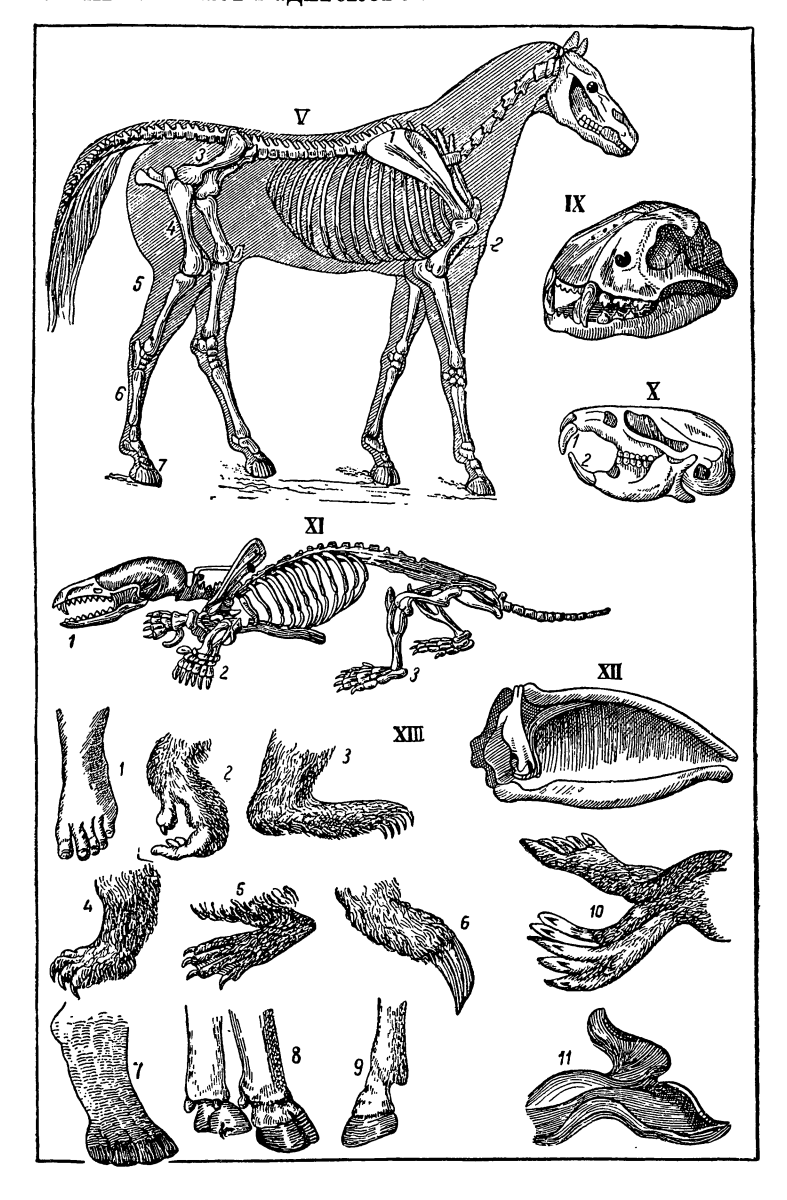
Объяснения к статьям 2-й части «Детского мира» будут приложены в своем месте.

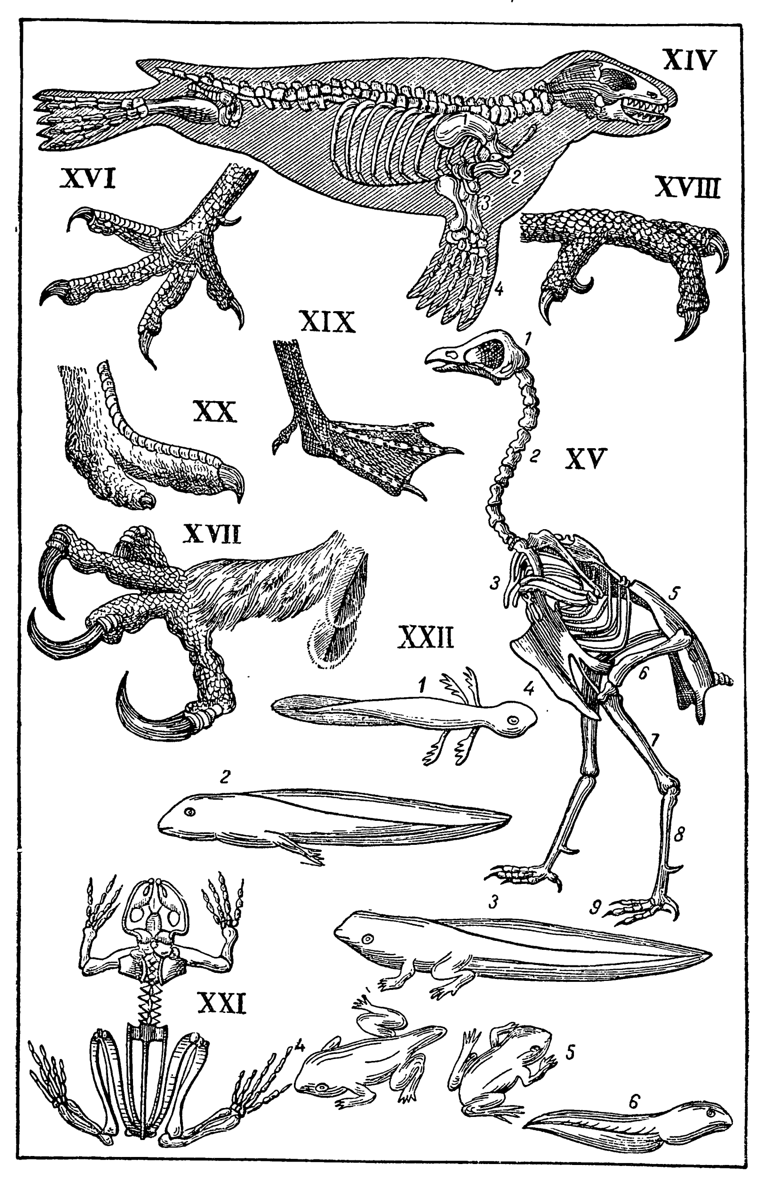
1-я ТАБЛИЦА РИСУНКОВ

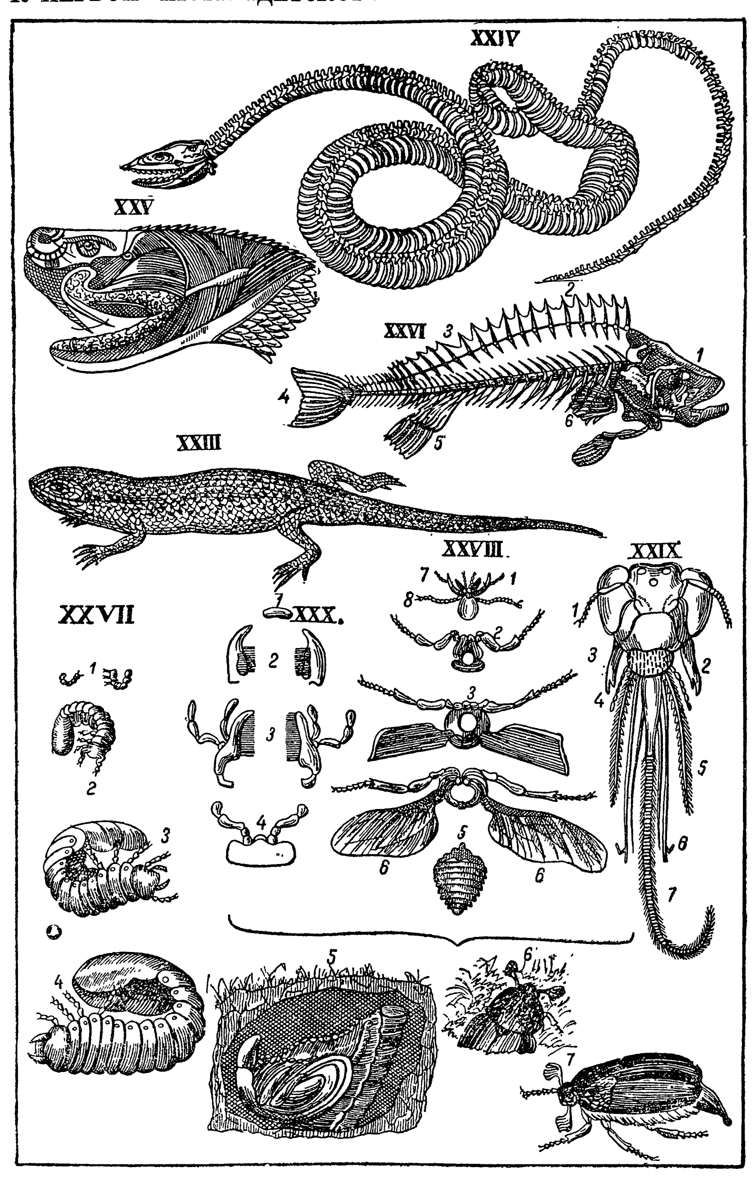
К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА»

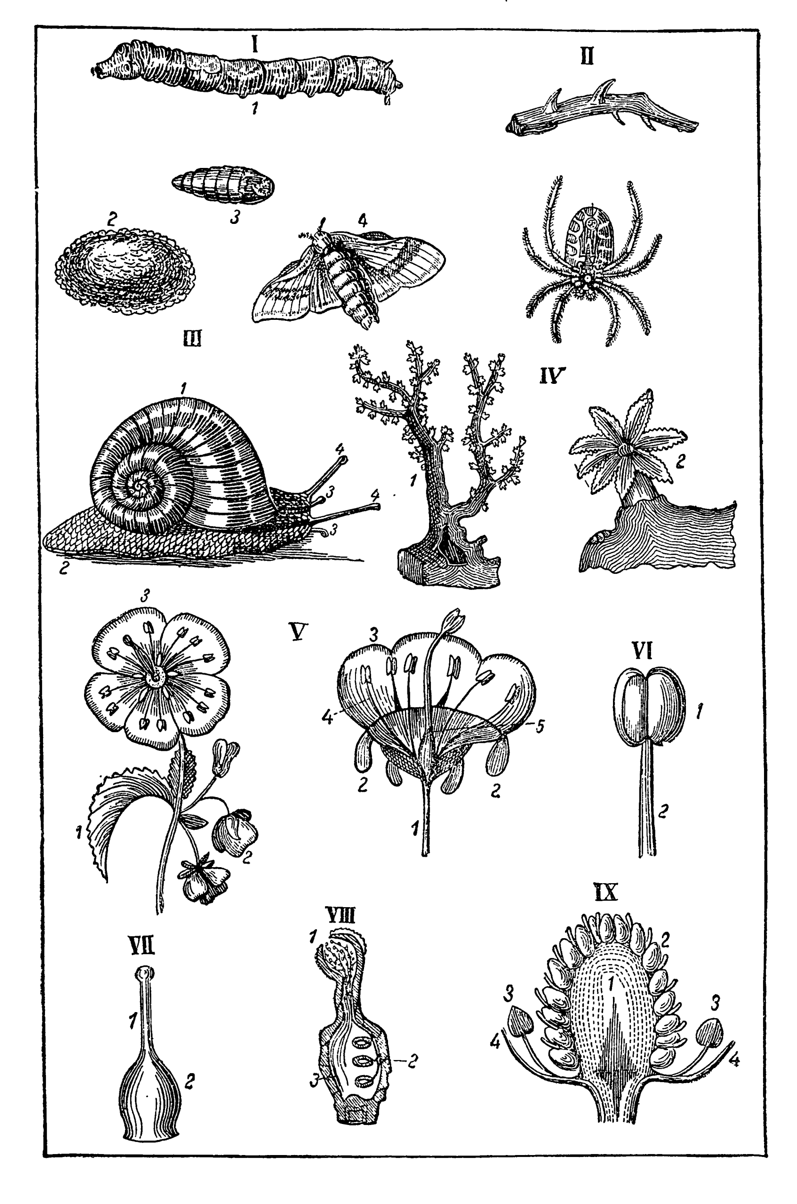
2-я ТАБЛИЦА РИСУНКОВ

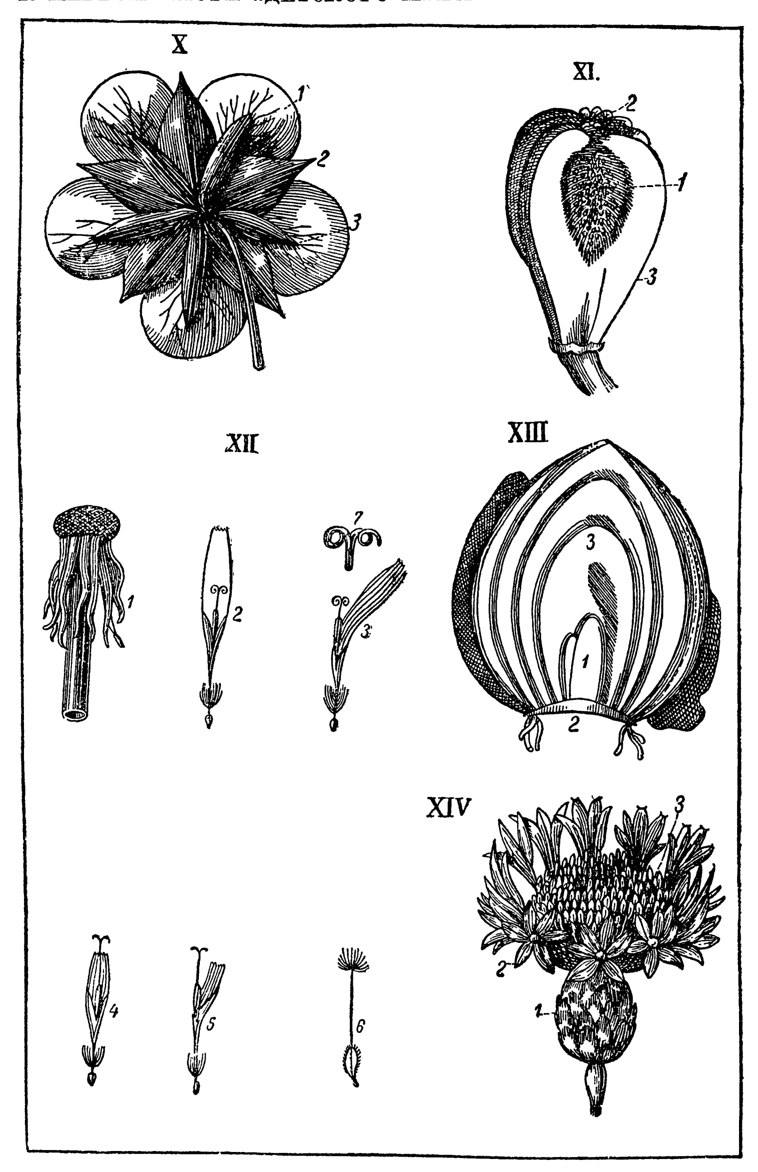
К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА»

3-я ТАБЛИЦА РИСУНКОВ

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА»

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВ [11]

ТАБЛИЦА 1-я

Рис. I. *Скелет взрослого человека:* 1 и 2 череп: 1) височная кость, 2) лобная кость; 3) шейные позвонки; 4) грудная кость; 5) поясничные позвонки; 6) таз; 7) ключица; 8) лопатка; 9) плечевая кость; 10) локтевая и лучевая кости; 11, 12, 13) кисть руки: 11) кости пясти, 12) кости запястья, 13) суставы пальцев; 14) бедра; 15) чашечка, служащая подставкой для мускулов, выпрямляющих ногу; 16) большая берцовая кость; 17) малая берцовая; 18, 19, 20) стопа: 18) кости предплюсны; 19) кости плюсны, 20) суставы пальцев.

II. *Легкие человека и сердце с жилами, в него входящими и из него выходящими:* 1) дыхательное горло; 3) правое и левое легкое; 2) сердце; 4) нисходящая вена, приносящая черную кровь к сердцу от головы, рук и других органов, лежащих выше сердца; 4) (внизу) восходящая вена, приносящая черную кровь к сердцу от всех органов, лежащих ниже сердца; 5) легочная артерия, несущая черную кровь из правой половинки сердца в легкие, где она от действия воздуха превращается в красную; 6) легочная вена, несущая красную кровь из легких в левую половинку сердца, которая, сжимаясь, прогоняет ее в аорту, или начальную артерию; 7) аорта, которая, разветвляясь, разносит красную кровь по всему телу.

III. *Продольный разрез полости рта и глотки человека:* 1) костяное нёбо в полости рта; 2) язык; 3) полость глотки; 4) пищевод; 5) дыхательное горло.

IV. *Желудок, печень и кишки человека:* 1) пищевод; 2) желудок; 3) двенадцатиперстная кишка; 4) толстая кишка, образую-

щая части восходящую, поперечную и нисходящую; 5) печень с желчным пузырем, из которого желчь проходит в двенадцатиперстную кишку (3).

V. *Скелет лошади:* 1) лопатка; 2) плечевая кость; 3) таз; 4) бедро; 5) берцовая кость, или голень; 6) предплюсна; книзу от нее — кость плюсны; 7) последний сустав единственного пальца, одетого копытом.

VI. *Череп лошади:* 1) носовая кость; 2) передние зубы, или резцы, числом по шести в каждой челюсти, за ними следуют небольшие клыки.

VII. *Череп серны* (из отряда жвачных). Верхних передних зубов нет, нижних восемь. Клыков нет.

VIII. *Череп домашней кошки.* Передних зубов в верхней и нижней челюсти по шести; клыков по два сильно развитых. 1) нижняя челюсть; 2) клыки.

IX. *Череп льва.* Самое сильное развитие клыков и коренных зубов с острыми коронками, разделенными па лопасти.

X. *Череп крысы* (из отряда грызунов): 1) два верхние резца; 2) два нижние резца. Клыков нет.

XI. *Скелет крота:* 1) череп с зубами, между которыми значительно развиты клыки; 2) кисти передних ног, устроенные наподобие лопаток для разрывания земли; 3) задние ноги гораздо слабее передних и служат только для поддержания и передвижения туловища.

XII. *Вертикальный разрез черепа кита.* Нёбо усеяно длинными и отвесными роговыми пластинками, которые известны под именем китового уса, настоящих зубов нет.

XIII. *Изображения оконечностей различных животных:* 1) Стопа человека для хождения. 2) Кисть обезьяны с отдельно стоящим большим пальцем для захватывания за сучья дерев. 3) Стопа медведя, ступающего всей плюсной. 4) Лапа льва с острыми и втяжными когтями для схватывания живой добычи. 5) Задняя лапа бобра с перепонкой между пальцами для плаванья. 6) Ноги ленивца, или ая, с двумя крючковатыми когтями для захватывания за сучья дерев. 7) Задняя нога носорога, с непарным числом копыт. 8) Нога быка как представителя двукопытных животных. 9) Ноги коня как представителя однокопытных. 10) Задние ноги тюленя, или *ласты*, с перепонкой,

натянутой между пальцами для плаванья. 11) Хвост, или плес, кита, имеющий горизонтальное положение, чем отличается от рыбьего.

ТАБЛИЦА 2-я

XIV. *Скелет обыкновенного тюленя:* 1) лопатка; 2) плечевая кость; 3) предплечье. Обе эти кости скрыты под кожей, из-под которой выставляется одна только кисть, образующая переднюю ласту (4); 5) задняя ласта тюленя.

XV. *Скелет курицы:* 1) череп; 2) шейные позвонки; 3) ключица; 4) грудная кость; 5) таз; 6) бедро; 7) голень; 8) плюсна со шпорцем; 9) пальцы.

XVI. *Нога курицы* для показания удобного расположения пальцев для хождения по земле.

XVII. *Нога орла*, покрытая перьями до самых пальцев, оканчивающихся острыми и кривыми когтями для схватывания и терзания живой добычи.

XVIII. *Нога попугая*, устроенная для лазанья по сучьям дерев; два пальца обращены вперед и два назад.

XIX. *Лапа гуся.* Между пальцами перепонка для плаванья.

XX. *Нога страуса* с двумя пальцами, расположенными весьма удобно для беганья, подобно двукопытным млекопитающим.

XXI. *Скелет лягушки.* Задние ноги вдвое длиннее передних, поэтому она прыгает. Ребер и грудной кости нет.

XXII. *Постепенное развитие и превращение лягушки:* 6) Лягушка в виде головастика; тотчас по выходе из яичка; 1) головастик в первый период своей жизни, дышащий жабрами, расположенными по обеим сторонам шеи в виде перепончатой бахромы; 2) головастик после образования задних ног; 3) он же после образования задних, а потом передних ног; 4) головастик с укороченным хвостом; 5) головастик, превратившийся в совершенную лягушку; хвоста вовсе нет и дышит легкими.

XXIII. *Обыкновенная ящерица.*

XXIV. *Скелет змеи* со множеством подвижных ребер, посредством которых змея движется, грудной кости вовсе нет.

XXV. *Голова гремучей змеи*, в разрезе, с ядовитыми слюнными железами и двумя большими зубами с канальцами внутри для впускания в рану животного ядовитой жидкости.

XXVI. *Скелет окуня:* 1) череп; 2) первый спинной плавник; 3) второй спинной плавник; 4) хвостовой плавник; 5) нижний задний плавник; 6) пара плавников грудных; 7) пара плавников брюшных.

XXVII. *Превращение хруща, или майского жука:* 1) личинка майского жука, только что вышедшая из яичка; 2) та же личинка в конце первого года своей жизни; 3) личинка в конце второго года; 4) трехгодовалая личинка; 5) куколка майского жука в своей земляной пещерке на четвертом году жизни; 6) вылезающий из земли майский жук, окончивший свое превращение; 7) майский жук в полном и окончательном своем развитии.

XXVIII. *Роговой покров жука, разобранный на отдельные суставцы:* 1) голова с органами принятия пищи; 2) первый грудной членик с первой парой ног; 3) второй грудной членик со второю парою ног и надкрыльями; 4) третий грудной членик с третьей парой ног и крыльями; 5) брюшко, состоящее из нескольких члеников; 6) крылья перепончатые; 7) сяжки для схватывания пищи; 8) усики — органы осязания жука.

XXIX. *Органы принятия пищи* у пчелы (и вообще у насекомых сосущих): 1) усики на голове; 2) верхняя челюсть; 3) верхняя губа; 4) челюстные щупальцы; 5) нижняя челюсть; 6) губные щупальцы; 7) язычок.

XXX. *Органы принятия пищи у жующих насекомых* (у жуков): 1) верхняя губа; 2) пара *верхних челюстей*, или *жвал*, состоящая из рогового вещества и покрытая с внутренней стороны множеством шипиков, подобно напильникам для перетирания сухих веществ; 3) пара нижних челюстей с членистыми сяжками для ощупывания и удержания пищи; 4) нижняя роговая губа с двумя щупальцами, или сяжками.

ТАБЛИЦА 3-я

I. *Гусеница шелковичной бабочки:* 1) шелковичный червь; 2) кокон той же гусеницы из шелковых нитей; 3) куколка, помещающаяся в коконе; из нее образуется совершенное насекомое; 4) шелковичная бабочка в совершенном состоянии.

II. *Паук, крестовик обыкновенный*, удерживающийся на нитке, которая приготовляется в его теле и выходит множеством тончайших нитей.

III. *Улитка садовая:* 1) ее раковина; 2) нога — толстый брюшной мускул, служащий ей для движения и прикрепления к посторонним предметам; 3) пара коротких щупальцев; 4) пара длинных щупальцев, на концах которых сидят глаза.

IV. 1) *Красный коралл*, произведение маленьких животных, полипов, заметных на его ветках; 2) полип, отдельно взятый и сильно увеличенный. Около отверстия рта расположены наподобие лучей мягкие и гибкие органы, для схватывания мелких слизней, плавающих в воде.

V. *Веточка вишни* (по левую сторону): 1) листочек; 2) цветочная почка; 3) распустившийся цветок (по правую сторону). *Цветок вишни* в продольном разрезе: 1) цветочная ножка; 2) листочки чашечки; 3) лепестки; 4) тычинки; 5) плодничок.

(Нити двух задних тычинок по ошибке не доведены на рисунке до чашечки).

VI. *Отдельная тычинка увеличенная:* 1) пыльник, состоящий из двух гнездышек; 2) нить, оканчивающаяся пыльником.

VII. *Отдельный плодничок, или пестик:* 1) столбик с рыльцем на верхушке; 2) завязь.

VIII. *Оплодотворение семенных почек, заключенных в завязи плодничка:* 1) плодотворная пыль, упавшая на рыльце плодничка. Каждая пылинка вытягивается в тонкую трубочку, проникающую по канальцу столбика к семенным почкам завязи; 2) семенные почки, прикрепленные к стенкам завязи; 3) стенки завязи.

IX. *Вертикальный разрез ягоды земляники:* 1) мягкое и сочное цветочное ложе, или тор; 2) отдельные плоднички, на нем расположенные; 3) тычинки, прикрепленные у основания чашечки; 4) листочки чашечки.

X. *Цветок земляники*, обращенный кверху нижней стороной, на которой видны: 1) пять белых лепестков; 2) чашечка, состоящая из 10-ти листочков, расположенных в два кружка. Листочки верхнего кружка (2) несколько шире листочков нижнего кружка (3).

XI. *Смоква*, или винная ягода, в разрезе представляет мясистый вогнутый тор (3), на внутренней поверхности которого сидит множество мелких цветков розового цвета, дающих впоследствии жесткие кругленькие семена; самый же тор превра-

щается в сочную и сладкую ягоду: 1) цветки, прикрепленные внутри; 2) маленькое отверстие, ведущее во внутренность тора; 3) мясистые стенки тора.

XII. *Сложный цветок одуванчика:* 1) цветочная ножка, поддерживающая расширенное цветочное ложе, на котором видны углубления, где прикреплялись отдельные цветочки. Книзу от тора висят отогнутые зеленые листочки, составлявшие общий цветочный покров; 2) отделенный от общего тора один из цветков, представляющий внизу округленную завязь, плотно обхваченную чашечкой, края которой возвышаются над завязью в виде пучка волосков; лепесток язычковый состоит из 5-ти лепестков, сросшихся между собою. Из трубочки венчика выставляется столбик с раздвоенным рыльцем. Около столбика 5 тычинок, сросшихся между собой вверху; 3), 4), 5) тот же цветок в различных положениях; 6) плод одуванчика (сухая семянка); это созревшая завязь, оканчивающаяся пушистым хохолком, или чашечкой.

XIII. *Устройство луковицы.* Луковица представляет нам все части полного растения: 2) донцо — это сплюснутая, самая плотная часть луковицы, представляет укороченный ствол полного растения; книзу от донца идут корешки, а кверху листочки, обхватывающие друг друга; 1) внутренние и самые молодые листочки, свернутые в цилиндрик; 3) листочки, более удаленные от центра. В пазухах листочков образуются новые луковицы или новые почки.

XIV. *Цветок василька из сложноцветковых растений:* 1) чашечка состоит из множества чешуйчатых листочков, налегающих друг на друга подобно чешуе рыб и обхватывающих общий тор или ложе, на котором сидят отдельные цветочки; 2) цветки крайние, распустившиеся; 3) цветки внутренние, еще не распустившиеся.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА» [12]

Отдел II. РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Отдел III. СТАТЬИ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Отдел IV. ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ

ПРИБАВЛЕНИЕ К ОТДЕЛУ РАССКАЗОВ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ХРЕСТОМАТИЯ

Отдел I. СТИХИ

Отдел II. ПРОЗА

ОСОБЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ

ВТОРОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА» [13]

Разделив во *втором* издании «Детский мир» на две части, я не мог уже сохранить в целости прежней научной системы; но зато применил расположение статей к порядку классного чтения.

Статьи *первой* части дают детям возможность осмотреть ближайший, окружающий их мир в отдельных, самых простых предметах и малосложных явлениях; во *второй* части представляются целые, иногда довольно сложные картины, элементы которых более или менее уже знакомы детям. Вторую часть моей книги я также разделил на две половины: «Детский мир» и «Хрестоматию», а «Детский мир» на четыре большие отдела: 1) *статьи по географии*, 2) *рассказы из русской истории*, 3) *статьи по естественной истории* и 4) *первые уроки логики*. Хрестоматию разделил я на стихи и прозу. Об отношении «Хрестоматии» к «Детскому миру» сказано было в предисловии к I-й части: оно остается то же самое. Теперь следует сказать только о порядке чтения статей «Детского мира», который я имел ввиду при составлении *второй* части.

Я предполагал, что преподаватель будет читать с учениками *не один отдел вслед за другим, а будет вести все четыре отдела разом*, останавливаясь по временам в том отделе, где статьи покажутся ему еще не своевременными, и прочитывая иногда три, четыре статьи по порядку из одного и того же отдела, если эти статьи,—

как, например, некоторые статьи по географии,—дополняют одна другую; чтение же и изучение «Хрестоматии» должно сопровождать постоянно чтение статей «Детского мира».

Первая статья I-го отдела *«Поездка из столицы в деревню»* (стр. 1—18) дает повод преподавателю обратить детское внимание на окружающую дитя местность. Весьма полезно будет, если преподаватель в изустных беседах с учениками побудит каждого из них описать знакомую ему родную местность, родимый город, отцовский дом, конечно, поддерживая такой рассказ вопросами. Во многих германских руководствах излагаются систематически описания дома, улицы, деревни, города; но такие описания до того сухи и скучны, что я не решился внести их в русскую книгу для чтения; однакоже, признавая пользу таких описаний, я полагаю только, что они должны выходить из изустных бесед с учениками, а не вычитываться ими из книги. Статья *«Поездка из столицы в деревню»*, несмотря на свою кажущуюся простоту, требует многих объяснений со стороны преподавателя, а потому ее следует читать не торопясь.

Статья *«Вдали и вблизи»* (стр. 19) составляет уже введение в научные географические статьи. Следует убедить учеников непосредственным опытом, что предметы, чем дальше, тем кажутся менее, иначе они будут принимать только на веру, что солнце может быть гораздо больше земли, и т. п. В статье *«Земля»* (стр. 20) — одна мысль, потому что эта мысль, как ни просто она выражена, принимается детьми трудно. Статья *«Глобус»* (стр. 21) знакомит детей с понятием картины, плана, карты и глобуса; но, конечно, хорошо познакомить их с этими понятиями только тогда, когда дети не только присмотрятся к предметам, но и сами попробуют нарисовать план учебной комнаты, школы, сада, улицы, площади и т. п. План той местности (деревни или города), где находится школа, дает ученику возможность перейти к верному понятию о карте. «Но,— скажет, может быть, иной преподаватель русского языка, — зачем я стану

толковать детям о предметах *географических?* Для этого есть другой наставник». На это я могу ответить только следующее: до тех пор, пока различные предметы учебного курса будут у нас преподаваться, как бы совершённо не зная о существовании друг друга, ученье не будет оказывать никакого существенного влияния на духовное развитие детей, предоставляя его только влиянию времени и жизни;— до тех пор ученье будет не увлекательным органическим процессом психического развития, а невыносимо скучным трудом для наставника и ученика. Может ли быть что-нибудь скучнее этих многолетних поисков за подлежащим и сказуемым, определением и дополнением, этих вечных толков о безжизненной форме, при которых как будто нарочно избегают всякой встречи с живым, сколько-нибудь занимательным содержанием? Развивайте, возбуждайте в детях мысль и будьте уверены, что она, сильно возбужденная к жизни, сама выработает себе форму; а вам останется только облегчить ей ее собственное дело, и только тот язык хорош, который непосредственно сам выработался из мысли. Преподаватели закона божия, географии, истории, арифметики и естествознания — помощники преподавателя отечественного слова, который, в свою очередь, по крайней мере, в младших классах, полагает прочную основу всякому учению, если только в его учебной деятельности выражено то сознание, что логика и красота в слове — плоды логики в мысли и красоты в чувстве. Не раз удавалось нам слышать жалобы преподавателей различных предметов на преподавателей русского языка, что дети не умеют связать правильно двух слов ни изустно, ни на письме, как будто на одном учителе русского языка лежит обязанность учить детей думать и правильно выражать свои мысли; как будто только с помощью грамматических правил, без помощи логики в мыслях, верного понимания и ясного представления предмета, зная только правила этимологии и синтаксиса, можно выражаться логически. Таково необходимое послед-

ствие вредного разделения предметов между несколькими преподавателями даже в младших классах наших учебных заведений, которое, по всей вероятности, еще долго у нас останется. Одной из главных целей, для достижения которых я составил «Детский мир», было, по возможности, уменьшить вред, происходящий от такого разделения.

Дальнейшие географические статьи — «*Первое знакомство с полушариями*» (стр. 22), «*Колумб*» (стр. 25,) «*Небесный свод*» (стр. 37), «*Движение земли*» (стр. 38) — имеют целью, постепенно расширяя кругозор детей, вводить их, начиная с самых простых и доступных для них понятий, в возможно полное для детского возраста миросозерцание. При чтении статьи «Солнечные часы» (стр. 47) следует показать детям на практике нахождение полуденной линии, руководствуясь приложенным для этой цели рисунком,— и тогда эта статья не покажется трудной, как показалась некоторым, но, как я убедился на опыте, доступной и занимательной. В первом издании она действительно была очень длинна, а потому я здесь разделил ее на несколько статей. При статье «*Луна*» (стр. 52) следует показать детям нехитрый опыт над белым шариком. Статья «*Телескоп*» (стр. 54), переделанная с немецкого, имеет целью увлечь воображение детей безграничностью вселенной, а не определенные астрономические сведения. В статье «*Горная страна*» (стр. 57) я старался возможно нагляднее ввести детей в представление гор, которые обыкновенно долго кажутся им черными шнурами на географических картах. Статьи «*Море*» (стр. 60), «*Горные ледники и плавающие льды*» (стр. 65) имеют подобное же назначение. В статьях, заимствованных из различных путешествий, я желал представить главнейшие географические типы местностей и народных бытов; потом уже я считал возможным познакомить детей с Россией, насколько, конечно, позволяет назначение книги. Как при изучении отдельных предметов природы в *первой* части, точно так же и при изучении целых типических местностей во *второй*,

следует беспрестанно прибегать к сравнению, имея постоянно ввиду, что только сравнение выдвигает наружу все особенности предмета и запечатлевает их в душе. Сравните, напр., быт эскимосов (стр. 72) сначала с бытом самоедов (стр. 75), потом с бытом киргизов (стр. 78) и, наконец, с бытом голландцев (стр. 82) и русским деревенским бытом (стр. 1—18), и вы напечатлеете верное и яркое представление в голове ученика, что не только оживит для него изучение географии, но и даст ему возможность написать вам со временем порядочное сочинение. Гравюры ландшафтов, как бы они ни были грубо нарисованы (только бы верно), будут прекрасным пособием при таком чтении. Запас ландшафтов и исторических картин должна бы иметь каждая школьная библиотека, а сочинения, писанные учениками с таких картин, объясненных учителем, мы считаем одним из лучших классных упражнений в сочинении: описание с натуры, конечно, еще лучше; но много ли может сделать таких описаний дитя, особенно в закрытых заведениях, где благодетельное влияние природы на воспитание почти совершенно незаметно? «*Путешествие по Волге*» (стр. 91) помещено в географическом отделе последнею статьею в том предположении, что, когда дойдет до нее очередь, то ученики, читая совместно исторические рассказы, уже придут к окончанию и 2-го отдела.

Бóльшая часть «*Рассказов из русской истории*» (стр. 113—172) заимствованы мной из рассказов, составленных по летописи г. Соловьевым, впрочем с некоторыми необходимыми для детской книги сокращениями, добавлениями и изменениями, сделанными тоже по летописи. Необыкновенная простота и живость Несторова языка окажут, без сомнения, весьма полезное влияние на слог учеников и приучат их к той простоте, которая и составляет истинное изящество: мы уже имели случай убедиться в благодетельности такого влияния; история же Карамзина для этой цели мало пригодна. Статьи «*Ослепление Василька*» (стр. 138),

Из черновых рукописей Ушинского к «Детскому миру» (начало статьи «Андрей Боголюбский»; на полях набросок плана исторической части «Детского мира»).

«*Битва с татарами на р. Калке*» (стр. 151) составлены мной также по летописи; статья «*Поход Игоря на половцев*» (стр. 142) — по летописи и «*Слову*». В этой последней статье вкралась значительная опечатка: вместо «*красные щиты*» (стр. 145), напечатано «*красивые щиты*». В отделе «*Рассказы из русской истории*» по ошибке же пропущены мною две статьи, одна — о подвиге св. Филиппа, другая — русская песня о взятии Казани. Обе эти статьи необходимы для пополнения характеристики *Грозного* и потому помещены в прибавлении. Характеристику Петра Великого следует добавить из других мест «Детского мира», а именно—стихотворением А. Пушкина «*Петербург*» (стр. 90) и стихотворением Майкова «*Кто он?*» («Хрестоматия», стр. 19).

В отделе III *статьи по естественной истории* представляют уже некоторую сложность сравнительно с подобными же статьями *первой* части; но я надеюсь, что они будут понятны детям при небольших объяснениях со стороны преподавателя и всякому доступных опытах.

Теперь несколько слов о последнем отделе «Уроки логики». Если дети при чтении *первой* части занимались логическими упражнениями, на которые я указывал в своем месте, то при самом начале чтения *второй* части следует уже приступить к чтению *статей логики*, вводя это чтение понемногу в уроки каждой недели и приступая к чтению следующей логической статьи только тогда, когда первая вполне усвоена посредством многочисленных примеров и упражнений. Последние статьи «Логики» находятся в связи с статьями «*О человеке*» 3-го отдела.

В «Хрестоматию» я внес несколько рассказов г. Тургенева собственно для той цели, чтобы приучить учеников к обрисовке человеческих характеров, потому что природой они уже занимались довольно.

Собственно о грамматических занятиях я не буду здесь говорить: это завело бы меня слишком далеко, и каждый преподаватель притом имеет в этом отношении свою методу, на которую не оказывает существенного влияния выбор той или другой книги для чтения.

РИСУНКИ К 2-й ЧАСТИ „ДЕТСКОГО МИРА"

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВ [14]

(I, II, III, IV, V). Части колоса ржи

I. *Коленцо стержня* от колоса ржи; на каждом стержневом коленце прикрепляется отдельный колосок (II).

II. *Отдельный колосок*, из которых состоит целый колос (VI).

III *Тот же колосок* с наружными пленками, или чешуйками, отогнутыми в стороны.

IV. *Отдельная наружная пленка* колоска (III), оканчивающаяся длинною осью, усаженной острыми шипиками.

V. *Полный колос ржи*; 1) тычинка от цветка ржи.

VI. *Верхушка той же пленки*, или ость.

VII. *Один из колосков ржи*; 1) цветочная ножка; 2) наружные пленки (прицветники); 3) вторая пара пленок (чашечки), из коих одна с остью; 4) внутренние пленки (лепестки).

VIII. 1) *Плодничок ржи*; 2) пушистое рыльце; 3) тычинки; 4) медолистики.

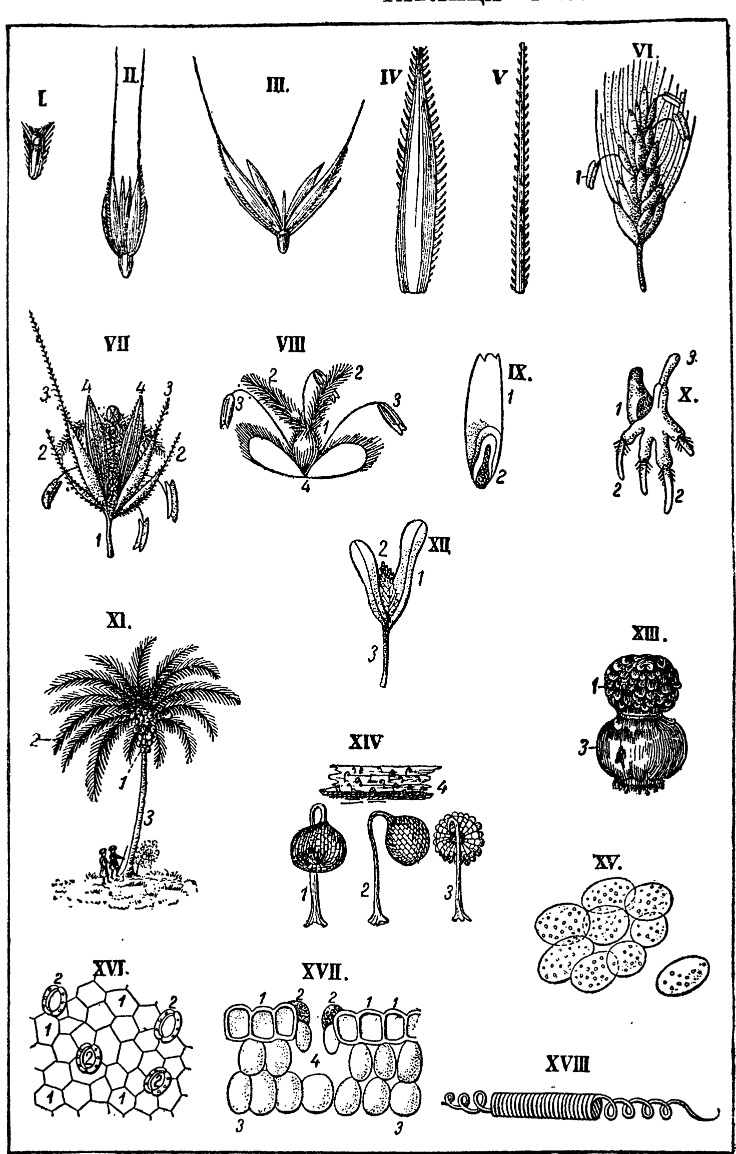
IX. *Зерно ржи:* 1) белок; 2) зародыш.

X. *Проросшее зерно ржи:* 1) белок, который уже почти весь всосан зародышем; 2) корешки, пущенные зародышем; 3) единственная семенная доля зародыша, превратившаяся в первый всходный листочек, еще свернутый в трубочку.

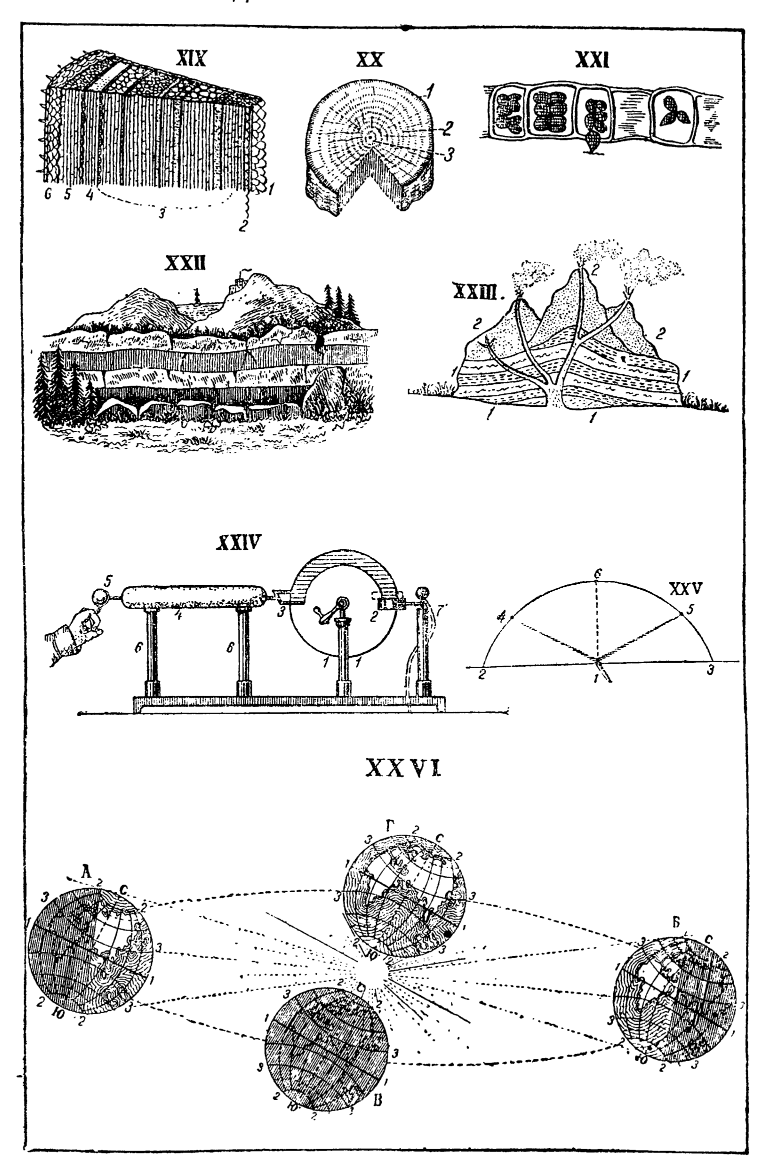
XI. *Пальма финиковая* как представительница односемянодольных дерев: 1) ствол, 2) листья, 3) плоды.

XII. *Проросший зародыш клена*, представитель двусеменодольных растений: 1) два первые всходные листочка; 2) верхушечная почка с развивающимися вновь листочками; 3) стебелек развивающегося зародыша. Корешок не означен.

ТАБЛИЦА РИСУНКОВ КО

ВТОРОЙ ЧАСТИ «ДЕТСКОГО МИРА».

XIII. *Молодой грибок-мухомор*, которого корень и шляпка покрыты еще общей белой пеленой, которая впоследствии разрывается: 1) шляпка; 2) пенёк.

XIV. *Чужеядные грибки на гнилом дереве:* 1), 2) и 3) грибки, вырастающие на гнилом дереве, сильно увеличенные, из которых каждый состоит из тонкой нити, оканчивающейся пузырьком, внутри которого заключаются крупинки, или споры, для размножения; 4) кусок гнилого дерева с теми же грибками, все еще увеличенными.

XV. *Клеточки*, составляющие листовую мякоть гвоздики, с зелеными крупинками внутри.

XVI. *Тонкая наружная кожица*, взятая с листовой пластинки и увеличенная под микроскопом: 1) плоские прозрачные клеточки, расположенные одна возле другой наподобие дощечек в паркетном полу; 2) устьица, т. е. отверстия, ведущие в пещерки, лежащие в листовой мякоти.

XVII. *Разрез по направлению толщины листа для показания положения пещерок:* 1) клеточки, составляющие наружную кожицу листа; 2) две клеточки, между которыми входит воздух в пещерки (устьица); 3) клеточки, образующие листовую мякоть; 4) пещерки в листовой мякоти, куда входит углекислый газ.

XVIII. *Спиральный сосуд*, отдельно взятый.

XIX. *Продольный разрез стебля клена:* 1) сердцевина, состоящая из клеточек правильной формы; 2) спиральные сосуды; 3) древесина, состоящая из слоев, обхватывающих одни другие; 4) заболонь, состоящая из самых новых и мягких слоев древесины; 5) луб; 6) кора, состоящая из нескольких слоев.

XX. *Поперечный разрез ствола молодого дуба:* 1) кора, 2) слои древесины; 3) сердцевина.

XXI. *Нитчатка*, увеличенная под микроскопом, состоящая из нескольких клеточек, с зародышами новых клеточек внутри.

XXII. *Каменоломня.* Ломка шифера.

XXIII. *Действующий вулкан:* 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась из внутренности земли наружу; 2) конусообразные вершины (похожие на сахарные головы), образовавшиеся из вулканических камней и золы, выброшенных действующим вулканом.

XXIV. *Электрическая машина:* 1) стеклянный круг; 2) подушки, натирающие стекло; 3) медная вилка, собирающая электричество со стеклянного круга и проводящая его на кондуктор; 4) кондуктор или металлический цилиндр, внутри пустой, по поверхности которого разливается электричество; 5) медный шарик, которым оканчивается кондуктор; из этого шарика является электрическая искра при приближении к нему руки во время поворачивания стеклянного круга; 6) стеклянные столбики, поддерживающие кондуктор и стеклянный круг; 7) медная цепочка, служащая для проведения отрицательного электричества в землю.

XXV. *Рисунок*, объясняющий нахождение полуденной линии: 1) палка, отвесно воткнутая в землю на ровном месте, освещенном солнцем; 2) и 3) полукруг, описанный на земле, центром для которого служит основание палки; 4) когда тень от палки, укорачиваясь, дойдет поутру до окружности полукруга, то следует на нем отметить эту точку, которая на рисунке означена цифрою 4; когда потом после полудня тень, снова удлиняясь, дойдет до того же круга, то следует заметить и эту точку, отмеченную на рисунке цифрой 5; если дугу, находящуюся между этими двумя замеченными точками, разделить ровно пополам и если точку, обозначающую средину дуги, соединить с основанием палки, то эта линия будет частью меридиана. Для удобства наблюдений проводят не один, а несколько кругов.

XXVI. *Рисунок*, объясняющий времена года: *А*) — положение земли в декабре; *Б*) — положение земли в июне; *В*) — в марте; *Г*) — в сентябре; 1) экватор; 2) полярные круги; 3) тропики; *С* означает северный полюс; *Ю* — южный; линия, соединяющая их, будет земная ось.

Детский мир

Варианты 2-го издания [15]

Первая часть

I. ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА*

Части человеческого тела	1. Голова	1. Темя		
		2. Затылок		
		3. Лицо	Лоб Глаза Нос Рот Скулы и т. д.	
	2. Шея			
	3. Туловище	1. Грудь		
		2. Живот		
		3. Спина		
	4. Рука	1. Плечо		
		2. Предплечье		
		3. Кисть	Ладонь	
			Пальцы	три или два сустава и ногти
	5. Нога	1. Бедро		
		2. Голень		
		3. Ступня	1. Подъем	
			2. Подошва	
			3. Пятка	
			4. Пальцы	три или два сустава и ногти

* Примечание. Для приучения детей к систематическому описанию тела можно на доске начертить такую таблицу, по которой легко уже детям рассказать прочитанное в порядке.

2. ЖИВОТНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

	Отряды	Семейства	Роды	Виды
Разделение упомянутых в книге животных млекопитающих (зверей)	1. Четырехрукие	1. Утконосое	1. Мартышка 2. Орангутан	
	2. Рукокрылые		1. Летучие мыши	
	3. Насекомоядные	1. Кротовое 2. Ежовое	1. Крот 2. Еж	
	4. Грызуны	1. Беличье	1. Белка	
		2. Заячье	2. Заяц	
		3. Мышиное	1. Мышь домашняя 2. Водяная 3. Полевая 4. Крыса	
		4. Бобровое	1. Бобр-строитель	
		5. Сурковое	1. Байбак 2. Сурок 3. Суслик 4. Овражек	
	5. Хищные	1. Медвежье	1. Медведь белый и бурый 2. Енот	
		2. Кошачье	1. Кошка домашняя и дикая 2. Лев 3. Тигр 4 Ягуар 5 Барс 6. Леопард	1. Куница 2. Соболь 3. Ласка 4. Горностай
		3. Псовое	1. Собака 2 Волк 3. Шакал	
		4. Хорьковое	1. Хорек 2. Куница 3. Выдра	
		5. Гиеновое	1. Гиена	
	6. Многокопытные	1. Непарнокопытные	1. Слон 2. Бегемот 3. Тапир 4. Носорог	

	Отряды	Семейства	Роды	Виды
Разделение упомянутых в книге животных млекопитающих (зверей)		2. Парнокопытные	1. Свинья дикая и домашняя	
	7. Двукопытные	1. Бычачье	1. Бык и корова 2. Буйвол 3. Зубр	
		2. Козловое	1. Козлы и козы 2. Бараны и овцы	
		3. Оленье	1. Олени 2. Кабарги	
		4. Камелеопардовое	1. Жирафы	
		5. Верблюжье	1. Верблюды 2. Ламы	1. Одногорбые 2. Двугорбые
		6 Лошадиное	1. Лошадь 2. Осел 3. Зебра	
	8. Ластовые	1. Тюленевое 2. Моржовое	1. Тюлени 2. Моржи	
	9. Рыбообразные		3. Киты	
	10. Беззубые		1. Ленивцы 2. Броненосцы 3. Муравьеды	
	11. Птицезвери		1. Утконос	
	12. Сумчатые		1. Двуутробка*	

* Читавшие со вниманием «Детский мир» могут уже показать, почему тот или другой зверь помещен на том или другом месте.

СТРАННЫЕ ЗВЕРИ

Когда вы будете пересматривать картинки какой-нибудь *зоологии*, то ваше внимание наверно обратят на себя своим странным видом четыре зверька, которые у нас не водятся. Не мешает знать вам, чтó это за звери, как их зовут и какие отличительные у них признаки.

У одних зверей зубы приспособлены к разрыву мяса, у других к пережевыванию травы, у третьих, чтобы грызть пищу. Но есть и такие звери, у которых или вовсе нет зубов или очень мало, да и те плохи и без эмали. К таким зверям относится несколько похожий на обезьяну *ленивец*, или *ай*. Ленивцем этого зверя зовут потому, что он почти никогда не сходит с дерева, листьями которого кормится, и если ему приходится переменить место, то кричит жалобно — ай, ай. Но не от лености кричит бедный зверь, а оттого, что ему больно и трудно ходить: длинные и крючковатые когти его сильно пригнуты к ладони и приспособлены только к тому, чтобы цепляться за ветки. К этому же отряду зверей, который естествоиспытатели назвали *отрядом беззубых*, принадлежат и *броненосцы*, тело которых покрыто чешуйчатой броней, и *муравьеды*, у которых вовсе нет зубов, а длинная, заостренная морда с длинным, далеко высовывающимся языком, приспособленным к тому, чтобы, всадив его в муравьиную кучу, вытащить разом целую сотню муравьев.

Ваше внимание, вероятно, также обратит на себя небольшой зверь с утиным носом, которого потому и назвали *утконосом*. Утконосы имеют на пальцах плавательные перепонки (у какого еще зверя есть плавательные перепонки?), плавают и ныряют отлично, отыскивая в воде червей и водяных насекомых. Однако утконос не рыба и не птица, а зверь, потому что покрыт шерстью, дышит легкими, рождает живых детенышей и кормит их своим молоком. Немногим зверям этого отряда естествоиспытатели дали особое название — *птицезвери*.

Странный зверь тоже *двуутробка*, или *кэнгуру*,— с очень длинными задними ногами, на которых это животное любит стоять, и очень коротенькими передними. Двуутробкой этого зверя зовут потому, что на брюхе у него есть особенная сумка, в которой мать долго носит своих детенышей после их рождения. Таких двуутробных животных есть несколько семейств, и все эти семейства естествоиспытатели причисляют к одному отряду животных *сумчатых*.

ДВА МОРОЗА

Гуляли по чистому полю два мороза, два родные брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали. Говорит один мороз другому: «братец мороз, Багровый-нос, как бы нам позабавиться, людей поморозить?» Отвечал другой: «братец мороз, Синий-нос, коль людей морозить, не по чистому нам полю гулять: поле все снегом занесло, все проезжие дороги замело, никто не пройдет, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бору. Там хоть и меньше простору, да зато забавы будет больше. Все нет, нет, да кто-нибудь и встретится на дороге».

Сказано, сделано. Побежали два мороза, два родные брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ноги на ногу попрыгивают, по елкам, по сосенкам пощелкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут, — кора ледяная, былинка ль из-под снегу выглядывает, дунут — словно бисером ее всю унижут. Послышали они с одной стороны колокольчик, а с другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичок. Стали морозы судить да рядить, кому за кем бежать, кому кого морозить. Мороз Синий-нос, как был помоложе, говорит: «Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорее дойму: полушубок старый, заплатанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме лаптишек, — ничего. Он же, никак, дрова рубить едет. А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. Видишь, на нем шуба медвежья,

шапка лисья, сапоги волчьи. Где уже мне с ним! не совладаю». Мороз Багровый-нос только подсмеивается. «Молод еще ты, говорит, братец! Ну, да уж быть потвоему, беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдемся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест!» — «Прощай, братец». Свистнули, щелкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле; спрашивают друг друга: что? «То-то, я думаю, намаялся ты, братец, с барином-то», говорит младший: «а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!»

Старший посмеивается себе. «Эй, говорит, братец, мороз Синий-нос, молод ты и прост. Я его так уважил, что он час будет греться, не отогреется».

— «А как же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?»

— «Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги, да как начал знобить!.. Он-то ёжится, он-то жмется да кутается, думает: дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось меня тут мороз не одолеет. Ан, не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него, чуть живого в городе из повозки выпустил. Ну, а ты что со своим мужичком сделал?»

— «Эх, братец, мороз Багровый-нос! Плохую ты со мной шутку сшутил, что во-время не образумил. Думал, заморожу мужика, а вышло он же обломал мне бока».

— «Как так?»

— «Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорогой начал было я его пронимать, только он все не робеет, еще ругается: такой, говорит, сякой этот мороз. Совсем даже обидно стало, принялся я его пуще щипать да колоть. Только не надолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю, тут мне сломить его. Забрался к нему под полушубок, давай его язвить. А он-то топором машет, только щепки кругом летят, стал даже пот его прошибать. Вижу, плохо! не усидеть мне под полушубком. Под конец инда пар от него повалил. Я прочь поско-

рее. Думаю, как быть? А мужик все работает да работает, чем бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу—скидает с себя полушубок. Обрадовался я. Погоди же, говорю, вот я тебе покажу себя! Полушубок весь мокрехонек. Я в него и забрался везде и заморозил так, что он стал лубок лубком. Надевай-ка теперь, попробуй!» Как покончил мужик свое дело да подошел к полушубку, у меня сердце так и взыграло, то-то потешусь. Посмотрел мужик и принялся меня бранить и ругать на чем свет стоит. «Ругайся! думаю я себе, ругайся! а меня все-таки не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался, выбрал полено подлиннее да посучковатее, да как примется по полушубку бить! по полушубку бьет, а меня все бранит. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз, выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушел, думал, костей не сберу, до сих пор бока ноют. Закаялся я мужиков морозить».

— «То-то!»

Вторая часть

ЗЕМНАЯ ОСЬ, ПОЛЮСЫ И ЭКВАТОР

Вы, вероятно, умеете заставить круглую монету вертеться быстро по гладкому столу и, вероятно, замечали, что часто она вертится на одном месте. Но присмотритесь внимательнее, и вы заметите, что монета, при быстром движении, кажется нам полупрозрачным шаром, в середине которого протянута темноватая линия. Остановите же монету, и вы не найдете на ней никакой линии. Что же это такое за линия, которую мы видели, когда монета вертелась? Это именно та линия в монете, которая не переменяла места, когда все другие точки монеты описывали круги вокруг этой линии и описывали их так быстро, что вся монета казалась нам вертящимся шаром. Возьмите ту же монету между двумя пальцами так, чтобы, ударяя по одному ее краю, вы могли заставить ее вертеться, и вы увидите, что вся монета вертится, но места своего не переменяет, или, лучше сказать, что все точки монеты обращаются, кроме тех двух точек, к которым вы прикасаетесь, удерживая монету между пальцами, и линии, которую можно провести между этими двумя точками и которая казалась нам темноватой линией, когда монета быстро вертелась. То же самое будет, конечно, если, вместо монеты, мы будем вертеть шарик, только линии, не переменяющей своего места, вы не заметите, потому что она будет внутри шара.

Так как земля есть тоже вертящийся шар, то и в ней, как в каждом вертящемся шаре, должны быть две

точки, которые при обращении шара не переменяют своего места. Эти две точки на земном шаре называются *полюсами*: один — *северным* полюсом, а другой — *южным*. Линия же, соединяющая эти точки, не переменяющая своего места, как та темненькая линия, которую мы заметили в середине вертящейся монеты, называется *земной осью*, потому, что она так же не переменяет своего места, как и ось вертящегося колеса. Земная ось соединяет оба полюса, северный и южный, и проходит через самый центр земного шара. Но, разумеется само собой, если бы вы могли разрезать шар земной вдоль оси на две равные половины, как разрезывают яблоко, то не увидели бы там никакой оси, как не видали и темненькой линии посредине остановившейся монеты.

Если на краю вертящейся монеты вы сделали прежде несколько меток в разных местах, то убедитесь, что чем ближе метка к одной из тех двух точек, которые прикасаются в вашим пальцам, тем меньший круг будет она описывать при обращении монеты. Самый же большой круг будет описывать та метка, которую вы положите посредине, в одинаковом расстоянии от обеих точек, не переменяющих места. Точно так же и на земном шаре: чем дальше отстоит какое-нибудь место от обоих полюсов разом, тем больший круг будет описывать оно при обращении земного шара. Но какая же точка на поверхности земного шара будет дальше всех от обоих полюсов разом? Конечно, та, которая лежит посредине, т. е. в одинаковом расстоянии от обоих полюсов. Таких точек можно, конечно, наставить на шаре множество, одна возле другой; но все эти точки вместе составят одну круговую линию. Этот круг, все точки которого находятся в одинаковом расстоянии от обоих полюсов, может быть, конечно, только один. Такой круг на земном шаре называется *экватором*. На глобусе экватор чертят, но на земном шаре, конечно, никто его не начертил, и этот круг такой же *предполагаемый* круг, как земная ось — предполагаемая линия. Так как экватор опоясывает землю в одинако-

вом расстоянии от обоих полюсов, то, следовательно, и разделяет землю на две равные половины, на два равных *полушария*, из которых одно, где находится северный полюс, называется *северным*, а другое, противоположное, *южным* полушарием. Это не те полушария, которые произойдут, если мы разрежем землю вдоль оси: те полушария будут уже не северное и южное, а восточное и западное.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Проведите какую угодно прямую линию по поверхности шара, то эта линия не будет уже совершенно прямая линия, а будет дуга. Если же вы будете вести линию все прямо по поверхности шара, то, наконец, обойдете весь шар и начертите на нем правильный круг. Заметьте же какую-нибудь точку на экваторе и ведите от нее линию по поверхности шара все прямо к северному полюсу, потом от северного полюса по другой стороне шара, не отклоняясь ни вправо, ни влево, ведите ту же линию к южному полюсу; достигнув южного полюса, ведите далее, до экватора, и если вы проводите вашу линию верно, не отклоняясь ни направо, ни налево, ни к востоку, ни к западу, то она непременно придет к той точке, от которой вы начали ее вести, и вы начертите совершенно правильный круг, который пройдет через оба полюса и пересечет экватор в двух точках. Такой круг, проходящий через оба полюса, называется *полуденником,* или *меридианом.* Подумав немного, вы поймете и сами, что тогда как экватор можно провести только один, полуденников можно провести бесчисленное множество; все эти полуденные круги, сколько бы вы их ни провели, непременно пересекутся между собою в каждом из полюсов. Вы легко также сообразите, что все эти полуденники будут одинаковой величины.

Не то произойдет, если, вместо того, чтобы проводить круги через полюсы, вы станете проводить их *па-*

раллельно экватору, т. е. так, чтобы все точки проводимого вами круга находились на одинаковом расстоянии от экватора. Вы увидите, что всякий круг, параллельный экватору, будет меньше экватора и тем меньше, чем дальше он будет от экватора и чем ближе к полюсу. Таких кругов, точно так же как и полуденных, можно провести бесчисленное множество, но, конечно, один никогда не сойдется с другим, как не сходятся никогда две параллельные линии. Такие, тоже воображаемые круги, называют *параллельными кругами*, потому что они параллельны экватору.

Через всякую точку земного шара можно провести параллельный круг и полуденник, а следовательно, их можно провести и через ту точку, на которой мы теперь находимся. Станем же на точку, где пересекутся эти два круга, и, обратившись лицом к *югу*, будем наблюдать, как ходит солнце по небу. Прежде всего мы заметим, что утром солнце покажется из-за горизонта на *востоке* и будет подыматься все выше и выше, а потом станет спускаться все ниже и ниже и, наконец, спрячется за горизонт, на *западе*. Если бы солнце, проходя по небу, оставляло по себе след, то мы увидели бы дугу, подобную дуге радуги, и эта дуга одним концом упиралась бы в горизонт на западе, а другим на востоке. Самая высшая точка этой дуги будет та, поднявшись до которой, солнце начало спускаться. Эта точка будет как раз посредине дуги, так что солнце употребляет столько же времени, чтобы подняться до этой точки, сколько и для того, чтобы спуститься от нее к западу. Следовательно, в этой *срединной* точке солнце бывает как раз посреди дня, т. е. ровно в 12 часов. Если бы мы могли с точностью заметить, когда солнце бывает в этой точке, то нам ничего не стоило бы поверять наши часы. Но следить за ходом солнца и подметить ту точку, с которой оно начинает спускаться, очень трудно.

Однакоже есть одно довольно легкое средство поверять часы по солнцу. Стоит только на чистом и открытом месте, усыпанном белым песком и которое бы с утра

до вечера освещалось солнцем, воткнуть в землю отвесно палку и замечать целый день, как падает на белый песок тень от этой палки. Когда солнце поутру покажется на востоке из-за горизонта, то от палки протянется по направлению к западу такая длинная тень, что трудно даже заметить, где она оканчивается. К западу тень протянулась потому, что солнце светит с востока, длинна же она потому, что солнце очень низко, на самом горизонте, и бросает оттуда очень косвенные, почти скользящие по земле лучи. Мы заметим также мимоходом, что эти косвенные лучи освещают предметы хорошо, но греют мало. Чем выше будет подыматься солнце, тем тень от палки будет становиться короче и тем далее будет она подвигаться по направлению от запада к востоку. В полдень тень будет самая короткая и будет падать по направлению от юга к северу. Тень от палки будет направлена к северу, потому что солнце в полдень стоит на юге; коротка она будет потому, что солнце стоит высоко и бросает на нашу палку далеко не столь косвенные лучи, какие бросало утром. При этом мы заметим также, что эти почти отвесные лучи греют гораздо сильнее, чем те, косвенные, которые бросало солнце утром. Наблюдая далее, мы заметим, что после полудня тень от палки начнет снова увеличиваться и при закате солнца будет такой же длинной, какой была при восходе, только протянется уже не к западу, а к востоку, и вместе с тем, чем ниже станет спускаться солнце к горизонту, тем косвенней будут падать его лучи на землю, тем и греть оно будет все слабее и слабее. Если же полуденный жар не начинает спадать тотчас после 12-ти часов, то это, без сомнения, потому, что за день воздух, земля и все тела на земле нагреваются сильно и нескоро успевают охладиться, но к вечеру солнце все же станет греть гораздо слабее. Отмечая на песке движение тени, отбрасываемой палкой, мы заметим и ту точку, когда тень была самою короткою и от которой она стала опять увеличиваться и повернула к востоку. В то самое время, когда солнце отбрасывало самую короткую тень,

оно стояло на середине своего пути от востока на запад; следовательно, в эту минуту был ровно полдень, т. е. 12 часов *. Так, или почти так, устраиваются и солнечные часы, самые верные часы на свете, только очень неудобные, потому что в пасмурный день палка не будет отбрасывать тени. Отметим на песке линией самую короткую полуденную тень, и эта линия пройдет как раз по направлению нашего полуденного круга, будет небольшим куском меридиана. Вот почему этот круг и называется полуденником, или меридианом: когда солнце станет над ним прямо, тогда у нас бывает полдень.

Теперь предположим себе, что мы обладаем с вами *ковром-самолетом*, на котором в одно мгновение можно перелетать тысячи верст. Поверим свои часы по солнцу и, севши ровно в 10 часов утра на диковинный ковер, полетим сначала на восток, придерживаясь одного и того же параллельного круга, пролетим несколько сот верст от того места, где мы наблюдали солнце, и остановимся делать новые наблюдения. Здесь над нами будет такой же свод неба, упирающийся в землю краями, вокруг такой же горизонт, и солнце, идя по небу, будет описывать такую же огромную дугу. Устроим опять солнечные часы и заметим на них, когда бывает полдень. Взглянем же теперь на наши карманные часы: что это сделалось с ними, как они страшно отстают? На них всего еще 10 часов, тогда как на солнечных уже 12. Но не браните напрасно ваши карманные часы, они ни в чем не виноваты: они показывали время исправно только для того места, на котором мы их поставили по солнцу. На оставленном нами месте действительно теперь только 10 часов, и только через два часа настанет полдень. Чем дальше к востоку, тем полдень бывает раньше, и наоборот: чем дальше к западу, тем полдень настает позже. Но если бы мы по тому же параллель-

* Практическое нахождение полуденной линии объяснено на рисунке, так что дети сами легко могут найти ее.

ному кругу пронеслись в одно мгновение на противоположную точку земного шара, то увидели бы, что часы наши опять показывают верно, только на небе вовсе нет солнца, часы же наши показывают полночь.

Но возвратимся опять на то место, где мы устроили первые солнечные часы, и, поднявшись над землею, ровно в полдень, остановимся на одном месте — остановимся и будем смотреть на землю. С изумительной быстротой улетят из-под нас не только наши солнечные часы, но и вся знакомая нам страна *. Быстро замелькают под нами города, целые незнакомые нам реки, горы, моря, океаны; а солнце все будет стоять над нами неподвижно, как раз на полудне. Ровно через 12 часов мы можем преспокойно опуститься на противоположной точке земного шара, противоположной той, где мы оставили солнечные часы. Но как же мы доберемся домой? Очень легко: подымемся опять кверху, и ровно через двенадцать часов наши солнечные часы будут под нашими ногами.

Прекрасно было бы путешествовать так быстро по земле, не трогаясь с места, да то беда, что это невозможно: все, что есть на земле, вращается, вращается вместе с нею и самая атмосфера, которая ее окружает, так что воздушный шар, поднявшись над землею, летит с *запада на восток* вместе с атмосферой, в которой он плавает. Примиримся же с этой невозможностью и станем снова наблюдать наши красноречивые солнечные часы. Они еще не сказали нам всего того, что могут сказать.

Вот мы стоим снова на точке пересечения параллельного круга и меридиана. Солнце достигло самой высшей точки своего небесного пути, а на часах у нас полдень. Выше солнце уже не подымется, но оно далеко еще не стоит прямо над нашей головой. Что же случится, если мы полетим прямо к югу по направлению нашего меридиана? Не долетим ли мы до того места, где солнце

* Каждая точка экватора, при обращении земли около своей оси, пролетает более 1500 верст в час.

будет стоять прямо над нами? Как только долетим по меридиану до экватора, то солнце в полдень будет прямо над нашей головой, и его лучи, падающие совершенно перпендикулярно, будут страшно жечь нас. Мы очутимся посреди африканской пустыни, где от страшного жара все вымерло вокруг: нет ни травки, ни деревца, и даже дикие звери ходят только по ночам. Нехорошо здесь. Воротимся же поскорее домой и попробуем полететь на север, придерживаясь попрежнему нашего меридиана: посмотрим, не будет ли там лучше. Чем ближе будем мы подлетать к северному полюсу, тем ближе к горизонту будет нам казаться полуденное солнце, тем косвеннее будут падать его лучи и тем менее будут давать они тепла. Но вот мы приближаемся к полюсу, часы показывают полдень, а солнце почти лежит на горизонте; косвенные, почти горизонтальные лучи его чуть задевают землю и греют очень слабо. Если же мы совершаем наше воздушное путешествие зимой или поздней осенью, то можем прилететь в такое место, где увидим солнце скрывающимся за горизонт, хотя и на наших часах и на часах тамошних жителей будет полдень. Еще несколько далее к северу — и мы солнца и днем не увидим. Но в какие пустынные места мы залетели! Вокруг также нет ни деревца, ни кустика, ни травки, море покрыто льдом и холод невыносимый. Под экватором, в африканской пустыне, нет жизни от палящего жара,— у полюсов, на берегах Ледовитого океана, нет жизни от страшного холода...

РАЗНООБРАЗИЕ КЛИМАТОВ

Если бы климат того или другого места зависел единственно от большей или меньшей близости места к полюсу или к экватору, то во всех местностях, лежащих на одном и том же расстоянии от экватора, между одними и теми же параллельными кругами, должен бы быть и одинаковый климат. Однакоже мы часто заме-

чаем противное, и если мы, например, возьмем какое-нибудь место посредине Сибири, лежащее на таком же расстоянии от экватора, на каком лежит Петербург, то увидим, что в Сибири в этом месте климат будет гораздо суровее, чем в Петербурге, хотя солнце в обеих этих местностях, в одно и то же время года, будет одинаково подыматься над горизонтом и в продолжение одинакового времени будет оставаться на небе.

Это явление зависит от многих причин, из которых мы перечислим главные.

Первая причина — близость моря. Море у полюсов и зимой, и летом загромождено пловучими льдинами, громадными ледяными горами, во всех же других местах море или вовсе не замерзает, или замерзает там, где бывают холодные зимы, и то только у берегов. Незамерзнувшее море летом охлаждает воздух, вбирая из него излишний жар, а зимою согревает воздух, отдавая ему набранное летом тепло.

Вторая причина — ветер. Мы уже читали о влиянии ветра на тепло и холод. В той стране, которую высокие горы заслоняют от холодных северных ветров, будет всегда гораздо теплее, чем в той, которую горы заслоняют от южных ветров, несущих на север нагретый на юге воздух. Всякое место, лежащее посредине Сибири, находится очень далеко от незамерзающего моря. Вот почему в Сибири так холодно.

Третья причина — возвышенность места. Сидя в комнате, сильно нагреваемой солнцем через стекло в окошках, мы можем сделать следующий опыт: дотронемся до стола, пола, мебели, освещенных солнцем, и мы заметим, как они нагрелись, дотронемся до стекла в окне, через которое проникают солнечные лучи, и мы заметим, что оно осталось холодным. Из этого мы можем вывести, что солнечный луч, проходя удобно сквозь прозрачное тело, мало его согревает. Воздух еще прозрачнее стекла, и потому солнечный луч, проходя сквозь воздух, мало его согревает и тем меньше, чем воздух реже и прозрачнее, если же воздух нагревается, то это уже от земли,

нагретой солнцем. Вот почему, чем дальше подыматься от земли, тем становится все холоднее: теплота земли достигает все меньше и меньше, а воздух все прозрачнее и реже. Земля, нагретая солнцем, нагревает воздух и ночью, когда солнца не видать. Теперь мы поймем, почему вершины очень высоких гор, лежащих даже в самом теплом климате, покрыты вечным льдом и снегом, как земли, лежащие у полюсов, тогда как у подошвы тех же гор круглый год не только не бывает снега, но даже лист не спадает с деревьев, растут померанцы, лимоны, виноград, миндаль и даже пальма — это растение, свойственное только жаркому климату. Подымаясь на такую гору, мы испытываем все те же перемены климата и будем видеть то же разнообразие растительности, какое заметили бы, если бы полетели от экватора к полюсу.

ГОРНЫЕ ЛЕДНИКИ И ПЛАВАЮЩИЕ ЛЬДЫ

Мы уже знаем, что на земле есть много гор, вершины которых подымаются высоко, в высшие слои атмосферы, где очень холодно. Понятно, что на такие вершины вода не падает иначе, как в виде снега, и что снег этот, оставаясь там, никогда не тает, а накопляясь с каждым годом более и более, покрывает всю вершину горы. Однакоже замечено, что количество снега не увеличивается на горах, а остается с небольшими изменениями постоянно одно и то же. Это потому, что снег, когда его набирается много и когда поэтому тяжесть его увеличивается, скользит мало-помалу по ущельям гор и сходит в долины, расположенные внизу. Но в то время, когда снег, двигаемый тяжестью новых слоев, медленно спускается по покатостям горы, он мало-помалу превращается в твердый лед, потому что солнце в продолжение дня растапливает поверхность снега, и вода, пробираясь в снежные *поры*, снова там замерзает. Таким образом, мало-помалу, вся масса снега делается твердой и льдистой. Достигая каких-нибудь узких мест в ущельях гор, льдистая скользящая масса останавливается. Но часто не

может выдерживать все прибывающего и прибывающего снега, уступает, наконец, силе давления и входит через ущелья в высокие горные долины, наполняя, таким образом, льдистою массою все значительные углубления. Вот почему большие центральные снежные поля высоких гор окружены всегда бахромою твердого льда, залегающего в ущельях и долинах, это так называемые *горные ледники*, которые, подвигаясь все ниже и ниже, появляются иногда в цветущих населенных долинах. По большей части, однако, горные льды остаются на одном и том же месте, потому что от солнца и теплого воздуха долин края их обтаивают настолько, насколько их прибудет зимой. Ледники эти приносят с собой огромные куски скал и кучи мелких камней, из-под которых журчат тысячи ручьев светлой и холодной воды. Эти ручьи, образовавшись от таяния льда, стремятся найти себе выход в открытые долины, где образуют небольшие быстрые горные речки; горные речки, сливаясь вместе, образуют большие реки.

Чем холоднее та страна, в которой находятся такие высокие снежные горы, тем ниже, конечно, могут спускаться льдины, не подвергаясь таянию, а в полярных странах горная льдина может спуститься даже на берег моря и в самое море. Когда капитан английского корабля Буханан и спутник его, впоследствии погибший без вести в полярных морях, сир Джон Франклин, были посланы в 1818 году найти морской путь к северному полюсу, то должны были остановиться у Шпицбергена потому, что проход был заперт огромными ледяными горами, плававшими в море. В это время смелые моряки видели, как страшная масса льда, около 200 сажен в окружности, сорвалась с горы и ринулась в море. Английский корабль стоял тогда на якоре, в 6-ти верстах от этого места, но тем не менее его сорвало с якоря, так сильно взволновалось море, расступившееся, чтобы принять в себя нового громадного гостя, который целые столетия будет плавать по его волнам. Некоторые полагают, что и все ледяные горы, плаваю-

щие в таком множестве в морях, окружающих полюсы земного шара, произошли таким же образом. Справедлива ли эта догадка или нет, вполне убедиться трудно, но только эти ледяные горы плавают там в огромном количестве, и если им случится столкнуться, то это столкновение раздается громче пушечного выстрела. Понятно, что отважные моряки, которых любопытство заводит в эти негостеприимные страны, больше всего боятся, чтобы их корабли не были затерты страшными ледяными горами, которые им не всегда удается разбить выстрелами из пушек. В безветренную зиму ледяные горы смерзаются иногда в одну громадную гористую страну, в которую осмеливаются пускаться на собаках или на лыжах только смелый дикарь-охотник да изредка любознательный путешественник. Но стоит подуть сильному ветру,— море взволнуется, лед начнет ломаться с ужасным треском, и страшные горы снова задвигаются и заходят. Только морж, тюлень да белый медведь, эти жители полярных стран, чувствуют себя, как дома, в этом хаосе природы, человек же часто платится дорого за свою неустрашимую любознательность. Знаменитый английский мореплаватель Франклин, о котором мы упомянули, сделал несколько поездок в арктические моря, но, наконец, отправившись для открытия морского пути мимо северного берега Америки, пропал без вести. Благодарные соотечественники снаряжали несколько морских экспедиций, чтобы найти Франклина или, по крайней мере, узнать, что с ним сделалось, и теперь уже окончательно убедились, что он погиб со своими спутниками. В одну из экспедиций для открытия следов Франклина удалось узнать, что действительно есть морской проход мимо северных берегов Америки, но в то же время убедились, что этот проход так загроможден плавающими льдами, что от него не может быть никакой пользы ни мореплаванию, ни торговле.

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ Г-НА ТОЛЛЯ [16]

В 19-м № журнала «Учитель» г. Толль разбирает, между прочими детскими книгами, составленную мною книгу для классного чтения «Детский мир и Хрестоматия». В этой статье г. Толль доказывает, что проводимая мною мысль — о возможности соединения объяснительных чтений с наглядным обучением — неосуществима. Кроме того, г. Толль берет на себя труд подавать преподавателям советы, как употреблять «Детский мир» при классном чтении, и подает советы такого рода, которые, будучи приняты преподавателями, лишат мою книгу именно того значения, на которое я рассчитывал при ее составлении, и сделают ее бесполезной для тех учебных заведений и тех родителей и наставников, которые ее приобрели. Вот что в особенности заставляет меня отвечать на рецензию г. Толля. Кроме того, в конце своей рецензии г. Толль, решительно не знаю почему, по ошибке ли или вследствие каких-нибудь особенных соображений, возводит уже не на книгу, а на меня несколько весьма тяжелых обвинений такого рода, что оставить их без ответа невозможно.

Изложив в начале статьи идею, которая руководила мною при составлении книги, г. Толль говорит, что я поставил себе «трудную и сложную, чтобы не сказать невозможную, задачу».

После таких слов можно бы ожидать, что рецензент, сознавая всю трудность избранной мной задачи,

будет снисходителен к первой попытке разрешить ее. Тем более эта мысль могла придти г. Толлю, что, оканчивая предисловие к первому изданию «Детского мира», я сам сознал несовершенство моего труда и выразил следующую мысль:

«Хороший учебник есть по преимуществу дело опыта, и опыт же укажет, принесет ли «Детский мир» ту пользу первоначальному учению, на которую я рассчитывал. Но если хотя только направление и система угаданы мною, — то и тогда труд мой не пропадет даром. Желая искренно воспользоваться указаниями опыта, я прошу убедительнейше г. г. преподавателей, которые при самом преподавании откроют те или другие недостатки моей книги, сообщить мне свои замечания, *чтобы я мог воспользоваться ими при новом издании*».

Казалось бы, что после таких слов г. Толлю нечего было бы удивляться, что я, выслушав замечания критики, практиков-преподавателей и вследствие личного наблюдения, сделал во втором издании несколько перемен: поместил то, что считал прежде лишним, выпустил то, что казалось мне прежде полезным. Кто же в настоящее время может быть так самонадеян, чтобы взять на себя обязанность определить заранее и безошибочно, какова должна быть первоначальная книга для чтения в наших учебных заведениях, и тем более, кто может на себя взять обязанность написать такую книгу с полной уверенностью, что она совершенно удовлетворительна? Странно же поступает г. рецензент: неужели он разбирает книги только для того, чтобы разбранить или расхвалить их, и не имеет ввиду, что его советы могут принести пользу детской литературе? Уверяем г. Толля, что если бы в рецензии его был хоть один благоразумный совет, то мы бы непременно последовали ему; да он и убедится, что в 3-м издании мы воспользуемся одной дельной заметкой, которую он нам сделал; а если не воспользуемся другими, то единственно потому, что считаем их ошибочными.

Г. рецензент обвиняет меня в том, что я во 2-м издании сделал несколько изменений, противоречащих предисловию 1-го издания. Неужели г. Толль, который, вероятно, прежде, чем взял на себя обязанность быть судьею воспитательной литературы, познакомился с ее историей, — неужели он думает, что так-таки с первого раза и может родиться образцовая книга для классного чтения? Нет, г. Толль, это задача не легкая. Конечно, иные ее разрешают весьма легко: наберут из разных детских журналов стихов да басенок, оберут даже таких знаменитых поэтов, каков Борис Федоров с братией, вырежут пять-шесть страниц из такой знаменитой исторической писательницы, какова г. Ишимова, вставят несколько молитв, в заключение всего приведут народный гимн — и книга готова. И скоро и хорошо! В неделю можно написать такую книгу. Но г. Толль и сам, кажется, знает, как мало на русском языке есть таких статей, в особенности статей научного содержания, которые могли бы быть помещены с пользой в книгу для классного чтения. Зная это, он легко бы мог сообразить, почему в моей книге статей перепечатанных, включая сюда и «Хрестоматию», не более *четвертой* части; сообразил бы также, что в книге 550 страниц; что написать и один сколько-нибудь занимательный детский рассказ научного содержания — труд не легкий; что и в немецких книгах для классного чтения истинно хорошие детские рассказы встречаются редко (чтобы стоило перевести их) и т. д. Но какое дело до всего этого рецензенту? Он задал себе задачу разбранить книгу и, ничем не останавливаясь, идет к своей цели.

«Первый том «Детского мира», — говорит г. Толль, — начинается рассказом «Дети в роще», которой * назначение состоит в том, чтобы дать преподавателю случай при чтении совершенно легонькой статейки *установить*

---

* (*аго*)? Вот и мы могли бы вам сделать замечание в неуменьи согласовать придаточное предложение с главным.

порядок в классных чтениях. Не отрицая нисколько пригодности рассказа для этой цели, мы, однако, должны заметить, что он принадлежит именно к разряду тех сказок и побасенок, на которые тратить классное время автор в своем предисловии к 1-му изданию (стр. V) почитает за грех».

Если рецензент понял, что этот пустенький рассказ помещен на первой странице именно с той целью, чтобы дать наставнику возможность установить порядок классных чтений, не затрудняя детей содержанием рассказа, и находит, что рассказ годится для этой цели,— то какое же здесь противоречие с тем убеждением, что набивать детскую книгу подобными рассказами есть или крайнее неуменье, или бессовестная спекуляция?

Затем рецензент переходит ко второй статье «Дети в училище» и говорит:

«Вторая статья —«Дети в училище» и пять последующих в отделе I, по всему видимому, должны служить к *восполнению недостатка наглядного обучения*, от которого страдают ученики наших учебных заведений. Но здесь-то именно и сказывается невозможность такого восполнения без ущерба занимательности и полезности чтения. А именно: наглядное обучение всегда исходит от *предметов*, которые должны быть объяснены ученику, и прежде всего от предметов, *ближайших к ученику*; *только мало-помалу*, *по мере того как ближайшие предметы вполне усваиваются учеником*, *учитель переходит к объяснению отдаленнейших. Материал наглядного обучения*, *таким образом*, *почти случаен и заключается в окружающем мире*, *а не изобретается преподавателем.* При чтении же *материал объяснений* заключается в книге; рассматриваются те предметы, которые автору угодно было изобразить, и так, как ему удалось изобразить их. Теперь, если мы захотим соединить наглядное обучение с чтением, то или принуждены будем в наглядном ознакомлении детей с предметами сообразжаться с тем, как они изображены в книге, или же допустить разлад

между наглядно узнанным и читаемым. С другой стороны, если даже мы успеем помирить то и другое,— то какой интерес будет дитяти читать описание того, что оно видит и что уже совершенно знакомо ему из наглядного обучения?»

Вы говорите, г. Толль, что материалы наглядного обучения *почти случайны* и заключаются в окружающем мире, а не изобретаются преподавателем. Скажите же, г. Толль, зачем лучшие германские педагоги пишут для преподавателей руководства в наглядном обучении, зачем, напр., знаменитый Денцель или еще более знаменитый Дистервег написали такие книги? И заметьте при этом, что они не случайно предоставляют порядок и выбор предметов наглядного обучения, но проводят в своих книгах строгую систему.

Далее вы находите затруднение в том, что описанный мною класс, может быть, не похож на тот, в котором сидит ученик, и что в этом случае должно будет допустить *разлад между наглядно узнанным и читаемым.* Но неужели вы не знаете, что именно этот-то разлад составляет иногда для толкового учителя истинное сокровище; здесь-то он и получает возможность упражнять в детях и внимание, и рассудок, сравнивать то, что они видят вокруг себя, с тем, что они читают. Напротив, дурно то, если в книге говорится о таких предметах, в которых нет ничего общего с той обстановкой, которая окружает дитя. Впрочем, через несколько же строк вы находите и то дурным, что ученик найдет в книге все то, о чем он уже говорил с учителем. Неужели вы не понимаете, что весьма полезно в первые уроки познакомить дитя с классом, в который дитя из дому входит, как в лес? Согласен, что это может сделать учитель и без книги, но *разве это делается?* Что же вы нашли дурного в том, что статейка моей книги не только напоминает учителю, что он должен сделать, но даже подает ему ближайший повод к беседе о классе и классных требованиях. Во многих немецких книгах для классного чтения вы могли бы найти (если бы знакомы

были с этими книгами), на первых же страницах классные правила в виде сухих сентенций. Подобные же сентенции, я думаю, еще скучнее статейки «Дети в училище».

Далее вы говорите, что «статья вроде «Дети в училище» должна страшно наскучить детям, если чтению ее будет предшествовать наглядное изучение предметов, находящихся в училище...».

Знаете ли, г. Толль, взявшись за критические разборы учебных и детских книг, вы обнаруживаете такое незнание самых простых требований педагогики, что становится за вас совестно. Ведь в настоящее время все сколько-нибудь порядочные педагоги более всего заботятся о том, чтобы дети, начиная учиться, читали преимущественно о тех предметах, которые видели или могут видеть. И неужели вы не знаете одного из простых педагогических правил, что для того, чтобы приучить детей к сознательному, вполне сознательному, чтению, — им посредством вопросов объясняют содержание читаемого, показывают предметы, если можно их показать (конечно, Аннушки, или Маши, или Александра Македонского, или какого-нибудь Диогена не покажешь) и потом уже заставляют дитя прочесть статью; так что, когда оно читает ее, то все предметы, о которых там говорится, ярко и правильно отражаются в его душе? Эта-то полнота сознания, яркость и правильность образов и есть то, о чем более всего хлопочут хорошие педагоги, а не тот *процесс чтения*, о котором вы так заботитесь. Невольно нападает сомнение, что вы даже не читаете того самого журнала, в котором принимаете участие, а то и в нем, сколько мне помнится, вы нашли бы совет: уяснивши читаемую статейку сравнениями, вопросами и т. д., снова потом перечесть ее, да и перечесть еще не один раз. Вы нашли бы там, как г. И. П., выбрав из прекрасной книги г. Паульсона рассказ о том, как Вася или Ваня, право уж не помню, толкнул Сережу в снег, а Аннушка помогла Сереже выкарабкаться, — показывает, как следует уяс-

нить содержание этого рассказа более чем 50-ю вопросами, и еще требует, чтобы после того статейка была перечитана уже не помню сколько раз. Но, может быть, вы полагаете, что содержание этого рассказа будет занимательнее и полезнее для детей, чем толки о классе, в который они только что вступили и где для них все ново и очень уж наглядно? Это может быть, г. Толль; с этим мы согласны.

Далее г. Толль говорит:

«Так же скучны будут статьи о временах года, из которых ребенок не узнает почти ничего нового, между тем, как тот же предмет, став содержанием исключительно наглядного обучения и облеченный в форму живого разговора между учителем и учениками в классе, кроме того, что мог бы быть сделан чрезвычайно занимательным, мог бы еще содействовать уточнению понятий и развитию воспроизводительного воображения дитяти».

Плохо, очень плохо, г. Толль! Вы обвиняете меня в том, что в статьях моих о временах года нет почти ничего нового для девятилетнего дитяти? Да я об этом-то и заботился, чтобы в них было как можно меньше нового. Неужели вы думаете, что лучшее начало учения состоит в том, чтобы набивать головы детям всякими новостями? Нет, г. Толль, если вам попадется в руки какое-нибудь дитя, то, ради бога, не начинайте сразу же набивать ему голову всякого рода новыми сведениями, а постарайтесь сначала узнать, что дитя уже знает, постарайтесь, чтобы оно сознало ясно и верно то, что у него в голове отразилось, может быть, темно и неправильно; постарайтесь вопросами и объяснениями заставить дитя привести в некоторый порядок те сведения, которые сохраняются в его душе без всякого порядка, постарайтесь, чтобы ваш ученик выразил эти сведения, по возможности, правильно и отчетливо; а то, подумайте, каково ему, вообще выражающему свои мысли с трудом, говорить о новых, только что узнанных им от вас предметах? И тогда уже, когда заметите, что дело идет на лад, можете сделать шаг

далее, и к массе сведений, уже готовых в голове дитяти, сознанных, приведенных в порядок и облекшихся в стройное слово, можете прибавить и что-нибудь новое. Неужели вам, строгому судье нашей воспитательной литературы, неизвестно и то старое, как мир, педагогическое правило, что должно от известного переходить к неизвестному? Но вы опять говорите, что ребенку будет скучно читать статью, в которой все уже для него ясно, повторять в чтении то, что он, руководимый вопросами учителя, сам уже высказал. Сознайтесь, однако, г. Толль, что вам самим не неприятно прочесть, и иногда не один раз, написанную вами бойкую рецензию, и пусть этот маленький психологический опыт убедит вас в несправедливости вашего суждения. Переходя к статье о человеке, рецензент продолжает:

«Статья «О человеке», заключающая I-й отдел, самим автором признана скучною в чтении (XVI); но, если, продолжает он, и дети сами в несколько последовательных уроков выскажут с помощью учителя все содержание этой статьи, конечно, по отделам, на которые она разбита, и потом прочтут статью также по отделам,— то она принесет им большую пользу». Тут нет логической связи: статья скучна, но если..., то принесет пользу. Да ведь оттого, что принесет пользу, она не станет занимательнее в чтении? Вот оно что значит, гоняться разом за двумя зайцами!

«Статья скучная, но если ее прочтут так-то и так-то, то она принесет большую пользу»; лекарство горько, но если его принимать, то оно поможет. Если, г. Толль, для вас в этом предложении нет логики, то позвольте вам заметить, что у вас такая особенная логика, о которой люди не знали ничего от Аристотеля до Гегеля.

«Что за чтение, продолжает рецензент, состоящее в вычислении различных частей нашего тела? Рука состоит из таких-то костей, нога из таких и пр. и пр.? Неужели посредством такого чтения можно приобресть навык в языке? Впрочем, ведь, сознавая негодность «Детского мира» для этой цели, автор и присовокупил к

нему «Хрестоматию», между статьями которой и статьями «Детского мира» сохранена некоторая связь относительно содержания. А так как ребенка девяти или десяти лет, прежде чем «вводить его в преддверие науки», не худо бы приохотить к *процессу чтения*, то мы и полагаем, что «Хрестоматию» первого тома следовало бы прочесть прежде «Детского мира».

Вы не видали ль, г. Толль, книги для чтения Вильмсена, имевшей бесчисленное множество изданий и переведенной чуть ли не на все языки? Не видали? Загляните же в нее: не найдете ли вы в ней чего-нибудь похожего на те сухие предложения, над которыми вы так издеваетесь. Но вот мы добрались и до ваших собственных педагогических воззрений. Вы думаете, что дитя 9-ти или 10-ти лет следует приучать прежде всего *к процессу чтения*, к процессу, которым так наслаждался гоголевский Петрушка. Извините, здесь мы совершенно уже с вами расходимся. Я вслед за всеми педагогами, написавшими что-нибудь путное по делу воспитания, думаю, что 10-летних детей нужно приучать к процессу понимания того, что читается; а вы хотите нас перенести в те блаженные времена, когда класс русского языка в первых классах гимназий и уездных училищ был только процессом чтения. Теперь и понятно, почему вы советуете прочесть сначала «Хрестоматию», а потом уже начать чтение «Детского мира», т. е., другими словами, целый год занимать детей баснями, стихами, вымышленными рассказами, а потом уже приступить к чтению статей научного содержания. Но неужели, г. Толль, вы не знаете даже и того педагогического правила, простейшего из простейших, что чем менее возраст детей, тем разнообразнее должен быть каждый их урок, и что кормить дитя все побасенками да побасенками, которые бы только щекотали его воображение, очень и очень вредно? Нет! Всякого, кто захотел бы употреблять нашу книгу по совету г. Толля, мы просим не употреблять ее вовсе, а взять для этой цели какое-нибудь собрание побасенок, песенок, при-

сказок: для такого чтения, какого желает г. Толль, книг найдется у нас немало, да и стряпаются они вновь очень легко.

Далее рецензент советует переделать статьи «Детского мира», взять для них содержание, «*пожалуй* (какое позволение!), из тех же естественных наук, но обработав их исключительно для объяснительного чтения *без отношения к наглядному обучению*». Как же это так, г. Толль? Говорить детям об естественных предметах так, чтобы они, видя их потом на картине или в натуре, и не узнали? Как же вы объясните устройство цветка, напр., не показавши цветка или его рисунка? Почему же теперь в лучшие немецкие книги для классного чтения помещаются хоть какие-нибудь, но все же рисунки? Что за вражда у вас к наглядности, когда журнал, в котором вы участвуете, только о ней и толкует, даже рисует чижиков, зайчиков, стульчики?

Если вы хотели выразить ту мысль, что наглядное обучение должно предшествовать объяснительному чтению, то так бы и говорили. Эту мысль вы могли прочесть и в моем предисловии к «Детскому миру». Но как вы думаете: скоро ли у нас введется везде такое, предшествующее чтению, наглядное обучение, так чтобы дети 9-ти или 10-ти лет уже были им достаточно развиты? Неужели же попытка помочь этому недостатку, сколько возможно, дав преподавателям повод к наглядным объяснениям, заслуживает такой недоброжелательной встречи? И кроме того, знаете ли вы, что у новейших германских педагогов образовалось убеждение, что всякое учение в детском возрасте должно быть наглядное? Многие даже отвергают необходимость *отдельного* наглядного обучения, что, конечно, несправедливо. Отдельное наглядное обучение, как мне кажется, нужно до тех пор, пока дитя не начнет заниматься серьезно отдельными науками. Такое же начало предполагается уже на десятом году. Но г. рецензент расщедрился на советы, и какие все чудные советы!

«Если уже, — говорит он,— начинать чтение с «Детского мира», то, по нашему мнению, следует начать со статей о животных, в которых гораздо больше непосредственного интереса, так сказать, сочности (?), или же еще лучше, — со статей о растениях и ископаемых. Что касается статей «Детского мира» о животных, то мы не поместили бы в числе их описаний осла, слона и др., не принадлежащих к фауне родины ученика. Притом, чтобы сделать статьи занимательнее, следовало бы описать с большей подробностью признаки, по которым животные делятся на роды и виды; напр., распространиться о желудке коровы в противоположность желудку лошади, свиньи и др.».

Т. е., другими словами, следует читать с детьми нашу книгу, начиная с конца, — это, по крайней мере, будет оригинально. Но не вы ли сами сказали, что наглядное обучение *исходит* (?) «*от предметов,* ближайших к ученику; только мало-помалу, по мере того как ближайшие предметы вполне усваиваются учеником, учитель переходит к объяснению отдаленнейших». Но что же ближе к ученику: класс ли, в котором ученик сидит, и собственные руки и ноги ученика или ископаемые?

Теперь о другом вашем замечании. В предисловии я, конечно, не объяснил, почему я, описывая преимущественно животных русской или даже великорусской фауны, поместил описание осла, слона и пр. Но я думал, что всякий и сам догадается, зачем. Оказалось, что нет. Описание осла, льва, тигра и пр. я поместил затем, что эти-то животные играют обыкновенно роль в баснях Крылова, с которыми непременно будут знакомить ученика, так как это, без сомнения, лучшее средство приучить дитя к чисто-русскому народному языку. Понятно ли вам теперь это, г. Толль?

Далее вы считали бы полезным *распространиться* о желудке коровы, лошади, свиньи и др. Если бы вы читали разбираемые вами книги внимательнее, то заметили бы, что об особенности устройства коровьего

желудка было сказано; а слишком *распространяться* о чем бы то ни было детям этого возраста я считаю излишним. Чем более вы вместите сведений в вашу статейку, тем менее имеете права ожидать, чтобы эти сведения были усвоены детьми. И неужели вы думаете, что полезно бы было затвердить десятилетнему ребенку, что первый желудок коровы называется *требухой*, второй *сеткой*, третий *книжкой*, четвертый *сычугом*. Подумайте сами: нужны ли десятилетним детям эти сведения? Что же касается до особенностей устройства желудка свиньи и других животных, то я думаю, г. Толль, что мы и сами с вами этого не знаем. Вы хотите, чтобы я написал для детей сравнительную анатомию звериных желудков? Попробуйте, напишите сами: прелюбопытная, я вам скажу, выйдет книга для классного чтения, и в особенности для 10-летних детей. Но вот что еще заметьте: вы хотите, чтобы я объяснил детям особенности устройства желудка у лошади, коровы, свиньи и пр., а, между тем, находили странным, что предварительно я знакомлю детей с назначением их собственного желудка. Как же я буду говорить о желудке коровы, лошади, свиньи, если на ближайшем предмете не объясню детям, что такое желудок вообще и какая его роль в деятельности организма?

Далее говорит г. Толль:

«Мы совершенно согласны с автором, что «не с курьезами и диковинками науки должно в школе знакомить дитя, а, напротив, приучить его находить занимательное в том, что его беспрестанно и повсюду окружает, и тем самым показать ему на практике связь между наукой и жизнью». Но связь между наукой и жизнью будет понятна только в таком случае, если наука явится раскрытием *тайны* жизни (?), ее внутреннего ядра (?), ее причин и основ, а не повторением в другом порядке тех же явлений жизни, которые перед вами совершаются».

Вот оно, какой пышной фразой расчеркнулся бойкий рецензент! умудрит же, право, господь. *Раскрыть*

ребенку тайны жизни! Показать ее внутреннее ядро, ее причины и основы. Это было бы недурно, г. Толль, но я за это не берусь. Хорошо бы раскрыть тайны природы, да как их раскроешь, когда они тайны? Ведь они потому и тайны, что не раскрываются. *Раскрыть внутреннее ядро жизни!* Это было бы тоже недурно. Сделайте милость, г. Толль, раскройте нам его. *Показать причины* жизни. Недурно, очень было бы недурно, особенно в книге, назначенной для десятилетних детей. Подумаешь, какие иногда странные требования бывают от детских книг. *Раскрыть тайны жизни, ее внутреннее ядро*, ее причины и основы! Раскрывайте, раскрывайте их скорее, г. Толль, да уж не одним детям, а кстати всем знаменитейшим физикам, физиологам, психологам и философам.

Решив, что занимательнее было бы сначала знакомить детей с устройством звериных желудков, рецензент находит, что «вообще, совершенно вопреки постепенности возрастания у ученика любознательности, в «Детском мире» самые сухие, безжизненные статьи предшествуют статьям все более занимательным, занимательность которых увеличивается еще по мере приближения к концу отдела IV и вообще к концу первой части». Если рецензенту попадется в руки какая бы то ни была азбука, то он, вероятно, придет в крайнее негодование: зачем, скажет он, в конце азбуки занимательные историйки, а в начале склады и буквы? И посоветует преподавателю начинать с занимательных рассказцев и оканчивать складами и азбукой. Но знаете ли что: «Космос» Гумбольдта очень занимательная книга, — уж не начинать ли ученье прямо с нее?

«Для объяснения статей, говорит г. Толль, к «Детскому миру» приложены рисунки; но преподаватель, по словам автора, «сделает очень хорошо, если покажет детям, напр., цветок яблони, вишни, одуванчика в разных его видах и проч. в натуре. Для этой цели *он может* (полно — может ли?) прервать ход своих чтений и весною показать те или другие цветы и прочесть отно-

сящиеся к ним статьи». Эта последняя мера, очевидно, приведена автором так только, ради приятности педагогических мечтаний, потому что при нашей организации школ такое прерывание лекций с целью ботанизирования вовсе немыслимо».

Итак, если настоящая организация наших школ дурна, то и книги для этих школ, по логике г. Толля, должно писать дурные; если у нас есть еще плохие преподаватели, которым покажется, может быть, тяжелым, бесполезным или даже смешным принести в класс цветок яблони, одуванчик, колос ржи, стебель конопли, — то следует писать для детей и плохие книги. Нет, г. рецензент, вы уже слишком презрительно смотрите на наших учителей, если считаете их совершенно недоступными ни к какому улучшению в преподавании. Насмехаться же над тем, что я желаю сколько-нибудь ввести наглядность в школу, и насмехаться в том самом журнале, который больше всего толкует о наглядности,— согласитесь, г. Толль,— очень странно, чтобы не сказать чего-нибудь больше.

Что же касается до возможности прервать ход чтений, то вот, видите ли, эту заметочку я написал в предисловии для преподавателей, а не в тексте для учеников, нуждающихся в объяснении учителя, и полагаю, что всякий преподаватель русского языка поймет, в чем дело, без подробнейших объяснений. Я говорю не о ботанизировании (хоть и это была бы не большая беда: принято в лучших германских школах; даст бог, введется и у нас); но о том, что при наступлении, напр., весны, когда цветет яблоня, учитель может прочесть статью о яблоне и показать детям ее цветы, хотя по порядку чтений следовало бы читать статью о верблюде; что в конце лета учитель может принести в класс несколько колосьев, или несколько стеблей конопли и прочесть относящиеся к ним статьи, хотя по порядку чтений следовало бы читать что-нибудь другое. И вы думаете, г. Толль, что такое желание можно высказать только *так себе, ради приятности педагоги-*

ческих мечтаний? Нет, вы этого не думаете! А написали вы это только так себе, ради большей *сочности* вашей рецензии.

Далее г. Толль упрекает меня в том, что во втором издании я сделал несколько улучшений, которые противоречат предисловию первого издания; словом, упрекает меня в том, что я выполнил данное в первом издании обещание исправить то, что окажется необходимым на практике. Но на это я уже отвечал г. Толлю в самом начале статьи. Здесь же повторю только, что, если во 2-й части «Детского мира» я поместил рассказы из русской истории по Нестору, то это именно потому, что убедился на практике, как хорошо действует на образование повествовательного слова в детях простота Несторова рассказа. В чем же вы вините меня, г. Толль? Неужели в том, что, сознавая тот или другой недостаток моей книги, я исправляю его? Здесь же вы замечаете, что неужели то, что применимо к десятилетним детям, неприменимо к 11-летним? Но если все, что применимо к 11-летним, применимо к 12-летним, а то, что применимо к 12-летним, применимо к 13-летним и т. д., то и выйдет, что все, что применимо к 10-летнему ребенку, применимо и к вам, г. Толль. Прочтите-ка на досуге знаменитый софизм о зернах: в приложении к развитию организмов — это не совсем софизм. Я, ведь, для того и писал свою книгу, чтобы в конце ее ребенок мог читать и понимать то, чего не понял бы в начале.

«За историческими рассказами, — продолжает неумолимый рецензент, — следуют во второй части «статьи по естественной истории» и, наконец, «первые уроки логики». В статьях по естественной истории, вообще занимательных и довольно хорошо изложенных, встречаются иногда замечания, вовсе не относящиеся к естествознанию и не могущие быть доказанными естественно-историческим методом, а потому, по нашему мнению, неуместные».

В доказательство неуместности некоторых замечаний рецензент приводит из моей книги следующее ме-

сто о лошади: «Длинные, сильные и легкие ноги лошади, вооруженные крепкими копытами, показывают, что ее назначение бегать; а красивая грива и длинный, легкий хвост, кажется, для того и назначены, чтобы развеваться по воздуху». «С такою же точно степенью справедливости, говорит г. Толль, можно утверждать, что конский хвост назначен природой для украшения киверов и касок».

Немного ниже рецензент возвращается к лошадиному хвосту и вот как отделывает меня за этот несчастный хвост: «Хорошо ли будет, если мы будем учить ребенка идеалы мерять на *свой приземистый* (?!!) аршин? *Ведь люди, которые ко всему прилагают свои узкие рассудочные понятия*, навеки остаются нравственными карликами. По-вашему, г. Ушинский, хвост лошади дан для того, чтобы мы любовались им? Ну, так клей рыбе дан для того, чтобы мы ели желе, а лед на полюсе создан для того, чтобы мы ели летом мороженое. Можно ли так судить явления *общей* (?) жизни?»

Один известный писатель, описывая станового пристава, говорит, что у этого господина руки, кажется, на то были и созданы, чтобы давать подзатыльники и затрещины. Неужели же вы полагаете, что этот писатель не знал, что руками не только дерутся, но едят, пьют, пишут и т. д. И я согласен с вами, г. Толль, что хвост лошади дан для того, чтобы она могла отгонять мух, а также и для прикрытия кое-каких нежных частей тела; но смею также думать, что немножко и для красоты. Но что же вы привязались только к хвосту, г. Толль, почему не к гриве: не потому ли, что ее полезное назначение и до сих пор не определено? Ну, а зачем у павлина такие радуги на хвосте: какую пользу приносят ему эти яркие цвета? Вам доступны тайны жизни, г. Толль: объясните же нам эту маленькую тайну. Видите ли, какой вы хитрый человек, г. рецензент: браните меня за сухость, требуете, чтобы статьи были *сочнее*, а только что употребишь для сочности

какой-нибудь невиннейший троп, — вы к нему и придеретесь.

Доказательства той же неуместности замечаний, *не могущих быть доказанными естественно-историческим методом* (необыкновенно легкий и народный язык г. Толля), рецензент приводит из статьи о гранитном валуне следующее место: «Так заботился всемогущий господь о человеке, когда еще человека не было на земле, и повелел стихиям, воде и ветру и огню приготовить камень для шоссе и железных дорог (?)*, хотя долго еще после того человек не имел понятия ни о шоссе, ни о железных дорогах и таскался пешком, не зная даже, что можно оседлать лошадь. Но всевидящий творец дал человеку ум и знал, что этот подарок (ум или булыжник?) не пропадет даром».

И вот за это-то место в особенности производит меня г. Толль в нравственные карлики. Увы, г. Толль, вы произвели не меня, а одного из лучших детских писателей Германии, у которого я заимствовал всю эту статью. Да и одного ли его? Все люди, которые думали, что цель бессознательной природы лежит не в ней самой, а в человеческом духе, по мнению г. Толля, — нравственные карлики; Декарт, Лейбниц, Гердер — нравственные карлики; да уж кстати и Гегель, который, хотя другим путем, но тоже доказывал, что назначение бессознательной природы сознать себя в духе человека; да уж кстати и великий географ Риттер, который в каждой азиатской реченке искал ее значение в развитии человека. Гегель и Риттер выходили, правда, из других начал: первый из разумной необходимости, скрывающейся в самой идее; второй — из бесчисленных доказательств стройного участия форм земной поверхности в развитии человечества; но все ведь, более или менее, приходили к тому убеждению, что шар земной как нельзя лучше приспособлен к гармоническому развитию человека. Правда, есть теперь другие

* Вопросительный знак принадлежит г. Толлю.

мнения и, если вы держитесь этих мнений, то имели полное право произвести в нравственные карлики и Декарта, и Лейбница, и Гердера, и Шеллинга, и Гегеля, и Риттера, вы, вы — нравственный гигант! Вы говорите, что люди, которые ко всему прилагают свои узкие рассудочные понятия, навеки остаются нравственными карликами; но прочтите (и это будет для вас не бесполезно) сказку американского писателя Госорна, помещенную в том же несчастном «Детском мире», и вы увидите, что крошечные микроскопические людишки, не зная больших людей, считают самих себя гигантами.

Теперь позвольте от Декартов и Гегелей спуститься пониже в область, более близкую к книге для классного чтения, и обратить ваше внимание на тот вопросительный значок, который вы поставили в вышеприведенном месте после слов: *приготовить камень для шоссе и железных дорог*.

Если, г. нравственный гигант, вы не знаете, для чего употребляется щебенка на железных дорогах, то это еще не доказывает, чтобы и дети должны были этого не знать; а доказывает только то, что и для вас, г. Толль, не бесполезно прочесть иную статейку, помещенную в «Детском мире». Там бы вы и прочли (ч. 2-я, стр. 177): «Казалось бы (согласитесь, что не только детям, но и вам так показалось), что при железных дорогах могли отдохнуть и камни; не тут-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась под сильной, тяжелой машиной; опять бьют камень в куски, в щебенку, как говорят, и кладут ее между рельсов, чтобы дорога была тяжелее и не качалась, когда по ней полетит тысячепудовая машина».

Теперь вы знаете, г. Толль, для чего употребляется щебенка на железных дорогах? Этот замечательный вопросительный знак доказывает еще и то, что г. Толль не читает статей, которые рецензирует, и рецензирует, может быть, по вырванным, заранее указанным ему местам. Да и где же ему читать все книги, которые он рецензирует, когда в каждые две недели

он обязан поставить дюжины две рецензий (а в иной раз поставляет и до четырех); а ведь в иной книге, как, напр., в моей, 550 страниц, да в книге г. Разина, разобранной тут же, 480: тысячи страниц не прочтешь и в месяц. Впрочем, мы не виним г. Толля, что он читает не все рецензируемые им книги: это *физически* невозможно; но, спрашивается, как же он их рецензирует?

Затем, г. Толль, расчеркнувшись еще одною пышною фразой о *саваннах* и *пампасах*, переходит уже к языку «Детского мира».

«Что касается языка в «Детском мире», то он чрезвычайно неровен: в иных местах гладок (и в этом даже винит меня г. Толль), в других шероховат, в третьих отзывается немецкими оборотами и галлицизмами. Мы привели довольно мест, из которых читатель может убедиться в справедливости наших слов». Гладок или шероховат язык в «Детском мире», об этом предоставляем судить г. Толлю, который сам пишет таким гладким, а главное, таким логическим языком. Но что касается до германизмов и галлицизмов, то мы просим г. Толля указать их в тех двух отрывках, которые он только и приводит из «Детского мира» и на которые указывает как на свидетельство употребляемых нами германизмов и галлицизмов. Эти отрывки мы с намерением перепечатали здесь. Укажите же, г. Толль, если вы знаете, что такое германизм и галлицизм. Что же касается до вопроса вашего: об уме или булыжнике говорится в последнем отрывке, то, видите ли, эта статья написана для таких детей, которым учитель объяснит уже заранее, что придаточное предложение объясняет главное; что слово *этот* может относиться только к слову ум, так как слова *булыжник* нет не только в том же предложении, но и в целом выписанном отрывке. Но г. Толль говорит далее:

«Приводим еще одно место, свидетельствующее о небрежности и торопливости, с которой книга составлена: «У голубей *вся* головка *всегда* часто покрыта перьями; у кур, напротив, перья на голове бывают *ча-*

сто редки...» (ч. I, стр. 67). Вот за эту заметку мы вам искренно благодарны, г. рецензент, и в третьем издании слово *часто* поставим прежде слова *бывают*. Жаль, что вы не выписали всех опечаток в моей книге: большое бы одолжение мне сделали, особенно в настоящее время, когда я приступаю к третьему изданию.

Но вся *суть* статьи дальше: только теперь раскрывает г. Толль, к чему клонилась вся его рецензия.

«Книга напечатана гораздо мельчайшим шрифтом, чем в первом издании, что вовсе не педагогическое улучшение. Для уездных училищ она слишком дорога, да и в гимназиях много есть учеников, которым платить около 1 руб. (для учебных заведений делается уступка) нелегко. Мы слышали, что, несмотря на изъявленное в предисловии ко второму изданию обещание, что ученики могут приобретать от учебных заведений одну часть за другой, обе части продаются только нераздельно. Таким образом, бедные родители обязаны платить деньги за книгу, которая сыну понадобится только через год. И без того книгопродавческая монополия относительно учебных пособий отяготительна для заведений, а если книги еще дороги, так у иного поневоле отобьет охоту посылать сына в гимназию или уездное училище. Соблюдая свои личные выгоды, не худо составителям руководств иметь в виду и выгоды просвещения, в особенности, когда они испрашивают себе привилегию».

Г. Толль говорит: «книга (во втором издании) напечатана гораздо мельчайшим шрифтом, чем в первом издании, *что вовсе не педагогическое улучшение*». То-есть, другими словами, что автор книги, воспользовавшись привилегией, о которой говорит г. Толль ниже, сделал *экономию* на втором издании. Но разве, г. Толль, *самая обыкновенная* добросовестность не требовала, чтобы высказали при этом, что, несмотря на более убористый шрифт, книга ни на одну страницу не уменьшена в объеме, и что, следовательно, не в экономических расчетах выбран этот шрифт, который, как вы знаете, чем убори-

стее, тем стоит дороже; что более убористый шрифт дал возможность поместить в книгу много новых статей и даже целый новый отдел «исторических рассказов»; что во втором издании, вместо одной таблицы рисунков, бывшей при первом, приложены четыре и что, несмотря на эти, надеюсь, *педагогические улучшения*, цена книги уменьшена значительно: экземпляр первого издания в один том стоил 1 р. 80 к., во втором издании оба тома стоят 1 р. 50 к.; для гимназий же и уездных училищ, о которых говорит г. Толль,— 80 к., без пересылки.

Далее вы, г. Толль, говорите:

«Для уездных училищ она (книга) слишком дорога, да и в гимназиях много есть учеников, которым платить около 1 рубля (для учебных заведений делается уступка) не легко». Положим, что и цена 80 коп. (а не 1 рубль), без пересылки, казалась вам слишком дорогою и что для учеников уездных училищ или гимназий, по вашему мнению, трудно заплатить 40 коп. (не считая пересылки) за одну часть «Детского мира»: это ваше дело. Но не странно ли, что на следующей же странице, рекомендуя читателям, без сомнения, прекрасную книгу г. Разина «Мир божий», вы говорите: «тому, кто найдет цену (цена книги г. Разина 3 рубля без пересылки, а с пересылкой 3 р. 75 к.) слишком дорогою, мы скажем, что книга состоит из 480 стр. в большую осьмушку чрезвычайно убористого, но четкого шрифта». Если моя книга дурна, то, будь в ней хоть 1000 стр., — она не стоит ровно ничего, хотя бы ее издание обошлось и очень дорого; но если уже вы доказываете ценность книги числом страниц, форматом и убористым шрифтом, то почему же вам кажется, что не дорого заплатить 3 руб. без пересылки за книгу в 480 стр., в большую осьмушку убористого шрифта и дорого заплатить 80 коп., также без пересылки, за книгу в два тома, в 550 стр. такого же, если еще не большего формата, и напечатанную шрифтом, который вам самим показался очень мелким? Не в одни и те же очки смотрели вы, г. Толль,

на обе эти книги, если книга в 550 стр. и в 80 коп. сер. показалась вам дорогой, а книга в 480 стр. и в 3 руб. сер. показалась вам дешевою. С таким беспристрастием хорошим же руководителем вы будете для наставников и родителей при выборе ими детских книг! Если даже взять ту цену моей книги, по которой она идет из книжных магазинов в частную распродажу, именно 1 р. 50 к., то все же книга г. Разина, при меньшем объеме, будет *как раз вдвое* дороже моей. Конечно, в книге г. Разина больше рисунков, чем в моей, и рисунки напечатаны в тексте, что обходится дороже, но согласитесь, что на половину цены издания можно иметь отличные рисунки. Как же это так, г. Толль? Я полагаю, что вы очень хорошо знаете счет деньгам.

Далее вы говорите:

«Мы слышали, что, несмотря на изъявленное в предисловии ко второму изданию обещание, что ученики могут приобретать *от учебных заведений* одну часть за другой, обе части продаются только нераздельно. Таким образом, бедные родители обязаны платить деньги за книгу, которая сыну понадобится только через год. И без того книгопродавческая монополия относительно учебных пособий отяготительна для заведений, а если книги еще дороги, так у иного поневоле отобьет охоту посылать сына в гимназию или уездное училище. Соблюдая свои личные выгоды, не худо составителям руководств иметь в виду и выгоды просвещения, в особенности, когда они испрашивают себе привилегию».

Вот к чему вели вы весь ваш разбор! Вы хотели доказать, что, издав «Детский мир», испросив на него привилегию, назначив за книгу дорогую цену, продавая обе части вместе, я принес вред народному образованию, отбивая у родителей желание посылать своих детей в гимназии и уездные училища. Обвинение действительно тяжелое, если бы в нем была *хоть капля правды* и если бы в нем не было, кроме того, совершенной бессмыслицы.

Вы сами пишете, что при втором издании объявлено, что ученики могут приобретать от учебных заведений одну часть книги за другою, и потом говорите об отяготительной какой-то книгопродавческой монополии. Разве не объявлено было всем гимназиям и уездным училищам, что они могут с требованиями своими о книге обращаться в департамент Министерства народного просвещения? Что же касается до того, как продают мою книгу книгопродавцы, то вы, без сомнения, понимаете очень хорошо, что книгопродавец, приобретая от издателя книгу,— полный господин своего товара и может продавать ее, как хочет. В моем распоряжении только те экземпляры, которые у меня остаются. Я не знаю, *от кого вы слышали*, что книга в гимназии и уездные училища продается не иначе, как обе части разом; но объявляю вам, что это *ложь* и, если угодно, могу представить вам *письменные доказательства*, что те учебные заведения Министерства народного просвещения, которые обращались ко мне с требованием большего числа одной части моей книги второго издания, чем другой, получали каждую часть отдельно по 40 коп. за часть и, следовательно, не имеют никакой надобности продавать ученикам гимназий и уездных училищ обе части вместе. Если же какой-нибудь книгопродавец продает мою книгу иначе, то скажите, *добросовестно ли* было с вашей стороны обвинять в этом меня?

Теперь два слова о *привилегии*, в испрашивании которой вы меня как бы упрекаете.

Я действительно представил мою книгу в Ученый комитет Министерства народного просвещения, и комитет, рассмотрев ее, нашел, что ее возможно *допустить к употреблению* в уездных училищах и первых четырех классах гимназий наравне с другими, употребляемыми там книгами для той же цели. Об этом было объявлено в официальной части журнала министерства народного просвещения; это выражено и на обертке моей книги. Там не сказано, что книга принята руководством, как это приведено, напр., вами же при разборе

книги г. Разина «Мир божий», а только, что она *допущена к употреблению*, т. е. другими словами, сказано, что если кто-нибудь имеющий право выбирать учебные книги для гимназии или уездного училища, сочтет полезным употреблять мою книгу в классах чтения, то может это сделать; точно так же, как может взять для этого книгу г. Паульсона, или книгу г. Максимовича и т. п. Составьте и вы подобную же книгу, и если она окажется сколько-нибудь годной к употреблению, то и ее допустят, и вы будете тогда еще с большим беспристрастием разбирать книги, имеющие одинаковое назначение с вашей. Неужели вы не понимаете разницы между словами: *принята руководством* и *допущена к употреблению?* Неужели вы не понимаете, что ни одна гимназия, ни одно уездное училище *не обязаны* употреблять мою книгу, если она кажется им негодною и дорогою, или могут принять ее, если окажется противное? Так и поступили многие дирекции: они выписали от меня сначала небольшое число экземпляров «Детского мира», иногда один или два, и потом некоторые выписывали от 700 до 1000 экземпляров, другие не выписывают вовсе, предпочитая, без сомнения, употреблять другую книгу.

В конце вашей рецензии вы подаете составителям руководств совет: «соблюдая свои личные выгоды, не худо составителям руководств иметь ввиду и выгоды просвещения, в особенности, когда они испрашивают себе привилегию». Чтобы не остаться перед вами в долгу, позвольте подать также совет и г.г. рецензентам руководств.

Соблюдая какие бы то ни было личные расчеты при выборе руководств, не худо г.г. рецензентам иметь ввиду и возможность разоблачения неправды, как бы она ни была хитро сплетена, в особенности, если они хотят выдать себя за руководителей в деле воспитания.

Статьи и материалы периода последней обработки „Детского мира“[17]

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА [18]

Учение детей отечественному языку имеет три цели: *во-первых*, развить в детях ту врожденную душевную способность, которую называют даром слова; *во-вторых*, ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка, и, *в-третьих*, усвоить детям логику этого языка, т. е. грамматические его законы в их логической системе.

Эти три цели достигаются не одна после другой, но совместно. Однакоже для ясности изложения я должен сказать о достижении каждой из этих целей отдельно.

I

Первая цель — развитие дара слова. Дар слова есть сила, врожденная душе человека, и, как всякая сила, телесная или душевная, крепнет и развивается не иначе как от упражнений. Наставник, желающий развить в учащемся дар слова, должен беспрестанно упражнять эту силу. Самое полное знакомство с богатствами *народной словесности* * и самое глубокое знание грамматики хотя могут обогатить ум учащегося, но не разовьют в нем дара слова, если эта душевная сила в свое время была лишена достаточных упражнений.

* Мы везде употребляем это слово в обширном его значении, причисляя к народной словесности и всю, так называемую, образованную литературу.

Но какого же рода должны быть эти упражнения дара слова?

а) *Они должны быть, по возможности, самостоятельными*, т. е. действительными упражнениями, а не кажущимися только. Если дитя с помощью учителя поймет мысль, выраженную писателем, и усвоит форму, в которой эта мысль выразилась, то это еще не значит, что оно упражняет свой дар слова: оно обогащает только свой ум, но собственная его способность дара слова может остаться совершенно не развитой*. Пересказывание прочитанного своими словами также весьма плохое упражнение дара слова. Здесь ребенок борется с развитой формой мысли и языка, которые гораздо выше его собственного развития, и достигает только того, что пропусками, недомолвками, нелогическим перестанавливанием мысли искажает и мысль, и речь писателя. Так что дитя лучше бы сделало, если бы усвоило ее вполне.

К этим упражнениям обыкновенно присоединяются в средних и старших классах так называемые *сочинения на темы*. Но, рассматривая эти сочинения, легко убедиться, что это большей частью упражнения в письменной болтовне заученными фразами. И нередко нам случалось, прочитав весьма велеречивое сочинение ученика или ученицы и попросив их потом написать самое простенькое письмо, убеждаться в крайней неразвитости у них самостоятельного дара слова. Кроме того, сочинения эти, если и не толкуют о предметах мало сознанных, никогда учеником не виденных и не прочувствованных, то всегда уже имеют два недостатка: во-первых, упражняют только в письменной речи, о чем мы скажем подробнее в своем месте, и, во-вторых, начинаются слишком поздно, без предварительной подготовки. Нельзя задать ученику прямо довольно обширного сочинения на заданную тему, если до того

* Мы не говорим уже о бессознательном заучивании наизусть, это не обогащение ума, а вредное отягощение памяти.

времени он не имел предварительных упражнений в выражении одной или немногих мыслей.

Мы, следовательно, вовсе не отрицаем пользы сочинений, а напротив, полагаем необходимым начинать их с первых же уроков отечественного языка и вести до последних, расширяя и усложняя мало-помалу. Сочинения, если под ними разуметь упражнение дара слова, должны составлять главное занятие на уроках отечественного языка, но они должны быть действительно упражнениями, т. е., по возможности, самостоятельными усилиями учащихся выразить изустно или письменно свою самостоятельную мысль, а не сшивкой чужих фраз.

Но как же достигнуть этой самостоятельности при упражнениях дара слова? Мне кажется, что лучшее и, может быть, единственное средство для этого есть *наглядность* того предмета, о котором учащийся говорит или пишет. По крайней мере, это совершенно необходимо при первоначальных упражнениях. Предмет, стоящий перед глазами ученика или сильно врезавшийся в его память, сам собой, без посредства чужого слова, пробуждает в учащемся мысль, исправляет ее, если она ошибочна, дополняет, если она не полна, приводит ее в естественную, т. е. правильную, систему, если она расположена не логически. Для первых упражнений необходимо, чтобы предмет непосредственно отражался в душе дитяти и, так сказать, на глазах учителя и под его руководством ощущения дитяти превращались в понятия, из понятий составлялась мысль и мысль облекалась в слово. Это и составит те первоначальные логические упражнения мысли, от которых зависит логичность, т. е. истина самого слова, и из которых потом вытекут сами собой логическая речь и понимание грамматических законов. Большая разница, заставим ли мы говорить и писать дитя о предмете, если не совсем ему незнакомом, то сохранившемся в душе его в туманных очерках, или о предмете, который, если и не стоит перед его глазами, то, по крайней мере, яркими чертами

врезался в его память. Такой предмет сам задает вопросы ребенку, поправляет его ответы, приводит их в систему, и ребенок мыслит, говорит и пишет самостоятельно, а не ловит фразы из уст учителя или со страницы книги. Так, например, кто из детей не интересовался лошадью и в какой детской памяти не отпечатлелся ярко образ этого животного; какое дитя без всякой подготовки не скажет, сколько у лошади ног, что̀ у нее на шее, что̀ она ест и т. п.? Если какой-нибудь существенный признак и ускользнул бы от ребенка, то наставнику остается только указать на картинку или, если картинки нет, напомнить ускользнувший признак сравнением с другим животным, столь же знакомым детям. Если дитя, например, не обратило внимания на устройство лошадиного копыта, то стоит только указать на копыто коровы, и дитя, без сомнения, само вспомнит, чем отличается лошадиное копыто от коровьего, потому что образы лошади и коровы отпечатлелись в его памяти. Если дитя неверно расположит свое описание лошади, то и тут легко привести его описание в порядок, только указывая на лошадь.

Нам заметят, может быть, что наглядное обучение составляет особый предмет; но это, по нашему мнению, слишком поверхностный взгляд. При наглядном обучении знакомство с предметом для самого предмета играет второстепенную роль; главную же цель наглядного обучения составляет упражнение наблюдательности, логичности и уменье верно выражать в словах свои наблюдения и логические из них выводы. Что же это такое, как не первоначальное упражнение в отечественном языке? Вот почему совершенно ошибочно отделять наглядное обучение от обучения отечественному языку. При таком насильственном разделении двух предметов в первоначальном обучении наглядное обучение теряет свою главную цель, а обучение отечественному языку — самую прочную свою основу: уменье зорко наблюдать, правильно сводить наблюдения в одну мысль и верно выражать эту мысль словами.

Вот почему и в книге для первоначального чтения статьи о предметах наглядных должны занимать главное место. Но чтение этих статей тогда только приносит всю свою пользу, когда оно является результатом предварительной беседы учителя с учениками о том предмете, о котором говорится в статьях. Учитель должен так вести свою беседу, чтобы, читая статью, ученик мог прочесть ее с полным сознанием каждой мысли и каждого выражения. Это и должно быть основанием *логического* чтения, которое еще важнее для каждого, чем чтение эстетическое. Много значит для ребенка, если он прочтет несколько статей с полным их сознанием, с полным понима́нием не только мысли, но и связи мыслей. Вот почему статьи книги, назначенной для первоначального чтения, не могут быть собраны из различных писателей, но должны быть нарочно составлены для первоначального чтения. Как хороши, например, описания различных предметов природы у Аксакова и Тургенева, но годятся ли они для первоначального логического чтения? Положительно нет: дитя, подавленное самою красотою формы, не проникнет до сущности, и учителю почти невозможно вести беседу об описываемом предмете; ему приходится говорить почти только о выражениях писателя, что еще слишком рано. Писатель, имеющий ввиду взрослых людей, пропускает все общеизвестное для взрослых и останавливается только на тонкостях, часто едва уловимых и для его сильного таланта, детям же именно эти тонкости, эта поэзия предмета и гордость таланта менее всего доступны. Поэзия, если и живет в детской душе, то живет в виде самого темного инстинкта, которому можно давать пищу, но который невозможно и преждевременно приводить в сознание.

б) *Упражнения дара слова должны быть систематические.* Если мы хотим увеличить силу мускулов и развить в них ловкость, то делаем это систематически, постепенно, усиливая трудность упражнения по мере развития сил и ловкости мускулов. Упражнение чрез-

мерное, к которому мускулы еще не приготовлены, могло бы только надорвать их силу и замедлить их развитие. Упражнения слишком слабые, для выполнения которых мускулы не должны были бы употреблять всей приобретенной ими силы и ловкости, также не будут их развивать. То же самое заметим мы и в отношении упражнения всех душевных сил, а следовательно, и дара слова. Упражнения дара слова должны также идти систематически; не должно подавлять развития этой способности чрезмерными требованиями, а всякий раз — давать такие упражнения, для выполнения которых требовались бы уже все силы, приобретенные этой способностью. Всякое новое упражнение должно находиться в связи с предыдущими, опираться на них и делать шаг вперед; так, например, рассмотрев с детьми какой-нибудь предмет, не должно, перейдя к другому предмету, оставлять тот, который уже рассмотрен, но следует рассмотренный предмет употреблять как средство для того, чтобы полнее овладеть новым. Идя все дальше и дальше, вы не должны оставить бесполезным назади себя то, что уже приобрели; так, например, рассмотрев многих млекопитающих, вы можете сделать предметом упражнений уже целый класс животных, в котором каждая частность будет для ученика не отвлеченным темным понятием, а живым образом. Приучить дитя рассуждать такими живыми и верными образами — значит положить прочные основания его логике: все наши умозаключения слагаются из воспринятых нами образов, и чем эти образы вернее, полнее и ярче, тем и умозаключения выходят вернее.

Вот на каком основании мы предпочитаем систематическое изложение природных явлений и всякого рода наглядных предметов тому беспорядочному их изложению, в котором они обыкновенно находятся в хрестоматиях.

Читая статьи, одну за другой, в таких хрестоматиях, наставнику редко приходится, и если приходится, то случайно, пользоваться тем, что объяснено было пре-

жде, и множество объяснений и, может быть, определенных, ясных понятий, приобретенных прежде, исчезают из памяти детей потом потому только, что ими не приходилось пользоваться, а это большая педагогическая ошибка. Пусть дети приобретают понемногу, но не теряют ничего из приобретенного и пользуются им для приобретения нового. Бенеке недаром говорит, что всякое приобретенное понятие превращается в душевную силу, которая служит потом для легчайшего и полнейшего приобретения новых понятий. Таков психологический закон и таково основанное на нем педагогическое правило.

Систематичность в упражнениях должна также выражаться в большем или меньшем участии, которое учитель, смотря по силам детей, принимает в их упражнениях. Чем более развивается дар слова в детях, тем меньше должен помогать им учитель, тем самостоятельнее должны быть их упражнения. В первых упражнениях наставнику, без сомнения, придется руководить беспрестанно и детской наблюдательностью, и детской мыслью, и детским словом и довольствоваться, если дети дадут правильный ответ на самый конкретный вопрос, как, например: как называется предмет, как называется та, другая часть предмета, какого цвета? и пр. Потом он может комбинировать свои вопросы так, что на них следует уже отвечать составным предложением, как, например: чем питается лошадь? какой масти бывают лошади? и т. п. Далее вопросы должны, видимо, расширяться, так что ответ на них не мог бы быть выражен иначе, как в нескольких предложениях. Так, например: как ест корова и как лошадь? чем осел похож на лошадь и чем на корову? Затем следуют вопросы, предполагающие уже в ответе целый ряд предложений. Так, например: перечислите части тела у этого животного, опишите его внешний вид, расскажите его образ жизни, чем питается, где живет, так чтобы мало-помалу дойти до возможности совершенно самостоятельного описания и таких предметов,

о которых ничего не говорится в книге, но которые могут быть рассмотрены детьми.

в) *Упражнения должны быть логические.* Дар слова главным образом опирается на логическую способность души человеческой, на способность ее отвлекаться от конкретных представлений и возводить эти конкретные представления в общие понятия, различать и комбинировать эти понятия, находить между ними сходные и различающие признаки, сливать их в одно общее суждение и т. д. Эта общечеловеческая логика составляет основание языка и выражается в его грамматических законах: вот почему так много сходства в грамматиках всех языков. Все языки стремятся выразить в своих грамматических формах одно и то же: логику человеческого мышления, но достигают этого не всегда одинаковыми формами. Наставник родного языка беспрестанно имеет дело с этой логикой, и недостаток ее прежде всего отражается в спутанности или односторонности понятий, а следовательно, в темноте и неправильности письменной и изустной речи; так что развить в детях дар слова — значит почти то же самое, что развить в них логичность мышления. Кроме того, легко понять, как необходима такая привычка к логическому мышлению при дальнейшем изучении всех предметов: она-то именно дает возможность учащемуся учить урок логически, т. е. находить в нем главную мысль, привязывать к ней второстепенные, схватить самую систему изложения, а не заучивать фразы и слова в том порядке, в каком они стоят. Выучить же дитя учиться есть одна из обязанностей именно наставника русского языка.

Для этой цели, для развития логичности в мышлении и языке детей, мы тоже не можем выбрать более полезных для этого предметов, как предметы естественной истории. Логика природы есть самая доступная для детей логика,— наглядная и неопровержимая. Всякий новый предмет дает возможность упражнять рассудок сравнениями, вводить новые понятия в область уже

приобретенных, подводить изученные виды под один род. Всякое физическое явление есть также превосходнейшее упражнение для детской логики. Здесь ребенок наглядно и практически усваивает логические понятия: причины, следствия, цели, назначения, выводы и умозаключения и т. д.

Само собой разумеется, что не должно с первых же уроков затруднять дитя какими бы то ни было логическими терминами; но только тогда, когда дети уже привыкнут рассуждать и выражаться просто, ясно, строго логически о конкретных предметах, только тогда можно познакомить их и с логическими терминами.

г) *Упражнения дара слова должны быть изустные и письменные, и притом изустные должны предшествовать письменным.* В наших школах чрезвычайно мало обращают внимания на упражнения детей в изустной речи. Дети или молчат в школе, или отвечают выученный наизусть урок, или дают отрывочные бессвязные ответы на вопросы учителя. В уменье детей излагать изустно свои мысли, более чем в чем-нибудь другом, различаются германские и швейцарские школы от наших. Но это уменье не есть какой-нибудь особенный дар немцев, а приобретается постоянными усилиями школы. Даже наставники наши, сравнительно с учителями Германии и Швейцарии, говорят плохо (в педагогическом смысле), и нередко между ними встречаются люди, которые, имея прекрасное знание предмета и много педагогического такта, затрудняются в объяснении детям самых простых вещей: не договаривают, ходят около предмета, вместо того, чтобы схватить разом и выразить его сущность, тянут или глотают слова, уходят в сторону от предмета и т. д. Все эти недостатки изустной речи, весьма неприятные и в частной беседе, имеют огромное значение в беседе деловой. У нас весьма часто попадаются лица, весьма развитые, знающие и умные, которые, желая вам высказать какое-нибудь дело, являются истинными мучениками неразвитости своего дара слова: надоедают слушателю, утомляют его

и часто теряют весьма много в жизни оттого, что школа не позаботилась развить в них во-время врожденный дар слова. В германских же и швейцарских школах упражнения в изустной речи начинаются со вступления ребенка в школу и оканчиваются только с его выходом; в этих школах обращают еще более внимания на изустную речь, чем на письменную.

При изустных вопросах надобно соблюдать, повидимому, незначительное, но весьма важное, правило методологии. Никогда не следует обращаться с вопросом к одному ученику, но к целому классу. Ученики же, которые могут отвечать на этот вопрос, должны слегка приподнять руку, и потом уже учитель называет фамилию ученика, который должен ответить на вопрос. Сначала это как будто замедляет преподавание, но потом дело идет скоро и без нарушения классной тишины. Прием этот, употребляемый решительно во всех порядочных заграничных школах, очень практичен: во-первых, весь класс, а не один ученик, выслушивает вопрос учителя и приготовляет на него ответ, и это одна из причин, почему в германских и швейцарских школах гораздо менее отсталых учеников, чем у нас; и во-вторых, учитель по числу поднятых рук судит о том, насколько класс его понимает. Тот же прием соблюдается и при объяснениях учителя: понимающие учителя после каждой мысли подымают руку кверху, не понимающие не подымают. Поднятая рука или поднятая напрасно, всякий раз как это открывается, вызывает замечание со стороны учителя.

Письменные упражнения дара слова должны уже следовать после изустных в постепенности, сообразной с возрастом детей, их развитием, их навыком в механизме письма и их уменьем письменно излагать свои мысли.

Из беседы с учениками и по прочтении относящейся к ней статьи учителю легко уже выбрать несколько вопросов, на которые дети или уже отвечали изустно, или могут, по аналогии других вопросов, ответить без

большого труда. Выставляя такие вопросы на классной доске, учитель должен иметь ввиду возможный на них ответ и рассчитывать этот ответ по силам учеников и по их привычке к правильному письму. Так, сначала, если дети очень слабы, он может задавать такие вопросы, на которые ученик может отвечать, повторяя вопрос в ответе (*что необходимо должно соблюдать как при изустных, так и письменных ответах учеников на вопросы учителя*, по крайней мере, в первые годы учения) и прибавив к ним одно или два слова. Эта самая простая форма письменных упражнений весьма полезна; уже самый перевод вопросной формы в ответную и переписка написанного учителем полезны для таких маленьких сочинителей. Потом письменные вопросы следует усложнять точно так, как изустные,о которых уже говорено выше.

Необходимо вопросы располагать так, чтобы из ответов вышло стройное описание предметов коротенькими предложениями. Потом, написавши только одни ответы, следует показать детям, как лучше связать эти коротенькие предложения, чтобы из них вышла, по возможности, стройная речь.

Кроме упражнений в рассказах описательных, следует упражнять дитя и в рассказах последовательных во времени, т. е. исторических, в рассказах событий, следующих одно за другим.

Весьма хорошо также сделает наставник, если прибавит к своим занятиям библейские рассказы, за что, конечно, ни один законоучитель не будет в претензии. Эти рассказы, кроме их нравственного достоинства, имеют еще неподражаемое достоинство наивной истины и превосходно подготовляют детей к пониманию впоследствии рассказов исторических.

Жизнь еврейского народа, как она отразилась в библии, начинаясь событиями тесного семейного быта и доходя постепенно до событий быта народного, составляет самое педагогическое введение во всеобщую историю. Самые же события легко найти в библии, ко-

торой и должен преимущественно пользоваться наставник, а не священными историями, по большей части портящими библейские рассказы.

Исторические рассказы должно вести так, чтобы в первый раз были рассказаны только главнейшие черты события, и когда эти черты напечатаются в памяти детей, тогда только следует уже привязывать к ним второстепенные происшествия и подробности. Одна прочно залегшая черта в состоянии потом выдержать на себе множество привязанных к ней подробностей. Если же вы передаете разом подробный и длинный рассказ, то ребенок заметит мелочь и не заметит главного.

Весьма полезно восстановлять изустный рассказ учителя целым классом: что забудет один ученик, то припомнит другой, и если рассказ учителя был сколько-нибудь занимателен и расположен педагогически, то и целый класс непременно воспроизведет его во всех подробностях. То же, что расскажет целый класс, непременно расскажет потом каждый ученик. Таких рассказов в продолжение года должно быть не много, но они должны потом повторяться часто: сначала словесно, а потом письменно.

II

Вторую цель в преподавании русского языка составляет усвоение форм языка, выработанных как народом, так и литературой; но чтобы вполне уяснить себе эту цель и видеть средства к ее достижению, следует прежде понять хорошо, что такое язык народа, которому мы хотим учить.

Язык народа есть произведение творческой способности дара слова не одного человека и не одной человеческой жизни, а бесчисленных жизней, бесчисленных поколений.

В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове.

Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа. Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средства передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и самые эти чувства. От всей жизни народа это единственный живой остаток на земле, и мы — наследники этих живых богатств, в которых сложились все результаты духовной жизни народа.

Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа. С такой то́чки зрения следует смотреть на эту вторую цель изучения народного языка. Вот почему, передавая детям какое-нибудь произведение народной словесности или его литературы, мы только тогда вводим дитя в обладание формами народного языка, если действительно уясняем ему ту мысль и то чувство, которые в них выразились; в то же время вводим его через формы языка в понимание народной жизни, народной поэзии, народной логики, словом, в область народного духа. Только усвоив мысль и чувство, создавшие формы языка, дитя действительно овладевает этой формой и в этой форме получает ключ к сокровищнице народного духа. С такой точки зрения мы понимаем, во-первых, все значение изучения народного слова и что, взяв на себя преподавание этого предмета, мы принимаем вместе с тем обязанность через слово ввести дитя в область духовной жизни народа. Вот почему, приступая к изучению какого-нибудь стихотворения, будет ли то песня Кольцова, или басня Крылова, или стих Пушкина, или народная песня и сказка, мы должны прежде сами усвоить себе хорошо это произведение, должны сделать ему строгую логическую и эстетическую оценку и определить, что́ в нем есть народного и почему оно заслуживает изучения. Кроме того, на ка-

ждое такое произведение мы должны смотреть как на окно, через которое можем показать детям ту или другую сторону народной жизни.

Но еще недостаточно, чтобы дети поняли подобное произведение, а надобно, чтобы они его почувствовали. В поэтических произведениях многое понимается только чувством и не может быть объяснено умом.

Эти два требования: первое, чтобы дети поняли образцовое произведение, и второе, чтобы дети его почувствовали, на практике часто противоречат одно другому. Длинные, подробные объяснения поэтического произведения ослабляют его впечатление на чувство, а с другой стороны, впечатление на чувство возможно только тогда, когда образцовое произведение совершенно понято. Чтобы избежать этого затруднения, следует *предварительно* доводить дитя до понимания того произведения, которое предполагается прочесть, и потом уже читать его, не ослабляя впечатления излишними толкованиями; так, например, прежде чем вы прочтете детям какую-нибудь песню Кольцова, в которой рисуется та или другая сторона нашей народной жизни, побеседуйте с ними об этой стороне и побеседуйте так, чтобы песня Кольцова была поэтическим результатом вашей беседы. Тогда дитя, не затрудняясь уже пониманием песни, примет вполне ее поэтическое впечатление. Если вы хотите прочесть детям басню Крылова, то возьмите какой-нибудь случай из детской жизни, где бы именно выражалась та слабость или тот недостаток, на которые нападает Крылов в своей басне. Рассказывая этот случай, вы можете уже употреблять те народные выражения, которые употреблял Крылов в басне; а потом прочтите басню; ее юмор и ее народные обороты подействуют на чувства детей.

Басни и песни должны почти разучиваться во время урока, чтобы не давать большого труда детям учить басню вне класса; потому что это трудное зазубривание стихотворений убивает их эстетическое впечатление на душу дитяти; в классе же под руководством

учителя, помогающего вопросами памяти детей, изучение стихотворения идет очень скоро.

Кроме вышеизложенной цели, при изучении образцов народного творчества следует иметь ввиду подготовление материала для будущего изучения истории литературы и не только сообщать детям этот материал, но и помогать им понимать истинное значение того или другого произведения, делая ему доступную для возраста учащихся критическую оценку, так, например, показывая логическую стройность произведения, верность действительности, меткость выражений и т. п. Пустые восторги, которые могли бы только приучить детей к фразе, конечно, должны быть исключены. Лучше оставить произведению самому действовать в душе детей, чем опошлить его такой критикой.

Выбор образцов из нашей литературы для усвоения при первоначальном преподавании чрезвычайно затруднителен. Детской литературы у нас почти не существует. Ни один замечательный талант у нас не трудился для детей, и, кроме того, наша прежняя поэзия, имеющая общечеловеческий характер, устарела и по форме своей недоступна детям, а новая приняла то отрицательное, стонущее направление, которое, имея свое оправдание в исторических явлениях, тем не менее вовсе не годится для детей. Ребенку нечего отрицать, ему нужна положительная пища, кормить его ненавистью, отчаянием и презрением может только человек, вовсе не понимающий потребностей детства. Мы не должны забывать, что какой-нибудь желчный стих, «облитый горечью и злостью», совсем не так отражается в детской душе, как в нашей. Если же мы и навяжем этот стих детям, то это будет старческая гримаса на молоденьком личике. И дурно то, что эта гримаса, привитая насильственно, удерживается иногда упорно, так что в наше время, благодаря таким преподавателям русской словесности, можно иногда видеть 13-летнего мальчика с постоянной улыбкой презрения на лице и с желчью в словах. Что же это такое?— Ложь новомодная, но все-таки ложь,

ничем не лучше, а еще, пожалуй, и хуже, заученных восторгов какими-нибудь старинными одами. Не должно насильственно и преждевременно развертывать никакого чувства в детях, если мы не хотим, чтобы это чувство не походило на цветок, насильственно развернутый детскими руками. Чувство, развернувшееся в нас под влиянием фактов жизни, может и выразиться фактами. Чувство, развернутое словами, и выразится только словами. А довольно уже с нас пустых болтунов!

Принимая в соображение, что литературное произведение должно только удовлетворять уже развивающемуся чувству в детях, мы очень будем затруднены в выборе. Кроме народных сказок и немногих народных песен, созданных воспитательным гением народа, мы найдем в нашей литературе очень немного пригодного для детского возраста; немногие стихотворения Кольцова; весьма немногие басни Крылова и Дмитриева, кое-что из произведений Пушкина, Полонского, Аксакова, Даля, Майкова — вот почти и весь круг литературных произведений, возможных для изучения детьми. Впрочем, некоторыми произведениями, проникнутыми глубоким, вовсе не детским смыслом или чувством, может воспользоваться преподаватель, обращая внимание только на внешнюю сторону произведения; так, например, иная басня Крылова, поражающая сатирой такие общественные отношения, о которых преждевременно было бы говорить детям, есть в то же время прекрасный характеристический рассказ из жизни животных. На этой оболочке и должен остановиться преподаватель. Вот почему почти из всех басен Крылова следует выкидывать заключительную мораль. Точно так же можно, например, прочесть детям стихотворение Некрасова «Несжатая полоса» и т. п. Но, ради бога, не вносите в душу детей тех стонов и воплей, которые страшно преждевременны, если они серьезны, и отвратительны, если они делаются только глупой привычкой, фразами, которым не отвечает сердце. И чем лучше чувство, которое выражено

в таком стихотворении, тем более жаль, что самая возможность этого чувства подорвана ранним обезьянством. Таково уже свойство души человеческой: привыкая к фразе, она перестает отвечать чувством на эту фразу. И разве мало мы видим людей с благородным презрением на устах, с байроновской желчью в словах и с самой крупной пошлостью в сердце?

То же самое, что сказал я о преждевременном и насильственном вызывании чувства, относится и к морали. Если вы хотите сделать дитя негодяем, то приучите его с детства повторять всевозможные нравственные сентенции, и потом они не будут уже производить на него никакого влияния. Но это вовсе не значит, чтобы преподаватель отечественного языка, как и всякий другой воспитатель, не должен был заботиться о развитии нравственного чувства в детях. Все и в школе и в преподавании должно быть нравственно, так, чтобы само говорило за себя, не нуждаясь в сентенциях. Если же преподаватель и может говорить о том или о другом нравственном качестве, то только чисто с филологической целью: с целью объяснить значение слов, таких, как, например, гордость, смирение и т. п. На нравственное же чувство должно действовать непосредственно само литературное произведение, и это влияние литературных произведений на нравственность очень велико; то литературное произведение нравственно, которое заставляет дитя полюбить нравственный поступок, нравственное чувство, нравственную мысль, выраженные в этом произведении. Кроме того, всякое искреннее наслаждение изящным есть уже само по себе источник нравственного чувства. Сухая сентенция нисколько не поможет делу, но, напротив, только повредит ему.

III

Третья цель, которая достигается при первоначальном преподавании отечественного языка, есть усвоение грамматики. В прежнее время это была первая и даже

единственная цель; теперь она часто вовсе забывается. И то и другое вредно: исключительное изучение грамматики не развивает в дитяти дара слова; отсутствие грамматики не дает дару слова сознательности и оставляет дитя в шатком положении; на один навык и развитой инстинкт слова, во всяком случае, положиться трудно; но знание грамматики без навыка и развития дара слова также ни к чему не ведет. Следовательно, то и другое необходимо. Но что должно предшествовать: навык или грамматика? Вопрос этот решает история языка. Грамматика везде является только выводом из наблюдений над языком, уже создавшимся. Точно то же должно быть и в преподавании: каждое грамматическое правило должно быть выводом из употребления форм, уже усвоенных детьми. Когда же делать этот вывод? Этот вопрос разрешается только практикой: преподаватель должен знать умственный уровень своего класса и чувствовать, когда то или другое грамматическое правило может быть ясно понято детьми без всякого заучивания; потому что заучивание грамматики есть такая же нелепость, как заучивание логики или арифметики. Но, занимаясь с детьми изустными беседами, чтением и письменными упражнениями, сам преподаватель должен постоянно иметь ввиду те грамматические правила, которые со временем сообщит детям, и вести дело так, чтобы правило вытекало потом из упражнений, как их необходимый логический вывод.

Грамматика языка, как мы уже сказали, есть его логика; а потому логические упражнения более всего подготовляют к изучению грамматики. Чтобы уяснить больше, в чем должно состоять это подготовление к грамматике, мы разделим его на два естественные отдела: на подготовление к синтаксису и подготовление к этимологии, или иначе — на подготовление к пониманию состава предложений и периодов и на подготовление к пониманию значения и состава отдельных слов.

К пониманию состава предложений и периодов, к синтаксису, преподаватель подготовляет дитя логи-

ческими упражнениями, о которых мы говорили выше, и разбором письменных упражнений; так, например, уясняя выбранное предложение вопросами: о ком или о чем здесь говорится? что делает предмет, о котором говорится? когда это он делает? чем? при каких обстоятельствах? каков предмет по форме, по цвету? один здесь предмет или два? одно он делает или еще что-нибудь, и т. п. Конечно, слова: *предмет*, *обстоятельство*, должны быть заменены более конкретными словами, извлеченными из содержания разбираемого предложения; например, о ком здесь говорится? О соловье. Что сделал соловей? Полетел. Куда он полетел? и т. д. Весьма полезно также приучить самих детей делать подобные вопросы. Ни в каком случае не надо детей приучать к неправильному письму, а потому, если случится такая постановка знака, которую еще нельзя объяснить детям, то следует просто ставить знак, говоря: так нужно, а почему — вы узнаете после. Дети многое угадывают инстинктивно и приучаются ставить знаки, не будучи еще в состоянии объяснить, почему так делают. Этот полусознательный навык нисколько не вреден, а скорее полезен. Одним из полезных упражнений признаем мы распространение предложений по известным loca topica, совершенно нелепым в риторике, но имеющим свое место в логическом подготовлении к грамматике. Это упражнение, которое мы видели во многих заграничных училищах, очень живо и занимает детей. Учитель, например, пишет на доске слово *бежала* и говорит детям, чтобы они придумали какое-нибудь слово: *кто бежала?* Один говорит: девочка, другой—лошадь, третий—собака и т. д. Учитель выбирает слово, которое более соответствует его цели, и пишет его на доске сам или поручает кому-нибудь из детей; потом продолжает спрашивать дальше: где бежала собака? Один говорит: по улице, другой—в лесу и т. д. Слово это также ставится на место и т. д. Таким образом составляется простое, распространенное предложение. Потом учитель таким же образом вносит в это предложение

новое подлежащее, которое изменяет окончание сказуемого и определения, и дети сами замечают необходимость этих изменений. Потом ученики, при помощи учителя, вносят новое сказуемое, новое определение и т. д. Точно так же вводятся новые слова в предложение, затем — придаточное предложение. Далее, уясняя причину какого-нибудь действия, цель его, средства и т. п., учитель переходит к периодам. Само собой разумеется, что здесь кратко очерчен целый ряд последовательных упражнений, а не одно упражнение, делаемое в один урок. При этом сама собой уясняется постановка знаков, значение различных частей предложения и соотношение предложений. Самые правила грамматики должны быть передаваемы детям при этих упражнениях постепенно, смотря по возможности.

В то же самое время должно идти и подготовление к этимологии. Знакомство с частями речи обыкновенно не стоит детям большого труда, особенно при таких упражнениях в языке, какие мы выставили выше: ребенок скоро начинает понимать, что есть названия предметов, есть названия качеств, есть названия действий и т. д. Несколько труднее усваивается детьми различие неизменяемых частей речи; но поставленные в предложении предлоги, союзы скоро выдают свое настоящее значение.

Что касается до изменений в окончаниях по склонениям, спряжениям и т. д., то одним из хороших приемов мы считаем следующие упражнения: дети рассказывают какое-нибудь событие в настоящем времени, а учитель требует потом, чтобы они передали тот же рассказ в прошедшем времени; так, например, вы берете коротенькое описание весны, и дети делают вам три упражнения: весна настоящая, весна прошедшая, весна будущая. Точно так же переделывается рассказ из первого лица в третье, из единственного числа во множественное и т. д.

Изменение слов по степеням сравнения иногда затрудняет наших детей своей чрезвычайной неправильностью, а потому следует упражнять в нем детей, за-

ставляя их дополнять предложения; так, например, наш пруд глубок, но река еще... дети сами должны окончить. Такой вызов слов и форм языка из детской памяти очень полезен: у детей запас слов и форм родного языка обыкновенно не мал, но они не умеют пользоваться этим запасом, и вот этот-то навык отыскивать быстро и верно в памяти требуемое слово и требуемую форму есть одно из важнейших условий развития дара слова. Учитель должен дать детям этот навык, в то же время обогащая постепенно самый умственный запас, и развить в детях чутье языка, которое угадывает, что форма не та, какая требуется. Не должно забывать, что сколько бы мы ни вносили сознательности в нашу речь, многое зависит от верности и развития нашего словесного инстинкта: ребенок четырех или пяти лет, никогда не слышавший какого-нибудь глагола, а тем менее каких-нибудь грамматических правил, по большей части начинает спрягать новый для него глагол правильно, вследствие бессознательного инстинктивного навыка. Этот инстинкт не только должно приводить в сознание грамматикой, но и усиливать его беспрестанным упражнением.

Особенное значение для этимологии вообще и, в частности, для орфографии имеет словопроизводство, которое и занимает детей, представляя для них нечто вроде игры в слова. Учитель берет какое-нибудь слово, потом говорит и пишет несколько слов, имеющих с первым общий корень; повторяет это упражнение три-четыре раза, и дети, еще не знающие, что такое корень слова и слова одного корня, инстинктивно приучаются к этому упражнению и на выбранное учителем слово подбирают сначала медленно одно-два слова одного корня, а потом делают это все быстрее, и класс отыскивает обыкновенно почти все слова одного корня. Это упражнение не только дает детям власть над тем запасом слов, который бессознательно лежит в их памяти, но служит одним из лучших приготовительных упражнений к орфографии.

Обыкновенно употреблявшийся у нас так называемый грамматический разбор есть само по себе очень хорошее упражнение; но постоянное употребление одного этого упражнения в продолжение нескольких лет делает его для детей невыносимо скучным. Мы советуем прибегать к нему изредка, для того только, чтобы повторить уже усвоенные детьми грамматические сведения и привести их в новую систему, сообразную с разбираемым отрывком. Такая перетасовка приобретенных сведений весьма полезна для развития и укрепления ума. Разбор должен усложняться постепенно. Так, например, ученик, узнавший уже, что такое имя существительное, отыскивает в прочитанном им отрывке все имена существительные, потом прилагательные и существительные, далее глаголы в прошедшем времени и т. п., наконец, достигает до разбора, этимологического и синтаксического, предложения за предложением и слова за словом. Но останавливаться долго над этим последним упражнением не следует. У нас же в прежнее время, а во французских школах и теперь, в какой класс ни придешь — все разбор да разбор. Скажем, не обинуясь, что это любимая форма для занятий ленивых учителей; ничего не может быть покойнее, как заставлять учеников одного за другим разбирать наудачу развернутую страницу, разбирать не только изустно, но и письменно. Но что это за скучная и бесполезная меледа для учащихся?! Письменный разбор как вещь совершенно бесполезную мы советуем решительно исключить и заменить его другими письменными упражнениями, заключающими в себе более смысла и занимательности для учащихся. А то к чему же могут привести эти вечные переписывания в продолжение многих лет: «дом — имя сущ. нариц., муж. р., единств. ч.» и т. д.?

Мы не входим здесь в подробности самих упражнений, предоставляя это практикам, и знаем очень хорошо, что, кроме перечисленных нами, можно найти еще много других; мы же перечислили только такие, пользу

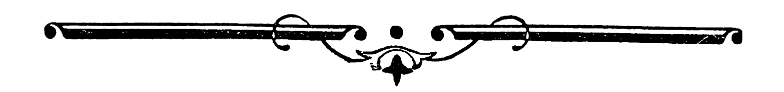
которых испробовали сами и которые особенно нам понравились в русских и заграничных школах.

Нужно ли систематическое изучение грамматики? Мы считаем его необходимым или, по крайней мере, чрезвычайно полезным, полезным для всякого ученика, необходимым для тех учеников, которым предстоят еще впереди занятия науками или которые сами со временем будут учить других. Обладая большим запасом слов и форм и развитым навыком в их употреблении, ученик сводит все это в одну систему при систематическом изучении грамматики. Это полезно, потому что развивает сознание дитяти, укрепляет в нем уже приобретенное и приучает дитя, с одной стороны, к наблюдению над таким духовным предметом, как слово, а с другой — к логической системе, первой научной системе. У нас многие вооружались против научных систем в преподавании, и, конечно, если система предшествует предмету, то она не годится для детей; но если она является результатом изучения предметов одного рода, то в высшей степени полезна. Только система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предметов, дает нам полную власть над нашими знаниями. Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в ящиках пусто.

Истинная педагогика, избегая обеих крайностей, дает ученикам прежде материал и по мере накопления этого материала приводит его в систему. Чем более и разнообразнее накопляется материал, тем выше становится система и, наконец, достигает до отвлеченности логических и философских положений. В постройке такого миросозерцания в голове учащихся принимают, конечно, участие преподаватели всех предметов; но мы полагаем, что именно на преподавателе русского языка

и словесности лежит обязанность обзора всех приобретаемых детьми знаний и приведение их в стройную логическую систему, потому что родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания.

ПРЕДИСЛОВИЕ К 5-му ИЗДАНИЮ «ДЕТСКОГО МИРА» [19]

(1864 г.)

Повсеместное распространение «Детского мира» позволило мне теперь выбросить из него длинное предисловие, вовсе не нужное для учащихся, и, воспользовавшись свободным местом, пополнить содержание первой части. Я внес в 5-е издание несколько новых статей, как в «Хрестоматию», так и в книгу для чтения, оставив в хрестоматии все прежние статьи нетронутыми. В некоторых статьях книги для чтения я вынужден был сделать по замечаниям естествоиспытателей некоторые поправки и, если оставил другие места без перемены, хотя мне и указывали в них на научную неточность, то единственно потому, что не признал в них научной ошибки, а только отсутствие тех научных подробностей и технических выражений науки, которых я избегал с педагогической целью. Немногие статьи книги для чтения я вынужден был совершенно переделать, руководствуясь своими собственными наблюдениями над их практическим применением и заметками опытных педагогов-практиков.

Но все эти изменения и дополнения, сделанные мною в 5-м издании «Детского мира», нисколько не мешают употреблять в одном и том же классе экземпляры всех изданий, исключая первого, которое было в одной части и, кажется, уже вышло из употребления. Статьи книги для чтения, которым, без сомнения, у всякого опытного преподавателя предшествует беседа, могут без помехи для классных занятий представлять различия

в различных экземплярах. Хороший преподаватель сумеет даже воспользоваться этим разнообразием, чтобы дать упражнение вниманию и рассудку учеников, заставив их самих сравнить две различные статьи об одном и том же предмете и отыскать между ними сходство и различие. Для механического же упражнения в чтении, при котором необходимо полное тождество статьи во всех экземплярах, есть и в хрестоматии и в книге для чтения много статей, оставшихся без всяких перемен.

Для удобства преподавания я отметил в оглавлении первой части *звездочкой* все те статьи, которые изменены в 5-м издании, и *курсивным шрифтом* — все новые статьи, не бывшие в прежних изданиях. Преподаватель должен иметь экземпляр 5-го издания, конечно, если у некоторых учащихся есть это же издание, и тогда ему будет легко узнать, какую статью ему следует выбрать для механического чтения, чтобы она нашлась во всех экземплярах. Статьи же нового, 5-го издания могут быть читаемы или наставниками или одним из учащихся для целого класса, чем дети приучаются внимательно слушать читаемое. Против всякой перемены книги для чтения и, следовательно, против всяких улучшений в ней вооружаются обыкновенно те преподаватели, которые не пошли далее одного механического чтения; но я при составлении «Детского мира» никак не имел ввиду дать эту книгу для одного этого упражнения. Кто же знает, как трудно составить книгу для классного чтения при бедности нашей педагогической литературы, если составитель не хочет угощать детей бессвязными обрывками, нахватанными откуда ни попало, и принужден сам составлять четыре пятых своей книги, тот извинит меня, что в каждом новом издании я нахожу необходимым что-нибудь прибавить или улучшить.

Я желал бы внести картины в 5-е издание для большей наглядности содержания; но вставка картин потребовала таких издержек (на самые картины, на

увеличение числа листов бумаги, а главное — на улучшение качества бумаги), что я вынужден был бы высоко поднять цену книги и тем самым помешать употреблению ее в тех училищах, где она уже принята. Вот почему сделал я особое издание с картинками *первой части* «Детского мира» (как преимущественно нуждающейся в наглядности) в небольшом числе экземпляров, отчасти для употребления его в семействах, где бывает иногда трудно подобрать к «Детскому миру» объяснительные рисунки, а отчасти имея ввиду, что 1—2 таких экземпляра с рисунками могут принести пользу и в классах учебных заведений.

Вместо выброшенного предисловия, я приготовляю к печати небольшую книжку о «Первоначальном преподавании русского языка вообще и по «Детскому миру» в особенности». Книжка эта, представляя, кроме общих правил, образцы практических уроков и замечания для учащих о значении почти каждой статьи книги для чтения, не только заменит собой выброшенное предисловие, но и пополнит в нем те пропуски, которые по необходимости я должен был сделать, не желая слишком увеличить объем книги, назначенной для учащихся. Кроме того, я не мог в прежнем предисловии представить тех советов, которые выработала практика преподавания по «Детскому миру», давшая мне много новых указаний. Прежде мне только казалось, что в первоначальном преподавании отечественного языка чтение, изустная беседа и умственные упражнения, основанные на наглядности, могут итти вместе, если книга для чтения нарочно составлена для такого преподавания. Теперь же, благодаря талантливости некоторых практиков, выработавших самые приемы преподавания, я убедился, что это не только возможно, но даже необходимо и что такое первоначальное изучение отечественного языка есть пока самое рациональное. Вот почему, изменяя то или другое в составе «Детского мира», я оставил нетронутой его систему.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ 5-го ИЗДАНИЯ «ДЕТСКОГО МИРА»

(звездочкой отмечены статьи, подвергшиеся изменению, и курсивным шрифтом напечатаны статьи, внесенные вновь)

Отдел I. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО С ДЕТСКИМ МИРОМ

Дети в училище (последняя глава выпущена).

Отдел II. О ЖИВОТНЫХ

Лошадь*
Корова*
Волк
Лисица*

Отдел III. ПТИЦЫ, РЫБЫ, ЗЕМНОВОДНЫЕ, ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

Куры
Ласточка

Отдел V. О РАСТЕНИЯХ

Яблоня*
Части яблони
Чем питается яблоня
Кленовое семечко
Вишня*
Как из вишневого цветка делается вишня
Ржаной колосок
Другие хлебные растения наши и не наши
На лугу
Пальма
Классификация растений

ХРЕСТОМАТИЯ

Медведь и бревно
Байка о щуке зубастой
Лихо-одноглазое
Вареный топор
Охотник до сказок
Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке
Никита-Кожемяка
Богатырь Вольга и оратай Микулушка (переделка из народной поэзии)

ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И. Д. ДЕЛЯНОВУ [20]

Его превосходительству господину управляющему МНП, Ивану Давыдовичу Делянову

В Ученый комитет Министерства народного просвещения поступила на рассмотрение «Книга для чтения», составленная каким-то Бенедиктовым (псевдоним) и изданная г. Глазуновым. Но дозволяя себе предугадывать мнение Ученого комитета об этой книге, я вместе с тем считаю не лишним довести до сведения вашего превосходительства о некоторых, к ней относящихся фактах, которые легко могут ускользнуть от внимания лиц, рассматривающих ее только в педагогическом отношении.

Три четверти этой книги — не что иное, как перепечатка из моей книги «Детский мир» и книги г. Паульсона, и, не представляя никакого самостоятельного труда, а только беззастенчивую спекуляцию, тем не менее, и именно потому, что составлена из других книг, уже одобренных Министерством, может быть допущена к употреблению в училищах, на что, конечно, она не имеет права как одна из подделок такого рода, допущение которых может охладить всякое желание трудиться самостоятельно и добросовестно на педагогическом поприще, и будет иметь весьма вредное влияние на умножение числа хороших педагогических книг, о чем так ревностно заботится то же Министерство, поощряя добросовестные труды по этой части одобрениями, премиями и другими пособиями. Нельзя не

видеть, что никакие премии не пособят жалкому состоянию нашей педагогической литературы, если право собственности авторов-педагогов не будет сколько-нибудь обеспечено. Цензурные законы наши довольно неопределенны, и часто ловкая проделка может избежать буквального их приложения. Но Ученый комитет, имея ввиду одну из главнейших своих целей — поощрение педагогической литературы, должен, как мне кажется, обращать внимание и на *самостоятельность* труда.

Теперь позволю себе обратиться к доказательству тех заимствований, которые сделаны в книге Бенедиктова из составленного мною «Детского мира», предоставляя г. Паульсону самому показать, что у него заимствовано еще более, чем у меня.

Заимствования эти двоякого рода: 1) перепечатка целых оригинальных, мною составленных, статей и 2) перепечатка совершенно ясная тех статей, под которыми хотя и подписаны имена авторов, но которые не только взяты мною из оригинального сочинения (для чего все же необходимо знание русской литературы и понимание педагогических требований), но и переделаны мною более или менее значительно, о чем перепечатывающий, кажется, не догадался.

Из оригинальных, мною самим написанных (или мною переделанных из иностранных писателей) статей заимствованы составителем книги Бенедиктова следующие: «*Органы человеческого тела*» (стр. 56), «*Собака*» (стр. 63), «*Кошка*» (стр. 68), «*Лошадь*» (стр. 71), «*Корова*» (стр. 75), «*Минералы*» (стр. 131), «*Воздух*» (стр. 139), «*Сумка почталиона*» (стр. 180), а в начале книги: «*Дедушка и внучек*» (стр. 4), «*Персики*» (стр. 20). Я нарочно эту последнюю статейку поставил под конец, чтобы удобнее показать, какого рода перемены делал иногда неизвестный составитель книги Бенедиктова. Перепечатывая эту статейку, он не подумал даже о том, что в России крестьянские дети персиков не едят (почему собственно я и поставил иностранные имена) и

переделал Эдмундов и Генрихов в Колей и Ваней и т. п., не изменив в оставленном даже ни одной запятой. Всех оригинальных моих статей перепечатано более 18 страниц (около $1^1/_2$ печатного листа).

Далее, идут перепечатки, сделанные, конечно, по невежеству составителя, от которых, зная, без сомнения, цензурный устав, он легко бы отказался, если бы знал также сколько-нибудь и русскую литературу. Таковы статьи: «*Отцовский долг*» (стр. 185), «*Петербургские шарманщики*» (стр. 198), «*Приготовление к охоте*» (стр. 203), «*Всенощная в деревне*» (стр. 227), «*Киргизские степи*» (стр. 289), «*Самоеды*» (стр. 293), «*Южно-русские степи*» (стр. 300), «*Илья-Муромец*» (стр. 336), «*Взятие Владимира татарами и битва на Сити*» (стр. 347), «*Куликовская битва*» (стр. 335), «*Козьма Захарович Минин-Сухорук*» (стр. 368), «*Избрание Михаила Федоровича на царство*» (стр. 373), «*Петр В. в Голландии*» (стр. 380), «*Полтавская битва*» (стр. 388),— всего же вместе более 3 печатных листов, что, со статьями оригинальными, составит $4^1/_2$ листа перепечаток, не подлежащих ни малейшему сомнению.

Чтобы представить пример, как наивно перепечатывал из «Детского мира» составитель книги Бенедиктова, я позволю себе войти в некоторые подробности. Так, например, в статье «Первое известие о самозванце», взятой мною из «Бориса Годунова» Пушкина, я сократил несколько явлений в одно, выбросил некоторые действующие лица — Ксению, мамку и других; взял из монологов Бориса только то, что мне было нужно, вставил для сохранения стиха местоимения; объяснил место действия; напечатал без разделения на стихи; и все это буква в букву, и запятая в запятую перепечатано в книге Бенедиктова, вероятно, в полной уверенности, что это так и в сочинении Пушкина. То же самое мною сделано и со статьей, заимствованною из драмы Островского «Минин»: тут еще более сокращений и моих объяснений,— без чего самый отрывок был бы не только слишком длинен, но и вовсе для детей непонятен, вводя

лица и разговоры, объясненные только в других частях драмы; все это буква в букву перепечатано в книгу Бенедиктова, и даже не исправлена нелепейшая опечатка, а именно: вместо «уходить», точно так, как и в «Детском мире», напечатано «отходить».

В статейке «Избрание Михаила Федоровича на царство» у меня сокращены в несколько строк 4 страницы из сочинения Полевого «Русская история для первоначального чтения» (ч. 3-я, стр. 323—327). Причем, конечно, не обошлось без выброски некоторых слов и вставки других. Но так как под статьей подписано имя Полевого, то составитель перепечатал даже опечатки.

В статье «Взятие Владимира татарами» я сократил в маленькую статейку несколько страниц из Карамзина,— в книге Бенедиктова все это перепечатано из «Детского мира» даже с моими опечатками, так как вместо 6 января напечатано 5.

В статье «Куликовская битва» повторилось то же самое.

В статье «Южно-русская степь» Гоголя мною много выкинуто и в начале переделано, чтобы детям было понятно, о чем говорится, а малороссийские слова переведены на русские: все так и перепечатано.

Статья «Самосуд» сокращена мною из сочинения Максимова, — и Бенедиктовым перепечатана с сделанными мною выпусками.

В статьях Пушкина «Полтавская битва»— те же, как и у меня, выпуски, та же редакция и даже те же ошибки в знаке.

Статья «Петербургские шарманщики» взята сокращенным отрывком из целого рассказа Григоровича,— в книге Бенедиктова те же выпуски, тем же начинается и оканчивается, как и у меня.

Кроме множества других статей, перепечатку которых трудно было бы доказать, так как они перепечатаны мною без изменения, я обращу еще внимание вашего превосходительства только на то, что все истори-

ческие рассказы, переданные мною из летописи, составленной Соловьевым по Нестору и напечатанные в «*Детской библиотеке*», изданной *П. Г. Редкиным*, не только взяты Бенедиктовым из того же источника, но и разбиты на те же главы, с теми же названиями, как и у меня, только с тою разницей, что Бенедиктов не переделывал уже ничего, а просто перепечатал отрывками, и потому в начале некоторых статей ученик не знает, о ком или о чем идет речь. Поместив рассказ по летописи об Олеге, я поместил тут же стихи Пушкина «*Песнь о вещем Олеге*»,— Бенедиктов сделал то же. Дойдя до периода о самозванцах, я помещаю два отрывка из «Бориса Годунова»,— Бенедиктов делает то же самое. Далее следует отрывок из «*Минина*» Островского,— у Бенедиктова то же. В заключение истории я помещаю стихотворение Майкова «*Манифест*», желая дать учителю случай сказать об освобождении крестьян и закрепить это событие в памяти детей прекрасными стихами,— Бенедиктов делает то же, и т. п.

Так весьма легко составить хрестоматию: вместо того, чтобы знать литературу, обдумывать план, сообразовываться с потребностями детской природы и учебными требованиями, стоит только взять две-три, уже напечатанные хрестоматии же, отметить карандашом, что придется послать в типографию для напечатания: это — работа одного вечера. Составление же «Детского мира» мне стоило двухлетних трудов, и потом, при каждом новом издании, я его постоянно исправлял и улучшал, что, конечно, не обходилось без труда и издержек.

Вся книга Бенедиктова есть перепечатка из двух книг: моей и г. Паульсона, с добавлением из третьей, уже выходящей из употребления, а именно хрестоматии г. Пенинского.

Что мое мнение о книге Бенедиктова как о лавочной спекуляции не есть личное мнение человека, интересы которого задеты, доказательством тому может служить мнение попечительного совета Харьковского учебного

округа (напечатано в циркуляре № 1 от 15 января 1865 г.), в котором между прочим говорится:

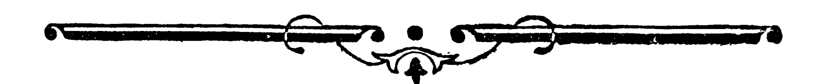
«Книга для чтения, составленная г. Бенедиктовым, вообще не представляет самостоятельного труда; она почти вся набросана из статей «Детского мира» Ушинского и книги для чтения Паульсона».

Далее: «В первом отделе (из детского быта) у Бенедиктова из 60 номеров заимствовано из книги Ушинского и Паульсона более половины. Остальные, кроме пословиц и загадок, находящихся в книге Паульсона, состоят большею частью из статей, польза которых для детей не может быть оправдана самыми простыми педагогическими соображениями.

... Второй отдел (мир и природа) больше чем на половину заимствован из Паульсона и Ушинского. Можно пожалеть, что не все статьи по этому отделу у Бенедиктова взяты из книги Ушинского, у которого этот отдел главный, сообщающий особенный характер книге; не находящиеся в последней статье, например, о материке, о горах, реках, общие понятия о человеке, о растениях, состоят из одного сухого перечисления предметов, а потому никак не могут рассчитывать на интерес детей... Третий отдел (хрестоматия), за исключением пословиц, басен и весьма немногих статей, почти весь составлен из статей, помещенных в книгах Паульсона и Ушинского».

Пусть Ученый комитет выбросит из книги Бенедиктова, что принадлежит мне и Паульсону, и тогда, без сомнения, он не удостоит ее своего одобрения, так как тогда останется только кусок бывшей книги г. Пенинского и несколько статеечек, источники которых я не мог отыскать, но которые, как они ни плохи по отзыву попечительного совета, едва ли принадлежат Бенедиктову, потому что, как я твердо уверен, ни один человек, умеющий написать грамотную страницу, не решится на такую подделку, хотя бы и мог запрятать свое имя под тройным псевдонимом.

18 июня 1865 г. Коллежский советник *К. Ушинский.*

ПИСЬМО К. Д. УШИНСКОГО МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНУ [21]

Ваше высокопревосходительство,
Милостивый государь,
Александр Васильевич!

Я бы никак не решился утруждать Вас таким длинным письмом, если бы дело, о котором я намерен говорить, касалось лично меня одного, а не затрагивало вообще интересов педагогической литературы и удобств распространения учебных книг по училищам, на что Вы всегда обращали такое внимание.

Еще в феврале, будучи в Ницце, получил я известие, что в магазине Глазунова продается «*Книга для чтения*» Бенедиктова, бо́льшая половина которой есть не что иное, как перепечатка из моей книги «Детский мир» и книги г. Паульсона. А потом я получил и самую книгу Бенедиктова, рассмотрев которую, убедился, что это известие совершенно справедливо.

Если бы мой «Детский мир» весь состоял из одних, и притом неизменных перепечаток из разных авторов (таковы и были обыкновенно все хрестоматии до появления моей книги), то и в таком случае перепечатка была бы несправедливостью. Для составления и в таком виде дельной хрестоматии требуются два условия: 1) обширное знание русской литературы и 2) понимание детской природы, ее нравственных и учебных требований, и вообще, педагогический такт и педагогические познания. Что эти два условия встречаются у нас не часто, лучшим доказательством может служить то, что и такие перепечатанные хрестоматии, несмотря даже на то, что они доставляли их составителям порядочный доход,

были положительно плохими, и на недостаток хороших книг для чтения в классах жаловалось не раз само Министерство. Но в «Детском мире» более чем три четверти книги принадлежит мне, или как совершенно оригинальные, мною самим написанные статьи, или как составленные мною по лучшим немецким, и в особенности английским книгам, с которыми я познакомился в продолжение моих многолетних педагогических занятий, стоивших мне немало и времени, и здоровья, и даже денежных издержек. Кроме того, и в остальной трети моей книги, внося в детскую литературу отрывки из русских авторов, не бывшие дотоле в употреблении в педагогической литературе, я потому только и мог это сделать, что, оправдываясь педагогическими целями, одни из этих отрывков сокращал, а другие изменял. Так, например, чтобы внести в детскую книгу прекрасный отрывок из драмы Пушкина «Борис Годунов», где Борис говорит с своим сыном и потом получает первое известие о самозванце, я должен был исключить из этих сцен лицо Ксении, тоскующей о своем женихе, и мамки; должен был сократить весь отрывок, объяснить место действия и т. п. Подобным же образом я поступил и в отношении драмы Островского и в отношении многих стихотворений, то пропуская конец, то вычеркивая непонятную для детей мораль; иногда из нескольких страниц Карамзина или Полевого я составлял статью в одну страничку и т. п. Конечно, это не важный труд в литературном отношении, но он очень важен в педагогическом. И часто мне приходилось долго возиться с иным отрывком, пока удавалось приспособить его к условиям детской книги. Да и впоследствии, при каждом новом издании «Детского мира», я то изменял, то прибавлял новые, то выкидывал прежние статьи; так что, по справедливости, могу признать мою книгу, в настоящем ее виде, плодом долголетних трудов.

Составитель книги Бенедиктова, зная закон о контрафакции, перепечатал из «Детского мира» оригинальных моих статей не более полутора листа; но, не зная

вовсе русской литературы и принимая за Пушкина и Островского то, что, собственно, было только педагогическою переделкою из их сочинений, перепечатал, кроме того, до $4^1/_2$ печатных листов и перепечатал не только с моими сокращениями и объяснениями, но даже с опечатками, так что перепечатка легко может быть доказана. Я не говорю уже о тех перепечатках, которых доказать нельзя, потому что статьи, заимствованные мною, не были изменены. Еще более перепечатал составитель книги Бенедиктова из книги г. Паульсона, так что почти три четверти книги Бенедиктова состоят из неподлежащих сомнению перепечаток из наших книг, а остальная часть взята из книги Пенинского, давно уже оставленной. Но всего замечательнее то, что принадлежит оригинально Бенедиктову или выбрано им самим: это — или стихотворения, подобные стихотворению «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» или отрывки из плохих учебников, состоящие из совершенно голых перечислений гор, рек, озер и проч., которые ныне не употребляются даже в учебниках географии, а не только в книге для чтения. По всему видно, что составитель книги Бенедиктова составил ее в два-три вечера, не более, из трех хрестоматий, не представляя даже рукописи, а просто обозначая места для перепечатки, и что составитель этот столько же чужд всяких педагогических познаний, сколько и знания русской литературы.

Пересмотрев эту книгу, я не очень был обеспокоен ее соперничеством, так как она составлена без всякого педагогического такта, и статьи, заимствованные, например, у меня и имеющие свое значение только в связи с другими статьями «Детского мира», Бенедиктов перепутал как попало, единственно имея ввиду только закон о контрафакции, а не постепенность умственного развития детей.

Ненавидя журнальную полемику, а тем более судебные процессы, я думал было оставить эту проделку без внимания. Но вскоре затем получил два новые

известия, которые сильно обеспокоили меня как из видов личного интереса, так и ввиду интересов педагогики и общественного воспитания, которому, как Вам известно, я уже давно посвящаю свою деятельность. Меня извещали, во-1-х, что книга Бенедиктова подана в Ученый комитет Министерства для одобрения к употреблению в училищах; и во-2-х, что книгопродавец Глазунов, пользуясь правом комиссионерства и своими давно установившимися сношениями с училищами, распространяет книгу Бенедиктова всеми возможными средствами и даже высылает ее в те учебные заведения, которые требуют книги Паульсона или моей, и высылает под предлогом, будто наших книг в продаже не имеется. Зная по опыту, как много значит для наших училищ одобрение Ученого комитета, как слабо развита наша книжная торговля, как в отдельных провинциальных городах смотрят на комиссионерство, как относятся наши училища к перемене комиссионеров, войдя в долги с одним из них по выписке книг, как, наконец, в отдельных углах малоизвестны даже имена книгопродавцев,— я увидел, что не только моей книге, но и вообще учебной литературе грозит не малая опасность, если удастся такая проделка главного комиссионера Министерства, к которому уже давно привыкли обращаться почти все учебные заведения Министерства. И потому я счел необходимым приехать в Петербург, несмотря на расстройство здоровья; но, к сожалению, не имел счастья застать ваше превосходительство.

Прибыв в Петербург, я начал с того, что подал в Ученый комитет подробный список всех перепечаток, сделанных из «Детского мира» в книге Бенедиктова. Причем я надеялся, что Ученый комитет, высказывая и печатно и на деле, даже премиями и пособиями, желание поднять нашу педагогическую литературу, вероятно, не будет способствовать своим одобрением появлению таких проделок, которые могут мало-помалу уничтожить возможность всякого самостоятельного педагогического труда, с чем вместе уничтожается даже

и возможность перепечаток, по той простой причине, что, наконец, не из чего будет и перепечатывать. Какая же есть возможность отдать несколько лет своей жизни самостоятельному труду, когда он может быть перепечатан на следующий день и получит притом право быть распространяемым по училищам. Никакие премии и пособия не исправят того зла, которое будет нанесено педагогической литературе необеспеченностью литературной собственности, так как наши законы по этому предмету весьма темны и неопределенны. Так, например, Министерство объявило теперь премию в 300 р. за лучший учебник по арифметике. Но, если книга, получившая эту премию, будет немедленно перепечатана комиссионером Министерства, может быть, даже с изменениями цифр, чтобы еще легче ускользнуть от суда, всегда у нас не очень надежного и, в особенности, в литературных вопросах; и если эта контрафакция, получив одобрение Ученого комитета, будет распространяться теми средствами, какие находятся в руках богатых книгопродавцев, и в особенности, комиссионеров Министерства,— то бедный составитель книги, награжденный премией (кто же из богатых занимается составлением учебников?), понесет убыток, несколько раз превосходящий полученную им премию. Имея это ввиду, я полагал, что Ученый комитет, заботящийся, вообще, о развитии у нас педагогической литературы, не допустит, сколько от него зависит, явлений, приносящих ей такой существенный вред. Ученый комитет, сколько мне известно, принял во внимание представление мое и г. Паульсона *.

При этом считаю не лишним присовокупить, что еще прежде попечительный совет Харьковского учебного округа отверг книгу Бенедиктова как контрафакцию; и из этого мнения совета, напечатанного в циркуляре округа и перепечатанного в других журналах, узнали мы

* На полях карандашом дописано «и даже не одобрил книгу Бенедиктова». (*Ред.*)

с г. Паульсоном другой замечательный факт, а именно: что книга Бенедиктова представлена была в Харьковский попечительный совет от курского директора, который получил ее от книгопродавца Глазунова, за неимением будто бы в продаже книги г. Паульсона. Г. Паульсон отнесся к курскому директору и получил от него уведомление, что действительно курская дирекция еще в прошлом году, 11 апреля, требовала от Глазунова 600 экз. книги г. Паульсона и что Глазунов, будто бы «по неимению в *настоящее время* такого числа экземпляров этой книги, вследствие медленного печатания оной, и чтобы удовлетворить потребности учащихся и не упускать времени», решил (*уже 12 октября*, т. е. ровно через полгода после требования; это значит не упускать время!) послать 100 экз. только что вышедшей и составленной *сведущим* и *опытным* лицом подобного рода книги под названием «Книга для чтения» Бенедиктова, которая, при *удачном* выборе статей, почти вдвое полнее книги Паульсона при той самой цене 45 коп. *».

Правда, Глазунов предлагает возвратить книгу обратно, если она не годится. Но кто-же не поймет, что, прождав столько времени с такой необходимой книгой, как книга для чтения, можно удовлетвориться всякою, какая попадется. Подобное же извещение г. Паульсоном получено от директоров училищ Рязанской и Олонецкой губерний; и, кроме того, такое же известие имеется от директора Новочеркасской гимназии. При этом считаю не лишним заметить, что у г. Паульсона имеется *стереотип* его книги, так что в продолжение месяца́ можно, если понадобится, отпечатать хоть сто тысяч экземпляров. Кроме того, г. Паульсон представляет расписки различных редакций в том, что в продолжение означенного времени он объявлял несколько раз о выходе своей книги. Все это, конечно, касается книги г. Пауль-

* Извлечено буквально из письма комиссионера Глазунова, копию с которого прислал к г. Паульсону курский директор.

сона; но без сомнения, то же делали и с моею, только я не был в Петербурге и потому не мог собрать таких же данных.

Познакомившись в этими фактами, я пожелал, наконец, узнать, кто именно состряпал книгу Бенедиктова, и узнал следующее:

1. Фамилия Бенедиктова есть псевдоним (явление совершенно новое в педагогической литературе, никогда не употреблявшей до сих пор псевдонимов). На замечание мое, что напрасно на такое грязное дело употребили почтенное имя нашего поэта, г. Глазунов ответил, что на книге напечатано П. Бенедиктов, а поэт Бенедиктов — В. Бенедиктов, чего я и не знал, да и многие тоже не знают. Это — проделка, напоминающая проделки московских контрафакторов, издающих и теперь сочинения В. Гоголя.

2. На вопрос мой: кто же составитель книги,— Глазунов ответил, что составителя не знает (хотя и рекомендовал его курской дирекции как «опытного и сведущего» человека), а дело имеет с каким- то офицером Парафиановичем, с которым приказчик его, Глазунова, познакомился где-то в трактире и которого сам Глазунов едва несколько раз видел. На вопрос мой: как же г. Глазунов рекомендует учебным заведениям этого неизвестного ему автора как лицо опытное и сведущее,— г. Глазунов отвечал, что он в этом случае основывался на словах Парафиановича. Таким образом, имя автора осталось для меня неизвестным.

3. Тогда я пожелал узнать хоть имя подателя; но и этого мне не удалось. Конечно, в ревизорской книге типографии Глазунова, где печаталась книга Бенедиктова, она записана как издание Глазунова (о чем получил достоверные сведения г. Паульсон) и продается эта книга исключительно в магазинах Глазунова же (как это и значится на обертке); но, тем не менее, Глазунов прямо говорит, что он — не издатель, а Парафианович не составитель. Но так как во всяком иске нужно объявить лицо, на котором ищешь, то я и постав-

лен в чрезвычайно затруднительное положение; и мне приходится, как говорят, подать прежде всего в полицию объявление, что в магазине Глазунова продается контрафакция, виновника которой я не знаю. Все эти таскания по полициям и судам так мало имеют общего с моими педагогическими занятиями и так много требуют времени, что я и до сих пор не решился, что мне делать. Я скорее уже обратился бы к суду общественного мнения, чем разных судебных и полицейских мест.

Из всего этого вы изволите видеть, из каких темных трущоб вылетела в свет эта книга, претендовавшая на одобрение Ученого комитета. Кроме того, вашему высокопревосходительству видно будет из этого дела, как злоупотребляет Глазунов своим званием комиссионера Министерства и что вся эта чисто апраксинская проделка есть проделка его магазина, для которого, конечно, выгоднее распространять свои контрафакции, чем покупать книги у авторов. Но Глазунов так уверен, вероятно, из примеров прежних лет в безнаказанности подобных поступков, если они делаются миллионером, что не только не прекратил продажи этой книги, но и объявил мне еще, что печатает ее вторым изданием, так как 1-е, в числе 4000 экз., по сознанию самого же Глазунова, уже разошлось, и, без сомнения, по тем несчастным учебным заведениям, из грошей которых составляются миллионы этих господ Глазуновых.

Если такая наглая проделка пройдет Глазунову даром и он попрежнему останется комиссионером, то нет сомнения, что подобных проделок как с его стороны, так и со стороны других комиссионеров будет еще не мало, так как это только проба,— что видно по особой осторожности, с которою Глазунов подтишком рассовывал свою контрафакцию, долженствующую, по его мнению, подорвать расход и моей книги и книги г. Паульсона, совмещая в себе статьи той и другой.

Насколько же такое положение книжной торговли вредит распространению образования в на-

роде, тому, между прочим, может служить доказательством одно известие из Калязина, недавно напечатанное в «Голосе», где пишется, что в одном селе устроили училище, для которого, разумеется, потребовались немедленно книги. В прежнее время в таких случаях обыкновенно обращались в уездное училище, откуда и получались требуемые книги. Но теперь, по неимению в училище оборотных капиталов, принуждены были обратиться к московским книгопродавцам; но вместо требуемой арифметики, получили арифметику Мерского и по такой цене, по какой она не продавалась в самое цветущее свое время.

Ваше высокопревосходительство, уничтожая книжную торговлю в Министерстве, имели на то, без сомнения, важные причины, в разбор которых входить—не мое дело. Но предоставить вполне распространение учебных книг таким торгашам и контрафакторам, каким является Глазунов, не имея над ними никакого контроля, давая им право называться комиссионерами Министерства и не налагая вместе с тем на них никакой ответственности по этому праву, едва ли будет значить улучшить дело распространения хороших учебных пособий. Нетрудно представить себе, что какое-нибудь отдаленное учебное заведение, начальник которого никогда не бывал в столицах и которое находится в давних сношениях с Глазуновым и состоит ему в долгу по выписке книг, будет поставлено в очень затруднительное положение, получив такое объявление Глазунова о книгах, какое, например, им недавно печаталось в газетах, где помещена книга Бенедиктова, а нет книги ни моей, ни Паульсона, хотя наши признаны Министерством, а Бенедиктова нет *. Неужели же комиссионер-

* На полях приписано карандашом: «Для устранения сего на будущее время, не будет ли признано полезным препроводить в Министерство внутренних дел список одобренных Ученым комитетом М. Н. П. учебных пособий и руководств для принятия этого списка в соображение издателям периодических изданий при напечатании объявлений книгопродавцев о книгах» (*Ред.*).

ства не обязаны даже публиковать книги, одобренные Ученым комитетом? Все выгоды, будто бы доставляемые Глазуновым учебным заведениям,— только призраки, путающие дело, в сущности очень простое. Глазунову, например, очень выгодно уступить 10% с моей книги, назначив ей цену для училищ 1 р. 50 к. и опубликовав эту цену не только во всех каталогах, но даже в «Журнале Министерства народного просвещения», тогда как я уступал эту книгу Глазунову по 72 к. за обе части (а иногда и дешевле) с обязательством продавать ее никак не выше 80 к. для учебных заведений и предоставляя ему брать высшую цену только в частной распродаже. Назначая такие цены, легко уступить 10%, пользуясь барышом почти что рубль на рубль.

В настоящее время мы пришли в такое столкновение с Глазуновым, по поводу его контрафакции, что я могу серьезно опасаться, что Глазунов, если Министерство оставит его комиссионером, вытеснит совершенно мою книгу из употребления, а книга эта составляет единственное мое имущество: да едва ли это будет и выигрышем для дела образования.

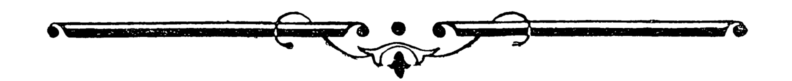
Вот причины, заставившие меня обратиться к вашему высокопревосходительству с всепокорнейшей просьбою: удовлетворить моей жалобе, насколько Вы найдете ее справедливою, позволить мне опубликовать все факты проделки Глазунова с тем, чтобы сделать известными и публике и учебным заведениям те условия, к каким он прибегает для распространения по училищам изделий своего магазина.

Удостойте принять выражение чувства глубочайшего уважения и совершенной преданности, с которыми имею честь быть вашего высокопревосходительства всепокорнейшим слугою.

Коллежский советник *К. Ушинский.*

10 июля 1865 г.
С.-Петербург.

ЦВЕТЫ МОСКОВСКОЙ ПЕДАГОГИИ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПОЧВЕ [22]

Книга для первоначального чтения
Составили А. Филонов и А. Радонежский. СПб., 1866.

Мое детство
А. Филонова. СПб., 1864

Книгу для первоначального чтения, т. е. книгу, которая должна следовать за азбукой, составить весьма нелегко, и потому неудивительно, что за нее принялись разом два педагога. Толщина озаглавленной нами книги почтенная — в ней 468 страниц большого формата. Отделы этой книги как быть следует: 1-й — закон божий, 2-й — история, 3-й — жизнеописания, 4-й — география, 5-й — естествознание и 6-й — словесность. Имена авторов, из произведений которых заимствованы отрывки для этой книги, тоже все имена почтенные и давно знакомые: игумена Даниила, митрополита Филарета, Карамзина, Муравьева, Бодянского, архиепископа Иннокентия, барона Корфа и т. д. Во всей книге оригинального — одно небольшое стихотворение, принадлежащее г. А. Радонежскому. Что же? Это еще не беда; если г. г. составители нашли в сочинениях наших знаменитых ученых статьи, которые можно читать вслед за азбукой,— тем лучше.

Отдел 1-й, статей по закону божьему, начинается отрывками из священного писания на церковно-славянском языке. Видно, г. г. Филонов и Радонежский предполагают, что следует начинать учить детей на церковно-славянском языке и потом уже переходить к русскому. Что же? Идея не новая: так было еще недавно в том училище, где учился сам г. Филонов *. Может быть, по

* См. «Мое детство», А. Филопова, СПб., 1864.

мнению г. г. составителей, мы опять должны будем воротиться к этому порядку. Но, по крайней мере, в настоящее время, помещение славянского текста на первых страницах книги совершенно непонятно. Выбор отрывков едва ли удачен: как ни просто изложены в евангелии притчи «О талантах» и «О сеятеле», но возвышенный смысл этих притч едва ли доступен десятилетнему ребенку. Вот почему детей во всем мире обыкновенно знакомят сначала с историческим содержанием св. писания.

На стр. 9-й начинается уже русский текст статьей Муравьева: о «Литургии верных», и прямо с объяснения «Херувимской песни», едва ли не самой возвышенной, вдохновенной и глубокой из всех церковных песен. Законоучителя наши, вероятно, недаром объясняют эту великую песнь только в пятом классе гимназии, где излагается богослужение, но в этом классе, конечно, уже не употребляют книги «для *первоначального* чтения». В современной школе странно как-то будет читать по складам, запинаясь на каждом слове, следующее:

«Да молчит всякая плоть человека (*человеча?*) и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: царь бо царствующих и господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным. Предходят же сему лицы ангельстии, со всяким началом и властию: многоочитии херувимы и шестокрылатии серафимы, лица закрывающе и вопиюще песнь: аллилуиа!»

Без сомнения, читая эти возвышенные строки, восьмилетнее дитя наделает много ошибок, за которые, если учитель нетерпелив, дитя поплатится, может быть, и горькими слезами, теми самыми слезами, которые проливал г. Филонов и которые были так едки, что он не мог забыть их и через 20 лет *. Да как же и не выйти из терпения учителю, если он захочет объяснить подобные строки восьми- или даже десяти-, двенадцати-

* См «Мое детство», А. Филонова, на всех страницах.

летнему мальчику? Или новейшие педагоги полагают, что учитель должен учить дитя читать слова, не внося в них никакого понимания? В таком случае, нам кажется, лучше давать детям читать старые газеты: и дешевле, и не будут профанироваться страницы глубокого вдохновения. В Германии и Англии первые, самые простые библейские рассказы преподаются даже изустно, чтобы дитя не портило их дурным чтением и в детской душе к высокому смыслу читаемого не присоединялись горькие впечатления поправок, брани, а, может быть, и колотушек, которых переел столько сам г. Филонов за чтением «Псалтири» *. Для упражнения же в чтении и ясном понимании читаемого берутся, обыкновенно, предметы из самой обыденной жизни. Но что делается в Германии и Англии, то, конечно, не указ нашим передовым педагогам, вдохновляемым самородной московской музой, уничтожающей все западные педагогические улучшения и облегчения. В Англии и Германии *первоначальные* книги для чтения совершенно отделяются от *хрестоматий*, состоят из статей, написанных педагогами собственно для детского возраста; предметы выбираются самые наглядные и доступные ребенку, излагаются языком самым простым, и все это с целью приучить дитя к сознательному чтению, с совершенным пониманием читаемого. Видно, для русских детей все это оказывается ненужным, и они могут начинать ученье тем, чем другие его оканчивают.

Перевертываем страницы две и находим статью: «Поступок Иоанна Златоустого с Евтропием», из которой видно, что г. г. Филонов и Радонежский предполагают у восьмилетнего читателя познания человека, окончившего курс семинарии. Идем дальше: «Казнь богоотступнику», где отступник Юлиан, умирая и захватив горсть своей крови, вместе с пылью бросает вверх и восклицает: «Победил, галилеянин! Насыться...» (стр. 18). Самое детское чтение! Дальше все то же, столь же понятное и

* См. «Мое детство», стр. 11.

доступное для ребенка, как, например, «Слово в бородинскую годовщину» архиепископа Августина, или отрывок «Из слова по освящении храма явления божьей матери преподобному Сергию». Слово это, без сомнения, превосходно и принадлежит одному из глубочайших духовных витий нашего времени — митрополиту Филарету; но для восьмилетних детей, не только у нас, а и во всем свете, ораторская речь, вообще, считалась до сих пор самым неудобным чтением. Представьте себе восьмилетнего или даже десятилетнего ребенка, который читает период:

«Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела святых, обиталища святыни, свидетелей праотеческого и современнического благочестия; люблю чин твоих богослужений, и ныне с непосредственным благословением преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда колебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же и тем же богата сокровищем, то-есть божьей благодатию, которая обитала в преподобном Сергие, в его пустыне, и еще обитает в нем и в его Лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою».

И вот, по прочтении этого периода, учитель спрашивает мальчика: «Расскажи, что ты прочел?» И если мальчик, дойдя до конца этого чрезвычайно стройного и искусного периода, позабудет начало (что легко может случиться даже с двенадцатилетним мальчиком), это будет стоить ему выговора, а может быть, и колотушки, а от колотушки останется в детском сердце капля горечи, и эта капля отравит для него прекрасные мысли, которые, прочитанные лет шесть позднее, могли бы принести ему большую пользу. Так бывает с современными детьми, то ли будет с *будущими*, на которых, вероятно, рассчитывают г. г. Филонов и Радонежский,— не знаем. В том же роде все статьи по отделу закона божьего.

Однакоже, может быть, читатель скажет, что «Книга для первоначального чтения» вовсе не назначается для маленьких детей, а для взрослых; но тогда — какая же она книга для «первоначального» чтения? Что г. г. Филонов и Радонежский не ошиблись в названии книги, что это не опечатка, — это можно видеть из той же книги, где вместе с отрывками из слов митрополита Филарета, архиепископа Августина, из писем о богослужении Муравьева и т. п. помещены, например, следующие произведения: «Теремок мышки»:

«Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норышка и спрашивает: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» Никто не отзывается. Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове. Пришла лягушка-квакушка: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка, а ты кто?» — «А я лягушка-квакушка».— «Ступай ко мне жить». Вошла лягушка, и стали себе вдвоем жить. Прибежал заяц: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Я, мышка-норышка да лягушка-квакушка, а ты кто?» — «А я на горе-увертыш».— «Ступай к нам». Стали они втроем жить. Прибежала лисица: «Терем-теремок! Кто в тереме живет?» — «Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе-увертыш, а ты кто?» — «А я везде-поскокиш».

Или подобные же: «Мальчик с пальчик», «Сказка о набитом дураке» и т. п. Правда, всех подобных младенческих сказочек немного, так что на пятый или шестой урок преподавателю придется уже перейти от «Теремка мышки» или «Бабы-яги» к чтению отрывков из сочинений Муравьева, Бодянского, Августина и т. п. Переход немного скорый!

Помещение упомянутых сказок показывает, что книга назначается не только для восьмилетних, но даже и для шестилетних детей, а такие слова, как митрополита Филарета, можно давать с пользой (и с большой пользой) только семнадцати-восемнадцатилетнему юноше. Следовательно, г. г. Филонов и Радонежский рассчитали свою «Книгу для первоначального чтения» на

возраст от шести до восемнадцати лет, то-есть на двенадцать лет; это, может быть, очень выгодно для г. г. Филонова и Радонежского, но едва ли выгодно для образования, по крайней мере, в его современном состоянии.

Следует исторический отдел, начинающийся статьей архиепископа Филарета «Кирилл и Мефодий». Представьте себе, что это первая историческая статья, которую читает дитя, ровно ничего не знающее ни из истории, ни из географии, и вы увидите, что для того, чтобы ребенок мог понять и рассказать что-нибудь из прочитанного, учителю придется так себе, мимоходом, объяснить, что такое Константинополь, что такое Македония, кто такой патриарх вообще и Фотий в особенности; кто такой царь Михаил, что за народ славяне, что такое логика, философия, математика, милитенский эмир и т. п., так как все эти слова встречаются в этой коротенькой исторической статье, *первой* для мальчика. Правда, составители делают внизу единственное примечание: «Солунь — город в Македонии»; но ребенок ведь не знает, что такое Македония, не знает даже, что такое Греция... Отчего же г. г. Филонов и Радонежский не объяснили также, что такое, например, «милитенский эмир» или что такое «славянское княжение»? Это, конечно, потруднее объяснить, чем то, что Солунь в Македонии; а ведь это именно придется объяснить учителю. Такую статейку с десятилетними детьми можно прочесть с полным пониманием года в два или три; а вся статейка-то в страничку, но зато книга украшена почтенным именем архиепископа Филарета.

Перевертываем еще несколько страниц со статьями из Несторовой летописи, сокращенной профессором Соловьевым, и с отрывками из истории Карамзина, написанной тоже вовсе не для детей. За статьей из Карамзина «О крещении Руси» следует целый отдел, посвященный «Язычеству Руси», о котором современным детям, не знающим еще катехизиса, вообще не приходилось говорить. Отдел этот начинается статьей про-

фессора Срезневского «Поклонение огню» (стр. 41) и начинается так:

«Древнейшее свидетельство о поклонении огню русскими читаем в слове Христолюбца: «и огневи молятся, зовут его сварожицем... и огневи молятся под овин(о)м». Без сомнения, здесь должно разуметь не Дажбога, *Сварогова сына*, а другого, во всяком случае, сына владыки неба. У малоруссов до сих пор есть слово *богач*, намекающее на давнее понятие об огне как сыне бога. Что касается до молитв под овином, то о них упоминает и устав Владимира (Святого) о судах церковных; обычны они и до сих пор у русских, так что в некоторых местах на гумне совершаются даже некоторые обряды, а в других празднуют и именины овина. Другое древнее свидетельство о поклонении огню находим у Кирилла (епископа) Туровского *: «Уже бо не нарекутся богом стихия, ни солнце, ни огонь».

Затем подобный же отрывок: «Места поклонения». Далее статейка вся из пяти строк, которую потому можно перепечатать: «Капища богам»:

«О храмах русских славян имеем только краткие напоминания. О требищах напоминает новгородская летопись, о капищах — митрополит Иларион ** в «Слове о законе Моисеом даннем», — о капищах в Ростовской области, разрушенных чудотворцем Исаией,— Киевский Патерик» *** и т. д.

Не правда ли, хорошенькая статейка для того, чтобы ее прочесть и рассказать? Затем опять статья из сочинений того же профессора: «Были ли идолы у язычников русских?», начинающаяся известием, почерпнутым из арабского писателя Ибн-Фодлана (стр. 43). Вопрос этот должен сильно интересовать детей, потому что г. г. Филонов и Радонежский посвящают ему еще

* Русский писатель XII века.

** Русский писатель XI века.

*** Греческое слово; по-русски «Отечник». В сочинении «Патерик» находятся рассказы о жизни подвижников (отцов) Печерского монастыря в Киеве.

пять длинных статей. На помощь г. Срезневскому призываются в малолетний класс еще два профессора — Бодянский и Соловьев; и вот как, например, г. Бодянский объясняется с детьми: «Хръс-Даждь бог»:

«Хорс есть слово чужое, именно *зендское*, и значит собственно солнце, в переносном смысле бог солнца, которому славяне русские поклонялись, по свидетельству Нестора и др., имя его заменили словом Даж(-дь) бог или просто Дажьба, держась главной идеи, выражаемой им, которую действительно вполне выражает слово Дажьба как главный бог, податель всех благ, для народа земледельческого, так много зависящего от влияния солнца на землю, его кормилицу. Вот почему у Нестора слово Дажьбог следует непосредственно за словом Хръс».

Но, может быть, эта коротенькая (всего 8 строчек) и легонькая детская статейка, в которой составители не нашли нужным объяснить ни одного слова, помещена для того, чтобы приучить детей выговаривать слова вроде «хръс»... и то дело! Вот три *детские* писателя — Срезневский, Бодянский и Соловьев — толкуют дружно о древнем славянском язычестве детям, которые еще учатся читать.

Далее идут все статейки, если не совсем подобного рода, то такие, для объяснения которых от учителя, если он добросовестен, потребуется рассказать всю русскую историю с начала до конца, да кстати захватить еще и общеевропейской. Все отрывки из сочинений Соловьева, Костомарова и Забелина, которые совершенно неожиданно для них самих попали в малолетнюю школу. Далее следуют отрывочки из книги «Дух Екатерины Великой»; отрывки вроде следующих: «Незабвенные мысли о воспитании», где излагаются слова Екатерины Великой, сказанные отцам и воспитателям и, конечно, уже не детям. Признаемся, мы попрежнему держимся еще старинной европейской педагогии и думаем, что помещение подобных строк в книгу, по которой дети учатся читать, есть величайшая профа-

нация высоких предметов и высоких имен; но наши новейшие педагоги, видно, думают иначе. Хорошо тоже описание праздника, данного князем Потемкиным (стр. 108). Но всех курьезов в «Книге для первоначального чтения» не переберешь. Однакоже нельзя не остановиться на статье барона Корфа «Полное собрание законов Российской Империи» (стр. 131), по поводу которой преподаватель должен так себе, слегка объяснить, что такое Свод законов, что такое Полное собрание, какое его отношение к Своду, кто такой министр юстиции, что такое делопроизводство, действие Свода, «Продолжение к Своду», и т. д., словом, дать 10—15 юридических лекций детям в возрасте от 8 до 12 лет. Любопытно бы знать, как объясняют эту статью сами составители, г. г. Филонов и Радонежский, если только есть где-нибудь на свете такой счастливый класс, где они учат по своей книге. В историческом же отделе мы находим статью Ордынского «Воспитание древних греков», для понимания которой необходимо познакомить детей с безделицей — с греческой историей. Неужели составители думают, что профессор Леонтьев издавал свои «Пропилеи» для ребятишек? Но вот и статья г. Леонтьева «Олимпийские игры», которая начинается такими, совершенно детскими стишками Пиндара:

«Вода лучше всех стихий; как горящий огонь сияет среди ночи, так золото превосходит все богатства, возвышающие людей: но ежели тебе желается, милое сердце, славить состязания, не ищи ты днем по пустому эфиру сияющего светила теплотворнее солнца, и не будем мы воспевать игр лучше Олимпийских».

По поводу этой статейки преподаватель должен будет объяснить мимоходом следующие слова: Пиндар, ода *, Олимпия, Алфей, Клавдия, Зевс, Элида, Геллены, агонист, Деметра Хамина, Гиерон Сиракузский, Аретуза и т. п. слова, которыми усеяна вся эта статья и

* Г. Филонов до Педагогического института не понимал, что такое трагедия. (См. «Мое детство», стр. 58.)

за которой совершенно последовательно помещено: «Предание о том, как гуси Рим спасли» (стр. 145). И заметьте, что при статье г. Леонтьева нет ни одного объяснения, тогда как господа составители весьма великодушно объясняют: когда жил Лукулл (стр. 147), кто такой был Гораций (стр. 150), или что Платон был греческий философ (стр. 148). Для кого эти замечания? Если для детей, а не учителей, то не мешало бы им также объяснить слова вроде Аретуза, агон, Деметра Хамина и т. д. Отчего же г. г. Филонов и Радонежский объясняют что полегче и оставляют необъясненным что потруднее? Кто знает, что такое Деметра Хамина, тот уж, верно, знает, кто такой Платон; но не наоборот. Это невольно наводит нас на мысль, что сами составители не совсем понимают те отрывки, которые они помещали в книгу для обучения детей чтению — истинно педагоги *будущего*! Мы сами учены плохо, но дети наши в десять лет должны понимать то, чего мы сами не понимаем в сорок: вот это так прогресс!

Далее следуют жизнеописания, по большей части наших писателей, между которыми вы не найдете ни Державина, ни Гоголя, а найдете, например, жизнеописание Тредьяковского, «надворного советника и с.-петербургской академии наук красноречия профессора», родившегося в 1703 г. и умершего в 1769 г. Оно начинается так:

«Если бы охота и прилежность могли заменить дарование, кого бы ни превзошел Тредиаковский в стихотворстве и красноречии?»

«Но упрямый Аполлон вечно скрывается за облаком для самозванцев-поэтов и сыплет лучи свои единственно на тех, которые родились с его печатью».

В жизнеописаниях помещен, между прочим, рассказ «Карл Великий и змея» (стр. 181), — больше жизнеописание змеи, чем Карла Великого. Затем следует статья «Фенелон» (стр. 182), где какой-то «Добросерд» беседует с Лизанькой и беседует так, что нет возможности дочитать до конца.

Вообще статьи по закону божьему и по истории в «Книге для первоначального чтения» представляют такой материал, о который разобьется всякая детская любознательность. О, г. г. Филоновы, Радонежские, Щербины и все педагоги самородной московской школы, возлагающие на детские плечи бремена неудобоносимые, если уж вам хочется воротиться в глубь прошедшего, то хоть бы вы не заходили далее времен Екатерины II. Вот вы, г. г. Филонов и Радонежский, выставили для детей наставление Екатерины II родителям, как воспитывать детей, а сами не прочли «Устава воспитания двухсот благородных девиц», на котором великая Екатерина написала: «Быть по сему» и который дышит мудростью и кротостью этой монархини. Если бы вы прочли тот «Устав» (а вам, кажется, было бы надобно его прочесть), то в примечании 84 наткнулись бы на следующий совет:

«Приводить детей к учению подобно как в приятное и украшенное цветами поле. Терния, в оном находящиеся, раздражают природу, особливо с начала, *а сие происходит единственно от неразумия воспитателей»* *.

Заметьте, г. г. Филонов, Радонежский, Щербина и проч., *от неразумия воспитателей*. Это не наши слова, а слова государыни, положившей начала народному образованию в России. Вот почему уже со времен Екатерины II начали издавать для *первоначального чтения* книги, примененные к пониманию детей; вот почему уже в начале нынешнего столетия, под покровом другой императрицы, оставившей тоже глубокие и благотворные следы своей деятельности в русском образовании, переделан уже был с немецкого знаменитый «Друг детей», где говорилось о руке и ноге, собаке и коровке и т. д., о предметах наглядных и занимательных для ребенка, потому что понятных ему, а не печатались

* Устав воспитания двухсот благородных девиц. СПб., 1768. Примеч., стр. 29, § 84.

куски из речей тогдашних знаменитых проповедников, не помещались отрывки из «наказов», «манифестов» и «адресов», словом, не помещалось все то, что пишется только для взрослых, а не для детей.

Переходим теперь к статьям по географии и находим то же самое. Здесь уже вторая статья — отрывок из «Паломника игумена Даниила», на языке подлинника. Видно, составители хотят разом познакомить дитя и с правильным чтением по-русски вообще, и с памятниками нашей древней литературы. В географические же статьи попало, например, описание «Московской оружейной палаты» (стр. 200), испещренное собственными именами вроде: шах Аббас, царь Теймураз и т. п. Тут мальчик узнает, сколько алмазов, яхонтов, лал, изумрудов и жемчужин в короне царства астраханского и сколько в короне царства казанского и т. п. Все это — чрезвычайно полезные сведения для мальчика, который только года через три узнает, что такое Астрахань и Казань. В географические же статьи попало описание «Училищного порядка в киево-могилянской коллегии (в XVII веке)» (стр. 207), из которой дитя узнает, что такое auditores, subhativa, liber diligentiarum, codex laborum и т. п. Сильно боимся, чтобы детям за эту статейку и действительно не пришлось попробовать субботок. В этом же отделе дети познакомятся со статьей архиепископа Нила—«Дацаны, или буддийские капища» (стр. 232), из которой они узнают, что такое *хонхо*, *дамора*, *Гонджурь*, *Монджура* и т. п.

Но, читатели, вы уже, без сомнения, утомились этим перечнем, а мы еще не перебрали и десятой доли диковинок, находящихся в «Книге для первоначального чтения»: здесь что ни статья, то диковинка, на которую смотришь и никак не поймешь, как ее угораздило попасть в книгу для обучения чтению. Но все-таки мы не можем не обратить внимания на статейку «Церемониал царского погребения в Китае» (стр. 286), которую, должно быть, отец Иакинф Бичурин перевел с китайского. Вот, например, начало этой статейки:

«В 18-е лето правления Шун-чжи, в 7 день 1-го месяца, в начале 1861 г., государь Чжан-ди скончался в Пекине. В сей день государь Жен-ди, преемник его, отрезал косу у себя и оделся в траур. Князья, гражданские и военные чиновники сняли кисти с шляп и отрезали косы у себя. Царевны, княгини, княжны и все дамы от 1 до 8 класса сняли с себя серьги и остригли волосы. Поставили гроб покойного государя в дворце Цян-цин-гун, а пред гробом стол с яствами. Утром, в полдень и в вечеру совершали возлияние вина. Государь Жен-ди сам ставил яства на стол».

Тут почти на каждой строке легкие имена: *Цян-цин-мынь*, *Цзинь-юнь-мынь*, *Лунь-цзум-мынь*, *Шеу-хуан-дян*, *Жень-ди* и т. п. Отличная статейка для обучения русской грамоте! Кто знает серьезный характер покойного отца Иакинфа, без сомнения, убежден, что знаменитый синолог наш, конечно, не думал выставить на потеху детскому легкомыслию торжественные обряды императорских похорон в Китае... Да и вообще мы не понимаем возможности потешать детей чьими бы то ни было похоронами; а что же, кроме смеха, может вызвать у ребятишек такая статейка?

Но вот что может вызвать смех и у взрослых,— это отдел 5-й «Книги для первоначального чтения», посвященный естествознанию. Тут уж г. г. Филонов и Радонежский превзошли сами себя и вполне удовлетворили московским педагогическим идеям: избежав всех соблазнов, представляемых новыми естествоиспытателями, составители книги обратились за статьями по естествознанию... к Гречу и Карамзину, или, вернее, к карамзинскому детскому журналу 1786 г. Вот что значит поистине уйти вперед! Первая же статья, взятая из этого журнала, следующим образом объясняет грозовые явления:

«*Отец*. Вместе с водяными парами поднимаются в тумане также масляные, соляные и серные пары и смешиваются с облаками».

«*София*. Не от этого ли во время тумана бывает

иногда дурной запах? Также слыхала я, что он и для здоровья бывает вреден».

«*Андрей.* И, конечно, от этих масляных, соляных и серных паров происходит в облаках молния и гром?»

«*Отец.* Так. Масляные и серные пары трутся одни об другие, и оттого происходит в воздухе огненный луч, который мы называем молнией. Еслиб вы знали сколько-нибудь об электрической силе, то я растолковал бы вам это еще яснее. Может быть, скоро найду я случай показать вам электрическую машину и некоторые опыты, а теперь довольно для вас знать, что молния происходит оттого, что серные, масляные и селитряные пары в воздухе трутся одни об другие».

«*София.* Я не понимаю, как это делается».

Признаемся, и мы не понимаем, как это масляные, серные и селитряные пары трутся одни об другие! Трутся да еще и загораются! И что такое за масляные пары! Что какой-нибудь плохой сотрудник карамзинского журнала мог написать такую дичь 80 лет тому назад, в том нет ничего удивительного; но что сказал бы сам Карамзин, если бы он знал, что эта дичь почти через столетие будет перепечатана в книге для «первоначального чтения». Лучше бы вы, г. г. Филонов и Радонежский, объясняли уж гром колесницей пророка Ильи: тут, по крайней мере, есть достоинство народного поверья, не лишенного поэзии. В этой же статейке говорится далее, что «молния потрясает землю, чтобы дождь тем удобнее мог в нее проходить и чрез то споспешествовать плодородию» (стр. 298).

Карамзину же приписывают составители и статью «О падающих звездах», в которой отец так объясняет это явление своей дочери:

«*София.* Я еще почти ничего не знаю о звездах; однако, я слыхала, будто они падают, да и в самом деле так кажется».

«*Отец.* Ты слышала это от таких людей, которым так же, как и тебе казалось и которые не знали, что

звезды на несколько миллионов миль выше места, где эти искры показываются».

«*София*. Скажите ж мне, батюшка, что это в самом деле?»

«*Отец*. Неужели ты сама не можешь догадаться? Разве не слыхала ты от меня, как загораются в воздухе масляные и серные пары, когда я говорил с вами о молнии?»

«*София*. А! а! Так это то же? Мне самой иногда это на ум приходило».

«*Отец*. Точно то же. Масляные и серные пары собираются вместе и загораются от своего движения, а когда они падают вниз, то водяные пары их загашают».

«*Андрей*. Не могут ли такие горячие пары собираться и в большом количестве?»

«*Отец*. Без сомнения, могут».

«*Андрей*. А! Теперь я понимаю, о чем мы слышали в тот вечер, как было северное сияние. Столяр, который для вас работает, рассказывал, что лет двадцать тому назад виден был на воздухе большой огненный шар и светил гораздо яснее полного месяца, так что все тогда перепугались; и после этот шар раздробился с ужасным треском».

«*София*. Это, конечно, было что-нибудь другое, а не пары».

«*Отец*. Нет. Те же самые серные, селитряные и масляные пары, которые собрались только в большом множестве и в виде шара».

«Любезные читатели! — заключил автор статьи, — из предыдущих разговоров мы могли видеть, сколько полезно учиться физике, то-есть приобретать *справедливое* познание о делах божьих в натуре или в мире». Действительно, любезные читатели, из предыдущих разговоров вы могли увидеть, «сколь полезно учиться физике» по детским журналам прошлого столетия.

Что это такое, наконец, г. г. Филонов и Радонежский? Ведь это такое глубокое невежество не в естественных науках (куда уже здесь до науки!), а в общих

знаниях, которыми обладает всякий крестьянин на Западе и которые даже в Турции сделались обыкновенными, такое невежество, которое не дает вам права не только составлять книг для первоначального чтения, но даже просто учить грамоте в какой-нибудь школе, где только требуется от учителя, чтобы он объяснял детям то, чего они не поймут в своей книге для чтения.

Обратившись потом к другому знаменитому естествоиспытателю, г. Н. Гречу, г. г. Филонов и Радонежский ухитрились отыскать у него статью, в которой горные ледники, имея 80 фут. в толщину, дают трещины по 300 саж. в глубину; охотники падают в эти трещины и только ломают себе руки; ледники валятся вместо лавин и т. п. (стр. 309). Но возможно ли перебрать все диковинки этих педагогов будущего? Тут *красные* орлы, «схвативши добычу, опускаются на землю, чтобы испытать тяжесть, а потом уже уносят (кого?) с собой» (стр. 324); там у попугая язык подобен «дынному зерну» (стр. 327); здесь «в землях, где цветы скоро опадают, колибри лежат как бы мертвые»; самец колибри «собирает хлопчатую бумагу с дерев», а самка делает гнездо «так искусно, что никакой противный воздух не может в него проходить»; птенцы же колибри — «не больше комара» (стр. 329); в другом месте книги плод хлебного дерева походит вкусом сырой «на артишоковое зерно» (кто из вас, читатели, пробовал артишоковое зерно?), а печеный — «на пшеничный хлеб с картофельной мукой» (стр. 353) и т. д. Всех диковинок не вычислить и в неделю — что ни страничка, то и новость из будущей педагогики.

В число статей по естествознанию попал, например, и следующий отрывок из рассказов г. Тургенева:

«Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колена, а колена вот какие бывают:

Первое. *Пулькание* — этак: пуль, пуль, пуль, пуль.

Второе. *Клыкание* — клы, клы, клы, как желна.

Третье. *Дробь* — выходит, примерно, как по земле разом дробь просыпать.

Четвертое. *Раскат* — трррррр...

Пятое. *Пленкание* — почти понять можно: плень, плень, плень...

Шестое. *Лешева дудка* — этак протяжно: го-го-го-го-го, а там коротко — ту!»

Здесь же и легонькая статейка Ломоносова «Пение соловья»:

«Коль великого удивления достойно! В том маленьком горлышке нежной птички толикое напряжение и сила голоса! Ибо, когда вызван теплотой вешнего дня взлетает на ветвь высокого древа, внезапно то голос без отдыха напрягает, то различно перебивает, то ударяет с отрывом, то крутит кверху и книзу, то вдруг приятно песнь произносит и между сильным возвышением урчит нежно, свистит, щелкает, поводит, хрипит, дробит, стонет, утомленно, стремительно, густо, тонко, резко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно».

Эх, г. г. Филонов, Радонежский и tutti quanti, не трогать бы вам лучше почтенных имен наших великих людей. Карамзины и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо верили в прогресс, трудились всю жизнь для народного образования, и прежде всего были честные люди. Как глубоко огорчились бы они, если бы могли предвидеть, что через сто, полтораста лет после них возможны будут такие патриотические спекуляции их именами в деле воспитания русских детей! Как бы глубоко огорчились эти истинные патриоты, а не фальшивые, подкрашенные, размалеванные шуты в патриотических масках, если бы могли предвидеть, что через сто, полтораста лет после них в русской учебной литературе будут появляться такие книги, которые даже где-нибудь на Отаитских островах были бы нелепостью.

Правда, в книге г. г. Филонова и Радонежского есть и статьи Гартвига, но, как нарочно, ни одной такой, которую мог бы понять ученик без больших и трудных объяснений учителя. Вот, *например*, превосходное описание «Землетрясения в Лиссабоне» (стр. 307), но ведь это только описание, а не объяснение. Тут говорится

только о «враждебных подземных силах», но ни слова о том, что это за силы. Конечно, г. г. Филонов и Радонежский предполагают, что учитель объяснит ученикам, что эти враждебные силы — не подземные киты, которыми японцы объясняют землетрясение. Но если сведения народных учителей так же велики, как составителей «Книги для первоначального чтения» (и почему же народный учитель должен иметь сведения большие, чем г. г. Филонов и Радонежский?), то немудрено, что они будут объяснять землетрясение змеем-горыничем или масляными парами, что еще хуже.

Но довольно. Вся книга г. г. Филонова и Радонежского есть один большой курьез, но самое курьезное в ней — это появление ее в свет. Она — законное дитя тех педагогических мнений о детском обучении, которые проводились в «Московских ведомостях», в «Современной летописи» и в «Русском вестнике», — законное, но не старшее. Первенцем этой новейшей московской педагогики явилась книга г. Н. Щербины, одного из педагогических деятелей «Русского вестника». Г. Щербина, писавший прежде только стишки, вдруг, вдохновленный московской прессой, вообразил себя педагогом; сначала написал громоносную статью против всякой рациональной педагогики и против всяких народных учителей-педагогов *, а потом захотел показать на деле, что можно всякому быть педагогом, стоит только захотеть: вооружился пером... нет, не пером, а *ножницами* и, вырезывая листы из разных старых изданий, преимущественно же куски из «Московских ведомостей», составил «Пчелу», «сборник для народного чтения и для употребления при народном обучении», «молодым людям на поучение, старым людям на послушанье». Но г. Щербина был все-таки поосторожнее и — как бы сказать? — поделикатнее своих петербургских подражателей. Во-первых, он дал главное назначение своей книге *для народного чтения*, хотя и не удержался, что-

* См. ст. г. Щербины в «Рус. вестнике» (кажется) за 1862 г.

бы не прибавить «и для употребления при народном обучении», а во-вторых, он уже вовсе не толкует о естественных науках, географии и т. п., и в-третьих, наконец, все же руководился какой-то, если не педагогической, то социальной мыслью при подборе статей для своей «Пчелы» и был внимательнее в этом подборе. Не прибавь он в своей книге «и для употребления при народном обучении», для которого она столько же годится, сколько и старые «Московские ведомости», мы бы и не упомянули о ней в этой статье. Но петербургские педагоги, г. г. Филонов и Радонежский, под наитием московской педагогической музы, пошли, как мы уже видели, гораздо дальше г. Щербины. Г. г. Филонов и Радонежский тоже принялись за ножницы; но ножницы их работали гораздо быстрее, гораздо решительнее и неразборчивее... и вот в три-четыре вечера (куй железо, пока горячо!) появилась книга уже не для народного, а прямо для «первоначального» чтения, то-есть для *обучения чтению*. Этим, правда, они избегли ошибки г. Щербины, который полагает, что седовласый старец и восьмилетнее дитя (ученик народной школы) могут читать одно и то же с одинаковой пользой; но зато составили такую книгу *для первоначального чтения*, которую положительно полезнее будет заменить чтением казенных объявлений, издаваемых при «Московских ведомостях». Вот по каким причинам мы можем назвать книгу г. г. Филонова и Радонежского *цветком московской педагогики, распустившимся на петербургской почве*.

Что г. Филонов, если не г. Радонежский, своим новым педагогическим направлением обязан новейшей самородной московской педагогике, не имеющей ничего общего с педагогикой ни одной образованной страны в мире и с русской педагогикой, начиная от Екатерины II до настоящего времени, то лучшим доказательством тому может служить автобиография г. Филонова же, изданная им года три тому назад, и в которой он громит тот самый порядок обучения детей, водворению

которого теперь хочет сам содействовать своей «Книгой для первоначального чтения».

Вот почему весьма кстати будет заглянуть теперь в эту автобиографию, которая, кроме своего педагогического и психологического значения, как всякая откровенная автобиография, имеет для нас еще другое значение, обрисовывая для нас чрезвычайно яркими красками то положение первоначального и среднего народного обучения, в котором новейшая московская педагогика видит образец, достойный подражания, грозно отвергая не только те слабенькие педагогические улучшения, которые были внесены к нам в новейшее время, но даже и те, которые проникали кое-когда со времен Екатерины II.

Г. Филонов родился в селе Борисоглебске. Отец его говаривал: «На колокольне-то я царь, тут уж моя держава. Я тут—*ваше высоковосходительство*» (стр. 8). Кроме отличного трезвона, которым юный г. Филонов упивался, как музыкой, батюшка его содержал еще школу для мальчиков и девочек, привязывал ленивых девочек за косу к кольцу (по-китайски), а мальчиков — ниткой к ножке стола (стр. 9), и такими способами *привлекая* их к своему занимательному учению. На пятом году юного г. Филонова отец посадил за азбуку; и, когда от *аза* доходили до *ижицы*, то всякий раз приговаривал: «Ижица — прут к Андрею ближится», так что и теперь г. Филонов не может вспомнить ижицы без того, чтоб не вспомнить приближающегося прута (стр. 10). За азбукой пошли склады: ба, бра, вра...; затем чтение по титлам: аз, ангел, архангельский; буки, бог, божество. Наконец, началась чтение псалтыря, причем слово «вскую» всякий раз приводило г. юного Филонова в замешательство, так как отец его ничего ему не *толковал*, а учил *механически*, «потому что сам ни в какой школе не был» (стр. 10). Псалтырь г. Филонов учил более года и учил *хорошо*. Но вопрос в том, тем ли виноват отец г. Филонова, что не объяснял семилетнему мальчику смысла возвышенных песней боговдохновен-

ного царя, или тем, что учил дитя по складам по этим песням, при чтении которых, так же, как и при взгляде на азбуку, г. Филонов, по психологическому закону *срощения одновременно получаемых следов*, должен был воспоминать отцовские и учительские колотушки и затрещины.

Писание нашему герою не давалось, так как батюшка его не знал никаких педагогических приемов, — как объясняет это сам г. А. Филонов. За этот недостаток педагогических знаний в голове наставника юный г. Филонов платился *ушами*, *спиной и чубом*: «но ничто не помогало» (стр. 11). Когда потом г. Филонов, уже в духовном училище, куда начали проникать некоторые педагогические лучи, увидел у мальчиков тетрадки, разлинованные квадратиками, то не мог понять, как писать на таких тетрадках. «Несмысленное детство!» —восклицает г. Филонов, уже окончивший курс в педагогическом институте и, следовательно, уразумевший пользу тетрадей, разлинованных квадратиками (стр. 11). Но вот видите, г. Филонов, ваше детство было не совсем так *несмысленно*, как вам казалось в 1864 году. Оно вам казалось таким два года тому назад, а теперь, под влиянием новейшей московской педагогической музы, оно кажется вам опять полным смысла, и вы находите, что педагогика не должна облегчать детям не только письмо, но даже и чтение, и не должно заботиться о том, чтобы давать им книги, доступные их детскому пониманию. Ваш батюшка находил, что детям не нужны разлинованные тетрадки; а вы находите, что им не нужно особенно для них написанных статей и что они могут читать все, что ни попало: и ораторскую речь, и проповедь, и статьи об общем собрании законов, и оду «Бог», и ученую диссертацию Бодянского, и «Пропилеи» г. Леонтьева, и сказку о набитом дураке, или о теремке мышки. Следовательно, под влиянием московской музы вы возвращаетесь к педагогическим воззрениям вашего батюшки, о которых еще так недавно сами же отзывались столь неодобрительно.

У г. Филонова были два старшие брата, с которыми он учился вместе. И вот, бывало, они сидят и читают, а отец работает. Положение чтецов было довольно затруднительно.

«Чуть не так слово сказал или произнес, вдруг отец закричит: «Что, что — заорал? Разуй глаза, обуй нос!» Опять начнешь выговарить слово, опять не так, и опять следует крик со стороны отца. «Читай изречнее!» скажет он, заметив, что кто-нибудь из нас скрывает слова: «Читай изречнее (т. е. яснее, громче)! Что у тебя язык телята отжевали, что ль?» Мы поправляемся, читаем и дрожим. Оттого дрожим, что отец говорит-говорит, а потом разом вскочит с своего чурбана, на котором сидит, подойдет к кому-нибудь из нас и начнет хлестать веревкой: «Читай изречнее, изречнее! Развязывай, развязывай язык! Я тебе вытяну его, вытяну!» Так он говорит, а сам в то же время бьет *неумеку*».

Напрасно вы забыли эти события своего детства, составляя свою «Книгу для первоначального чтения», г. Филонов. Ну что, если дитя, читая ваши дзинь-цян-чун или лао-дзян-тци, не будет читать *изречно*, — а это, ведь, очень может случиться, — тогда, пожалуй, учитель вскочит, как вскакивал ваш покойный батюшка, и маленькому читателю придется разделаться собственным чубом или собственной спиной за составителей книги. Но если колотушки, приобретенные за чтением псалтыря, не сказались г. Филонову в зрелом возрасте совершенной потерей памяти, то он не мог позабыть, с каким ужасом он отзывался три года тому назад о таких школьных порядках. Следовательно, новыми своими воззрениями г. Филонов обязан вдохновению московской педагогической музы, если находит образец достойный подражания в том, что еще так недавно и так громко порицал.

Батюшка г. Филонова был человек суровый, «багровского закала».

«Два брата мои много, много побиты, помучены. Они почти не учились, Старший, теперь калека, так-

таки и остановился на псалтыри... В колыбели посетил его родимец-недуг; на всю жизнь остался брат сухоруким и хромым. Как отец его сек, сказать не могу. Страшно!»

Далее описываются даже не совсем вероятные тиранства батюшки г. Филонова и над детьми, и над их матерью. Этой бедной женщине бог послал шестнадцать человек детей «на утешение», прибавляет г. Филонов, подчеркивая это слово.

«Из них живы только шестеро, и все почти несчастны: кто где... один другого беднее, один другого жальче; живут и глотают слезы... Старший брат, калека, звонарем в селе; средний брат солдатом где-то: я никак не могу отыскать его... Старшая сестра за пономарем; самая меньшая — за солдатом, а средняя дома, девушкой горемычной. Всем пришлось пить самую горькую чашу, и только мне, *одному* мне из шестнадцати, бог дает еще какой-то путь».

Вот видите ли, г. Филонов, что метода воспитания и учения, к которой вы *теперь*, под влиянием самоновейшей московской педагогической музы, снова обратились, сокрушала ребра и мозги двух десятков детей и выпускала из-под своей ферулы из двадцати только одного, мозги и ребра которого были довольно крепки, чтобы выдержать такую систему обучения. Старая же европейская педагогика заботится до сих пор о том, чтобы каждому ребенку дать то, что он может принять, и чтобы из ее воспитанников выходили *на путь* не один из двадцати, а, если возможно, то все двадцать. Петербургская педагогика свернула было также в эту сторону, указываемую тоже старой гуманностью и старым христианством, но московская новейшая педагогическая муза силится столкнуть ее на противоположный путь, а теперь и вы, г. Филонов, прониклись вдохновением этой музы. Правда, такое воспитание, какое вы вынесли и дома и в школе, забивая двадцать человек, выпускало *на путь* одного, зато уж на славу крепко сколоченного молодца. Но знаете ли, г. Филонов, что деятельность

школьного и домашнего воспитания, которую вы описываете, удовлетворила бы вполне не только требованиям московской педагогики, но также и требованиям известной переводчицы Дарвина, которая, прилагая к практике теорию знаменитого естествоиспытателя, советует, для улучшения человеческой породы, избивать всех слабых и вялых детей, или, что еще лучше, подвергать детей такому воспитанию, чтобы все слабое гибло, а оставалось одно крепкое. Конечно, при таком воспитании Шиллер, Вольтер, Бокль, да и сам Дарвин,— все люди хилые с детства, неминуемо бы погибли, зато вы, г. Филонов, наверное бы остались.

Удача г. Филонова перед всеми его пятнадцатью братьями и сестрами объясняется психологически его природными дарованиями и наклонностями. Он учился прилежнее своих братьев, у матери был любимым сыном; его звали «умничком» и, точно, он был *умница* и не пропускал удобных случаев. Вот что сама мать рассказывала о нем бабушке:

«Раз — смешно вспомнить — была ярмарка. Я взяла его (т. е. меня) на рынок. Он увидел пряник.. схватил и был таков!» При этом и маменька, и бабушка захохочут, а я рад, что обо мне речь идет. Очень, очень любил, когда меня хвалили»...

Эта черта в характере г. Филонова развернулась еще больше, когда он поступил в училище. Вот что говорит он сам об этом с откровенностью Жан-Жака Руссо:

«В классе было дело; шумели мальчики, возились: я гляжу. Вдруг один школьник обронил мешочек с деньгами... Я, как вор, подкрадывался, приближался и наступил на него... Совесть меня грызла, покраснел весь; горели уши от стыда: я скрыл найденную вещь, не сказал никому. Мальчик ищет, бросается туда и сюда; я молчу, а у самого кошки скребут за сердце. Распустили нас; я тихонько взял кошелек в руки, сжал, сжал его. «Никого нет! Хорошо!» Смотрю — в кошельке двугривенный и несколько меди. Я бесконечно рад! Года два не было у меня подобного капитала. Бегаю,

кричу, потираю руки, покупаю сдобные, вкусные елейные калачи».

«Елейные калачи», видно, очень понравились г. Филонову, так что и теперь еще книга его для первоначального чтения, которая может доставить ему много «елейных калачей», едва ли принесет ему такое удовольствие, как тогдашний кошелек с двугривенным и несколькими пятаками. Так впечатлительна бывает детская природа ко всякого рода неожиданным и редко испытываемым радостям.

Глубокие черты в характере г. Филонова оставили также рассказы матери, *например*, про *лесовика*, который душил батюшку г. Филонова на овине, или про *банника*, запарившего на смерть какого-то мужичка на полатях, про *домовых*, *ведьм* и проч. (стр. 20 и 21). Эти рассказы так глубоко подействовали на нашего героя, что и теперь, через двадцать лет, составляя «Книгу для первоначального чтения», он сильно содействует сохранению и распространению веры в банников, лесовиков, ведьм, домовых. По крайней мере, при тех знаниях по естественным наукам, которыми обладают г. г. Филонов и Радонежский, нет никакой причины им не верить, что мужика, запарившегося на полатях, погубила нечистая сила, а не собственное его невежество и что батюшку г. Филонова давил на овине не кусок неудобоваримого пирога в желудке, а леший с рогами и хвостом. Вот почему г. Филонов, а с ним вместе, вероятно, и г. Радонежский хотят увековечить в наших детях это ясное воззрение на природу.

На седьмом году жизни г. Филонова отправили в духовное училище. Тут новый завет изучался, например, следующим образом:

«По новому завету иногда нас заставляли не только читать, но и петь: метода неупотребительная, кажется, в светских учебных заведениях. Это делалось таким образом: учитель (человек очень добрый) ходит с другими наставниками по коридору, а мы шумим; дабы прекратить шум, отец Алексей отворит двери и скажет:

«пойте!» Мы и запоем: «Кни-га род-ства Иису-са Христа, сы-на бо-жи-я, сы-на Авр-ам-ля», то повышая, то понижая голос через два-три слога. Такое пение нам очень нравилось. Священную историю мы учили слово в слово, без всяких изменений. Объяснял ли что нам отец Алексей, — не помню, но помню то, что я очень порядочно по ней учился. Меня учитель хвалил; стыдил мною старшего моего брата; заставлял иногда драть ему уши в классе, при всех. Я деру и боюсь... После брат бивал меня за это. Он такой уродился драчун».

После таких не только теоретических, но и практических наставлений в нравственных истинах нового завета, неудивительно, что и теперь г. Филонов составляет такую книгу, за которую много будет передрано и выдрано ушей и чубов, и, может быть, где-нибудь счастливому умнице, младшему братцу, придется таскать за уши старшего.

Особенно нравилось г. Филонову пение. Это, вероятно, последствие колокольного трезвона, которым он услаждался еще в раннем младенчестве. Так развиваются в детях музыкальные способности, от самых незначительных, повидимому, причин. Но арифметика не давалась нашему герою. Деление на две цифры было для него делом непостижимым:

«Я метался всюду, спрашивал мальчиков старших классов, просил, молил, чтобы растолковали мне ужасное: «сколько раз содержится»,—никто не мог мне ничего объяснить. И терялся в какой-то пустоте, в каком-то непроницаемом мраке мой ум. Я плакал, рыдал, бросался на землю. Смотрел на лист бумаги, где написана задача: как разделить 55 на 20; смотрел, думал, ломал голову, бился и плакал, плакал, навзрыд плакал... Завтра учитель придет, спросит, а я ничего не знаю, ровно ничего не понимаю. Прикажет сечь, как лентяя, как негодного мальчика; все это представлялось мне живо, выразительно, и я не знал границ своей сокрушающей муке... Будет помниться мне деление!» (стр. 25).

Вот видите, г. Филонов, как помнятся детям все те вещи, над которыми они проливали напрасные слезы; а в вашей толстой книге почти на каждой странице десятки таких понятий и выражений, над которыми будет плакать и биться не один мальчик.

В своем непонимании деления г. Филонов, впрочем, был утешен тем, что его крестный брат, считавшийся «умнейшим» в училище и посланный впоследствии в академию, объявил ему, что «деления нельзя понять, что его никто не понимает». (Заметим кстати характеристическую черту, что г-жа Простакова также не советовала своему сыну учиться делению, как действию чрезвычайно вредному.)

«Скажу кстати,— прибавляет г. Филонов,— что в духовных училищах уже по преданию передается отвращение к известному предмету; дети маленькие научаются от старших загодя не любить его, и все оттого, что такого-то предмета нельзя понять» (стр. 26).

Вот видите ли опять, г.г. Филоновы и Радонежские, что в детях внушается отвращение к тому предмету, которого они не могут понять или которого не умеют им объяснить и понимания которого, однако, требуют от них наставники. Для чего же вы хотите заставить читать восьмилетних детей превосходные, но вовсе не для детей написанные слова митрополита Филарета, архиепископа Иннокентия, возвышенные объяснения литургии Муравьева, оду «Бог» Державина и т. д.? Уж не для того ли, чтобы и наши дети современем отнеслись к этим прекрасным произведениям и даже к тем предметам, о которых в них идет речь, так же, как отнеслись вы и ваши товарищи к арифметике? А ведь психологический закон для всякой души и для всякого предмета сознания одинаково верен.

С трудом верится тому, что пишет г. Филонов о духовном училище, в котором он воспитывался, называя некоторых своих наставников даже по фамилии, и тем труднее, что воспитание г. Филонова не так уж отдалено от нашего времени. С тех пор прошло не более

пятнадцати лет, а пятнадцать лет — не великое время в деле народного образования!

«Самые способы преподавания отца Алексея, как и других ему подобных, а имя их — легион, были очень просты. Назначит, — и дело с концом. Скажет: к завтрему выучите о Каине и Авеле; или: просклоняйте *война*; или: две линейки напишите из прописи, две линейки из обихода пропойте — и больше никаких ни объяснений, ни толкований. Делай сам, как знаешь и как хочешь. Педагогика, это — terra incognita (неведомый мир) в духовных училищах. Самое слово *педагогика* я услышал в первый раз в 1851 году, на девятнадцатом году своей жизни, и после двенадцатилетнего курса наук в училище и семинарии. Случилось странное происшествие со словом *педагогика* в С-ой семинарии. Пришло из Петербурга отношение в семинарское правление, не угодно ли кому из воспитанников поступить в Главный *Педагогический* институт. *Педагогический* институт! Что такое *педагогический* институт? *Чему* там обучают? *Где* он находится? Эти и подобные вопросы волновали наш семинарский мир. Я решился отправиться в Педагогический институт. Спрашиваю: *где* он находится? «Кажется, в Москве», — отвечает секретарь семинарского правления. «Нет, кажется, в Петербурге!» — замечает профессор истории. Голова моя пошла кругом. Насилу один семинарист растолковал мне, *где* процветает Педагогический институт. И это было, повторяю, в С-ой семинарии.

«Вследствие отсутствия педагогических начал отец Алексей порол нас изрядно. Но, признаюсь, он редко сек. Это был, как я уже сказал, добрый учитель. Зато наставники второго класса, а особенно низшего отделения В-го училища, бесчеловечно рубили детей. У нас, бывало, леденеет кровь, как начнешь вслушиваться в раздирающие крики мальчиков, которых секут. В В-ом училище наставники усиливались превзойти друг друга в количестве ударов, в мерах и способах бичевания. Один дает 70 плях, другой — 100, тот —

105, этот — 99. Отец Авраамий, учитель низшего отделения, давал по 200 и по 300 розг».

Впрочем, не все дни училищного времени были для г. Филонова одинаково мрачны; бывали и счастливые минуты, показывавшие, что характеристическая черта, подмеченная еще бабушкой и маменькой, в нашем герое развивалась последовательно, принимая только другие формы, сообразные с обстоятельствами.

«Помню,— продолжает дальше, на стр. 40, г. Филонов,— помню, меня сделали авдитором, т. е. я должен был выслушивать учеников прежде учителя и отмечать знания в нотате (особой тетради); авдитор — важная персона в школах: его чествуют подарками, он взятки берет... Да, берет! Брал и я. Вот один факт! Выслушал я мальчика: не знает урока; я хотел поставить ему nb (non bene, то же, что 2 в гимназиях), а школьник говорит: «Заправь, поставь сцит (scit, выражаемое знаком: s.), принесу поросятину». Я так и растаял от блаженства. Согласился... Мальчик пошел, принес и дал мне целую горсть поросятины. Я словно теперь держу ее в руках. Ел, ел; в один миг, кажется, проглотил; будто ягодку какую проглотил»...

Поросятинка очень понравилась г. Филонову. С психологической точки зрения любопытно бы узнать — нравится ли г. Филонову поросятинка и теперь так же, как нравилась, когда он был еще авдитором, потому что в настоящее время он, без сомнения, может иметь поросятины вволю. Г. Филонов «был самый забитый мальчик и паршивый с ног до головы» (стр. 43). Очень жаль, что г. Филонов останавливается рано в описании своего детства и не рассказывает, когда и под какими влияниями сошли с него эти парши,— это придало бы еще более полезного педагогического значения любопытной автобиографии.

За русскую грамматику много доставалось г. Филонову. Но, к сожалению, он совершенно позабыл об этом при составлении своей книги.

«И далась же мне эта грамматика Греча! — говорит г. Филонов на стр. 57.— Четыре года я долбил ее, зубрил, но ровно ничего путного в голову не забрал. Сказать вам, читатели, *что* я знал из грамматики в низшем отделении, где она оканчивалась? Вот что: *Рим был славен, золото не легко*; эти примеры приводятся у Греча на подлежащее и сказуемое. Заучил я их и, бывало, думаю: что такое Рим? Как что такое? раздается другой голос во мне: как что такое? Да в Риме папа, а маменька еще в младенчестве говорила мне, что папа римский немного ниже бога: он, то-есть папа, в каком-то золотом гробу лежит и повелевает всем миром. Так я объяснял слово «Рим». А почему говорится: «Рим *был* славен?» Почему *был*, а не есть — о том я не решался даже и думать. *Золото не легко!* Что такое? Ломал себе я, ломал голову и ничего не мог уяснить, что тут за история такая: золото не легко? Далее знал я из синтаксиса следующую тирадку:

«При двух или более подлежащих, сказуемое или глагол полагается во множественном числе; например, «белая и алая роза и лилия нежны и красивы». Роза и лилия! Кажется, обыкновенные цветочки, но... и их я не видел. Нравилась мне эта фраза: «белая и алая роза» и пр.; но как себе уяснить предметы-то самые, я не понимал. Нам ничего, ровно ничего не толковал Гудович. Еще никаких правил из грамматики Греча я не вынес, а помню только одни примеры, именно: *Слезы, утешение несчастных, у него иссякли. Башня Ярославова, новое здание народного богатства, пала. В трагедии «Дмитрий Донской» много прекрасных стихов.* Но будет! Дайте опомниться!»

Кто такой Ярослав, что такое башня Ярославова — все это было совершенно неизвестно г. Филонову. Русская история в том училище, где он учился, начиналась в философском классе, так что грамматические примеры на Ярославовы башни задавались за несколько лет до того времени, когда ученик узнавал, кто такой был Ярослав.

«Что касается последней приведенной мной фразы,— продолжает г. Филонов,— то ее едва ли и учитель сам понимал. *Трагедия!* Вы думаете, легко наставнику духовного училища знать, что такое трагедия? Весьма, весьма трудно. В семинарии, где оканчивают свое образование наставники училищ духовных, преподавалась «Риторика» Кошанского, а там о трагедии нет и помина. Как сделалось слово «трагедия» моим умственным приобретением впоследствии, это для меня тайна. Оно чуть ли не ветром буйным нанесено мне на язык».

Но если наставнику семинарии нелегко объяснить слово «трагедия», то почему же вы думаете, г. г. Филонов и Радонежский, что для наставника какого-нибудь уездного училища, или школы грамотности, легко будет объяснять все те слова специальных наук, которыми испещрена вся ваша книга и которые вы сами затруднились объяснить? Если вы, г. Филонов, в своем детстве, читая книгу, не умели отличить «уголька» от «уголка» (стр. 63); если вы жалуетесь, что этого не разъяснил вам и учитель ваш, г. Гудович, то как же вы хотите, чтобы дети тогдашнего вашего возраста понимали такие слова, значения которых вы затрудняетесь объяснить сами, даже и теперь, окончив уже курс в Педагогическом институте?

Тот же г. Гудович преподавал г. Филонову и греческий язык, и тоже без всяких объяснений. Но зато г. Филонов привык уже к тому, чего от него требовали, и *долбил* напропалую. Зато г. Гудович, которого герой наш сравнивает «с олимпийским громовержцем», похвалил его во всеуслышание, и товарищи объявили, что г. Филонов «умнее всех». Тот же г. Гудович преподавал и церковный устав, по поводу которого г. Филонов выражается так: «О церковном уставе мне даже не хочется говорить: и все бессмысленно заучивалось, но церковный устав... не знаю, как выразиться. Хоть бы долю, миллионную долю, каплю, или капелечку мы разумели в уставе. Ровно ничего!» (стр. 67). А в вашей

книге, г. Филонов, таких страниц, которые придется читать так же, как вы заучивали церковный устав, очень и очень много.

В заключение заметим, что г. Филонов свою автобиографию «Мое детство» посвятил своему сыну Александру, а «Книга для первоначального чтения» посвящается *нашим* детям. Благодарим покорно

Г. Филонов оказал немаловажную услугу педагогике, и в особенности отделу детской психологии, своей откровенной автобиографией, но здесь мы видим новое доказательство, как растет в душе дитяти иная черта, не стертая во-время или даже углубленная в ней неосторожной рукой. Так, например, сначала похищение пряника, за которое расхвалили нашего героя бабушка и матушка,— та самая матушка, которая, когда г. Филонову хотелось облизать ложечку в сметане, во время поста, говорила «грех!» и тем его успокаивала, устремляя мысли юного сластолюбца к разговенью (стр. 16). Потом следует кошелек с двугривенным и пятаками; затем, поросятинка — в виде авдиторской взятки. Но как жаль, что г. Филонов не исполнил до сих пор своего обещания — продолжать свою автобиографию.

Убедительнейше просим вас, г. Филонов, за изданием хрестоматий и книг для первоначального чтения, не забывать вашего обещания и, в видах общественной пользы, с той же искренностью досказать нам историю вашего воспитания. Великую услугу окажете вы этим психологии вообще и психологии русского общества в особенности. Не уговорите ли на то же самое и вашего сотрудника, г. Радонежского? То-то было бы отлично!

Брошюрка г. Филонова «Мое детство» написана очень бойким, чисто русским, ясным языком. К сожалению, в ней только восемьдесят одна страница, так что мы должны ограничиться немногими выписками. На каждой странице этой брошюры слышится накипевшая горечь, с которой обращается г. Филонов и к своим домашним, и училищным воспитателям. Особенно горько

отзывается он о своем покойном отце, — что, как нам кажется, не совсем справедливо, так как батюшка его, вероятно, получил такое же воспитание, какое сам давал потом своим детям. Это ведь почти всегда так и случается: вот и сам г. Филонов, погарцовавши в полях немецкой педагогики, возвратился же к педагогике своего батюшки. Нам кажется, что в автобиографии г. Филонова есть много правды; но что он уже слишком идеализировал эту правду и рисует нам *не действительность, а только возможный идеал* такого воспитания, над которым невольно призадумаешься. Если бы этот идеал действительно воплотился в какой-нибудь школе или в какой-нибудь системе школ, то, как нам кажется, школы эти должны были бы давать характеры *трех* категорий.

К *первой* и самой многочисленной категории принадлежали бы люди забитые, которым школа не успела еще окончательно сломать ребра, предоставив жизни докончить это занимательное дело; это были бы люди тихие, безответные, нагибающие шею перед каждым кулаком.

Ко *второй* категории принадлежало бы уже меньшинство: такие характеры, у которых от природы было бы достаточно ума и ловкости, чтобы даже и в этой жизни избежать колотушек, подставить, где следует, вместо своих боков, бока товарища, подкрепить свои силы на чужой счет и т. д. Такие люди пройдут даже и сквозь те медные трубы, которые так красноречиво описывает г. Филонов. Убеждение у них будет одно — своя собственная польза, но зато убеждение это засядет у них крепко, и они уже не упустят ничего, из чего могут выжать какую-либо выгоду. Такие люди сумеют всегда примениться к обстоятельствам и проложить себе дорожку в какой угодно трущобе. Люди эти могут быть полезны и вредны, смотря по тому, будет ли их выгода и общей выгодой, или нет.

К *третьей* категории, еще меньшей по числу, будут принадлежать люди, которых подмечают уже в школе и,

по уверению г. Филонова, зовут *рышаками*. Вот что говорит автор «Моего детства» по поводу этих рышаков:

«Не думайте, читатели, что мы, малолетние школьники, уже безмолвно и без отпора *все* переносили ужасы школьной жизни. Нет, и между нами являлись бойцы, по-своему, за личную свободу, за поруганную, уничтоженную честь. Являлись, говорю, такие смельчаки, которые не боялись Гудовича, даже Гудовича! Этих смельчаков мы звали *рышаками*. Рышак, рышак идет! — говорили мальчики, и мы все с удивлением смотрели на рышака. Он словно был не от мира сего; будто с иной стороны, нам незнакомой, пришел» (стр. 70).

Этих *рышаков* не разможжишь никакими истязаниями: они будут терпеть и проклинать, проклинать и терпеть, умирать от разбитых ребер и втиснутой груди и проклинать; будут проклинать, не разбирая, и хорошее, и дурное, — все, чем было окружено их детство и юношество, и не найдут в себе достаточно силы, чтобы различить дурное от хорошего, или, по крайней мере, отворотиться от своего прошедшего и весело взглянуть на будущее. Во всех их взглядах отразится горькое сознание их несчастного воспитания; и взгляды эти будут безумны именно потому, что они — плоды душевной горечи, а не плоды ясного душевного сознания. Они будут *отрицать* все, чем полно их прошедшее, не отличая вещи от ее злоупотребления, не отличая идеи от ее профанации. Никакими человеческими силами их не отворотить от прошедшего, и они будут озираться и лаять на него, пока не надорвут груди, как лает бедный, ошпаренный кухаркой пес, озираясь на дверь кухни, из-за которой его выпроводили пинками.

Но читателю, может быть, покажется, что из такой школы, к счастью, покуда идеальной, могут еще, кроме того, выходить люди, которые умны, но *недостаточно* умны, чтобы предвидеть даже близкое будущее; которые осторожны, но *недостаточно* осторожны, чтобы не высказать иногда своих затаенных чувств и мыслей.

Такие люди нередко будут переходить из второй категории в третью (конечно, если этого потребует их выгода) и из третьей во вторую — и через это будут непременно *попадать впросак*.

Надеемся, что мы сделали из автобиографии г. Филонова то применение, на которое он сам рассчитывал, т. е. применение *педагогическое* и *психологическое*, так как г. Филонов издал свою автобиографию, без сомнения, уже не для прославления своего имени: это последнее дело обыкновенно предоставляется потомству.

В заключение скажем, что как бы ни нравился московским педагогам идеал школы, набросанный так метко г. Филоновым в форме его автобиографии, но этому идеалу не суждено осуществиться. Его время невозвратно минуло, и педагогика уже вводится, вероятно, в ту самую семинарию, где, по словам г. Филонова пятнадцать лет тому назад не знали даже о существовании Педагогического института. Дай бог только, чтобы то была не та педагогика, изучив которую в Педагогическом институте, г. Филонов мог составить свою «Книгу для первоначального чтения».

О «ДЕТСКОМ МИРЕ»[23]

«Детскому миру» делают обыкновенно два упрека: 1) что в нем много статей по предметам естествознания и 2) что в нем более статей, принадлежащих самому составителю книги, чем заимствованных из сочинений русских писателей.

На оба эти упрека я попрошу позволения отвечать отдельно.

1. Говорят, что статьи по естественным наукам (по большей части довольно сухие описания растений и животных) отвлекают учителей русского языка от прямой их обязанности. Это совершенно справедливо в отношении такого учителя, который любит отвлекаться содержанием статей, читаемых в классе, от изучения русского языка, но это одинаково может быть применено ко всякой статье, каково бы ни было ее содержание. Положим, напр., что статья будет заимствована из русской истории Карамзина; разве такая статья не дает учителю еще более повода отвлекаться от изучения языка в область вопросов исторических, социальных или политических? Не упрекают ли учителей истории в тех же увлечениях, как и учителей русского языка? Разве увлечение в область историческую или политическую с маленькими детьми более соответствует целям первоначального обучения? Не безопаснее ли позволить учителю заботиться (если он уже охотник болтать) о том, что у кошки четыре ноги и когти втяжные, чем о предметах, встречающихся на каждой стра-

нице исторических статей? Здесь учитель уже не только поощряется, а часто *вынуждается* к таким обширным толкованиям, отвлекающим его от главного дела, каких вовсе не требуется при чтении статей «Детского мира» по естественным предметам, уже знакомым ребенку почти настолько же, насколько и учителю. Положительно можно сказать, что если следует желать, чтобы учителя русского языка, по возможности, менее отвлекались содержанием статей книги от главной своей обязанности, то следует и требовать, чтобы в книге для чтения было как можно более статей с содержанием, совершенно доступным ребенку, и которые бы не требовали от учителя обширных объяснений, а что же знакомее и понятнее детям тех предметов, о которых говорится в «Детском мире»? Самое составление «Детского мира» было вызвано именно этим обстоятельством, что я заметил, как вредят детям вообще и изучению языка в особенности беспорядочные, часто ложные и обширные толкования учителей при объяснительном чтении. Эта цель была выражена мной в предисловии при *первых четырех изданиях* моей книги, и вот почему я составил ее *из статей, не требующих почти никаких объяснений*, так что учитель по прочтении статьи может прямо приступать к своему делу: к логическому и грамматическому выражению мысли, вполне усвоенной.

Но, может быть, следует избегать рассказов какого бы то ни было научного содержания и удовлетворять ту небольшую партию *московских педагогов*, которая требует в книге для чтения статей одного только *литературного содержания*, как, напр., в статье, помещенной в «Журнале Министерства народного просвещения» за июнь «Какова должна быть книга для классного чтения». Это требование не совсем понятно. Если под статьями литературного содержания не разуметь отрывков из высшего курса литературы, то, без сомнения, этим именем называются отрывки из статей известных писателей; но эти писатели брали содержание и историческое, и политическое, и психологическое, и

всякое другое, и реже всего такое, которое было бы доступно и полезно для детей. Указывают обыкновенно на басни Крылова как на образчик такого рода литературных статей, чтение которых доступно и полезно для детей. Но в какой же книге для чтения нет Крылова басен настолько, насколько позволяют законы о печати? Не мало их и в «Детском мире». Следует, однако, обратить внимание на то, что если басни Крылова хороши для детского чтения, то именно потому, что трактуют о предметах, знакомых детям: котах, собаках, медведях и т. п. Конечно, было бы очень хорошо, чтобы статьи по естественной истории были написаны крыловским языком, но Крыловы родятся веками. Что же касается до нравственного содержания басен, то кто же после Руссо не согласится, что басни, обличающие самые скрытые и тонкие пороки людей и социальные грехи и несправедливости всякого рода, пишутся не для детского возраста. В этом отношении отрицательное направление басен можно считать скорее вредным, чем полезным для детей. Кроме того, если уже есть повод не доверять беседам учителей русского языка, то гораздо опаснее делать их истолкователями нравственных начал, чем описателями, напр., составных частей цветка, причем учитель по необходимости должен ограничиться тем, что есть в «Детском мире», который, по признанию самого же Ученого комитета, проникнут нравственным и христианским направлением. В заключение могу с уверенностью сказать, что едва ли в русской детской литературе есть другая книга, дающая менее повода к произвольным толкованиям и увлечениям: если учитель захочет сказать что-нибудь вредное, то он должен противоречить моей книге, а это не всегда безопасно.

2. Теперь отвечу на другой упрек, что в «Детском мире» много статей, принадлежащих самому составителю, написанных потому языком однообразным, не всегда образцовым, хотя, по признанию Ученого комитета, правильным и вполне русским.

Этот упрек справедлив, но относится не к составителю книги, а к русской литературе, лучшие представители которой так мало занимались делом воспитания. Нет сомнения, что если бы было возможно составить хорошую русскую книгу для детского чтения, работая не пером, а ножницами, то это дело нашло бы много знатоков и охотников. Но что же делать, если наша литература менее всего занималась воспитанием? Если хорошую и обширную детскую хрестоматию трудно составить из статей образцовых писателей даже в Германии или Англии, то *у нас это совершенно невозможно*. Гораздо приятнее было бы подписать под статьей, внушающее доверие, имя Державина, Пушкина, Карамзина и т. п., но что же делать, если приходится самому составлять статейки или переделывать их с иностранных языков?

Нельзя ли, однако, заменить эти самодельные рассказы русскими народными сказками? Отчасти можно, и насколько это было можно, настолько и сделано мною как в «Детском мире», так и в «Родном слове». Весьма мало русских сказок, которые годятся для детского чтения; иные совершенно не годны по пустоте и бессмыслию содержания; другие по нравственным причинам. Хрестоматия Басистова, давшая значительное место русским сказкам, вынуждена была помещать и такие, как, напр., «Лутонюшка», «Коза», «Дурак и береза», «Не любо не слушай, а лгать не мешай», «О лошадиной голове» и т. п., из которых ни одна не должна была бы найти себе места в книге для детского чтения. Годится ли, напр., для детской книги подобный рассказ:

«Жили были старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутоней занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услыхал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слезы стала

говорить ему: «да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке, я бы его ведь ушибла поленом-то». Ну, а старик начал вместе с нею кричать о том, говоря: «и то, ведь, старуха, ты ушибла бы его». Кричат оба, что ни есть мочи. Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: о чем вы кричите? Они сказали о чем: «если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если бы он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко».— «Ну, сказал Лутоня, исполать вам». Потом взял свою шапку в охапку и говорит: «Прощайте, если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду и не ждите меня» и ушел» («Хрестоматия» Басистова, стр. 35).

Чему здесь учится дитя? — грубости выражений или грубости чувств? Точно так же, с какой, напр., целью читает дитя в сказке «Дурак и береза» (стр. 38), как дурак убил дьячка и удачно обманул полицию, показавши вместо дьячка убитого козла,— рассказ в высшей степени грязный, хотя, конечно, очень народный. Или, с какой, например, целью в сказке «Не любо, не слушай» говорится о дедушке, ехавшем верхом на другом дедушке, и т. п. Утверждать, что дитя в этих сказках должно изучать только форму, не увлекаясь содержанием, значит требовать невозможного от ребенка, для которого содержание всегда дороже формы.

Но даже и по форме своей народные сказки, не переделанные, а перепечатанные из сборников, как в хрестоматии Басистова, не могут считаться безукоризненными в педагогическом отношении. Сказка, записанная буквально, со слов рассказчика, непременно носит на себе следы не только областной, но и личной особенности того, с чьих слов она записана. Народный язык под пером Крылова совсем не то, что народный язык сказки. Знакомить же дитя, еще плохо читающее, с особенностями не только народной, но даже *простонародной* речи, а тем более с особенностями разноречий и говоров, на которых передаются сказки, едва ли свое-

временно в первых классах гимназии. Не правильнее ли будет познакомить дитя с простой речью обыкновенного литературного языка?

Но положим, что, избегая всякого научного содержания, удалось бы составить книгу для чтения из одних вымыслов. Будет ли такая книга соответствовать цели первоначального обучения родному языку? Неужели в числе обязанностей учителя русского языка нет обязанности приучить дитя выражаться просто и правильно о предметах действительного мира и действительной жизни, взятых из области природы и истории ?*

Нет сомнения, что учителя русского языка в младших классах гимназии прежде всего обязаны приучить детей выражаться правильно устно и письменно на русском языке, но для этого дети должны говорить как можно более или, по крайней мере, читать и рассказывать прочитанное, добавляя вычитанные мысли своими мыслями и рассказывая все своими словами. Басни же и сказки пересказываются в сказках обыкновенно словами писателя. Кто наблюдал над преподаванием русского языка в младших классах, тот, без сомнения, знает, что такое рассказ басен Крылова своими словами. Учитель и ученики дружно бьются над тем, чтобы испортить басню, которая одолевает их типичностью и силой своих выражений. Это то же, что письменные упражнения с переложением стихов в прозу, причем оказывается обыкновенно, что хороших стихов переложить в прозу невозможно и что ученик должен неправильно и неестественно перестанавливать слова для того только, чтобы разбить стих и уничтожить рифму,— занятие бесплодное, если не вредное. В «Детском мире» именно дается такой материал для рассказа ученика, о котором он и сам самостоятельно может что-нибудь сказать. Кто из детей не знает чего-нибудь о лошади, овце, яб-

* Если некоторые учителя не умеют преподавать по «Детскому миру», то они точно так же не будут уметь преподавать по другим. (Эта фраза в тексте рукописи Ушинского зачеркнута.— *Ред.*)

лоне, о приготовлении кирпича и т. п.? Кто не может сказать или написать об этих предметах хотя несколько предложений самостоятельно?

Изучение форм языка даже в младших классах, конечно, дело важное, и для этого в двух хрестоматиях при «Детском мире» более материала, чем можно одолеть в первых двух классах, так как изучать эти формы дети могут, только заучивая наизусть отрывки. Но прежде чем хлопотать об украшениях языка, не следует ли позаботиться о речи простой и правильной?

Сделав область вымысла единственным содержанием книги для чтения, мы сделаем такую книгу, какой не представляет ни одна современная педагогическая литература. Во всех лучших книгах для чтения германские и английские статьи по естественным наукам занимают первое место. Та английская книга для чтения, которую «Современная летопись» * в начале прошедшего года так расхваливала, ставя ее в образец русским педагогическим писателям, до того похожа на «Детский мир», что можно бы подумать, что английский составитель переделал мою книгу, так как его книга вышла позднее. Дело же в том, что мы оба пользовались одними и теми же немецкими и английскими источниками. Почему же то, что хорошо в Англии, будет для той же критики дурным в России?

Но, может быть, не стоит ли за этим опасением статей по естественным наукам в детской книге другое, более серьезное опасение распространения материализма? Этого мы даже предполагать не можем: статьи «Детского мира» не только проникнуты нравственным и христианским началом, но говорят о растениях и животных только то, что каждое дитя и без того видит собственными глазами. Гипотезы, а не факты порождают материализм, и если мы действительно хотим, чтобы дети и молодые люди видели в области естественных наук нечто таинственное и запрещенное, полагая, что там-то и лежит отгадка

* См. примечание № 24. (*Ред.*)

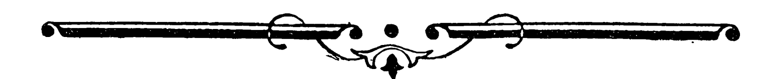
всех тайн природы и жизни, то лучшим средством для этого будет не знакомить детей правильным образом с явлениями природы. Если в Германии и Англии успехи естественных наук не имели такого вредного влияния на детство и юношество, как у нас, то это именно потому, что там гораздо более, чем у нас, распространены познания об естественных предметах и явлениях.

Лет 5 тому назад «Детский мир» сильно бранили в «Современнике» именно за то, что там проводятся нравственные и христианские начала. Теперь его бранят в «Страннике» Гречулевича за то, что он будто бы распространяет неверие. За неимением другого, это самое могло бы служить доказательством, что моя книга по направлению недурна.

Методические разработки материалов „Детского мира“, составленные Д. Д. Семеновым[25]

—)•(—

ПЕРВЫЙ ГОД ЗАНЯТИЙ
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМ ЧТЕНИЕМ И НАГЛЯДНЫМ ОБУЧЕНИЕМ ПО КНИГЕ „ДЕТСКИЙ МИР“ [26]

Уже несколько лет сряду толкуют, спорят и пишут о преподавании родного языка, и хотя до сих пор еще наши преподаватели и педагоги не согласились как относительно цели, так и относительно направления и плана обучения детей русскому языку, по крайней мере, все пришли к убеждению, что прежнее схоластическое преподавание языка, состоящее в зубрении грамматики, никуда не годится, и что, вместо пользы, оно приносит положительный вред, поселяя в детях отвращение к дальнейшему изучению родной речи. Всякий, кому дорого народное образование, спешил высказать свой взгляд о столь важном предмете, а некоторые помогали горю делом, составляя книги для чтения и практические курсы. Так, например, с этой целью была издана г. Перевлесским «Практическая русская грамматика», со сборником статей в стихах и прозе. В предисловии к четвертому изданию он говорит, что существенная цель его книги, а, следовательно, и преподавания русского языка, — по возможности, содействовать учащимся в приобретении сознательного и разумного уменья овладеть отечественным языком и что образцы, взятые из произведений лучших наших писателей, необходимые теоретические наставления и упражнения учеников — вот те способы, которые одни могут вести учащегося к достижению предположенной цели. Г. Разин полагает также, что прежде изучения грамматики

детей должно практически знакомить с языком. С этой целью он составил книгу, чтение которой, по его мнению, должно развивать мышление юных читателей, напрягать их внимание, приучать вникать в содержание прочитанного, обогащать ум познаниями самыми разнообразными, из которых бы составлялось, однако, нечто целое, возбуждать религиозные, патриотические и другие чувства и, наконец, способствовать образованию вкуса посредством знакомства с изящными образцами *. Профессор Срезневский в своих «Беседах об изучении родного языка» говорит, что для знания языка должно изучать не грамматику, а самый язык и притом язык общенародный, а не какой-нибудь временный говор какого-нибудь слоя народа, хотя бы и высшего по образованности, и что для достижения этого необходима как для учителя, так и для учеников книга для чтения, в которой все статьи, во-первых, были бы написаны языком безукоризненно чистым, а во-вторых, расположены были бы в порядке естественном в отношении к силам детей и в отношении к содержанию. Г. Водовозов решает вопрос еще проще. По его мнению, цель преподавания русского языка и литературы — познакомить детей с русским языком и с русской литературой. Притом г. Водовозов утверждает, что все преподавание русского языка в первом классе должно ограничиться наглядным обучением и объяснительным чтением с целью ознакомить детей с внешней природой**.

Наконец, г. Ушинский в предисловии к третьему изданию своей книжки «Детский мир» выражает мнение, что главная цель преподавания родного языка есть правильное развитие в ребенке дара слова и что не самое знание, а *понятия* и *идеи*, развиваемые в уме дитяти знаниями, должны составить главную задачу при развитии этого дара слова.

* См. Предисловие книги «Мир божий» Разина, изд. 1857 г.

** См. статью Водовозова «Тезисы по русскому языку», «Журнал Мин. нар. просв.», январь 1861 г.

Мы не станем доказывать, насколько справедливо то или другое мнение, потому что это не цель нашей статьи. Нетрудно, однакож, вывести из всех приведенных нами мнений, что для достижения каждой из высказанных выше целей необходима книга для классного чтения. Какими же книгами руководствовались до сих пор наши учебные заведения? Военно-учебные заведения — книгою г. Разина «Божий мир», учебные заведения Министерства народного просвещения, по большей части, книгою Максимовича «Друг детей» и весьма немногие — «Практической грамматикой» Перевлесского. Несмотря на неоспоримые достоинства книг г.г. Разина и Перевлесского, мы однакож не находим их вполне соответствующими нашим требованиям.

Книга г. Разина, по нашему мнению, имеет следующие неудобства: во-первых, вся книга, несмотря на разнообразие предметов, представляет один непрерывный рассказ, что для преподавания весьма неудобно. Притом предметы связаны более фразою, чем самым свойством этих предметов, так что между ними нет той последовательности, которая так необходима для развития в детях логического мышления. Во-вторых, г. Разин начинает с самого трудного, — с описания жизни грецкой губки, с микроскопа, инфузории и т. д. Нам кажется, что первые статьи в книге должны рассказывать детям о предметах окружающих и им знакомых. Начинать первые уроки с микроскопических наблюдений, конечно, никто не признает возможным, но говорить о том, чего дети не видали и видеть не могут, также едва ли будет полезно, а г. Разин именно на первых же страницах рассматривает инфузории. Начать книгу с растительной или животной клеточки, конечно, возможно, но это будет не детская книга, а космос. В-третьих, рассказ г. Разина слишком изукрашен, тогда как простота языка и есть именно то драгоценное качество, которое должно развить в детях. В-четвертых, наконец, в книге г. Разина, имеющей специальное назначение для военно-учебных заведений, есть много ста-

тей, совершенно лишних для детей, воспитывающихся в общеобразовательных училищах. Так, например, в ней есть подробное описание устройства корабля, осады крепостей, изложение истории военных подвигов, много есть стихотворений, где раздается гром победы над врагами. Эта книга могла быть полезна до выхода статьи Николая Ивановича Пирогова, «Вопросы жизни», когда в десятилетних мальчуганах готовили будущих героев!

Книга г. Перевлесского может быть полезна для учителя, но не может быть дана в руки ученику. Представляя собою только собрание образцов, она не может иметь ни строгой научной, ни логической связи между статьями, а во-вторых, каждая статья пересыпана таким огромным количеством вопросов, грамматическими и логическими тонкостями, что на чтение одной статьи приходится употреблять по целому месяцу. Напр., на первую небольшую статью «Сказка о лисице и волке», занимающую всего три страницы, вопросов и объяснений столько, что они занимают 15 страниц самого мелкого шрифта. Г. Перевлесский захотел по одной статье объяснить всю систему естественных наук и кое-что из грамматики. Подобными объяснениями можно страшно надоесть детям, и согласитесь: возможно ли объяснять ребенку, только что научившемуся читать, что такое предмет вообще? и еще так объяснять, что «предмет есть то, что мечет себя перед нашими глазами». Впрочем, в последнем издании «Практической грамматики» г. Перевлесского первой статьей напечатана другая, — статья Селиванова «Какие у нас бывают избы?» Вопросов и объяснений к ней уже гораздо меньше, но предмет всетаки определяется, хотя немного иначе, а именно: «Заметьте: говорить и думать можно только о том, что есть где-нибудь; а то, что есть, след., о чем думать и говорить можно, люди называют *предметом*. Поняли ли вы?» Я думаю, что не поняли.

Вот почему мы искренно обрадовались выходу в свет книги «Детский мир»; в ней мы нашли многое, хотя не все, чего желали: небольшие занимательные статьи,

написанные простым и вполне доступным для детей языком, содержание которых взято преимущественно из естественных наук; между отдельными статьями проведена строгая внутренняя логическая и научная связь; постепенный переход от близкого и знакомого детям к отдаленному и менее знакомому, от легкого к более трудному. Хрестоматия, приложенная к книге, представляет весьма удачное собрание целых прозаических статей и стихотворений, которые, во-первых, доступны детскому понятию, во-вторых, соответствуют содержанию первой части книги, а в-третьих, преимущественно характеризуют русскую природу и русский народный быт. Вот уже прошел год, как я занимаюсь с детьми по «Детскому миру», и результаты были так удовлетворительны, до того неожиданны, что я решился поделиться своим годовым опытом с теми из учителей и учительниц, которые занимаются обучением детей; тем более, что быстрое распространение книги «Детский мир» (в течение года она вышла уже 3-м изданием) доказывает, что по ней учатся многие.

1. МОЕ ЗНАКОМСТВО С ДЕТЬМИ И УСТАНОВЛЕНИЕ КЛАССНЫХ ЗАНЯТИЙ

Младший класс в женском учебном заведении, где я преподаю, состоит из 35 учениц. Уроков русского языка в нем назначено по 5 в неделю. Дети, 10, 11 и даже 12 лет, дома были приготовлены по большей части очень плохо: многие читали с трудом, некоторые довольно бегло, но и те и другие без всякого сознания, совершенно машинально; писали безграмотно; рассказывать вовсе не умели; некоторые выучили стихи, но не умели произносить их и часто вовсе не понимали смысла. Все дети робки. Я вошел в класс. Ученицы поглядывали на меня с недоверием, испытующим взором. Дома их напугали школой; наговорили им, что в школе их будут наказывать, учитель будет с ними обращаться очень строго. Первые два урока поэтому я посвятил на то, чтобы разу-

верить детей в их заблуждении, совершенно расположить их в свою пользу, а потом установить порядок классных занятий. Мне кажется, что обращение учителя с маленькими детьми не должно быть ни слишком строгое, ни слишком фамильярное, а просто дружеское, так чтобы оно напоминало им семейство. Сначала я весьма дружески поговорил с каждой ученицей о том, где она прежде училась, как училась, где прежде жила, где живут родители, что читала; потом попросил каждую что-нибудь прочесть, рассказать или произнести выученные наизусть стихи. Во время чтения или рассказа некоторым из учениц я задавал вопросы и делал объяснения, чтобы этим самым указать отчасти на тот способ чтения и рассказа, каким я буду заниматься с ними и впоследствии. При бестолковом чтении или рассказе учителю не следует выражать никакого удивления, не обескураживать дитя насмешкою или острою, а кротко заметить его недостаток, выразив уверенность в том, что этот недостаток исчезнет при старании с его стороны. Поговорив таким образом со всеми, я обратился к ним с такими словами:

— Слушайте теперь и постарайтесь исполнить то, о чем я буду вас просить. Если я о чем-нибудь спрошу вас, то давайте на вопросы полные ответы.

Что значит отвечать полным ответом? А вот что: напр., я спрошу хоть вас, А. Какая река протекает в Петербурге?

А.— Нева.

— Вот это и есть неполный ответ. Надобно ответить на мой вопрос так, чтобы в вашем ответе заключался и мой вопрос и ваш ответ. Следовательно, как надобно ответить? Кто ответит?

Многие из учениц в одно время прокричали ответ; ни я, ни ученицы не могли расслышать ответа. Для избежания подобного шума, я попросил учениц, что в том случае, когда я буду обращаться с вопросом к целому классу, то ученицы, желающие ответить, должны молча встать, а ответит только та, которую назову я.

— Ну итак, кто ответит?

Многие встали. Одна из вставших ответила совершенно правильно:

— В Петербурге протекает р. Нева.

— Вот это и значит ответить полной мыслью. Отвечайте же всегда так, когда я буду предлагать вам вопросы.

— Д., напишите этот ответ на доске, а вы все в своих тетрадях.

Ответ написан. Я опять обращаюсь к целому классу с таким вопросом:

— Кто из вас заметил ошибку в ответе, написанном Д.?

Опять шум, опять говор, но ни учитель, ни ученицы не понимают замечаний. Я снова попросил желающих поправить встать, и каждая из вставших по очереди должна была заметить и поправить одну ошибку, выразив свое замечание словами. При этом я приучаю детей делать замечания относительно ошибок так, чтобы весь класс понял, в чем состоит ошибка, а писавшая на доске легко могла найти ошибку, т. е. довожу каждую поправляющую до того, чтобы она сделала свое замечание подобным образом:

«У тебя во второй строке сверху в слове *река* ошибка: в начале этого слова вместо *е* надобно *ѣ*».

При всех ответах я заставляю детей говорить громко и внятно: ученицу, которая отвечает тихо, я прошу повторять ответ до тех пор, пока она произнесет ответ так громко, что весь класс будет слышать, так внятно, что весь класс будет понимать. Потом я попросил детей, чтобы они исправили с доски ответы, написанные ими в тетрадях. В заключение я изложил детям устно рассказ «Верная собака», заимствованный из «Детского мира». Рассказ, видимо, понравился детям. По окончании рассказа я предложил каждой ученице по одному вопросу, придумывая такие вопросы и в таком порядке, чтобы ответами учениц вызвать содержание рассказанной мною статьи. При этом я опять-таки наблюдал, чтобы дети отвечали полными фразами и говорили громко и внятно. В этом переспросе участвовал целый класс,

и внимание всех учениц было постоянно напряжено, потому что я предлагал прежде вопрос, а потом требовал ответа у вызванной мною ученицы. Этот прием я постоянно употреблял при объяснительных беседах и чтении, для того, чтобы каждая ученица заранее в уме приготовила ответ на вопрос учителя. Если я замечу по выражению лица или глаз, что которая-нибудь из учениц не приготовляет в уме ответа, я тотчас же свою догадку выскажу такой ученице. Вообще я думаю, что главная забота учителя должна состоять в том, чтобы заставить думать всех учениц или учеников в классе, держать весь класс в напряженном внимании, по крайней мере, полчаса. По окончании расспроса я обратился к целому классу с вопросом:

— Кто может теперь повторить весь рассказ?

Помня замечание, некоторые встали молча, но очень немногие. Я выразил сожаление. Тогда встали очень многие. По моему назначению одна начала рассказ, другая продолжала, третья кончила. После этого я спросил трех таких учениц, которые по моему приглашению не вставали, чтобы показать этим, что от всех без исключения в классе я требую отчета в пройденном. К следующему уроку ничего не задано детям. Я поблагодарил всех детей за их внимание и попросил их, чтобы каждая из них приготовила к следующему уроку аспидную доску и по две тетради — одну для классных занятий, а другую для домашних. Книга у них уже была. И при этом я попросил, чтобы книга, тетрадь, доска, грифель, перо или карандаш всегда были на столе, а не в ящике, чтобы не производить шума вытаскиванием этих вещей из ящиков, когда я задам им в классе какое-нибудь упражнение *.

* В некоторых заведениях строго приказывают детям после прихода учителя в класс не иметь на столе ни книг, ни тетрадей, ни перьев. Оттого, когда учитель прикажет детям что-нибудь прочесть или написать, то происходит страшный шум, продолжающийся иногда четверть часа и происходящий оттого, что дети открывают ящики, вынимают перья, очинивают карандаши, щелкают ножичками и т. д. и т. д.

2. РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ УПРАЖНЕНИЙ

Все упражнения я разделяю (но только для себя, а не для учениц) на следующие категории: объяснительное чтение по «Детскому миру»; наглядное объяснение предметов, описание которых также находится в «Детском мире»; разбор и выучивание наизусть стихотворений, находящихся в хрестоматии, приложенной к «Детскому миру»; приучение детей правильно писать: знакомство с необходимыми для этого грамматическими формами и логические упражнения. Последние два рода упражнений не составляют особых уроков, а соединяются вместе с чтением статей и разбором стихотворений для того, чтобы не надоесть детям однообразием. Известная система должна быть в голове учителя, для детей же она формально не существует. Так во время чтения какой-нибудь статьи детям задаются вопросы, на которые они должны отвечать письменно, или более сложные письменные работы. Вслед за наглядным изучением какого-нибудь предмета разбирается с ними какое-нибудь стихотворение, где этот же самый предмет представляется в поэтической форме. Во время разбора стихотворения объясняется им какая-нибудь грамматическая форма, на которую дети составляют тут же фразу. Встретился какой-нибудь идиотизм русского языка,— опять дети придумывают на него устно и письменно свои собственные фразы.

Чтобы дать более наглядное понятие о характере и порядке различных упражнений, я изложу здесь несколько образцов.

3. БЕСЕДА О ВРЕМЕНАХ ГОДА, СОЕДИНЕННАЯ С ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМ ЧТЕНИЕМ И ЛЕГКИМИ ПИСЬМЕННЫМИ УПРАЖНЕНИЯМИ

После первых двух или трех уроков, которые были посвящены на то, чтобы, с одной стороны, ознакомиться учителю со своими новыми слушателями, а с другой стороны, чтобы познакомить детей с порядком класс-

ных занятий, я приступил к чтению с детьми по книге «Детский мир» — «Времена года». В том учебном заведении, где я преподаю, учение начинается зимою, а потому для первой беседы я избрал статью «*Зима*». Мне кажется, что описание времен года служит самым удобным материалом для начальных бесед с детьми, потому что почти все признаки времен года более или менее знакомы детям. Я уже заметил выше, что прежде, нежели я приступаю к чтению какой-нибудь статьи, я посредством вопросов вызываю у детей ее содержание. Точно то же я сделал и с статьею «*Зима*». Всем ученицам по очереди были предлагаемы такие вопросы:

— Почему сегодня холодно? Что такое зима? Когда начинается зима? Какие дни и ночи бывают зимою? Чем покрывается зимою поверхность земли, реки и озера? Что происходит зимою с деревьями? Какие деревья называются хвойными и какие лиственными? и т. д.

Я стараюсь, чтобы дети разрешали вопросы сами, — поэтому иногда приходится уклоняться от прямого вопроса и предлагать детям несколько косвенных вопросов, чтобы навести их на правильное разрешение прямого вопроса. Если которая-нибудь из учениц, хотя и разрешит вопрос, но ответ выразит неправильным языком, то я обращаюсь к целому классу с таким вопросом:

— Как иначе разрешить этот вопрос?

Правильный ответ повторяется той ученицей, которая разрешила его неправильно, и двумя-тремя другими.

— Какие деревья называются хвойными и какие лиственными?

Надо довести детей до того, чтобы они ответили подобным образом: «Лиственными деревьями называются такие, которые одеты листьями, как, например: береза, дуб, тополь и липа. Хвойными деревьями называются такие, которые покрыты зелеными иглами, или хвоями, как, например, ель и сосна».

Я попросил детей написать эти ответы на классной и аспидных досках. Ошибки, сделанные той, которая пи-

сала на классной доске, поправили сами же ученицы, где нужно,— с моею помощью.

— Сотрите свои ответы и к следующему разу напишите их в тетрадях.

Я решился утвердить детей совершенно в этой форме, а поэтому впоследствии дети написали до тридцати ответов на вопросы, предложенные мною, и до тридцати своих письменных ответов, имеющих подобную форму, пока совершенно не утвердились в ней. Полагаю, что сделал ошибку, начав сразу утверждать детей в правильном составлении и письме довольно длинных и сложных предложений. Впрочем это привело к хорошему результату: дети с этих пор никогда не ошибались при расстановке знаков в подобных предложениях.

Потом мы стали читать описание зимы по книге. Во время чтения я беспрестанно спрашивал о прочитанном, в особенности тех из учениц, которые, казалось мне, не следили за чтением или же не понимали читаемого. Впрочем, трудно было ожидать, чтобы, после предварительной беседы, кто-нибудь из учениц мог не понимать читаемого. Когда дети прочли то, о чем прежде говорили, некоторые из детей рассказали прочитанное. Другая половина урока была посвящена на разбор маленького стихотворения Пушкина «Зима». К следующему разу было задано детям: выучить наизусть половину этого стихотворения (многие выучили уже и в классе), написать два ответа и прочесть еще раз начало зимы.

В начале следующего урока некоторые дети говорили наизусть стихи, другие рассказывали прочитанное о зиме, третьи писали на доске свои ответы. Рассказ и письменные ответы были исправляемы целым классом. Потом продолжалась беседа о зиме. Были предлагаемы такие вопросы: «Как проводят зиму медведи, белки, еж, домашние животные, муравьи, мухи, бабочки, птицы, люди?»

На следующие вопросы ученицы отвечали письменно: «Какие птицы называются перелетными и какие зи-

мующими? Какие звери называются зимоспящими? Какие животные называются домашними и дикими? Какие морозы называются трескучими и крещенскими?» и т. д.

На некоторые вопросы отвечали в классе, на другие — вне класса. Во время чтения остальной половины статьи «Зима» встретилось выражение «зги не видно». Я попросил детей составить свои фразы, где бы у места было употреблено это выражение. Тех, которые составили сами, я похвалил, а тех, которые не успели составить в классе, я попросил придумать соответствующее выражение дома. К следующему разу было задано выучить остальную половину стихотворения «Зима», прочесть из статьи «Зима» то, что успели в классе прочесть, и написать несколько ответов на предложенные выше вопросы.

В таком точно порядке прочтены и разобраны все времена года. При этом разобрали и выучили стихотворения: «Зима», «Зимняя дорога» — Пушкина, «Нива» — Майкова, «Песня пахаря», «Крестьянская пирушка» и «Урожай» — Кольцова. Написано было до 60 ответов, имеющих одинаковую форму, как я уже заметил выше. На все это употреблено уроков 25. «Зима» разбиралась дольше, нежели прочие времена года, потому что дети не приучены были дома к тем упражнениям, с которыми встретились в классе. Оказалось, впрочем, что дети знали очень много признаков зимы, но никогда не соединяли их в голове в одно целое, в один связный рассказ.

4. БЕСЕДА О ЧЕЛОВЕКЕ, СОЕДИНЕННАЯ С ПИСЬМЕННЫМИ УПРАЖНЕНИЯМИ ПО ТАБЛИЦАМ

От времен года я перехожу к статье о человеке. На эту статью я смотрю как на материал для учителя, который он должен передать своим ученикам в устной беседе, потому что в чтении она очень скучна; между тем как в живом разговоре с учениками, при помощи различных картин и моделей, беседа очень оживлена и доставляет им истинное удовольствие. Рядом с беседами идут постоянно письменные упражнения, которые все

более и более усложняются и переходят в коротенькие рассказы. Для облегчения учениц я составляю им таблички, которые сам пишу на доске, а ученицы списывают в тетради. По этим же табличкам они сначала делают устные, а потом письменные рассказы. Один пример такой таблички есть в «Детском мире». Для примера предлагаю одну подобную беседу о частях человеческого тела.

— Назовите главные части своего тела. Напишите этот ответ. Как называются части головы? Что каждая из вас замечает в лице? Напишите этот ответ. Что соединяет голову с туловищем? Что мы можем делать головою посредством гибкой шеи? Как называются части туловища? Сколько у нас рук и ног? Из скольких частей состоит рука и нога? Напишите этот ответ. Что вы замечаете в кисти и ступне? Напишите этот ответ.

После такой беседы я им пишу на доске следующую таблицу, заимствованную из 2-го издания «Детского мира»:

Части человеческого тела	1. Голова	1. Темя 2. Затылок 3. Лицо	Лоб, нос, глаза, рот, скулы и т. д.	
	2. Шея			
	3. Туловище	1. Грудь 2. Живот 3. Спина		
	4. Рука	1. Плечо 2. Предплечье 3. Кисть	Ладонь Пальцы	Три или два сустава и ногти
	5. Нога	1. Бедро 2. Голень 3. Ступня	1. Подъем 2. Подошва 3. Пятка 4. Пальцы	Три или два сустава и ногти

— Кто может теперь из вас рассказать по этой таблице о главных частях человеческого тела?

Вызываю к доске лучшую. Довожу ее до того, что она, глядя на табличку, составляет устно рассказ о частях человеческого тела в том самом порядке, в каком они находятся в природе и в каком эта статья изложена в книге, вроде следующего:

— Главных частей человеческого тела семь: голова, шея, туловище, две руки и две ноги. Голова состоит из трех частей: темени, затылка и лица. В лице я замечаю: лоб, виски, глаза, нос, рот, скулы, губы, щеки и подбородок. По сторонам головы уши. Шея соединяет голову с туловищем. Посредством гибкой шеи я могу наклонять, подымать и поворачивать голову. Туловище состоит из трех частей: груди, живота и спины и т. д.

При этом я объяснил детям употребление (:) и (,) в данном случае и попросил их составить несколько фраз из знакомых уже им понятий, где бы кстати употреблены были (:) и (,). Сначала рассказ повторяли вызвавшиеся ученицы, а потом те, которых я сам вызвал.

— Теперь, кто из вас повторит рассказ и при этом скажет, какие и где надобно поставить знаки остановок? Напишите этот рассказ.

Подобные беседы с устными и письменными рассказами по табличкам я делал со всеми статьями о человеке, как-то: «о внешних чувствах и органах человеческого тела,о костях скелета и о внутренних органах».

Прилагаю при этом еще одну беседу об органах внешних чувств—и к ней табличку, составленную уже мною.

1. Вопросы: Сколько у человека органов внешних чувств? Что служит органом зрения? Где расположены наши глаза? Что вы замечаете среди глаза? Что находится вокруг зрачка? Что окружает белок? Что находится в углах глаза? Чем закрываются глаза? Какая разница между верхним и нижним веком? Чем опушены веки? Что растет над глазами? Как называется весь глаз? и т. д.

2. Рассказ составляется по следующей табличке:

Органы внешних чувств	1. Орган зрения	1. Глаз	1. Глазные впадины 2. Зрачок 3. Раек 4. Белок 5. Мочки 6. Веки 7. Ресницы 8. Брови 9. Глазное яблоко	
	2. Орган слуха	2. Ухо	1. Ушная раковина 2. Слуховой канал 3. Барабанная перепонка	
	3. Орган обоняния	3. Нос	1. Корень носа 2 Переносье 3. Кончик носа 4 Носовая перегородка 5. Ноздри 6. Слизистая оболочка	
	4. Орган вкуса	4. Рот	1. Полость рта 2. Нёбо 3. Язык 4. Десны 5. Зубы	1. Коронка 2. Корень 3. Резцы 4. Клыки 5. Коренные зубы 6. Молочные 7. Постоянные
			6. Глотка	
	5. Орган осязания	5. Поверхность всего тела		

Таким образом, дети в несколько уроков привыкли к систематическому рассказу, что и есть главная цель бесед о человеке. Удерживать же систему в голове помогал им отчасти самый предмет, им знакомый, и отчасти таблички, запечатлевшиеся в их памяти; потому что, как я убедился, в памяти детей запечатлевается глубже то, что они видели, чем то, что слышали. Во время бесед о человеке дети к книге вовсе не обращались: в этом случае она служила пособием только для учителя.

Беседа о человеке разнообразилась изучением и разбором стихотворений, чтением из книги прозаических рассказов. Так, в параллель с беседой о человеке прочтены и разобраны: «Органы человеческого тела», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о Кузьме Остолопе и работнике его Балде», «Добросовестный дикарь», «Сумка почтальона», «Наблюдательность»; разобраны и выучены следующие стихотворения: «Школьник» — Некрасова, «Урок» — Беранже, «Всенощная в деревне»— Аксакова. На беседы о человеке употреблено также уроков 25.

5. НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ, СОЕДИНЕННОЕ С ЛОГИЧЕСКИМИ УПРАЖНЕНИЯМИ

От бесед о человеке я перехожу к описанию животных. Здесь я уже изменяю немножко порядок классных занятий. О тех животных, описание которых в книге изложено довольно сухо, я только беседую со своими ученицами. Описания животных, рассказанные в книге занимательно, дети читают с помощью моих объяснений в классе; рассказы о животных, которые имеют общие признаки и принадлежат к одному семейству с теми животными, о которых мы говорили в классе, дети читают сами и потом пересказывают. Поэтому беседы и чтение из отдела о животных пошли уже очень быстро. Я сначала думал, что долго читать и рассказывать о животных надоест детям; но я ошибся. Дети с величайшим удовольствием, охотою и даже жаждою занимались

описанием животных. Этому, конечно, помогло упомянутое разнообразие в приемах, употребляемых при чтении и разборе статей о животных и в то же время изучение наизусть разных стихотворений, преимущественно басен Крылова, чтение и выслушивание моих рассказов и анекдотов, в которых иногда ярко выставляется характер известного животного, постоянно приносимые в класс чучела, модели и картины животных и, наконец, логические и письменные упражнения *. Порядок бесед и чтений о животных установлен мною таким образом. Я приносил в класс чучела или картины того животного, о котором намерен был говорить или читать, и раздавал их детям, сидящим в различных местах. Первый вопрос мой относился к тем детям, пред которыми были картины, чучела или модель. Второй вопрос относился к следующим детям, которым и передавалось животное. Это делалось для того, чтобы животное, о котором шла речь, побывало в руках у всех детей. Когда встречалось разрешать такой вопрос:

— Почему, например, лошадь или корова называются травоядными, млекопитающими и тому подобными животными? — то на следующие затем вопросы:

— Следовательно, какие животные называются млекопитающими, травоядными, жвачку жующими, хищными, однокопытными? — и т. д., ученицы делали письменные ответы. Эти ответы по своей форме совершенно схожи были с теми ответами, какие составляли ученицы, когда читали о временах года. Следовательно, подобные ответы служили повторением для учениц и поверкою для учителя. Когда ученицы познакомились с характеристикою нескольких животных, то я заставлял их сравнивать двух или трех животных между со-

* К чести женского учебного заведения, где я преподаю, надобно сказать, что в нем находится самая полная и хорошая коллекция картин, моделей, чучел, карт и других учебных пособий, обеспечивающих успех подобного преподавания. Впрочем, можно было бы обойтись и одними картинками, которые стоят очень не дорого.

бой, т. е. находить между ними признак сходства и различия — сначала устно, а потом письменно; или же давал им одно животное, которое дети должны были определить по всем признакам.

Когда был пройден целый отряд животных, то я писал на доске табличку, а в класс приносил модели многих животных, принадлежащих к пройденному отряду, и ставил их в беспорядке на столе. На вопрос мой: «Кто расставит этих животных в порядке по табличке?» — вызвались очень немногие — всего две или три ученицы из целого класса. Животные с помощью моею расставлялись в порядке, сначала вызвавшимися ученицами, а потом назначенными мною. При этом они должны были объяснить: почему именно то или другое животное поставлено на том или другом месте? На какие семейства, роды и виды делится известный отряд животных? и т. д. Из ответов и объяснений на подобные вопросы составлялся довольно трудный, систематический и плавный устный рассказ, излагаемый ученицами как устно, так и письменно, хоть, напр., по такой табличке на стр. 441.

По этой табличке, посредством предварительной беседы, дети доводятся до того, что составляют устный и письменный рассказ вроде следующего: «Отряд хищных зверей принадлежит к классу млекопитающих, потому что матери этих зверей питают своих детей молоком. Хищными же животными называются те, которых любимой пищей служит мясо. Отряд хищных зверей разделяется на пять семейств: кошачье, псовое, гиеновое, медвежье и хорьковое. Главные отличительные признаки кошачьего семейства суть: втяжные когти, гибкие члены, шероховатый язык, сильные клыки. К этому семейству относятся: кошка, лев, тигр и леопард. Все эти животные очень злы, хитры и никогда не привыкают к человеку. Псовое семейство отличается от других семейств хищного отряда тем, что животные, принадлежащие к нему, имеют сорок два острых зуба, гладкий язык, хорошее чутье, тупые когти. В этом се-

Классы	Отряды	Семейства	Роды	Виды
Класс млекопитающих (звери)	Отряды хищных	1. Кошачье	1. Кошка	
			2. Лев	
			3. Тигр	
			4. Леопард	
			5. Барс	
		2. Псовое	1. Собака	1. Гончая
				2. Борзая
				3. Овчарка
			2. Волк	
			3 Лисица	
			4. Шакал	
		3. Гиеновое	1. Гиена	
		4. Медвежье	1. Медведь	1. Бурый
				2. Черный
			2. Енот	3. Белый
		5. Хорьковое	1. Хорек	
			2. Куница	1. Куница
				2. Ласка
				3. Горностай
				4. Соболь
			3. Выдра	

мействе я знаю следующие роды: собаку, волка, лисицу и шакала. Род собаки имеет много видов, как, например: борзые, гончие и т. д. К гиеновому семейству относится только одна гиена. Она соединяет в себе некоторые признаки кошки, как, например: втяжные когти и гибкие члены и некоторые признаки собаки, как, например: гладкий язык и сорок два зуба, а потому это животное самое злое и страшное, и т. д.

Я уже выше заметил, а теперь еще напомню, что все письменные упражнения в следующий урок переписывались с тетрадей вызванными мною ученицами на классных досках и поправлялись целым классом. При этом

объяснялись детям различные грамматические правила, касающиеся только орфографии. Чтобы весь класс был занят в то время, когда некоторые ученицы пишут свои упражнения на классных досках, с другими я занимаюсь спрашиванием заданных рассказов, стихов, а лучшие читают свои письменные упражнения, означая поставленные ими знаки остановок. На подобные устные и письменные упражнения я обращаю особенное внимание, потому что они приучают детей к *систематическому* изложению своих мыслей, к разнообразию слога и разъясняют им понятие о сравнении предметов, об общих родовых и видовых признаках предмета, о целом, о частях и т. д. Следовательно, такие упражнения можно назвать *логическими*. Такие логические упражнения я делаю с детьми и о предметах, находящихся в классе, в саду и т. д., *что и служит лучшим основанием грамматических упражнений, потому что грамматика есть логика народа*.

Когда я оканчивал с детьми беседы о млекопитающих животных, подоспела весна, начала распускаться береза, цвести яблоня. Я оставил животных в покое и начал беседовать с детьми о растениях. Для этого приносились в класс живые цветы и ветки деревьев, которые раздавались всем детям. Нужно было видеть радость и удовольствие детей во время таких занятий. При этом соблюдался тот же самый порядок упражнений, как и во время бесед о животных. В саду пел соловей, в клетке канарейка: это дало случай поговорить с детьми об этих птицах. Случайно попавшийся кусок глины и кремня послужили также поводом к беседе.

Во время бесед с ученицами о млекопитающих животных, о растениях и птицах они прочитали и выучили следующие статьи и стихотворения: «Слепая лошадь», «Муха», «Лисица и осел», «Мартышка и очки», «Листы и корни», «Цветы» и другие басни Крылова, «Суд божий над епископом». Кроме того, самые беседы о животных были оживляемы моими рассказами о различных случаях из жизни животных, вроде следующих: «Собака

лорда Байрона», «Охота за жирафами», «Случаи из жизни льва, медведя и других». Все упомянутые мною рассказы дети по большей части составляли письменно дома.

На беседы о животных и растениях и прочие упражнения употреблено уроков 100.

6. РАЗБОР СТИХОТВОРЕНИЙ

Главная цель изучения детьми стихотворений, по моему мнению, состоит в том, чтобы развить в детях вкус, приучить детей к пониманию поэтического языка, в особенности народного, и приучить их к толковому и хорошему произношению стихотворений; знакомство с грамматическими формами языка должно быть на втором плане, и не следует сразу при разборе стихотворений входить во все тонкости грамматики, а надобно знакомить с ними не спеша и постепенно. Если загромоздить каждое стихотворение вещественным, логическим, грамматическим разбором, то такое стихотворение не только не произведет на них никакого приятного впечатления, не только не заинтересует их своим содержанием и красотой изложения, но и совершенно опротивеет им. Вследствие этого при выборе для детей стихотворений я строго выполняю три условия: во-первых, сначала выбираю стихотворения, доступные детскому пониманию, не требующие притом объяснений; во-вторых, стихотворение должно соответствовать беседе или чтению; в-третьих, наконец, чтобы познакомить детей с народной речью, с оборотами русского языка, чтобы возбудить в детях любовь к ней, я преимущественно изучаю с ними стихотворения Кольцова, Крылова, Некрасова и Майкова. Разбор первых стихотворений я ограничиваю только объяснением непонятных слов и составлением фраз на идиотизмы русского языка. Впоследствии же я ввожу в разбор стихотворений план стихотворения и грамматические формы, но с строгой постепенностью и в каждом стихотворении делаю не более одного или двух грамматических объяснений; преимуще-

ственное же внимание попрежнему обращено на содержание стихотворения и обороты языка. Так, прежде нежели дать им понятие о составе предложения, я приучаю детей посредством чтения и вопросов отделять мысли и различать первостепенные части мысли от второстепенных. Это делается при разборе первых стихотворений. Потом, при разборе нескольких следующих стихотворений, я обращаю внимание на план стихотворения. К концу года вводится и грамматический разбор и притом так, что в одном стихотворении дается им понятие о подлежащем и сказуемом; в другом — прибавляется к этим понятиям объяснение дополнительных слов; в третьем — определительных; в четвертом — показывается различие между главным и придаточным предложением, простым и сложным: в ином обращено внимание на букву ѣ и т. д. и т. д.

Пропуская разборы первых стихотворений, при которых я ограничивался только вещественным разбором, я предлагаю здесь образчик разбора стихотворения «Урожай» Кольцова, который производился с целью указать детям на план этого произведения. Мы разбирали «Урожай» уже тогда, когда дети прочитали все четыре времени года и выучили 5 или 6 других более мелких стихотворений. Прежде нежели дети начали читать это стихотворение, я рассказал им коечто о жизни и воспитании Кольцова. Мне замечали, что подобные объяснения делать еще рано, но я с этим не согласен. Дети не только с удовольствием слушали интересные факты из жизни Кольцова, но некоторые из них вызвались даже изложить письменно мой рассказ. Потом, не излагая содержания стихотворения, не читая его еще в классе, я прямо даю детям читать его и притом соблюдаю, чтобы каждая из учениц читала и разбирала одну мысль, следующая — другую и т. д. Это я делаю для того, чтобы, во-первых, дать возможность участвовать всем детям в разборе стихотворений, а, во-вторых, чтобы приучать их самым незаметным для них образом отделять одну мысль от другой.

Урожай

Что называется урожаем?

А как называется тот год, когда не бывает урожая?

Если заглавие этого стихотворения «Урожай», то о чем будет говориться в этом стихотворении?

Таким образом, я вызвал самих учениц отчасти рассказать содержание стихотворения.

1-я ученица. «*Красным полымем заря вспыхнули*».

Что вспыхнуло?

Что такое заря?

Что значит вспыхнуть?

Про что еще можно сказать вспыхнуть?

Как заря вспыхнула?

Что такое полымя и каким другим словом можно заменить это слово?

Кто употребляет слово полымя?

Народ.

Поэтому те слова, которые употребляет народ, называются *народными*.

Уместно ли здесь это слово и почему?

Не знаете ли пословицы со словами полымя?

2-я. «*По лицу земли туман стелется*».

Что стелется?

В каком случае еще можно употребить это слово «*стелется*»?

Какие еще слова можно произвести от этого слова?

Что такое туман?

Это физическое явление им объяснено.

Где туман стелется?

Каким выражением можно заменить здесь слова «*по лицу земли*»?

3-я. «*Разгорелся день огнем солнечным*».

Кто разгорелся?

Разве можно сказать о дне, что он разгорелся?

Когда о человеке говорят, что он разгорелся?

Чем разгорелся день?

Какое сходство и различие между обыкновенным и солнечным огнями?

4-я. «*Подобрал туман выше темя гор*».

Что значит подобрал туман?

Всегда ли туман поднимается?

Не знаете ли вы еще какой-нибудь части горы, называемой по сравнению с телом человека?

5-я. «*Понесут ее ветры буйные во все стороны света белого!*»

Кого понесут ветры?

Какие ветры?

Про кого еще можно сказать *буйный*?

Куда понесут ветры буйные?

В каком смысле надобно понимать здесь слово *свет*?

В каком еще значении употребляется слово *свет*?

Какое слово заключает в себе понятие, противоположное слову *свет*?

Кто придумает выражение, в котором бы у места можно было употребить «*белый свет*»?

6-я. «*Туча черная понахмурилась. Понахмурилась — что задумалась, словно вспомнила свою родину...*»

Кто понахмурилась?

Как может туча понахмуриться?

А кто еще может понахмуриться?

Кто вспомнила свою родину?

А где была родина тучи? Почему?

Разве может туча опять возвратиться на землю?

В каком же виде она упадет на землю?

Для чего к слову *вспомнила* прибавлено «*словно*» и каким другим выражением можно заменить слово «*словно*»?

Скажите фразы с этим словом.

7-я. «*Заодно с весной пробуждаются их заветные думы мирные*».

Что пробуждается? думы, т. е. что? мысли, заботы.

Что значит пробуждаются думы?

А разве весной что-нибудь пробуждается?

Природа.

А в каком состоянии природа находится зимой?

О чем пробуждаются у крестьянина думы весной?

Отчего же поэт назвал эти думы заветными и мирными?

Что значит заветный?

Нет ли у вас вещей заветных? и т. д.

После разбора стихотворения в отношении к языку, я прочел его раза два, за мной прочли некоторые из учениц. Когда дети, таким образом, достаточно ознакомились с содержанием стихотворения, поняли каждое слово и многое запомнили, я приступил к разбору плана, по которому написано стихотворение. Это весьма полезно для детей, потому что дает им взгляд на состав целого стихотворения и приучает осмысливать естественную и логическую последовательность в развитости мысли и образов.

Разбор плана производится так:

Что описывает поэт в начале своего стихотворения?

Ответ должен быть подробный:

В начале стихотворения «Урожай» Кольцов описывает весеннее утро.

Какими признаками?

Верно ли природе перечислены эти признаки в разбираемом стихотворении?

Что здесь происходит во время дня и от каких причин? *

К чему переходит поэт после описания грозы?

От описания природы к чему переходит поэт?

Какие думы, заботы у крестьян следуют одна за другой?

Далее какая картина следует?

Какими чертами рисует поэт картину урожая и жатвы?

Чем поэт оканчивает свое стихотворение?

---

* Некоторые дети так проникаются картинами и образами, что передают рассказ прекрасным поэтическим языком.

В чем же заключается последовательность в описании? *

«В том, что Кольцов совершенно верно описывает все явления, так, как они следуют одно за другим в природе и в жизни».

Теперь расскажите сами все содержание стихотворения.

К следующему разу выучите половину этого стихотворения.

На разбор этого стихотворения употреблено 5 уроков.

Вообще я убедился, что подобный прием прекрасно прилагается ко всем стихам, имеющим описательное и эпическое содержание; лиризм вообще мало свойственен детям, а потому и не следует в раннем возрасте заставлять детей заучивать стихотворения, где нет вовсе описательного или эпического элемента.

При разборе последних стихотворений было обращено внимание и на грамматические формы, с которыми дети познакомились в течение года; с этой целью, напр., разбирался перевод Жуковского «*Суд божий над епископом*».

Прежде чтения этого стихотворения я объяснил детям, что такое легенда, предание, сказал им несколько слов о жизни прежних католических епископов, о феодальных замках, перенес их воображение на берега живописного Рейна, а потом прочел сам все стихотворение. Детям в высшей степени оно понравилось. Они просили меня еще два раза прочесть его. Я читаю стихотворение по большей части наизусть и стоя. Это дает мне возможность следить за тем, какое впечатление производит на детей стихотворение, всем ли оно нравится и все ли его понимают. После этого некоторые девицы рас-

* Может быть, читатели найдут, что этот вопрос вовсе не понятен для детей. На это я отвечу, что делаю этот вопрос после предварительного устного объяснения, которое помещать здесь считаю лишним.

сказали его содержание, а потом стали читать по очереди, сначала отдельные мысли, а потом целое стихотворение.

1-я. «*Были и лето и осень дождливы*».

Где сказуемое?

Значит, здесь в одном предложении сколько сказуемых?

Почему после этого предложения поставлена точка с запятой?

2-я. «*Были потоплены пажити, нивы*».

Что такое пажити и нивы?

Какие части предложения составляют эти слова?

Следовательно, здесь, как вы видите, два подлежащих?

Почему же между ними поставлена запятая?

Припомните правило на этот случай.

Сами придумайте подобные мысли.

3-я. «*Хлеб на полях не созрел и пропал*».

Что в этом предложении означают слова: «не созрел и пропал?» Почему между ними нет запятой?

Чтобы не наскучить детям подобными вопросами, несколько мыслей они читают без всяких вопросов, если, разумеется, не встретится какого-нибудь непонятного слова.

4-я. «*Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери, спереди, сзади, с боков, с высоты...*»

Кто это сыплется градом?

Следовательно, в этом предложении недостает какой части?

Что значит «*сыплются градом*»?

Что такое град?

Составьте фразы на выражение: «*сыплются градом*».

Почему после слов: сквозь окна, сквозь двери, спереди и т. д., поставлены запятые?

Почему после «с высоты» поставлено многоточие? и т. д.

План этого стихотворения дети уже составляли сами, конечно, не без моей помощи, сначала устно, а потом

изложили план и письменно, и некоторые написали очень и очень толково.

После разбора некоторых басен детям задавалась иногда такая тема:

— Придумайте дома свой собственный рассказ, содержание которого подходило бы под содержание басни, но в котором главными действующими лицами были бы не животные, а люди, имеющие одинаковые наклонности с животными басни. Такие рассказы дети передавали в следующий урок не только устно, но и письменно. Подобная тема была задаваема детям, напр., после разбора басен: «Гуси», «Слон и моська», «Осел и соловей» и др. Некоторые дети весьма метко подметили смысл этих басен и составили рассказы, удивительно верные действительности.

7. ГРАММАТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

Грамматическими упражнениями я начинаю заниматься в конце года, когда в голове детей находится уже достаточно материала, чтобы приводить не пустые, а дельные примеры на разные грамматические правила. Отдельных уроков на грамматические упражнения я не назначаю, а посвящаю им не более четверти часа в продолжение того или другого урока. Мои вопросы кажутся детям как бы случайными. Встретится, напр., при разборе стихотворения такая мысль: «*полился дождь*»,— тотчас объясняется им состав простого предложения, дается понятие о подлежащем и сказуемом. Потом предлагаю им самим придумать или припомнить из выученных стихотворений предложение, которое бы также состояло из одного подлежащего и одного сказуемого. Когда дети уже знакомы и с прочими частями предложения, то я им задаю следующие вопросы:

Прибавьте к своему предложению, состоящему только из подлежащего и сказуемого, дополнительное слово. Что вы придумали? Что вы? Что вы?

Прибавьте еще определительное слово — обстоятельство времени.

Напишите свои мысли.

Составьте и напишите к следующему разу по пяти подобных предложений.

«Листы на дереве с зефирами шептали, хвалились густотой, зеленостью своею и вот как о себе зефирам толковали».

Сколько здесь сказуемых?

Придумайте или припомните предложение, где бы было три сказуемых.

Каждая из вас к следующему разу напишет по нескольку таких предложений.

Или: составьте такую мысль, в которой было бы два предложения: одно главное, а другое придаточное и чтобы придаточное предложение находилось в средине главного.

Сделайте из ваших полных придаточных предложений сокращенные. К следующему разу напишите по несколько таких мыслей.

В следующий урок самые слабые ученицы пишут на классной доске свои упражнения, которые поправляются целым классом, а хорошие читают упражнения, говоря и знаки остановок.

8. ЭКЗАМЕН

В конце года несколько уроков было посвящено на повторение пройденного. В чем же состояли эти повторительные уроки? А вот в чем. В класс приносились все предметы, о которых в течение года беседовали или которые имели общие свойства с рассмотренными предметами. Чучела и модели животных, высушенные растения, картины, куски минералов — все это вначале стояло на столах, окнах и на полу в страшном беспорядке. Всем детям предоставлялась полная свобода расставлять в систематическом порядке все принесенные предметы. Сколько удовольствия, сколько спо-

ров, сколько острых замечаний было произнесено детьми по поводу того или другого предмета. В некоторых случаях дети обращались ко мне за разрешением. Наконец, все вещи расставлены или положены в порядке, и тогда начиналась самая оживленная беседа: некоторые дети объясняли самую систему, другие — делали описания; третьи — говорили стихи, четвертые — составляли письменные вопросы на данную тему или писали на доске грамматические упражнения и т. д. Эти повторительные уроки были истинным праздником как для меня, так и для детей: я убедился, что мои уроки не пропали даром, дети — что приобрели много новых познаний, научились довольно плавно и связно говорить, писать без значительных ошибок, со смыслом произносить стихи.

В подобной беседе и письменных упражнениях состоял и самый экзамен, к которому дети сами не приготовлялись. На экзамене присутствовали, кроме начальственных лиц, и многие из моих товарищей. Экзаменом руководил и распоряжался не я, а инспектор и товарищи. Для этого им была дана в руки следующая программа.

9. ПРОГРАММА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

(Год 1-й)

А. Программа в общих чертах

I. Практические упражнения в чтении, письме и рассказе и развитии логического мышления. Средствами к этому служили: а) объяснительное чтение и рассказывание учащимся прочитанного или усвоенного из наглядного ознакомления с предметами природы и искусства; б) изучение наизусть образцовых стихотворений и прозаических отрывков и в) письменные ответы на предложенные вопросы и письменные составления небольших сочинений из рассказов преподавателя.

II. Первоначальные познания о составе предложения и частях речи, извлекаемые из практических занятий; упражнения в словопроизводстве в применении к правописанию.

III. Учебными пособиями служили: а) книга для классного чтения «Детский мир» Ушинского; б) географические карты Сидова; в) чучела, модели и картины животных, находящиеся в зоологическом кабинете заведения; г) живые и засушенные цветы и растения; д) куски металлов и минералов.

Б. Программа в частности

I. Статьи для упражнения в чтении, изустном рассказе и умственном развитии из книги для чтения: а) Времена года, Человек, Лошадь, Корова, Овца, Осел, Олень, Верблюд, Жираф, Слон, Свинья, Собака, Волк, Лисица, Кошка, Лев, Тигр, Медведь, Хорек, Заяц, Крот, Летучая мышь, Обезьяна, Тюлень и морж, Кит, Канарейка, Соловей, Утка, Береза, Яблоня, Вишня, Елка, Кремень, Глина, Железо; б) из хрестоматии: Верная собака, Добросовестный дикарь, Наблюдательность, Органы человеческого тела, Сказка о рыбаке и рыбке, Сказка о купце Остолопе и работнике его Балде, Сумка почтальона, Слепая лошадь, Городок в табакерке, Гостиница в степи.

II. Письменные упражнения: а) сначала короткие, потом сложные письменные ответы на предложенные вопросы, касающиеся прочитанных или рассказанных статей; б) составление небольших рассказов по табличкам; в) примеры сравнения и г) изложение целых прочитанных или рассказанных статей.

III. Стихотворения, выученные наизусть с целью развития вкуса, понимания поэтического языка и утверждения в искусстве декламации: Зима и Зимняя дорога — Пушкина, Урожай, Песня пахаря и Крестьянская пирушка — Кольцова, Муха, Чиж и зяблица — Дмитриева, Слон и моська, Свинья под дубом, Волк и

кот, Трудолюбивый медведь, Лисица и осел, Мартышка и очки, Зеркало и обезьяна, Гуси, Листы и корни, Цветы, Осел и соловей — Крылова, Береза — Фета, Школьник — Некрасова, Нива — Майкова, Урок — Беранже, Суд божий над епископом — Жуковского.

IV. Знакомство с некоторыми грамматическими формами посредством составления фраз: а) подлежащее и сказуемое, б) дополнительные, определительные и обстоятельные слова; в) предложения — простое и распространенное, сокращенное и вводное; г) знаки остановок — довольно подробно; г) некоторые правила правописания; е) различие частей речи; ж) понятия о склонении и спряжении слов.

В конце настоящего учебного года я постараюсь также представить на суд читателей результат занятий второго года по преподаванию русского языка.

10. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Не считаю лишним в заключение указать на некоторые наши педагогические взгляды, не вошедшие в статью.

1. В течение года я не ставил детям баллов, чтобы не развить в них дурной привычки учиться из-за баллов, из-за наград. Мне кажется, что учителю с первого же года должно стараться постепенно доводить детей до того, чтобы единственным поощрением их успехов в науке служило собственное сознание. Если детям не ставить баллов с самого начала, то наверное в них не разовьется существующая в наших заведениях баллопромышленность. Отметки должны быть поставлены только в конце года для того, чтобы по ним сделать переводы детей в высшие классы; но для этого совершенно достаточно двух отметок, выраженных словами: удовлетворительно и неудовлетворительно. Чем менее в заведении существует отметок, тем предоставляется более возможности учителю не ошибиться в степени знания своих учеников.

2. На праздники и вакации я не имею обыкновения задавать детям ни уроков, ни повторений *; но в первые уроки после окончания каникул я спрашиваю у детей из всего пройденного. Мне кажется, что повторение с помощью учителя полезнее, чем повторение, предоставленное на волю самих детей. Если только у детей развита охота к учению, то они сами найдут себе занятия: что-нибудь прочтут, что-нибудь перепишут, а главное, пускай отдохнут и проведут время в семье.

3. Иногда во время урока, когда был сам утомлен и замечал, что и внимание детей было слишком утомлено, то для отдыха я позволял себе разговаривать с детьми или об их домашних занятиях и играх или рассказывал им какой-нибудь занимательный анекдот, который, однако, может оставить в них нравственное впечатление, или знакомить с личностью какого-нибудь знаменитого человека. Такой отдых продолжался не более четверти часа. Замечу мимоходом, что меня всегда возмущала эта мертвая тишина в классе, эта солдатская выправка, к которым приучают детей во многих наших учебных заведениях. Много должны мы были вытерпеть неудовольствия, пока добились до того, что детям позволили предлагать вопросы учителю, самим вызываться отвечать, разговаривать с ним и сидеть в классе свободно и непринужденно.

4. В некоторых случаях позволяется детям отвечать хором, а именно: когда им надобно запомнить какой-нибудь грамматический или научный термин. Напр., хоть на подобный вопрос: «Повторите же, как называются главные части предложения?» дети отвечают хором, да еще повторяют несколько раз ответ. Я вообще заметил, что подобным способом дети весьма легко запоминают самые трудные выражения.

* Все, что говорю в этом замечании, конечно, относится только к двум низшим классам.

2. ПРАКТИЧЕСКИЕ УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА [27]

I

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ДЕТСКИМ МИРОМ

Плохо, очень плохо приготовляют наши родители и воспитатели детей для поступления в средние учебные заведения. Плохо — и в отношении научном, и в отношении нравственном. По программам, напр., требуется от детей для поступления даже в первый класс 10-тилетний возраст, сознательное, толковое чтение и письмо без грубых ошибок. Но на самом деле эти десятилетние дети по большей части приготовлены очень слабо: многие читают с трудом, некоторые довольно бегло; но и те и другие без всякого сознания — совершенно машинально; пишут безграмотно, рассказывать вовсе не умеют, некоторые знают наизусть стихотворения, но не умеют произносить их и часто не понимают смысла, тем более, что иногда им дают заучивать стихотворения совершенно не по силам. Все дети робки. Дома их пугают школой, толкуют им, что в школе будут их наказывать, начальники и учителя будут обращаться с ними строго. «Вот ужо повезу тебя в школу, говорит иной родитель, там тебя вышколят». А потому дети входят в школу с полным недоверием, с каким-то затаенным страхом.

Главная обязанность школы поэтому сначала поправить недостатки домашнего воспитания, а потом уже приступить к настоящему систематическому преподаванию. Первые уроки следует употребить на то, чтобы разуверить детей в их заблуждении, совершенно рас-

положить их в свою пользу, установить порядок классных занятий. Мне кажется, что обращение учителя с детьми должно быть ни слишком строгое, ни слишком фамильярное, а просто дружеское, так чтобы оно напоминало им семейство.

Первые полгода пребывания детей в школе, после основательного знакомства с ними, лучше всего употребить на объяснительное чтение, наглядное знакомство с предметами природы и искусства, на разбор и выучивание наизусть легких стихотворений, не давая вовсе детям никаких определений из грамматики и даже вовсе не употребляя грамматических терминов; тем более, что наши грамматические термины большей частью не соответствуют своему названию, почти никогда не употребляются в обыкновенном разговоре и дико звучат в ушах. Детям они совершенно непонятны. Дети могут сознательно понимать только такие предметы и составлять их определения, которые могут быть ими восприняты внешними чувствами; впоследствии можно прибегать и к посредству воображения, если учитель сумеет так наглядно и просто изобразить предмет, что он ясно обрисуется в детской голове, и все-таки прибегая постоянно только к тому, с чем дети прежде познакомились посредством наглядного обучения. Может ли ребенок воспринять определение какой-нибудь грамматической формы или посредством внешних чувств, или посредством воображения? Вывод, заключение, определение есть дело ума, уже достаточно развитого, достаточно обогащенного. Разве может дитя понимать хоть подобные определения: *дополнением называется то слово в предложении, которого недостаток, отсутствие чувствуется слушающим и без которого он счел бы речь недоконченною, неполною*. Или: *обстоятельственными словами называются те слова, которые стоят пред сказуемым или обстоят сказуемое для большего его уяснения*. Или: *определительное слово относится к пояснению понятий о предмете, указывая особое его отличие от других предметов, определяя ему место между ними*, и

т. д.* Ведь если я скажу детям, что и дополнение и определение и обстоятельство дополняют смысл мысли, то не будет никакой ошибки. Как ни сильтесь дать различие этих частей предложения посредством голословного определения, вы никогда не достигнете до того, чтобы дети, на основании ваших объяснений, поняли различное назначение этих слов в предложении. Но у нас вышеизложенными определениями и объяснениями многие учителя и до сих пор наполняют все преподавание русского языка или загромождают ими каждую читаемую статью, каждое заучиваемое стихотворение. Не лучше ли, если ученик дойдет до усвоения этих понятий путем практики и опыта: дети должны сначала как можно более прочесть, видеть и изучить, чтобы бойко, без запинки и сознательно читать, чтобы приучиться наблюдать, чтобы уметь учиться сознательно, чтобы приобрести материал для грамматических и логических упражнений и для самостоятельных письменных работ. И впоследствии даже им не следует давать никаких грамматических определений, а лучше всего, если учитель доведет их до сознания грамматического строя речи посредством вопросов и заставит их приискивать соответственные фразы, как это будет показано ниже.

Вообще практически в первом классе из грамматики можно довести детей до следующего: уменья *отделять* мысли; *разделять* мысль на предложения; *различать* части предложения и части речи; *понимать* изменение слов посредством склонений и спряжений; *согласовать* слова; достаточно правильно *писать* и *употреблять* некоторые знаки остановок; *отделять*, *различать*, *понимать*, *согласовать*, *правильно писать*, *но не определять*, *заучивать правила*, *склонять и спрягать*.

Предложим теперь читателям ряд последовательных уроков, занимающих первые три года занятий родным языком как результат нашей педагогической практики; но чтоб избежать повторений, мы не будем излагать про-

* Первая часть грамматики Перевлесского, стр. 459 и 460.

цессы всех решительно уроков, а представим образцы уроков для различного рода упражнений, как-то: образцы уроков объяснительного чтения, образцы бесед о предметах природы, формы устных рассказов учителя детям, образцы разбора стихотворений, образцы письменных, грамматических и логических упражнений. Вместе с тем мы постараемся связать отдельные уроки одной общей нитью, чтобы в конце выяснялась вся последовательная система первоначального преподавания родного языка. Мы вполне убеждены, что наши уроки имеют много недостатков, а потому обращаемся к собратам по занятию с просьбой, чтобы они не оставили как всю нашу систему, так и отдельные уроки без самых строгих замечаний. Редакция, вероятно, с охотой будет давать место на столбцах своего журнала этим замечаниям, а мы, с своей стороны, будем отвечать на все возражения. Этим способом возбудится самая живая полемика, которая и выяснит педагогические вопросы и, пожалуй, выработает прямую педагогическую систему преподавания родного языка *. Книга для чтения, избранная нами, — «Детский мир».

1. Чтение статьи «Дети в роще» (2 урока)

Урок 1-й

Некоторые учители начинают первый урок речью, в которой доказывают детям пользу и необходимость учения, объясняют им их обязанности, свою систему преподавания, одним словом, запугивают детей, и без того запуганных. Не лучше ли начать знакомством с ними, не

* Одна из главных целей нашего издания, как мы уже заметили в вступительной статье, состоит именно в том, чтобы возбудить живое, основанное на здравых педагогических началах литературное обсуждение различных воспитательных и учебных вопросов. Поэтому мы просим, особенно г. г. воспитателей и преподавателей военно-учебных заведений, не оставить безответственными помещаемые в «Сборнике» статьи. —
Ред. журнала «Педагогический сборник».

лучше ли поговорить с ними о их семье, о их прежнем учении, чтобы они не чувствовали резкого перехода от семьи к школе. Такая дружеская беседа, с одной стороны, расположит детей к учителю, а с другой, — даст возможность учителю поближе узнать своих будущих учеников, чтобы он мог знать, с чего начать и как начать с целым классом и с каждым учеником в особенности. С каждым вновь поступившим учеником я знакомлюсь таким образом. После предварительного знакомства с детьми, я приступил прямо к делу — к чтению. Для первого чтения я выбрал рассказ «Дети в роще», во-первых, потому, что эта статья имеет сказочную форму, к которой дети привыкли дома и которая им больше нравится, а во-вторых, она не требует почти никаких объяснений со стороны учителя. Главное достоинство книги для первоначального чтения и должно состоять в том, чтобы статьи в ней были подобраны так, чтобы одна статья служила пояснением другой, как бы вытекала из нее, чтобы учителю не приходилось останавливаться на каждом слове и, в ущерб интересу статьи, не запутывать ее своими объяснениями. Прошу покорно читать такую статью, где каждое слово и выражение должно объяснять. Приходится одно из двух: или читать статью несколько недель, или довольствоваться бессмысленным механическим чтением.

Приступаем к изложению процесса первого урока.

— «Откройте свои книги. А., читайте первую статью.

А. читает:

Дети в роще

— А. Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

«Знаешь ли что?» сказал брат сестре: «в школу мы еще успеем. В школе теперь и душно и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички, а белок-то, я думаю, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра!»

— Довольно. Б., прочтите это же самое.

Не надо напоминать, что во время чтения уч. А. я поправлял некоторые неправильно прочитанные слова, Всех ошибок при чтении первой статьи я не поправляю, потому что дети обыкновенно так плохо читают, что приходится останавливать их на каждом слове, а чрез это можно страшно надоесть детям, и статья потеряет всякий интерес в их глазах. Достаточно поправить важнейшие ошибки. Когда читал Б., я уже сам не поправлял замеченные мною ошибки, а просил поправлять самих учеников таким образом: когда Б. произнесет не так какое-нибудь слово, как следует, я обращался к целому классу с вопросом — так ли произнес Б. это слово? Многие прокричали ошибку, но ни я, ни другие ученики не могли понять поправки. Для избежания подобного шума, я объяснил ученикам, что в том случае, когда я буду обращаться с вопросом к целому классу, то ученики, желающие ответить, должны молча встать, а ответит только тот, на которого я укажу. Ну и так, кто заметил ошибку? Многие встали. Один из вставших заметил ошибку *.

— В., прочтите еще раз! Теперь закройте свои книги. Я буду предлагать вам вопросы из того, что вы прочли. Если вы читали со вниманием, то, конечно, не затруднитесь отвечать мне. Я сначала предложу вопрос, а каждый из вас придумает ответ; но вслух ответит только тот, кого я вызову.

— Куда отправились двое детей, брат и сестра? Г., отвечайте вы!

— Г. В школу.

— Ну, это не полный ответ. Надо давать на вопросы полные ответы, т. е. так, чтобы в ответе заключался мой вопрос и ваш ответ. Д., отвечайте вы!

---

* Один из педагогов, бывавший несколько раз на моих уроках, заметил, что удобнее детям, желающим ответить, поднимать правую руку, как это делается в германских и швейцарских школах.

— Д. Двое детей, брат и сестра, отправились в школу.

Примечание. Иногда дети сразу поймут, в чем состоит полный ответ, а если не поймут, то следует учителю самому сказать один или несколько полных ответов, и тогда уже следует объяснить детям, в чем заключается полнота ответа. Надо заметить также, что ученики, вследствие своей живой, детской натуры, несмотря на просьбу, беспрестанно отвечают все разом, один за другого, не выслушивают до конца вопроса, дают неполные ответы и проч. Со стороны учителя требуется много терпения, чтобы установить методический порядок классных занятий. Он должен это сделать не сердясь, без угроз, без наказаний, но непременно сделать; в противном случае или водворится навсегда беспорядок в классе, или ученики будут бояться отвечать.

— Е., мимо чего они должны были проходить? Ж., каково было на дороге и каково было в роще? З., что сказал брат сестре?

За этим, я попросил одних детей вспомнить мои вопросы, а других — ответы на них. Кто помнит мой первый вопрос? А какой был ответ на этот вопрос? и т. д. Кто теперь из вас повторит все ответы, один за другим? Пропущенный ответ замечался самими учениками.

Таким образом, как ни ничтожен был по объему прочитанный отрывок, однакоже в чтении его и в беседе о нем участвовало не менее двадцати человек. А главная обязанность учителя и состоит в уменье занять весь класс, беспрестанно его будить, чтобы внимание всех детей было напряженно.

— К., читайте дальше.

— Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуку в траву, взялись за руки и скрылись между зелеными кустами, под кудрявыми березками. В роще, точно, было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам, насекомые суетились в траве.

3. Прежде всего дети увидели золотого жучка.

«Поиграй-ка с нами, сказали дети жуку.

— С удовольствием бы, отвечал жук, но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

«Поиграй с нами, сказали дети желтой, мохнатой пчелке.

— Некогда мне играть с вами, отвечала пчела: мне нужно собирать мед.

«А ты не поиграешь ли с нами? спросили дети у муравья. Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить свое хитрое жилье».

Этот отрывок прочли трое новых учеников. Затем следовали вопросы:

Понравилось ли сестре предложение брата? Что после этого сделали дети? что делали в роще птички? белки? насекомые? *Каждый из вас назовет какую-нибудь птичку.* Когда ученики перечислили несколько птиц, тогда я им предложил более трудный вопрос: *Скажите, что знаете о каждой названной вами птице?*

Один отвечал, напр.,— соловей хорошо поет; другой — ворона каркает; третий — попугай говорит, воробей чирикает. Иные давали и такие ответы: собака лает. На это я заметил, что собака не птица, а следовательно, и ответ его — не на вопрос.

— *Теперь каждый из вас назовет какое-нибудь насекомое. Что-нибудь скажет про свое насекомое.*

Дети отвечали: пчела собирает мед; муха жужжит; божья коровка очень красива; бабочка порхает; комар больно кусается.

— А можно ли заменить слово кусается каким-нибудь другим словом? Жалит. Какое еще насекомое жалит?

Примечание. Подобные вопросы приучают детей самым незаметным для них образом правильно употреблять слова. Замечательно, что дети беспрестанно смешивали насекомых то с птицами, то с пресмыкающимися, то даже с рыбами.

Надо поправлять их, но не самому, а заставлять самих детей. Все это доказывает, с каким неразвитием дети поступают в школу благодаря плохому домашнему приготовлению.

Кого дети прежде всего увидели? Что сказали дети жуку? Что отвечал жук? Что сказали дети желтой, мохнатой пчелке? Что отвечала пчела? Что спросили дети у муравья? Отчего муравью некогда было их слушать?

Следовало повторение вопросов, ответов второго отрывка, а потом первого и второго вместе.

— К следующему разу прочтите со вниманием раза по два или по три то, что мы сегодня прочли, чтобы уметь отвечать на вопросы и рассказать прочитанное, но смотрите, не учите наизусть.

Урок 2-й

Второй урок начался повторением первого, т. е. детям предложены были вопросы, на которые они делали ответы в прошедший раз, а потом пересказывали прочитанное. После этого продолжалось чтение рассказа, таким же способом, как и предыдущий урок. Вторая половина класса была посвящена на письменные упражнения. Детям сначала был задан такой вопрос: какие животные встречаются в нашем рассказе? Некоторые ученики сделали такой ответ: в нашем рассказе встречаются следующие животные: пчела, муравей, белка, жук, голубь, малиновка и проч., а другие прибавили и прилагательные — золотой жук, хлопотливый муравей, желтенькая пчелка, белый голубь и проч. Эти ответы двое из учеников писали на классных досках, а остальные в своих тетрадях. Ошибки поправлялись целым классом таким образом: заметившие ошибку молча вставали, а поправлял тот, на которого я указывал; притом каждый должен был поправить ошибку так, чтобы весь класс понял, в чем состоит ошибка, а писавший на доске мог легко найти ее, т. е.

довожу каждого поправляющего до того, чтобы он сделал свое замечание подобным образом:

«У тебя во второй строке, в слове голубь — ошибка, вместо п, надо написать б».

После поправок я сказал детям, что после слов «В нашем рассказе встречаются следующие животные» следует поставить две точки, а после каждого слова, означающего названия животных, — запятые. А если я теперь скажу вам такую мысль: «В лесу водятся следующие звери: медведи, волки, белки», сумеете ли поставить знаки? Некоторые ученики догадались без всяких объяснений расставить правильно знаки.

— Не придумает ли кто-нибудь еще фразы, похожей на эту фразу относительно нашей классной комнаты, сада, леса и проч., где бы также надо было поставить две точки и несколько запятых.

Дети без особенного труда составили следующие мысли и расставили знаки:

«В классе находятся следующие вещи: доски, столы, скамьи, книги, тетради, чернила, перья».

«В саду растут следующие деревья: яблони, груши, сливы, вишня».

Таким образом, дети уже с первых уроков приучаются, хотя и бессознательно, вследствие одного только навыка, расставлять знаки. Для этой цели стоит только ученикам задавать такие вопросы, ответы на которые имели бы одинаковую форму.

В следующие уроки дети прочли еще несколько статей, вроде — «Дети в школе», «Персики», «Два козлика» и проч., с теми же устными и письменными упражнениями, какими сопровождалось чтение упомянутой статьи. Конечно, в подборе этих статей еще не видно никакой системы, потому что вся цель первых уроков состоит в приучении детей к порядку классных занятий, чтобы не развлекаться этим впоследствии, когда самые статьи по своему содержанию потребуют более объяснений.

II

О ВРЕМЕНАХ ГОДА

После нескольких уроков, посвященных на знакомство с детьми и на приучение их к классному порядку, я беседую с ними о временах года, разучиваю соответственные стихотворения, сопровождая и то и другое письменными упражнениями. Некоторые преподаватели на каждое из упомянутых упражнений назначают особый урок. Так: один урок в неделю употребляется только на чтение, другой — на разбор стихотворений, третий — на диктовку, четвертый — на грамматику. Я полагаю, что слишком однообразное занятие одним каким-нибудь делом, в течение целого часа, утомляет детей, наводит скуку, приучает к рассеянности и даже поселяет нелюбовь к предмету и труду, — одним словом, не соответствует живой детской натуре, которая требует перемены и отдыхает, переменяя занятие. Поэтому я стараюсь, сколько возможно, разнообразить урок. Так, иногда в один и тот же урок у меня идет беседа о каком-нибудь предмете; вслед за нею читается статья, соответствующая беседе, разучивается стихотворение, в котором в поэтическом образе представлен предмет беседы и чтения; встретился какой-нибудь идиотизм русского языка, — дети придумывают на него соответственные фразы, излагают письменно ответы и т. д.

По моему мнению, известная система должна быть в голове учителя, для детей же она формально не существует. Человек, незнакомый с потребностями первоначального преподавания, войдя в класс, примет мой урок за какой-то ералаш, винегрет, за какую-то игру; но я надеюсь, что педагогу подобная система не покажется странной.

Мне кажется, что описание времен года служит самым удобным материалом для начальных бесед с детьми, потому что почти все главнейшие особенности каждого времени года более или менее знакомы детям; це-

лым классом они могут высказывать сами почти все признаки времен года; притом времена года переносят их в тот мир явлений природы, о котором впоследствии придется говорить подробнее. А начинать с ближайшего и знакомого детям и постепенно переходить к менее знакомому и отдаленному есть одно из существенных правил педагогики. Приняв это правило за основу первоначального преподавания, прежде чтения более или менее знакомой детям статьи, я посредством вопросов вызываю у детей содержание статьи, а потом уже читаю ее с ними. Таким способом, с одной стороны, возбуждается самодеятельность ученика, а с другой стороны, усвоенное и, вследствие этого, непрерываемое излишними объяснениями чтение статьи приучает детей к сознательному и толковому чтению; притом, осмысленный таким образом рассказ дети передают последовательно и плавно.

Прежде нежели я начал беседовать с детьми о зиме, я предлагал целому классу следующие подготовительные вопросы:

1. Как называется сегодняшний день? 2. Сколько дней в неделе и какие? 3. Скажите эту мысль со знаками. 4. Напишите ее на доске*. 5. Сколько недель в году? 6. Сколько месяцев в году, и как они называются? 7. Скажите эту мысль со знаками. 8. Напишите ее на доске. 9. Какое теперь время года? 10. А сколько всех времен года и какие? 11. Скажите эту мысль со знаками.

Теперь следуют вопросы, относящиеся к статье «Зима».

Зима (4 урока)

1-й урок

1. Когда начинается зима? 2. Какие дни и ночи бывают зимой? 3. Что делается зимой с реками и озерами? 4. Чем покрывается земля? 5. Как вы думаете — поле-

* В то время, когда один или двое пишут ответы на досках, беседа продолжается своим чередом; когда ответы написаны, дети поправляют их целым классом.

зен или вреден снег для семян, трав, цветов и хлебов? 6. Что происходит зимой с деревьями? 7. Со всех ли деревьев опадают листья? 8. Не знает ли кто, как называются деревья, покрытые зелеными иголками, или хвоями? Прочтите теперь по книге то, о чем говорили. Дети читают. Теперь расскажите то, что прочли. К следующему разу еще раз прочтите то, что сегодня прочли, и напишите в своих тетрадях два ответа на следующие вопросы:

1. Какие деревья одеты листьями? 2. Какие деревья покрыты хвоями?

Примечание. После такого обстоятельного знакомства с прочитанным отрывком может показаться излишним мое требование, чтобы дети еще раз или два прочли его дома; но это я делаю исключительно с целью исправить у детей плохое бессознательное чтение, с которым обыкновенно поступают дети в школу. Не надо забывать, что от одной хорошо прочитанной и усвоенной страницы несравненно более пользы, чем от десяти прочитанных кое-как. Вопросы, на которые дети отвечают письменно, пишутся мною на доске и списываются ими в тетради. Ответы составляются в той же форме, к какой дети уже привыкли, а потому они должны написать ответы со знаками, а именно: *лиственные деревья одеты листьями*, как, напр., *береза*, *дуб*, *клен*. *Хвойные деревья покрыты, вместо листьев, зелеными иглами, или хвоями*, как-то: *ель*, *сосна*, *пихта*, *кедр*. Я с умыслом употребил в вопросах неодинаковые выражения — *одеты* и *покрыты*, с той целью, чтобы детей сразу приучать к разнообразию, а не к однообразию слога. Сделаю еще одно замечание: иногда дети не могут сразу разрешить вопрос сами, поэтому иногда приходится уклоняться от прямого вопроса и предлагать ученикам несколько косвенных вопросов, чтобы навести их на правильное разрешение прямого вопроса. Если который-нибудь из

учеников, хотя и разрешит вопрос, но ответ выразит или неполно, или неправильным языком, то я обращаюсь к целому классу с таким вопросом: кто скажет ответ более полный на этот вопрос? или: кто иначе разрешит этот вопрос? Правильный ответ повторяется тем учеником, который разрешил его неправильно, и двумя, тремя другими, более слабыми. Этим способом последние и сами мало-помалу приучаются к самостоятельному мышлению.

2-й урок

Второй урок начался повторением предыдущего. Потом предлагались следующие вопросы: 1. Как проводят зиму различные насекомые? 2. Все ли птицы остаются с нами зимовать? 3. Как называются те птицы, которые улетают от нас на зиму и которые остаются с нами зимовать? Каждый из нас назовет какую кто знает перелетную и зимующую птицу? Итак: 4. Какие птицы называются перелетными? 5. Какие птицы принадлежат к зимующим? 6. Скажите эти мысли со знаками. 7. Как проводят зиму различные звери? 8. Не знает ли кто-нибудь из вас, что делают в самое холодное время медведь, еж, байбак и другие звери? 9. Как можно назвать таких зверей, которые *зимою спят?* 10. Следовательно, как ответить на такой вопрос: какие звери называются *зимоспящими?* 11. Повторите этот ответ со знаками. 12. Что делает зимой белка, летучая мышь? 13. Где они скрываются от зимнего холода? 14. Что такое дупло? 15. А берлога? 16. Нора? Прочтем теперь то, о чем говорили. К следующему разу прочтите это еще раз и умейте рассказать прочитанное, да напишите три ответа на следующие три вопроса:

3. *Какие птицы называются перелетными?*
4. *Какие птицы принадлежат к зимующим?*
5. *Каких зверей причисляют к зимоспящим?*

Примечание. Ответы на эти вопросы уже более сложны, нежели на предыдущие, но все-

таки, по форме своей, они очень близко подходят к прежним: вся разница состоит только в том, что ученики должны вставить одно придаточное предложение. Таким образом, ответы учеников теперь будут такие: *перелетными птицами называются такие, которые улетают от нас на зиму в теплые края, как, напр., грачи, жаворонки, ласточки, дикие гуси, дикие утки и друг. К зимующим птицам принадлежат те, которые проводят зиму вместе с нами, как-то: вороны, галки, воробьи, тетерева, рябчики и друг. Зимоспящими зверями называют тех, которые на зиму засыпают, каковы: медведь, еж, байбак и друг.*

Вообще, практический опыт меня убедил в том, что, если хочешь, чтобы вместе с развитием, правильным чтением, уменьем выражать свои мысли определенно, отчетливо, логически шло и правильное письмо, то следует сначала утвердить детей изустно, а потом письменно в одной форме ответа, более легкой, потом постепенно переходить к более сложным ответам. Соответственно этому и следует придумывать вопросы.

3-й урок

Повторение двух предыдущих уроков. Потом предлагались вопросы:

1. Как проводит зиму городской житель? 2. Крестьянин? 3. Крестьянка? 4. Что делают зимой городские дети? 5. Деревенские?

Во время второй половины урока читали, разбирали и заучивали наизусть стихотворение Пушкина «Зима». В нем дети встретят то же, на что они только что ответили. Разбор этого стихотворения происходил следующим образом:

ЗИМА.

Зима... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь; ||
Его лошадка, снег почуя,

Плетется рысью как-нибудь; ||
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая; ||
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, | в красном кушаке. ||
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив; ||
Шалун уж заморозил пальчик; |
Ему и больно и смешно, |
А мать грозит ему в окно...* ||

1-й ученик. Начните читать: *«Зима... Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»*.

Довольно. 2-й уч. О ком говорится в этой мысли? 3-й уч. Кого называют крестьянином? 4-й уч. Что крестьянин делает? 5-й уч. Что значит обновляет путь? Что еще можно обновить? 6-й уч. На чем крестьянин обновляет путь? 7-й уч. Что такое дровни? 8-й уч. Как крестьянин обновляет путь? Что значит торжествуя? Почему ему весело?

9-й уч. Читайте следующую мысль: *«Его лошадка, снег почуя, плетется рысью как нибудь»*.

10-й уч. Кто плетется? Что значит плестись? 11-й уч. Что значит плестись рысью? Как еще лошадь может двигаться?

Кто скажет наизусть обе мысли? (Вызвались почти все.)

12-й уч. Прочтите третью мысль: *«Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая»*.

13-й уч. Что летит? Что такое кибитка? 14-й уч. Неужели кибитка может лететь? 15-й уч. Следовательно, как здесь надо понимать слово летит?

---

* Знак || означает продолжительную остановку, а | — короткую; притом первый поставлен с целью показать, до какого места читает каждый ученик.

16-й уч. Как летит кибитка? Не знает ли кто-нибудь, каким словом можно заменить слово бразда? А что такое борозда? 17-й уч. Где делают борозды? Для чего? А разве есть какое-нибудь сходство между бороздами в огородах и следами от саней? 18-й уч. Почему борозды названы здесь пушистыми? По какому признаку снег можно назвать пушистым и в каком случае?

19-й уч. «*Ямщик сидит на облучке в тулупе, в красном кушаке*». 20-й уч. Кто сидит? Кто называется ямщиком? 21-й уч. Где сидит ямщик? Что такое облучок? Следовательно, какая часть кибитки или телеги называется облучком?

А не знает ли кто-нибудь из вас, как называются другие части кибитки?

22-й уч. Напишите на доске, а вы все в своих тетрадях, ответ на следующий вопрос: *из каких частей состоит кибитка?*

Не заметил ли кто-нибудь из вас на доске ошибки?

23-й уч. В чем одет ямщик? Что такое тулуп? Из чего делается тулуп? Для чего ямщики подвязывают кушак?

24-й уч. «*Вот бегает дворовый мальчик, в салазки жучку посадив, себя в коня преобразив*».

25-й уч. Что такое дворовый мальчик? А как называются те мальчики, которые живут дома? Что такое салазки?

26-й уч. «*Шалун уж заморозил пальчик, ему и больно и смешно... А мать грозит ему в окно*».

27-й уч. Почему мальчику в одно и то же время и больно и смешно? За что грозит ему мать в окно? Теперь вы хорошо познакомились с этим стихотворением, так перечислите теперь те признаки зимы, которые встречаются в нем.

Когда было разобрано таким способом стихотворение, тогда только я прочел его два раза так, как следует читать. За мной прочли дети это стихотворение столько раз, сколько понадобилось для того, чтобы стихотворение было прочитано как следует.

Примечание. Нельзя не выразить сожаления, что у нас почти совсем нет таких стихотворений, которые бы и по форме и по содержанию были вполне доступны детям. Так, напр., только что разобранное стихотворение очень живо и понятно детям, но с трудом усваивается ими по своей форме, так как оно испещрено деепричастиями. Весьма замечательно, что дети так не любят деепричастий и причастий, что, произнося стихотворение, сами переделывают его в коротенькие, главные предложения, напр., они говорят: крестьянин *торжествует*, в дровнях *обновляет* путь; его лошадка снег *почует*... в салазки жучку *посадил*, себя в коня *преобразил*. Сочинителям детских песен и стихотворений не мешало бы иметь в виду эту особенность детского языка. При изложенном выше способе чтения и разбора стихов, ученики почти всегда знали наизусть разобранный отрывок, не выходя из класса. В низших классах так и надо вести преподавание, чтобы урок был выучен в классе, чтобы на дом не приходилось или вовсе задавать, или чтобы исполнение каждого заданного урока не занимало более $^1/_4$ часа и было бы только повторением изученного в классе. Не надо забывать, что всех уроков бывает 4. Особенно в этом отношении безбожны учителя иностранных языков. Они задают столько, что даже отличные ученики должны потратить на приготовление урока целый час; а слабые дети и вовсе не приготовляются. Не оттого ли языки идут у нас так плохо? Не помню, кто-то совершенно справедливо сказал: «Плохой тот учитель, ученики которого выходят из класса, не зная урока».

Читатель заметил, что я прямо дал детям читать это стихотворение, не излагая наперед его содержания и не читая его сам и притом соблюдая, чтобы каждый из учеников читал и разбирал одну мысль, следующий

другую и т. д. Это я делаю по многим причинам: во-1-х, чтобы приучить детей глубже вникать в каждую отдельную мысль, а то у нас часто читают стихотворения только потому, что в них есть музыкальность, рифма, а не вникают в смысл стихотворения; во-2-х, чтобы дать возможность всем детям участвовать в чтении и разборе стихотворения; в-3-х, чтобы приучить их отделять одну мысль от другой, а в-4-х, наконец, чтобы они приобрели навык читать стихотворение не по отдельным стихам, а по мыслям.

4-й урок

В следующий урок, одни дети говорили наизусть это стихотворение, другие объясняли слова, третьи писали стихотворение наизусть на классной доске. Ошибки поправлялись всем классом. При должной сноровке, опытности, энергии и быстроте в вопросах учителя, на все это достаточно $^1/_2$ часа времени. Остальное время употреблено на окончание статьи «Зима».

Упомянутым способом производились беседы о прочих временах года, и, кроме стихотворения «Зима» — Пушкина, разобраны и разучены еще три стихотворения: «Весна» — Майкова, «Песнь пахаря» и «Урожай» — Кольцова. Разборы последних двух стихотворений будут представлены в следующей статье. На все это употреблено 16 уроков. Таким образом, в течение 16 уроков дети прочли 4 статьи, усвоили их содержание, приучились излагать изустно отдельные мысли; выучили и усвоили 4 стихотворения, практически научились ставить некоторые знаки остановок, составлять простые и сложные предложения, приобрели навык в письме многих слов. Считаю нелишним изложить здесь все вопросы, предложенные мной детям во время чтения и беседы о 4 временах года для письменных ответов в тетрадях:

1. Сколько месяцев в году и какие?
2. Сколько времен года и какие?

3. Чем одеты лиственные деревья и какие?
4. Чем покрыты хвойные деревья и какие?
5. Какие птицы называются перелетными?
6. Какие птицы принадлежат к зимующим?
7. Каких зверей называют зимоспящими?
8. Составить мысль, где бы кстати были употреблены выражения: «*зги не видно*, *полынья*, *проталина*, *вереница*, *стая*, *стадо*, *толпа*, *караван*, *обоз*, *табор*, *рой*».
9. Какой хлеб называют *озимым* и какой *яровым?*
10. Какие птицы называются хищными, или плотоядными?

Примечание. Когда было прочтено два времени года, то повторение их сделано сравнительным способом. Детям предлагались такие вопросы: Когда начинается зима и когда весна? Какие месяцы составляют зиму и какие — весну? Какие дни и ночи бывают зимой и какие весной? Чем покрывается земля зимой и весной? Что делается с реками и озерами зимой и весной? Какой вид имеют деревья зимой и весной? Как проводят зиму и весну насекомые? звери? птицы? люди? Подобный способ повторения весьма полезен. Во-первых, он упражняет рассудок, способность, преимущественно сравнивающую, во-вторых, он разнообразит самое повторение, между тем как однообразие вопросов может надоесть детям, а с другой стороны, дает возможность детям давать правильные, более сложные ответы.

По окончании чтения всех времен года можно таким же способом провести сравнение по всем прочитанным статьям. Иные замечали мне, зачем я толкую с детьми о растениях и животных и не читаю с ними исторических статей или каких-нибудь нравственных рассказов. Но спрашиваю, как бы я мог с ними вести такую живую беседу, если бы дело шло о таком предмете, с которым они познакомились по книге? Тогда, поневоле, я должен бы был придерживаться книжных вы-

ражений, и дети и я были бы связаны, и невозможно было упражнять изустной речи, развитие которой, конечно, есть первая обязанность учителя русского языка и которая вместе с тем служит главным основанием для письменной речи.

III

ОБРАЗЦЫ РАЗБОРА СТИХОТВОРЕНИЙ

В настоящей статье мы приведем образцы разбора трех стихотворений: «Песня пахаря» и «Урожай» — Кольцова, «Кто он?» — Майкова. Первые два стихотворения читали и разбирали по книге, а последнее продиктовано ученикам, так как оно очень удобно для этой цели: мысли в нем очень коротки и правильны; постановка знаков может быть исполнена самими учениками, ибо в нем встречается уже знакомая им расстановка знаков.

Песня пахаря

Ну! тащися, сивка, пашней, десятиной; выбелим железо о сырую землю. Красавица-зорька в небе загорелась; из большого леса солнышко выходит. Весело на пашне! Ну, тащися, сивка! я сам-друг с тобою, слуга и хозяин. Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вею. Ну, тащися, сивка! Пашеньку мы рано с сивкою распашем: зернышку сготовим колыбель святую. Его вспоит, вскормит мать-земля сырая; выйдет в поле травка... Ну, тащися, сивка!.. Выйдет в поле травка, вырастет и колос, станет спеть, рядиться в золотые ткани. Заблестит наш серп здесь, зазвенят здесь косы: сладок будет отдых на снопах тяжелых! Ну, тащися, сивка!.. Накормлю досыта, напою водою, водой ключевою. С тихою молитвой я вспашу, посею: уроди мне, боже, хлеб — мое богатство!

Примечание. Это стихотворение разобрано и выучено. Опыт мне показал, что манера,

принятая в новейших книгах для чтения (Ушинского и Паульсона), печатать некоторые стихотворения прозою, чрезвычайно практична: во-1-х, сохраняется место, что имеет влияние на увеличение объема книги и понижение цены; во-2-х, чтение стихотворения в прозе избавляет детей от рубления стихов и приучает их к правильному чтению по мыслям; в-3-х, наконец, подобная форма печати может служить материалом для весьма полезных упражнений; напр., задать детям разделить прозу на стихи; при этом каждый стих они должны написать прописной буквой.

«Песня пахаря» была разобрана и выучена при других умственных и письменных упражнениях, указанных во 2-й статье.

1-й урок

«Ну! тащися, сивка, пашней, десятиной».

Кто тащися? Кто назван здесь сивкой? По какому признаку лошадь названа здесь сивкой? Кстати ли говорить крестьянину о сивке, чтобы она тащилась? Почему? Где сивка тащилась? Что такое пашня? Что такое десятина?

(Здесь учитель может нарисовать на доске поле, разбитое на десятины.)

«Выбелим железо о сырую землю».

Кто выбелим? т. е. кто мы? Какое железо выбелим? (То, которое находится на оконечности сохи). Следовательно, как надо понимать эту мысль?

Примечание. Немногие дети понимают эту мысль; приходится предложить ряд вопросов, чтобы дети дошли до уразумения, что *«выбелим железо о сырую землю»* значит — будем так долго и постоянно трудиться, что железо на сохе, от трения о землю, побелеет; железо без употребления заржавеет. При этом весьма кстати заставить детей прочесть маленький рассказ «Два плуга».

Итак, какой мыслью можно заменить мысль Кольцова? Следовательно, мысль Кольцова надобно понимать не в том смысле, как она кажется на первый раз.

Те слова и мысли, которые надобно принимать не в том смысле, в каком они обыкновенно употребляются, называются употребленными в переносном значении. Следовательно, как надо понимать мысль Кольцова: в прямом или переносном смысле?

«*Красавица-зорька в небе загорелась*».

Что загорелось? Что такое зорька? Какое это слово «зорька»?

Вы заметили, что почти в каждом стихотворении употребляются уменьшительные слова: это оттого, что русский народ в разговоре очень любит употреблять уменьшительные слова. Это замечательная особенность русского языка — заметьте.

Чем здесь названа зорька? Справедливо ли, как вы думаете? Что значит загорелась зорька? Значит, это слово надо понимать в прямом или переносном значении? Где загорелась зорька? Про что еще можно сказать: загорелось, загорелся? Можно ли из этой мысли догадаться, про какое время дня говорит поэт? Как вы думаете, что после зори покажется на небе? Значит, естественнее всего в следующей мысли сказать о чем? В самом деле, так ли это? прочтите-ка следующую мысль:

«*Из большого леса солнышко выходит*».

Так и есть! Не заметил ли прежде всего кто-нибудь из вас ошибки? Так. А не скажет ли кто-нибудь из вас, что это опечатка или Кольцов так нарочно написал? А кто говорит так? Следовательно, почему Кольцов употребил такое слово?

В стихотворениях, содержание которых взято из народной жизни, поэты иногда употребляют народные выражения, а не такие, какие употребляем мы.

Обратим внимание на слово *солнышко*.

В следующих 4 стихах следует объяснить слова «*я сам-друг*». Каждый из учеников пусть придумает

фразу, где бы кстати было употреблено выражение «я сам-друг». Разве может быть крестьянин слугой и хозяином своей лошади? Почему?

Разделим это стихотворение на отдельные стихи.

К следующему разу повторите эти стихи и научитесь их писать правильно наизусть по стихам.

В следующий урок почти полчаса употребляют на произношение стихов, повторение объяснений; пишут на доске, поправляют.

2-й урок

«Весело я лажу борону и соху, телегу готовлю, зерна насыпаю».

Кто лажу? Кто это говорит? Что значит лажу? А всегда ли лажу значит взять, приготовлять, поправлять? Что значит выражение: наладить одно и то же? Какие еще слова можно произвести от слова ладить? (Лад, ладно). Придумайте выражение на каждое из этих слов. (Можно самому привести и объяснить следующие выражения: *«на лад их дело не пойдет»*, *«на тысячу ладов тянул, переливался»*).

Что я лажу? Что такое борона и соха?

Примечание. Надо объяснить по моделям, если они есть, устройство и назначение бороны и сохи или нарисовать на доске, ученики скопируют, и в следующий урок сами начертят на доске.

Если учитель русского языка не умеет рисовать, то он может сговариваться с учителем рисования о том, чтобы он те предметы, о которых говорит учитель русского языка, рисовал детям. При таком способе много выиграет единство преподавания, отсутствием которого и страдают все наши учебные заведения. В заграничных учебных заведениях этот недостаток легко устраняется при существовании там классных учителей, которых у нас пока вовсе нет. Таким образом, при разборе этого стихотворения пусть учитель рисования начертит детям следующие зем-

ледельческие орудия: борону, соху, серп, косу, цеп, грабли, веяльную лопатку.

«Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вею...»

На что гляжу я? Что такое гумно?

(Объяснить устройство и назначение гумна.) Что такое скирда? Что значит молотить? Отделять зерна от соломы. Чем молотят? Цепами. Когда обмолотят хлеб, что с ним делают? (Сначала сгребают граблями солому, а потом сметают в кучу зерна вместе с пылью и колосовиною, потом веют.) Чем веют? Для чего? (Отделять зерна от пыли и колосовины.) Следовательно, что значит «веют»?

К следующему разу повторите стихи и напишите ответы на следующие вопросы: что такое борона, соха, гумно, скирда?

Надо, чтобы дети написали более или менее полные ответы, вроде: борона есть такое земледельческое орудие, которым боронуют, т. е. разрыхляют землю. Гумно есть такое сельское здание, где сохраняют хлеб в снопах, сушат, молотят и веют.

3-й урок

«Пашеньку мы рано с сивкою распашем».

Кто мы? Что значит «распашем»? Что распашем? А всегда ли пашенька употребляется в смысле «пашня»? (Поле, приготовленное для посева.) Придумайте по две фразы, чтобы в одной было употреблено слово «пашенька» в смысле «пашня», и в другом как имя мужское и женское «Паша, Пашенька».

«Зернышку сготовим колыбель святую».

Что приготовим для зернышка? Как надо понимать слово «колыбель»? Почему здесь колыбель названа святой?

Из следующих мыслей надо обратить внимание на выражение:

«Станет спеть, рядиться в золотые ткани».

Что будет спеть? Что значит рядиться? Во что колос будет рядиться? Разве есть у колоса золотая ткань? Значит, что сравнено здесь с золотой тканью? Следовательно, по какому признаку зреющий хлеб назван золотым? Итак, это выражение надо понимать в прямом или переносном смысле?

4-й урок

«Заблестит наш серп здесь».

Что заблестит? Что такое серп? Что делают серпом? (Жнут хлеб.)

Вследствие чего серп блестит в то время, когда им жнут? Следовательно, как можно проще выразить эту мысль?

«Зазвенят здесь косы».

Что зазвенят? Что такое коса? Что делают косой?

А всегда ли коса употребляется в смысле земледельческого орудия? (Дети придумывают фразы в обоих значениях.)

Каким словом можно заменить здесь «зазвенят»? А когда косят траву или рожь, разве косы звенят? Отчего звенят? Итак, какою другою фразой можно заменить эту фразу? *Здесь начнут косари косить хлеб; косы их будут звенеть оттого, что их часто будут острить.*

Вы видите, как можно иногда тремя словами выразить большую мысль. На это очень способен народный русский язык; оттого-то и надо запоминать такие народные выражения, чтобы впоследствии и самим их употреблять кстати. Подобные выражения нельзя перевести на другой язык, потому что они чисто русские, наши.

«Сладок будет отдых на снопах тяжелых».

А как вы думаете, можно ли было бы сказать: сладок будет отдых на снопах легких? Отчего не сладок? А отчего сладок будет отдых на снопах? Что такое сноп? Видал ли кто-нибудь, как вяжут снопы?

«Накормлю досыта, напою водою, водой ключевою».

Кто это говорит: «накормлю досыта»? Кого? Что значит: «накормить досыта»? Придумайте фразу, где бы кстати употребить *досыта*. Почему крестьянин обещает напоить лошадь водою ключевою? А почему она лучше воды речной, колодезной?

Напишите ответы на вопросы: что такое серп и коса?

Теперь вы хорошо понимаете все стихотворение; я вам прочту его, как следует читать; а вы заметьте хорошенько, как читаю, и постарайтесь сами так же прочитать, а в следующий урок хорошенько сказать его наизусть.

2. Урожай

1-й урок

Красным полымем заря вспыхнула; по лицу земли туман стелется: разгорелся день огнем солнечным, подобрал туман выше темя гор; нагустил его в тучу черную. Туча черная понахмурилась; понахмурилась, что задумалась, словно вспомнила свою родину... Понесут ее ветры буйные во все стороны света белого... Ополчается громом, бурею, огнем-молнией, дугой-радугой; ополчилася, — и расширилась, и ударила, и пролилася слезой крупною — проливным дождем на земную грудь, на широкую. И с горы небес глядит солнышко; напилась воды земля досыта.

2-й урок

На поля, сады, на зеленые люди сельские не насмотрятся; люди сельские божьей милости ждали с трепетом и молитвою. Заодно с весной пробуждаются их заветные, думы мирные. Дума первая: хлеб из закрома насыпать в мешки, убирать воза. А вторая их была думушка: из села гужом впору выехать. Третью думушку как задумали,— богу-господу помолилися; чем-свет по полю все разъехались; и пошли гулять

друг за дружкою, горстью полною хлеб раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахивать, бороны зубьем порасчесывать...

3-й урок

Посмотрю пойду, полюбуюся, что послал господь за труды людям: выше пояса рожь зернистая дремлет колосом почти до земли. Словно божий гость, на все стороны дню веселому улыбается; ветерком по ней плывет, лоснится, золотой волной разбегается...

4-й урок

Люди семьями принялися жать, косить под корень рожь высокую. В копны частые снопы сложены; от возов всю ночь скрипит музыка. На гумнах везде, как князья, скирды широко сидят, подняв головы. Видит солнышко — жатва кончена; холодней оно пошло к осени; но жарка свеча поселянина пред иконою божьей матери.

Это стихотворение было разобрано и разучено в четыре урока. Прежде нежели я стал читать и разбирать с детьми отдельные мысли, им был предложен ряд вопросов, которые вызвали у самих учеников отчасти содержание стихотворения. Вот эти вопросы: Если заглавие этого стихотворения «Урожай», то, как вы думаете, о чем будет говориться в этом стихотворении? Каждый из живших в деревне учеников назвал хоть один признак урожая. Какая погода необходима для урожая? когда? и почему? какие работы должен выполнять крестьянин и как, чтобы он мог надеяться на урожай? Какой хлеб должен быть во время урожая? Во сколько раз против посева надобно собрать хлеба. чтобы назвать сбор хлеба урожайным? Как выражает крестьянин свою благодарность богу за урожай? и т. д.

«Красным полымем заря вспыхнула».

Что вспыхнула? Что такое заря? Что значит вспыхнула? Как заря вспыхнула? Что такое полымя, и ка-

ким другим словом можно заменить это слово? А кто употребляет *полымя* вместо *пламя*? Следовательно, как можно назвать подобные выражения? Уместно ли здесь это слово и почему? Не знает ли кто пословиц со словом полымя? К каким случаям жизни можно применить эту пословицу?

«По лицу земли туман стелется».

Что стелется? Каким другим словом можно заменить стелется? Какие еще слова можно произвести от этого слова? Каким выражением можно заменить слова: по лицу земли? (По поверхности земли.) Следовательно, поверхность земли здесь сравнена с чем? Что такое туман?

> Примечание. Происхождение тумана, образование облаков и дождя было объяснено детям. Для наглядности хорошо привести сравнение тумана с паром, поднимающимся над самоваром; образование капель на холодной тарелке, приложенной к пару, даст понятие об образовании дождя.

Прочтем далее это стихотворение и посмотрим, в таком ли порядке рассказал Кольцов образование дождя, в каком мы его объяснили.

«Разгорелся день огнем солнечным».

Кто разгорелся? Разве можно сказать о дне, что он разгорелся? Когда о человеке говорят, что он разгорелся? Чем разгорелся день? Какое сходство и различие между обыкновенным и солнечным огнями? Можно ли из этого выражения составить себе понятие, какой был день?

«Подобрал туман выше темя гор».

Что значит подобрал туман? Куда туман поднялся? Вместо какого выражения употреблено здесь слово темя? Следовательно, по сравнению с какой частью тела здесь приведено слово темя? Не знаете ли вы еще какой-нибудь части горы, называемой по сравнению с телом человека?

«Нагустил его в тучу черную».

Какое явление природы выражено в этой мысли? *«Туча черная понахмурилась, понахмурилась — что задумалась, словно вспомнила свою родину...»*

Кто понахмурилась? Как может туча понахмуриться? Кто еще может хмуриться? Кто вспомнила свою родину? А где была родина тучи? Почему? Разве может туча опять возвратиться на землю? Для чего к слову вспомнила прибавлено *словно?* И каким другим выражением можно заменить слово *словно?* Скажите фразы с этим словом. Не скажет ли кто-нибудь из вас, чем обыкновенно сопровождается возврат тучи на землю?

«Поднимается ветер, буря, гремит гром, блистает молния, появляется радуга, падает дождь; после дождя солнце сияет ярче, природа оживляется». Посмотрите, есть ли все это у Кольцова?

Если у детей вызвать все эти явления, сопровождающие дождь, то им будут совершенно понятны все следующие мысли, в которых, кроме того, надо обратить внимание детей на выражения *буйный, ополчается, света белого — И пролилася слезой крупною — проливным дождем на земную грудь, на широкую.*

Отчего поверхность земли здесь сравнена с грудью и верно ли это сравнение? (Человеку свойственно на чужбине вспоминать о своей родине; крупные слезы невольно падают на *грудь.*)

Если дети поймут начало стихотворения, то следующие стихи для них будут уже совершенно ясны. Учителю уже не придется слишком долго останавливаться на объяснении отдельных слов и выражений. Да оно и лучше. Если загромоздить стихотворение различными объяснениями и толкованиями, то оно надоест детям и потеряет для них всякую прелесть.

Могу сказать, что, с помощью вышеизложенных объяснений, детям очень понравилось стихотворение «Урожай».

При чтении и разборе дальнейших стихов я останавливал внимание детей только на следующих выражениях:

«Люди сельские божьей милости ждали с трепетом и молитвою».

Какой это милости ждали крестьяне? Почему они ждали этой милости в одно и то же время с трепетом и молитвою?

«Заодно с весной пробуждаются их заветные, думы мирные».

Что пробуждается? думы, т. е. что? мысли, заботы. Что значит пробуждаются думы? Возобновляются, просыпаются. Вместе с чем пробуждаются их мысли? А разве весною что-нибудь пробуждается? Природа. Чем же выражается это пробуждение? Вскрываются реки, покрываются судами; реки оглашаются криком и песнями бурлаков; поля начинают зеленеть, появляются цветы, деревья одеваются листьями, прилетают птицы, поют, щебечут; люди радуются и веселятся. А в каком состоянии природа находится зимою? О чем пробуждаются у крестьянина думы весною? Отчего поэт назвал эти думы заветными и мирными? Что значит заветный? Нет ли у вас вещей заветных?

В следующих стихах надо объяснить слова и выражения: *«закроми, убирать воза, из села гужом в пору выехать, бороны зубьем порасчесывать».*

«Выше пояса рожь зернистая дремлет колосом почти до земли».

Что дремлет? А кто еще может дремать? Когда человек дремлет, что делается с его головой? Следовательно, когда рожь дремлет, то что делается с колосом? Каков должен быть колос, чтобы он мог от дуновения ветра наклоняться почти до земли? Для чего прибавлено к слову рожь — *зернистая*? Что показывает это слово? Что значит выше пояса? Следовательно, это выражение относится к колосу или стеблю? Как иначе называется стебель хлеба? А зачем крестьянину длинная солома?

«Ветерок по ней плывет, лоснится, золотой волной разбегается...»

С чем здесь сравнена нива? А разве есть какое-ни-

будь сходство между морем и нивою? Почему волны, производимые ветром на ниве, названы золотыми? Что такое лоснится?

«*В копны частые снопы сложены*».

Что такое сноп? Что такое копна? Для чего снопы складывают в копны? Что хотел выразить Кольцов, прибавив к слову *копны* частые? Значит, хлеба было много или мало? Видите, какое значение придает одно слово, кстати употребленное.

«*От возов всю ночь скрипит музыка*».

Что здесь названо музыкой? А разве можно назвать скрип колес музыкой? Для кого может быть приятна эта музыка? Почему для крестьянина и помещика? Кстати ли здесь прибавлено слово «*всю*» к слову ночь? Почему же снопы не перевозят днем, а ночью?

«*На гумнах везде, как князья, скирды широко сидят, подняв головы*».

Что такое гумно? Что такое скирда? С кем здесь сравнена скирда? А почему князья сидят широко? Какую часть скирды можно назвать головой? и т. д.

КТО ОН?

На берегу Невы великой,
По тропиночке лесной
Ехал всадник. || Вкруг все дико: |
Ель, | сосна, | да мох седой. ||
Перед ним рыбачья хата. ||
Под сосной, у синих волн
Старый рыбарь бородатый
Колотил дырявый челн. ||
Всадник молвил: | «Дед, здорово! ||
«Бог на помощь! || Как живешь? ||
«Много ль ловишь ты, || и лова
«Где добычу продаешь?»
Отвечал старик сердито: |
«Рыбы мало ли в реке? ||
«Только нет иного сбыта, |

«Как в соседнем городке.
«Да теперь мне что в ловитве?
«Вишь, какая здесь возня! ||
«Вы дрались, || а бомбой в битве
«Челн прошибло у меня».
Всадник прочь с коня; || безмолвно
Взял топор и млат с пилой, |
Мигом сбил борты у челна, |
Руль привесил за кормой.
«Ну, старинушка, | готово! ||
Смело в воду челн содвинь, ||
«И на счастие Петрово
«Сети на море закинь!»
Он исчез. || Старик строптивый
Думал молча: | что за диво? ||
«С виду смотрит он царем,
«А горазд так | топором».

А. Майков

1-й урок

Я вызываю четырех учеников и диктую им первый куплет. Остальные пишут в своих тетрадях. Продиктовав первый куплет, я сам прочел его два раза. За мною прочли пишущие на досках. Потом я читаю первую мысль. За мной читает один из учеников; следуют вопросы:

Кто ехал? Что всадник делал? Кого называют всадником? Где всадник ехал? Что такое тропинка? Почему к слову тропиночка прибавлена лесная? Какая разница между словами тропа, тропинка и тропиночка?

Здесь можно напомнить детям различие уменьшительных и увеличительных слов.

Придумайте фразу с уменьшительным словом. Где находится лес? Что такое Нева? А что такое река?

Ученики дадут неполное или же заученное книжное определение реки. До сознательного понимания реки можно довести их подобными вопросами:

Если бросить щепку в реку, что с нею будет? В какую сторону она поплывет? Почему? Значит, все реки текут? почему? Когда вы пьете речную воду, какой вкус вы ощущаете? Когда вы плывете по реке, что замечаете по обе ее стороны? Как отличить правый берег от левого? А мы живем на правом или на левом берегу реки? Соедините все то, что до сих пор сказали про реку, и выведите определение реки.

С помощью учителя дети могут быть доведены до полного и сознательного определения реки.

По какому признаку река Нева названа великою — по длине ее, по ширине или глубине? А не знаете ли, сколько верст протекает р. Нева, откуда вытекает и куда впадает? Значит, Петербург лежит при верховье или устье р. Невы?

Читаем вторую мысль. Что дико? Что здесь надобно понимать под словом *«все»*? *Местность, природу.*

Почему такую местность можно назвать дикою? Что такое ель и сосна? Следовательно, какие деревья называются хвойными? Как отличить ель от сосны?

Произведите уменьшительные от слов ель и сосна. По какому признаку мох назван здесь седым?

После такого подробного объяснения каждого слова можно уже предложить такой вопрос: прочтите все то, что относится к всаднику и к природе, которая его окружала. Так. А если здесь говорится о двух предметах, то, значит, в этих четырех стихах две мысли; одна мысль от другой отделяется точкой, значит, где надобно поставить точку? Следующее после точки слово начинается прописной буквой. Значит, какое слово надо начинать прописною буквою? Поправьте ошибку... Во второй мысли, после слов «вкруг все дико», следует перечисление предметов, а перед перечислением предметов, вы знаете, ставится двоеточие. Следовательно, где надо поставить двоеточие? Если стоит рядом несколько слов, означающих название предметов и отвечающих на один и тот же вопрос, то такие слова отделяются

запятыми. Следовательно, между какими словами, во второй мысли, надо поставить запятые?

Не заметил ли из вас еще кто-нибудь ошибки в том, что написано на доске?

Разобрав первый куплет, вызываю к доске еще нескольких и диктую второй куплет. Читаем вторую мысль.

«Перед ним рыбачья хата». Какой предмет этой мысли?

Что такое хата? Почему к слову «хата» прибавлено слово «рыбачья»? Следовательно, кого можно назвать рыбаком? Не пропущено ли тут какое-нибудь слово, которое необходимо было бы прибавить к предмету этой мысли?

Читаем вторую мысль. Кто колотил дырявый челн?

Что такое рыбарь? Как надо понимать здесь слово «колотил»? Всегда ли «колотил» означает «чинил»? А в каком смысле употребляется еще слово «колотил»?

Придумайте по две фразы, чтобы в одной фразе слово «колотил» было употреблено в смысле «бил», а в другой — в смысле «чинил». Что такое «рыбарь колотил»? Что такое челн? Какое еще слово можно произвести от слова челн? *Челнок*. По какому признаку челн назван здесь дырявым? Где рыбарь колотил дырявый челн? Следовательно, что надо понимать под выражением «у синих волн»?

(Следует постановка знаков и поправка ошибок, как и прежде.) Напишите, кого можно назвать рыбарем? Что называется челноком?

К следующему разу повторить еще раз эти восемь стихов: постарайтесь писать их правильно, наизусть и напишите ответы на следующий вопрос: Что такое река?

Вопросы ко второму уроку

«Всадник молвил». Что значит «молвил»? Что значит «добычу лова»? Когда поэт говорит не от себя, а от другого лица, то перед чужими словами ставится двоето-

чие и вносные знаки. Следовательно, где надо поставить двоеточие и вносные знаки? Поставьте. Придумайте сами подобную фразу.

Перед каждым стихом чужих слов также надо поставить вносные знаки. Поставьте. После окончания чужих слов также надо поставить вносные знаки. Всадник кончил говорить, дальше будет отвечать старик. Следовательно, где еще надо поставить вносные знаки? (Прочие знаки говорятся без объяснения причины их постановки; но обращается внимание на произношение вопросительных и восклицательных фраз.)

Что такое сбыт? Как понимать выражение: «*да теперь мне что в ловитве*»? Что надо понимать под словом «возня»? Что такое бомба?

К кому относятся слова: «*вы дрались*»? Как дрались? Можно ли применить здесь и где то, что я сказал вам уже относительно постановки двоеточия и вносных знаков? Не прочитал ли я вам в этом куплете некоторых стихов так, как я читал в предыдущих? Следовательно, где бы вы поставили вопросительные и восклицательные знаки?

Перед словами *как* и *а* всегда ставится запятая; следовательно, где надо поставить запятые?

Вопросы к третьему уроку

Что всадник сделал? А что еще? Что такое топор? Что такое молот? Вместо какого слова употреблено слово млат? Почему? Для складу. Что такое пила? Что такое борты, руль, корма? Следовательно, из каких частей состоит лодка? (Учитель рисует на доске лодку, ученики срисовывают в свои тетради.) К кому относит всадник слова: «И на счастие Петрово, сети на море закинь». Следовательно, всадник был кто? А не знает ли кто-нибудь из вас, давно ли жил Петр? (Можно при этом кое-что сказать детям об основании Петербурга.)

(В последнем куплете следует объяснить слово «*горазд*».) Придумайте фразы, где бы кстати употребить

слово «горазд». Не сумеете ли вы поставить некоторых знаков?

Письменные задачи. Что такое топор, молот и пила? Из каких частей состоит лодка и назначение каждой части.

IV

1. БЕСЕДА О ЧЕЛОВЕКЕ, СОЕДИНЕННАЯ С ЛЕГКИМИ ПИСЬМЕННЫМИ РАССКАЗАМИ ПО ТАБЛИЧКАМ

От времен года я перехожу к статье о человеке. На эту статью я смотрю как на материал для учителя, который он должен передать своим ученикам в устной беседе, потому что в чтении она очень скучна; между тем как в живом разговоре с учениками беседа очень оживлена, и дети не скучают. Рядом с беседами идут постоянно письменные упражнения, которые все более и более усложняются и переходят в коротенькие рассказы. Для облегчения учеников я составляю им таблички, которые сам пишу на доске, а ученики списывают в тетради. При этом учитель должен зорко следить почти за каждым учеником, чтобы он списал совершенно верно и тщательно табличку со всеми чертами, отделениями, скобками и словами, потому что от правильно скопированной таблички зависит и правильность как устного, так и письменного рассказа. На эту мелочь я обращаю особенное внимание, потому что дети по своей рассеяности обыкновенно списывают с доски очень небрежно, что ведет к большим ошибкам, от которых потом с трудом отвыкают.

1-й урок

Назовите главные части своего тела? Следовательно, из скольких главных частей состоит ваше тело?Какую форму имеет голова? Как называется верхняя часть головы, выдающийся зад и передняя часть? Что каждый из вас замечает в лице — напишите этот ответ! Что соединяет голову с туловищем? Что мы можем де-

лать головою и посредством гибкой шеи? Какие главные части туловища? Сколько у нас рук и ног? и как они различаются? Из скольких частей состоит рука и нога? Напишите этот ответ. Что мы замечаем в кисти руки и в ступне? Напишите этот ответ. Повторите все то, что мы говорили сегодня о частях человеческого тела.

2-й урок

Почти весь второй урок пойдет на списывание и чтение следующей таблички, если учитель хочет, чтобы дети совершенно правильно ее списали.

Части человеческого тела

1. Голова	1. Темя 2. Затылок 3. Лицо		
		1. Лоб 2. Глаза 3. Виски 4. Нос 5. Рот 6. Скулы 7. Щеки 8. Подбородок 9. Уши	
2. Шея			
3. Туловище	1. Грудь 2. Живот 3. Спина		
4. Рука	1. Плечо 2. Предплечье 3. Кисть		
		1. Ладонь 2. Пальцы	Три или два сустава и ногти
5. Нога	1. Бедро 2. Голень 3. Ступня		
		1. Подъем 2. Подошва 3. Пятка 4. Пальцы	Три или два сустава и ногти

Постарайтесь к следующему уроку хорошенько переписать эту таблицу.

3 й урок

Пишу опять на доске табличку. Ученики поверяют по ней свои вновь списанные таблички. Потом я предлагаю сначала такие отдельные вопросы, на которые дети дают ответы, глядя в таблички, а ряд ответов составит целый коротенький рассказ. Дети говорят этот рассказ прежде устно и притом сначала без знаков, а потом со знаками, тем более, что в рассказе встречаются только такие знаки остановок, с которыми дети уже знакомы, наконец, весь рассказ дети составляют письменно. Рассказ выйдет вроде следующего.

Главных частей человеческого тела семь: голова, шея, туловище, две руки и две ноги. Голова состоит из трех частей: темени, затылка и лица. В лице я замечаю: лоб, виски, глаза, нос, рот, скулы, губы, щеки и подбородок. По сторонам головы уши. Шея соединяет голову с туловищем. Посредством гибкой шеи я могу наклонять, подымать и поворачивать голову. Туловище состоит из трех частей: груди, живота и спины и т. д.

Об органах внешних чувств

4-й урок

Что вы различаете, напр., в этом столе посредством зрения? Что он желтый, т. е. что? — цвет. А еще что? и т. д. Итак, посредством зрения вы узнаете цвет, величину, число и форму предметов. Вы слышите звон колокола? Каким чувством вы это узнали, неужели зрением? А чем же? Слухом. А вот из соседнего класса долетают до нас звуки голоса? Чем вы это слышите? Следовательно, что вы различаете слухом? Слухом я различаю — стук, крик, шелест, звон, звуки голоса, музыкальных инструментов и вообще всякие звуки.

Когда подобным способом ученика познакомят со всеми пятью внешними чувствами, я им предлагаю такие задачи:

Каждый из вас придумает мне относительно какого-нибудь предмета такое его свойство, которое бы можно определить только зрением? или слухом? или обонянием? и т. д.

Дети придумывают такие, напр., мысли:

Для зрения:

Я сегодня видел в саду розу.

Этот стол четырехугольный.

Здесь 10 скамеек.

Эта комната больше той.

Красным полымем заря вспыхнула.

Для слуха:

Я слышу звон колокола.

Отворяется первая рама.
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса!

Мне нравится пение соловья.

В зале играют на фортепиано.

Пастух играет на свирели.

Для вкуса:

Редька — горька.

Сахар — сладок.

Клубника очень вкусна.

Сегодня к обеду подавали соленые огурцы.

Для обоняния:

Здесь пахнет дымом.

Жасмин хорошо пахнет, а георгин не имеет вовсе никакого запаха.

Для осязания:

Мне холодно.

Здесь жарко.

Я люблю обливаться холодной водой.

И т. д. и т. д.

Разумеется, что дети беспрестанно ошибаются;

надо их поправлять; но класс бывает необыкновенно оживлен.

К следующему разу каждый из вас напишет те мысли, которые здесь придумывал; да еще напишете ответ на вопрос: сколько у человека внешних чувств и как они называются.

5-й урок

Дав понятие об органах человеческого тела, я спрашиваю:

Следовательно, что служит органом зрения? Органом осязания? и т. д. Как ответить на этот вопрос? Какие части человеческого тела служат органами внешних чувств? Рассмотрим теперь поподробнее орган зрения.

Где расположены наши глаза? Что я замечаю среди глаза? Какого цвета он всегда бывает? Что окаймляет зрачки? Что находится вокруг райка? а в углах глаза? Чем закрываются глаза? Чем опушены веки? Что растет над глазами?

Соедините все ответы в один рассказ, и т. д.

6-й урок

На 6-й урок пишется на доске табличка об органах внешних чувств.

7-й урок

Дети составляют устный рассказ по этой табличке в таком роде:

«Всех органов внешних чувств у человека пять: орган зрения — глаза, орган слуха — уши, орган обоняния — нос, орган вкуса — рот, орган осязания — вся поверхность нашего тела. Глаза наши расположены в глазных впадинах. Среди глаза я замечаю черный зрачок. Зрачок окаймлен разноцветным райком. Вокруг райка находится белок, а в углах глаза виднеются красноватые мочки. Глаза закрываются двумя веками: верхним и нижним; верхнее подвижно, а нижнее непо-

Органы внешних чувств

1. Орган зрения	1. Глаз	1. Глазные впадины 2. Зрачок 3. Раек 4. Белок 5. Мочки 6. Веки 7. Ресницы 8. Брови	
2. Орган слуха	2. Ухо	1. Ушная раковина 2. Слуховой канал 3. Барабанная перепонка	
3. Орган обоняния	3. Нос	1. Корень носа 2. Переносье 3. Кончик носа 4. Носовая перегородка 5. Ноздри 6. Слизистая оболочка	
4. Орган вкуса	4. Рот	1. Полость рта 2. Нёбо 3. Язык 4. Десны 5. Зубы	1. Коронка 2. Корень 3. Резцы 4. Клыки 5. Коренные зубы 6. Молочные 7. Постоянные
5. Орган осязания	5. Поверхность всего тела	6. Глотка	

движно. Веки опушены ресницами. Над глазами растут брови» и т. д.

К следующему уроку дети излагают этот рассказ письменно.

Таким же способом дети познакомились со скелетом с помощью следующей таблички:

1. Кости головы	1. Череп 2. Челюсти 3. Зубы	
2. Кости туловища	1. Хребетной столб 2. Ребра 3. Грудная кость 4. Ключица 5. Лопатка 6. Тазовые кости	
3. Кости рук	1. Плечевая 2. Локтевая 3. Лучевая 4. Кости кисти	1 Запястье 2. Пясть 3. Суставы пальцев
4. Кости ног	1. Бедро 2. Большая берцовая 3. Малая берцовая 4. Предколенник 5. Кости ступни	1. Плюсна 2. Предплюсна 3. Суставы пальцев

После этого дети знакомятся с другими частями человеческого тела. В «Детском мире» в статье о человеке говорится и о способностях и душевных внутренних чувствах человека; но я полагаю, что беседовать о них с десятилетними детьми еще рано, а потому и отложу эти беседы к концу 2-го года.

Таким образом, дети в несколько уроков привыкли к систематическому рассказу, что и есть главная цель

бесед о человеке; удерживать же систему в голове помогал им отчасти самый предмет, им знакомый, и отчасти таблички, запечатлевшиеся в их памяти; потому что, как я убедился, в памяти детей запечатлевается глубже то, что они видели, чем то, что слышали. Во время бесед о человеке дети к книге вовсе не обращались, в этом случае она служила пособием только для учителя.

Беседа о человеке разнообразилась изучением и разбором стихотворений, чтением из книги прозаических рассказов. Так, в параллель с беседою «О человеке» прочтены и разобраны: «Органы человеческого тела», сказка «О рыбаке и рыбке», «Ось и чека», «Школьник» — Некрасова, «Всенощная в деревне» — Аксакова и др. Кроме того, начались грамматические упражнения.

2. ПЕРВЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

Чтение прозаических статей, беседа о временах года и о человеке, разбор и заучивание стихотворений — одним словом, все изложенное в трех моих статьях, займет, по крайней мере, половину года. С этого времени можно приступить уже к первым грамматическим упражнениям, на которые сначала совершенно достаточно употреблять минут 20, распределяя занятия целого урока таким образом: в начале урока — беседа, в средине — грамматические упражнения, в конце — чтение или стихотворение. При этом я сделаю одно замечание, в практичности которого я убедился долгим опытом. *Как бы учитель ясно ни объяснил детям то или другое грамматическое правило, они не усвоят его до тех пор, пока сами не придумают примеров на каждое правило, и притом как можно более.* Поэтому в грамматических упражнениях играет важную роль вовсе не принятая научная система и объяснение учителя, а сообщение детям только таких правил, которые соответствуют уровню их развития и приобретенному материалу, а главное—собственная практика детей. Я начинаю граммати-

ческие упражнения с состава предложения на том основании, что дети знакомы уже с частями предложений и их отношением друг к другу из постоянных вопросов, которые делают при разборе читаемой статьи или стихотворения, хотя дети еще не слыхали грамматических терминов. Вспомним, напр., что при разборе следующего отрывка:

Под сосной, у синих волн,
Старый рыбарь бородатый
Колотил дырявый челн.

Детям предлагались вопросы: Что колотил? Кто колотил дырявый челн? Что делал рыбарь? Что колотил? Какой рыбарь? Где колотил? Таким образом, здесь встречаются все части предложения.

Примечание. Из моих постоянных вопросов читатель, вероятно, заметил, что я начинаю разбор предложений не с подлежащего, а со сказуемого. Это я делаю, во-первых, для того, чтобы обратить внимание детей на главный предмет мысли, т. е. на подлежащее, а во-вторых, чтобы сразу приучить детей к той форме, в какой обыкновенно употребляется подлежащее, т. е. в прямых падежах. А то некоторые спрашивают, напр., так: о ком или о чем здесь говорится? Одни ученики по необходимости должны отвечать о рыбаке, другие, — о челне, третьи — о сосне и т. д.

Объяснив детям, что такое предложение, назвав им части предложения, я говорю им вместе с тем, каким вопросам соответствует та или другая часть предложения в приведенном на этот случай отрывке. Потом пишу на доске только одни названия частей предложения:

1. Подлежащее.
2. Сказуемое.
3. Дополнение.
4. Определение.
5. Обстоятельство.

Потом я предлагаю ученикам ряд подобных задач.

Придумайте или припомните из выученных стихотворений или прочитанных статей предложение, которое состояло бы из двух слов — подлежащего и сказуемого.

Подлежащее есть то слово в предложении, которым обозначается главный предмет мысли, а сказуемое есть то слово, которое показывает, что̀ предмет делает или в каком положении находится. Затем сам привожу примеры.

Дети также придумывают, напр., следующие выражения:

Крестьянин пашет.

Ученик рисует.

Лошадь везет.

Вместе с тем я требую, чтобы каждый придумавший предложение сказал его и сам разобрал таким образом: *Крестьянин пашет.* Кто пашет? Крестьянин. Что делает крестьянин? Пашет. Следовательно, подлежащее — *крестьянин*, а сказуемое — *пашет.*

Теперь каждый из вас прибавит к своей мысли дополнение, т. е. такое слово, которое обыкновенно ставится для пояснения сказуемого и отвечает на вопросы: кто? что? кого? чего? кем? чем? о ком? о чем?

Крестьянин пашет поле.

Ученик рисует картину.

Лошадь везет воз сена.

Ученики говорят и разбирают.

Каждый из вас прибавит к своей мысли определение, т. е. такое слово, которое обыкновенно ставится для пояснения подлежащего, определяя какое-нибудь качество главного предмета мысли. Определительные слова обыкновенно отвечают на вопросы какой? какие? и т. д.

Трудолюбивый крестьянин пашет поле.

Гнедая лошадь везет воз сена.

Прибавьте обстоятельство, т. е. такое слово, которое показывает *когда? где? как?* или *почему* то случилось, что выражено в мысли.

Трудолюбивый крестьянин пашет поле рано утром.

Прилежный ученик рисует картину в классе.

Гнедая лошадь везет воз сена очень тихо.

Ученик должен разобрать так: Кто пашет? Крестьянин: крестьянин — подлежащее, а пашет — сказуемое. Что пашет? Поле — дополнение. Какой крестьянин пашет поле? Трудолюбивый — определение. Когда трудолюбивый крестьянин пашет поле? Рано утром — обстоятельство времени.

К следующему уроку каждый из вас напишет по 4 мысли: чтобы в первой мысли было только подлежащее и сказуемое; во второй — подлежащее, сказуемое и дополнение, в четвертой — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство. Несколько учеников повторяют задачи.

Ко второму уроку можно задать такую задачу: напишите по 5 мыслей с тем, чтобы в каждой были все части предложения.

К третьему — также по 5 мыслей, но с тем, чтобы некоторых частей предложения было по две, и т. д.

Примечание. Мне кажется, что, посредством таких постоянных грамматических упражнений над составом предложения, дети вполне усвоят как самое название частей предложения, так и их надлежащее употребление, назначение и соотношение. Надобно при этом заметить, что дети довольно легко придумывают мысли, благодаря тому материалу, который они уже раньше приобрели. Некоторые из них припоминают очень дельные мысли из выученных стихотворений, письменных ответов, бесед, прочитанных статей и даже из священной истории, географии, арифметики. Впрочем, я требую постоянно, чтобы ученики говорили о том, что узнали из различных наук, а не приводили каких-либо пустых примеров. Если дети затрудняются тотчас после объяснения придумать соответственные слова, то свое объяснение я подкрепляю примерами.

Заданные на дом задачи лучшие дети в классе читают и разбирают устно, а худшие — пишут на доске. Ошибки поправляются целым классом.

V

БЕСЕДЫ О ЖИВОТНЫХ, СОЕДИНЕННЫЕ С ЛОГИЧЕСКИМИ И ГРАММАТИЧЕСКИМИ УПРАЖНЕНИЯМИ

От бесед о человеке я перехожу к описанию животных. При этом я соблюдаю следующую постепенность.

1. Беседа о первых животных ограничивается отдельными ответами на предложенные вопросы; дети сами находят признаки этих животных и т. д.

2. Когда дети познакомятся с двумя или тремя животными, то они с помощью моею делают сравнение двух животных, сначала устно, а потом письменно.

3. Описания животных, рассказанные в книге и дополненные моими объяснениями, дети читают сами и передают рассказ устно, но только по моей программе. Эта программа дается им для того, чтобы, с одной стороны, они не вздумали заучивать наизусть рассказ по книге, а с другой, чтобы приучить их к связному и правильному рассказу.

4. Предлагаются им для рассмотрения незнакомые животные, но которые имеют общие признаки с животными, им уже известными.

5. Когда пройдется целый отряд животных, то я приношу в класс модели многих животных, принадлежащих к пройденному отряду; дети должны их привести в порядок, потом я пишу на доске соответствующую табличку, по которой дети составляют сначала устный, а потом письменный систематический рассказ.

6. Точно так же поступается, когда бывает пройден целый класс животных.

Для каждого из этих упражнений я предлагаю здесь примерные уроки.

1. Лошадь

Я приношу в класс несколько моделей этого животного и раздаю их детям*. Первый вопрос мой относится к тем детям, перед которыми были модели или картины. Ответившие передавали модели следующим детям, которые отвечали на второй вопрос. Это делалось для того, чтобы модель побывала в руках у всех детей, тем более, что это доставляет детям истинное удовольствие, уравнивает их и уничтожает предпочтение.

Из каких главных частей состоит тело лошади? Скажите эту мысль со знаками. Напишите ее. Какая у лошади голова? шея? грудь? туловище? ноги? Каким животным можно назвать лошадь по числу ног? Следовательно, как ответить на такой вопрос: какие животные называются четвероногими? Скажите эту мысль со знаками. Напишите. Поправьте. Чем вооружены ноги лошади? Каким животным можно назвать лошадь по устройству копыт? Не знает ли кто-нибудь из вас еще однокопытное животное? Мул, осел. А то вот еще однокопытное животное — зебра; оно живет в Африке. Следовательно, определите и перечислите однокопытных животных.

Чем покрыто тело лошади? Что находится на шее лошади? на лбу, между ушами? на ногах у копыт? а сзади? Как различают лошадей? а вместо по шерсти, как говорят? По масти. Так какой масти бывают лошади? Какие у лошади глаза? уши? рот? губы? Что мы замечаем особенного в ногах лошади? Как устроен у нее позвоночный столб? так ли, как у человека? Посмотрите. Как лошадь кормит своих жеребят? Следовательно, по этому признаку лошадь можно назвать каким животным? Чем питается лошадь? Следовательно, каким

* Там, где нет моделей, можно заменить их картинами, а где и таковых не имеется, то учителю необходимо самому нарисовать лошадь на доске в большом виде; если же учитель русского языка не в состоянии этого сделать, то следует обратиться к учителю рисования. Без модели же, картины или рисунка *наглядной* беседы быть не может.

животным можно назвать лошадь, потому что она *ест* траву? Имеет ли лошадь такие же внешние чувства, как и человек? Ведь лошадь не говорит, чем же вы докажете, что она имеет слух? зрение? вкус? обоняние? осязание? Этот вопрос относится ко всем детям, и каждое из них говорит какой-нибудь признак лошади, по которым можно доказать, что лошадь имеет то или другое внешнее чувство. Но какое внешнее чувство особенно развито у лошади? Чем это доказать? Каждый из вас назовет мне какую-нибудь пользу, приносимую лошадью. Скажите все, что до сих пор было говорено о лошади,

К следующему разу прочтите по книге раза два про лошадь и напишите ответы на следующие вопросы:

1. Какие животные называются четвероногими?
2. Каких животных причисляют к однокопытным?
3. Какие животные называются млекопитающими и травоядными?

П р и м е ч а н и е. Таким же точно способом были пройдены: осел, корова и овца.

Письменные ответы, как читатель заметил, вероятно, по своей форме совершенно схожи были с теми ответами, какие составляли ученики, когда беседовали о временах года. Следовательно, подобные ответы служили повторением для учеников и поверкою для учителя.

2. Сравнение лошади и коровы

Прежде детям я объяснил, что значит сравнить два предмета между собою. Для примера прочел им из книги «Детский мир» сравнение классной доски и грифельной доски.

Теперь каждый из вас назовет какой-нибудь признак сходства между лошадью и коровою. Разумеется, что дети говорят признаки в страшном беспорядке и постоянно смешивают признаки сходства с признаками различия. Сколько я помню, их ответы были такого рода:

Лошадь имеет голову и корова тоже. Лошадь имеет нос и корова тоже. Корова имеет рога и лошадь... уче-

ник замечает ошибку и садится. Лошадь принадлежит к четвероногим животным и корова тоже и т. д.

Если бы я теперь попросил кого-нибудь из вас перечислить все указанные вами признаки сходства, то, во-первых, не было бы никакого порядка в этом перечислении, а во-вторых, напрасно повторили бы много лишних слов: корова, лошадь, тоже. Как этого избегнуть? Я вам помогу. Все, что вы сказали, можно изложить в трех или четырех мыслях. Вызываю лучших учеников.

а) Как вы ответите на такой вопрос: к каким животным принадлежат лошадь и корова по их жизни, числу ног, пище и т. д.?

Корова и лошадь принадлежат к домашним, млекопитающим, травоядным, четвероногим и однокопытным животным.

б) Из каких главных общих частей состоит тело лошади и коровы?

Тело лошади и коровы состоит из семи главных частей: головы, шеи, туловища и четырех ног.

в) Какими внешними чувствами одарены оба эти животные?

Оба эти животные имеют по пяти внешних чувств, а именно зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, и т. д.

В такой же порядок приводятся и разнообразные ответы учеников относительно признаков различия.

В следующий урок слабейшие ученики пишут сравнение лошади и коровы, посредственные—осла и коровы, а хорошие — коровы и овцы.

Примечание. В третий затем урок одни пишут на классных досках свое сочинение; сочинения других я сам читаю и на замеченных ошибках только останавливаюсь, а исправляют или написавшие сочинение, или другие ученики. Наконец, самые отличные ученики читают сами сочинение со знаками; в сомнительных случаях я их останавливаю и спрашиваю—так ли они написали то или другое слово? Остальные ученики должны поправить

сами свои сочинения по замеченным ошибкам, так как у всех встречаются почти одни и те же слова. Весьма полезно также давать такие сочинения исправлять кандидатам-педагогам, где они существуют. Это будет для них первою педагогическою работою.

3. Рассказы о животных по данной программе

Описание оленя, верблюда и слона изложено в книге довольно занимательно; интерес еще более возбудится, если учитель дополнит их своими собственными рассказами или прочтет об этих животных по другим источникам, как, напр., рассказ о жизни оленя, весьма интересно изложенный в книге «Год на севере» Максимова в статье «Тундра», о верблюде во 2-й части книги «Природа и люди», о слоне — в одной из детских книг Разина. Есть также интересные анекдоты про различных животных в книге Франклина «Естественная история», перевод изд. Вольфа. Когда дети сами прочли в книге «Детский мир» об этих животных и слышали уже рассказы или чтение из уст учителя, то я им пишу на доске следующую программу:

1. Общие признаки оленя.
2. Отличительные признаки оленя.
3. Место жительства.
4. Пища.
5. Польза, приносимая им человеку.

Таким образом, по этой программе дети довольно легко составляют самостоятельный и довольно плавный рассказ; между тем как без такой программы дети или заучат наизусть рассказ по книге, или, наоборот, почти ничего не скажут, или, наконец, заметят мелочи, анекдоты, а главное упустят из виду; развить же в детях наблюдательность и уменье подмечать в наблюдаемых предметах главные типичные признаки — есть одна из главных задач воспитания. Соответственно этому письменные сравнения животных все более и более

усложняются. Так, напр., им задаются темы уже такие: сравнить двух животных по общим признакам, частным, по месту жительства, по пище, по пользе.

4. Беседы и письменные упражнения о целом отряде животных

Когда бывает пройден целый отряд животных, то я приношу в класс модели многих животных, принадлежащих к пройденному отряду, потом спрашиваю у детей: кто расставит этих животных в порядке? Вызвались очень немногие, всего два или три ученика из целого класса. Животные расставлялись в порядке сначала вызвавшимися учениками, потом я перемешивал модели опять, но для приведения их в порядок уже вызывал слабейших учеников. При этом они должны были объяснить: почему именно то или другое животное поставлено на том или другом месте? На какие семейства делится известный отряд животных? Какие животные принадлежат к тому или другому отряду? Наконец, названия всех животных, поставленных на столе, я списываю на правой стороне доски; потом с помощью учеников я делю этих животных на семейства, отряды и классы. Для образца представляю здесь следующую табличку о хищных животных (стр. 509). По этой табличке предлагались следующие вопросы:

К какому классу принадлежит отряд хищных зверей? Почему? Какие животные называются хищными? На сколько семейств разделяется отряд хищных зверей? Какие главные отличительные признаки кошачьего семейства? Какие звери относятся к этому семейству? Скажите какой-нибудь отличительный признак каждого из этих зверей? Чем отличаются звери псового семейства? Каких зверей вы знаете в этом семействе? Скажите какое-нибудь замечание про некоторых зверей псового семейства? Какой зверь относится к гиеновому семейству? Признаки каких зверей гиена в себе соединяет? и т. д.

Классы	Отряды	Семейства	
Класс млекопитающих	Хищный	1. Кошачье	1. Кошка 2. Лев 3. Тигр 4. Леопард 5. Барс
		2. Псовое	6. Собака 7. Волк 8. Лисица 9. Шакал
		3. Гиеновое	10. Гиена
		4. Медвежье	11. Медведь 12. Енот
		5. Хорьковое	13. Хорек 14. Куница 15. Выдра

Соответственно этим вопросам ученики составляют сначала устный, а потом письменный рассказ вроде следующего:

«Отряд хищных зверей принадлежит к классу млекопитающих, потому что матери этих зверей питают своих детей молоком. Хищными же животными называются те, для которых любимою пищею служит мясо подобных им животных. Отряд хищных зверей разделяется на пять семейств: кошачье, псовое, гиеновое, медвежье и хорьковое.

Главные отличительные признаки кошачьего семейства суть: втяжные когти, гибкие члены, шероховатый язык, сильные клыки. К этому семейству относятся: кошка, лев, тигр, леопард и барс. Кошка есть домашнее животное и живет везде, а прочие — дикие и живут в жарких странах. Кошка привыкает более к месту, нежели к человеку. Лев по своей красоте, силе и великодушию считается царем зверей. Тигр поражает своею полосатою шерстью.

Животные псового семейства имеют 42 острых зуба, гладкий язык, хорошее чутье, тупые когти. В этом семействе я знаю следующих зверей: собаку, волка, лисицу и шакала. Собака сильно привязывается к человеку, стережет его дом и имущество, ходит с ним на охоту, иногда спасает от смерти, а в Сибири на собаках ездят. Волк очень жаден, прожорлив и наносит большой вред стадам. Лисица отличается хитростью и доставляет теплый и дорогой мех. К гиеновому семейству относится только одна гиена. Она соединяет в себе некоторые признаки кошки, как, напр., втяжные когти и гибкие члены, и некоторые признаки собаки, как, напр., гладкий язык и 42 острых зуба. Гиена — самое злое и страшное животное и живет в жарких странах. и т. д.

В такой последовательности был пройден весь класс млекопитающих зверей. Для них было составлено три таблички: одна — для копытных животных, другая — для хищных, третья — для грызунов, насекомоядных, четвероруких и ластоногих. Когда ученики познакомились со всеми этими животными, то я приносил в класс модели всех пройденных зверей. Дети расставляли их в порядке и уже сами составляли одну большую таблицу, а по ней устный и письменный рассказ, дополняя его бóльшими подробностями относительно отдельных животных. Приведение в порядок моделей, составление таблички служили самым лучшим повторением и усвоением пройденного. На подобные устные и письменные упражнения я обращаю особенное внимание, потому что они приучают детей к *систематическому* изложению своих мыслей, к разнообразию слога и разъясняют им понятия о сравнении предметов, об общих родовых и видовых признаках предмета, о целом, о частях и т. д. Следовательно, такие упражнения можно назвать *логическими*, что и служит лучшим основанием грамматических упражнений, потому что грамматика есть логика народа.

Примечание. В первый же год были пройдены птицы, рыбы, земноводные и пресмыкающиеся. Разумеется, что не все из них были прочитаны со мною: некоторые статьи дети читали сами, с другими они познакомились по табличке, а иные были и совсем пропущены. Вместе с беседами о животных, шло изучение наизусть разных стихотворений, преимущественно басен Крылова, читали сказки и другие прозаические статьи, передавались учителем рассказы; но как стихотворения, так и другие статьи рассказа всегда соответствовали изучаемому животному. Следовательно, подобные статьи дополняли и увеличивали познания учеников, развивали память и вкус и разнообразили занятие. Таким образом, они изучили следующие стихотворения: Муха, Осел и соловей, Лисица и осел, Слон и моська, Волк и кот, Трудолюбивый медведь, Мартышка и очки, Зеркало и обезьяна. Прочитали: Слепая лошадь, Лошадь и осел, Медведь и бревно, Мужик, медведь и лиса, Верная собака. Конечно, некоторые из этих стихотворений они учили наизусть, другие — я читал, а дети передавали в виде прозаического рассказа, третьи — диктовались, причем соблюдалась та же метода, которую я изложил при диктовке стихотворения «Кто он?»

Приложения

I

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ «ДЕТСКОГО МИРА» ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ВРЕМЕНИ ЕГО ВЫХОДА В СВЕТ

«Детский мир и Хрестоматия»

Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы. Назначается для детей от 8 до 12 лет. Составил К. Д. Ушинский. (С таблицей рисунков). Санктпетербург. В типографии товарищества «Общественная польза». 1861 г., VIII (оглавление) + XIV (предисловие) + 365 (Детский мир) + III (объяснение рисунков и опечатки) + IV (оглавление к Хрестоматии с замечанием автора к отделу IV на 3 странице) + 162 (Хрестоматия).

Издание второе, исправленное и дополненное, с 4-мя таблицами рисунков, в двух частях. Допущена к употреблению в первых четырех классах гимназий и в уездных училищах. Цена за две части 1 р. 50 к., для учебных заведений делается значительная уступка.

Ч. I. СПб., 1861 г., XVIII (предисловие к первому изданию, предисловие ко второму изданию, особые примечания к статьям «Детского мира») + IV (оглавление) + 148 + 52 + IV.

Ч. II. IV (предисловие) + V (оглавление) + 243 + + 75 + II.

Издание третье. Ч. I. СПб., 1861 г. (Два предисловия первой части второго издания в этом издании слиты в одно). Ч. II. СПб., 1862 г.

Издание четвертое, исправленное и до-

полненное. СПб., 1863 г. (при обеих частях указаны внесенные в них изменения).

«Детский мир» с рисунками. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы (с 96 рисунками в тексте и 3-мя литографированными таблицами). Составил К. Ушинский. (Допущена к употреблению в первых четырех классах гимназий и уездных училищ, а также рекомендована Учебным комитетом, состоящим при IV отделении собственной его императорского величества канцелярии, «как прекрасное учебное руководство для низших классов»). СПб., 1864 г., стр. II (на второй объявление об условиях продажи у издателя, Якова Павловича Пугачевского) + III (предисловие краткое, вместо выброшенного длинного: автор предполагал вместо предисловия выпустить для учителей особое методическое руководство для занятий по «Детскому миру») + III (оглавление) + 284 + IV (объяснение рисунков). На последней странице обертки: «Цена 1 р. 50 к. с пересылкой».

Из предисловия видно, что это — пятое издание, в котором в первый раз рисунки введены в текст, отчего повышена и цена книги.

Издание шестое, окончательно исправленное и дополненное. СПб., 1865 г.

Издание седьмое, окончательно исправленное и дополненное, со 105 рисунками в тексте. СПб., 1867 г. (В начале 1-й части: «Заметка охотникам до перепечаток»).

Издание восьмое, окончательно исправленное и дополненное, со 105 рисунками в тексте. Ч. I. СПб., 1867 г. Ч. II. СПб., 1868 г. (В первой части: «Заметка охотникам до перепечаток»).

Издание девятое, окончательно исправленное и дополненное, со 105 рисунками в тексте. СПб., 1869 г., ч. I, стр. III + 195 + 67. Ч. II., стр. 291 + + 88. Допущена к употреблению в военных гимна-

зиях и училищах, а также рекомендована Учебным комитетом, состоящим при IV отделении.

Издание десятое, окончательно исправленное и дополненное. СПб., 1870 г. (Совсем нет предисловия; сокращена заметка: «Охотникам до перепечаток».)

Издание одиннадцатое появилось уже после смерти К. Д. Ушинского в 1871 г. Цензурное дозволение первой части от 6 июля 1871 г., второй — от 7 июля 1871 г.

К концу 1908 г. в обращении были: часть 1-я в 43-м издании (СПб., 1908 г.), ч. 2-я — в 37-м издании (СПб., 1908 г.)*.

В. И. Чернышев.

* К сожалению, в настоящих условиях не оказалось возможным дать полный перечень изданий «Детского мира». Эту работу трудно было выполнить уже 40 лет назад, когда В. И. Чернышев впервые приступил к собиранию материалов для своей работы об Ушинском. Книга Ушинского регулярно переиздавалась и поступала в обращение семьи и школы, но каждое новое издание ее воспринималось как явление совершенно обычное, и журнальные рецензии уже не осведомляли читателей о новых изданиях «Детского мира». В то же время и педагогические библиотеки не занимались регулярным подбором изданий книги Ушинского. Вот почему в настоящее время даже в наиболее крупных библиотеках возможно найти только несколько разрозненных изданий, но нельзя рассчитывать на полный их подбор. Во всяком случае указание В. И. Чернышева о количестве изданий «Детского мира» в 1908 г. может быть дополнено справкой, что в 1916 г. в обращении было 47-е издание первой части и 41-е — второй части «Детского мира».— *Ред.*

II

ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИЙ О КНИГЕ УШИНСКОГО «ДЕТСКИЙ МИР» С КРАТКИМИ АННОТАЦИЯМИ

Появление книги Ушинского «Детский мир» оказалось большим событием в русском педагогическом мире: и по содержанию и по методам разработки книга, составленная Ушинским, была воспринята как совершенно новое явление в русской педагогической литературе. Как всякое новое явление, она должна была вызвать разноречивые (как положительные, так и отрицательные) отзывы в печати. В реакционных кругах постепенно оформилось резко отрицательное отношение к «Детскому миру» как книге, которая, развивая мышление ребенка на естественно-научном материале, тем самым создает предпосылки для развития в детях атеистического мировоззрения. В прогрессивной печати сразу создалось положительное отношение к книге Ушинского как пособию оригинальному и богатому новым, тщательно педагогически обработанным естественно-научным материалом, но непоследовательно сочетающим этот ценный материал с элементами религиозного и идеалистического мировоззрения. Собственно педагогическую идею Ушинского о развитии мысли и речи ребенка на энциклопедическом материале естествознания, отечественной географии и истории сочувственно восприняли далеко не все педагоги, так как в практике русской школы упрочивалась идея предметного преподавания уже с I класса, в связи с чем большинство преподавателей находили неприемлемыми для себя требования о развитии речи ребенка на всесторонне подобранном энциклопедическом материале, который составлял содержание отдельных учебных предметов. Эту точку зрения разделило и Министерство просвещения, которое с 1867 г. отменило свое первоначальное постановление о допущении книги Ушинского в первые классы гимназий и уездных училищ. Однакоже в передовой педагогике с 70-х годов окончательно упрочивается мнение, что, хотя книга Ушинского и не допущена Министерством в начальные классы средних учебных заведений, но она, тем не менее, является образцовой книгой для энциклопедического образования учащихся начальных классов школы:

в соответствии с этим «Детский мир» прочно входит в обиход детского начального чтения как в школе, так и вне школы. Книга почти ежегодно переиздается, однакоже новые издания все реже и реже рецензируются, так как мнение о книге уже окончательно установилось.

Ниже в хронологическом порядке перечисляются появившиеся в печати рецензии о «Детском мире» с краткими аннотациями их содержания. Наиболее развернутые рецензии даны после перечня полностью. Первые пять рецензий представляют собой те отзывы о книге Ушинского, которые заслушивались в заседаниях Ученого комитета Министерства просвещения.

1. Протокол заседания Ученого комитета по поводу записки Ушинского о его книге, представленной на рассмотрение Комитета (Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде. Ученый комитет Главного правления училищ. Опись 2, 1860 г. Журнал заседаний, л. 444—445). 12 декабря 1860 г. была заслушана переданная в Ученый комитет, согласно приказанию министра просвещения, докладная записка редактора «Журнала Министерства народного просвещения» — К. Д. Ушинского. В означенной записке Ушинский просил о принятии его книги, по рассмотрении ее в Ученом комитете Главного правления училищ, в число руководств по учебным заведениям Министерства народного просвещения. Ученый комитет постановил «составленную г. Ушинским книгу передать на рассмотрение г. члену Воронову».

2. Отзыв члена Ученого комитета А. С. Воронова о книге К. Д. Ушинского (тот же фонд, 1861 г., л. 29—32). А. С. Воронов — один из старейших работников Министерства просвещения, начавший свою педагогическую деятельность еще в конце XVIII ст., автор первых научных работ по истории просвещения в России. Его отзыв является по существу первым выражением мнения педагогической России о книге Ушинского. В нем без преувеличения в ту или в другую сторону суммированы как положительные, так и отрицательные стороны книги Ушинского и дана ей высокая оценка как замечательному явлению русской педагогической литературы. *Ниже* этот отзыв печатается полностью. Постановление Ученого комитета 13 февраля 1861 г.: «мнение г. Воронова принять и сообщить Департаменту народного просвещения выпиской из журнала». В результате этого постановления книга Ушинского была допущена к употреблению в школах Министерства народного просвещения.

3. Отзыв члена Комитета А. Д. Галахова о представленной на конкурс книге К. Д. Ушинского (тот же фонд, 1862 г. и 1863 г., л. 416—422). Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — выдающийся историк русской литературы средины XIX в., автор нескольких хрестоматий и учебников. Мнение Галахова о книге Ушинского также в высокой степени положительное. Но уже в этом отзыве достаточно определенно

выражены сомнения автора как специалиста по русскому языку в том, что книга Ушинского может в полной степени ответить задачам преподавания русского языка. В дальнейшем это мнение оформилось резче и оказало решающее влияние на постановление Ученого комитета, вынесенное им в 1867 г. Отзыв *ниже* перепечатывается полностью.

4. Отзыв члена Ученого комитета А. Н. Бекетова о представленной на конкурс книге Ушинского (тот же фонд, л. 470—483). Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902) — профессор естествознания, автор ряда научных трудов в области ботаники. Общий вывод автора о книге Ушинского — положительный. Однакоже, в соответствии с своей специальностью, он сосредоточивается преимущественно на указании целого ряда погрешностей научного характера. «В книге, назначенной для постепенного сообщения детям здравых понятий об окружающем мире и для постепенного развития их суждения, невозможно допустить ни одной неточности: лучше вовсе умалчивать о предмете, чем сообщать о нем неверные и шаткие понятия. Мысль, запавшая однажды в юную голову, поселяется там самым прочным образом. Впоследствии трудно, иногда вовсе невозможно ее оттуда изгнать. Составляя статью для детей, необходимо взвешивать каждое слово, ни одного нельзя произносить, а тем более печатать, на ветер. Еще опаснее ложные мысли, которые, будучи крайне вредными сами по себе, еще заключают в себе всегда неточность, так как они не могут быть доказаны ничем». В соответствии с этим, автор подчеркивает в книге Ушинского ряд ложных телеологических и теологических идей, а также ряд мелких неточностей и делает общее заключение, что «сочинение Ушинского заключает в себе многие из качеств хорошей книги для детского чтения и способно усовершенствоваться».

5. Отзыв члена Ученого комитета А. Д. Галахова о книге Ушинского «Детский мир» (Центральный Государственный архив в Ленинграде. Ученый комитет МНП, опись 3, 1867 г., л. 681—684). Этот вторичный отзыв А. Д. Галахова на книгу Ушинского дан в 1867 г., при обсуждении в Комитете вопроса о том, в какой степени книга Ушинского, как и ряд других книг, может служить целям преподавания родного языка в начальных классах средней школы. Окончательно оформившееся отрицательное суждение Галахова по этому вопросу полностью совпадает с содержанием статьи «Наша учебная литература», напечатанной анонимно в «Журнале министерства просвещения» в 1867 г., № 10 и *ниже* (стр. 573) приведенной полностью в части, касающейся «Детского мира». Заключительный вывод, сделанный А. Д. Галаховым в его отзыве, далеко не совпадает однакоже с решением Ученого комитета об исключении «Детского мира» из списка допущенных книг. «Исключить ее из списка было бы несправедливо. Поэтому я предлагаю удержать ее

в числе пособий с следующим условием или оговоркой: «Преподаватели русского языка могут употреблять ее на своих уроках только не с той целью, какая обозначена на заглавном листе книги, т. е. не для наглядного знакомства с природой, а единственно для упражнений в русском языке, почему, оставив в стороне отдел естествознания, пользоваться статьями, помещенными в других отделах».

6. «Московские ведомости», 1861 г., № 7. Библиографическая заметка за подписью А. Весский (псевдоним Л. Н. Модзалевского) была, повидимому, первым печатным откликом на книгу Ушинского. Как ближайший сотрудник Ушинского по Смольному институту, Л. Н. Модзалевский был, конечно, знаком с книгой Ушинского, ее замыслом и построением задолго до ее выхода из печати, и именно этим объясняется, что заметка появляется почти одновременно с выходом книги. Заметка не дает обстоятельного разбора книги и носит только самый общий информационный характер. Сказав несколько слов о постепенном росте детской любознательности и о необходимости ее систематического удовлетворения при помощи рационально разработанной педагогической литературы, автор пишет: «Книга Ушинского — это уже систематическое руководство к правильному развитию детей, какого еще не было в нашей педагогической литературе. Видно, что составитель много положил дум, прежде чем принялся за составление этой книги; глубоко изучил современную педагогическую литературу — английскую и немецкую и, что всего важнее, практически знаком с делом воспитания и образования детей». Пересказав коротко оглавление книги, автор выразил желание, чтобы книга скорее нашла себе приют в школах, а также у родителей и воспитателей.

7. «Библиотека для чтения», 1861 г., № 1. Автор рецензии неизвестен. «На русском языке, — писал анонимный автор, — нет ничего однородного с книгой Ушинского, что могло бы выдержать с ней хоть какое-нибудь сравнение, что стоило бы даже быть упомянутым вместе с нею. Автор этой книги в одно и то же время оказал величайшую дружбу детям и очень большую услугу их воспитателям и наставникам. Книге предпослано очень умное и очень дельное предисловие... Разумность способа изложения, принятого автором, в том, что он всего менее старается с детьми говорить по-детски, и еще в том, что очень большая книга его представляет, хотя и не очень стройную, но довольно ощутительную внутреннюю связь, нечто систематическое, а не есть случайный сборник, ничем не осмысленный. Оба эти качества были до сих пор в нашей литературе редки, если притом они еще были... — Но если книга Ушинского есть, может быть, лучшая из наших детских книг, это еще не значит, чтобы она была совершенно безупречна... Автор не совсем основательно

предметы естествознания старается сделать орудиями для достижения богословских целей... Богословие не следует смешивать ни с какими другими науками: и источники познания, и средства и приемы раскрытия и объяснения истин у них совершенно различные. Ложные формы знания, построенные в детских головках, имеют слишком большое значение для всего последующего их мозгового развития. Как человек, очевидно, любящий детей, Ушинский обязан был бы избежать этого. Но в руках опытного воспитателя книга его с этой стороны может быть безвредной».

8. «Воспитание», 1861 г., № 6. Автор заметки — А. Леве. «Нет ничего легче и ничего труднее,—писал он,— как составить книгу для чтения. Требования педагога от такой книги весьма разнообразны, и удовлетворить им в одном и том же отношении едва ли возможно. Одни желают видеть в книге для чтения собрание всего общеполезного из всех областей человеческого знания, другие — рассказы религиозного и нравственного содержания, третьи — рассказы поучительные и в то же время занимательные; иные — материал для грамматических и логических упражнений. Чем руководился Ушинский? Он имел в виду удовлетворить преимущественно реальным требованиям нашего времени и, нам кажется, зашел в этом отношении слишком далеко, придав своему труду несколько одностороннее направление: нельзя отрицать пользы и исторических рассказов в отношении к формальному образованию детей... Под рубрикой «Кунсткамера» представляются все пройденные предметы в систематическом порядке (в классификации) — мысль весьма педагогическая и практическая. Несколько образцовых логических упражнений принадлежат также к счастливым нововведениям, рекомендующим руководство Ушинского, которое, говоря вообще, принадлежит к весьма полезным явлениям нашей учебной литературы и заняло бы даже и не у нас видное место между подобными сочинениями».

9. «Современник», 1861 г., № 9. Рецензия, по принятому в журнале правилу, автором не подписана. Автором ее, как можно думать по стилю других, подписанных статей, был молодой сотрудник «Современника» — И. Пиотровский. Более или менее удачно вскрыв ряд идеологических ошибок Ушинского в других своих статьях (см. «Современник», 1861 г., № 5, 6), в своей рецензии о «Детском мире» Пиотровский поставил себе задачей развенчать собственно педагогический замысел Ушинского и сделал это весьма неудачно. Совершенно не поняв педагогических задач его книги, рецензент придирчиво выискивает противоречия прежде всего в предисловии к книге; упрекает Ушинского в том, что он переработал свою книгу уже во 2-ом издании, между тем как эта переработка была вызвана потребностями школы; обвиняет его в том, что статьи «Детского мира» «не согреты чувством, не проникнуты любовью к детям: в них

говорит шаблонный наставник, иногда как будто недовольный детьми резонер»; и в противоречии с этим упреком через несколько строк замечает, что «Ушинский, подобно другим сентиментальным педагогам, воображает себе детей какими-то барашками, наивными, невинными и глупенькими, старается подделаться под детский лепет». В заключительных строках своей статьи рецензент высказывает пожелание, которое через несколько лет было так охотно поддержано Министерством просвещения: «пусть другие преподаватели займутся сообщением ученикам ясных представлений о предметах, а преподаватель русского языка научит выражать свои мысли об этих предметах». Ни по тону, ни по содержанию рецензию Пиотровского никак нельзя считать выражением мнения «Современника» в целом.

10. «Учитель», 1861 г., № 19. Рецензия принадлежит Ф. Толлю, автору, уже заявившему себя многочисленными рецензиями на педагогические книги. Рецензия дает в развернутом виде критический разбор «Детского мира». *Ниже* она помещается полностью.

11. «Ясная Поляна», 1862 г., август. «Об общественной деятельности на поприще народного образования». В эту принадлежащую Л. Н. Толстому статью включен разбор «Детского мира», который воспроизводится *ниже* полностью.

12. «Педагогический сборник», 1865 г., № 1. К. С.-Илер «О преподавании естественных наук в общеобразовательных заведениях». О книге Ушинского в этой статье даны только попутные замечания в связи с разбором статьи Н. Страхова «Естественные науки и общее образование». Характерно, что автор отстаивает основные идеи Ушинского, проведенные им в «Детском мире». «При пользовании естественно-историческими познаниями для преподавания русского языка необходимо, чтобы сообщение этих познаний происходило сообразно с главными требованиями методики естественных наук, как это сделано в «Родном слове» и «Детском мире» Ушинского». На эту особенность книг Ушинского, их естественно-научный характер, впервые в печати указал С.-Илер. Разъясняя особенность принятой в «Детском мире» методики преподавания естествознания, он пишет далее: «Система животного и растительного царства у хорошего учителя должна часто меняться, смотря по количеству и качеству полученных от природы понятий. Пока дети видали еще мало, не вглядывались хорошенько в предметы и не привыкли сравнивать, система их никак не может быть вполне научной, потому что научная система логично вытекает только из строгого многостороннего изучения природы. Чем больше дети видят, тем ближе их система приближается к научной. Нарочно же знакомить детей со множеством животных и растений и заставлять их рассматривать с научной точностью только для того, чтобы объяснить самому, очень непедагогично, потому что такое строгое исследование вовсе не свойственно детской натуре».

13. «Журнал Министерства народного просвещения», 1867 г., № 6. Н. П. Завьялов «О значении и необходимости элементарной хрестоматии». В статье впервые нашла себе выражение начавшая формироваться в Министерстве и в реакционных педагогических кругах тревога по поводу принятых в книге Ушинского приемов подбора материала для чтения в начальных классах школы. Уясняя задачи книги для чтения, автор прежде всего, в противовес Ушинскому, не называя его имени, устанавливал, что цель обучения формальная, а не реальная. Вместе с тем автор требовал и соответственного подбора статей. «Нельзя думать,— писал он,— что всякая статья годится для элементарной книги. Не все равно что читать ребенку — «Два козлика» или биографию Васко-де-Гамы, или о производстве стекла, или о плотоядных» (стр. 859). Автором, как совершенно очевидно, названы статьи из книг Ушинского. Уточняя свои претензии к этим книгам, автор далее говорит: «злоупотребление простотой ведет к тому, что в хрестоматии для детей появляются рассказы до такой степени наивные и невинные (например, «Два козлика», «Брат и сестра» в хрестоматии Ушинского), что даже детям этих детей показались бы они скучными и незанимательными... Но в то же время в противоположность этой ложной простоте помещаются в наших хрестоматиях статьи до такой степени туманные, почти мистические, что или остаются окончательно непонятыми, или же насильственно и вредно влияют на воображение детей («Гостиница в степи» в хрестоматии Ушинского)». По характеру и по тону статьи совершенно очевидно, что уже назрело раздражение содержанием книг Ушинского, хотя автор еще и не может последовательно формулировать, что именно вызывает в нем неудовлетворенность: не то он против реального элемента в книге, не то его раздражает простота и понятность рассказов для младшего возраста, не то он против мистического тумана в статьях для детей старшего возраста. Характерно однакоже, что, направляя свою статью против книг Ушинского, автор начинает ее лирическим размышлением о языке, выписывая буквально почти $1^1/_2$ страницы из статьи Ушинского «Родное слово», не давая однакоже ничем понять читателю, что он делает выписку из чужой статьи.

14. «Современный листок», 1867 г., № 28—32. А. Филонов «Плоды педагогического озлобления» (Отд. оттиск, СПб., 1867 г.). Статья Филонова является ответом на напечатанный Ушинским (см. выше, стр. 397) разбор его «Книги для первоначального чтения», составленной совместно с А. Радонежским. Обращая внимание преимущественно на «Родное слово» Ушинского, Филонов частично высказывается и о «Детском мире» и энергично возражает против научного содержания этой книги. «Научная сторона дела у нас была на втором плане,— пишет Филонов о своей книге,— мы крепко убеждены в том, что детям надо представлять природу в целом образе, живом, а не разроз-

ненном и мертвенном. Номенклатура, которой так непомерно много в «Детском мире» Ушинского, — этот ни для кого ненужный балласт — нами исключена. Сухие, отвлеченные термины науки — дело позднейшего возраста» (26—7). С особенной настойчивостью автор отмечает, что реальное направление, проводимое в книгах Ушинского, чуждо народу, и приводит корреспонденцию из газеты «День», 1865 г., № 7, в которой из Земли Войска Донского сообщалось: «когда у нас в последнее время было открыто до 30 училищ по станицам и разосланы были в эти училища новые учителя, педагоги с методами Золотова да с книжками Ушинского и Паульсона и когда наши мирные станицы огласились рассказами педагогов про собаку, обезьяну или какую-нибудь птицу, то многие почтенные отцы семейств, слушая своих детей о том, что у них делается в школе, приходили в недоумение, с сомнением покачивали головами, говоря: «чудное дело! Ребятишки только и читают, что про верблюдов, да обезьян, а *блажен муж* и не знают!» Глас народа — глас божий!» (стр. 22), заключает А. Филонов.

15. «Журнал Министерства народного просвещения», 1867 г., № 10, «Наша учебная литература». Неподписанная статья министерского журнала представляла собой, очевидно, полуофициальное обоснование окончательно принятого Министерством решения о направлении и характере хрестоматии для чтения в начальных классах средней школы. Мнение это заключалось в том, что хрестоматия должна быть только литературно-художественной и что поэтому ни книга Ушинского, ни другие аналогичные книги не могут быть допущены в младшие классы средних учебных заведений. Автором статьи, как выше (под № 5) указано, нужно считать А. Д. Галахова. Поскольку этой статьей на долгие годы определилось как отношение к книге Ушинского, так и содержание учебных хрестоматий для начальных классов, статья в части, касающейся «Детского мира», приведена *ниже* целиком.

16. «Народная школа», 1869 г., № 4. Анонимная небольшая заметка.

17. «Журнал Министерства народного просвещения», 1871 г., № 1. С. И. Миропольский «Книга для чтения в начальной школе». Статья Миропольского посвящена разбору книги Н. А. Корфа «Наш друг» и только частично касается книги Ушинского «Детский мир». Отзыв Миропольского о книге Ушинского уже после того, как состоялась постановление Министерства о недопущении этой книги в школы, говорит о том, что мнение прогрессивных педагогов (а в 70-х годах Миропольский выражал мнение именно этой группы педагогов) о книге Ушинского не изменилось. «Детский мир и хрестоматия» Ушинского,— писал Миропольский,— общераспространенная книга в наших школах. Труд этот представляет энциклопедический сборник, имеющий своей задачей развить мысль и слово учени-

ков посредством разнообразных сведений и полезного научного материала. Исходя из идеи единства формального образования с реальным, Ушинский по преимуществу сосредоточивается на «постепенных умственных упражнениях» и «наглядном знакомстве с предметами природы». Труд Ушинского имеет много достоинств. Он составлен с знанием дела и педагогическим тактом. Содержание книги отличается разнообразием и интересом; язык «Детского мира» правильный; с фактической стороны книга чужда погрешностей против науки и проникнута здоровым педагогическим духом. Но в то же время труд этот весьма мало применим в начальной нашей школе по низкому уровню развития большинства наших школьников. Нельзя не согласиться также с мнением Корфа, что «Детскому миру» недостает той свежести, которой дышит всякая строка «Родного слова»; сухость учебника проникла в эту книгу, как нам кажется, вследствие продолжительной и кропотливой обработки статей научного содержания, особенно в тех случаях, где делаются выводы или классификация рассматриваемых предметов» (стр. 42—43).

18. С. И. Миропольский, «Обучение русской грамоте» (раздел в книге Н. Х. Весселя «Руководство к преподаванию общеобразовательных предметов». СПб., 1874 г., т. II). Касаясь книги «Детский мир», автор в основном повторяет характеристику, данную в предыдущей статье (см. № 17), резюмируя свой вывод так: «содержанием своим труд Ушинского превышает уровень требований и объем курса начальной школы, — это книга для гимназий» (стр. 528).

19. Систематический обзор русской народно-учебной литературы, СПб., 1878 г. Рецензия на книгу Ушинского, помещенная в этом замечательном сборнике рецензий на учебные книги начальной русской школы, является выражением установившегося стандартного мнения массового учительства о «Детском мире» как о книге, хотя и не одобренной к употреблению в школах, но все же полезной и нужной: «это в своем роде единственная по полноте и разнообразию книга, приспособленная к наглядному знакомству детей с окружающим миром. Она не столько имеет целью обучение языку, сколько сообщение сведений по естествознанию, почему и образцам художественной речи отведено в ней сравнительно очень незначительное место».

20. Д. Д. Семенов, «Педагогические идеи К. Д. Ушинского» (сборник «памяти К. Д. Ушинского», СПб., 1896 г.). В своей статье Д. Д. Семенов дает развернутую характеристику учебных книг Ушинского и в первую очередь «Детского мира». С момента выхода книги Ушинского Семенов в течение нескольких лет вел по этой книге занятия с ученицами Смольного института и под руководством Ушинского практически разработал методику работы по «Детскому миру». Система этой книги усвоена Семеновым вполне — и теоретически и практи-

чески, и его отзыв поэтому имеет особое значение. «Научная педагогическая система материала, предлагаемая книгой, выдержана в «Детском мире» его автором с зрело обдуманным планом от начала до конца. Все сведения по естествознанию, географии и истории не перемешаны между собой, а сконцентрированы в два больших круга, постепенно усложняющиеся, соответственно которым книга разделена на две части. Сверх того, каждая отдельная статья представляет собой одно законченное целое, вместе с тем тесно связана с последующей, вводя в сознание детей лишь одно или два понятия; между статьями соблюден переход от легкого к трудному; однородные сведения нескольких статей тотчас же сводятся к определенному выводу, классификации, явлению или закону. Эта-то тщательно выполненная педагогическая система бросилась всем в глаза, всех поразила научной новизной, и «Детский мир» сразу завоевал себе первенствующее место в ряду книг для чтения не только в младших классах средних учебных заведений, но и в народных школах, хотя они не предназначался первоначально для них. Так и должно было случиться, потому что «Детский мир» заключает в себе именно тот цикл первоначальных научных сведений, которые необходимо надо знать каждому грамотному человеку, тем более, что, как известно, в нашей начальной школе, кроме закона божия, чтения, письма и счета, никакие науки не полагаются. Замечательно, что в отношении строго выдержанного педагогического плана и до сих пор ни одна из употребляемых в настоящее время книг для чтения не может конкурировать с «Детским миром». Вот почему «Детский мир» доныне остается любимой книгой для наших народных учителей и учительниц, получивших специальное педагогическое образование» (стр. 108—9).

21. Л. А. Александров, «К. Д. Ушинский как составитель «Детского мира» и «Родного слова» (Труды и протоколы Казанского педагогического общества при Казанском государственном университете, 1901 г.), Отд. изд., Каз., 1901 г. Автор повторяет на основании самостоятельного изучения книг Ушинского ставшие уже распространенными характеристики его учебников.

22. М. Соколов, «Значение К. Д. Ушинского как автора «Родного слова» и «Детского мира» («Русская школа», 1901 г., № 2). Данная в самом начале XX в. рецензия на книгу Ушинского показывает, что русские педагоги не переставали изумляться перед величием задачи, выполненной Ушинским в составленных им учебных книгах для начальной школы. «Дело Ушинского несомненно историческое дело, а оценка всякого деятеля, создающего поворот, — в истории... Почти без предшественников, почти без опытов прошлого Ушинский оказался перед огромной задачей — полного преобразования школьного дела... Главная задача всей педагогической деятельности Ушинского заключалась в том, что он захотел дать ребенку первую русскую книгу для

чтения. Легко сказать! — автор должен быть энциклопедистом, должен знать тайну того, что́ и как говорить детям... Для книги Ушинского нужны были статьи по естествознанию, физической географии, космографии, истории, этнографии,— словом, чуть не по всем отраслям человеческого ведения, а в то время почти никто не думал о популяризации знаний... Заслуга Ушинского в том, что он не поддавался слащавым немецким педагогам, не видел в ребенке безнадежного идиота и не разжевывал перед ним часами пустейших пустяков... Теперь реальный отдел его книги может быть очищен от излишнего балласта, значительно сокращен и обновлен современными научными фактами. Но и теперь все должны признать, что научно-педагогическая система материала выдержана в «Детском мире» от начала до конца с зрело обдуманным планом».

23. В курсах по истории русской педагогики (М. И. Демкова, 1909 г., П. Ф. Каптерева, 1915 г., и др.) имеются только случайные упоминания об учебниках Ушинского.

24. В неоднократно переиздававшемся курсе истории русской педагогики проф. Е. Н. Медынского (1929, 1936, 1938, 1947 г.г.) характеристика «Детского мира», как и «Родного слова» Ушинского, дается в связи с подробным анализом общих дидактических взглядов великого русского педагога, в издании же 1947 г. учебникам Ушинского сверх этого посвящен отдельный параграф.

25. С. Маршак, «Мир в картинах» («Красная новь», 1940г., № 5—6). Детскому писателю и поэту С. Маршаку принадлежит та заслуга, что он первый в Советском союзе, в связи с известными попытками А. М. Горького организовать работу над созданием детской энциклопедии, вспомнил и высоко оценил, наряду с другими опытами в этом направлении, и книгу Ушинского «Детский мир», которую и подверг беглому обзору в своей статье. Однакоже специальных исследований, ей посвященных, еще нет в педагогической литературе, если не считать нескольких библиографических заметок.

26. Миронов, «Пидручники К. Д. Ушинського» («Радяньска школа», 1945 р., № 5—6).

27. Ф. Н. Тимергазин, «Ушинский, автор учебников» (Сборник трудов кафедры педагогики и психологии Башкирского гос. пединститута им. Тимирязева, 1946 г., № 2).

28. А. Г. Пенцова, «Детский мир» и «Родное слово» К. Д. Ушинского (Ученые записки Саратовского гос. пединститута, 1947 г., вып. 9).

29. А. А. Шеин. «К. Д. Ушинский о воспитании мышления» (Ученые записки Новороссийского гос. пединститута, 1946, вып. 2). На анализе учебников Ушинского автор показывает, как Ушинский разрешает проблему воспитания мышления учащихся.

30. А. П. Бабушкина, История русской детской литературы. Учпедгиз, 1948 г. В книге Бабушкиной анализу и оценке учебников Ушинского посвящена большая глава, стр. 330—344. Страницы, посвященные «Детскому миру», являются наиболее полным и наиболее обстоятельным в русской педагогической литературе анализом созданной Ушинским учебной книги. «Вышедшая в 1861 г. книга Ушинского «Детский мир и хрестоматия» в значительной степени была той книгой, которая отвечала реальным требованиям жизни, и этим объясняется ее широчайшая популярность... «Детским миром» Ушинский сделал крупный шаг по пути осуществления мечты Белинского — «провести детей по всем трем царствам природы, пройти с ними по всему земному шару,... дать им историю, географию и естествознание». Тов. Бабушкина внимательно анализирует книгу Ушинского с двух сторон: «Детский мир» как энциклопедия реальных знаний и «Детский мир» как хрестоматия литературно-художественных произведений. Там и здесь она вскрывает непоследовательность и противоречия в осуществлении задуманной автором книги, но в то же время высоко оценивает и положительные ее стороны. В особенности высоко ценит т. Бабушкина то обстоятельство, что Ушинский впервые широко включил в свою книгу классические произведения художественной русской литературы. Она пишет: «Детский мир» сыграл очень важную роль в продвижении в школу классической литературы, в борьбе с засильем псевдо-литературы для детей. Пропаганда классиков XIX в. и современных писателей на страницах детской книжки в 60-х годах была актом революционной борьбы. Вспомним, с какой страстностью отстаивали право детей на русских писателей вожди революционной демократии, какое политическое значение придавали они воспитанию детей на произведениях передовых современных писателей. Ушинский, составивший массовую детскую книгу из произведений художественной литературы, не только бросал вызов рутине в педагогике, но и закрепил победу революционной педагогической линии в детском чтении».

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ К. Д. УШИНСКОГО «ДЕТСКИЙ МИР»

I. С. Воронов «Детский мир и хрестоматия» К. Д. Ушинского

Книга «Детский мир» представляет замечательное явление в нашей учебной литературе, давно уже нуждавшейся именно в таком руководстве. Главные ее достоинства—богатство реального содержания и обдуманность плана, в котором без строгой системы соблюдена, однако, строгая постепенность в порядке изложения

статей. Предметами чтения служат здесь преимущественно статьи из естественной истории. Такой выбор автор основывает как на наглядности предметов, взятых из естественной истории, так и на том обстоятельстве, что предметы эти более всего способны приучить детский ум к логичности, что и составляет главную цель чтений и рассказов. «Логика природы, — говорит он,— есть самая доступная и самая полезная логика для детей. Всех отделов в книге для чтения восемь. За исключением первого и последнего отделов, все остальные заимствуют содержание свое большею частию из естествоведения, понимая под ним не только естественную историю, но и физику, химию, физическую и математическую географию.

Считая такой взгляд автора на книгу для детского чтения совершенно верным, полагаем, однако, что некоторые из статей, относящихся к естествоведению, как, например, во II отделе статьи: «Питание» и «Способности души»; в IV — «Строение и питание растений»; в VI — «Горение и свет»; в VII — «Солнечные часы» (стр. 31) и весь VIII отдел, превышают понятия детей того возраста, для которого они назначаются, а потому, по нашему мнению, психологию и логику следовало бы вовсе исключить, а прочие, указанные мною статьи, переделать и применить более к детскому возрасту. Для логического развития детей достаточно толковое чтение статей из естественной истории и приведение отрывочных знаний в систему, чему весьма удачный опыт представляет так называемая автором кунсткамера; научное же ознакомление с логикою и тем более с психологиею лучше предоставить более зрелому возрасту.

Хрестоматия, присоединенная к книге для чтения, приспособлена к сей последней: она состоит из трех отделов: 1) стихи, 2) басни и рассказы в прозе и 3) образцы слога лучших русских писателей. Статьи, здесь заключающиеся, выбраны вообще удачно, за исключением двух, а именно: «Недоконченная сказка» и «Гостиница в степи». Первая как отрывок — непонятна, а вторая слишком длинна и по аллегорическому своему характеру также годится более для взрослых, чем для детей.

Не можем не обратить также внимания на некоторые ошибочные сведения, сообщаемые в «Детском мире». Так, например, между прочим, на стр. 220 и 221 сказано, что «известняк состоит из извести и воды и при обжигании выделяется из него вода»,— что неверно, в состав известняка входит не вода, а углекислота, которая и выделяется при обжигании; на стр. 230: «при переделке железа в сталь (стр. 32) всегда дают продукту охлаждаться понемногу, а не вдруг охлаждают, как сказано в книге; на стр. 231: медянка не есть медная ржавчина, как сказано, а совсем другое химическое соединение меди; на стр. 235: в горном хрустале и кварце кремень составляет не главную часть, а единственную: горный хрусталь и кварц суть только виды кремня; на стр. 261: неверно называть такие железные руды, которые дей-

ствуют как магнит, магнитными; напротив, магнитными называются не те железные руды, которые действуют как магнит, а которые притягиваются магнитом.

Несмотря на эти недостатки, книга «Детский мир», по несомненным достоинствам ее, на которые мы указали выше, может служить прекрасным руководством при чтении с образовательною целью в низших четырех классах гимназий, особенно если автор примет на себя труд сделать в ней некоторые указанные нами исправления и вообще обратит внимание на устранение ошибочных сведений по части естествоведения.

[Настоящая архивная копия изготовлена по материалам Государственного архивного фонда СССР, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, фонд 734 — Ученый комитет МНП, оп. 2, д. 6, Журналы заседаний, 1861 г., стр. 29—32.]

2. А. Д. Галахов. «Детский мир и хрестоматия» К. Д. Ушинского

Объявление конкурса на книгу для чтения, напечатанное в 110-й ч. «Журнала Министерства народного просвещения», указывает ей две цели: 1) она должна быть главным пособием для умственного и нравственного развития детей при их первоначальном образовании и 2) она предназначается преимущественно для детей, обучающихся в народных училищах ведомства Министерства народного просвещения и в низших классах гимназий.

Сообразно с этими целями, от книги для детского чтения требуется: 1) приличная полнота и верность сведений; 2) общепонятность, строгая последовательность и занимательность изложения; 3) чистота нравственного направления.

Кроме того, для большего удобства при употреблении книга должна состоять из двух частей: первая должна заключать в себе статьи, примененные к самому нежному возрасту; вторая должна состоять из статей, назначаемых уже для детей более взрослых и развитых.

Различаясь по способу изложения и отчасти по содержанию, обе части должны иметь одну и ту же ближайшую цель: а) развитие в детях любознательности (стр. 417) и здравых понятий посредством сообщения им полезных сведений преимущественно о внешней природе, ее силах, явлениях и произведениях; б) возбуждение и укрепление нравственных убеждений, стремления к добру и правде и чувств долга и чести посредством приличных наставлений и рассказов как вымышленных, так и исторических и посредством биографических очерков важнейших исторических деятелей.

Наконец, объем книги для детского чтения предполагается не менее 30 печатных листов средней величины, для 1-й части полагается, примерно, до 12 и для второй — до 18 листов.

Хотя книга г-на Ушинского вышла прежде объявления о конкурсе, но в третьем своем издании она как будто намеренно к нему приспособлена, так что и внешним составом, и содержанием, и целью отвечает многим из вышеозначенных требований.

Во-первых, она состоит из двух частей и объем каждой части приблизительно тот самый, какой предположен и объявлением: первая заключает в себе 194 стр. в 8 д., следовательно, двумя только страницами больше 12 листов; во второй—302 стр., следовательно, 14-ю страницами больше 18 листов. Короче, вместо 30 листов они дали 31 лист.

Во-вторых, содержание обеих частей соответствует двум последовательным периодам детского возраста: самому нежному и более зрелому. На эту последовательность указывает и сам составитель (стр. 418) книги в предисловии ко второй части следующими словами: «Статьи первой части «Детского мира» дают детям возможность осмотреть ближайший, окружающий их мир в отдельных, самых простых предметах и малосложных явлениях; во второй части представляются целые, иногда довольно сложные картины, элементы которых более или менее уже знакомы детям».

В-третьих, книга г. Ушинского, согласно со взглядом объявления, отдала видимое преимущество внешней природе между другими предметами ведения, доступными детскому возрасту. Из десяти отделов «Детского мира» шесть посвящены естествознанию, сообщая детям знакомство с животными, растениями и телами неорганическими. Я не берусь судить о достоинстве или недостатках статей, сюда относящихся; я говорю только, что требование объявления — сообщить детям полезные сведения преимущественно о внешней природе — выполнено г-м Ушинским.

В-четвертых, есть в книге г. Ушинского и рассказы как вымышленные, так и исторические, и биографические очерки некоторых исторических деятелей. Рассказы относятся только к русской истории и образуют довольно полный отдел, представляя в хронологическом порядке главнейшие естественные события, преимущественно до-петровского периода. История других народов исключена из «Детского мира», который в таком случае должен бы был расширить свой объем. Впрочем, между статьями по географии помещены биографические очерки (стр. 419) Колумба, Васко-де-Гамы, Магеллана, Кука, Пифагора, Коперника, Галилея, Ньютона.

В «Уроках логики» (4-й отдел 2-й части) можно видеть уже излишек против требований объявления; однакож, несмотря на превышение требуемого, я нахожу эти уроки не только не бесполезными, но даже положительно полезными. Они знакомят учащихся с основными законами мышления, приучают их к искусству обобщения, к которому наш ум постоянно стремится, и, следовательно, служат одним из самых действительных средств

для умственного развития детей, что и вменено в обязанность составителю книги для чтения. Как бы ни судили о так называемой формальной логике, но знание естественных форм, которые принимает мысль в своем развитии, необходимо каждому. Логические упражнения должны сопровождать чтение; без них многое осталось бы необъясненным в грамматических уроках: а статьи по логике суть не что иное, как сознательные выводы, делаемые учеником при помощи учителя из прежних упражнений. Не мешает поэтому детей, начиная с первых классов, знакомить с предметами, входящими в область логики, и с их терминами, потому что и то, и другое встречается им беспрерывно как в житейском быту, так и в других науках, особенно в грамматике. Терминология грамматическая, равно как и многие предметы этимологии и синтаксиса, будут непонятны детям, если они не знают, что такое признак, суждение, род и вид, определение, причина, следствие, цель и пр. (стр. 420).

Каждая часть книги г-на Ушинского подразделена на два главных отдела: «Детский мир» и «Хрестоматия». Между ними удержана некоторая связь, как показывает предисловие: именно в Хрестоматии преимущественно помещены такие статьи, которые могли бы оживить, дополнить и, так сказать, запечатлеть в памяти ученика статьи «Детского мира». Намерение прекрасное, но едва ли исполнимое. Сам автор чувствовал непрочность связи, которую имел в виду, и потому делает оговорку: «...к сожалению, наша литература далеко не так богата, как германская, стихотворениями, которые могли бы быть употреблены для подобной цели». Но и при богатстве стихотворной литературы не так-то легко установить связь между статьями науки и произведениями поэтического творчества, на том простом основании, что знание и искусство — две различные сферы, подлежащие особым законам. Если и в научных взглядах па предметы мы видим резкие различия, доходящие до пределов противоположности, то еще больше различий и противоречий найдем в поэтическом изображении предметов, потому что это изображение зависит от духовного настроения поэтов — настроения, часто меняющегося в одном и том же лице. Кроме того, произведение, образцовое со стороны художественной, может быть ничтожным и даже фальшивым со стороны научной; и наоборот, при слиянии с наукой, стихотворение может представлять многие недостатки как стихотворение (стр. 421). В одном подражании Алкорану Пушкин заметил: «Плохая астрономия, но зато какая смелая поэзия». Какому же из двух сочинений отдаст предпочтение педагог? Если он склонится на сторону науки, то поместит плохой образец; если увлечется поэзией, то разорвет связь хрестоматии с статьями научными. Желаемое согласие «Хрестоматии» с «Детским миром» могло бы тогда иметь место, когда для поэтов педагогические

цели были так же дороги, как дорого для них искусство. Но так как это явление мы находим только в писателях и дидактиках, которые поэтическую форму берут единственно для выражения известного образа мыслей, то и выходит, что подобные дидактико-поэтические сочинения, желая угодить двум господам, не угождают ни одному. Геллерт в баснях своих оказывался тем же, чем он был на кафедре, т. е. профессором морали: оттого-то басни его не хороши, хотя нравственная философия и заслуживала, быть может, уважения. Но верх искусственных наставлений и поучительных выводов представляют скучные, черствые притчи Круммахера. Напрасно г-н Ушинский допустил их в свой сборник. В пример того, что номер статьи хрестоматии не всегда соответствует статьям «Детского мира», берем стихотворение Майкова «Кто он?» (ч. 2, Хрестоматия, стр. 17). Г-н Ушинский думает, что он добавляет характеристику Петра Великого («Детский мир», стр. 163, ч. 2). Напротив, оно вовсе не может служить добавлением. Не только дитя, но и взрослый не возьмется отвечать на вопрос, стоящий в заглавии пьесы. Только имя Петра заставляет догадываться, что здесь дело идет о Петре, но о каком именно—трудно решить. Вместо личности, вышел какой-то туманный облик, в котором не разглядишь ни исторических, ни частных очертаний. Другое дело стихотворение Пушкина «Петербург» (стр. 86). Впрочем, независимо от предполагаемой связи «Детского мира» с «Хрестоматией», последняя составлена хорошо. Вообще вся книга выказывает в ее составителе разумность, знание дела и педагогическую опытность. Все эти качества ясно подтверждаются прекрасным предисловием, в котором изложены содержание, цель и способ употребления «Детского мира» и «Хрестоматии».

В заключение остается решить, может ли означенная книга «быть употребляема с пользою при первоначальном обучении», как сказано в объявлении о конкурсе; другими словами, пригодна ли она по своему содержанию и изложению «для детей, обучающихся в народных училищах ведомства Министерства народного просвещения и в низших классах гимназий», как требуется тем же объявлением. Утвержденное решение дано уже Ученым комитетом прежде, чем книга поступила на конкурс. Заглавный лист ее, на основании этого решения, объявляет: «Допущена к употреблению в первых четырех классах гимназий и уездных училищах». Мне остается, на основании моего собственного мнения, подтвердить предшествовавший ему приговор Ученого комитета.

[Настоящая архивная копия изготовлена по материалам Государственного архивного фонда СССР, хранящимся в Центральном Государственном Историческом Архиве в Ленинграде, фонд 734 — Ученый комитет МНП. оп. 2, д. 7, Журналы заседаний, 1862—1863 г.г., стр. 416—422.]

3. Ф. Толль. «Детский мир и хрестоматия» К. Д. Ушинского

«Появление «Детского мира», — говорит автор в предисловии к первому изданию разбираемой нами книги, — вызвано современною потребностью (в чем?) по первоначальному преподаванию русского языка в младших классах наших учебных заведений». «В настоящее время, — продолжает он через несколько строк, — в нашем учебном мире довольно уже распространена та совершенно справедливая мысль, что, при изучении отечественного языка, знакомству с грамматическими правилами должно предшествовать знакомство с самым языком и практический навык в его правильном употреблении. Сколько мне известно, в младших классах всех учебных заведений (в которые только поступают дети от 9 до 12 лет) обучение отечественному языку начинается *чтением и рассказом прочитанного...*». «Присутствуя часто при таких чтениях и рассказах, я убедился в необходимости особенной книги, именно назначенной для того, чтобы десятилетний ученик мог читать ее и рассказывать ее содержание, а учитель мог сопровождать эти чтения систематически связанными между собою толкованиями, доступными и полезными для ученика такого возраста. Но какова же должна быть книга, назначенная для этой цели?

Поставив этот вопрос, автор старается вывести ответ на него из обсуждения различных взглядов на значение чтений и рассказов в классе, причем приходит к заключению, что целью этих занятий не должен быть один практический навык в языке, не должна быть исключительно и умственная гимнастика, но что, достигая двух упомянутых целей, преподаватель, кроме того, должен при чтениях и рассказах стараться сообщить ученикам возможно больше полезных сведений. Но и не в самых этих сведениях автор видит цель и ядро таких чтений и объяснений, а в «*идее, развиваемой в уме дитяти усвоением того или другого знания.* Вокруг этого ядра должны органически нарастать логическая и умственная оболочки так, чтобы словесные и логические упражнения не были только правильною постройкою пустых или ложных фраз, ни логическою диалектикою без содержания».

Здесь необходимо рождается вопрос: какого рода должны быть эти знания и идеи, составляющие ядро чтений и рассказов в классе? Автор старается доказать, что ни исторические рассказы, ни отрывки из путешествий, ни сцены из детской жизни, ни описания мира общественных отношений не годятся для этой цели и, наконец, останавливается на предметах естественной истории, которых достоинства перед всеми прочими видит, во-первых, в их наглядности. «Наглядное обучение, — говорит автор, — должно бы, конечно, *предшествовать умственным упражнениям* (?) и начинаться в самом раннем возрасте, прежде

еще, чем ребенок выучится читать. Но, так как этого у нас почти нигде еще нет..., то я и полагаю весьма полезным, сколько возможно, восполнить этот недостаток в самой школе при первоначальных чтениях. Понимая очень хорошо, что наглядное обучение должно сопровождаться не чтениями, а изустными вопросами и рассказами со стороны учителя.., я тем не менее полагаю возможным, в случае недостатка подготовительного наглядного обучения, соединить его с первоначальным чтением».

Вторая причина, почему автор выбрал для «Детского мира» преимущественно предметы из естественной истории, состоит в том, что он считает эти предметы самыми удобными для того, чтобы приучить детский ум к логичности, что, по его словам, и составляет *главную цель чтений* и рассказов. По нашему мнению, чтобы избегнуть противоречия, здесь следовало бы вместо «главную цель» сказать: «одну из главных целей», потому что за несколько строк перед этим автор, как мы видели, утверждал, что главных целей чтения и рассказов три: практический навык в языке, умственная гимнастика и сообщение полезных сведений и идей.

Что касается формы, в которой изложены предметы, избранные автором для «Детского мира», то автор утверждает, что «в книге для классного чтения содержание *нигде* не должно приноситься в жертву занимательности, так что такая книга должна быть только *по возможности* занимательною».

При этом он говорит: «Книга для первоначального классного чтения должна быть, как мне кажется, преддверием серьезной науки; так, чтобы ученик, прочитав ее с учителем, приобрел любовь к *серьезному* занятию наукою».

Эти выписки мы почитаем достаточными для того, чтобы читатель понял идею, руководившую г. Ушинского при составлении «Детского мира». Итак, г. Ушинский в своей книге поставил себе задачею:

1) восполнить недостаток у нас наглядного обучения, показав, как соединить его с первоначальным чтением;

2) дать материал для упражнения ученика в правильном употреблении языка;

3) представить ряд статей, по которым детский ум приучился бы к логичности;

4) сообщить дитяти возможно более научных сведений в форме не столько занимательной, сколько серьезной, и сделать таким образом из книги для первоначального чтения преддверие науки.

Поставив себе такую трудную и сложную, чтобы не сказать невозможную, задачу, автор делит свою книгу на две части: собственно «Детский мир» и «Хрестоматию», которой назначение — служить для формального изучения языка по разнообразным образчикам слога лучших наших писателей.

Та и другая части: «Детский мир» и «Хрестоматия», во втором издании разделены на два тома, из которых в первом, по отделу «Детского мира», содержатся, за немногими исключениями, одни естественно-исторические статьи, во втором же — статьи по географии, русской истории, естественной истории и, кроме того, первые уроки логики. Затем первый том «Детского мира» начинается рассказом «Дети в роще», которой назначение состоит в том, «чтобы дать преподавателю случай, при чтении совершенно легонькой статейки, *установить первоначальный порядок в классных чтениях*». Не отрицая нисколько пригодности рассказа для этой цели, мы, однако, должны заметить, что он принадлежит именно к разряду тех сказок и побасенок, на которые тратить классное время автор в своем предисловии к 1-му изд. (стр. V) почитает за грех. Вторая статья — «Дети в училище» и пять последующих в отделе I, по всему видимому, должны служить к восполнению недостатка наглядного обучения, от которого страдают ученики наших учебных заведений. Но здесь-то именно и оказывается невозможность такого восполнения, без ущерба занимательности и полезности чтения. А именно: наглядное обучение всегда исходит *от предметов*, которые должны быть объяснены ученику, и прежде всего от предметов, ближайших к ученику; только мало-помалу, по мере того как ближайшие предметы вполне усваиваются учеником, учитель переходит к объяснению отдаленнейших. Материал наглядного обучения, таким образом, почти случаен и заключается в окружающем мире, а не изобретается преподавателем. При чтении же материал объяснений заключается в книге; рассматриваются те предметы, которые автору угодно было изобразить, и так, как ему удалось изобразить их. Теперь, если мы захотим соединить наглядное обучение с чтением, то или принуждены будем в наглядном ознакомлении детей с предметами сообразаться с тем, как они изображены в книге, или же допустить разлад между наглядно-узнанным и читаемым. С другой стороны, если даже мы успеем помирить то и другое, то какой интерес будет дитяти читать описание того, что оно видит и что уже совершенно знакомо ему из наглядного обучения? Статья вроде «Дети в училище» должна страшно наскучить детям, если чтению ее будет предшествовать наглядное изучение предметов, находящихся в училище, если чтение ее, как советует автор (стр. XIV), «будет только *заключением* и *повторением* нескольких словесных бесед с учениками о классе, находящихся в нем предметах и классных требованиях». Читать о том, что уже знакомо нам в малейших подробностях, о чем мы уже рассказывали, да ведь это — нестерпимая скука! Так же скучны будут статьи о временах года, из которых ребенок не узнает почти ничего нового, между тем как тот же предмет, став содержанием исключительно наглядного обучения и облеченный в форму живого разговора между учителем и учениками в классе, кроме того, что мог

бы быть сделан чрезвычайно занимательным, мог бы еще содействовать уточнению понятий и развитию воспроизводительного воображения дитяти. Статья «О человеке», заключающая 1-й отдел, самим автором признана скучною в чтении (стр. XVI); «но если, — продолжает он, — и дети сами, в несколько последовательных уроков, выскажут с помощью учителя все содержание этой статьи, конечно, по отделам, на которые она разбита, и потом прочтут статью также по отделам, то она принесет им большую пользу». Тут нет логической связи: статья скучна, но если... то принесет пользу. Да ведь оттого, что принесет пользу, она не станет занимательнее в чтении? Вот оно, что значит гоняться разом за двумя зайцами! Что за чтение, состоящее в вычислении различных частей нашего тела: рука состоит из таких-то костей, нога из таких костей и пр. и пр.? Неужели посредством такого чтения можно приобресть навык в языке? Впрочем, ведь, сознавая негодность «Детского мира» для этой цели, автор и присовокупил к нему «Хрестоматию», между статьями которой и статьями «Детского мира» сохранена некоторая связь относительно содержания. А так как ребенка девяти или десяти лет, прежде чем «вводить его в преддверие науки», не худо бы приохотить к процессу чтения, то мы и полагаем, что «Хрестоматию» первого тома следовало бы прочесть прежде «Детского мира». Статьи же «Детского мира» следовало бы переделать, взяв для них содержание, пожалуй, из тех же естественных наук, но обработав их исключительно для объяснительного чтения без отношения к наглядному обучению.

Но если уже начинать чтение с «Детского мира», то, по нашему мнению, следует начать со статей о животных, в которых гораздо больше непосредственного интереса, так сказать, сочности, или же, еще лучше, со статей о растениях и ископаемых. Что касается статей «Детского мира» о животных, то мы не поместили бы в числе их описаний осла, слона и других, не принадлежащих к фауне родины ученика. Притом, чтобы сделать статьи занимательнее, следовало бы описать с большей подробностью признаки, по которым животные делятся на роды и виды: например, распространиться о желудке коровы в противоположность желудку лошади, свиньи и др. В этом было бы для ребенка гораздо больше интереса, нежели в повторении того, что он уже знает. Мы совершенно согласны с автором, что «не с курьезами и диковинками науки должно в школе знакомить дитя, а напротив, приучить его находить занимательное в том, что его беспрестанно и повсюду окружает, и тем самым показать ему на практике связь между наукою и жизнью». Но связь между наукою и жизнью будет понята только в таком случае, если наука явится раскрытием тайны жизни, ее внутреннего ядра, ее причин и основ, а не повторением в другом порядке тех же явлений жизни, которые перед нами совершаются.

Вообще, совершенно вопреки постепенности возрастания у ученика любознательности, в «Детском мире» самые сухие, безжизненные статьи предшествуют статьям все более занимательным, занимательность которых увеличивается еще по мере приближения к концу отдела IV и вообще к концу первой части. Правда, автор не стесняет учителя порядком, в котором статьи расположены в книге, но все-таки желает, чтобы общая система книги была соблюдена при чтении. Если мы захотим исполнить желание автора, то заставим сильно скучать своего ученика, прежде чем доберется он до статей, которые прочтет с некоторым удовольствием.

«Для объяснения статей, к «Детскому миру» приложены рисунки; но преподаватель, по словам автора, сделает очень хорошо, если покажет детям, например, цветок яблони, вишни, одуванчик в разных его видах и прочее в натуре. Для этой цели он *может* (полно, может ли?) прервать ход своих чтений и весною показать те или другие цветы и прочесть относящиеся к ним статьи». Эта последняя мера, очевидно, приведена автором так только ради приятности педагогических мечтаний, потому что, при нашей организации школ, такое прерывание лекций с целью ботанизирования вовсе немыслимо.

Во второй части «Детского мира» помещены: 1) *статьи по географии*, открывающиеся статейкою: «Поездка из столицы в деревню», которая подает повод преподавателю обратить детское внимание на окружающую дитя местность». Опять наглядное обучение в соединении с объяснительным чтением, из которых одно необходимо будет противоречить другому. Далее идут статьи: «Вблизи и вдали», «Земля», «Глобус», «Первое знакомство с полушариями» и т. д. Если мы предположим, что на прочтение первой части в классе преподаватель употребит год, то ученики из уроков географии уже будут знать все, что содержится в статьях «Детского мира» по географии к тому времени, как примутся за чтение их. Но положим, что, пользуясь разрешением, данным автором, не стесняться порядком статей, соблюденным в книге, преподаватель пропустит все общие статьи по географии и приступит к специальным, каковы: «Рейнский водопад» Карамзина, «Геркулан» Яковлева, «Ночь на Везувии» его же, и пр.; что же тогда станется с целью автора сделать из первоначального чтения преддверие науки? Ведь статьи вроде вышеприведенных отрывков из путешествий не имеют ничего общего с строгою наукой и нисколько не приготовляют к ней, как не приготовляет историческая драма или исторический анекдот. Притом, о чтении таких статей в предисловии к первому изданию «Детского мира» говорится: «Отрывки из путешествий также не годятся для первоначальных чтений: каждая местность в том виде, в каком она представляется глазам путешественников, заключает в себе для десятилетнего читателя множество явлений, требующих объяснения» (стр. IV). Что же, разве того же нельзя применить и к одинна-

дцатилетним детям? Но этого мало, в примечании на VI же странице сказано: «Книга, состоящая из исторических и *географических* отрывков, равно как и описаний различных технических производств, может быть полезна для детей *старшего возраста* и то *не как книга для классного чтения*, а как пособие при изучении истории и географии». Как согласить такое противоречие между теорией и практикою? Как согласить с приведенным нами местом другое место, которое мы выпишем из предисловия ко второй части второго издания:

«В статьях, заимствованных из различных путешествий, я желал представить главнейшие географические типы местностей и народных бытов».

Точно такое же противоречие заключается и между словами автора об исторических рассказах в Предисловии к первому изданию (стр. IV) и словами его о том же предмете в Предисловии ко второй части издания. Приведем их одни за другими:

«Рассказы исторические положительно не годятся для этой цели (для первых упражнений в мысли и в отечественном языке): десятилетнего ребенка нет возможности (а одиннадцатилетнего— есть?) возвысить до правильного понимания великих исторических личностей и великих исторических событий; а понижать эти личности и события до уровня детского понимания — значит уродовать историю, что не только бесполезно, но (и) положительно вредно. Рассказы же исторических анекдотов тоже не имеют никакой цели, потому что самые эти анекдоты имеют значение только по отношению к тем личностям, которые в них играют роль» (кн. I, стр. IV).

«Бо́льшая часть *рассказов из русской истории заимствована* мною из рассказов, составленных по летописи г. Соловьевым, впрочем с некоторыми необходимыми для детской книги сокращениями, добавлениями и изменениями, сделанными тоже по летописи. Необыкновенная простота и живость Несторова языка окажет, без сомнения, весьма полезное влияние на *слог* учеников и приучит их к той простоте, которая и составляет истинное изящество: мы уже имели случай убедиться в *благодетельности* такого влияния» (кн. II, стр. III).

Как же так? Рассказы исторические то *положительно не годятся* для упражнения в отечественном языке, то *оказывают весьма полезное влияние* на слог учеников, в чем автор сам имел случай убедиться?

За историческими рассказами следуют во второй части «статьи по естественной истории» и, наконец, «первые уроки логики». В статьях по естественной истории, вообще занимательных и довольно хорошо изложенных, встречаются иногда замечания, вовсе не относящиеся к естествознанию и не могущие быть доказанными естественно-историческим методом, а потому, по нашему мнению, неуместные. Так, в статье «Лошадь» (т. I, стр. 30) говорится:

«Взглянув на лошадь, можно убедиться, что она назначена для службы человеку и в упряжи, и под верхом: круглая, широкая спина ее так и просится под седло... Длинные, сильные и легкие ноги лошади, вооруженные крепкими копытами, показывают, что ее назначение бегать; а красивая грива и длинный легкий хвост, кажется, для того и назначены, чтобы развеваться по воздуху».

С такою же точно степенью справедливости можно утверждать, что конский хвост назначен природою для украшения киверов и касок. Во 2-й же части (стр. 175) сказано по поводу булыжника:

«Так заботился всемогущий господь о человеке, когда еще человека не было на земле, и повелел стихиям, воде, ветру и огню приготовить камень для шоссе и железных дорог (?), хотя долго еще после того человек не имел понятия ни о шоссе, ни о железных дорогах, а таскался пешком, не зная даже, что можно оседлать лошадь. Но всевидящий творец дал человеку ум и знал, что этот подарок (ум или булыжник)? не пропадет даром».

Хорошо ли будет, если мы будем учить ребенка идеалы мерять на свой приземистый аршин? Ведь люди, которые ко всему прилагают свои узкие рассудочные понятия, навеки остаются нравственными карликами. По-вашему, г. Ушинский, хвост лошади дан для того, чтобы мы любовались им? Ну, так клей рыбе дан для того, чтобы мы ели желе, а лед на полюсе создан для того, чтобы мы имели летом мороженое. Можно ли так судить явления общей жизни? Но в таком случае, чем же объясните вы роскошь, нескончаемое богатство жизни в американских саваннах и пампасах, в первобытных лесах, в которые никогда еще не проникала человеческая нога?

Что касается языка в «Детском мире», то он чрезвычайно неровен; в иных местах гладок, в других шероховат, в третьих— отзывается немецкими оборотами и галлицизмами. Мы привели довольно мест, из которых читатель может убедиться в справедливости наших слов. Приводим еще одно, свидетельствующее о небрежности и торопливости, с которою книга составлена:

«У голубей *вся* головка *всегда* густо покрыта перьями; у кур, напротив, перья на голове бывают *часто редки*....» (ч. I, стр. 67).

Хрестоматия в обеих частях составлена довольно хорошо.

Книга напечатана гораздо мельчайшим шрифтом, чем в первом издании, что вовсе не педагогическое улучшение. Для уездных училищ она слишком дорога, да и в гимназиях много есть учеников, которым платить 1 р. (для учебных заведений делается уступка) нелегко.

Мы слышали, что несмотря на изъявленное в предисловии ко второму изданию обещание, что ученики могут приобретать от учебных заведений одну часть за другою, обе части продаются только нераздельно. Таким образом, бедные родители обязаны платить деньги за книгу, которая сыну понадобится

только через год. И без того книгопродавческая монополия относительно учебных пособий отяготительна для заведений, а если книги еще дороги, так у иного поневоле отобьет охоту посылать сына в гимназию или уездное училище. Соблюдая свои личные выгоды, не худо составителям руководств иметь в виду и выгоды просвещения, в особенности когда они испрашивают себе привилегию.

4. Л. Н. Толстой. «Детский мир»

Автор говорит в предисловии, что при составлении книги он имел троякую цель: упражнение в языке, соединенное с постепенным изучением практической грамматики; умственную гимнастику и сообщение возможно бо́льших полезных сведений. Первая цель, как мне кажется, достигается при всякой книге; второй, — я откровенно говорю,— не понимаю. Умственной гимнастикой, в тесном смысле, могут быть признаны только математика и языки; да и вообще всякое занятие составляет умственную гимнастику. Последняя цель — сообщение наибольшего числа полезных сведений, очевидно, была главною у автора. С этой точки зрения мы будем преимущественно рассматривать книгу, не упуская однако из виду и первой цели, которая, по нашему мнению, преимущественно может быть достигнута выбором статей, написанных наилучшим языком. Так как я не согласен с самым основанием, побудившим автора составить книгу, и так как я не знаю ничего унизительнее для критика, как придирки и подтрунивания над книгой с помощью урывочных выписок и вопросительных знаков, и так как разбираемая книга есть, очевидно, плод серьезного и добросовестного труда, я выбираю себе случайное число 40 и через каждые 40 страниц буду выписывать и рассматривать попавшуюся мне статью, тем более, что при таком способе я буду иметь дело со статьями каждого отдела.

Дети в роще

«1. Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

— Знаешь ли что? — сказал брат сестре, — в школу мы еще успеем. В школе теперь и душно, и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички, а белок-то, я думаю, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

2. Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуку в траву, взялись за руки и скрылись между зелеными кустами, под кудрявыми березками. В роще, точно, было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые суетились в траве.

3. Прежде всего дети увидели золотого жучка.

— Поиграй-ка с нами,— сказали дети жуку.

— С удовольствием бы,— отвечал жук,— но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

— Поиграй с нами, — сказали дети желтой, мохнатой пчелке.

— Некогда мне играть с вами,— отвечала пчела,— мне нужно собирать мед.

— А ты не поиграешь ли с нами? — спросили дети у муравья. Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить свое хитрое жилье.

4. Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними; но белка махнула пушистом хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму. Голубь сказал: «я строю гнездо для своих маленьких деток». Серенький зайчик бежал к ручью умыть свою мордочку. Белому цветку земляники также было некогда заниматься детьми; он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

5. Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробегал ручей через рощу.

— Тебе уж верно нечего делать,— сказали ему дети, — поиграй же с нами!

— Как! Мне нечего делать? — прожурчал сердито ручей,— ах, вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: работаю я днем и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет белье, вертит мельничные колеса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идет кругом! — прибавил ручей и принялся опять журчать по камням.

6. Детям стало еще скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уже, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик приметил на зеленой ветке крошечную, красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала превеселую песенку.

— Эй, ты, веселый запевало! — закричал малиновке мальчик, — тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать: поиграй же с нами.

— Как! — просвистала обиженная малиновка,— мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток? Я так устала, что не могу поднять крыльев; да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаете по роще, да еще мешаете другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал все, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно: они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно».

Язык этой статейки совсем нехорош. «Послушай, как *кричат* там птички; а белок-то, *я думаю*, сколько прыгает по веткам». Во-первых, птички не *кричат*. Это знает всякий ребенок, еще неиспорченный в школе школьным языком; во-вторых, вся разговорная фраза эта, с прибавлением частицы *то* и вставочных *я думаю*, так искусственно склеена, что ни один учитель, тем менее ученик, не будет в состоянии произнести ее естественно. Такого рода образцы с уменьшительными жучок, зайчик и т. п. образуют ту ложную манеру языка и декламации, которая, к несчастью, так царствует в наших учебных заведениях.

Теперь о содержании. Где и какие даются тут сведения ученику? Если мораль, что надо учиться прилежно, потому что у всякого есть свое дело, то, я думаю, опытом дознанная истина, как дети не любят пошлую мораль, уже всем известна. Притом же мораль эта совершенно несправедлива. Ежели голубок *строит* свое гнездо, земляничка приготовляет свою сочную ягодку и зайчик моет свою мордочку в ручье, из этого никак не следует чтобы детям нужно было итти в школу. Они тоже хотят мыть мордочку в ручье и наливать ягодки своих щек, бегая по лесу. Я не согласен, чтобы дети не любили мораль; они любят мораль, но только умную, а не глупую. У них, я не скажу столько же, у них больше здравого смысла, чем у нас. Один любезник-господин привез в подарок моему пятилетнему племяннику швейцарский шале в два вершка вышиною и все рассказывал, как он будет жить с ним вместе в этом шале. Николенька все молчал, но, видимо, был оскорблен. Когда господин ушел, несмотря на радость, доставленную ему подарком, Николенька с озлоблением сказал мне: «ах, какой он глупый, разве он не знает, что нам нельзя влезть в это шале?» Точно то же говорят и думают все дети при чтении таких книжек, как «Дети в роще». Морали тут нет, потому что она бессмысленна; занимательности тоже: сказка-не-сказка, правда-не-правда. Сведений тоже нет. Содержание и язык тоже фальшивые и дерут ухо каждому ребенку.

Перевертываю 40 страниц.

Слон

«В животном царстве, при всем его огромном разнообразии, ни одно животное не обращает на себя столько нашего внимания, как слон. По величине своей он уступает только одному киту, а понятливостью превосходит обезьяну.

В вышину слон бывает от 8—12, а в длину — от 12—16 футов; весит более 150 пудов. Его толстая, грубая, как мозоль, кожа покрыта редкими жесткими волосами, и пуля не пробивает ее. Голова у слона велика и несколько продолговата; небольшие глаза с ресницами смотрят умно; широкие отвислые уши висят;

рот приходится почти у самой груди; передних зубов бывает обыкновенно два, и то только в одной верхней челюсти; клыков вовсе нет; число коренных бывает различно, от 1—3 в каждой челюсти. Зубы эти в длину имеют от 2—5 футов и весят от 20—48 фунтов. Бивни у самца бывают еще длиннее, до 8 футов, и весят иногда до трех пудов; в продаже они известны под именем слоновой кости. Подпорою слону служат четыре непомерно толстые ноги; на каждой ступне у него по пяти пальцев, так плотно обтянутых толстою кожей, что присутствие их можно узнать только по выдающимся копытам. Но самая интересная часть слонового тела — хобот. Он составляет продолжение носа, всегда бывает необыкновенно подвижен и часто в длину имеет от 7—8 фут.; животное, однако, совершенно произвольно может втягивать его в себя и сокращать до 2 фут. На конце хобота отросток вроде пальца, в средине хобота проходят две носовые ноздри. Хобот состоит весь из верхней кожаной оболочки, нервов и мускулов и потому представляет собой самый совершенный по чувствительности орган осязания. Слон своим хоботом делает все, что делаем мы руками: он может свертывать его и развертывать, поворачивать в разные стороны; а кончиком своего хобота слон поднимает с земли самые маленькие монеты, отпирает ключом замки, раскупоривает бутылки, срывает цветы, набравши воды, брызгает ею, как из фонтана, и пр. Кроме удивительной чувствительности, хобот наделен необыкновенной силою, так что одним ударом его слон может убить человека, высоко поднимает с земли тяжести весом до 200 фунт.; на себе же слон может нести от 2000 до 4000 фунт.; вообще он обладает силою 6 лошадей. Когда слон идет обыкновенной своей походкой, то лошадь догоняет его только рысью; впрочем, слоны могут бегать и плавать хорошо. Живут слоны большими стадами, иногда в 400 голов, в тенистых лесах внутренней Африки, в южной Азии и на островах Цейлоне и Суматре: доживают до 200 лет. Питаются слоны растительной пищей, любят хлебные растения и потому причиняют страшный вред полям, засеянным рисом. Содержание ручных слонов обходится весьма дорого: средним числом полагается слону в сутки до 100 фунт. вареного рису и столько же травы или листьев».

Как на образец языка, которому поучает «Детский мир», прошу читателя обратить внимание на следующее предложение: «В животном царстве, при всем его огромном разнообразии, ни одно животное не обращает на себя столько *нашего* внимания, как слон». Вся эта, составленная из неясных литературных слов, закрученная фраза значит только: слон чуднее всех животных.

«По величине своей он уступает только одному киту, а понятливостью превосходит обезьяну». Это значит: только один кит больше его, а он умнее обезьяны.

Неужели нужно сказать «уступает и превосходит», неужели нужно учить детей говорить или писать таким образом? Ска-

жешь: *уступает киту ростом и превосходит обезьяну умом* и как будто выходит что-то похожее на мысль, а скажешь: он меньше кита и умнее обезьяны, и очевидно становится, что связаны эти два сравнения решительно ни к чему. Весь язык книги таков. Под напыщенностью и неестественностью фразы скрывается пустота содержания. Посмотрим теперь, какие же даются ученику полезные сведения в таких статьях.

В предисловии автор говорит, что при выборе статей он руководствовался тремя соображениями: чтобы сообщаемые сведения были: 1) истинны, 2) полезны и 3) доступны. О занимательности автор не позаботился, хотя занимательность есть единственный признак как полезности, так и доступности. Чем руководствовался автор для достижения двоякой цели: доступности и полезности? Собственные соображения обманывают большей частью, как и в этом случае обманули г. Ушинского. Кажется, бесполезно доказывать, что пользы от знания о существовании слона нет никакой. В отношении же доступности не только язык, но и, главное, самый способ изложения совершенно не достигают цели. Рассказывается не про одного какого-нибудь слона, сделавшего то-то или жившего так-то,— нет личности и движения в рассказе, которых требует природа ребенка, — а есть описание слоновой породы, признаков и качеств слона вообще. (Я уже не говорю о том, что автор не потрудился перевести футы на аршины.) Описание слоновой породы с ее признаками не только для ребенка, но и ни для кого не может быть интересно само по себе. Признаки и качества эти интересны только в научном отношении, интересны только в области сравнительной анатомии. Наука вовсе не трудна и не тяжела, она, напротив, имеет свое обаяние для каждого человеческого ума, — обаяние точности, полноты и системы. Как же скоро вы лишаете передаваемые сведения их научной обстановки, так они становятся скучными и ненужными. Ежели уже вы хотите передать их, то учитесь передавать их у жизни, передавайте их в форме искусства. Есть только два выхода — или наука, или искусство, или поэтический рассказ, или научное исследование. Но и то и другое слишком трудно, требует большой любви и большого знания дела. Вследствие этого-то и являются такие несчастные компромиссы, как все статьи книги Ушинского: они скучны для детей, портят их язык, потому что написаны дурным языком, и совершенно справедливо представляются детям пустой, ничего не дающей болтовней.

Перевертывая еще 40 страниц, мы встречаем статью «Стерлядь».

Тот же дурной и неточный язык, то же отсутствие содержания.

В конце статьи есть примечание, служащее учителю руководством для классификации пройденных животных. Г-н Ушинский спрятал на последнем плане научную классификацию. Выбирая между способом такого описания животных, образцы ко-

торого мы приводили, и между зоологическою классификацией,— он выбрал первое, из двух зол меньшее, как ему казалось. Нам же кажется, что научная зоологическая классификация в педагогическом приложении есть такая бессмыслица, что над ней и задумываться было нечего; тем менее мы можем сочувствовать вследствие этого тем скучным описаниям животных, результатом которых автор видит зоологическую классификацию. Мы пропускаем «Кремень» на 120-й странице; его точно так же надобно ученикам выучить наизусть, чтобы что-нибудь осталось у них в голове от этой статьи.

Беру из хрестоматии опять первую и 40-ю страницу. Попадаю на стихи и на прозу. В обоих тот же ложный и дурной язык; в обоих ложная мораль, и обе на ребенка-читателя производят то впечатление, которое производит рассказчик анекдота, сам смеющийся своей будущей остроте и вызывающей у слушателей вопрос: потом что же? Каждый ребенок прочтет «Играющих собак» и скажет: ну?.. — и ни один не будет в состоянии пересказать, не сделав усилия памяти.

Играющие собаки

«Володя стоял у окна и смотрел на улицу, где грелась на солнышке большая дворовая собака Полкан.

К Полкану подбежал маленький мопс и стал на него кидаться, лаять, хватал его зубами за огромные лапы, за морду и, казалось, очень надоел большой и угрюмой собаке. «Поди-ка, вот она тебе задаст,— сказал Володя, — проучит она тебя». Но мопс не переставал играть, а Полкан смотрел на него очень благосклонно.

— Видишь ли,— сказал Володе отец. — Полкан добрее тебя! Когда с тобою начнут играть твои маленькие братья и сестры, то непременно дело кончится тем, что ты их приколотишь. Полкан же знает, что большому и сильному стыдно обижать маленьких и слабых».

Следующая, на 40-й странице, статья из Хрестоматии — басня Дмитриева: «Кот, петух и мышонок». В ней описывается, что мышь рассказывает, что она бежала, *как молодой мышонок, который хочет показать, что он уж не ребенок.* Что у петуха две руки, *служащие для полета*, что в глазах его *написана услуга.* Мать же мышонка говорит, что петух есть *миролюбивый житель*— чего не сказано!

Вторая часть «Детского мира» начинается статьей «Поездка из столицы в деревню». Статья эта состоит из глав: 1) Столица и ее окрестности. 2) Большая почтовая дорога. 3) Деревня, уездный и губернский город. 4) Проселочная дорога. 5) Крестьянская изба. 6) Прибытие на место.

Автор в своем предисловии просит обратить внимание на эту статью и не торопиться чтением ее. Слишком легко было, при-

творяясь непонимающим замысла автора, доказать всю неприложимость, бесцельность и нескладность этой статьи, потому я старался вникнуть в предисловие и общий выбор статей книги, объяснить себе цель этого набора слов и предложений. Цель статьи, очевидно, состоит в возбуждении в детях географического интереса, — интереса к тем местам, в которых они еще не были. Каким образом автор достигает своей цели? Во-первых, в книге, назначенной для большинства детей, он выбирает тех несчастных изуродованных, убогих детей, которые ничего не видали, кроме столицы, и для них описывает небо, землю и человека, т. е. облака, захождение солнца, лес, поля, мужиков и баб. Другого содержания нет, если признать за содержание объяснение о том, как чиновники необходимы для мужиков. Без чиновников и образованных людей, на взгляд «Детского мира», пропали бы крестьяне. Вот как объясняет это добродетельный папаша.

«Но хлеб в столицу собирается из самых отдаленных мест, по рекам, каналам и дорогам, из всех этим маленьких бедненьких деревень. На подать, которую дает крестьянин, содержатся блестящие войска, строятся корабли и крепости: из нее же платится жалованье чиновникам. Из крестьянского оброка строятся великолепные дома, покупаются блестящие экипажи. Так маленькие, незаметные, роющиеся в земле корешки питают пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своем тоненьком стебельке. Сорвите розу, вместо нее появится другая; повредите корень, весь куст завянет, — и пышная роза не будет больше гордо качаться на тоненькой ветке».

Отсутствие содержания таково, что не только ребенок, но ни один взрослый человек не в состоянии прочесть всей статьи. Дело только в том, что дети с папашею выехали из Петербурга, проехали по большой и проселочной дороге, заезжали на станции и в крестьянскую избу и приехали в свою деревню. Все это написано самым дурным, т. е. гладким, литературным языком, которым пишут фельетоны и повести в плохих журналах.

Каждое подлежащее с эпитетом, легкие обороты речи, милые руссицизмы, когда говорит мужик или баба с прибавлением слов *там-от-ко*, или что трава растет *гонко* и т. п.— тот самый язык, про который говорят: «приятный стиль», а про авторов которого говорят — «владеет пером». И все это на 18 страницах. Ни одного живого прочувствованного оборота, эпитета, ни одного лица, ни одной картины. И что хуже всего, как будто бы есть картина, как будто бы что-то описывается. Все это набрано из плохих повестей и свьючено в одно место. Вот образец такого языка, расслабляющего, приучающего говорить слова без образов и мыслей:

«Начинало вечереть. Поверхность речки блестела розовым светом. Кое-где чернели на ней стада диких уток. Длинноносый бекас со свистом перепархивал с одного берега на другой; а белые чайки, блестя в воздухе крыльями, с печальным криком

носились над водою: зорко высматривали они, не выкажется ли где-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы — так называют этих чаек — большие охотники до рыбы и в этот вечер, наверно, охотились удачно. Рыба то и дело выплескивалась там-и-сям по реке, ловя комаров и мошек, которые, ища сырости и не находя ее вверху, кучами толклись над водою, предсказывая, что и завтра будет такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цветами, золотым, розовым и пурпуровым, серебряные облака, столпившиеся к западу, как будто затем, чтобы проводить на ночлег своего щедрого владыку, огромное, покрасневшее солнце... Отражая косвенные вечерние лучи, речка сверкала, как растопленное золото. Становилось прохладнее, а под ивами, свесившимися над водою, было уже совершенно темно. Утомленные длинной дорогой, дети чувствовали усталость».

Читая такие вещи, и ребенок и взрослый (дети и взрослые понимают и чувствуют одинаковым образом — давно надо бы понять это), читая такие вещи, испытывают то смешанное чувство скуки и страха, которое производит в приятных формах выраженное поучение от нелюбимого и скучного учителя: «Вы знаете, как я вас люблю, милые дети, вы знаете, как все в жизни достигается только трудом и какая есть святая вещь труд и т. д. и т. д.» — говорит учитель. Ученик слушает и думает себе: уж если непременно надо таскать меня за волосы, или оставить без обеда, так поскорей, пожалуйста, — не мучай, бога ради. Не раз мне случалось наблюдать, что дети, читая повести вроде «Поездка в деревню», написанные таким мягким, как будто влезающим в душу языком, сейчас же становятся настороже и ждут только того, что вот-вот изо всего этого выйдет какая-нибудь неприятность. Что хуже всего, так то, что автор описывает в статейке совершенно неизвестные ему предметы. Не говоря уже о безобразном мнимонародном языке с словами: *огорожа*, *тутотка и голову раскромсал* и т. п., тут два раза повторяется, должно быть, для красоты картины, что крестьяне на телегах везли свои *тяжелые* сохи. Автору неизвестно, что соха отличается от всех других орудий землепахания именно своей легкостью, что для людей, видавших соху, с нею неразрывно связывается признак именно легкости и что ее возят на телеге только, когда сеют или когда у мужика одна лошадь, что бывает очень редко.

Необходимо прочесть еще следующий короткий отрывок как образец языка и картины, очевидно, взятых тоже из плохих описаний деревенской жизни:

«По обеим сторонам дороги, по волнистым холмам, подымались полосы разноцветных нив, то покрытых зеленеющими хлебами, то черных, *отдыхающих под паром*. На горизонте, где небо сходилось с землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекого леса. В лощине, между двумя длинными холмами, виднелись соломенные крыши большого *села*, разбросанного на скате.

Позолоченный крест сельской церкви ярко горел на солнце. С другой стороны дороги можно было заметить вдали небольшую *деревню*, в которой не было церкви. Под самым лесом, верст за десять, блестел чуть заметный крестик другого села. Внизу, впереди — потому что дорога шла под гору — огромное стадо паслось между молодыми кустарниками. Несколько крестьян пахали, таща *свои тяжелые сохи*, в которые были впряжены небольшие деревенские лошаденки».

Но рассуждения лучше всего. Вот перл таковых:

«— Выдля нас, добрые люди, работаете, а мы должны учиться, чтобы уметь строить вашу жизнь как можно лучше. Без книг и без учения тоже жизнь очень дурна, — прибавил он, обращаясь к детям, когда старушка ушла: — будет у нас больше умных, ученых и образованных людей, тогда и в этой деревеньке, может быть, жизнь сделается лучше, удобнее и приятнее. Образованные люди придумали хорошие дороги, шоссе, паровые машины, каналы, улучшенные земледельческие орудия, фабрики. С помощью их и в эту деревню заглянет когда-нибудь образование, облегчится тяжелый труд крестьянина, выстроится школа и появятся здесь разные удобства и удовольствия жизни, о которых теперь и понятия не имеют».

Я верю в природу детей, уважаю достоинство человека и поэтому убежден, что такие статьи не могут нравиться детям. Но, может быть, искусство педагогики состоит в том, чтобы продолжительной и усиленной муштровкой, наглядным обучением, деспотизмом школы и т. п. довести детей до вкуса к таким произведениям, то это был бы самый сильный упрек, который можно было бы сделать такой педагогике. У меня был только один ученик, который любил читать «Детский мир», — избалованный сын управляющего. Это было самое развратное, изолгавшееся существо: потихоньку ущипнет, украдет, оболжет, донесет учителю; возьмет «Детский мир» и, с притворной улыбкой милого дитяти, читает и вслух рассказывает «Дети в школе» и т. п., когда мимо идет учитель.

Перевертываю 40 страниц, мне попадается «Ньютон». Но напрасно бы я стал надеяться найти здесь лицо с интересными подробностями жизни, которое бы могло привязать ребенка. Тут вы найдете или ничего, или целый курс физики. У ребенка ничего не останется от этой статьи, если не прочтете ему целый курс физики, — не займетесь с ним месяц или два. Вот эта статья:

Ньютон

«Лет за полтораста до нашего времени жил в Англии один гениальный человек и великий ученый, по имени Исаак Ньютон (родился в 1642 г., в год смерти Коперника, а умер в 1727 г.). Он был так умен и так много знал, что часто, смотря на самые обык-

новенные предметы, видел в них то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютон, прогуливаясь по саду, увидел, как яблоко, сорвавшись с ветки, упало на землю. Тысячу раз видел он, как падали яблоки, и не обращал на это внимания, но теперь в уме его родился вопрос: почему яблоко, оторвавшись от ветки, упало на землю, а не полетело кверху или в сторону? Ньютон знал, что каждое явление должно иметь причины, и спросил себя: какая причина, что все тела падают на землю, а не летят кверху или не остаются висеть в воздухе? Подумав хорошенько об этом обыкновенном явлении, на которое до тех пор никто не обращал внимания, Ньютон решил, что в земле, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже заметили люди в магните, с тою только разницей, что магнит притягивает железо и сталь, а земля притягивает все тела, и твердые и жидкие,— и воду, которая потому не выливается из морей, и воздух, который потому не разлетается во все стороны.

Ньютон не остановился на таком решении: он стал наблюдать далее и скоро заметил, что не одна земля притягивает к себе все тела, но что всякое тело притягивает к себе другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой в тарелку, бросить несколько маленьких, легких тел, т. е. таких, которые притягиваются землею не очень сильно, то все они мало-помалу сблизятся друг с другом или пристанут к краям тарелки. Маленькая щепка, пущенная на воду, держится у большой барки, а листья и другие легкие тела пристают к берегам. Скоро Ньютон убедился, что все тела притягивают одно другое, и что если камень не летит к другому камню, лежащему возле, то только потому, что притягательная сила земли во столько раз больше притягательной силы камня, во сколько земной шар больше самого камня, т. е. в несколько сот миллионов раз. Если один мальчик везет колясочку, а другой станет удерживать ее сзади, то перетянет тот, кто из двух сильнее. Но если тот же мальчик схватится сзади за коляску, которую везет четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуют, что кто-то уцепился сзади. Точно так же, хотя все тела, находящиеся на земле, притягиваются друг к другу, но их взаимная притягательная сила, в сравнении с притягательной силой земли, гораздо ничтожнее, чем сила мальчика в сравнении с силой четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тела? Подымая камень с земли, мы чувствуем, как он тяжел, или, другими словами, чувствуем, как сильно тянет его к себе земля: это большее или меньшее притяжение тела землею и дает бо́льшую или меньшую тяжесть весу. Сравнивая тяжесть тела с какою-нибудь испытанною тяжестью, например, с тяжестью фунтовика, мы открываем *вес* тела: узнаем, сколько в нем фунтов, пудов и т. д.

Желая определить тяжесть всех тел, или, другими словами, ту силу, с которою каждое тело притягивается землею, ученые

стали сравнивать тяжесть каждого тела с тяжестью совершенно чистой воды, и нашли, что стакан воды в тринадцать с половиной раз легче стакана ртути, что железо в восемь с половиной раз тяжелее воды, золото в девятнадцать с половиной и т. д. Такой вес тел, взятый сравнительно с весом чистой воды того же объема, называется *относительным*, или *удельным*, весом» и т. д.

Все остальные статьи в том же роде.

Хрестоматия второй части, отдел первый. «Зимняя дорога» Пушкина, ничего не дающая детям, и «Две бочки» Крылова.

«Две бочки ехали: одна с вином, другая пустая. Вот первая— себе без шуму и шажком плетется, другая вскачь несется: от ней по мостовой и стукотня, и гром, и пыль столбом: прохожий к стороне скорей от страху жмется, ее заслышавши издалека. Но как та бочка ни громка, а польза в ней не так, как в первой, велика».

Как могли *ехать* бочки и, главное, *нестись вскачь* и *плестись шажком*, и зачем тут прохожий сторонится, и зачем все это написано? — спросит себя сам ребенок и не даст ответа.

Далее на 40-й странице следует «Пустой остров». Не могу не выписать его весь, это слишком замечательно.

«Один добрый господин, желая осчастливить своего раба, дал ему свободу и подарил ему корабль со множеством драгоценных товаров.— «Ступай,— сказал он ему, — плыви в чужие земли, умножь свое имущество и все, что ты приобретешь, будет твое».

Невольник отправился; но скоро началась сильная буря, и корабль его разбился о скалы. Драгоценные товары пошли ко дну. Все ехавшие на корабле погибли, и один только бывший раб с величайшим трудом добрался до ближайшего острова. Голодный, полуобнаженный и беспомощный, побрел он внутрь острова, горько оплакивая свое несчастье; пройдя немного, увидел он вдали большой город, из которого вышла к нему навстречу толпа жителей с радостными криками. «Да здравствует наш король!» кричали они ему; посадили его на богатую колесницу и торжественно ввезли в город. Потом ввели они его в королевский дворец, надели на него драгоценную мантию и посадили на золотой трон; вельможи окружили его со всех сторон, пали перед ним ниц и от имени целого народа дали ему клятву в верности.

Новый король думал сначала, что все это видится ему во сне; однакож мало-помалу он убедился, что это не сон.

«Решительно ничего не понимаю», думал он, «где же были глаза у этих людей? Взять голодного, нагого бедняка и провозгласить его своим королем! Странные обычаи в этой стране».

Так думал новый король, и любопытство его было до того сильно, что он решился просить о разрешении мучившей его загадки одного из своих приближенных, который показался

ему стариком добрым и умным.— «Визирь», сказал новый король старику, «объясни ты мне, пожалуйста, зачем вы меня сделали вашим королем? как вы могли узнать, что меня выбросило на ваш берег, и что, наконец, из всего этого выйдет?»

— «Властитель мой»,— отвечал ему визирь, — «этот остров населен духами. Они давно уже выпросили себе у всемогущего, чтобы он ежегодно присылал властвовать над ними одного из сыновей Адама. Творец внял их просьбам и каждый год, в один и тот же день, посылает человека на наши берега. Жители выходят к нему навстречу с радостными криками, как ты сам это видел, и провозглашают его своим королем; но только на один год. Когда же минет год и настанет известный день, тогда они лишают его королевской власти, снимают с него все украшения и одевают его в рубища. Бывшие подданные силою тащат своего властителя на берег, кладут его в лодку и отталкивают ее в море. Эта лодка приносит его на один пустой, дикий остров: и вот человек, который еще за несколько дней был могущественным королем, выходит на пустынный остров снова бедным, нагим и голодным. Он не находит там ни друзей, ни подданных, никого, кто принял бы участие в его несчастном положении, и если он не употребил с пользою год своего царствования, то жалкую, бедственную жизнь ведет он на пустынном острове. По изгнании прежнего короля, народ спешит на берег и знает наверное, что найдет там нового, которого провидение не забывает присылать ежегодно. Таков, властелин мой, вечный закон нашего государства — и ни один король не может его отменить».

— «Знали ли мои предшественники», — спросил король, — «об участи, которая их ожидала?»

— «Ни от одного не был скрыт этот неизменный закон судьбы»,— отвечал визирь,— «но многие из них, ослепленные блеском, окружающим их трон, забывали печальное будущее и дурно проводили свой год. Наслаждаясь счастьем, они не хотели верить в существование пустого острова; не хотели даже думать о нем, чтобы не испортить своих настоящих удовольствий и, переходя от наслаждения к наслаждению, как пьяные, достигали рокового дня; когда же приходил несчастный день, то все они жаловались на судьбу и проклинали свое ослепление; но уже было поздно: их без пощады кидали в лодку и предавали всем бедствиям, которых они не хотели предотвратить своею мудростью».

Рассказ визиря наполнил ужасом сердце короля; он содрогнулся при мысли о судьбе, постигшей его предшественников, и решился твердо избежать их участи. Он видел с горестью, что уже прошло несколько недель из недолгого года, и серьезно подумал о том, как бы лучше воспользоваться остальным временем своего царствования.

«— Мудрый визирь»,— сказал он духу,— «ты открыл мне ожидающую меня участь и всю краткость моей королевской вла-

сти; прошу же тебя, научи меня, что я должен делать, чтобы избежать бедственной судьбы моих предшественников?»

— «Вспомни, властитель»,— отвечал ему дух,— «что ты вышел на наш остров одиноким, нагим и беспомощным; таким же и сойдешь с него — и никогда более не воротишься! Есть только одно средство предотвратить все бедствия, которые ожидают тебя на земле изгнания: сделай ее плодородною и засели жителями. По нашим законам это тебе дозволяется, и твои послушные подданные пойдут теперь туда, куда ты их пошлешь: пошли же на пустой остров побольше работников и прикажи им возделать пустыню в плодородное поле, построить города и наполнить их всем, что нужно для жизни. Одним словом, приготовь себе другое, новое царство, жители которого примут тебя с радостью после твоего изгнания отсюда. Но спеши, не трать ни одной минуты понапрасну! Время коротко и, чем ты лучше устроишь твое будущее царство, тем счастливее будет твоя жизнь в нем. Думай каждое утро, что в этот день окончится твой год,— и пользуйся своей свободою. Если ты пренебрежешь моим советом, замедлишь или заснешь в удовольствии, то ты погиб — и горькая судьба ожидает тебя!»

Король был человек умный, и слова духа внушили ему твердую решимость. Он послал немедленно множество работников на пустынный остров; они пошли с радостью и с жаром принялись за дело. Остров быстро начал украшаться: не прошло шести месяцев, на нем появилось уже множество богатых городов, посреди цветущих лугов и полей. Несмотря на это, король не ослабевал в стараниях улучшить свое будущее царство: он все посылал туда новых и новых жителей; каждый новый житель шел туда с большею радостью, чем его предшественники, потому что его ожидала уже обработанная страна, населенная его родственниками и друзьями.

Между тем, конец года приближался. Прежние короли с ужасом ожидали дня, в который должны были сложить свою недолгую власть; но новый король ожидал его без страха, даже с удовольствием: он переходил в страну, в которой своею мудрою деятельностью приготовил себе приятное и прочное жилище.

Назначенный день, наконец, наступил: короля схватили, вывели из дворца, сняли с него корону и королевские одежды и положили в неизбежную лодку, которая принесла его к месту изгнания. Но едва пристал он к берегу, как жители острова с радостью поспешили к нему навстречу, приняли его с большим почетом и, вместо той короны, блеск которой продолжался всего один год, украсили его голову неувядающим цветочным венком. Всемогущий наградил его мудрость: он дал бессмертие его подданным и сделал его полным, вечным королем над ними.

Богатый человек — это творец. Невольник, которого отсылает господин,— человек при своем рождении. Остров, куда он пристает, — земля, на которую мы появляемся нагими

и беспомощными. Жители, идущие ему навстречу, это родители, которые заботятся о слабеньком существе. Визирь, который говорит ему о печальной участи, его ожидающей, — это религия и разум. Год правления — недолгая жизнь человека, а пустой остров — будущий мир. Работники, которых туда посылает король, — добрые дела человека в продолжение жизни; а короли, не избежавшие жалкой судьбы своей,— это большая часть людей, которые, предаваясь недолговечным земным удовольствиям, забывают об ожидающей их загробной жизни: без добрых дел появляются они перед троном всемогущего и зато терпят муку и бедствия».

Художественного интереса нет, язык дурен; аллегория совершенно неудовлетворительна, даже для взрослого, для ребенка же решительно неперевapимa и, главное, что же выходит изо всего этого, кроме скуки, скуки и скуки! Пожалуй, я соглашусь, что визирь есть религия и разум, а что работники суть добрые дела, но скажу одно и последнее, для людей, может быть, не ясно понимающих, почему такие вещи не могут нравиться детям, не могут на них действовать: детей, и даже взрослых, можно обмануть напыщенностью и непонятливостью языка. Прочтите плохую славянскую проповедь, с частым употреблением слов — благие, зело, тьма кромешная и т. п., она произведет свое действие, она возбудит целый ряд неясных страхов, чувств и мыслей. Но наговорите пустоту языком, который можно-таки понять, и у них ровно ничего не останется, кроме скуки и презрения к вам. Но когда книга, не имея содержания, еще написана языком, который не вполне понятен детям, что сказать о ней? Детей можно обмануть формой, но никак не содержанием. Требование истинного содержания, художественного или поучительного, у детей гораздо сильнее, чем у нас. Отсутствие же содержания «Детского мира» облечено в такую форму, которая могла обмануть только петербургский Комитет грамотности.

5. Мнение Министерства народного просвещения о книге К. Д. Ушинского «Детский мир»

Эта книга в 1863 г. была одобрена Ученым комитетом Министерства народного просвещения как книга для чтения, представленная им на конкурс. Тогда она была рассматриваема с точки зрения требований, поставленных объявлением конкурса. Непременное требование заключалось в том, чтоб обе части книги, различаясь по изложению и отчасти по содержанию, имели «одну и ту же ближайшую цель: а) развитие в детях любознательности и здравых понятий посредством сообщения им полезных сведений, преимущественно о внешней природе, ее силах, явлениях и произведениях; б) возбуждение и укрепление нравственных убеждений, стремлений к добру и правде и чувств

долга и чести посредством приличных наставлений и рассказов как вымышленных, так и исторических и посредством биографических очерков важнейших исторических деятелей». Сборник г. Ушинского заслужил весьма благоприятный отзыв как такой труд, который и внешним составом, и содержанием отвечал требованиям конкурса несравненно лучше, чем другие сборники, представленные на тот же конкурс.

В настоящее время, при обсуждении учебных руководств и пособий по русскому языку, предстоит обязанность рассматривать их с той целью, чтоб определить, удовлетворяют ли они потребностям преподавания этого предмета, служит ли книга для чтения или хрестоматия действительным, надлежащим материалом при его изучении. Необходимо удержать и отстаивать эту точку зрения, ради твердой, положительной постановки и успешного хода занятий отечественным языком в гимназиях. Эти занятия, как известно, приняли несвойственное им направление, так что некоторое время господствовало в них своего рода «смутное время»: чтобы рассеять смуту, следует отнять у преподавателя всякий предлог выходить из своей колеи и бросаться в чужие владения. Одним из таких предлогов может служить книга для чтения или хрестоматия своим нецелесообразным содержанием.

По основной идее и содержанию, книга г. Ушинского одного рода с книгою г. Разина «Мир божий». Обе они — энциклопедические сборники, имеющие целью развить мыслительную способность учащегося на сообщении ему сведений о природе, истории, географии и других предметов, чтобы таким образом формальное образование соединить с изучением разнообразного научного материала. Обе они смотрят на произведения литературы как на дело второстепенное, подчиненное, долженствующее служить дополнением энциклопедии, а не предметом самостоятельных занятий, с той лишь разницею, что г. Разин рассеял литературные статьи по разным местам текста, а г. Ушинский, соединив их в особый отдел, отнес на конец главного текста, под названием хрестоматии. Здесь нет существенной перемены; это — простое перемещение того же материала, который обоими составителями рассматривается с одинаковой точки зрения. Само заглавие книги «*Детский мир и Хрестоматия*» заставляет предполагать одно из двух: или г. Ушинский ставит хрестоматию, то-есть сборник литературных произведений, вне детского мира, или он видит в ней не что другое, как служебное приложение к тому, что составляет детский мир. Первого предположения допустить невозможно, так как г. Ушинский очень хорошо знает, что в области литературы многое доступно пониманию и чувству детей, и следовательно, достойно входить в детский мир. Остается поэтому принять второе предположение, справедливость которого подтверждается указаниями самого автора; в первой части своего труда, на стр. 24-й, объясняя, что такое человеческий организм, он замечает в выноске: «*смотри в хрестоматии басню*

«Органы человеческого тела», а говоря о том, как тяжело жить человеку, лишенному хотя одного из важных органов, он делает другую выноску: *«см. в хрестоматии басню «Богатство»*. Значит, обе басни служат прибавкой к элементарным сведениям о человеческом организме. Короче, «Хрестоматия» есть своего рода спутник главного отдела книги, долженствующий оживлять, дополнять и, так сказать, запечатлевать в памяти ученика статьи «Детского мира».

В «Божьем мире» г. Разина отдел естествознания преобладает над остальным содержанием книги. Тому же отделу отдал предпочтение и сборник г. Ушинского: статьи о природе занимают в нем большее место сравнительно с статьями по русской истории и географии, отдельно взятыми. На заглавной странице «Детский мир» назван «книгою для классного чтения, приспособленного к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству *с предметами природы»*. Нет сомнения, что просторнейшее место отведено натуральной истории по известным соображениям автора: может быть, по особенной важности этой науки в кругу знаний вообще и в кругу начального обучения в частности, или, вернее, по особенному удобству приспособлять ее к умственным упражнениям. Не касаясь этих соображений, мы должны решить вопрос: на какое употребление в гимназическом курсе могут рассчитывать сборники, подобные сборникам гг. Ушинского и Разина?

Не думаю, чтобы преподаватели тех предметов, названиями которых озаглавлены отделы «Детского мира», обратились к книге г. Ушинского как к пособию как бы искусно ни была она составлена. Для изучения естественной истории, истории русской и географии в наших гимназиях нужны не энциклопедии, то-есть не сборники статей, располагаемых по известным требованиям, а самостоятельные учебники, излагающие науку в системе. Если таковые учебники существуют в нашей литературе и с пользою употребляются на деле, то в других не предстоит надобности. Если же их нет, то надобно их составить. Остается один только предмет, который, по нижеизлагаемым причинам, способен впускать и действительно впускает в свою область посторонние, чуждые ему элементы: остаются одни только преподаватели, которые, по тем же причинам, отказываются от своей специальности и готовы заниматься несвойственными им уроками: этот предмет — отечественный язык: эти преподаватели — учителя отечественной грамматики. Слова, выставленные на заглавном листе книги г. Ушинского: *«допущена к употреблению в первых четырех классах гимназий и уездных училищах»*, означают, что она допущена к употреблению в классах русского языка.

Таким образом, учитель русского языка обращается в руководителя при чтении энциклопедии, приспособленной к умственным упражнениям и знакомству с природой.

Но разве это его обязанность? Он, действительно, обязан развивать ум учащихся, но только на обучении своему предмету, то-есть языку, а не на знакомстве с природой, которая ему, по его предварительному образованию, далеко не может быть так хорошо известна, как преподавателю естественной истории или физики и физической географии. Точно так же должны поступать и все другие преподаватели: у каждого из них находится в руках отличное средство для развития юного ума, а именно — преподавание той науки, которая ему вверена. Грамматика родного языка, сама по себе, дает большой материал, так называемым, умственным упражнениям. Язык есть выражение мысли. Изучая язык, дети изучают и мысль, ибо в грамматических формах выражаются формы понятий, суждений и умозаключений. Короче: грамматика готовит к логике. Вот почему странно на уроках преподавателя русского языка слышать от него самого или от учеников его разделение хищных животных на семейства (ч. II, стр. 3), описание устройства зубов у зайца (ч. I, стр. 66) и т. п.

Перестановка занятий, в силу которой преподаватель русского языка мог, например, рассуждать с учениками о животных, растениях и камнях, ведет свое начало, как объяснил г. Буслаев в своем сочинении «*О преподавании отечественного языка*», от двух причин: во-первых, от неопределенного понятия учителей языка о предмете своего преподавания; во-вторых, от желания заменить чем-нибудь старинную методу изучения грамматики, состоявшую в бессознательном затверживании правил и исключений. Думая восполнить пустоту своих уроков, учителя отечественного языка взялись за умственные упражнения и за обогащение детской памяти энциклопедическими знаниями. Увлечение в сторону от собственного предмета простерли они до такой степени, что даже те из них, которые и не забывали своего дела, то-есть отечественного языка, давали в своих уроках слишком большой простор и значение так называемому вещественному разбору. Вместо того чтобы объяснить неизвестные предметы и понятия настолько, насколько это нужно для понимания статьи, они пускались в подробности и мелочи, которыми заслонялось самое для них важное и существенное — язык. «Глава из священной истории или одна басня Крылова,— говорит г. Буслаев,— и ученику и учителю предложат материала для умственных упражнений гораздо более целой книги наглядного учения или тому подобного... В энциклопедии сведений, конечно, есть много занимательного и наставительного для детей, но для чего же браться за нее учителю отечественного языка?... Если бы детская энциклопедия была замечательна своим слогом, остроумием, глубокомыслием, если бы она по достоинству была не ниже естественной истории Бюффона или басен Крылова: то учитель языка мог бы взять ее в руководство при чтении и грамматическом разборе. Но где подобные книги?.. В школе дети долж-

ны читать и заучивать только то, что имело бы для них цену и тогда, когда вырастут. Басни Крылова учат наизусть малые дети, ими же зачитываются и взрослые... Пусть же учитель отечественного языка даст в руки своим юным питомцам такую книгу, чтение которой оставит в их душе следы на всю жизнь. Мысли классического писателя плодотворным семенем лягут в нежной душе их, сначала еще не развитые. Конечно, дети не все поймут в этих мыслях, ибо и взрослые различно понимают писателя — одни более, другие менее; но довольно уже и того, что они узнают их хотя с внешней стороны, запечатлев своим детским сознанием».

Г. Буслаев вооружался против так называемых умственных упражнений и энциклопедического обучения, в то время, когда было в моде возлагать то и другое на учителя отечественного языка. Он и тогда, за 20 лет до нашего времени, чувствовал, что положительным неудобством отзовется на преподавании этого языка наглядное энциклопедическое учение, заместившее собою уроки грамматические. Но умный голос его, видно, был гласом вопиющего в пустыне. Предчувствие его оправдалось плохими успехами гимназистов по русскому языку. Явились новые энциклопедические сборники и получили быстрый ход в ущерб грамматическому знанию, особенно орфографии. Нужно было вновь поднимать голос против вопиющих злоупотреблений. И действительно, при составлении программы по русскому языку и словесности для желающих поступить в Московский университет, некоторые члены комиссии, под председательством г. Буслаева, заявили свои мнения об энциклопедических сборниках. Вот что говорит по этому поводу Гедике, преподаватель русского языка во 2-й Московской гимназии:

«Некоторые педагоги, например, г.г. Ушинский и Разин, полагают, что одним из важнейших условий статей, служащих материалом для чтения и рассказа, должно быть сообщение учащимся полезных сведений, особенно из естественной истории. Но эти сведения передаются ученикам гимназий учителями-специалистами, и разумеется, не в пример основательнее, чем могут делать учителя русского языка. Притом каждый предмет имеет свою специальность. Цель, с которой преподается русский язык в гимназии, есть уменье владеть им и устно и письменно, уменье понимать произведения русской словесности, и начало этим знаниям должно быть положено еще в низших классах. Стало быть, преподаватель русского языка в низших классах должен подготовить своих учеников к пониманию поэтических и прозаических изящных произведений, к правильному употреблению русского языка изустно и письменно, но для этого сведения из естественной истории нисколько не нужны, а необходимо знакомство с изящными произведениями русской словесности».

Адъюнкт-профессор г. Тихонравов выразился короче, но еще определительнее:

«Для чтения в низших классах *не признаются полезными* статьи естественно-исторического содержания, которыми в последнее время стали наполняться русские хрестоматии для детей (например, «Мир божий» Разина, «Детский мир» Ушинского, отчасти и последнее издание «Практической русской грамматики» Перевлесского)».

Как облегчающее обстоятельство можно привести в пользу книги г. Ушинского, что статьи естественно-исторического содержания, назначенные *для наглядного знакомства с природой*, в то же время способны служить и материалом для упражнений в языке, например, для устного рассказа и письменного изложения их содержания. С этим, конечно, нельзя не согласиться, хотя, с другой стороны, следует противопоставить этому обстоятельству следующие две заметки: во-первых, энциклопедический сборник предоставляет учителям русского языка легкую возможность злоупотреблять им, то-есть смотреть на него не более, как на руководство к сообщению учащимся сведений о разных предметах; во-вторых, материал, нужный для практических занятий в языке, сообщается другими преподавателями лучше, нежели сборником: преподаватель языка берет его как уже готовый, предварительно данный законоучителем, учителем истории, учителем географии и пр.; не его дело исполнять чужие обязанности.

Впрочем, книга г. Ушинского, в других отношениях, имеет свои достоинства: она составлена с знанием дела и педагогическим тактом; содержание ее занимательно и разнообразно, изложено хорошим языком, не представляет погрешностей против науки и отличается нравственно-христианским направлением; но для изучения собственно русского языка она, к сожалению, оказывается, как выше объяснено, не совсем пригодной.

(Журнал Министерства народного просвещения, 1867 г., № 10).

6. В. Я. Струминский. «Детский мир и хрестоматия» К. Д. Ушинского

(Краткий историко-педагогический очерк)

Составленная К. Д. Ушинским книга для классного чтения под заглавием «Детский мир и хрестоматия» вышла в 1861 г. Допущенная Министерством просвещения к употреблению в первых четырех классах гимназии и в уездных училищах, книга эта была затем рекомендована Ученым комитетом ведомства Марии как «прекрасное учебное руководство для низших классов». Со дня выхода книги не прекращались, однакоже, направленные по адресу автора обвинения в том, что его книга является

вредной, так как разрушает религиозные верования детей.

В 1867 г. Министерство воздержалось от включения книги Ушинского в состав книг, допущенных к употреблению в гимназиях и уездных училищах. Несмотря на это, книга получила широкое распространение в школах, и спрос на нее не прекращался: к 25-летию со дня смерти Ушинского было установлено, что только за это 25-летие книга Ушинского распродана в количестве 778 000 экз.; в 1916 г. было выпущено 47-е издание 1-й части и 41-е издание 2-й части «Детского мира». Книга была оценена передовым учительством очень высоко и не потеряла своего значения до нашего времени.

В 1940 г. советский детский писатель и поэт С. Маршак, популяризируя замысел А. М. Горького о создании детской энциклопедии, писал, что «у нас нет широких обобщающих естествоведческих книг, которые образуют мировоззрение человека, помогают осознать свое место в природе»; что «среди многочисленных школьных книг для чтения, хрестоматий и сборников, составленных педагогами и литераторами, пожалуй, только книги Ушинского могут с тем же правом, что и книги Толстого, назваться художественной детской энциклопедией»; и что «в сущности Горький стремился к тому же, к чему стремились Ушинский и Толстой, когда они создавали свои книги для детей — к универсальному охвату явлений, к решению большой воспитательной задачи средствами искусства» («Красная новь», 1940 г., № 5—6, С. Маршак, «Мир в картинах», стр. 279—282). То обстоятельство, что в новых условиях социалистического строительства задача эта и по содержанию и по форме будет решена иначе, не умаляет исторической и педагогической ценности книги Ушинского. Его «Детский мир» —явление большой педагогической значимости и должен занять видное место в ряду попыток, направленных к разрешению такой большой задачи, как разработка учебного курса начальной школы.

Как работал Ушинский над своей книгой

Своей книгой Ушинский стремился разрешить неотложно стоявшую в его время задачу — дать в начальные классы средней школы и в уездные училища рационально составленную книгу для чтения на уроках русского языка. Это не значит, что в школах времени Ушинского не было книг для чтения. Но как самые книги, так и взгляды на преподавание родного языка с помощью таких книг во многих отношениях не удовлетворяли Ушинского. Об этом Ушинский подробно говорит в предисловии в 1-му изданию «Детского мира» (см. выше, стр. 17 и след.), а на разборе «Книги для первоначального чтения», составленной А. Филоновым и Радонежским (см. выше, стр. 377 и след.), Ушинский наглядно показал, что такого рода книги предназначались не для

развития учащихся, а только для механического чтения и в соответствии с этим наполнялись материалом, совершенно неудобоваримым для ребенка. Школа с первых дней должна ставить себе задачей развитие умственных и нравственных сил ребенка. В предисловии к изданному им учебному руководству А. Дистервега «Начатки школьного учения» Ушинский писал: «дитя при самом начале учения должно не только учить читать и писать, но еще больше развивать, беседуя с ним о предметах, ему близких. В таких беседах дитя приучается — а) наблюдать предмет или явление, совершающееся перед его глазами; б) связывать свои наблюдения и выводить из них по возможности дельную мысль; в) выражать эту мысль в словах правильно и точно». Развитие речи ребенка не есть процесс, обособленный от развития мысли: речь есть только орган мысли. Книга для чтения и должна быть составлена таким образом, чтобы своим содержанием она будила в ребенке способность мышления, которая, естественно, даст материал и для развития речи ребенка. Именно в такой книге и нуждались начальные классы средней школы.

«Так как,— писал Ушинский,— дети, поступающие в уездные училища, гимназии и другие средние учебные заведения, решительно не подготовлены к книжному учению наглядными упражнениями, то я и полагаю весьма полезным, сколько возможно, восполнить этот недостаток в самой школе при первоначальных чтениях». Конкретно это означало, что так как дети, поступающие в начальные классы средней школы, не получили серьезной подготовки в начальной школе, то в книге для чтения им и должен быть предложен кратко тот курс, которого они не прошли по тем или иным обстоятельствам в начальной школе.

Замысел книги Ушинского тесно связан, таким образом, с разработкой проблемы начального обучения. На эту связь определенно указывал подзаголовок, который имела книга Ушинского и который неизменно сохранялся во всех последующих изданиях. Подзаголовок этот указывал, что для правильных занятий по книге необходимо организовать наглядное знакомство с предметами природы, провести умственные упражнения, связанные с процессом этого знакомства, а затем уже читать о том материале, который проработан устно.

До появления книги Ушинского как в западноевропейской, так и в русской педагогической литературе уже имелся целый ряд книг, разработанных в этом духе.

В конце своего предисловия к первому изданию «Детского мира» (см. выше, стр. 36—38) Ушинский перечислил те основные иностранные книги для чтения, в которых резюмировались лучшие достижения европейской педагогической практики. Но, конечно, он не мог рассматривать их как совершенно безупречный образец для подражания. Ушинский не был удовлетворен этими произведениями как потому, что это были книги иностранного происхождения и, следовательно, созданные для других стран и детей,

так и по соображениям общепедагогического свойства. Ушинский исходил из убеждения, что книга для чтения в русских школах прежде всего должна носить на себе отпечаток русской природы, русской жизни. Она должна быть иной по своему содержанию — не немецкой, английской или швейцарской, а русской. Но и по форме такая книга должна быть разработана несколько иначе.

Европейские книги для чтения носили прежде всего своеобразный характер внешнего, механического нагромождения энциклопедических знаний, усвоение которых не столько развивало, сколько подавляло учащегося своей громадностью. Такова была прежде всего обширная по содержанию книга утилитарно-практического характера, составленная Ф. Гардером под заглавием «Руководство к наглядному обучению» (ч. 1-я и 2-я), книга, в начале 70-х годов переведенная на русский язык Н. А. Корфом. Отмечая богатый материал, собранный в этой книге, Ушинский не мог удовлетвориться его обработкой и стремился дать в первую очередь книгу, которая имела бы развивающее значение.

Не удовлетворяли Ушинского и те книги для чтения, которые были тщательно с педагогической точки зрения разработаны. Такова книга немецкого педагога Вильмсена («Der deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen», von Wilmsen) «Друг детей». Книга пользовалась исключительной популярностью в германских школах: в 1836 г. она вышла в Берлине 149-м изданием, в 1846 г. имелось в продаже 184-е издание. Книга была переведена в 1839 г. С. Максимовичем на русский язык и также, за отсутствием других книг, имела широкое распространение (в 1850 г. вышло 6-е издание этой книги на русском языке). Немецкое, педантически-формалистическое построение этой книги не удовлетворяло Ушинского. «На практике,— писал он,— эти книги оказываются вовсе бесполезными; скучны, монотонны, поверхностны, сбивают тысячи предметов в несколько страниц, утомительны и непонятны для детей. Эта претензия соединить обозрение целого мира на какой-нибудь сотне страниц не годится для нас. Всякая общность всегда бесцветна, если она не глубока (а глубокой она не может быть в детской книге); выраженная детским языком, она делается пошлостью».

Ко времени Ушинского и русская педагогическая литература имела уже немало опытов по составлению книги для чтения в начальных классах школы. Таковы были изданные в начале 30-х годов две книги Е. О. Гугеля, сочувственно в свое время отмеченные Белинским: «Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащения их познаниями» и «Руководство к умственным упражнениям при преподавании отечественного языка». Книги эти в известной степени предвосхищали те задачи, которые Ушинский осуществил в своих учебных пособиях — «Детский мир» и «Родное слово», но они были написаны слишком схематично и сухо и могли дать хорошие результаты только в руках такого талантливого препо-

давателя, каким был сам Гугель, о котором Одоевский писал, что «никак нельзя судить о Гугеле-преподавателе по его книгам».

Две замечательные книги для чтения появились в конце 40-х годов. Одна была составлена А. Разиным под заглавием «Божий мир». Она преследовала задачу развить мышление ребенка приготовительного класса на конкретном естественно-научном материале. По богатству, разнообразию и поучительности материала книга оказалась исключительно интересной, но в ней не учтено развитие ребенка приготовительного класса, и с первых страниц автор ведет речь в этой книге об инфузориях, клеточках, губках и пр., забывая, что хотя это и простейшие представители животного мира, но для ребенка они представляют нечто в высшей степени сложное.

Другая книга, составленная В. Ф. Одоевским и А. П. Заблотским под заглавием «Рассказы о боге, человеке и природе», подверглась большому подозрению со стороны синода, которому была представлена рецензия на эту книгу митрополитом Филаретом, усмотревшим в книге пропаганду демократических идей. На самом деле, оригинально составленная книга названных авторов ставила себе задачей дать учащимся материал «в таком виде, чтобы чтение его служило с тем вместе и средством для развития мыслящей способности в детях», не только о природе, но и об общественной жизни. Авторы исходили из убеждения, что «задача воспитания состоит не в том, чтобы сделать ученика, что называют, ученым, т. е. насыпать в его голову как можно больше знаний всякого рода, но в том, чтобы, сообщив ему немногие, но существенные истины, развить в нем способность к приобретению знаний: «не то питает, что съедено, а то, что переварено». Это условие необходимо во всех родах воспитания». Изданная в 1849 г., книга Одоевского и Заблотского больше не переиздавалась.

Таким образом, в русской педагогике к средине XIX в. совершенно определенно созрела мысль о том, что развитие речи ребенка должно быть построено на развитии его мысли и что именно этой задаче должна удовлетворять книга для чтения. Неудовлетворенность наличными опытами заставила Ушинского предпринять собственную попытку в этом направлении.

Основными вопросами при составлении «Детского мира» были для Ушинского вопросы о содержании книги и о его педагогической обработке. В предисловии в 1-му изданию книги Ушинский подробно мотивировал то решение, которое он дал этим вопросам. Так как материал книги должен возбуждать и образовывать детскую мысль, то основным содержанием книги должно быть естественно-научное содержание. «Логика природы самая доступная и самая понятная логика для детей, — писал Ушинский.—Предмет, стоящий перед глазами ученика или сильно врезавшийся в его память, сам собой, без посредства чужого слова, пробуждает в учащемся мысль, исправляет ее, если она оши-

бочна, дополняет ее, если она не полна, приводит ее в естественную, т. е. правильную, систему, если она расположена нелогически. Для первых упражнений необходимо, чтобы предмет непосредственно отражался в душе дитяти и, так сказать, на глазах учителя и под его руководством ощущения дитяти превращались в понятия и из понятий составлялась мысль и мысль облекалась в слово». В соответствии с этим намечалась и методика наглядного изучения предметов, о которых идет речь в книге. «Эти предметы большею частью могут быть показаны детям в натуре, — писал Ушинский: — ничего не стоит приобрести для этой цели кусок гранита, стебель конопли, обрубок сосны, кусок негашеной извести, еловую шишку, намагниченную палочку, колос ржи, яблоко, кусок сургуча и т. п. Нетрудно также приобресть изображение лошади, овцы, слона и десятка два других, вовсе недорогих и нередких картинок. Что касается до небольших опытов, о которых упоминается в книге, то всякий преподаватель сделает их легко... Если же ученик сумеет сделать опыт и потом рассказать, что, как и отчего происходит, то это будет признаком значительного развития как его мыслительной способности, так и его языка».

Что касается педагогической обработки материала, собранного в книге, то, как само собой понятно, она преследовала ту же цель пробуждения и развития детской мысли. «Детский мир» — это не простой и бессвязный подбор всевозможных естественно-научных сведений, но это и не готовая система, навязываемая детскому уму. «Излагать без связи описания тех или других естественных предметов и явлений значило бы, — писал Ушинский,— только бесполезно утомлять детскую память; излагать систему естественных наук, не познакомив с ее частностями, значило бы нарушать основное правило здравой педагогики. Между этими двумя крайностями я старался найти средину, т. е. изложив сначала отрывочно несколько естественных предметов, сравнивал их потом между собою и, наконец, сводил эти частности, по возможности, в одну систему».

Выражением этой методики в расположении и изложении материала «Детского мира» явились, с одной стороны, замечательные по своему замыслу статьи 1-го издания «Детского мира» под заглавием «Кунсткамера», а, с другой стороны, общее построение и система всей книги.

Характеризуя эту последнюю через 25 лет после смерти Ушинского, Д. Д. Семенов писал: «Научно-педагогическая система материала, предлагаемая книгою, выражена в «Детском мире» его автором с зрело обдуманным планом от начала до конца... Каждая отдельная статья, представляя собой законченное целое, вместе с тем тесно связана с последующей, вводя в сознание детей лишь одно или два понятия; между статьями соблюден переход от легкого к трудному; однородные сведения нескольких статей тотчас же сводятся к определенному выводу, классифи-

кации, явлению или закону. Эта-то тщательно выполненная научно-педагогическая система бросилась всем в глаза, всех поразила своей новизной... В отношении строгой выдержанности педагогического плана и до сих пор ни одна из употребляемых в настоящее время книг для чтения не может конкурировать с «Детским миром». Вот почему «Детский мир» и доныне остается любимой книгой для наших народных учителей и учительниц, получивших специальное педагогическое образование».

Несомненно, что задача книги для чтения осознана Ушинским оригинально и глубоко. Этому сознанию отвечали и те требования, которые предъявлял Ушинский к себе как автору. «Образцовая книга для классного чтения—это задача не легкая, — писал он,— хотя иные разрешают ее весьма легко... Статьи книги, написанной для первоначального чтения, не могут быть собраны из различных писателей, но должны быть нарочно составлены для первоначального чтения».

Отсюда естественно вытекало требование к автору — не просто подбирать чужие статьи, но писать их самому. Из 316 статей, вошедших в 1-е издание книги, 118 составили хрестоматию литературно-художественных образцов и 198 статей — собственно «Детского мира». Из этих 198 статей только 4 принадлежали другим авторам. Все неподписанные статьи хрестоматии также принадлежали Ушинскому. Таким образом, Ушинский был не просто составителем, а в полном смысле слова автором «Детского мира».

Конечно, по своему содержанию книга Ушинского уже не отвечает научным требованиям нашего времени. Ушинский, однакоже, стоял на уровне современной ему науки и вместе с представителями этой науки разделял и свойственные им неправильные научные взгляды, отвечавшие уровню тогдашней науки. Так, наука времени Ушинского не знала еще о существовании ледниковой эпохи. Поэтому Ушинский объяснял в «Детском мире» происхождение валунов таким образом, что обломки скандинавских скал, падавшие на лед, разносились затем морем по нашей равнине. Можно легко установить целый ряд других неправильностей, допущенных в «Детском мире» с точки зрения современной нам науки, включительно до употребления старинной терминологии (жилы — вместо кровеносные сосуды, сухие жилы — вместо сухожилия и т. п.). Понятно однакоже, что автору «Детского мира» не могут быть поставлены в вину недочеты современной ему науки.

Гораздо более существенным является другой упрек, сделанный Ушинскому уже его современниками, упрек в дуализме мировоззрения, в религиозных и идеалистических пережитках, переплетающихся с совершенно правильными научными взглядами на природу и жизнь. Дуализм этот явился естественным следствием незаконченной еще перестройки мировоззрения Ушинского: в борьбе с вульгарным материализмом Ушинский, есте-

ственно, скатывался на позиции идеализма, который и казался ему естественным завершением научного мировоззрения. Неоспоримо однакоже, что в разработке основного содержания своей книги Ушинский определенно стал на путь, который в корне подрывает идеалистическую трактовку природы и жизни и превращает ее в простой пережиток, от которого сам автор не сумел еще отделаться. В своих естественно-научных статьях Ушинский систематически раскрывает взаимосвязь между явлениями природы, устанавливает не только единство строения животных и человека, но и вообще единство всего органического мира; на анализе жизни отдельных животных он материалистически показывает, как организм животных приспособляется к окружающим условиям, как устройство организма крота показывает его приспособленность к подземной жизни, ласточки — к воздушным полетам и т. п., и совершенно ясно, что положительное значение книги Ушинского заключалось не в ее пережиточных моментах, а в том научном материале и в том научном методе его разработки, которые должны были воспитывать мышление учащихся. Вот почему с первых же дней по выходе книги не умолкали ожесточенные нападки, обвинявшие автора в том, что своей книгой он разрушает религиозные верования детей.

Выпуская свою книгу в свет, Ушинский был далек от мысли, что ему сразу удалось разрешить поставленные задачи. «Кто же в настоящее время может быть так самонадеян, чтобы взять на себя обязанность заранее и безошибочно определить, какова должна быть первоначальная книга для чтения в наших учебных заведениях, и тем более, кто может на себя взять обязанность написать такую книгу с полной уверенностью, что она совершенно удовлетворительна?» Выпуская свою книгу, Ушинский писал, что хороший учебник есть дело преимущественно опыта и что только опыт укажет, насколько книга отвечает потребностям школы. Прислушавшись к указаниям опыта, Ушинский должен был приступить к переделке книги как со стороны содержания, так и в структурном отношении. Уже во 2-м издании книга вышла в двух частях, с значительно измененной структурой и с изменениями в содержании. В 5-м издании книга вновь переделана, и эта переделка в основном явилась окончательной. Материалы, собранные в настоящем томе, дают возможность проследить за тем, как Ушинский переделывал свою книгу.

«Детский мир» в обиходе дореволюционной русской школы

Несмотря на то, что Министерство просвещения с 1867 г. воздержалось от включения книги Ушинского в состав книг, допущенных в гимназии и уездные училища; несмотря на то, что вопрос об употреблении книги в начальных училищах естественно остался открытым, так как книга предназначалась для учащихся

начальных классов гимназий и уездных училищ и даже для них была признана книгой трудной,— «Детский мир» Ушинского все же получил широкое распространение и вплоть до Великой Октябрьской революции был одной из самых популярных детских книг. Не только при Ушинском, но и долгое время после Ушинского «Детский мир» употреблялся в Смольном институте; до 1866 г. «Детский мир» официально употреблялся в гимназиях и уездных училищах, а после 1866 г.— как книга для внеклассного чтения; с 1869 г., в противовес решению Министерства, книга Ушинского допущена к употреблению в военных гимназиях и училищах; с момента выхода книга неизменно использовалась в старших классах начальных школ; наконец, широкую популярность она получила вне школ как книга для домашнего чтения детей.

В первую очередь «Детский мир» был введен в качестве книги для классного чтения в начальных классах Смольного института. Здесь работа по «Детскому миру» шла под непосредственным руководством самого Ушинского. Ближайшим образом в течение нескольких лет вел эту работу Д. Д. Семенов, который в подробностях разработал план работы по русскому языку на основе изучения с детьми материалов, собранных в «Детском мире». К естественно-научному материалу «Детского мира» Семенов подошел как преподаватель родного языка и тем самым доказал, что составленная Ушинским книга совершенно отвечает своему назначению. По истечении первого года занятий Семенов констатировал, что результаты этих занятий оказались блестящими не только потому, что учащиеся обнаружили успехи в русском языке, но и потому, что в результате этих занятий они получили весьма заметное умственное развитие, их поведение стало осмысленным и разумным, что не замечалось при прежней системе занятий. С 1864 г. Семенов, в связи с поставленной Ушинским задачей издания методического руководства для работы по «Детскому миру», стал систематически обрабатывать свои уроки по «Детскому миру» и печатать их в «Педагогическом сборнике».

Книгой Ушинского серьезно заинтересовался известный писатель Н. Г. Помяловский, незаурядный педагог, пытавшийся применить свои педагогические силы в начале 60-х годов в воскресных школах. Он охотно принял предложение Ушинского о работе с воспитанницами Смольного института по книге «Детский мир» и провел несколько уроков, однакоже не мог помириться с вмешательством классных дам в его учебную работу и прекратил посещение Смольного.

Гимназии и уездные училища дали наибольший контингент потребителей книги Ушинского в течение первых шести лет после ее появления в свет. С 1867 г. книга перестала употребляться в этих школах в качестве учебного пособия и могла быть использована только частным образом. Аргументация Министерства определенно была направлена на отрицание той педаго-

гической задачи, которая поставлена Ушинским. Ушинский считал, что развитие речи ребенка будет наиболее эффективным, если оно будет построено на изучении конкретного материала естествознания, географии и истории в объеме, приемлемом для начального обучения; Министерство же пришло к выводу, что такая постановка только отвлечет преподавателей от их прямых задач: «следует отнять у преподавателя всякий предлог выходить из своей колеи и бросаться в чужие владения. Одним из таких предлогов может служить книга для чтения или хрестоматия своим нецелесообразным содержанием». Для энциклопедических книг вроде книг Разина или Ушинского «нет места ни в гимназиях, ни в уездных училищах; их место в народных школах, которые действительно нуждаются в хороших руководствах этого рода, ибо существующие у нас действительно неудовлетворительны». Перед Ушинским, таким образом, встала задача переделки своей книги специально для старших классов начальной школы. Эта задача все время была у него на очереди, но вплотную подойти к ней он не успел, занятый выполнением других неотложных задач.

Несмотря на то, что Ушинский не успел приступить к работе переделки «Детского мира» и приспособления его к задачам старших классов начальной школы, его книга и в таком виде заняла прочное место в ряду пособий для начальной школы. Практика учителей начальной школы показала, что в первые два года целесообразнее всего употреблять в качестве учебника начальной школы «Родное слово» Ушинского, год 1-й и 2-й, с некоторыми дополнениями из других книг, в следующие же два года употреблять, кроме 3-го года «Родного слова», две части «Детского мира» как такой книги, в процессе чтения которой дети могут усвоить основные сведения по естествознанию, географии и отечественной истории. Так поступали Корф, Бунаков и другие педагоги, несмотря на то, что ими были написаны для начальной школы собственные учебные пособия. Превосходство и несравнимое совершенство книг Ушинского признавалось ими полностью и безоговорочно.

Само собой понятно, что если находили возможным частичное употребление книги в одноклассных школах, то в школах двухклассных «Детский мир» с его богатым материалом по естествознанию, географии и истории был незаменимым пособием.

Книга Ушинского вызвала значительное оживление в педагогическом мире, быстро вошла в школьный оборот и требовала все новых изданий не только как учебное пособие, но и как просто книга для детского чтения. Д. Н. Мамин-Сибиряк рассказывает в своих воспоминаниях о том, какой большой след оставила в нем книга Ушинского:

«Детская книга — это веселый солнечный луч, который заставляет пробуждаться дремлющие силы детской души и вызы-

вает рост брошенных на эту благодатную почву семян. В нашей библиотеке первой детской книжкой явился «Детский мир». Книгу эту пришлось выписать из Петербурга, и мы ждали ее каждый день в течение трех месяцев. Наконец, она явилась и была, конечно, с жадностью прочитана от доски до доски. С этой книги началась новая «эра». Новая эра потому, что кругом царило, по словам автора, наивное невежество, и дети получали от взрослых сведения по естествознанию в таком роде: «Из чего делается стекло?» — «Из соломы». — «Какой зверь хвостом пьет?» — «Бобер» и т. п.

Книга Ушинского быстро стала известна передовым педагогам народов нерусского языка, которые широко использовали педагогические идеи Ушинского в своей практике и по образцу «Детского мира» составляли свои книги для детского чтения, как, например, Я. Гогебашвили в Грузии, Тер-Гевондян в Армении и др.

Сочувственно, хотя и с надлежащей критикой, был отмечен «Детский мир» в русской периодической печати, которая констатировала, что руководство Ушинского «заняло бы даже и не у нас видное место между подобными сочинениями» и что «на русском языке нет ничего однородного с книгой Ушинского, что могло бы выдержать с ней хоть какое-нибудь сравнение, что стоило бы даже быть упомянуто вместе с нею» (см. выше перечень рецензий).

Однакоже целый поток озлобленных выпадов вызвала книга Ушинского в лагере реакционных педагогов. Реализм естественно-научного содержания книги никак не мирился с задачами религиозного воспитания. И так как книга Ушинского вызвала целый ряд подражаний, то в учебной литературе стали преобладать книги реального, естественно-научного содержания. Школа реакционных педагогов поставила своей задачей восстановить старую традицию составления учебных книг, и двумя петербургскими педагогами, А. Радонежским и А. Филоновым, была издана в 1866 г. «Книга для первоначального чтения» как противовес книгам с реальным содержанием. Несколько позже А. Радонежский резюмировал побуждения, руководившие авторами при издании этой книги, говоря, что «воздух наших народных училищ, слишком спертый и душный от изобилия реальности, нуждается в освежении посредством введения в обучение иного, духовного начала». Появление книги названных авторов Ушинский воспринял как вызов, адресованный ему, и в своей полемической статье беспощадно разоблачил реакционность и антипедагогичность всего течения, возглавленного реакционным министром просвещения Д. А. Толстым.

Над своей книгой «Детский мир» Ушинский работал в момент, когда естественные науки еще не являлись предметом обучения в начальных и средних школах, но когда уже все условия были налицо для того, чтобы сделать естественные науки предметом

общеобразовательного курса в школе. Ушинский признавал, что пора зрелости естественных наук уже наступила и они поднялись на «ту высокую ступень, на которой они делаются доступными ребенку». Ушинский приветствовал тот момент, когда в ближайшем будущем «естественные науки займут первое по времени место в курсе учения». Это место они должны иметь как в средней, так и в начальной школе. Составляя свою книгу для чтения в начальных классах средней школы на уроках русского языка в специфических условиях, когда естествознание еще не преподавалось, Ушинский не мог не использовать данных естествознания в своей книге в качестве материала для развития детской речи. Эти данные он оформил как своего рода начальный курс, в котором синтетически объединенные элементы естествознания, географии и истории должны были составить основу для обучения родному языку.

В педагогическом движении второй половины XIX в. этот опыт составления энциклопедического учебника не мог, однакоже, не встретить сопротивления. Средняя русская школа шла по пути дифференциации учебных предметов уже с первых классов. Проблема классного преподавания встречала большие возражения со стороны специалистов. Считалось, что учитель русского языка обязан развивать ум учащихся, но только на обучении своему предмету, т. е. языку, а не на знакомстве с природой, которая ему по его предварительному образованию далеко не может быть так хорошо известна, как преподавателю естественной истории или физики и физической географии. Так рассуждали в Министерстве просвещения. Но так же складывались мнения и в среде педагогов-специалистов. Преподаватель 2-й Московской гимназии Гедике писал: «сведения из естественной истории передаются ученикам гимназии учителями-специалистами и, разумеется, не в пример основательнее, чем могут сделать учителя русского языка. Притом каждый предмет имеет свою специальность. Цель, с которой преподается русский язык в гимназии, есть уменье владеть им устно и письменно, уменье понимать произведения русской словесности, и начало этим знаниям должно быть положено еще в низших классах. Стало быть, преподаватель русского языка в низших классах должен подготовить своих учеников к пониманию поэтических и прозаических изящных произведений, к правильному употреблению русского языка изустно и письменно, но для этого сведения из естественной истории нисколько не нужны, а необходимо знакомство с изящными произведениями русской словесности». В таких условиях преобладающим стало убеждение, что книга для чтения должна быть только литературно-художественной хрестоматией, а естественно-научные знания должны быть сообщаемы специалистом естествознания и иметь особый учебник.

Эта дифференциация учебных предметов к началу XX в. имела тенденцию к проникновению и в некоторые начальные

школы. Она имела, конечно, свою логику и вела к появлению отдельных учебников по естествознанию и к составлению книг для чтения исключительно литературно-художественного содержания, но она не упраздняла проблемы, впервые поставленной Ушинским. Это — проблема создания детской книги, которая составила бы своего рода детскую энциклопедию как основу развития мысли и речи ребенка. По грандиозности замысла и по искусству выполнения—книги, равной книге Ушинского, не было в русской педагогической литературе. Вместе с «Родным словом» это — классическое произведение русского педагогического гения, которое своим замыслом будет вдохновлять на создание новых и еще более совершенных детских книг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Методические статьи и материалы к 1-му изданию «Детского мира». В настоящем разделе V тома собраны статьи и материалы, в которых К. Д. Ушинский педагогически обосновывал содержание 1-го издания своей книги, ее структуру и методы преподавания русского языка в начальных классах школы по собранному им материалу. «Хороший учебник есть по преимуществу дело опыта», писал Ушинский и тщательно собирал указания опыта. Практика школы с первых же дней помогла уяснить известные недочеты первого издания «Детского мира», и Ушинский уже со 2-го издания должен был приступить к переработке как структуры, так и содержания своей книги. Изменения, внесенные Ушинским в последующие издания «Детского мира», в известной степени способствовали улучшению книги, устраняя действительные недочеты 1-го ее издания. Однакоже в какой-то степени он должен был приспособляться и к неустранимой практике школы, поступаясь, таким образом, частью своего первоначального методического замысла.

Первое издание «Детского мира», созданное до известной степени в отвлечении от конкретной русской школы и учащихся в ней, имело некоторые особенности как положительного, так и отрицательного свойства, которые в последующих изданиях в значительной степени приходилось устранять. Несомненно, что первое издание характеризовалось прежде всего большей стройностью и законченностью своей структуры. Его изложение отличалось, однакоже, значительной трудностью как потому, что книга преследовала серьезные научные задачи, так и потому, что в ней не была в достаточной степени учтена степень действительного развития учащихся. Многие статьи первого издания оказались растянутыми и неудобными для классного чтения, что заметил уже сам Ушинский при корректурном чтении листов этого издания. Таким образом, возник целый ряд задач по приспособлению книги для употребления в школах: книга переделывалась структурно; наиболее трудные статьи перерабатывались или совсем устранялись; многие статьи сокращались или заменялись другими. В извест-

ной степени страдал при этом и первоначальный замысел автора.

Так как первое издание книги Ушинского ни разу не было переиздано в своем первоначальном виде, то в настоящем разделе пятого тома и воспроизводятся те материалы «Детского мира», которые по преимуществу характерны для его 1-го издания и которые в дальнейших изданиях или совсем устранялись или подвергались переработке.

2. Представление в Совет Воспитательного общества об издании книги для чтения (Архив Воспитательного общества 1860 г., д. № 76). Это первый официальный документ, из которого читатель узнает, как Ушинский официально обосновывал необходимость издания своей книги и в каких условиях начиналось это издание.

3. Предисловие к 1-му изданию «Детского мира» впервые было напечатано в 1861 г. на первых страницах книги «Детский мир». В нем Ушинский дал принципиальное обоснование содержания и структуры своей книги. Предисловие было затем перепечатано при первой части 2-го издания «Детского мира», а также в 3-м и 4-м изданиях этой книги. Начиная с 5-го издания, это предисловие больше не перепечатывалось в «Детском мире» и вновь было напечатано только в 1908 г. во 2-м (дополнительном) томе «Собрания педагогических сочинений» К. Д. Ушинского, изданном под редакцией В. И. Чернышева. Предисловие это должно быть рассматриваемо как один из важнейших методических документов, обосновывающих содержание и методику разработанной Ушинским книги для чтения на уроках русского языка в первых классах школы.

4. Оглавление 1-го издания «Детского мира» было напечатано К. Д. Ушинским единственный раз при первом издании книги «Детский мир» в 1861 г. Со второго издания «Детский мир» стал выходить в двух частях, из которых каждая имела свое оглавление, так как структура книги после переработки ее для 2-го издания значительно изменилась. Однакоже оглавление первого издания является не простым перечнем статей этой книги, но вместе и методическим руководством для учителя, так как в отношении каждой статьи и целых групп статей автором даются руководящие указания, как разрабатывать тот или иной материал с детьми в согласии с принятыми для всего издания установками. Ввиду этого оглавление сохраняет большую ценность для изучающих книгу Ушинского. Впервые после первого издания «Детского мира» перепечатка оглавления к нему была сделана В. И. Чернышевым в изданном им в 1908 г. 2-м (дополнительном) томе «Собрания педагогических сочинений К. Д. Ушинского».

5. Таблица рисунков к 1-му изданию «Детского мира» и объяснения к ней. Из представления Ушинского в Совет Воспитательного общества (см. выше, стр. 14—15) видно, как был озабочен Ушинский необходимостью

иллюстрировать свою книгу рисунками. Чтобы избежать дороговизны при изготовлении рисунков в России, Ушинский предполагал приобрести рисунки заграницей, что также требовало значительной по тому времени суммы, которую Ушинский просил у Совета заимообразно. Так как сумма эта получена не была, то Ушинский решил прибегнуть к крайне экономному средству— дать ряд миниатюрных рисунков на одной таблице, снабдив их соответствующими пояснениями для учителя. Возможно, что рисунки были выполнены для «Детского мира» при участии ближайшего друга и консультанта Ушинского по вопросам естествознания, преподавателя Смольного института, И. Я. Пугачевского.

6. Варианты 1-го издания «Детского мира». Этим именем обозначены в настоящей части V тома те тексты 1-го издания «Детского мира», которые были опущены или переработаны в последующих изданиях и которые должны быть рассматриваемы как своего рода варианты к тексту «Детского мира», который окончательно был принят в последнем, изданном при жизни Ушинского, 10-м издании. Само собой понятно, что построчное сравнение текста разных изданий «Детского мира» не входит в задачу настоящего тома, которая сводится к тому только, чтобы отметить наиболее крупные и типичные изменения, сделанные Ушинским в процессе переделки 1-го издания. За этими изменениями легче всего проследить, взяв за основу по оглавлению 1-го издания (см. выше, стр. 39) его главные отделы и сопоставив как статьи, так и текст их с статьями 2-го издания. Наиболее характерные и значительные изменения 1-го издания и зафиксированы в дальнейшем перепечаткой переделанных или опущенных статей этого издания.

Отдел I. Из этого отдела воспроизводится статья «Поездка из столицы в деревню» в том полном виде, в каком она была напечатана в 1-м издании. В этом издании названная статья была включена Ушинским в первый же отдел книги и имела весьма серьезное назначение: она должна была расширить горизонт учащихся за пределы школы, пробудить в них интерес к родине, к ее обитателям, к их производственной работе, их социальному положению и их относительному значению в жизни страны. Однакоже, как показал первый же опыт чтения этой статьи, она оказалась весьма большой по размерам и перегруженной массой конкретных подробностей, которые только затрудняли восприятие ее основной мысли. Во 2-м издании «Детского мира» Ушинский сократил статью ровно вдвое, выбросив прежде всего многочисленные конкретные подробности, как-то: имена действующих лиц, характеристику их родственных отношений и целый ряд деталей. В дальнейших изданиях оказалось целесообразным перенести статью в другой отдел книги и начать ею «Первое знакомство с родиной». Уже после смерти Ушинского, в целях избежания цензурных придирок, оказалось необходимым изъять

из статьи несколько содержательных отрывков, в которых говорилось о положении крестьян в стране, их действительной роли и значении в государстве и невыносимо тяжелом материальном и правовом положении (см. т. IV, стр. 174—175).

Отдел II. Весь II отдел «Детского мира» в 1-м его издании состоял из одной большой статьи «О человеке», разделенной на ряд параграфов (см. выше оглавление 1-го издания, стр. 41—42). Ушинский придавал большое значение этой статье, поскольку она должна была дать основные руководящие нити для направления внимания ребенка на основные черты его собственной человеческой природы. Несмотря на большое мастерство изложения, так как на немногих страницах автор должен был дать самое существенное, т. е. ознакомить детей как с строением человеческого тела, так и с основными отправлениями его психики, статья оказалась трудной и обременительной для детского внимания, почему уже во 2-м издании «Детского мира» Ушинский ее сократил и значительно переделал. В этом сокращенном виде статья с некоторыми поправками помещалась в последующих изданиях, причем включалась уже в 1-й раздел «Детского мира», получивший наименование «Первое знакомство с детским миром». В 10-м издании статья была дополнена обобщающим символическим параграфом под заглавием «Чудный домик».

В настоящем разделе статья Ушинского «О человеке» перепечатывается из 1-го издания, поскольку она нигде более не перепечатывалась. Она интересна как попытка автора изложить для детей на нескольких страницах то, что можно было бы назвать антропологией, или учением о человеке. Попытка эта характерна для мировоззрения Ушинского: автор, с одной стороны, очень ярко подчеркивает реальную сторону человеческой природы, общую ему с животным миром, показывая устройство организма человека, совершенно аналогичное организмам высших животных; с другой стороны, пытаясь, впротивовес вульгарному материализму, отстоять специфику человеческой природы в ее отличии от животного мира, он впадает в идеализм и религиозную мистику. Принимая во внимание, что идеологически ошибочные установки Ушинского уже в достаточной степени демонстрированы в окончательной редакции «Детского мира», перепечатанной в IV томе настоящего издания, редакция не нашла необходимым воспроизводить однообразные, часто в 1-2 строки, стереотипные замечания Ушинского о творце и создателе мира. Как имеющие пережиточный характер и совершенно не вяжущиеся с содержанием тех страниц его статьи, которые несли в школу новое, реалистическое миросозерцание, замечания эти исключены и отмечены в соответствующих местах знаком... (многоточием).

Отдел III. Из этого отдела Ушинский по ряду соображений изъял ряд статей, а другие дал в переработанном и измененном виде. Статьи, показывавшие образец сравнений животных («Коро-

ва и лошадь», «Собака и кошка»), признаны излишними как слишком элементарные. Статья «Охота за тигром» исключена, как можно думать, вследствие своей эпизодичности. Статьи «Заяц», «Голуби и куры» исключены, поскольку материал их при переработке вошел в другие статьи. Наконец, исключена целая серия статей № 1—7 под заглавием «Кунсткамера» (см. оглавление 1-го издания, стр. 46—49) Статьям этим Ушинский придавал огромное методологическое значение, так как в соответствии с их содержанием должна была вестись систематическая разработка всего материала «Детского мира» и постепенное его обобщение. Методика такой разработки оказалась, однакоже, трудной для массового учителя, лишенного к тому же естественно-научного образования, а потому и чтение таких обобщающих статей, поскольку их понимание оказывалось неподготовленным систематической работой над анализом и обобщением основного содержания «Детского мира», было непосильным и скучным. Ввиду этого Ушинский уже со 2-го издания разбил материал этих обобщающих статей на ряд детальных вопросов и разместил их в разных местах книги в качестве указаний для учителя и заданий для учащихся. При этом статьи «Всякой вещи свое место», «Классификация минералов» и «Классификация растений» в сокращении оставлены. Первоначальная редакция статей «Детского мира» под общим заголовком «Кунсткамера» представляет большой педагогический интерес, так как именно содержание этих статей вскрывает ту логическую структуру, которой Ушинский подчинил разработку всего материала своей книги. В настоящем томе статьи эти перепечатываются полностью в редакции первого издания за исключением статьи 5-й («Племена людей»).

Отдел IV. Статьи «Строение растений» и «Кунсткамера» (№ 6) перепечатываются в полном виде из 1-го издания, поскольку в последующих изданиях материал этих статей или переработан, или опущен.

Отдел V. Статья «Известняк», перепечатываемая из 1-го издания, в последующих переделана в более простую по форме статью «Известь»; статья же «Тела воздухообразные, или газы» в последующих изданиях изъята, очевидно, по своей сложности и трудности.

Из отделов VI, VII, VIII и хрестоматии перепечатываются статьи, по тем или иным соображениям изъятые из 1-го издания.

7. Методические статьи и материалы ко 2-му изданию «Детского мира». Хотя 2-е издание «Детского мира» было осуществлено в том же 1861 г., в котором вышло 1-е издание, однако для него оказалась необходимой значительная переделка всей книги. Переделку эту Ушинский производил с целью устранить наиболее крупные недочеты в книге, замеченные при первом же употреблении ее в школе.

В основном переделка эта свелась к тому, что Ушинский а) изменил структуру книги и дал иное расположение ее материа-

лу с той целью, чтобы приспособить книгу к потребностям разных возрастов и разных классов; б) в соответствии с рядом частных замечаний, полученных от учителей, вносил ряд изменений в первоначально обработанный материал—сокращал одни статьи, выбрасывал другие, перерабатывал третьи, включал четвертые и т. п.

Основным оказалось изменение структуры книги в целом. Изменение это выразилось в том, что изданную в одном томе книгу Ушинский, в интересах удобства преподавания, должен был разделить на две части, предназначенные для различных классов: первую для детей 10—12 лет и вторую для детей 12—14 лет, перестроив соответствующим образом отделы 1-го издания и создав, таким образом, из одного два курса. Эту перестройку структуры легко видеть из сопоставления планов 1-го, 2-го и 10-го изданий, которые представляют собой начальную, промежуточную и окончательную стадии обработки книги:

1-е издание

I. Наглядные рассказы и описания
II. О человеке
III. О животных
IV. О растениях
V. Тела неорганические
VI. Естественные явления
VII. Взгляд за пределы детского мира
VIII. Первые уроки логики

Хрестоматия

I. Стихи
II. Басни и рассказы в прозе
III. Образцы слога лучших русских писателей
IV. Отрывки из истории России (по Карамзину)

2-е издание

Первая часть

I. 1-е знакомство с детским миром
II. О животных
III. Птицы, рыбы, земноводн. и пресмыкающ.
IV. Животные беспозвоночные
V. О растениях
VI. Тела неорганические

Хрестоматия

I. Басни и рассказы в прозе
II. Стихи

Вторая часть

I. Статьи по географии
II. Рассказы из русской истории
III. Статьи по естественной истории
IV. Первые уроки логики

Хрестоматия

I. Стихи
II. Проза

10-е издание

Первая часть

I. Первое знакомство с детским миром
II. Из природы
III. Первое знакомство с родиной

Хрестоматия

I. Басни и рассказы в прозе
II. Стихи

Вторая часть

I. Из природы
II. Из русской истории
III. Из географии
IV. Первые уроки логики

Хрестоматия

I. Стихи
II. Проза

Разделив, таким образом, единую по содержанию книгу на две части, Ушинский соответствующим образом перегруппировал и материал, ранее составлявший одно целое.

8. Предисловие ко 2-му изданию «Детского мира». В нем мотивируются те изменения в структуре и содержании книги, которые были продиктованы автору первым опытом применения в школах «Детского мира».

9. Оглавление 1-й части 2-го издания «Детского мира» показывает, что, поставив себе задачей дать для младшего класса особую книгу, автор еще не оформил ее содержания с такой четкостью, как это сделано в 10-м издании. Оглавление 1-й части, несомненно, перегружено.

10. Особые примечания к статьям 1-й части «Детского мира» 2-го издания. В соответствии с изменившейся структурой книги статьи 1-й части получили каждая свои дополнительные замечания, несколько измененные по сравнению с замечаниями к статьям 1-го издания.

11. Три таблицы рисунков к 1-й части «Детского мира» и объяснения к ним. Во 2-м издании «Детского мира» Ушинский нашел возможным увеличить количество таблиц с рисунками, и уже одна 1-я часть получила три таблицы, содержавшие в себе несколько десятков рисунков, каждый из которых так или иначе мог быть использован в целях наглядности преподавания.

12. Оглавление 2-й части 2-го издания показывает, что, ограничившись для первого года изучением изолированных явлений природы, автор для второго года оставил знакомство с элементами наук — географии, истории, естествознания и логики.

13. Особые примечания ко 2-й части 2-го издания «Детского мира» дают в переработанной форме примечания к соответствующим статьям 1-го издания.

14. Таблица рисунков ко 2-й части 2-го издания «Детского мира» воспроизводит аналогичную таблицу 1-го издания.

15. Варианты 1-й и 2-й части 2-го издания «Детского мира». Во втором издании «Детского мира», в связи с задачей упростить обобщающие статьи первого издания под заглавием «Кунсткамера», Ушинский предпринял опыт составления наглядных таблиц, с помощью которых детям облегчалась бы возможность рассказывать усвоенный ими материал о человеке, животных, растениях, минералах и т. п. Этот опыт Ушинского пытался последовательно воспроизвести в своих занятиях по «Детскому миру» Д. Д. Семенов, как это видно из его образцовых уроков. Однакоже в последующие издания «Детского мира» Ушинский не включал эти таблицы. Возможно, что они предназначались им для методического руководства, которое должно было войти отдельно. Соответственно с этим в дальнейшем перепечатываются из первой части «Детского мира» две таблицы: «Части человеческого тела» и «Таблица животных млекопитающих» с статьей «Странные звери», а также рассказ «Два мороза».

Из второй части перепечатываются научные статьи, на которые была разбита Ушинским во 2-м издании несоразмерно большая и трудная статья «Солнечные часы», а именно — «Земная ось», «Солнечные часы», «Разнообразие климатов», «Горные ледники». Однакоже и в таком переработанном виде интересные по своему содержанию статьи оказались трудными, почему они и были изъяты при последующей переработке «Детского мира».

16. Ответ на рецензию Толля («Журнал Министерства народного просвещения», 1861 г., № 12). Эта полемическая статья, в которой Ушинский отвечает на рецензию Толля, имеет для изучения книги Ушинского столь же важное значение, как и предисловие его к 1-му изданию «Детского мира».

В своем ответе Ушинский вторично защищает и обосновывает те педагогические установки, которые им были положены в основу разработки 1-го издания «Детского мира». Рецензией Толля, помещенной в журнале «Учитель» (1861 г., № 19) и написанной в довольно резком и категорически требовательном тоне, Ушинский был задет по двум причинам: а) это был отзыв журнала, который проводил в русскую школу идеи немецкой педагогики и который именно поэтому должен был относиться скептически к Ушинскому, поскольку последний обнаруживал критическое отношение как к самому журналу, так и к проповедуемой им немецкой педагогике; б) это был отзыв педагога, который в то же время являлся сотрудником редактируемого Ушинским «Журнала Министерства народного просвещения» и который именно поэтому должен был обнаружить больше понимания основных идей Ушинского. Этими двумя причинами, не говоря уже о самом содержании возражений Толля, объясняется горячий тон ответа Ушинского. В самом содержании ответа заключается немало ценных замечаний положительного характера, в которых Ушинский дополнительно разъясняет существенные особенности своего педагогического замысла, реализованного в «Детском мире». Полемическая статья Ушинского, адресованная Толлю, перепечатывалась в «Собрании педагогических сочинений» его, изданном в 1875 г., и в повторных изданиях этого собрания.

17. Статьи и материалы периода последней обработки «Детского мира». В этот раздел вошли статьи и материалы периода последней обработки «Детского мира». В основном эта обработка закончилась 5-м изданием, но вместе с этим окончательно созревают замыслы реакционной части педагогов: педагоги так называемой московской школы выдвигают обвинение против Ушинского, что его книга воспитывает в учащихся атеизм; педагоги из Министерства просвещения придумывают более эластичную формулировку, облегчающую возможность не допускать книгу Ушинского в школы министерства. В связи с этим Ушинский, с одной стороны, задумывает отдельное издание «Руководства для преподавания по «Детскому миру», с другой стороны, предпринимает ряд полемических статей, чтобы

оправдаться от взводимых на него обвинений. В такой обстановке создался ряд статей и материалов, относящихся к периоду последней обработки «Детского мира».

18. О первоначальном преподавании русского языка («Педагогический сборник», 1864 г., кн. 1 и 2). Статья подписана К. У. Принадлежность статьи Ушинскому впервые установлена В. И. Чернышевым, перепечатавшим ее в изданном им 2-м (дополнительном) томе «Собрания педагогических сочинений Ушинского» (СПб., 1908 г.).

Сам Ушинский в своей статье «О педагогических приложениях анализа памяти» (Педагогический сборник, 1866 г., III, стр. 203), в одном из примечаний, говоря о преподавании русского языка, ссылается на эту статью. Он пишет: «подробности изложены в моей статье «О преподавании родного языка», помещенной в этом журнале в № 1 и 2 за 1864 г.». Эта ссылка делает совершенно доказанной принадлежность статьи Ушинскому. Кроме того, в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову», ч. 1 (1903 г., стр. 24), Ушинский также отсылает читателя к этой статье, точно, однакоже, не называя ее: «в другом месте, пишет он, я уже говорил о глубоком центральном значении отечественного языка не только в первоначальном обучении, но и в средних учебных заведениях». Именно эта статья и посвящена Ушинским вопросу о начальном преподавании русского языка в средних учебных заведениях. Статья Ушинского имела специальное назначение систематизировать его основные идеи о преподавании русского языка в связи с изданной им учебной книгой для чтения в начальных классах средней школы. В предисловии к 5-му изданию этой книги Ушинский писал, что он приготовляет к печати «книжку» «О первоначальном преподавании русского языка вообще и по «Детскому миру» в особенности». По замыслу Ушинского, книжка эта должна представить, «кроме общих правил, образцы практических уроков и замечания для учащих о значении почти каждой статьи книги для чтения». Перепечатываемая статья как раз и представляет изложение общих правил преподавания русского языка и, очевидно, имеет ближайшее отношение именно к «Детскому миру». Замечания о значении отдельных статей «Детского мира» разработаны Ушинским в особых примечаниях к статьям «Детского мира» в 1-м и 2-м изданиях этой книги (см. выше, стр. 39, 249 и 276). Что касается образцов практических уроков по «Детскому миру», то таковые систематически в течение нескольких лет разрабатывались ближайшим учеником Ушинского Д. Д. Семеновым, который публиковал эти уроки в 1862 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а в 1864 г. начал вновь эту публикацию в более развернутом виде в журнале «Педагогический сборник» непосредственно после статьи Ушинского «О первоначальном преподавании русского языка». Совершенно очевидно, таким образом, что методическое руководство к преподаванию русского языка

по «Детскому миру» подготовлялось Ушинским совместно с Семеновым и что основные материалы для этого руководства к началу 1865 г. были готовы. Если руководство это не было издано, то, по всей вероятности, потому, что с 1866 г., с момента прихода к управлению министерством Д. А. Толстого, окончательно определилось отрицательное отношение министерства к «Детскому миру» как учебной книге для чтения по русскому языку в начальных классах средней школы (см. об этом «Мнение Министерства просвещения о книге Ушинского» в Приложении к настоящему тому, стр. 555).

19. Предисловие к 5-му изданию «Детского мира» (1864) свидетельствует о том, что в основном переработка первого издания «Детского мира», в согласии с указаниями опыта и практики школ и замечаниями многочисленных рецензий на первые издания, Ушинским закончена. В последующих изданиях делаются только мелкие поправки в тексте книги. Вместе с тем у Ушинского созрела мысль о необходимости разработать особое методическое руководство для преподавания по «Детскому миру», ввиду чего те методические предисловия и особые примечания, которые печатались в предшествующих изданиях, в 5-м издании изъяты, так что это издание «Детского мира» содержит в себе только текст, предназначенный для учащихся.

Существенной особенностью 5-го издания является то, что в нем впервые введены в текст книги рисунки, заказанные Ушинским заграницей.

В дополнение к предисловию перепечатывается из оглавления 5-го издания перечень тех статей, которые внесены в него вновь по сравнению с первыми четырьмя изданиями и которые затем перепечатывались в последующих изданиях.

20. Письмо К. Д. Ушинского упр. Министерством просвещен. И. Д. Делянову (18. VI. 1865 г.). Деп. нар. просв. Разр. общ. дел, опись 193 за 1865 г., д. 143. 707, карт. 617, л. 25—29. Центр. Гос. ист. архив в Ленинграде. Письмо содержит жалобу на Бенедиктова, составившего свою книгу для чтения из статей Ушинского и И. Паульсона. Впервые письмо было опубликовано В. А. Тимченко в журн. «Советская педагогика», 1939 г., № 8—9, стр. 123 и сл.

21. Письмо Ушинского министру просвещения А. В. Головнину от 10. VI. 1865 г. (Центр. Гос. ист. архив в Ленинграде. Деп. и т. д., л. 38—43). В письме повторяется жалоба на Бенедиктова и особенно на издателя Глазунова, являвшегося официально комиссионером Министерства. Первоначально письмо опубликовано В. А. Тимченко в журн. «Советская педагогика», 1939 г., № 8—9, стр. 125 и сл. Черновик этого письма, совершенно совпадающий с приведенным текстом, написанный рукой Ушинского, хранится в Институте литературы Академии Наук СССР, Архив (Пушк. дом), ф. 316, № 71.

22. Цветы Московской педагогии на

петербургской почве («Отечественные записки», 1866 г., октябрь, № 20). Статья дает подробный и обстоятельный разбор с педагогической точки зрения только что вышедшей «Книги для первоначального чтения», составленной Радонежским и Филоновым (1866 г.). Статья не подписана. Принадлежность статьи Ушинскому установлена авторами первого собрания педагогических сочинений К. Д. Ушинского, изданного в 1875 г., и с тех пор никем не оспаривалась. Кроме того, принадлежность «статьи Ушинскому делается ясной из ответной статьи Филонова Плоды педагогического озлобления» («Современный листок», 1867 г., № 28—32, и отд. изд. 1867 г.), которая фактически направлена против Ушинского и посвящена разбору его учебников — «Детский мир» и «Родное слово». Краткая рецензия Ушинского на ту же книгу Радонежского и Филонова напечатана в газете «Голос», 1866 г., № 291 (см. 3-й том настоящего издания). Содержание обеих статей Ушинского показывает, что он рассматривал «Детский мир» как книгу, продиктованную принципиально иными педагогическими установками, чем те, которые развивались реакционными педагогами, группировавшимися в Москве около Каткова и подчинявшими своему влиянию как Министерство просвещения, так и некоторых петербургских педагогов. Книгу Радонежского и Филонова Ушинский с полным правом рассматривал как принципиальный вызов своей собственной книге. Совершенно понятно, что всю силу своей аргументации он направляет на разоблачение тех реакционных основ, которые определили собой содержание книги Филонова и Радонежского и, с другой стороны, на защиту тех принципиальных положений, которые легли в основу его собственной книги. Подзаголовок к статье «Статья первая» показывает, что Ушинский намеревался дать цикл статей на тему о московской педагогической школе. Дальнейших статей Ушинского в «Отечественных записках», однакоже, не появилось. По всей вероятности, это объясняется тем, что с 1867 г. владелец «Отечественных записок» А. Краевский передал редактирование журнала Н. А. Некрасову, вследствие чего и состав сотрудников журнала должен был до известной степени измениться. Ушинский же, однажды порвавший свое сотрудничество в журнале Некрасова в 1854 г., возможно, не имел побуждений к тому, чтобы опять возобновить связи с прежним редактором «Современника».

23. О «Детском мире» (Архив Института литературы Академии Наук СССР, ф. 316, № 65). Статья переписана на двух листах писчей бумаги (1—8 стр.) и заключает в себе ряд поправок, сокращений и вставок, сделанных рукой Ушинского. Статья, как можно думать, предназначалась или для печати, или для представления в одно из учреждений Министерства народного просвещения в тот момент, когда, под влиянием нападок на книгу Ушинского, в Министерстве уже сложилось отрицательное отношение к этой книге как пособию для занятий по русскому языку

в первых классах гимназий и в уездных училищах. Статья резюмирует те нападки, какие делались против «Детского мира», и те возражения, какие противопоставлял этим нападкам Ушинский. Статья в печати не появлялась; возможно, что она не была представлена и в те учреждения, куда, повидимому, предполагал направить ее Ушинский. Вопрос о времени написания статьи решается на основании данных, заключенных в ней самой. В самом конце статьи Ушинский упоминает о том, что «лет пять тому назад «Детский мир» сильно бранили в «Современнике». Действительно, в «Современнике», 1861 г., № 9, была напечатана резко отрицательная рецензия на «Детский мир». Это значит, что настоящую свою статью Ушинский мог писать не ранее конца 1866 или начала 1867 г. «Теперь, — пишет Ушинский далее, — ее бранят в «Страннике» Гречулевича за то, что она будто распространяет неверие». Статей, посвященных Ушинскому в «Страннике» за 1866—1868 гг., нет, но есть много статей, подробно разоблачающих материализм и, в частности, тенденции к преподаванию естествознания в школе. Возможно, что Ушинскому указывали на эти статьи как направленные против «Детского мира». Во второй половине своей статьи Ушинский ссылается на «напечатанную в начале прошедшего года» в журнале «Современная летопись» статью. Ушинский не называет ни автора, ни заголовка этой статьи, но по всем признакам это статья М-ого «Очерки английских народных школ» в № 15 «Современной летописи» за 1866 г. (см. след. прим. под № 24). Это значит, что Ушинский не мог писать свою статью в 1866 г., поскольку он говорит о нем, как о «прошлом» годе.

Есть несколько указаний в статье Ушинского, дающих возможность точнее приурочить время написания его статьи к определенному моменту. В самом начале своей рукописи он упоминает о статье, помещенной в «Журнале Министерства народного просвещения» за июнь — «Какова должна быть книга для классного чтения». Ссылка сделана, очевидно, по памяти, но в год написания статьи. За июнь 1867 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», действительно, помещена статья Н. П. Завьялова «О значении и необходимости элементарной хрестоматии». В этой статье есть критические замечания и о книгах Ушинского «Детский мир» и «Родное слово». «Нельзя думать,— пишет автор,— что всякая статья годится для элементарной книги. Не все равно, что читать ребенку — «Два козлика», или биографию Васко-де-Гама, или о производстве стекла, или о плотоядных». Это все статьи из книг Ушинского. Очевидно, что Ушинский имеет в виду именно статью Завьялова. То обстоятельство, что он упоминает о ней, не называя года ее появления, но упоминая только месяц, говорит определенно, что Ушинский писал свою статью в том же 1867 г., но уже после июня. Однакоже Ушинский ни одним словом, ни даже намеком не дает знать, что ему известна появившаяся в «Журнале Министерства

народного просвещения» в том же 1867 г. в № 10 полуофициальная статья «Наша учебная литература (Русские хрестоматии)» без подписи автора. Автором статьи, как выше указано (см. стр. 545), был А. Д. Галахов. Книге Ушинского посвящен в статье специальный раздел, в котором определенно высказывалось официальное мнение Министерства о том, что при всех своих достоинствах «Детский мир» не может быть допущен в качестве хрестоматии ни в начальные классы гимназий, ни в уездные училища (см. Приложения к настоящему тому). Совершенно ясно, что об этой статье Ушинский еще ничего не знал. Но так же ясно, с другой стороны, что именно поэтому был смысл для него писать свою статью с защитой основных установок «Детского мира»: новое решение Министерства о недопущении его книги для употребления в школах ему еще не было известно. Но как только Ушинский узнал о нем, дальнейшая его работа над статьей потеряла для него смысл. В этом причина, почему статья не появилась в печати и, вероятно, не была представлена в Министерство. Таким образом, время, когда была написана статья Ушинского «О детском мире», совершенно точно может быть указано в промежутке между месяцами июль — сентябрь 1867 г.

24. Статья «Современной летописи», на которую ссылается Ушинский, помещена в № 15 этого журнала в 1866 г. под заголовком «Очерки английских народных школ». Автор статьи М-ий. Часть статьи посвящена характеристике книг для чтения, которые в средине XIX в. употреблялись в английских школах. Эта часть настолько интересна и важна в связи с содержанием книги Ушинского «Детский мир», что ее целесообразно воспроизвести здесь.

Автор пишет: «Вслед за букварями идут в Англии книги, служащие для дальнейшего упражнения детей в чтении. Эти выпуски, состоящие из нескольких (от 5 до 7) томов, отвечая разным чертам детского возраста, постепенно возрастают и объемом и серьезностью своего содержания; формат их мал и очень удобен для подручной книги; продаются они дешево, томиками, так что для школьника необременительно одну часть сменить потом другой; для того же, который поступает в школу на короткое время, не предстоит надобности для одной или двух книжек покупать целое издание. Эти детские сборники во множестве и разнообразии следуют в Англии в школах и в книжной торговле за букварями... ... Между книгами, таким образом распространенными, держится очень много старинных, которых содержание, надо сказать правду, большей частью далеко ниже самой их идеи и их внешних достоинств.

«В последние годы труды Лаури восполнили этот недостаток. Этот замечательный педагог издал два детских сборника, один в 1859 г. (Graduated Series of Reading Lesson Books) в пяти частях, другой в 1863 г. (The Standard Series of Cheap Reading Books

for Elementary Schools, by I. C. Laurie, London) в шести томах (первый том имеет 60 стр., последний 320). Каждая часть последнего сборника имеет заглавную картинку и в конце школьную песенку, положенную на ноты. Этот последний сборник в один год имел два издания, и мы считаем здесь небесполезным познакомить читателя с кратким содержанием его каждой части.

«Первый том содержит в себе рассказы, маленькие сказочки, поучительные отрывки, самые простые описания природы, краткостишия, небольшие стихотворения. Отдельные, трудные для произношения или понимания слова напечатаны в этом томе большими буквами, впереди статей, в которые входят.

«Второй том, Stories of Children, содержит несколько бо́льшие детские повести и легчайшие стихотворения, помещенные все еще с той одной целью, чтобы больше развить в детях охоту и любовь к чтению.

«Третий том, Stories of Animals, содержащий в себе описание животных, при коих научная терминология и все, тому подобное, устранено, имеет целью пробудить в детях наблюдательные способности и вместе с тем развить в них в известной степени симпатию к неразумному животному творению.

«Четвертый том, Fables and Parables, представляет собрание избранных басен и притч, собранных исключительно с нравственной целью и вызывающих к живому размышлению. Мораль в конце басен и притч опущена; навести детей на то, чтобы они сами находили эту мораль, предоставляется учителю. Вместо заглавия или обозрения отдельных статеек, служат большей частью пословицы соответственно содержанию статей, — частью для того, чтобы познакомить детей с пословицами, частью же для того, чтобы дать им живейшие поводы к размышлению.

«Пятый том, Poetry and Adventure, знакомит детей с поэзией, большей частью лирической, поскольку она доступна более созревшим детям школьного возраста. В другой половине тома содержатся прозаические описания путешествий с наиболее интересными сведениями из географии и естественной истории.

«Последний, шестой, том, Descriptive Sketches, содержит описания по части землеведения и естественной истории, биографии и несколько статей по отделу важнейших практических и общеполезных сведений, насколько те и другие касаются быта низших классов. В этом же томе помещены отрывки из лучших английских писателей и, наконец, отрывки различного содержания из газет, чтобы приготовить детей к этого рода чтению.

«Итак, каждой части сборника Лаури предназначена определенная, особая задача; все же они вместе, помощью простого чтения, разрабатывают мыслящие способности школьника последовательно и с достаточной многосторонностью. Составитель с верным тактом черпал свои материалы из богатых источников

английской литературы и из других литератур, например, из немецкой детской литературы. Немалая, впрочем, часть статей принадлежит и его собственному перу» («Современная летопись», 1866 г., № 15, стр. 7—8).

Из обзора содержания книги Лаури, весьма высоко оцененной «Современной летописью» и поставленной в образец русским составителям книг для чтения, легко видеть, что она только в общем замысле совпадает с книгой Ушинского «Детский мир». Однакоже по структуре и по содержанию книга Ушинского значительно отличается от книги Лаури. В то время как английские и европейские педагоги строили свои книги из расчета на 6 лет обучения в начальной школе, в русских школах можно было рассчитывать максимум на 3—4 года обучения. В частности, книга Ушинского «Детский мир», предназначенная для начальных классов средней школы, рассчитана всего на два года. Независимо от этого, книга Лаури распределяет самый разнообразный эмпирический материал на 6 лет обучения и чужда того стремления к научной обработке материала, которое составляет отличительную особенность книги Ушинского. В связи с этим понятно, почему «Современная летопись» так настойчиво рекомендовала составителям русских книг для чтения взять за образец учебную книгу Лаури: внешне эффектная, эта книга в методическом отношении была, конечно, ниже книги Ушинского.

25. Методические разработки материалов «Детского мира» Д. Д. Семенова («Журнал Министерства народного просвещения», 1862 г., № 4, «Педагогический сборник», 1864 г., № 1; 1865 г., № 4, 6). Методические разработки статей «Детского мира», данные Семеновым, имеют такое близкое отношение к замыслу Ушинского и выполнены в таком близком контакте с автором «Детского мира», что без них было бы трудно понять, как в действительности мыслил К. Д. Ушинский практическую работу по русскому языку в связи со статьями, собранными им в «Детском мире». Практические уроки, разработанные Семеновым, должны были составить органическую часть задуманного Ушинским методического руководства. Попытку оформить результаты своих занятий Семенов сделал в печати дважды: в 1862 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» он подвел итог своей годичной работе по книге «Детский мир» и набросал подробный план этой работы; в 1864 г. в журнале «Педагогический сборник» он начал систематически публиковать свои практические уроки, причем часть этих уроков была посвящена разработке естественно-научных статей «Детского мира», а часть — специальным урокам русского языка, примыкающим к статьям «Детского мира». Эти уроки и воспроизводятся в 4-й части настоящего тома как органическая составная часть задуманного Ушинским методического руководства.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методические разработки материалов «Детского мира», составленные Д. Д. Семеновым

Приложения

Редактор *Н. А. Сундуков.*

Переплет, титул и заставки
худ. *Я. Д. Егорова*

Художественный редактор *Г. З. Гинзбург*

Технический редактор *В. П. Гарнек*

Текст сочинений К. Д. Ушинского сверен *К. С. Мокринской.*

А03343. Подписано к печати 20/IV 1949 г. Уч.-изд. л. 27,82, Печ. л. 37.
Тираж 25 000 экз. Формат 82×108/32. Цена 15 р. Заказ № 62.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28